

V. I. Vernadsky
Crimean Federal University
Byzantine Crimea Laboratory

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»

IMPERIUM ET BARBARICUM:

INTERACTION
OF CIVILIZATIONS

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

PAPERS COLLECTED IN HONOUR
OF MICHEL KAZANSKI'S
70TH BIRTHDAY

СБОРНИК СТАТЕЙ
В ЧЕСТЬ 70-ЛЕТИЯ
МИХАИЛА КАЗАНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА
Симферополь
Simferopol
2023

УДК 94(37)08
ББК 63.3(4)
I 56

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по мегагранту № 075-15-2022-1119 «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму»

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(протокол № 2 от 14.03.2023)*

Серия основана в 2023 году

Ответственные редакторы:

А. И. Айбабин, доктор исторических наук
Э. А. Хайрединова, кандидат исторических наук

Координатор издания:

С. И. Власова

Перевод на английский:

Н. И. Храпунов

Рецензенты:

А. М. Обломский, доктор исторических наук
В. П. Степаненко, доктор исторических наук

Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций : сборник
I 56 статей в честь 70-летия Михаила Казанского / отв. ред.: А. И. Айбабин,
Э. А. Хайрединова. — Симферополь : ООО «Антиква», 2023. — 304 с. —
(Византийский Крым).

ISBN 978-5-6049647-3-6

В сборнике представлены статьи и материалы, подготовленные авторами к Международной научной конференции «Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций», посвящённой 70-летию Михаила Казанского и прошедшей 29 мая — 2 июня 2023 года в Симферополе. В статьях рассмотрены различные аспекты взаимоотношений варваров и Восточной Римской империи.

Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations : Papers Collected
in Honour of Michel Kazanski's 70th Birthday / edited by Aleksandr Aibabin,
El'zara Khairedinova. — Simferopol : Antikva Ltd, 2023. — 304 p. — (The
Byzantine Crimea).

ISBN 978-5-6049647-3-6

This book comprises of the papers and materials prepared by the authors for the International Scholarly Conference *Imperium et Barbaricum: The Interaction of Civilizations*, dedicated to Michel Kazanski's 70th birthday and conducted on May 29 — June 2, 2023 in Simferopol. These papers address various aspects of the interactions of the barbarians and the Eastern Roman Empire.

В оформлении обложки использованы
фото А. В. Мاستыковой

УДК 94(37)08
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-6049647-3-6

© Авторы статей, текст, фото, 2023
© Оформление (оригинал-макет).
ООО «Антиква», 2023

МИХАИЛУ КАЗАНСКОМУ – 70 ЛЕТ

Известному французскому археологу, заслуженному ведущему научному сотруднику¹ Национального центра научных исследований² Михаилу Михайловичу Казанскому 24 марта 2023 года исполнилось 70 лет.

Археологическое образование Юбилар получил на лучшей в те годы в СССР кафедре археологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, которую он закончил в 1975 году. Ему, так же как и одному из авторов, преподавали выдающиеся профессионалы Борис Борисович Пиотровский, Михаил Петрович Грязнов, Абрам Давыдович Столяр, Вадим Михайлович Массон, Яков Абрамович Шер, Павел Маркович Долуханов, Лев Самойлович Клейн и другие. В 1975 году его приняли на должность стажера-исследователя в славяно-финский отдел Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА), поскольку он оказался единственным выпускником кафедры, занимавшимся ранними славянами. Его научным куратором стал высококвалифицированный специалист по археологии восточных славян, научный сотрудник ЛОИА Евгений Алексеевич Горюнов.

В 1981 году Михаил по семейным обстоятельствам переехал в Париж, где после подтверждения своего диплома в 1982 г. в Университете Париж I-Сорбонна-Пантеон³ преподавал в лицее Жансон де Сайи⁴ и учился в докторантуре в университете Париж-Сорбонна 1. Его научными руководителями были выдающиеся французские византинисты, профессора Жан-Пьер Содини и Элен Арвейлер. Михаил писал диссертацию по теме «Готы в гуннское время: финальная фаза черняховской культуры». Готская тематика интересовала французов и позволяла Михаилу в полной мере применить полученные в Ленинграде знания. В 1986 г. М. Казанский успешно защитил Doctorat «nouvelle formule» de l'Université de Paris I, что соответствовало степени кандидата исторических наук. Научные результаты диссертации отражены в первой французской монографии Михаила⁵.

В 1988 году М. Казанский прошел по конкурсу на должность научного сотрудника CNRS. С присущими ему энергией и аналитическими способностями Михаил работал в

¹ Directeur de Recherche 2-eme classe émérite.

² CNRS, UMR 8167.

³ L'Université de Paris I.

⁴ Lycée Janson de Sailly.

⁵ Kazanski M. Les Goths (Ier-VIIIe s. ap. J.C.). Paris: Errance, 1991.

Лаборатории CNRS при Музее национальных древностей (URA 880 - ERS 152 - ER 541), где с 1995 по 1998 год был заместителем и исполняющим обязанности директора, а затем – в Лаборатории CNRS «Восток и Средиземноморье» при Коллеж де Франс (сейчас UMR 8167).

В 1989, 2009 и 2010 гг. М. Казанский по предложению профессора Ж.-П. Содини принял участие в раскопках в Северной Сирии, в монастыре Св. Симеона Столпника, важном религиозном и экономическом центре V–VI вв. Византийской империи. Руководитель раскопок предложил Михаилу изучение ближневосточных металлических изделий римского и раннесредневекового времени из Сирии и Йемена. Анализ йеменских материалов вошел в коллективную монографию, вышедшую в 1993 г., а материалы из сирийских раскопок 1989 г. были опубликованы в виде отдельной монографии в 2003 г.

В 1998–1999 гг. вместе с группой археологов Института археологии РАН и при участии английских коллег участвовал в спасательных раскопках меровингского некрополя Лонгруа в Верхней Нормандии.

С 1987 г. Михаил Казанский – член Французской ассоциации меровингской археологии. Совместно с французскими коллегами из ассоциации он участвовал в организации нескольких международных коллоквиумов. Наибольшую известность получили «Римская армия и варвары, III–VII вв.» (1990 г.), «Римская знать и варварские вожди, III–VII вв.» (1992 г.), «Варварские королевства в эпоху Хильдерика и Хлодвига» (1997 г.), в которых приняли участие специалисты из ведущих европейских, российских, крымских и украинских научно-исследовательских центров.

В 2004 г. Михаил Казанский успешно защитил в Университете Париж I-Сорбонна-Пантеон хабилитационную диссертацию (соответствует степени доктора исторических наук) по теме «Межкультурные контакты в Европе в эпоху Великого переселения народов и формирование европейской раннесредневековой цивилизации»⁶.

Поражает работоспособность Юбиляра, являющегося автором 13 монографий (4 самостоятельных, 9 – в соавторстве), 414 статей (из которых 201 – в соавторстве). Он участвует в работе 15 редколлежий тематических научных сборников и 15 редакционных советов международных журналов, альманахов и серий (Италия, Нидерланды, Россия, Франция), из которых 3 – индексируются в международной базе Web of Science Core Collection.

Михаил Казанский, благодаря великолепному знанию русскоязычной археологической литературы и советскому высшему специальному образованию, внес большой вклад в интеграцию публикаций, а значит и результатов исследований, советских и российских археологов как во французскую, так и европейскую археологическую и историческую науку.

Особенно хочется отметить наше многолетнее плодотворное сотрудничество. В конце 1970 г. Евгений Алексеевич Горюнов попросил А. И. Айбабина определить ну очень мелкие фрагменты амфор из раскопок на Левом берегу Днепра. Ему помогал молодой стажер-исследователь Миша Казанский. Выяснилось, что научные интересы во многом совпадали и общение продолжилось во время регулярных длительных приездов Александра Ильича из Крыма в Ленинград. После отъезда Михаила в Париж наладилась почтовая переписка. Его интересовала информация о новых раскопках на готто-аланских могильниках на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен и в Лучистом, выходящая в Крыму новая литература. В письмах обсуждались проблемы хронологии и типологии поясных наборов, фибул и другие научные проблемы. Коммуникация с Мишей позволяла обойти официальные препоны для международной научной кооперации. В первой половине 1980-х гг. в разгар идеологического застоя международные научные контакты молодых гуманитариев, не занимавшихся «идеологически важными науками», были затруднены, а во многих случаях запрещались. Молодые крымские археологи освоили общение с зарубежными коллегами по почте. Например, А. И. Айбабину удалось регулярно обмениваться мнениями и научной литературой с видными европейскими археологами и историками, профессорами Белградского университета Георгием Александровичем Острогорским (George Ostrogorsky) и Мюнхенского университета Иохимом Вер-

⁶ Les contacts interculturels en Europe à l'époque des Grandes Migrations (Ive – VIIe siècles) et la formation de la civilisation européenne du Haut Moyen Age.

А. И. Айбабин и М. М. Казанский в полях Нормандии
в поисках могилы Эранской принцессы. Август 1994 г.

А. Г. Герцен, М. М. Казанский и К. Пиле —
"в плену" нормандских раскопов.
Нижняя Нормандия. Лето 1995 г.

М. М. Казанский и Э. А. Хайрединова
в поисках сокровищ на могильнике у с. Лучистое.
Лето 1997 г.

нером (Joachim Werner), учеником М. И. Артамонова профессором Будапештского университета Иштваном Эрдели (Erdélyi István), преподавателем Загребского университета Зденко Вински (Zdenko Vinski), известным канадским и английским археологом Джоном Уокером Хейсом (John W. Hayes) и другими. Как и в случае с Михаилом, обмен информацией и литературой был полезен для всех сторон. Мы отправляли свои публикации и книги коллег, а взамен получали новые недоступные зарубежные издания. В трудах европейских коллег появились ссылки на русскоязычные археологические публикации, которые официально не отправляли за рубеж. В конце «перестройки» в 1991 г. Михаил прислал Александру Айбабину первое приглашение в Париж на международный симпозиум «Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens (Инструменты и мастерские ювелиров в древности)», который проходил в Сен-Жермен-ан-Ле (Saint-Germain-en-Laye), в Национальном музее древностей. Поскольку до начала «перестройки» А. И. Айбабин с 1972 г. находился в списке «невъездных» за границу, то первая поездка, да еще и сразу в Париж для участия в симпозиуме ювелиров и историков ювелирного ремесла, произвела неизгладимые впечатления. Заседания проходили в музее, основанном первым французским историком крымских готтов бароном Жозефом де Байем (Joseph de Baye). Символично, что в те годы в музее находилось бюро современного историка крымских готтов Мишеля Казанского. Он показал Александру Айбабину хранящиеся в музее коллекции из Крыма и ознакомил с другими музеями Парижа. На симпозиуме А. И. Айбабин познакомился с британцами Кирилом и Марией Манго (Cyril Mango) и другими известными византинистами. Вскоре последовали приглашения на международные colloquia Французской ассоциации меровингской археологии. На одном из них – «Римская знать и варварские вожди, III–VII вв. – La noblesse romaine et les chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle», в 1992 г. А. И. Айбабин впервые встретил известных европейских археологов Кристиана Пиле, Ярослава Тейрала, Казимежа Годловского, Дафида Кидда и других. Михаил представил крымского археолога директорам двух археологических лабораторий CNRS Кристиану Пиле – в Нормандии и Жану-Полю Гийоме (Jean-Paul Guillaumet – UMR 5594) – в Бургундии. Ж.-П. Гийоме пригласил Мишеля и Александра в гости на раскопки описанного Юлием Цезарем галльского оппидума Бибракта (Vibracte), который оба с удовольствием через несколько месяцев посетили. Однако от предложения принять участие в раскопках пришлось отказаться. Кристиан Пиле предложил первый крупный многолетний международный проект с только что организованным Крымским отделением Института востоковедения (КОИВ), возглавляемым А. И. Айбабиным.

В тот год Кристиан Пиле подготовил к экспонированию в Музее Нормандии находки из разрушенного в 1876 г. в коммуне Эран в Нижней Нормандии богатого женского захоронения эпохи Великого переселения народов. Он заинтересовался сходством вещей первой половины V в. из Эрانا и Крыма и предложил А. И. Айбабину подготовить совместный международный проект Центра средневековых археологических исследований (CRAM) и КОИВ «Варвары на границах Империи». Активное участие в практической организации проекта принял Михаил Казанский.

В 1994–1996 гг. впервые группа сотрудников КОИВ и аспирантов Симферопольского университета (А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, И. Н. Храпунов, В. А. Сидоренко, В. П. Власов, С. А. Завадский, С. А. Мульд, В. Е. Науменко, Э. А. Хайрединова и Д. А. Шалыга) вместе с Кристианом Пиле, Михаилом Казанским и другими французскими коллегами проводила разведки с целью выяснения местонахождения некрополя эпохи Великого переселения народов в Нижней Нормандии близ села Эран (коммуна Мульд) и исследовала в Крыму могильник конца IV – XIII вв. у села Лучистое (Алуштинского горсовета). В Нормандии мы открыли первое поселение эпохи бронзы и римское сооружение. Поистине сенсационное открытие произошло в Лучистом. В присутствии Кристиана зачистили женское захоронение с украшениями, идентичными найденным в Эрানে. В 1997 г. по материалам этих раскопок была проведена выставка «Археология Черного моря. Крым в эпоху Великого переселения народов в IV–VIII вв.», вызвавшая большой интерес у специалистов и широкой публики.

Михаил Казанский стал настоящей «душой» этого проекта. Помимо археологической работы, на плечи Михаила легли непростые обязанности переводчика, за

В. П. Власов, С. А. Завадский,
К. Цукерман и М. М. Казанский.
Алушта, октябрь 1994 г.

Атланты держат небо...
А. Г. Герцен, М. Сансильбано-Колиллье,
М. Казанский и Л. Буше. Мангуп, 1996 г.

А. И. Айбабин, Ж. -К. Шене, М. Казанский, Н. Икономидис и Ж. Дагрон.
Экскурсия на Эски-Кермен, лето 1997 г.

которые А. Г. Герцен в одном из тостов на совместном застолье шуточно сравнил его с «мостом, объединяющим французские и крымские берега». Для всех нас, тогда впервые выехавших на «далекий капиталистический Запад», Михаил стал настоящим проводником, путеводителем в известный ранее лишь по «Клубу кинопутешественников» мир. Он терпеливо объяснял премудрости французской жизни: нюансы этикета, особенности кухни, как пользоваться метро, в каких магазинах покупать продукты и, естественно, различные напитки. Миша стал для нас своеобразным «окном» в Париж, открыв не только традиционные туристические места, но и достопримечательности, не входившие в стандартный набор для посетителей. Он показал нам дворик, где был убит Генрих IV, для которого Париж «стоил мессы», дал возможность постоять у могилы Алексея Алехина, а поход во двор Сорбонны позволил потом на Родине хвастаться визитом в старейший университет Европы.

В 1994–1996 гг. по рекомендации русскоязычных сотрудников Михаила Казанского и Константина Цукермана «Центр истории и цивилизации Византии – Centre de recherche d'histoire et de civilisation byzantines» CNRS и Collège de France предоставил А. И. Айбабину возможность работать на должности *maîtres de conférences* (соответствует доценту). Крымскому ученому были созданы все условия для написания книги «Этническая история ранневизантийского Крыма». Без поддержки директора центра профессора Ж. Дагрона и его коллег, А. И. Айбабину не удалось бы написать эту книгу. С благодарностью вспоминает Александр дружеское общение с Мишей, его помощь и практические советы, помогавшие преодолеть множество бытовых проблем.

В 1994 г. Михаил Казанский впервые участвовал в организованной КОИВ в г. Алуште крупной международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)». На заседаниях выступили с докладами более 80 ученых из научных институтов, университетов и музеев России, Украины, Германии, Болгарии, Польши, США и Франции. Михаил участвовал и в организованной КОИВ в 1997 г. в г. Севастополе конференции «Византия и Крым». Историки, филологи, археологи, сфрагисты и нумизматы из Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Польши, России, Украины и Франции в Херсонесе Таврическом, в экспозиционных залах средневекового отдела обсуждали византийское присутствие в Крыму и Северном Причерноморье. М. Казанский продолжил активно работать в оргкомитетах и на заседаниях конференций «Боспорские чтения» и «Херсонос Фемата», проводимых КОИВ, а после возвращения Крыма в Россию – Научно-исследовательским центром по истории и археологии Крыма (НИЦ ИАК). Мы ценим и сотрудничество Михаила с редколлекцией нашего ежегодного журнала «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии» и его опубликованные статьи.

Мы признательны доктору Михаилу Михайловичу Казанскому за согласие возглавить в качестве ведущего ученого наш новый большой исследовательский проект «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», запланированный на 2022–2024 гг., финансируемый Министерством науки и высшего образования РФ. Михаил возглавил созданную в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского лабораторию «Византийский Крым». В октябре 2022 г. в лаборатории он организовал семинар «Этническая история византийского Крыма», на котором им вместе с ведущими исследователями прочитан курс лекций по тематике проекта для студентов, аспирантов и молодых ученых.

Юбиляр продолжает удивлять нас своей колоссальной работоспособностью и заражает кипучей энергией. Михаил – неутомимый веселый рассказчик, жизнелюб, человек широкой души, настоящий Друг. Он не только большой Ученый, но и заботливый отец, а с недавних времен – еще и любящий нежный дед.

От имени коллег и друзей горячо поздравляем Михаила Михайловича с юбилеем и желаем здоровья, творческого долголетия, научного вдохновения и дальнейших успехов в его плодотворной деятельности!

**Александр Айбабин,
Эльзара Хайрединова**

Михаил — великолепный докладчик. Отстаивая свою точку зрения, он оперирует неопровержимыми и весомыми аргументами.

А. И. Айбабин, А. В. Мастыкова и М. Казанский. Симферополь, апрель 2022 г.
Анна — верный, надёжный друг, который всегда рядом, всегда поможет советом и подскажет правильное решение.

Наш Юбилар всегда в движении. Он не останавливается на достигнутом и готов к новым открытиям. Так держать, Михаил!

БОСПОР И ВАРВАРЫ

МЕСТО БОСПОРСКИХ ЦАРЕЙ В АНТИТЕЗЕ «ЭЛЛИНЫ – ВАРВАРЫ» ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Подосинов А. В.

*Институт всеобщей истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: podossinov@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются представления античных авторов о месте Боспорского царства в системе «эллины – варвары». Изначально греческое в этническом, языковом, культурном отношении государство, но управляемое монархом (тираном, династом, правителем, царем), вызывало неоднозначное отношение к себе со стороны эллинов исконной Греции. Анализ античной литературной традиции показывает, что эллины Боспора занимали в представлениях эллинов Греции некую промежуточную позицию в дихотомии «эллины – варвары». Причиной были, по-видимому, необычная для греков форма правления (тирания) и близость к варварскому хинтерланду, оказывающему свое «варваризирующее» влияние.

Ключевые слова: Боспорское царство, боспорские цари, античная литературная традиция, Демосфен, Страбон, Дион Хрисостом, тирания, эллины, варвары.

В рамках общей темы конференции «Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций» представляется интересным проследить сложные взаимоотношения греко-римской цивилизации с таким государственным образованием, которое представляло собой Боспорское царство. С одной стороны, Боспорское царство, возникшее на берегах Керченского пролива в V в. до н.э. – это результат греческой колонизации Северного Причерноморья, часть эллинского «цивилизованного» мира, состоящая из городов, объединившихся (или объединенных) в один государственный организм, с другой – Боспорское царство в своей монархической форме, да еще находящееся на краю ойкумены и в тесной связи с варварской периферией, вызывало, по-видимому, некоторый когнитивный диссонанс у античных авторов, писавших о Боспоре.

Попытаемся проследить, насколько это возможно, отношение античной литературной традиции к местной боспорской «цивилизации». Сразу должен сказать, что таких сведений очень мало, греков Греции больше интересовали варварские народы Северного Причерноморья, чем местные греки Понта.

Что Боспорское царство и его города – эллинские, в противовес «варварскому» окружению, известно всем античным и средневековым авторам от Псевдо-Скилака (v. 68: «В Таврической земле живут эллины... Затем опять живут скифы, в земле которых следующие эллинские города: Февдосия, Китяя и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий»; 72: «города в Синдике эллинские следующие: город Фанагора, Кепы, Синдская гавань, Патус») до Иордана (Get. 30: «С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она

охвачена небезызвестными городами; это – Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмикий и Трапезунта, основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем чтобы греки поддерживали с ними торговлю»; перев. Е. Ч. Скржинской).

Боспорские греки изгнали, по мнению Страбона, с этой территории скифов (см. XI, 2, 5: «*Киммерийцы некогда приобрели большую силу на Боспоре, поэтому и Боспор был назван “Киммерийским”... Их изгнали из этих мест скифы, а скифов – эллины, основавшие Пантикапей и другие города на Боспоре*»). Местные греки часто находятся в антагонизме с варварами, постоянно дают им отпор, как это свойственно грекам во всех частях ойкумены по мере распространения греческой цивилизации в ходе Великой греческой колонизации. Известны слова Исократа об этом антагонизме, произнесенные им в знаменитом панегирике (IV, Paneg. 67): «*Самые способные к власти и обладающие наибольшим могуществом народы – скифы, фракийцы и персы; все они оказываются злоумышленниками против нас, и государство наше со всеми ими боролось...*». Демосфен в речи «Против Формиона» (произнесена ок. 328 г. до н.э.) сообщает о войне, которая случилась у боспорского царя Перисада со скифским царем. Тот же Страбон упоминает такой боевой эпизод из жизни боспорских греков (Strabo II, 1, 16): «*А лед у них в устье озера Меотиды таков, что в месте, где зимой стратег Митридата, сражаясь конным на льду, победил варваров, летом, после того как лед растаял, он одержал над ними победу в морской битве*» (см. о том же эпизоде VII, 2, 18). Хорошо известен также конфликт крымских скифов и греческого Херсонеса, вылившийся в открытые военные действия в конце II в. до н.э. Археологи часто связывают строительство укреплений, следы пожаров и разрушения в греческих городах Боспора в VI–V вв. до н.э. и прекращение в это же время жизни большей части сельских поселений Нижнего Побужья и Приднестровья со скифской военной угрозой вследствие прихода сюда новых волн скифских кочевников. Боспорские надписи свидетельствуют о военных действиях боспорских царей Аспурга, Савромата I, Котиса II, Савромата II в I–II вв. н.э. против скифов (КБН 32, 33, 39, 40, 1237).

Таким образом, противостояние боспорских греков и местных варваров являлось типичной чертой общегреческого антагонизма «эллины – варвары».

Что же касается культурной жизни греческих жителей столицы Боспорского царства Панти-

капея, то она была весьма интенсивной и насыщенной. Археологический и эпиграфический материалы фиксируют существование здесь гимнасия и театра, в Керчи и других городах Боспорского царства было найдено множество предметов, относящихся к театральной жизни (маски, входные билеты, театральные кресла, терракотовые статуэтки актеров, изображения музыкантов в склепах, фрагменты лир и флейт и т.д.). О высоком культурном уровне жителей Пантикапея свидетельствуют стихотворные (посвятительные и погребальные) надписи, найденные в Пантикапее (см., например, КБН 113–151). Жители Пантикапея живо интересовались философией. Сфер Боспорянин был известным в Греции философом и политическим советником спартанского царя Клеомена (Diogen. Laert. 7. 6; Plutarch. Kleomen. 2; 11). Известна погребальная надпись в честь местного философа Гекатея (КБН 121). Установлено также, что историческим произведением безвестного боспорского историка воспользовался Диодор, в подробностях описавший борьбу за власть сыновей Перисада I и царствование Эвмела. В римское время в Пантикапее давались гладиаторские представления. Все эти факты свидетельствуют о значительном уровне развития местной боспорской культуры, которая практически ничем не отличалась от общегреческой.

Сенсационными выглядят сообщения античных авторов о посещении в IV в. до н.э. Боспорского царства известнейшими греческими кифаредами (исполнителями своих песен) Аристонином из Олинфа и Стратонином из Афин, прибывшими сюда с гастролями [подробнее см.: Подосинов, 2009. С. 89–92].

По словам Полизна (Polyaen. V, 44, 1), кифаред Аристоник, более всего пользовавшийся тогда славой среди эллинов, приплыв на Боспор, посетил несколько боспорских городов и выступал перед их жителями, собиравшимися в своих театрах. Имя Аристоника должно было быть хорошо известным в Боспорском царстве, коль скоро ожидалось, что на концерты «звезды» будет сходиться все городское население.

Во время своих многочисленных гастролей по всему миру знаменитый острослов и кифарист Стратоник (Athen. Deipnosoph. 347f–352d) также посетил Пантикапей и был хорошо принят правителем Боспора Перисадом I (344/3–311/0 г. до н.э.). Поэт Махон Сикионский написал в середине III в. до н.э. стихи о Стратонике, которые были сохранены Афинеем (Ibidem. 349 d): «*Стратоник-кифарист немало времени / Провел на Понте у царя понтийского, / Берисада, а как засобирався он / В Элладу,*

то узнал, что вряд ли выпустят. / Тогда, как говорят, воскликнул кифарист: / Так ты, Берисад, значит здесь останешься?» (перев. Н. Т. Голинкевича, под ред. М. Л. Гаспарова).

Если учесть, что, по словам Афиней, Стратоник выступал с гастролями в Миласе в Карию, в Пелле в Македонии, в Абдерах во Фракии, в Коринфе, в Эфесе, в Саламине на Кипре, в Византии, на Родосе, в Памфилии, в Олимпии, во Фракии, в Понте, в Гераклее, в Кирене, в Эпире, в Сикионе и во многих других городах Эллады и окрестных стран, и везде его пение и личность вызывали большой интерес, то приезд его на Боспор должен означать, что это был не такой уж медвежий угол, как представляется многим исследователям. Более того, в боспорских городах имелись достаточные условия (в частности, театры) для выступлений «суперзвезд» эллинской «эстрады», о чем свидетельствуют как археологические, так и дополняющие их письменные источники.

Для нашей темы важно отметить, что в стихах Махона речь идет о пребывании кифареда у «понтийского царя (εἰς τὸν Πόντον ὄντα βασιλέα)», т.е. отмечается тираническая форма правления страной, в которую прибыл Стратоник. Очевидно, что следствием деспотической формы правления на Боспоре было нежелание царя отпускать Стратоника на родину (можно говорить о запрете на выезд из страны – ὡς δ' αὐτὸν ὡς ἔοικεν οὐ προσίετο). Знаменателен также дерзкий ответ Стратоника, с одной стороны, не сомневающегося в своем праве на свободу, с другой – осознающего низкое качество жизни на северной окраине ойкумены (Σὺ γὰρ διανοεῖ, φησί, αὐτοῦ καταμένειν;). Таким образом, вырисовывается образ тирана, осмеиваемый Стратоником и, очевидно, странный для «настоящего» грека, приехавшего из метрополии.

В этом эпизоде отразилась, на наш взгляд, вторая сторона отношения греков Греции к грекам Боспора – последними правили цари.

Заметим, что Страбон редко называет боспорских правителей именно царями (βασιλεῖς); они у него или династы (δυνασταί), или тираны (τύραννοι), или гегемоны (ἡγεμόνες), или владыки (κύριοι). Так, в VII, 4, 4 сообщается: «*Это (Пантикапей) колония милетян. Долгое время город и все окрестные поселения вокруг устья Меотиды с обеих сторон [пролива] управлялись единолично (ἐμοναρχεῖτο) династами (ὑπὸ δυναστῶν) из рода Левкона, Сатиры и Перисада до тех пор, пока Перисад не передал власть Митридату. Их называли тиранами (τύραννοι)*». В XI, 2, 11 боспорские цари Фарнак, Асандр и Полемон названы «гегемонами боспорян» (οἱ τῶν Βοσπορανῶν ἡγεμόνες). В VII, 4, 3 мы встречаем «*владыку Боспора*»

(Βοσπόρου κύριος ο Μιτρίδατε Εὐπατορε) и «*династов Боспора*» (τοῦ Βοσπόρου δυνασταί). Впрочем, в VII, 3, 8 Страбон говорит «*о Левконе и других боспорских царях того времени*» (περὶ τῶν τοῦ Βοσπόρου βασιλέων τῶν περὶ Λεύκωνα), цитируя, правда, при этом Хрисиппа; в VII, 2, 11 «*царем*» (ὁ βασιλεύς) назван Полемон, в XIII, 4, 3 – Фарнак, а в VII, 4, 7 Страбон сообщает, что теперь (νῦν) весь Крым (или его часть от Херсонеса до Пантикапея) «*находится под властью царей боспорян, которых ставят римляне*» (ὑπὸ τοῖς τῶν Βοσπορανῶν βασιλεῦσιν, οὓς ἂν Ῥωμαῖοι καταστήσωσιν).

Описывая ранний Боспор и его правителей Левкона, Сатира, Перисада, Страбон упоминает о Милете как метрополии Пантикапея, поэтому царская власть в греческом городе выглядела неуместной, и эти правители названы «династами» и «тиранами», в римское же время после царя Митридата Евпатора боспорских царей из его «царской» династии «римляне ставили» именно как царей, т.е. современных Страбону правителей (например, Полемона) он мог уже именовать «царями» (подробнее о характере власти на Боспоре см.: Завойкин, 2014. С. 21–39).

Отдавая, вероятно, дань отрицательному отношению к тирании, Страбон, упомянув боспорских «тиранов» Левкона, Сатира и Перисада (см. выше VII, 4, 4), после фразы с довольно пейоративным оттенком «*Их называли тиранами*» добавляет: «*хотя большинство их, начиная с Перисада и Левкона, были достойными людьми*». Во времена Страбона, когда многие провинции и клиентские государства, подчиненные римлянам, управлялись местными царями (династами, тиранами, а в самом Риме и принцепсом), положительные качества правителей как бы могли перевешивать их тираническую сущность.

Впрочем, отношение греков метрополии, в особенности афинян, к боспорским царям с самого начала было весьма положительным, не в малой степени из-за огромного количества хлеба, поставлявшегося Боспором в Афины. В одной из речей Исократ («Против Пасиона», XVII. Тгар., 394 г. до н.э.) рассказывается о дружбе и тесном сотрудничестве отца истца Сопея с боспорским царем Сатиром I (407/6 – 388/7 гг. до н.э.), который даже женил своего сына на дочери Сопея. В конце речи истец говорит (57): «*Стоит также вспомнить и о Сатире и моем отце, которые постоянно ставят вас выше всех эллинов и уже часто, при недостатке хлеба, отсылали пустыми суда прочих купцов, а вам предоставляли вывоз; и в ваших частных коммерческих делах, которые им приходится разбирать, вы получаете не только должное,*

но даже и больше» (перев. В. В. Латышева). Речи и других афинских ораторов IV в. до н.э. также свидетельствуют о таком отношении к боспорским царям. Так, например, Демосфен в «Речи против Лептина о беспощинности» так отзывается о боспорском царе Левконе I (387–347 г. до н.э.) (XX, 30): *«По происхождению Левкон, конечно, чужеземец, но по вашему постановлению – афинский гражданин... Он постоянно оказывает вам благодеяния, и притом такие, которые наиболее нужны нашему городу...»* (перев. И. П. Цветаева). По свидетельству оратора Динарха («Против Демосфена», 43), Демосфен предложил поставить в Афинах бронзовые статуи боспорских тиранов (ἕκ τοῦ Πόντου τυράννου) Перисада, Сатира и Горгиппа.

Афинский почетный декрет в честь боспорского царя Спартока III, датируемый 284 г. до н.э. [см. его последнее издание: Хайнен, 1999. С. 158–169], предписывает поставить ему в Афинах две бронзовые статуи за поддержку Афин в трудные годы борьбы города с Деметрием Полиоркетом, одну на акрополе (где и были найдены фрагменты декрета), другую на агоре (стк. 40–41). При этом отмечается, что на агоре его статуя должна быть установлена рядом со статуями его предков, очевидно, поставленных там по инициативе Демосфена.

Кроме того, в декрете написано, что Спарток *«обещал также и в будущем оказывать афинскому народу поддержку, насколько это окажется возможным»* (стк. 24–26), а афиняне объявили себя готовыми *«всеми силами, на суше и на море, оказывать помощь Спартоку, если кто-нибудь вторгнется во владения его предков (ἐπί τῆν ἀρχὴν τῶν προγόνων αὐτοῦ) или самого Спартока»* (стк. 17–20). Замечу еще, что Спарток именуется в декрете царем (стк. 33 и 42: βασιλεύς), и это был первый правитель Боспора, принявший царский титул (см. его титулатуру в боспорских надписях – КБН 19, 20, 1043).

Текст декрета свидетельствует о том, что *«Спартокиды в коллективной памяти Афин и дальше продолжали играть особую роль как традиционные “кормильцы” города»* [Хайнен, 1999. С. 164].

С другой стороны, известен скандал, связанный со «скифским» происхождением самого Демосфена. Чтобы очернить его, враги (особенно оратор Эсхин) всю эксплуатацию истории его рождения. Дело в том, что дед Демосфена, афинянин Гилон, имевший какую-то властную функцию в боспорском городе Нимфее, был обвинен (возможно, ложно) в измене Афинам и бежал под покровительство боспорских царей (в разных источниках они называ-

ются то династами, то тиранами), которые дали ему «в кормление» другой боспорский город Кепы. Там Гилон женился на богатой скифянке, их дочь Клеобула, прибыв в Афины, вышла замуж за некоего Демосфена, и от этого брака и произошел наш знаменитый оратор – по словам Эсхина (III, 171), *«проньера и сикофант»* (ὁ περὶ ἐργὸς καὶ σικοφάντης). Другой аттический оратор Динарх в 324 г. до н.э. назвал Демосфена *«презренным негодяем и скифом»* («Против Демосфена», 15).

Не вдаваясь в подробности этой истории (существует большая литература, ей посвященная), отмечу только, с одной стороны, тесные связи афинян с Боспором, зафиксированные в этом сюжете, с другой – несколько враждебное отношение к боспорским владыкам и варварскому элементу местной боспорской жизни.

Говоря о боспорских правителях, Страбон иногда ставит их (возможно, неосознанно) на одну доску с царями «варварских» племен. Так, в VII, 3, 7–8 он пишет: *«Мы называем [скифов] весьма прямодушными, совершенно не склонными к коварству и более неприхотливыми и независимыми, чем мы... (VII, 3, 8) В самом деле, те, кто жил до нас и в особенности близко ко временам Гомера, и были такими, и воспринимались эллинами так, как описывал их Гомер. Посмотри, что говорит Геродот о скифском царе, с которым воевал Дарий, и о послании его [Дарию]. Посмотри, что говорит Хрисипп о Левконе и других боспорских царях того времени. И персидские письма полны той простоты, о которой я говорю, и рассказы египтян, вавилонян и индийцев».*

Здесь боспорские цари, хотя характеризуются в положительном контексте, приравниваются к скифам, скифскому царю и сопоставляются с такими «варварами», как персы, египтяне, вавилоняне и индийцы! Переход власти на Боспоре от династии Спартокидов к династии понтийского царя Митридата Евпатора, произошедший, по словам Страбона (VII, 4, 4), около 110 г. до н.э., вероятно, способствовал тому, что греческий Боспор мог восприниматься греками Эллады и римлянами как одно из полуварварских царств Востока, с которыми велись бесконечные и жестокие войны. Говоря о Митридате, упоминают обычно, что *«этот восточный деспот покровительствовал эллинам»*. Итак, теперь эллинское как будто государство Боспор управляется царями иранской династии, которые *«покровительствуют эллинам»!*

А вот что пишет Страбон в XVI, 2, 39: *«Почитали и прорицателей настолько, что считали их достойными царской власти, поскольку они доносят нам предсказания и повеления богов как при жизни, так и после смерти, как и*

Тиресий... Таковы Амфиарей, Трофоний, Орфей, Мусей и бог у гетов, в древности какой-то пифагорец Замолксис, в наше же время проприцающий у Биребисты Декайней, у боспорян – [это] Ахаикар, у индов – гимнософисты, у персов – маги и некроманты, а также так называемые леканоманты и гидроманты, у ассирийцев – халдеи, у римлян – тирренские астрологи. Таковы же были и Моисей и его преемники, взявшие не ложные начала и извратившие их к худшему».

Здесь также эллины – граждане Боспорского царства – стоят в ряду с варварскими гетами, индийцами, персами, ассирийцами, тирренцами и иудеями.

Таким образом, можно видеть, что Страбон в боспорских греках видит больше варварского, нежели эллинского. Напомню, что в античности существовала также традиция видеть в боспорских правителях Сатире I и Левконе I жестоких, коварных тиранов (см. Poliaen. VIII, 55; Athen. VI, 71 (257c)).

Греки, оказавшись в варварской среде, сами становятся в большой степени варварами – таков, очевидно, взгляд грека из Греции на греков из Понта, в том числе боспорских.

Замечательный пример самооценки понтийских греков представляют слова ольвийского гражданина, обращенные к Диону Хриостому, посетившему Ольвию в конце I в. до

н.э. (Dio Chrys. Or. XXXVI Borysth. II, 56. Dindorf): «...У нас твое прибытие к нам является как бы чудом: обыкновенно сюда приезжают эллины только по имени, а на деле варвары хуже нас, купцы и торгошники, привозящие дрянное тряпье и скверное вино и вывозящие наши товары ничуть не лучше этих» (перев. В. В. Латышева). Речь явно идет о понтийских греческих купцах. Дион, со своей стороны, отмечает также варваризацию греческого языка ольвиополитов: «Хотя они по-гречески говорят не совсем уже чисто благодаря тому, что живут среди варваров, но все-таки “Илиаду” почти все знают наизусть».

В свое время И. Е. Суриков, рассматривая проблемы боспорской истории с уточнением «Взгляд из Эллады», писал: «...Мы глубоко убеждены, что на Боспор нужно смотреть именно как на античное греческое государство, как на интегральную часть эллинского мира, развивавшуюся согласно общим, характерным для него тенденциям, – со всеми вытекающими отсюда последствиями» [Суриков, 2014. С. 77]. Думается, «взгляд из Эллады» на Боспорское царство дает не столь однозначную картину, иногда выказывая сомнения в истинном «эллинизме» понтийских греков. И тогда дихотомия «эллины – варвары» обогащается еще одним промежуточным звеном – «эллины Греции – греки Боспора – варвары».

Литература

- Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: от полиса к царству (Некоторые итоги и перспективы дискуссии) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. С. 18–56.
- Подосинов А. В. Великие греческие кифареды на гастролях в Пантикапее? // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 89–92.
- Суриков И. Е. Некоторые вопросы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («Взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. С. 76–122.
- Хайнен Х. Афинский почетный декрет в честь Спартока III (IG, II2, 653) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения / отв. ред. А. В. Подосинов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 158–169.

УЗУНЛАРСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ КАК ЭТНОКОНТАКТНАЯ ЗОНА ВОСТОЧНОГО КРЫМА В III В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э.¹

Ярцев С. В. *, Шушунова Е. В., Внуков А. А.

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула

* E-mail: s-yartsev@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено динамике развития Узунларской оборонительной линии, в качестве особой этноконтактной зоны Боспорского царства в III в. до н.э. – III в. н.э. По мнению авторов, концентрация различных этносов на данной территории определялась как военно-политическими целями боспорских правителей, так и наличием особых природных факторов в указанной части Восточного Крыма. При этом важность Узунларской оборонительной линии, защищающей царские земли – самое густонаселенное ядро Боспорского царства – сохранялась даже тогда, когда граница государства передвигалась далеко на запад от Керченского полуострова.

Ключевые слова: Боспорское царство, Узунларский вал и ров, стена Асандра, Аджиэльская балка.

Узунларская оборонительная линия, состоящая в своей основе из вала и рва, безусловно, является довольно древним искусственным объектом. Однако, его датировка, обстоятельства возведения, а также характер перестроек в различные исторические периоды до сих пор являются причиной научных споров среди ученых. Бесспорно только одно, грандиозное сооружение, пересекающее Керченский полуостров от Азовского моря до Узунларского озера (то есть фактически до Черного моря), было направлено своей защитной стороной от угрозы с запада и являлось непреодолимым препятствием для кочевников. Наличие глубокого рва с крутыми бортами, подтопленного грунтовыми и поверхностными водами, вынуждало кочевников сосредотачиваться возле укрепленных и охраняемых проходов [Голенко, 2006. С. 77], что позволяло в экстраординарных случаях надежно и быстро закрывать границу от непрошенных гостей.

В разные годы этот внушительный памятник, протянувшийся фактически более чем на три десятка километров, помимо упоминания путешественниками [Duboi de Montpreux, 1843. С. 241–242, 258, 265], исследовали такие ученые как И. Бларамберг [Бларамберг, 1848. С. 10], Ю. Ю. Марти [Марти, 1926.

С. 48], Г. Ф. Гайдукевич [Гайдукевич, 1949. С. 71], В. Д. Блаватский [Блаватский, 1954. С. 102–103], Н. И. Сокольский [Сокольский, 1957. С. 91–94], Б. С. Мосейчук [Мосейчук, 1983. С. 74–77], С. Г. Колтухов, А. А. Труфанов, В. Б. Уженцев [Колтухов, Труфанов, Уженцев, 2003. С. 176–184], А. А. Масленников [Масленников, 2003, С. 36–113, 196–257; 2018. С. 141–170], А. А. Супренков [Супренков, 2017. С. 214–219; 2018. С. 230–256], Т. Н. Смекалова [Смекалова, 2018. С. 24–38]. Однако, единой точки зрения среди исследователей по многим вопросам, касающимся истории данного объекта, нет до сих пор.

Н. И. Сокольский предполагал, что это сооружение было возведено еще киммерийцами, так как у ранних Спартокидов отсутствовали достаточные ресурсы для возведения таких монументальных сооружений [Сокольский, 1957. С. 93–94]. По мнению Ю. Ю. Марти, еще до присоединения Феодосии при Левконе I (387–347 гг.) Узунларский вал стал границей Боспорского царства [Марти, 1937. С. 10]. В этой связи не совсем ясными представляются обстоятельства выделения царями именно этого участка Европейского Боспора. Восточный Крым действительно является территорией, по которой проходил важный для кочевников путь, соединяющий Южно-русские степи и Кавказ [Колтухов, 2022. С. 72]. Тем не менее, судя по картам локализации каменных изваяний и погребений предскифско-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 23-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

го времени, Узунларская линия не являлась в данное время каким-то значимым рубежом [Колтухов, 2022. С. 92. Рис. 1,94–95; 3]. Попытки связать Узунларскую линию с известным по рассказу Геродота «Рвом слепых» (Herod., IV, 3) также не увенчались успехом [Сокольский, 1957. С. 91–94]. Последний более соответствует Ак-Монайскому валу [Масленников, 2003. С. 202]. Археологический же материал из шурфов в районе Узунларского вала и рва однозначно указывает на более позднюю дату, чем VI–V вв. до н.э. [Масленников, 2003. С. 196–210]. Есть предположение, что сооружение было возведено уже после присоединения Феодосии, либо в IV, либо в начале III в. до н.э. [Колтухов, Труфанов, Уженцев, 2003. С. 179–180; Масленников, 2003. С. 205–208]. Но это не решает вопрос о главном предназначении данного сооружения. Тем более, что после вхождения Восточного Крыма в состав Боспорского царства особенность расположения скифских и античных памятников вновь не выделяет Узунларскую линию в качестве какого-то важного рубежа [Зубарь, Зинько, 2006. С. 67. Рис. 26]. И это при том, что здесь располагалась Аджиэльская балка, обрывистые склоны которой являлись лучшей естественной защитой Восточного Крыма [Зубарев, Смекалов, Ярцев, 2019. С. 5].

В этой связи, трудно не согласиться с А. А. Масленниковым, предположившим, что именно в ходе событий кризиса III в. до н.э. на Боспоре возникла необходимость в защите царских земель. Последние же, судя по характеру расположения памятников, как раз и располагались к востоку от Узунларского вала и, соответственно, от Аджиэльской балки [Масленников, 1998. С. 46–66; 2003. С. 211]. В дальнейшем данная оборонительная линия надолго превратилась в стратегическую границу Боспорского царства [Зубарь, Зинько, 2006. С. 70]. Ее первой реконструкцией стало возведение здесь башен и, возможно, других укреплений царем Асандром, решившим защитить земледельческие районы государства (Strabo, VII, 4, б). Правда, у Страбона «стена» Асандра фигурирует несколько большей длины, чем есть на самом деле.

С целью снятия указанного противоречия, были высказаны четыре гипотезы. Первая суммирует вместе Узунларскую, Тиритакскую и Арабатскую оборонительные линии, выходя на необходимую длину 68–73 км (360 стадиев Страбона) [Масленников, 1983. С. 20–21; 1998. С. 20–21]. Ее критика заключается в неоправданном отрыве от густонаселенной царской хоры, которую данная стена и должна была защищать [Зубарев, 2005. С. 283]. Вторая гипотеза

за подразумевает гипотетическое продолжение Узунларской линии на обоих флангах, где, однако, ни валов, ни рвов не было выявлено [Зубарев, 2005. С. 283–284]. Третья гипотеза основывается на факте упоминания Страбона двух традиций античной географии относительно длины Перекопского перешейка, а также путаницы с перешейками у античных авторов. На этом основании предполагается, что в текст Страбона по ошибке попала наибольшая из фигурировавших, применительно к Перекопу, цифр [Ярцев, 2014. С. 77–78]. Четвертое решение указанной проблемы исходит из того, что стена Асандра, которую приводит Страбон (360 стадий – около 67 км), в точности соответствует совокупной протяженности Узунларского вала и вала «Безкровного». Указанные две защитные линии, состоящие из собственно валов, рвов, стен, системы взаимосвязанных укрепленных поселений и башен-фортов, являлись единой взаимосвязанной эшелонированной системой обороны западных рубежей Европейского Боспора, успешно функционирующей во второй половине I в. до н.э. В основе ее лежали как восстановленные царем Асандром древние укрепления, так и заново возведенные объекты, защитившие исконные и самые густонаселенные земли государства [Ярцев, Филатов, 2021. С. 106–113].

Возможно, еще при Митридате VI Евпаторе на землях, приближенных к данному валу со рвом, были расселены так называемые военные поселенцы, проживающие в городищах [Сапрыкин, 1996. С. 272; 1997. С. 199]. Считается, что такой особый статус обязывал эллинизированное варварское население принимать участие в войнах, которые вел боспорский царь, а также выплачивать ренту – налог за пользование землей [Зубарь, Зинько, 2006. С. 138–139]. Не исключено, что эти люди также были нужны для сдерживания жителей местных полисов, традиционно пользовавшихся автономией [Сапрыкин, 1996. С. 282–285]. При этом археологический материал указывает на родство указанных варваров с позднескифским населением Центрального Крыма [Масленников, 1990. С. 92–93]. Такие каналы формирования варварского контингента, по-видимому, сохранились и при Асандре, когда Узунларская линия превратилась в непреодолимое препятствие для кочевников [Масленников, 1994. С. 180–182]. В этот период, даже в боспорской крепости, расположенной значительно западнее в Кутлакской бухте, судя по археологическому материалу, несли службу все те же поздние скифы [Ланцов, Юрочкин, 2001. С. 254–264; Храпунов,

2004. С. 116]. Однако уже в конце I в. до н.э. данное варварское население, судя по тотальному разгрому пограничных укреплений, было уничтожено царем Полемоном. Этому римскому ставленнику, тем самым, удалось ослабить царскую хору с антиримски настроенными варварами [Масленников, 1995. С. 158–167; 2003. С. 212, 230].

Новое население, которое вскоре расселилось в данной этноконтактной зоне, скорее всего, относилось все к тем же эллинизированным варварам. Во всяком случае, погребальный инвентарь одного из представителей гарнизона Белинского городища – мощной крепости, возведенной римскими инженерами в начале II в. н.э. рядом с одним из северных проходов в Узунларской оборонительной линии, позволяет сделать такой вывод. В единственном пока выявленном на некрополе городища неграбленном захоронении в грунтовой могиле с плитовым перекрытием и заплечиками в конце II – первой половине III в. н.э. был погребен мужчина 30–40 лет со своей семьей (женой и двумя детьми) [Зубарев, 2009. С. 280–283]. С одной стороны, среди золотых украшений здесь выделяются парные подвески с изображением Эрота, хорошо известные, например, по находкам из античного некрополя Фанагории [Фанагория..., 2015. С. 94]. В этом контексте можно отметить и находку бронзовой 6-лучевой броши, очевидно являющейся провинциально-римской фибулой, широко распространенной в провинциях и барбарикуме, в том числе и в сарматских погребениях [Симоненко, 2012. С. 242, 245–246]. С другой же стороны, из погребального инвентаря обращает на себя внимание лепной горшочек с ручкой, напоминающий позднескифские кружки [Власов, 2006. С. 168. Рис. 3,5] и имеющий точный профиль некоторых сарматских сосудов I в. до н.э. – II в. н.э. [Степи..., 1989. С. 380. Рис. 75,2].

Исходя из того, что гарнизон Белинского городища участвовал в широкой боспорской экспансии в западном направлении, выступая, в том числе и совместно с римлянами, против Крымской Скифии во II в. н.э. [Зубарев, 2008. С. 116–122; 2009. С. 175–181], он не мог не иметь отношения к окрестным варварам, в том числе и к поздним скифам, хотя против них же и проводил военные операции [Храпунов, 2004. С. 116]. Поэтому, помимо наемников, в ходе военных действий, здесь вполне могло появиться и позднескифское население, насильственно переселенное боспорскими властями на новые земли. Это подтверждают находки керамики [Власов, 2006. С. 163–175; Зубарев, 2009. С. 177], ритуальные захороне-

ния младенцев [Зубарев, Ярцев, 2012. С. 279–282], а также неэллинические черты одного из главных святилищ городища, размещенного в соответствии со скифской традицией – между некрополем и хозяйственно-жилой застройкой, вплотную к последней [Ярцев, Зубарев, Шушунова, 2021. С. 581]. Вряд ли такие скифы, не имеющие гражданских прав и по социальному положению приближающиеся к колонам, могли быть обязаны властям военной службой. Скорее всего, им было запрещено покидать выделенные земли. Кроме того, они должны были заниматься земледелием и снабжать продовольствием воинский гарнизон [Зубарев, Ярцев, 2016. С. 209–216].

Из новых этнических групп, расселенных на территории Узунларской этноконтактной зоны и участвующих в войне Боспора против Крымской Скифии, можно отметить пока не идентифицированную группу варваров, оставившую после себя участок некрополя с могильными ямами с пазами в стенах для перекрытия [Зубарев, Ланцов, Смекалов, 2014. С. 193]. В Крыму такой тип погребального сооружения зафиксирован только на некрополе городища Белинское и в Нейзаце. В последнем случае считается, что это была особая группа сармат, не вступающая в тесные контакты с поздними скифами [Храпунов, 2004. С. 134, 136]. На Белинском же городище, судя по сохранившимся остаткам богатого инвентаря, например, верхней части сложносоставной золотой серьги с сердоликовыми вставками первой половины II в. н.э. (точный аналог происходит из некрополя Фанагории [Беспальный, Верещагин, 2013. С. 159. Рис. 12,6]), можно сделать вывод, что данное население обладало довольно высоким статусом.

В дальнейшем, уже в самом конце III в. н.э., судя по появлению на некрополе городища Белинское Т-образных склепов с коротким дромосом, здесь появляются аланы, скорее всего, расселенные в стратегическом районе царем Фофорсом [Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015. С. 142].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на восстановление боспорской границы в конце III в. н.э., проходившей еще со II в. н.э. (после завоевания Крымской Скифии) по районам Юго-Западного Крыма, Узунларская оборонительная линия, расположенная в глубине тылу, не утратила своего стратегического значения. Она вновь, как и во времена, когда являлась западной границей государства, продолжала защищать царские земли – самое густонаселенное ядро Боспорского царства [Зубарь, Зинько, 2006. С. 155]. Несмотря на то, что многие города и поселения погибли здесь

в ходе событий III в. н.э., оставшиеся по-прежнему были сосредоточены к востоку от Узунларского вала. По нашему мнению, ключевым фактором здесь, помимо военно-политического, мог являться еще и природный. Именно рядом с Узунларской линией располагалась богатая водой Аджиэльская балка, отгораживающая значительную часть Керченского

полуострова, что в сочетании с обрывистыми склонами и южными мицеллярно-карбонатными черноземами, одними из самых плодородных в Восточном Крыму, в совокупности и являлось определяющим фактором как для локализации, так и для возведения здесь линии обороны царской хоры [Зубарев, Смекалов, Ярцев, 2015. С. 165–169].

Литература

- Беспалый Г. Е., Верещагин В. В. Склеп 2001 г. на Восточном некрополе Фанагории (публикация материала) // Фанагория / Под ред. В. Д. Кузнецова. М.: Институт археологии РАН, 2013. Т. 1. С. 136–177.
- Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 158 с.
- Бларамберг И. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 1–19.
- Власов В. П. О позднескифских миграциях на Боспор // Боспорские исследования. 2006. Вып. XI. С. 163–176.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
- Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь: Сонат, 2006. 408 с.
- Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Культурно-исторический ландшафт Аджиэльской балки в Восточном Крыму. Тула: Аквариус, 2019. 222 с.
- Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Природно-географические условия и ландшафтные особенности урочища Аджиэль в античный период // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 165–172.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Особенности варварских миграций на территорию Боспора в первые века нашей эры (по материалу городища «Белинское») // Цивилизация и варварство: вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства / Под ред. В. П. Будановой. М.: Аквилон, 2016. Вып. V. С. 209–228.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища «Белинское» // Боспорские исследования. 2012. Вып. XXVI. С. 275–289.
- Зубарев В. Г., Ланцов С. Б., Смекалов С. Л. Новый участок некрополя «Белинское» // Погребальная культура Боспорского царства: Материалы «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998) / Под ред. В. Ю. Зуева, В. А. Хршановского. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 189–196.
- Зубарев В. Г. Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I – II вв. н. э. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008. С. 116–122.
- Зубарев В. Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III–IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 175–181.
- Зубарь В. М., Зинько В. Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху: очерки социально-экономической истории // Боспорские исследования. 2006. Вып. XII. С. 1–304.
- Колтухов С. Г. Киммерийцы Степного и Предгорного Крыма (погребальные памятники и «комплексы» IX–VII вв. до н.э.). Симферополь: Ариал, 2022. 116 с.
- Колтухов С. Г., Труфанов А. А., Уженцев В. Б. Новые материалы к строительной истории Узунларского вала // Древности Боспора. 2003. Вып. 6. С. 176–184.
- Ланцов С. Б., Юрочкин В. Ю. «Варварская» посуда Кутлакской крепости // Древности Боспора. 2001. Вып. 4. С. 254–264.
- Марти Ю. Ю. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А. С. Пушкина. Симферополь: Госиздат Крым АССР, 1937. 63 с.
- Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского Музея: Исторический очерк. Керчь: Гос. Керч. Археол. Музей, 1926. 96 с.
- Масленников А. А. Еще одна башня у Узунларского вала // Древности Боспора. 2018. Вып. 22. С. 141–170.
- Масленников А. А. Еще раз о боспорских валах // Советская археология. 1983. № 3. С. 14–22.
- Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.; Тула: Гриф и К, 2003. 280 с.
- Масленников А. А. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6. С. 158–167.
- Масленников А. А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // Российская археология. 1994. № 4. С. 176–184.
- Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.: Наука, 1990. 230 с.
- Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М.: Индрик, 1998. 304 с.
- Мосейчук Б. С. Аккосов вал // Краткие сообщения Института археологии. 1983. Вып. 174. С. 74–77.

- Сапрыкин С. Ю. Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир. Византия: К 70-летию проф. В. И. Кадеева / Под ред. В. Ф. Мещерякова. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 190–204.
- Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996. 347 с.
- Симоненко А. В. Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко. Киев: КНТ, 2012. С. 241–262.
- Смекалова Т. Н. О древних проездах через Узунларский вал // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 1. С. 24–38.
- Сокольский Н. И. Валы в системе обороны Европейского Боспора // Советская археология. 1957. XXVII. С. 91–107.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР) / Под ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. 464 с.
- Супренков А. А. Боспорские ворота: центральный проезд через Узунларский ров и вал в Восточном Крыму // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016: Материалы спасательных археологических исследований / Под ред. А. В. Энговатовой. М.: Институт археологии РАН, 2017. Т. 19. С. 214–219.
- Супренков А. А. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // Древности Боспора. 2018. Вып. 23. С. 230–256.
- Фанагория. Альбом / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М.: Институт археологии РАН, 2015. 176 с.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. 2004. Вып. VI. С. 3–240.
- Ярцев С. В. Северное Причерноморье и проблема готской экспансии. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. 356 с.
- Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Шушунова Е. В. Особенности культа предков в Северном Причерноморье позднеантичного времени (по материалам городища «Белинское») // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 578–602.
- Ярцев С. В., Филатов Р. И. Некоторые вопросы обороны западных рубежей Европейского Боспора в период правления царя Асандра в I в. до н.э. // Классическая и византийская традиция. 2021 / Под ред. Н. Н. Болгова. Белгород: НИУ «БелГУ», 2021. С. 106–113.
- Duboi de Montpereux F. Voyage autour du Caucase: chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide: chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimeem. Paris: Gide, 1843. 479 p.

СТЕКЛЯННЫЕ БАЛЬЗАМАРИИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э. ИЗ МЕОТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИКУБАНЬЯ

Лимберис Н. Ю.* , Марченко И. И.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
* E-mail: limberis2@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена хронологии погребений из меотских грунтовых могильников, в которых встречаются стеклянные бальзамарии I–II вв. Для атрибуции бальзамариев использованы классификации, разработанные на материалах памятников римского времени Западной Европы и Северного Причерноморья. Датировка комплексов с бальзамариями подтверждается и, в некоторых случаях, уточняется совместно найденными с ними предметами – главным образом, фибулами разных типов и зеркалами-подвесками.

Ключевые слова: Прикубанье, стеклянные бальзамарии, типология, хронология.

В меотских погребениях первых веков нашей эры стеклянные бальзамарии являются довольно частой находкой. Двадцать лет назад нами были собраны и опубликованы комплексы с бальзамариями, большей частью происходящие из раскопок (в том числе, и наших, т.е. Краснодарской экспедиции Кубанского государственного университета) памятников Краснодарской группы, расположенных на правобережье Кубани: могильников городищ хут. Ленина № 1 (Л-1), Старокорсунских № 2 и № 3 (СК-2, СК-3). Несколько экземпляров происходят из Краснодарского могильника на Почтовой улице (бывш. Тельмана, а позже – Постовая), Елизаветинского могильника № 2 (Елиз.-2), а также и Закубанья (могильник у хут. Ленинохабль). Со временем стало ясно, что этот материал требует более тщательного анализа, учитывающего и другие предметы, составляющие комплекс погребения, поэтому в данной работе мы не использовали бальзамарии, являющиеся отдельными находками, хотя коллекция этих сосудов, хранящихся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее им. Е. Д. Фелицына, была издана нами полностью [Лимберис, Марченко, 2003].

Среди бальзамариев из Прикубанья встречаются как распространённые формы, так и редкие, представленные единичными экземплярами.

Бальзамарии с шаровидным туловом встречаются в меотских погребениях нечасто – их известно всего 4 экз. из трёх могильников. В западноевропейских памятниках хронология бальзамариев этой формы (Is. 6, Trir 70a,

AR 125)¹ не выходит за рамки I в. [Isings, 1957. P. 22–23; Goetherd-Polaschek, 1977. S. 350; Rütli, 1991. S. 52, 53; Fünfchilling, 2015. S. 400–401]. Сосуды изготовляли из стекла разного цвета, но для конца этого периода характерно слабо окрашенное стекло голубовато-зеленоватого оттенка. В Северном Причерноморье аналогичные сосуды из голубоватого и синего стекла (тип II Куниной – Сорокиной) бытовали в I – начале II в. [Кунина, Сорокина, 1972. С. 169–171. Рис. 11]. В некрополе Горгиппии также найдены бальзамарии с шаровидным туловом, в основном, изготовленные из бесцветного стекла [Алексеева, Сорокина, 2007. С. 62–63. Рис. 15. Табл. 41,1–9].

В погребении Л-1 № 33 (рис. 1, 1) начала II в. был найден бальзамарий из прозрачного светло-желтого стекла [Лимберис, Марченко, 2003. № 65; Marčenko, Limberis, 2008. S. 386. Taf. 137. Kat. Nr. 127]. Лучковая подвижная фибула серии I из этого погребения относится к варианту 3, традиционная хронология которого ограничивается первой половиной – серединой II в. [Амброз, 1966. С. 49–50; Кропотов, 2010. С. 74–75].

Бальзамарий из прозрачного голубоватого стекла происходит из погребения СК-2 № 385з (рис. 1, 2), которое прежде мы датировали второй половиной I в. [Лимберис, Марченко, 2003. № 76; Marčenko, Limberis, 2008. S. 387. Kat. Nr. 141]. Но совместно встреченная лучковая фибула с угловатым изломом спинки и равной ей по ширине узкой ножкой, может быть

¹ Принятые в статье сокращения: Is. – Isings; AR – Augusta Raurica.

соотнесена с вариантом 1 серии I, бытование которого, в общем, приходится на I в. н.э., преимущественно на его первую половину [Амброз, 1966. С. 48], а в сарматских памятниках, по данным В. В. Кропотова, ограничивается серединой этого столетия [Кропотов, 2010. С. 68, 71–72. Рис. 29,10]. Поэтому погребение нужно датировать первой половиной I в.

Ко второй половине I в. был отнесён и бальзамарий из погребения СК-3 № 157 (рис. 1, 3), изготовленный из бесцветного стекла [Лимберис, Марченко, 2003. № 82; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 157]. Он сопровождался двумя лучковыми фибулами варианта 3, а также смычковой фибулой, ранние экземпляры которых относятся к второй половине I – началу II в. [Кропотов, 2010. С. 169–170]. Скорее всего, датировку комплекса следует расширить до начала II в.

Началом II в. было датировано нами погребение СК-3 № 341 (рис. 1, 4) с бальзамарием из прозрачного желтоватого стекла [Лимберис, Марченко, 2003. № 95; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 172]. В комплексе присутствовала лучковая фибула варианта 2 середины I – начала II в. [Амброз, 1966. С. 48–49; Кропотов, 2010. С. 72–74] и зеркало-подвеска с орнаментом. Совпадение хронологии фибулы и бальзамария требуют расширить датировку погребения, поэтому правильнее будет отнести его ко второй половине I – началу II в. [Лимберис, Марченко, 2018. С. 208. Рис. 9].

Нужно отметить, что шаровидные бальзамарии без перехвата известны и в сарматских погребениях Кубани. Бальзамарий из светло-зелёного прозрачного стекла был найден в кургане 18 у ст-цы Тифлисской (рис. 1, 5), датировка которого ограничивается второй половиной I – началом II в. [Кропоткин, 1970. № 882г. Рис. 39,3²; Гущина, Засецкая, 1994. № 299; Лимберис, Марченко, 2003. № 25; Marčenko, Limberis, 2008. S. 383. Kat. Nr. 51]. Сосуд из светло-зелёного непрозрачного стекла (рис. 1, 6) происходит из разрушенного кургана у аула Шенджий в Адыгее [Кропоткин, 1970. № 893а; Лимберис, Марченко, 2003. № 30,1; Marčenko, Limberis, 2008. S. 384. Kat. Nr. 73].

Бальзамарии с коническим туловом
С. Isings выделила в форму 28, разделив их по пропорциям. Сосуды, высота тулова которых составляет около половины общей высоты (может быть чуть больше, или меньше), соответствуют форме Is. 28а, хронология которой была ограничена исследовательницей серединой I – II в., возможно, началом III в. [Isings, 1957. P. 42]. Близ-

кие формы Trig 69а и AR 128.2, отличающиеся более плавными очертаниями тулова, суммарно датируются примерно 20–80/100 гг. [Goetherd-Polaschek, 1977. S. 350; Rütти, 1991. S. 52, 53; Fünfchilling, 2015. S. 403]. По классификации бальзамариев Боспора – это вариант I, 1, А середины – второй половины I в. [Кунина, Сорокина, 1972. С. 148–150. Рис. 1]. В меотских погребениях известно 5 экземпляров этой формы.

Бальзамарий из бесцветного стекла был найден в разрушенном погребении СК-2 № 553з-1 (рис. 1, 7) второй половины I в. вместе с краснолаковой чашей [Лимберис, Марченко, 2003. № 77; Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 146]. В пергамской керамике хронологический диапазон существования чаш этой формы ограничивается серединой I в. до н.э. – серединой I в. н.э. [Mayer-Schlichtmann, 1988. Taf. 41, 45, № 22]. Из раскопок Афинской агоры происходят аналогичные самосские чаши типа А, найденные в слое конца I – первой половины II в. н.э. [Robinson, 1959. P. 87. Pl. 62, M 32].

Из ограбленного в древности погребения СК-3 № 450 происходит бальзамарий из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 1, 8). Кроме него сохранилась бутылка такой же формы (см. ниже) и костяная пиксида. Эти предметы были отнесены ко второй половине I в. [Лимберис, Марченко, 2003. № 99,2; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 177].

Погребение СК-3 № 468 с бальзамарием из бесцветного стекла (рис. 1, 9) по типам меотской сероглиняной керамики было датировано второй половиной I в. [Лимберис, Марченко, 2003. № 100; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 178].

В погребении № 120 грунтового могильника Ленинохабль в Закубанье обнаружен бальзамарий из прозрачного зеленовато-голубоватого стекла (рис. 1, 11), также датированный второй половиной I в. Совместно был найден меч без перекрестия и навершия и удила с колесовидными псалями [Лимберис, Марченко, 2003. № 113; Marčenko, Limberis, 2008. S. 389. Kat. Nr. 195].

К форме Is. 28а по пропорциям нужно отнести и бальзамарий из бесцветного стекла, найденный в погребении СК-2 № 81з (рис. 1, 10). Он отличается от экземпляров вышеописанной группы более узким коническим туловом и уплощённым дном. Ему близка форма AR 130.1, хронология которой, в основном, ограничивается второй половиной I в. [Rütти, 1991. S. 52, 53; Fünfchilling, 2015. S. 404]. Бальзамарий имеет определённое сходство и с типом VI (трубчатые), представленным на Боспоре единственным экземпляром второй половины I в. [Кунина, Сорокина, 1972. С. 168–169. Рис. 1;

² В тесте В. В. Кропоткина на бальзамарий № 882г ошибочно дана ссылка на рис. 70,б, где изображен бальзамарий Is. 28б из кургана 6 ст-цы Казанской (№ 870а).

10,44]. Меотское погребение, в котором вместе с бальзамарием было найдено орнаментированное зеркало-подвеска, мы датировали концом I – началом II в. [Лимберис, Марченко, 2003. № 73; Marčenko, Limberis, 2008. S. 387. Kat. Nr. 138; Лимберис, Марченко, 2018. С. 212].

Бальзамарии с коническим туловом, которое составляет менее половины общей высоты сосуда, соответствуют форме Is. 28b, датировка которой была ограничена исследовательницей временем Клавдия/Нерона – II – началом III в. [Isings, 1957. P. 42–43]. Хронология параллельной формы AR 130.2 охватывает весь первый век [Rützi, 1991. S. 52, 53; Fünfchilling, 2015. S. 404]. Аналогичные боспорские бальзамарии варианта I, 1, B относятся ко второй половине I – самому началу II в. [Кунина, Сорокина, 1972. С. 154–156. Рис. 1].

Бальзамарии из меотских погребений (3 экз.) изготовлены из прозрачного зеленоватого стекла. Все комплексы с бальзамариями этого типа мы датировали второй половиной I – началом II в. [Marčenko, Limberis, 2008. S. 388].

В погребении СК-3 № 188 вместе с бальзамарием (рис. 2, 1), кроме меотских сероглиняных сосудов, было найдено кольцо с пуансонным орнаментом, которое не может указывать на более узкий временной период [Лимберис, Марченко, 2003. № 84; Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 159].

Датировка бальзамария (рис. 2, 2) из погребения СК-3 № 207 [Лимберис, Марченко, 2003. № 85; Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 161] подтверждается совместной находкой лучковой подвязной фибулы серии I, варианта 3 первой половины – середины II в. [Амброз, 1966. С. 49–50; Кропотов, 2010. С. 74–75].

Из погребения СК-3 № 223 кроме бальзамария (рис. 2, 3) происходят только сероглиняные сосуды, типы которых не противоречат его датировке [Лимберис, Марченко, 2003, № 88; Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 164].

Бальзамарии формы Is. 28b встречены и в сарматских погребениях Кубани: в кургане 6 у ст-цы Казанской и в кургане у аула Кунчукохабль [Кропоткин, 1970. № 870а. Рис. 70,6³. № 889; Гущина, Засецкая, 1994. № 39; Лимберис, Марченко, 2003. № 21, 31; Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 35, 74].

В трёх меотских погребениях были найдены бальзамарии, которые представляют собой переходную форму от Is. 28b к Is. 82B1. Тулово у них коническое, до половины или менее половины общей высоты сосуда, переход к горлу сглаженный. По классификации бальзамариев

из Северного Причерноморья их можно отнести к варианту I, 2, Г, появившемуся где-то в 60-х годах I в., при том, что основное развитие происходило на рубеже I–II веков и продолжалось в первой половине II в. [Кунина, Сорокина, 1972. С. 161. Рис. 1].

Бальзамарий из Л-1 № 264 (рис. 2, б), изготовленный из прозрачного зеленовато-желтого стекла, был датирован второй половиной I – началом II в. [Marčenko, Limberis, 2008. S. 386. Kat. Nr. 116; Лимберис, Марченко, 2003. № 57]. Узко датирующего материала в погребении не было.

К первой половине II в. нами было отнесено погребение Л-1 № 287 с бальзамарием (рис. 2, 7) из прозрачного голубовато-зелёного стекла [Marčenko, Limberis, 2008. S. 386. Kat. Nr. 118; Лимберис, Марченко, 2003. № 59]. Датировка погребения основывалась на совместной находке лучковой фибулы варианта 3 первой половины – середины II в. [Амброз, 1966. С. 49–50; Кропотов, 2010. С. 74–75]. Там же присутствовало орнаментированное зеркало-подвеска. Анализ меотских погребений с зеркалами этого типа, лучковыми фибулами варианта 3 и стеклянными сосудами позволил уточнить и сузить датировки комплексов с такими находками до рубежа I–II веков [Лимберис, Марченко, 2018. С. 209, 211–212. Рис. 9].

Хронология погребения СК-3 № 287 с бальзамарием из синего просвечивающего стекла (рис. 2, 8), датированного первой половиной II в., пока остается прежней. Здесь также найдены две фибулы варианта 3 и кольцо с пуансоном [Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 167; Лимберис, Марченко, 2003. № 91].

Намного реже в меотских погребениях встречаются **бальзамарии в форме подсвечника** (Candlestick, Form Isings 82). Бальзамарий из разрушенного в древности погребения Л-1 № 364 (рис. 2, 9) с низким полусферическим туловом, составляющим третью часть от общей высоты сосуда, относится к форме Is. 82A1. Эти бальзамарии, как и параллельные формы Trir 71/72 и AR 140.1, имеют очень широкую хронологию от конца I до III в. [Isings, 1957. P. 97–99; Goetherd-Polaschek, 1977. S. 350; Rützi, 1991. S. 53; Fünfchilling, 2015. S. 409]. Наиболее близкой аналогией, которую нам удалось найти, является парфюмерная бутылка из Паннонии начала II в. [Barkóczy, 1988. S. 117–118. № 213. Taf. XVIII, LXXX]. По материалам из Северного Причерноморья такие бальзамарии относятся к типу II, 2, распространённому на Боспоре в середине I – середине II в. [Кунина, Сорокина, 1972. С. 166. Рис. 1].

Ранее мы относили сосуд из Л-1 № 364 к форме Is. 28b и широко датировали второй половиной I – началом II в. [Лимберис, Марченко,

³ В подрисуночных подписях ошибочно указано, что это бальзамарий из Тбилисской, № 882.

2003. № 62; Marčenko, Limberis, 2008. S. 386. Kat. Nr. 122]. Однако его тулово приближается к полусферической форме, хотя дно у него плоское, тогда как для этого типа в целом характерно вогнутое дно. Вместе с бальзамарием обнаружена лучковая подвижная фибула варианта 3 первой половины – середины II в. Такие фибулы, как мы выяснили, нередко сопровождают находки стеклянных бальзамариев разных типов. На этом основании датировка погребения может быть сужена в пределах конца I – начала II в.

Три бальзамария из прозрачного голубоватого стекла можно сопоставить с формой Is. 82B1, хронологию которой исследовательница ограничивала с конца I – начала II в. до первой половины следующего столетия [Isings, 1957. P. 98–99]. С этой формой обычно сопоставляют Trir 73 и AR 135, основной период бытования которых приходится на вторую половину I – большую часть II в., до начала III, а по обобщенной хронологии – примерно 60–120/130 гг. [Goetherd-Polaschek, 1977. S. 351. Formentaf. B; Rützi, 1991. S. 53; Fünfchilling, 2015. S. 406]. Однако, на наш взгляд, они мало похожи на Is. 82B1, так как имеют конусовидное тулово, четко отделённое от горла, тогда как бальзамарии из меотских погребений, как и эталонная форма, не имеют обозначенного перехода от нижней части к горлу. Форме Is. 82B1 больше всего соответствуют боспорские варианты I, 2, B и I, 2, Г, которые развиваются и существуют параллельно примерно с середины I до начала II в. Что касается форм Trir 73 и AR 135, то наиболее близкой им параллельной формой являются бальзамарии варианта I, 2, Д, распространённые в Северном Причерноморье от середины II до середины III в. [Кунина, Сорокина, 1972. С. 160–161. Рис. 1]. Бальзамарии формы Is. 82B1 из бесцветного стекла известны в Горгиппии. Но если боспорские бальзамарии типа I группы 2 исследователи считают, «в значительной мере», продукцией местного производства, то следы местного стеклоделия в Горгиппии зафиксированы только с середины III в. [Алексеева, Сорокина, 2007. С. 22–45, 63–64. Табл. 43,2–5,7; 44,8,9,12].

Бальзамарий из погребения СК-3 № 317 (рис. 2, 10) конца I в. [Лимберис, Марченко, 2003, № 93; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 169] сопровождался фибулой с широкой выпуклой спинкой и спиральным завитком на конце приёмника. Мнения исследователей, касательно хронологии этого типа фибул, расходятся. А. К. Амброз в своё время датировал их I, отчасти II в., В. В. Кропотков – второй половиной I – началом II в. [Амброз, 1966. С. 45; Кропотков, 2010. С. 185].

Бальзамарии из Почтового могильника в своё время были датированы Н. В. Анфимовым I–II вв. [Анфимов, Анфимов, 1992. С. 40–41. Рис. 2,10]. Они были найдены в нескольких погребениях [Кропоткин, 1970. № 871a], но до нас дошли только два – из погребений 31 и 67 (рис. 2, 11, 12), которые мы широко датировали в пределах середины II – середины III в., опираясь на западноевропейскую хронологию [Marčenko, Limberis, 2008. S. 385. Kat. Nr. 99, 104; Лимберис, Марченко, 2003. № 45, 49]. Так как контекст этих погребений остался неизвестным, правильнее будет датировать бальзамарии по боспорским аналогиям серединой I – началом II в.

Бальзамариям с каплевидным туловом, формально относящимся к форме Is. 28a, более близки параллельные формы Trir 66a/69a и AR 128.1/129, обобщённая хронология которых в абсолютных датах обозначается весьма широким периодом, начиная с 20-х гг. до 100 г. [Goetherd-Polaschek, 1977. S. 350; Rützi, 1991. S. 52, 53; Fünfchilling, 2015. S. 403]. На Боспоре каплевидные бальзамарии соответствуют варианту I, 2, А, характерному, в основном, для первой половины I в. Позднее они встречаются редко [Кунина, Сорокина, 1972. С. 157–158. Рис. 1]. Стекло этих сосудов тонкое, прозрачное, бесцветное голубоватое или зеленоватое. Бальзамарии этой формы известны в трёх погребениях Старокорсунского могильника № 3.

Погребение СК-3 № 104 ранее было датировано нами второй половиной I в. [Лимберис, Марченко, 2003, № 81; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 155]. Вместе с бальзамарием (рис. 3, 1) найдены зеркало-подвеска без орнамента и лучковая фибула 3 варианта. Учитывая общепринятую хронологию этих фибул (первая половина – середина II в.), датировка погребения может быть сужена до конца I – начала II в.

К этому же периоду относится и бальзамарий (рис. 3, 2) из погребения СК-3 № 219 [Лимберис, Марченко, 2003, № 87; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 163], датировка которого основана на совместных находках зеркала-подвески с орнаментом и двух «гибридных» фибул с завитком на конце приёмника [Лимберис, Марченко, 2018. С. 204. Рис. 9].

Погребение СК-3 № 347 (рис. 3, 3) датируется второй половиной I в. [Лимберис, Марченко, 2003. № 96; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 173]. Лучковая фибула 3 варианта, меч без навершия и колесовидные удила, скорее всего, указывают на конец этого периода [Лимберис, Марченко, Кондратенко, 2021. С. 107].

В погребении № 27 Елизаветинского могильника № 2 был найден бальзамарий (рис. 3, 4),

отличающийся от других сосудов этой серии перехватом у горла и загнутым профилированным венчиком. Автор раскопок отнес этот сосуд к варианту I, 2, A по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной и широко датировал I в. [Анфимов, 1984. С. 90. Табл. V,18]. Мы же датировали этот комплекс второй половиной I в. [Лимберис, Марченко, 2003. № 106; Marčenko, Limberis, 2008. S. 389. Kat. Nr. 187], что подтверждается шарнирной фибулой-брошью с вырезами по краю щитка и стеклянной вставкой [Лимберис, Марченко, 2004. С. 226. Рис. 3,23]. Аналогичный бальзамарий (трубчатый, тип VI) из старых раскопок Пантикапея происходит из могилы второй половины I в. [Кунина, Сорокина, 1972, С. 168–169. Рис. 1; 10,44].

Каплевидный бальзамарий из погребения СК-3 № 470 (рис. 3, 5) выделяется более расширенным в нижней части туловом и пока не имеет точных аналогий в известных нам памятниках римского времени. Комплекс, по совместным находкам орнаментированного зеркала-подвески, лучковой фибулы 3 варианта и смычковой фибулы со щитком мы датировали концом I – началом II в. [Лимберис, Марченко, 2003. № 101; Marčenko, Limberis, 2008. S. 389. Kat. Nr. 179; Лимберис, Марченко, 2018. С. 212–213. Рис. 9].

По-видимому, каплевидные сосуды тесно связаны своим происхождением с **трубчатыми бальзамариями** формы Is. 8, широко распространёнными в I в., особенно во второй половине [Isings, 1957. S. 24]. Такой бальзамарий с очень узким туловом был найден в погребении СК-3 № 251 (рис. 3, б), синхронном по времени вышеописанным комплексам. Он отличается от эталонных трубчатых не только вогнутым дном, но и отсутствием перехвата у основания горла, имеющего четко выраженный скошенный переход. Близкие аналогии этому бальзамарию из Паннонии датируются второй половиной I в. [Barkóczy, 1988. S. 111–112. № 189–191. Taf. XVII, LXXX].

Грушевидные бальзамарии по своей морфологии сближаются с каплевидными, но тулово у них не так сильно вытянуто. Общая хронология близких форм Trir 69a и AR 128.2 в абсолютных датах определяется в пределах 20–80/100 гг. [Goetherd-Polaschek, 1977. S. 350; Rützi, 1991. S. 52; Fünfchilling, 2015. S. 403]. Сопоставление с боспорским вариантом I, 2, A каплевидных бальзамариев [Кунина, Сорокина, 1972. С. 157–158. Рис. 1] выглядит не очень корректным, хотя и не влияет на хронологию. Бальзамарии грушевидной формы происходят из трёх погребений Старокорсунского могильника № 3, датированных нами второй половиной I в. [Marčenko, Limberis, 2008. S. 306]

В погребении СК-3 № 216 вместе с бальзамарием из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 3, 8) была найдена фибула [Лимберис, Марченко, 2003. № 86; Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 162]. Эту фибулу с широкой изогнутой спинкой и кнопкой на конце приёмника В. В. Кропотов отнёс к варианту 2, датировка которого охватывает большую часть II в. [Кропотов, 2009. С. 213, 220]. Однако небольшой размер фибулы, характер гравированного орнамента и крупная биконическая кнопка позволяют усомниться в правильности этого определения. По нашему мнению, данная фибула, скорее, принадлежит варианту 1 второй половины I – начала II в. С его хронологией согласуется и датировка бальзамария.

Основанием для датировки погребений СК-3 № 328 и СК-3 № 391 с бальзамариями из бесцветного стекла (рис. 3, 9, 10) стали сами бальзамарии [Лимберис, Марченко, 2003, № 94, 98; Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 171, 176]. Другой инвентарь не противоречит указанной датировке, но и не может её уточнить.

Бальзамарий с перетяжкой на тулове из бесцветного стекла происходит из ограбленного в древности погребения СК-3 № 508 (рис. 3, 7), которое было отнесено нами к первой половине II в. [Marčenko, Limberis, 2008. S. 389. Kat. Nr. 180; Лимберис, Марченко, 2003. № 102]. Такие бальзамарии сирийского производства были широко распространены в Восточном Средиземноморье в конце I – середине II в. Д. Б. Харден отнёс их к типу E, который датировал II в., допуская его существование в предыдущем столетии [Harden, 1936. P. 270]. На Боспоре – это тип IV, уверенно датирующийся второй половиной I в. [Кунина, Сорокина, 1972. С. 168. Рис. 1]. Первоначальную датировку погребения, которая была основана на общепринятой хронологии орнаментированных зеркал-подвесок и сильно профилированных фибул причерноморского типа, с учётом хронологии бальзамария, можно уточнить до конца I – начала II в. [Лимберис, Марченко, 2018. С. 213, 215. Рис. 9].

Бутылы с коническим туловом мягких очертаний представляют собой укрупнённый вариант бальзамариев формы Is. 28a [Isings, 1957. P. 42] или боспорских бальзамариев I, 1, A [Кунина, Сорокина, 1972. С. 148, 150. Рис. 1]. Близкая форма Trir 71 имеет очень широкую хронологию от времени Флавиев до первой половины II в. [Goetherd-Polaschek, 1977. S. 350]. Аналогичная бутылка из некрополя Пантикапея, найденная вместе с другими стеклянными сосудами восточно-средиземноморского производства, относится к 40–60-м годам [Кунина, 1997. С. 297. № 213]. Бутылы

этой формы из прозрачного светло-зелёного стекла из трёх погребений могильника Старокорсунского городища № 3 были датированы нами второй половиной I в. [Marčenko, Limberis, 2008. S. 388].

В погребении СК-3 № 286 вместе с флаконом (рис. 4, 2) был найден разнообразный инвентарь, среди которого – стеклянный кувшин и две лучковые фибулы [Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 166. Taf. 173, 174; Лимберис, Марченко, 2003. № 90-1]. Кувшин из прозрачного желтого стекла обвит нитью белого цвета. Такие кувшины формы AR 169 бытовали очень длительный период – со второй половины I до середины III в. Встречаются они и позднее [Rütti, 1991. S. 56; Fünfchilling, 2015. S. 439]. Учитывая общепринятую хронологию лучковых подвязных фибул варианта 3 (первая половина – середина II в.) и наличие зеркала-подвески без орнамента, датировка погребения может быть сужена до конца I – начала II в.

Датировка погребений СК-3 № 352 и СК-3 № 450, где были найдены бальзамарии (рис. 4, 1, 3) такой же формы [Marčenko, Limberis, 2008. Kat. Nr. 174, 177; Лимберис, Марченко, 2003. № 97, 99-1] остаётся прежней, так как основным датирующим материалом в этих погребениях являются стеклянные сосуды.

Флакон грушевидной формы из бесцветного стекла, обвитый тончайшей плоской про-

зрачной жёлтой нитью, из погребения СК-3 № 158 (рис. 4, 4) сопровождался только сероглиняными меотскими сосудами [Лимберис, Марченко, 2003. № 83; Marčenko, Limberis, 2008. S. 388. Kat. Nr. 158]. Флакон относится к форме Trir 87, датировка которой ограничивается I в. [Goetherd-Polaschek, 1977. S. 351]. Флаконы, обвитые нитью цветного стекла, с разной формой тулова, являются продукцией Восточного Средиземноморья и датируются первой половиной I в. [Кунина, 1997. С. 294. № 195–197].

Типы бальзамариев римского времени, найденных в меотских погребениях Прикубанья, практически полностью соответствуют классификациям, разработанным на материалах западноевропейских памятников. Хорошо обоснованной хронологически является и дробная типология бальзамариев Боспора, датировки которых являются для меотских погребений предпочтительными. Сами по себе, бальзамарии, как предметы импорта, являются вполне надёжным датирующим материалом, особенно для погребений, где нет других хроноиндикаторов. Но, как мы видим, во многих погребениях бальзамариям сопутствовали предметы, которые сами имеют более-менее конкретные датировки (фибулы, зеркала-подвески) и могут быть использованы для подтверждения или даже уточнения хронологии комплексов.

Литература

- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П. Коллекция стекла античной Горгиипии (I–III вв.). М.: Интербук-бизнес, 2007. 160 с.
- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д1-30).
- Анфимов И. Н. Меотский могильник I–II вв. близ станицы Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи / Ред. Н. В. Анфимов, П. У. Аутлев. Майкоп, 1984. С. 83–111.
- Анфимов И. Н., Анфимов Н. В. Археологические памятники города // Кубанский краевед. Краснодар: Советская Кубань, 1992. Вып. 3. С. 19–60.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М.: Наука, 1970. 280 с. (САИ. Вып. Д1-27).
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1997. 360 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. 1972. Т. XIII. С. 146–177.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Стеклянные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. Вып. 3. С. 106–183.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология орнаментированных зеркал-подвесок с боковой ручкой из меотских могильников правобережья Кубани // Stratum plus. 2018. № 4. С. 201–217.
- Barkóczy L. Pannonische glasfunde in Ungarn. Budapest: Aedes Academiae Scientiarum Hungaricae, 1988. 223 s. (Studia Archaeologica. Bd. 9).
- Fünfchilling S. Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. August: Museum Augusta Raurica, 2015. 689 s. (Forschungen in Augst. Bd. 513).
- Goetherd-Polaschek K. Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1977. 352 S. (Trierer Grabungen und Forschungen. Bd. 9).
- Harden D. B. Roman glass from Karanis found by the University of Michigan archaeological expedition in Egypt, 1924–29. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1936. 352 p.

- Isings C.* Roman Glass from Dated Finds. Djakarta, Groningen: J.B. Wolters Publ., 1957. 185 p.
- Marčenko I. I., Limberis N. Ju.* Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Archäologie in Eurasien. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2008. Bd. 25. S. 265–400.
- Meyer-Schlichtmann C.* Die Pergamenischen Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh.v. Chr. – Mitte 2. Jh.n. Chr. Berlin: de Gruyter, 1988. 265 S. (Pergamenische Forschungen. Bd. 6).
- Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period. Chronology. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1959. 149 p. (The Athenian Agora. Vol. V).
- Rütti B.* Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Museum Augusta Raurica, 1991. 370 S. (Forschungen in Augst. Bd. 13, Nr. 1).

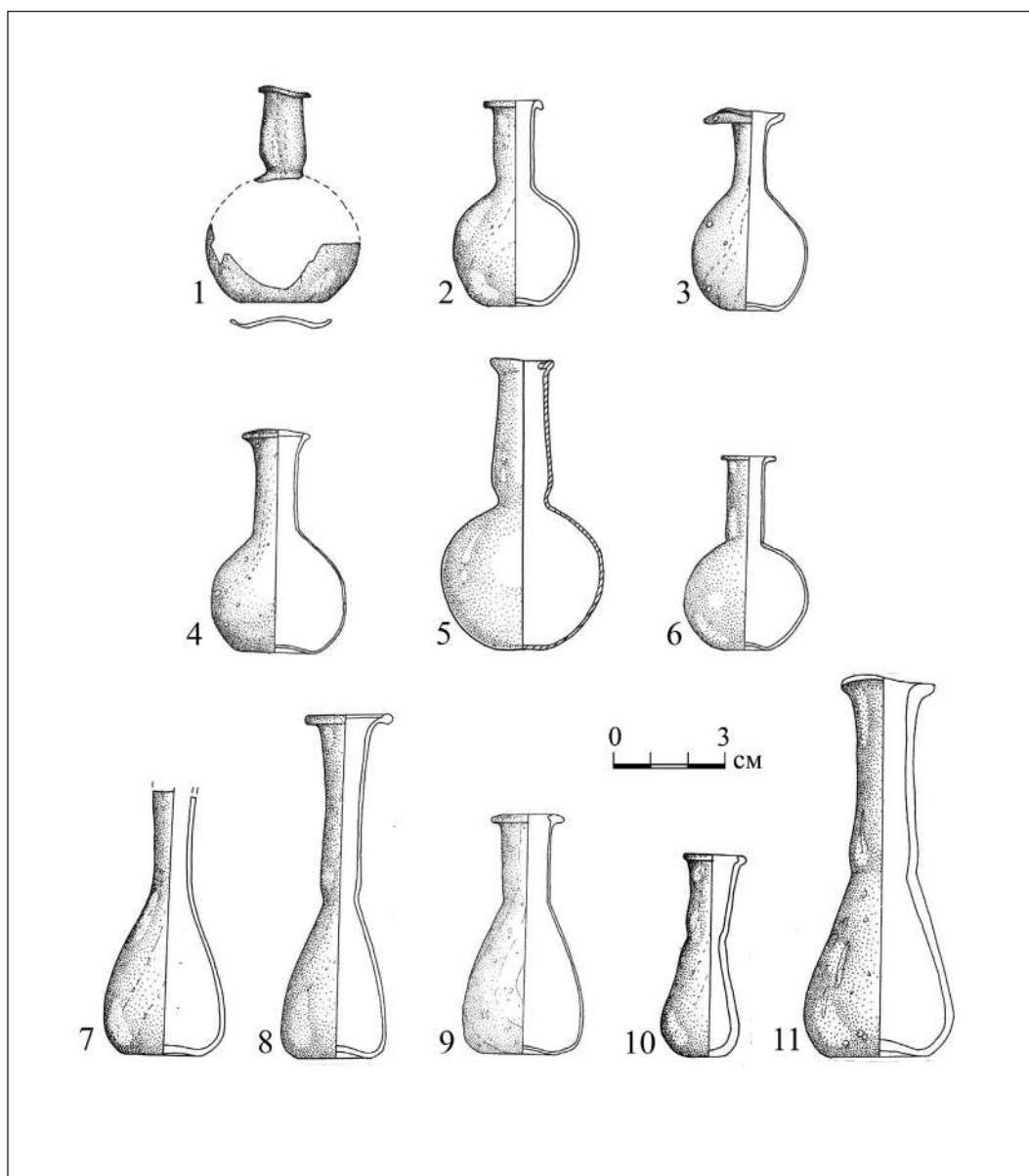

Рис. 1. Балзамарии с шаровидным туловом (Isings 6):

- 1 – Л-1 № 33; 2 – СК-2 № 385з; 3 – СК-3 № 157; 4 – СК-3 № 341; 5 – Тифлисская, к. 18;
 6 – Шенджий, разрушенный курган. Балзамарии с коническим туловом (Isings 28а):
 7 – СК-2 № 553з; 8 – СК-3 № 450; 9 – СК-3 № 468; 10 – СК-2 № 81з; 11 – Ленинохабль, п. № 120

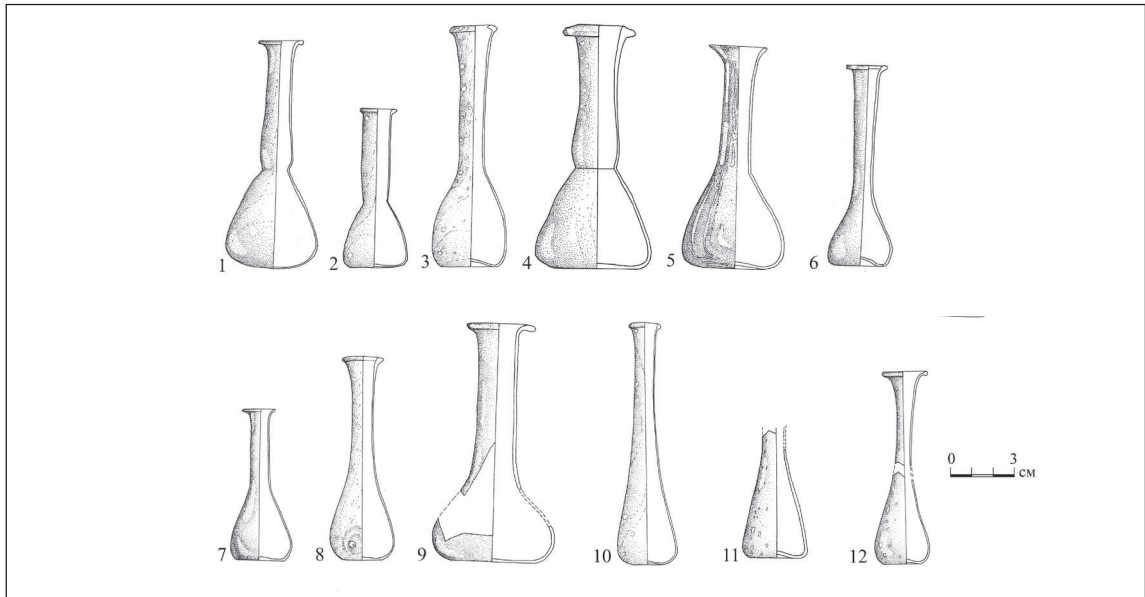

Рис. 2. Бальзамарии с коническим туловом (Isings 28b):

1 – СК-3 № 188; 2 – СК-3 № 207; СК-3 № 223; 4 – Казанская, к. 6; 5 – Кунчукохабль, разрушенный курган.
 Бальзамарии переходной формы (Isings 28b/82 B1): 6 – Л-1 № 264; 7 – Л-1, № 287; 8 – СК-3 № 287.
 Бальзамарии в форме подсвечника (Candlestick): 9 – Л-1 № 364 (Isings 82 A1); 10 – СК-3 № 317;
 11 – Почтовый, п. № 67; 12 – Почтовый, п. № 31 (10–12 – Isings 82 B1)

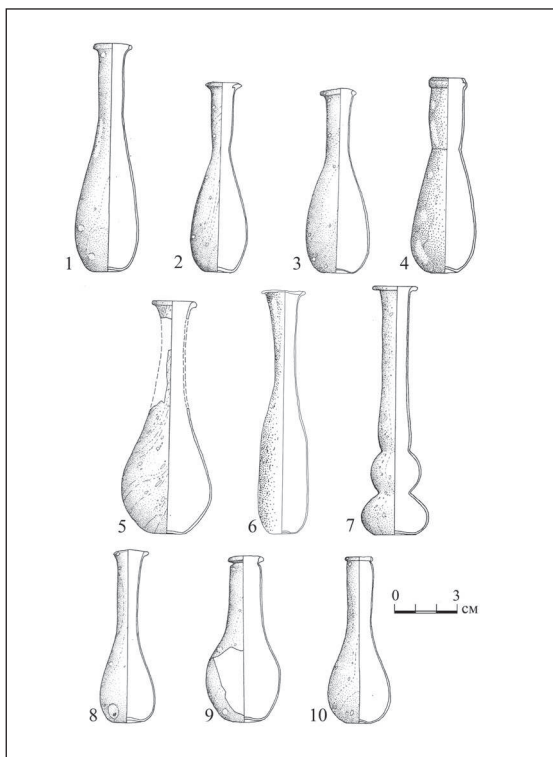

Рис. 3. Бальзамарии каплевидной формы:

1 – СК-3 № 401; 2 – СК-3 № 219;
 3 – СК-3 № 347(1–3 – AR 128.1/129);
 4 – Елиз.-2 № 27; 5 – СК-3 № 470.
 Трубочатый бальзамарий: 6 – СК-3 № 251.
 Бальзамарий с перехватом на тулове:
 7 – СК-3 № 508.
 Бальзамарии грушевидной формы (AR 128.2):
 8 – СК-3 № 216; 9 – СК-3 № 328; 10 – СК-3 № 391

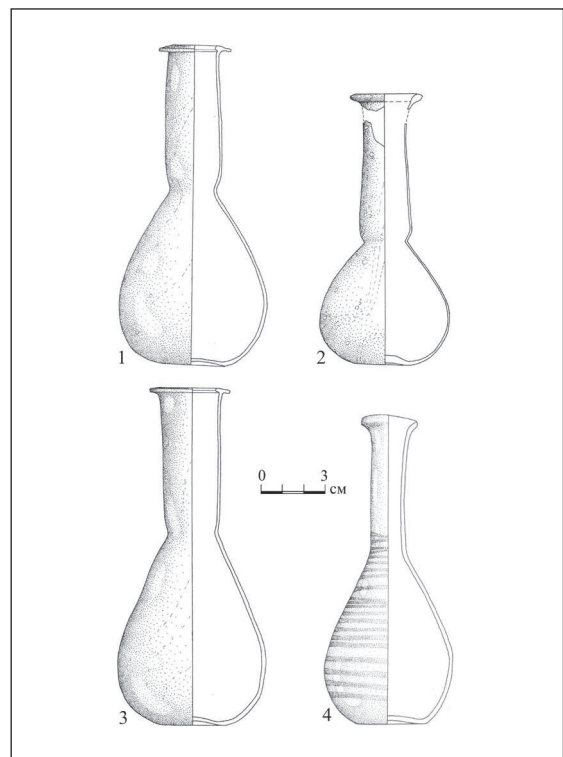

Рис. 4. Парфюмерные бутылки:

1 – СК-3 № 450; 2 – СК-3 № 286;
 3 – СК-3 № 352 (1–3 – Trir 71);
 4 – СК-3 № 185 (Trir 87)

«КУБАНСКОЕ» ПОДРАЖАНИЕ РИМСКОМУ ДЕНАРИЮ ТИПА «ИДУЩИЙ МАРС» С ДАЛЬНОЙ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

Алексеев Н. А.^{1*}, Пьянков А. В.²

¹ Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

² Западно-Кавказская археологическая экспедиция, г. Краснодар

* E-mail: alekseyenkonikolaj@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено недавно найденной, первой из зафиксированных находок «кубанского» (северокавказского) подражания римским денариям типа «идуший Марс», обнаруженной на дальней хоре античного Херсонеса. В отличие от большинства известных монет рассматриваемого типа (биллоновых и медных) новый экземпляр чеканен из сплава с высоким содержанием серебра. Монета принадлежит к ранней группе и, соответственно, относится к начальному этапу чеканки подражаний этого типа в первой половине III в. н.э. Как и на территории соседнего Боспора, монеты типа «идуший Марс», судя по всему, принимали участие в обращении на региональном денежном рынке вместе с синхронными выпусками херсонесской меди, боспорскими статерами, римскими денариями и медными номиналами. Их проникновение на юго-запад Таврики, очевидно, обусловлено связями Херсонеса и Боспора, на территорию которого последние попадали с юго-восточной боспорской периферии, где они чеканились местными племенами.

Ключевые слова: нумизматика, денежное обращение, варварские подражания римским денариям, Юго-Западная Таврика, Херсонес.

До недавнего времени в Юго-Западном Крыму, несмотря на изобилие нумизматического материала первых веков н.э., происходящего в том числе и с варварских поселений херсонесской округи, находок варварских подражаний известно не было. Лишь в 2020 г. в окрестностях современного села Вилино, расположенного в 50 км к северу от Севастополя, на дальней хоре античного Херсонеса, впервые был зафиксирован первый и пока единственный экземпляр¹. Значительная редкость находки для этого региона Таврики бесспорно заслуживает введения её в научный оборот в виде отдельной публикации.

Рассматриваемая монета является, достаточно широко представленным сегодня в нумизматической библиографии, «кубанским» (северокавказским) подражанием римским денариям с типом изображения «идуший Марс» (рис. 1).

Метрические данные монеты: диаметр – 16×19 мм, вес – 2,03 г, соотношение осей – 5+ час.

Сохранность удовлетворительная; края монетного кружка обломаны.

Издаётся впервые.

¹ В настоящее время монета находится в частной коллекции; в ближайшее время она будет передана в фонды Центрального музея Тавриды (Симферополь, Крым, Российская Федерация).

Аверс. Схематичное изображение мужской бородатой головы, вправо (волосы переданы завитками, дугами и рельефными лучами, глаз – рельефной точкой, нос – треугольником, а борода – гроздьё точек). Легенды нет.

Реверс. Схематичное изображение идущей вправо человеческой фигуры, переданной в полный рост (упрощённое изображение бога войны Марса, одетого в туннику и держащего в руках копье наперевес; на голове шлем). В поле внизу, по сторонам фигуры, изображены два косых креста с точками сверху, по кругу имитация надписи, переданной в виде прямых, косых и изогнутых линий.

Уже минуло два века со дня первого упоминания в нумизматической литературе варварских подражаний римским денариям типа «идуший Марс» [Kohler, 1822. S. 12]. К настоящему времени подобные монеты уже хорошо известны по находкам на территории Краснодарского края. Нередко их находят на территории Таманского полуострова и Черноморского побережья Кавказа, в пределах Анапского, Новороссийского, Туапсинского территориальных округов, и даже восточнее – в Крымском районе и в Западном Закубанье. За пределами края подобные находки зафиксированы также в западных районах Адыгеи, на территории Абхазии, в дельте Дона, и на р. Терек [см., на-

Рис. 1. «Кубанское» (северокавказское) подражание римскому денарию типа «идуший Марс» с дальней хоры Херсонеса (фото Н. А. Алексеевко)

пример: Орешников, 1892. С. 35–38; Захаров, 1937. С. 262–268; Зограф, 1945. С. 45–48. Табл. III; Пахомов, 1945. № 1055; 1949. №№ 1428–1430; Кропоткин, 1961. С. 16, 39, 40, 49, №№ 5, 8–10, 13, 14, 18, 20, 22, 258; Онайко, 1967. С. 52, 53; Салов, 1975. С. 172–175; Усачёва, 1986. С. 199–201. Рис. 1; Абрамзон, Кузнецов, Остапенко, 2019. С. 402–406; Бабиец, Богачук, 2019. С. 267–270; Бабиец, Новичихин, Сапрыкин, 2020. С. 46–52. Рис. 1,1–11; Пьянков, Завьялов, 2021. С. 197–207. Рис. 1,1–12; 2,13–24].

Основная масса подражаний римским денариям представляют собой монеты с изображением мужской головы на аверсе и человеческой фигуры, идущей (чаще всего вправо) или стоящей и держащей копье наперевес на реверсе. Подражания-имитации варьируются от близких

к прототипу – денарию Марка Аврелия, тип: голова бородатого императора в лавровом венке, вправо / идущий вправо Марс, держащий копье наперевес [Mattingly, Sydenham, 1930. P. 235–237, 240. Nr. 286, 299, 310, 349; Seaby, 1979. P. 202. Nr. 126], до очень отдалённых от оригинала вариантов.

Первоначально подражания денариям рассматриваемого типа чеканились из серебра высокой пробы, однако со временем происходит ощутимая деградация монетного стиля, которая в первую очередь выразилась как в значительном ухудшении качества изображений (на поздних выпусках они сильно варваризированы и схематичны – портрет представлен как клубок из рельефных линий, а вместо надписей – лишь их имитации в виде коротких косых, прямых или дуговидных линий, крестиков и кружков), так и в качестве металла (быстром падении пробы серебра в монетном сплаве) и фактическом вытеснении благородного металла медью.

Осенью 2022 г. в лаборатории НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского при помощи неразрушающего безэталоного метода был проведён рентгено-флуоресцентный анализ металла, из которого изготовлен рассматриваемый нами экземпляр «кубанского» подражания. Исследование выполнялось на спектрометре M1 MISTRAL (Bruker). Определение состава сплава осуществлялось в двух точках на аверсе и реверсе монеты и изучалось содержание основных элементов (Cu, Ni, Zn, Mn, Fe, Ag, As, Au, Pb, Sb, Sn). Результаты элементного состава сплава в процентном соотношении представлены в таблице ниже²:

Cu	Ni	Zn	Mn	Fe	Ag	As	Au	Pb	Sb	Sn
10,79	0,00	5,97	0,00	0,10	79,88	0,00	0,68	0,99	0,13	0,10

Как можно видеть, рассматриваемая монета изготовлена из сплава с высоким содержанием серебра (79,88%), очевидно, разбавленного красной латунью – томпаком (Cu+Zn || 16,76%), о чём свидетельствует наличие соответствующей концентрации цинка (5,97%). В составе монетного сплава также фиксируются незначительные, не доходящие и до 1%, микропримеси железа, олова, свинца, сурьмы и даже золота, что вполне обычно для элементного состава древних полиметаллических руд. В то же время, состав сплава нашего экземпляра существенно отличается от аналогичного, более низкопробного (биллонового), подражания из Фанагории (Ф-17-37) [Абрамзон, Кузнецов, Остапенко, 2019. С. 403], что, несомненно, свидетельствует о его принадлежности к наиболее ранним сериям монет этого типа.

Представление о хронологии подражаний менялось по мере появления новых находок и изучения артефактов. А. В. Орешников и Н. А. Захаров относили чеканку имитаций к IV–V вв. [Орешников, 1892. С. 35–38; Захаров, 1937. С. 268]. Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин пришли к мнению, что выпуск подражаний начался в готской среде с середины III в. и продолжался весь IV в., а в местной среде греков и варваров они были в употреблении вплоть до конца V в. [Казаманова, Кропоткин, 1961. С. 134]. Позднее, Д. Б. Шелов отнёс начало чеканки подражаний к началу III в. и связал

² Авторы выражают глубокую благодарность сотруднику НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского А. В. Антипенко за помощь в определении элементного состава сплава монеты.

их выпуск с сармато-аланскими племенами [Шелов, 1973. С. 194].

Сегодня исследователи склонны датировать выпуски «кубанских» имитаций римских денариев серединой III – серединой IV в., хотя они, скорее всего, продолжали бытовать в регионе ещё и несколько позже [Аптекарев, 2001. С. 54–62; Сергеев, 2012. С. 89; Абрамзон, Кузнецов, Остапенко, 2019. С. 404]. Заметим, что от общей точки зрения несколько отличаются представления о хронологии «кубанских» подражаний В. Н. Клешинова и Г. Д. Муравьёвой; авторы склонны их датировать концом II – серединой IV в. [Клешинов, Муравьёва, 2022. С. 10].

За время изучения «кубанских» подражаний римским денариям были разработаны три классификации. Первая из них, предложенная в своё время Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткиным, состояла из трёх хронологических групп, отражающих степень деградации исходного типа, в том числе и порчу монетного сплава [Казаманова, Кропоткин, 1961. С. 128–136]. Вторая, автором которой стал А. Я. Сергеев, разделила все подражания на IV стадии деградации монет по изображениям на аверсе и качеству металла (от серебра к меди); внутри стадий подражания сгруппированы по отдельным сериям [Сергеев, 2012. С. 89–140, 219–233]. Третью схему совсем недавно ввели в оборот В. Н. Клешинов и Г. Д. Муравьёва. Она также основана на степени деградации изображений, но, по сравнению с предыдущими, ещё более дробная и, соответственно, более сложная по конструкции. Классификация делит весь объём подражаний на две не равновеликие группы, причём в первую входят подражания, имеющие самые разные денарии-прототипы, включая и тот же тип «идуший Марс», а вторая группа объединяет лишь 8 различающихся в деталях вариантов деградированных подражаний исключительно одного типа – с изображением идущего Марса [Клешинов, Муравьёва, 2022. С. 11–331].

Таким образом, по классификации, предложенной Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткиным, новый крымский экземпляр «кубанского» подражания, очевидно, следует отнести или к первой хронологической группе подражаний, или ранней стадии второй, когда монеты выпускались ещё из достаточно высокопробного серебра [см.: Казаманова, Кропоткин, 1961. С. 131, 132]. Второй вариант, очевидно, здесь более актуален, поскольку изображения на монете уже достаточно варваризированы. Однако точных аналогий во второй группе подобрать не удалось, поскольку у авторов среди штемпелей реверса отсутствует необходимый, с соответствующими нашему экземпляру знаками, расположенными по сторонам фигуры Марса (слева – х;

справа – +) [см.: Казаманова, Кропоткин, 1961. С. 131, 132. Табл. I; табл. соотношения штемпелей]. По В. Н. Клешинову и Г. Д. Муравьёвой рассматриваемое нами подражание, с учётом иконографии изображений и сопоставления весовых данных, может быть сопоставлено с монетами из группы II (3-я подгруппа), среди которых можно отметить наличие достаточно близкого нашему экземпляру [Клешинов, Муравьёва, 2022. С. 161. Кат. № 552].

В разное время исследователи относили чеканку «кубанских» подражаний римским денариям к различным этносам, например, к синдам [Kohler, 1822. S. 12] или к не названным варварам, населявшим окрестности Керчи [Древности Боспора..., 1854а. С. 160, 161. Кат. №№ 18–20; 1854б. Табл. LXXXVI, 18–20]. О. П. Бурачков приписал эти монеты славянским племенам [Бурачков, 1875. С. 108. Табл. XIII, 5–7]. Однако А. В. Орешников не принял эту версию и называл их монетами «неизвестного народа», хотя, допускал, что это чеканка племени готов [Орешников, 1892. С. 35–38, табл. III, 52–56]. А. Н. Зограф ограничился лишь предложением об их принадлежности неким общинным властям [Зограф, 1951. С. 102]. Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин выдвинули свои достаточно веские аргументы в пользу готской версии появления подражаний типа «идуший Марс» в Северо-Восточном Причерноморье и в сопредельных регионах [Кропоткин, 1961. С. 16, 17; Казаманова, Кропоткин, 1961. С. 134]. Другое мнение высказал Д. Б. Шелов, который предположил, что за выпуском подражаний стояли местные сиракские или сармато-аланские племена [Шелов, 1973. С. 193, 194]. Позднее В. Ю. Малашев, развивая точку зрения учёного, вновь попытался обосновать сармато-аланскую версию появления подражаний римским денариям на Северо-Западном Кавказе [Малашев, 1994. С. 48–51]. Эту идею поддержали некоторые современные исследователи [см.: Абрамзон, Фролова, Горлов, 2002. С. 406; Бабиец, Богачук, 2019. С. 270]; в последнее время близкую позицию занял и В. Н. Клешинов, который видел в народе, чеканившем подражания, ассимилированных сарматами и осевших на территории Северо-Западного Кавказа римлян [Клешинов, 2016. С. 6–8].

Тем не менее, сегодня всё большую поддержку получает версия чеканки варварских монет в готской среде [см.: Онайко, 1967. С. 53; Усачёва, 1986. С. 200; Аптекарев, 2001. С. 54–67; Абрамзон, Фролова, 2007–2008. С. 47, 48; Сергеев, 2012. С. 219, 233; Пьянков, Завьялов, 2021. С. 204].

Распространяемая ранее идея о том, что местом чеканки «кубанских» подражаний является

Таманский полуостров, активно отстаиваемая А. Я. Сергеевым и безапелляционно принятая М. М. Чорефом [Сереев, 2001. С. 61; Чореф, 2016. С. 81], к настоящему времени полностью утратила свою аргументацию и, соответственно, здесь нами даже не рассматривается [Пьянков, Завьялов, 2021. С. 204].

По нашему мнению, выбор центра чеканки «кубанских» подражаний наиболее положительно может быть решён лишь в пользу Раевского городища или его окрестностей под г. Новороссийском. Напомним, впервые эту идею высказал и обосновал А. З. Аптекарев [Аптекарев, 2001. С. 65]. В свете последних данных её поддерживают и ряд современных исследователей [Клешинов, 2016. С. 6; 2022. С. 9, 10; Бабиец, Богачук, 2019. С. 268; Пьянков, Завьялов, 2021. С. 204].

Находки «кубанских» подражаний римским денариям типа «идуший Марс» известны и в Крыму, однако здесь они представлены лишь единичными экземплярами и до недавнего времени были обнаружены лишь в восточной части полуострова. В отличие от Азиатского Боспора, на его Европейской части, на территории Таврики, к настоящему времени зафиксировано совсем незначительно количество таких подражаний (немногим более 10 находок). Происходят они как из раскопок боспорских городов, так и случайных находок. Один экземпляр найден в Тиритаке [Кропоткин, 1961. С. 63. № 566], ещё два – из раскопок Пантикапея [Анисимов, 1992. С. 340. №№ 144, 222]. Две монеты хранятся в Керченском историко-культурном заповеднике, однако точное место находки одной (AR) не известно (старые фонды) [Абрамзон, Иванина, 2010. С. 114, 274. № 552. Табл. 124,552], а вторая (AE; половинка монеты) поступила музей из

Китея [Абрамзон, Иванина, 2010. С. 114. № 553]. Пять поздних подражаний второй половины III в. н.э. и конца III – начала IV в. находились в составе двух кладов боспорских статеров из селения Гай Кадзор [Абрамзон, Фролова, 2007–2008. С. 537, 543. №№ 111–113, 228, 229]. Небольшая группа из 7 имитаций римских денариев, найденных в Крыму, представлена в работе О. В. Анохина, собравшего информацию о варварских подражаниях, происходящих с территории Украины. Четыре из них найдены в районе г. Керчи, место находки остальных, к сожалению, не зафиксировано [Анохин, 2015. С. 28, 29, 206. Табл. I,1–7].

Таким образом, вводимый в научный оборот новый экземпляр «кубанского» подражания типа «идуший Марс» – пока единственная на сегодня находка, обнаруженная на дальней хоре Херсонеса Таврического и достоверно зафиксированная в Юго-Западном Крыму, которая не только дополняет базу данных об обнаружении варварских подражаний на территории юга России (Прикубанье, Кавказское побережье, Крым), но и в известной мере расширяет географию находок данного типа монет в Северном Причерноморье. Кроме того, сам факт такой находки, скорее всего, свидетельствует об очевидном участии «кубанских» подражаний в обращении на местных денежных рынках, в том числе и на территориях варварских поселений Таврики, вместе с синхронными выпусками херсонесской меди, боспорскими статерами, римскими денариями, имперскими медными номиналами и квазиавтономными выпусками греческих городов, прекрасным примером чему является нумизматический комплекс из недавних раскопок позднескифского поселения Кермен-Бурун в окрестностях Севастополя [Алексеевко и др., 2019. С. 15–22].

Литература

- Алексеевко Н. А., Рукавишникова И. В., Волошинов А. А., Бейлин Д. В. Нумизматические находки из раскопок позднескифского поселения Кермен-Бурун в окрестностях Севастополя // ПриПОНТИЙский меняла: деньги местного рынка. VI Международный нумизматический симпозиум (Севастополь – Балаклава, 16–20 сентября 2019 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь, 2019. С. 15–22.
- Абрамзон М. Г., Иванина О. А. Античные монеты. Из коллекции Керченского историко-культурного заповедника. Киев: Мистецтво, 2010. 320 с. (Нумизматическая коллекция. Т. II).
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., Остапенко С. Н. Северокавказские подражания римским денариям из раскопок Фанагории 2010–2018 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Вып. XXIV. С. 402–406.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. Корпус боспорских кладов античных монет. Том I (1834–2005 гг.). Симферополь; Керчь, 2007–2008. 870 с.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В. Клады античных монет на Юге России (по материалам Краснодарского края). М., 2002. 502 с.
- Анохин О. В. Фальшивомонетничество у варварских племён на территории современной Украины и Молдовы. Каталог варварских подражаний. Днепропетровск; Киев, 2015. 206 с.
- Аптекарев А. З. К вопросу о северокавказских подражаниях римским денариям // Музейный вестник (к 25-летию музея-заповедника) / Ред. О. Н. Танащук, Б. Е. Фролов, А. В. Пьянков. Краснодар, 2001. С. 54–67.
- Бабиец А. И., Богачук Е. О. Монеты «неизвестного народа» на полуострове Абрау // SCYTHIA et SARMATIA: Сборник статей / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 267–270.

- Бабиец А. И., Новичихин А. М., Сапрыкин И. А.* Варварские подражания римским денариям из находок в районе Анапы (по материалам Анапского археологического музея) // Западный Кавказ в контексте евразийских древностей. X «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции (Анапа, 23–25 октября 2020 г.). Краснодар, 2020. С. 46–52.
- Бурачков О. П.* О местоположении древнего города Киркинитиса и монетах ему принадлежащих // Записки Одесского общества истории и древностей. 1875. Т. IX. С. 1–133, XIV табл.
- Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа / Составитель Ф. А. Жиль.* СПб.: Имп. АН, 1854а. Т. 2. 340 с.
- Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа / Составитель Ф. А. Жиль.* СПб.: Имп. АН, 1854б. Т. 3. Атлас. LXXXVI таблиц; 5 с. чертежей и планов; 2 л. карт.
- Захаров Н. А.* Вопрос о монетах «неизвестного народа» // Вестник древней истории. 1937. № 1 (1). С. 262–268.
- Зограф А. Н.* Распространение находок античных монет на Кавказе // Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. 1945. Т. I. С. 29–85.
- Зограф А. Н.* Античные монеты. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 227 с., L табл. (МИА. № 16).
- Клещинов В. Н.* Римско-сарматские денарии конца II – середины IV в. н.э. М., 2016. 77 с.
- Казаманова Л. Н., Кропоткин В. В.* «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // Вестник древней истории. 1961. № 1 (75). С. 128–136.
- Клещинов В. Н., Муравьева Г. Д.* Атлас таманских подражаний римским денариям. М.: Пробел-2000, 2022. 332 с.
- Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 135 с., 36 табл. (САИ. Вып. Г4-4).
- Малашев В. Ю.* К проблеме протогородской культуры населения Северного Кавказа первой половины I тысячелетия н. э. (денежное обращение) // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4. С. 48–51.
- Онайко Н. А.* «Варварские» подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // Краткие сообщения Института археологии. 1967. Вып. 109. С. 52–53.
- Орешников А. В.* Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. 100 с.
- Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик и краёв и областей Кавказа. Вып. IV. Баку, 1945. 115 с.
- Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик и краёв и областей Кавказа. Вып. V. Баку, 1949. 63 с.
- Пьянков А. В., Завьялов С. Л.* Клад кубанских подражаний римским денариям, найденный в 2006 году под Анапой // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е. И. Нарожный. Армавир; Карачаевск, 2021. Вып. 19. С. 107–207.
- Салов А. И.* Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский район) // Советская археология. 1975. № 3. С. 172–175.
- Сергеев А. Я.* Варварский чекан на Тамани // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Часть XIV. М., 2001. С. 61–84. (Труды ГИМ. Вып. 115).
- Сергеев Ф. Я.* Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции А. Я. Сергеева в ГИМ / Под ред. Г. М. Муравьевой, В. Н. Клещинова. М.: ГИМ, 2012. С. 89–140, 214–233.
- Усачёва О. Н.* Новая находка подражания римским денариям из Кеп // Проблемы античной культуры. / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука. 1986. С. 199–201.
- Шелов Д. Б.* О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. Посвящается памяти Е. И. Крупнова / Отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 190–196.
- Чореф М. М.* Монеты неизвестного народа или к вопросу об атрибуции «Таманских денариев» // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2016. № 3. С. 81–84.
- Kohler K. E.* Medaillen Gregues // Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Alterthum T. I. St. Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1822. S. 1–29. Pl. I–II.
- Mattingly H., Sydenham E. A.* The Roman Imperial Coinage. Vol. III. Antoninus Pius to Commodus. London: Spon & Son, 1930. 514 p. Pl. I–XVI.
- Seaby H. A.* Roman Silver Coins. Vol. II. Tiberius to Commodus. London: Seaby, 1979. 256 p.

К ВОПРОСУ О НАХОДКАХ РИМСКИХ МЕДНЫХ МОНЕТ В ПРИКУБАНЬЕ

Бабиец А. И. *, Пьянков А. В., Иванова О. Н.

ООО «Региональный центр археологического наследия», г. Новороссийск

* E-mail: ncpr333@yandex.ru

Аннотация. Медные монеты Римской Империи – редкие находки на территории Краснодарского края. Подобные артефакты, обнаруженные на территории Боспорского государства, заслуживают обязательной фиксации, а введение в научный оборот этих находок представляется важным для пополнения нумизматической базы данных.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, фоллис, монетные клады, римские монеты.

Нумизматические источники совместно с данными памятников письменности и археологическими находками образуют богатую источниковую базу, которая позволяет по-новому подойти ко многим проблемам истории римско-боспорских отношений, изучить характер денежного обращения на Боспоре и у окрестных варваров в эпоху Империи. Ограниченность письменных источников по истории региона может быть существенно дополнена нумизматическими материалами для понимания экономического развития и политической истории населения Прикубанья и Северо-Западного Кавказа в античный период.

Со времени подчинения Боспора Риму на Тамани римские монеты были в обращении и встречаются регулярно. В основном, это римские монеты времен Империи первых веков нашей эры [Крушкол, 1951. С. 266, 272].

В 1926 году Е. А. Пахомов начинает издание серии выпусков «Монетные клады

Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа». За 40 лет вышли девять выпусков, в которых были обобщены все известные ему находки монет на Кавказе и находки кавказских монет за пределами Кавказа [Пахомов, 1938–1966]. Публикация находок и скрупулезное изучение материала позволили автору наметить основные этапы денежного обращения на Кавказе в античную эпоху.

На территории СССР зарегистрировано 172 клада римских монет, из них кладов медных монет 16, смешанных кладов (серебро и медь) – 5 [Кропоткин, 1961. С. 14]. В 2000 г. собраны материалы о новых находках римских монет и уточнены ранее опубликованные данные – количество кладов составило 213 (клады медных монет – 25, смешанные клады – 11) [Кропоткин, 2000. С. 74, 76]. Клады и отдельные находки римских монет, обнаруженные на Боспоре, дают ценный исторический материал для изучения процессов развития денежного обращения региона.

Таблица 1. Клады римских монет

	1961 г.	2000 г.
Клады римских монет	172	213
из них: клады медных монет	16	25
смешанные клады	5	11

Зафиксированное общее количество, как отдельных монет, так и в составе кладов, происходящих с территории Боспорского царства, сравнительно невелико и в основном принадлежат императорской эпохе [Абрамзон, Иванова, 2010. С. 50–55; Розов, 2015. С. 282].

Римские монеты учтены в сводках Е. А. Пахомова [Пахомов, 1938. С. 14. № 347. С. 15. № 353; 1940. С. 30. № 784; 1957. С. 7. № 1713].

В своде В. В. Кропоткина в пределах Краснодарского края упоминаются находки 11 медных римских монет: медная монета Клавдия II, 268–270 гг., позднеримская монета III–IV вв., римская медная монета Веспасиана 71 г. из раскопок в Фанагории, бронзовая монета Грациана, 378–383 гг., 2-я официна, чеканенная в Константинополе, из случайных находок в Фанагории, 3 бронзовые монеты из Темрюкского

района (Констанций II, Валентиниан I, Феодосий I) и обнаруженные в Туапсе 4 медные монеты, две из них – это Антонин Пий и Диоклетиан 288 г., чеканенные в Александрии Египетской [Кропоткин, 1961. С. 39, 40. №№ 15–17, 19, 24–26].

Впоследствии исследователь добавил к своду находки еще 5 римских медных монет – бронзовая монета Валентиниана I, чеканенная в Сисции, 3-я оффицина, найдена в Адлере не позже 1964 г., бронзовая монета Каракаллы, найдена близ г. Кропоткин в 1965 г., при раскопках городища Кепы в 1973 г. (фоллис Константина I и Константина II, чеканенные в Кизике и неопределенная римская монета) [Кропоткин, 2000. С. 21, 22. №№ 1688, 1698, 1713].

Сегодня таких находок известно больше.

В 2015–2016 гг. в окрестностях пгт. Черноморский Северского района Краснодарского края, а также около п. Пригородный в Туапсинском районе были найдены медные римские монеты: квадранс Траяна, дупондий и сестерций Антонина Пия, чекан г. Рима (рис. 1, 1–3). Монеты датируются 98–161 гг. н.э. [Бабиец, Иванова, Демидов, 2022. С. 37–38]. Ниже дано их более подробное описание.

1. Траян (98–117 гг.). Av.: Драпированный бюст императора, вправо; IMP CAES NERVA TRAIAN AVG. Rv.: Волчица влево; S C. Вес 3,64 г, диаметр 16 мм. Лит.: BMC III, no. 1061 (рис. 1, 1).

2. Антонин Пий (145–161 гг.). Av.: Бюст Антонина Пия в лучевой короне, вправо; ANTONINVS AVG PIVS PP TR P. Rv.: Гонорий, голова влево, держащий ветку в правой руке и рог изобилия, кончик отвернут от тела, в левой; HONORI AVG COS IIII S C. Вес 11,32 г, диаметр 23 мм. Лит.: RIC III, 128, no. 802 (рис. 1, 2).

3. Антонин Пий (156–157 гг.). Av.: Бюст Антонина Пия в лавровом венке, вправо; ANTONINVS AVG PIVS PP IMP II. Rv.: Секуритас сидит слева на стуле, образованном двумя рогами изобилия, держа скипетр и опираясь левой рукой на вершину одного из рогов изобилия; TR POT XX COS IIII S C. Вес 11,32 г, диаметр 2,45–2,20 см. Лит.: RIC III, 145, no. 967 (рис. 1, 3).

В 2018 г. у юго-восточной границы укрепленного поселения Ильич 1 был случайно найден клад из 23 римских монет III–IV вв. н.э. (Абрамзон, Бабиец, 2022. С. 185–188). Кроме фоллисов Галерия (1), Максимиана II (1), Лициния I (8), Константина I (8), Константина II как цезаря (1), в кошельке оказались две литых бронзовых копии серебряных денариев Септимия Севера и Плавтилла и два антониниана Клавдия II Готского и Аврелиана (рис. 2).

Ядро клада составляют фоллисы Лициния I и Константина I, при небольшом преобладании последнего (вместе с выпуском Константина II как цезаря); чеканки других тетрархов представлены единичными экземплярами.

Таблица 2. Количественное распределение монет в Ильичевском кладе

<i>Император</i>	<i>Экз.</i>
Галерий Максимиан (293–311)	1
Максимин Даза (305–313)	1
Лициний I (308–324)	8
Константин I (306–337)	8
Константин II (317–340)	1
Прочие римские	4
Всего	23

Таблица 3. Распределение фоллисов по монетным дворам в Ильичевском кладе

<i>Император</i>	<i>Лион</i>	<i>Рим</i>	<i>Сисция</i>	<i>Фессалоника</i>	<i>Гераклея</i>	<i>Никомедия</i>	<i>Кизик</i>	<i>Антиохия</i>	<i>Всего</i>
Галерий Максимиан			1						1
Максимин Даза								1	1
Лициний I			1		3	2	1	1	8
Константин I	1	3		2	1	1			8
Константин II			1						1
Всего	1	3	3	2	4	3	1	2	19

В комплексе преобладает продукция восточных дворов Империи. Клад, по-видимому, был занесен на Тамань и не связан с денежным обращением Боспора, тем более что фоллисы данного периода очень редко встречаются в регионе, как и римские монеты в целом (единичные и в кладах). Например, за полвека раскопок такого крупного города как Фанагория (1972–2022) было найдено всего два фоллиса тех же типов, что в Ильичевском кладе [Абрамзон, Бабиец, 2022. С. 185–188].

Список монет Ильичевского клада

Септимий Север (193–211 гг.)

Рим, 208 г. н.э.

1. Ав.: Голова Септимия Севера в лавровом венке, с бородой, вправо; SEVERSVS PIVS AVG. Rv.: Гений, полуобнаженный, стоит прямо, голова повернута вправо; в правой вытянутой руке – патера, в левой – рог изобилия; PM TR P XVI COS III PP. Вес 3,03 г, диаметр 19 мм. Лит.: RIC IV/1, 119, no. 220 (рис. 3, 1).

Плавтилла (202–205 гг.)

Рим, выпуск I

2. Ав.: Бюст Плавтиллы, вправо; волосы завиты в вертикальные пряди и собраны в узел на затылке; PLAVTILLA AVGVSTAE. Rv.: Каракалла, одетый в тогу, стоит влево; в левой руке – свиток, правой пожимает руку Плавтилле, стоящей перед ним вправо; CONCORDIAE AETERNAE. Вес 2,80 г, диаметр 19 мм. Лит.: RIC IV/1, 269, no. 361 (рис. 3, 2).

Клавдий II Готский (268–270 гг.)

Рим, 268–270 гг.

3. Ав.: Бюст императора в лучистой короне и в доспехах вправо; IMP C CLAVDIVS AVG. Rv.: Салюс стоит слева от алтаря, в левой руке – скипетр, кормит из патеры поднимающуюся змею; SALVS AVG. Монетный двор Рим. Вес 2,74 г, диаметр 19 мм. Лит.: RIC V/1, 218, no. 98. (рис. 3, 3).

Аврелиан (270–275 гг.)

Сисция. Период III

4. Ав.: Бюст Аврелиана, вправо; IMP C AVRELIANVS AVG. Rv.: Сол вправо, держа шар; SOLI INVICTO. Вес 3,32 г, диаметр 23 мм. Лит.: RIC V/1, 294, no. 257. Rv. Справа в поле *, под обрезом III (рис. 3, 4).

Галерий Максимиан (293–311 гг.)

Сисция, 309–310 гг.

5. Ав.: Бюст Галерия Максимиана в лавровом венке вправо; IMP MAXIMIANVS PF AVG. Rv.: Гений обнаженный, в хламиде, накинутой на левое плечо, стоит влево, на голове модий; в правой руке держит патеру, в левой – рог изобилия; GENIO A-VGVSTI. Вес 5,86 г, диаметр

22 мм. Лит.: RIC VI, 479, no. 198a. Rv. В поле ∪ – В, под обрезом SIS (рис. 3, 5).

Максимин Даза (305–313 гг.)

Антиохия, 312 г. н.э.

6. Ав.: Бюст Максимиана, вправо; на голове – лавровый венок; IMP C CAL VAL MAXIMINVS PF AVG. Rv.: IOVI CONS-ERVATORI. Юпитер обнаженный, с плащом на левом плече, стоит прямо, голова повернута влево; держит Победу на шаре в правой руке и опирается на скипетр левой рукой, у ног слева орел; IOVI CONS-ERVATORI. Вес 4,03 г, диаметр 21 мм. Лит.: RIC VI, 643, no. 166b. Rv. В поле * – E, под обрезом ANT (рис. 3, 6).

Лициний I (308–324 гг. н.э.)

Сисция, 313–315 гг.

7. Ав.: Голова Лициния в лавровом венке, повернутая вправо; IMP LIC LICINIVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONS-ERVATORI. Вес 3,37 г, диаметр 22 мм. Лит.: RIC VII, 423, no. 9. Rv. В правом поле В, под обрезом SIS (рис. 3, 7).

Гераклея, 313 г. н.э.

8. Ав.: Голова Лициния в лавровом венке, повернутая вправо; IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONS-ERVATORI AVG G. Вес 2,00 г, диаметр 21 мм. Лит.: RIC VII, 542, no. 6, note. Rv. В правом поле А, под обрезом SMHT (рис. 3, 8).

9. Ав.: Бюст Лициния в лавровом венке, повернутый вправо; IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONS-ERVATORI AVG G. Вес 3,09 г, диаметр 23 мм. Лит.: RIC VII, 542, no. 6, note. Rv. В правом поле А, под обрезом SMHT (рис. 3, 9).

10. Ав.: Бюст Лициния в лавровом венке, повернутый вправо; IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONS-ERVATORI AVG G. Вес 2,33 г, диаметр 24 мм. Лит.: RIC VII, 542, no. 6, note. Rv. В правом поле В, под обрезом SMHT (рис. 3, 10).

Никомедия, 313–317 гг.

11. Ав.: Голова Лициния в лавровом венке, повернутая вправо; IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о ски-

петр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONSERVATORI. Вес 3,02 г, диаметр 22 мм. Лит.: RIC VII, 601, no. 13. Rv. В поле справа Δ, под обрезом SMN (рис. 3, 11).

12. Ав.: Голова Лициния в лавровом венке, повернутая вправо; IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONSERVATORI. Вес 2,09 г, диаметр 21 мм. Лит.: RIC VII, 601, no. 13. Rv. В поле справа S, под обрезом SMN (рис. 3, 12).

Кизик, 313–315 гг.

13. Ав.: Голова Лициния в лавровом венке, повернутая вправо. IMP C LICIN LICINIVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONSERVATORI. Вес 2,99 г, диаметр 24 мм. Лит.: RIC VII, 643, no. 4. Rv. В поле справа S, под обрезом SMK (рис. 4, 13).

Антиохия, 315–316 гг.

14. Ав.: Голова Лициния в лавровом венке, повернутая вправо; IMP LIC LICINIVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONSERVATORI AVG G NN. Вес 2,06 г, диаметр 23 мм. Лит.: RIC VII, 678, no. 17. Rv. В поле справа Γ, под обрезом ANT (рис. 4, 14).

Константин I Великий (306–337 гг.)

Лион, 313–314 гг.

15. Ав.: Бюст Константина I в лавровом венке, вправо; IMP CONSTANTINVS PF AVG. Rv.: Сол в лучевой короне, хламиде, накинутой на левое плечо, стоит влево, подняв правую руку, в левой держит шар; SOLI INVI-CTO COMITI. Вес 3,39 г, диаметр 22 мм. Лит.: RIC VII, 122, no. 1. Rv. В поле S – F, под обрезом PLG (рис. 4, 15).

Рим, 313 г. н.э.

16. Ав.: Бюст Константина I в лавровом венке, вправо; IMP CONSTANTINVS PF AVG. Rv.: Сол в лучевой короне, хламиде, накинутой на левое плечо, стоит влево, подняв правую руку, в левой держит шар; SOLI INV-I-CTO COMITI. Вес 2,99 г, диаметр 21 мм. Лит.: RIC VII, 296, no. 2. Rv. В поле R – F, под обрезом RQ (рис. 4, 16).

315 г. н.э.

17. Ав.: Бюст Константина I в лавровом венке, вправо; IMP CONSTANTINVS PF AVG. Rv.: Сол

в лучевой короне, хламиде, накинутой на левое плечо, стоит влево, подняв правую руку, в левой держит шар; SOLI IN-VI-CTO COMITI. Вес 3,41 г, диаметр 19 мм. Лит.: RIC VII, 299, no. 33, note. Rv. В поле S – F, под обрезом RT (рис. 4, 17).

316–317 гг.

18. Ав.: Бюст Константина I в лавровом венке, вправо; IMP CONSTANTINVS PF AVG. Rv.: Сол в лучевой короне, хламиде, накинутой на левое плечо, стоит влево, подняв правую руку, в левой держит шар; SOLI IN-VI-CTO COMITI. Вес 2,96 г, диаметр 20 мм. Лит.: RIC VII, 303, no. 57, note. Rv. Под обрезом RQ (рис. 4, 18).

Фессалоника, 312–313 гг.

19. Ав.: Бюст Константина I в лавровом венке, вправо; IMP C CONSTANTINVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONSERVATORI AVGG NN. Вес 2,26 г, диаметр 23 мм. Лит.: RIC VI, 519, no. 61b. Rv. Под обрезом • TS • B • (рис. 4, 19).

20. Ав.: Бюст Константина I в лавровом венке, вправо; IMP C CONSTANTINVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONSERVATORI AVGG NN. Вес 2,26 г, диаметр 23 мм. Лит.: RIC VI, 519, no. 61b. Rv. Под обрезом • TS • B • (рис. 4, 20).

Гераклея, 313 г. н.э.

21. Ав.: Бюст Константина I в лавровом венке, вправо; IMP C FL VAL CONSTANTINVS PF AVG. Rv.: Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево. IOVI CONSERVATORI AVGG. Вес 2,30 г, диаметр 22 мм. Лит.: RIC VI, 541, no. 75. Rv. Справа в поле E, под обрезом SMHT (рис. 4, 21).

Никомедия, 313 г. н.э.

22. Ав.: Бюст Константина I в лавровом венке, вправо; IMP C FL VAL CONSTANTINVS PF AVG. Rv.: Юпитер, в плаще, стоит влево, опираясь о скипетр, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево; IOVI CONSERVATORI. Вес 2,99 г, диаметр 21 мм. Лит.: RIC VI, 566, no. 69c. Rv. Справа в поле Δ, под обрезом SMN (рис. 4, 22).

Константин II (317–340 гг.)

Сисция, 317 г. н.э.

23. Ав.: Бюст Константина II в панцире и плаще, вправо; на голове лавровый венок; CONSTANTINVS IVN NOB CAES. Rv.: Сол, в луче-

вой короне, плаще на левом плече, стоит влево, подняв правую руку, в левой держит шар. CLARITAS R-EIPVBLICAE. Вес 3,17 г, диаметр 21 мм. Лит.: RIC VII, 428, no. 37. Rv. Под обрезом ΔSIS (рис. 4, 23).

В нумизматическом собрании Национального музея Республики Адыгея представлен фоллис 311 г., император Максимин Даза (305–313 гг. н.э.), чекан г. Кизика, из единичных находок на р. Псекупс в 1983 г.

Av.: Бюст Максимиана, вправо; на голове лавровый венок; GAL VAL MAXIMINVS P F AVG, Rv.: Юпитер стоит влево, плащ свисает через левое плечо, держа глобус в правой вытянутой руке и опираясь на скипетр левой рукой; у ног слева орел, смотрящий вверх, с венком в клюве; IOVI CONSERVATORI AVGG. Вес 4,89 г, диаметр 23 мм. Лит.: RIC VI, 591, no. 79. Под обрезом сильно потертая надпись, оффицина не определяется (от MKVA до MKV Epsilon) (рис. 5)¹.

До настоящего времени монеты римской чеканки встречались на Боспоре преимущественно

но в границах городских центров и их некрополей, прочие находки рассеяны на территории боспорской хоры [Розов, 2015. С. 286–287]. В последнее время значительно увеличился объем информации о таких нумизматических памятниках. Это в основном единичные находки, они по части информативности уступают кладам, но приобретают важное значение для понимания времени их обращения на территории Боспора и прилегающих территориях [Кодацкий, Мызгин, 2017. С. 72].

Таким образом, новые находки монет Римской Империи на территории Боспорского государства заслуживают обязательной фиксации. Введение в научный оборот этих находок представляется важным для пополнения нумизматической базы данных, а вместе с данными о римских монетах, обнаруженных в Прикубанье, из неопубликованных музейных коллекций, позволит решить вопрос об особенностях обращения римской монеты на этой территории, путях поступления и значимости римских монет в денежном обращении Боспорского царства для изучения истории и экономики региона.

¹ Приносим искреннюю благодарность директору ГБУК РА НМРА Ф. К. Джигуновой за возможность опубликовать предоставленные материалы.

Литература

- Абрамзон М. Г., Иванова О. А. Античные монеты. Нумизматическая коллекция (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника). Т. II. Киев: Мистецтво, 2010. 320 с.
- Абрамзон М. Г., Бабиец А. И. Клад римских монет III–IV вв. н.э. с Ильичевского городища. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 4. С. 184–200.
- Бабиец А. И., Иванова О. Н., Демидов С. В. Римские медные монеты I–II вв. из находок в Закубанье // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. IX Международный Нумизматический Симпозиум (Черноморское, 4–8 сентября 2022 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 37–42.
- Кодацкий С. В., Мызгин К. В. Клад денариев и антонинианов III в. из Винницкой области // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Одесса, 2017. С. 72–83.
- Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 135 с., 36 табл. (САИ. Вып. Г4-4).
- Кропоткин В. В. Дополнение к списку находок римских монет // Stratum plus. 2000. № 6. С. 20–117.
- Крушкол Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // Советская археология. 1951. XV. С. 256–273.
- Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа. Вып. I–IX. Баку, 1938–1966.
- Розов В. Н. О некоторых находках римских монет на таманском полуострове // Древности Боспора. 2015. Т. 19. С. 282–292.
- BMC – Mattingly H. Coins of the Roman empire in the British museum. Vol. III. Nerva to Hadrian. London, 1936.
- RIC – Sutherland C.H.V. et al. Roman Imperial Coinage. 10 vols. London, 1984–1994.

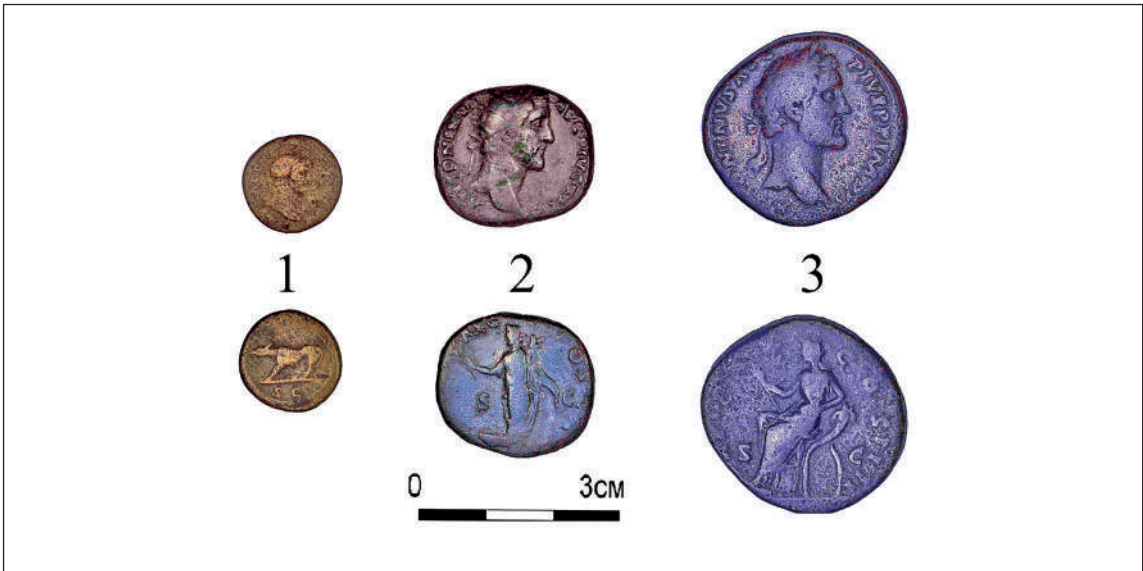

Рис. 1. Римские медные монеты (фото О. Н. Ивановой)

Рис. 2. Клад с Ильичевского городища (фото О. Н. Ивановой)

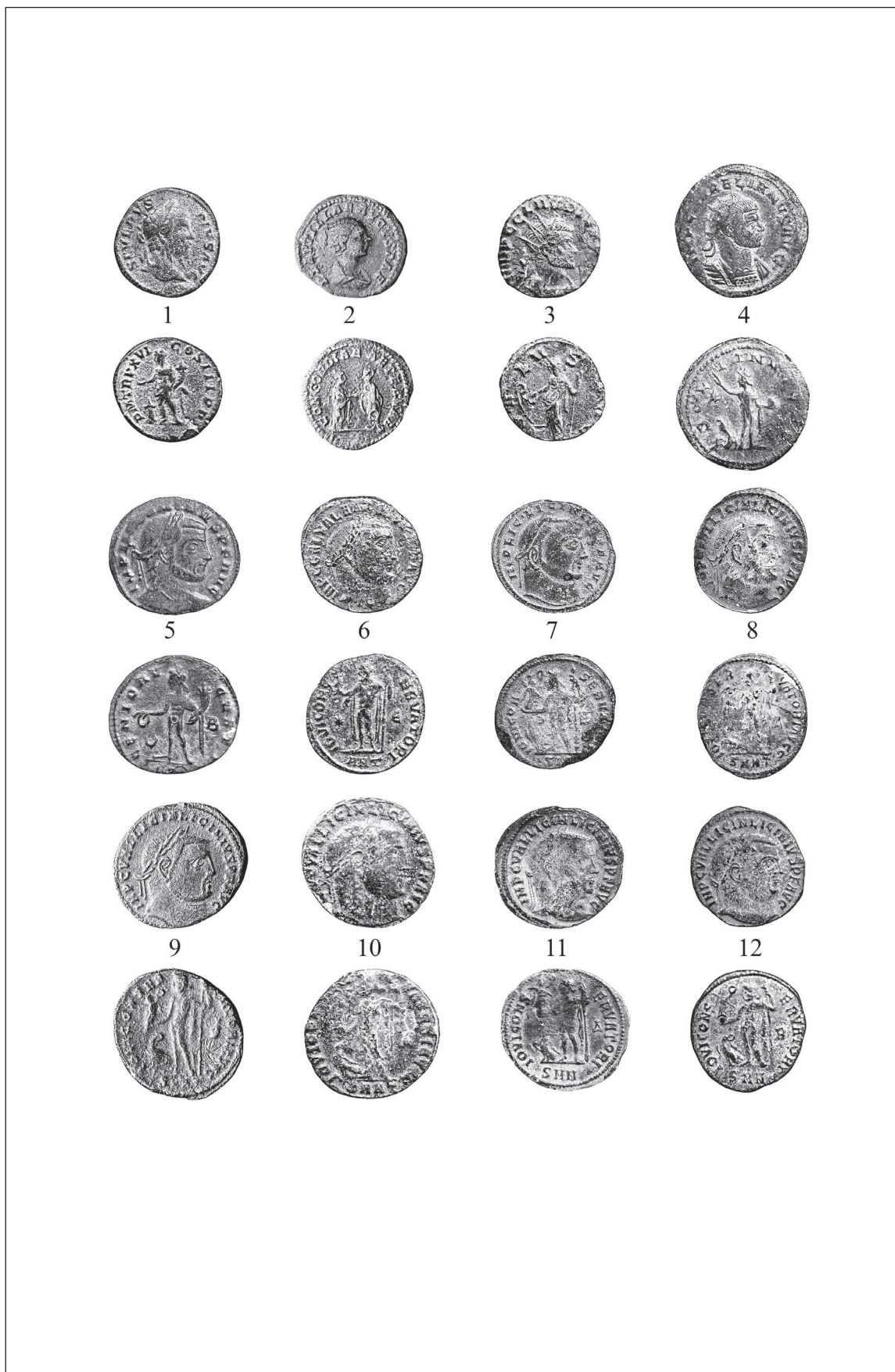

Рис. 3. Клад с Ильичевского городища (фото О. Н. Ивановой)

Рис. 4. Клад с Ильичевского городища (фото О. Н. Ивановой)

Рис. 5. Римская монета из Национального музея Республики Адыгея (фото А. И. Бабиец)

ИУДЕЙСКАЯ ОБЩИНА В РЫБАЦКОМ КВАРТАЛЕ ПАНТИКАПЕЯ-БОСПОРА В I–VI ВВ.¹

Айбабин А. И.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Лаборатория «Византийский Крым», г. Симферополь
E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

Аннотация. В найденных в столице Боспорского царства манумиссиях засвидетельствовано существование в I–II вв. н.э. иудейской общины. В двух манумиссиях из прибрежного района города упомянуты θεοσεβεῖς «боящиеся Бога» прозелиты, иудейская община и молельня (προσευχή). Очевидно, члены этой иудейской общины с середины I в. жили в раскопанном в 2007–2009 гг. рыбацком квартале. В 576 г. его разрушили тюрки и их союзники. В слое разрушения найдены фрагменты стенок светлоглиняных и красноглиняных амфор с дипинто красной краской в форме схематично изображенной меноры (семирожкового светильника). В усадьбах 1 и 5 (с небольшими прямоугольными рыбозасолочными ваннами), построенных после включения Боспора в состав Византии, изготавливали кошерный гарум. В 581 г. византийцы вновь установили свой контроль над городом Боспором. Жители еврейской общины по неизвестной причине не вернулись в рыбацкий квартал. Его руины сnivelировали, ванны засыпали, а в слое разрушения устроили христианский плитовый некрополь.

Ключевые слова: Боспор, манумиссия, синагога, иудейская община, прозелиты, рыбацкий квартал, рыбозасолочные ванны.

Существование иудейской общины в I–II вв. н.э. зафиксировано в обнаруженных в городе манумиссиях, фиксирующих совершенный в одной из молелен Пантикапея юридический акт отпуска на волю рабов-язычников при условии их перехода под опеку иудейской общины (συναγωγή) и посещения молельни (προσευχή) [Блаватская, 1958. С. 95; КБН, № 69–74; Левинская, 1992. С. 199; 2000. С. 124–126, 204; Levinskaya, Tokhtas'yeu, 1996. P. 55; Даньшин, 1993. С. 63; Айбабин, 1999. С. 45–46; 2016. С. 12–15; Бехтер, Чхаидзе, 2021. С. 934].

Оживленную дискуссию вызвало опубликованное Ю. Ю. Марти и в КБН чтение манумиссии КБН 71, найденной в 1928 г. близ берега моря, в котловане на Магазиновой улице напротив церкви Иоанна Предтечи (рис. 1,1) [Марти, 1934. С. 66–68; Левинская, 2000. С. 124–125]:

«.....κα...

κου ἀφίημι ἐπὶ τῆς προσευ-
χῆς Ἐλπίαν <v> [ἐμ]α[υ]τῆς θρεπτ[ὸν]
δπως ἐστὶν ἀπαρενόχλητος
καὶ ανεπίληπτος ἀπὸ παντὸς
κληρονόμου χωρὶς τοῦ προσ-

καρτερεῖν τῆ προσευχ τῆ ἐπι-
τροπευούσης τῆς συνάγω-
γῆς τῶν Ιουδαίων καὶ θεὸν
σέβων.

Перевод: «...освобождаю в молельне Эльпия, моего вскормленника, чтобы он был гарантирован от беспокойства и захвата со стороны кого-либо из моих наследников, при условии усердия по отношению к молельне, под опекой иудейской общины, и почитая Бога». Х. Беллен и Б. Лифшиц независимо друг от друга предложили исправить в надписи КБН 71 ошибку резчика, заменив «θεὸν σέβων» на «θεο<v>σεβῶν» [Bellen, 1965–1966. S. 171–176; Lifshitz, 1969. P. 95–96]. По утверждению И. А. Левинской, в результате исправления гарантом акта манумиссии стала συναγωγή τῶν Ιουδαίων καὶ θεοσεβῶν – «община иудеев и боящихся бога», либо «община иудеев, которые также являются благочестивыми». В лексеме θεοσεβῶν – «боящиеся бога» или «благочестивые» она, так же как и другие исследователи, видела аналогию терминов, обозначающих в Деяниях Апостолов квазипрозелитов [Левинская, 2000. С. 103–141]. Д. Рейнолдс и О. Танненбаум согласились с правкой Х. Беллена и Б. Лифшица и считали манумиссию КБН 71 единственным примером рассмотрения самой иудейской общиной θεοσεβεῖς в качестве составной части

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075-15-2022-1119.

Рис. 1. План г. Керчи: 1 – место находки манумиссии КБН 71 на ул. Магазинная; 2 – рыбацкий квартал, место находки манумиссии и фрагментов амфор и светильники с изображением меноры

синагоги [Reynolds, Tappenbaum, 1987. P. 54]. Однако, И. А. Левинская сомневалась в вероятности существования в Пантикапее второй еврейской общины, в которую входили язычники-квазипрозелиты и от которой осталась одна надпись с ошибкой в названии общины [Левинская, 1992. С. 200; 2000. С. 126–128].

В 2007 г. экспедиция автора в Керчи на берегу моря у юго-восточного подножия горы Митридат, в километре южнее храма Иоанна Предтечи, в Босфорском переулке, на участке, примыкающем к зданию Керченского историко-археологического музея, раскопала рыбацкий квартал (рис. 1,2) [Айбабин, 2012. С. 5–6]. В усадьбе 3 в вымостке юго-восточной части двора нашли фрагмент мраморной плиты с двумя греческими надписями. Одна высечена в архонтство Левкона I, а другая надпись являлась манумиссией, переведенной В. А. Сидоренко. Он по ошибке в последней строке прочел «...συν]αγωγῆς Φωνίου καὶ τῶν θεοσεβῶν – синагоги Фония и боящихся бога» вместо «συν]αγωγῆς τῶν Ἰουδαίων καὶ θεοσεβῶν – общины иудеев и боящихся бога». В

моем комментарии к надписи сказано о том, что имя Фоний неизвестно, и об отсутствии практики названия иудейской общины личным именем [Айбабин, Сидоренко, 2007. С. 124–125. Рис. 2,2]. В 2011 г. манумиссию переиздали в Supplementum Epigraphicum Graecum с исправленными последними строками: «τῆς συν]αγωγῆς τῶν Ἰουδαίων καὶ θεοσεβῶν» [SEG. P. 250. № 731]. В 2018 г. В. А. Сидоренко опубликовал скорректированный вариант прочтения манумиссии:

[Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου]
[Ἰουλίου Κότους φιλοκαίσαρος]
[καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς, ἔτους]
[. . τ' μηνὸς Ξανδικοῦ] γι', Θητο γυ[νῆ πρό-]
5[τερον τοῦ δεῖνος ...]τρο(ῦ) ἀνατέθει Με-
[κράτος(?) τῷ θεῷ] τ[ὸν] [θ]ρεπ[τὸν] ἐμα-
[υτῆς(?)] ὅπως ἢ ἀπ[α]ρενόχλητοι καὶ ἀ-
[νεπίληπτοι] χωρὶς τοῦ προσκαρτε-
[ρεῖν τῇ] προσε]υχηῖ ἐπιτροπευού-
10[σης τῆς συν]αγωγῆς τῶν Ἰου-
[δαίων καὶ θε]οσεβῶν

Перевод: «В царствование царя Тиберия Юлия Котиса, друга цезаря и друга римлян,

Рис. 2. Рыбацкий квартал. Комплекс ванн для засолки рыбы I–VI в.

благочестивого, года 3.. месяца Ксанди]ка 13, Тхето, бывшая жена ...тра, посвятила Мей[крата(?) богу] вскормленника своего, чтобы он был гарантирован от захвата и беспокойства при условии усердного посещения молельни под опекой же иудейской синагоги и богопочитающим (богобоязненным)» [Сидоренко, 2018. С. 522].

Последние четыре строки В. А. Сидоренко восстановил по надписи КБН 71, но проигнорировал в переводе правку Б. И. Надэля и И. А. Левинской. По предположению Б. И. Надэля, «*χωρίς τοῦ προσκαρτερεῖν τῇ προσε]υχηῖ ἐπιτρολευούσης*» означает, что отпущенный на волю раб будет постоянно пребывать при молельне и работать для нее [Надэль, 1948. С. 203–206]. С ним согласилась И. А. Левинская [Левинская, 1992. С. 199, 200; Levinskaya, 2019. P. 387]. Строки «*χωρίς τοῦ προσκαρτερεῖν τῇ προσε]υχηῖ ἐπιτρολευούσης τῆς συν]αγωγῆς τῶν*

Ἰου[δαίων καὶ θ]εοσεβῶν» следует перевести так же, как и в КБН 71: «...при условии усердия по отношению к молельне, под опекой общины иудеев и боящихся Бога» [Левинская, 2000. С. 125].

В. А. Сидоренко восстановил имя и титул царя Тиберия Юлия Котиса, правившего с 342 по 359 г. б.э. (45/46–62/63 г. н.э.) или по 67/68 г. по следам разметки на камне строк 1–3. По его утверждению, стк. 1–3 по длине равны стк. 9–10, поэтому имена других боспорских царей I в. н.э. были бы слишком длинными [Сидоренко, 2018. С. 523]. По предположению осмотревшей надпись А. П. Бехтер, так как размер утраченной верхней части стелы неизвестен, подобные расчеты не убедительны и эпонимами с равной вероятностью могут быть другие боспорские правители I в. – Рескупорид II (68 по 93 г.) или Савромат I (93–123 г.). [Бехтер, Чхаидзе, 2021. С. 929]. Она выявила в

восстановлении В. А. Сидоренко средней части надписи грамматические несуразности, тем не менее признала соответствие его прочтения структуре известных боспорских манумиссий. А. П. Бехтер предложила три собственных, но умозрительных варианта прочтения надписи [Бехтер, Чхаидзе, 2021. С. 930–932].

Восстанавливаемая в надписи лексема $\theta\rho\epsilon\lambda\tau\acute{o}\varsigma$, $-\acute{\eta}$, обозначает «вскормленник», «вскормленица» (adj. verb. к $\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$ – воспитывать, вскармливать), так же как и в других боспорских манумиссиях [КБН. № 70, 71, 73], использовалась для обозначения рабов, выращенных хозяевами.

В публикации 2016 г. сделан вывод о том, что манумиссия из Босфорского переулка подтверждает правильность предложенной Н. Bellen и В. Lifshitz эмендации надписи КБН 71 и является эпиграфическим доказательством существования в Пантикапее иудейской общины прозелитов [Айбабин, 2016. С. 14].

И. А. Левинская в статье 2019 г. согласилась с отнесением манумиссии из Босфорского переулка ко времени правления Котиса. Она констатировала отличие рассмотренных выше манумиссий от традиционных боспорских, в которых иудейская община ($\sigma\upsilon\nu\alpha\gamma\omega\upsilon\eta\tau\acute{\omega}\nu$ $\iota\omicron\upsilon\delta\alpha\acute{\iota}\omega\nu$) гарантировала вольноотпущеннику иммунитет от попыток снова захватить его в рабство наследниками усопшего, но с условием работы освобожденного при синагоге. В манумиссиях же КБН 71 и из Босфорского переулка гарантом вольноотпущенников являлась община иудеев и боящихся Бога – $\acute{\epsilon}\pi\iota\tau\rho\lambda\epsilon\upsilon\omicron\upsilon\sigma[\sigma\eta\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\sigma\upsilon\nu\alpha\gamma\omega\upsilon\eta\varsigma$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\iota\omicron\upsilon\delta\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\theta\epsilon\omicron\sigma\epsilon\beta\acute{\omega}\nu$. И. А. Левинская назвала новую манумиссию свидетельством использования слова $\theta\epsilon\omicron\sigma\epsilon\beta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ в I в. в Боспорском царстве и существования общины, объединяющей иудеев и боящихся Бога (квазипрозелитов) [Левинская, 2019. С. 314–316].

В 2021 г. А. П. Бехтер и В. Н. Чхаидзе опубликовали манумиссию 392 г. б.э., т.е. 95/96 г. н.э. из Гермонасы, в которой в последней строке читается $\theta\epsilon\omicron\sigma\epsilon\beta\acute{\omega}\nu$. По утверждению издателей, данная манумиссия стала третьей надписью, неопровержимо доказывающей включение «боящихся Бога» в члены иудейской общины. Это зафиксировано не только в Пантикапее, но и в Гермонассе [Бехтер, Чхаидзе, 2021. С. 933–935].

Как сказано выше, в Пантикапее манумиссии с упоминанием $\theta\epsilon\omicron\sigma\epsilon\beta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ найдены в прибрежном районе города: одна на улице Магазиной, а вторая в Босфорском переулке (рис. 1,1-2). Должно быть, в этом районе с середины I в. жили члены иудейской общины и входившие в нее «боящиеся Бога» прозели-

ты, а также находилась общинная молельня ($\lambda\rho\omicron\sigma\epsilon\upsilon\chi\acute{\eta}$).

В раскопе в Босфорском переулке в 2007–2009 гг. раскрыты строительные остатки функционировавших в первые века н.э. – начале V в. и в V–VI вв. усадеб рыбаков и самый крупный в Пантикапее рыбозасолочный комплекс из шестнадцати ванн (длина 17,8 м, ширина до 7 м) (рис. 2) [Айбабин, 2012. С. 5–6]². К сожалению, из-за подъема уровня грунтовых вод в раскопе не удалось раскопать слои I–III вв. н.э.

В зачищенных ваннах одновременно засаливали до 155 м³ рыбы, выловленной жителями квартала. Возведенные одновременно с рыбозасолочным комплексом усадьбы жителей квартала, в том числе и № 3, не менее трех раз разрушали и перестраивали. Судя по керамике из заполнения ванн, рыбозасолочный комплекс забросили в конце IV – начале V в., видимо, в результате нападения гуннов в 395 г. [Айбабин, 2019а. С. 49]. Пожар разрушил ближайшие постройки. Вскоре ванны 1, 2, 3, 4, 6–8, 11, 12 были вычищены и засыпаны землей, а образованный близ комплекса слой протухшей рыбы присыпали слоем золы и восстановили жилые дома. Ванны 5 и 10 продолжили использовать, очевидно, до восстания гуннов в 527/528 г. [Айбабин, 2017. С. 140, 141, 144–145].

После разгрома гуннов и присоединения Боспора к империи над ваннами 1, 2, 3, 6 и 7 возвели постройки усадьбы 2, а в центральной части раскопа соорудили усадьбы 1 и 5 с небольшими прямоугольными рыбозасолочными ваннами во дворе (рис. 3), а также восстановили усадьбу 3. В рыбозасолочном комплексе были вновь расчищены ванны 5 и 10. Последнюю поперечными перегородками, возведенными из больших прямоугольных плит, разделили на четыре малые прямоугольные ванны.

Следует отметить, что некоторые усадьбы восстанавливали на одном и том же участке. Скорее всего, жители квартала обслуживали рыбозасолочный комплекс весь период его функционирования и вылавливали рыбу для переработки. В каждом доме обнаружили каменные якоря для сетей [Айбабин, 2019. С. 9. Рис. 4,8]. Видимо, в византийском городе изменилась экономика переработки рыбы. Большой рыбозасолочный комплекс, возможно, принадлежавший государству или богатому боспорцу, перестали использовать, а жители квартала начали солить рыбу в небольших домашних ваннах.

² В статье дана хронология, обоснованная в отчетах о раскопках в 2007–2009 гг. А. В. Смокотинной по керамике из слоев. Материалы раскопок готовятся к публикации в совместной монографии.

Рис. 3. Рыбацкий квартал. Усадьба 5, ванна для засолки рыбы

В 576 г. тюрки и их союзники сожгли и разрушили городские кварталы на холме Митридат и в приморской части. В раскопах в Кооперативном переулке в 1990–1992 гг. и рядом с музеем зафиксирован слой пожара, содержащий керамику, позволяющую его синхронизировать с нападением тюрков [Айбабин 2016. С. 192–193].

В образовавшемся в раскопе слое разрушения, перекрывшем цистерну 5, яму 3, двор усадьбы 4, выявлены фрагменты стенок светлоглиняных и красноглиняных амфор типов V по АДСВ-71, класса 2 по ХК-95 [Смокотина, 2008. С. 109–110], с дипинто красной краской в форме схематично изображенной меноры (семирожкового светильника) (рис. 4-5). Рядом с раскопом в 1928 году на неисследованном участке рыбацкого квартала на пересечении 1 Босфорского пер. и ул. Свердлова нашли красноглиняную амфору с дипинто красной краской в форме меноры [Зинько, Пономарев, 2016. С. 116. Рис. 7,2], аналогичную обнаруженным в слое разрушения в византийской Фанагории [Голофаст, 2021. С. 56. Рис. 1] и в Тиритаке [Зинько, 2022. Рис. 3].

Дипинто с семирожковой менорой на амфорах аналогичны ранним схематизированным изображениям менор на реверсе бронзовых монет последнего царя династии Хасмонеев Антигона II (Маттиягу или Маттатия, правил в 40–37 гг. до н.э.), отчеканенных во время осады

Иерусалима в 37 г. до н.э. [Nachlili, 2018. P. 6, Fig. 1.1; Tešić-Radovanović, Gugolj, 2018. P. 138, 139. Fig. 2]. Подобные схематизированные меноры были нарисованы на стене цистерны пещеры-убежища Второго Храма в Нахале и вырезаны в Хорват Бейт Лойя в центре внутренней стороны перемычки оливкового пресса [Nachlili, 2018. P. 16. Fig. 1.17,b,c]. Перечисленные изображения схематично отображают священную менору, некогда стоявшую во Втором Иерусалимском храме, которую вывезли после захвата Иерусалима в 70 г. н.э. и пронесли по улицам Рима в Триумфальном шествии императора Тита. Менора реалистично высечена на рельефной панели триумфальной арки Тита в Риме, возведенной в 81 г. н.э. [Nachlili, 2018. P. 6, 8. Fig. 1.3]. После разрушения Второго Иерусалимского храма, семирожковая менора приобрела глубокое значение. В III–VII вв. н.э. она стала распространенным символом еврейского народа и иудаизма, а также использовалась для того, чтобы отличить иудеев от христиан, символом которых был крест [Meurers, 2008. P. 187; Nachlili, 2018. P. 18, 19].

Обнаруженные в принадлежащих Восточной Римской империи Боспоре, Тиритаке и Фанагории, а также в городах Средиземноморья разнотипные ранневизантийские маркированные менорами амфоры, очевидно, изготовлены в иудейских общинах специально для транспортировки кошерных продуктов [Arthur,

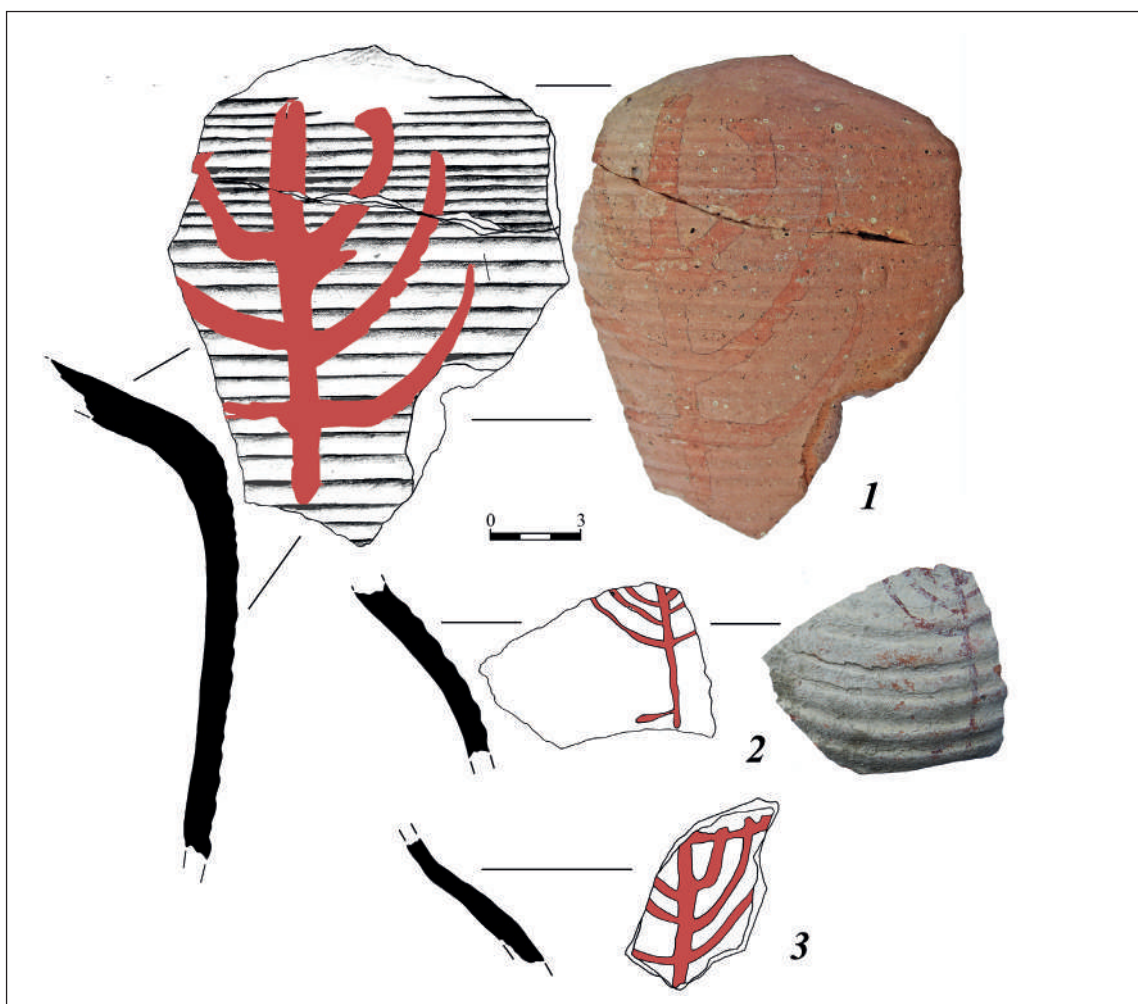

Рис. 4. Рыбацкий квартал.
Фрагменты амфор с изображением меноры из слоя разрушения 576 г.

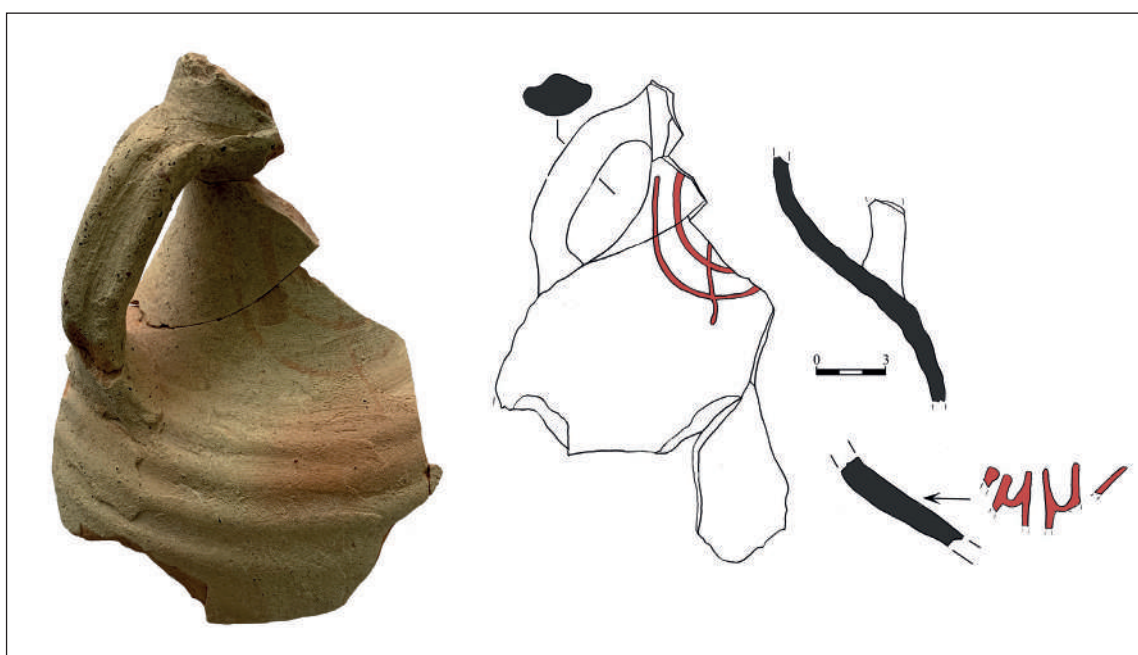

Рис. 5. Рыбацкий квартал. Фрагмент амфоры с изображением меноры из слоя разрушения 576 г.

Рис. 6. Рыбацкий квартал.
Керамический светильник с изображением меноры из слоя разрушения 576 г.

1989. P. 138, 139; Cesteros et al., 2016. P. 218, 222; Голофаст, 2021. С. 55].

Судя по дипинто на иврите на изготовленных в Восточном Средиземноморье амфорах из Калабрии и Равенны, в них перевозили не только кошерное вино, но и гарум или какой-то рассол [Cesteros et al., 2016. P. 218–223]. С. Краусс собрал и прокомментировал талмудические свидетельства употребления рассола (гр. ἄλιη), оксигарума (гр. ὀξύγαρον), соуса из уксуса и других подобных продуктов, которые употреблялись еврейскими общинами в римский период. В дипинто упоминаются некоторые из этих продуктов. В текстах Талмуда подчеркивается важность качественного консервирования рыбы и необходимости консервирования в кошерной соли или в соленом виде, если ее не собираются употреблять в свежем виде. Требованиям кошерности соответствовала скумбрия и, вероятно, она была основным ингредиентом разновидностей гарума [Krauss, 1910. S. 110–112; Cesteros et al., 2016. P. 218–227].

Быть может, в усадьбах 1 и 5 (с небольшими прямоугольными рыбозасолочными ваннами), построенных после включения Боспора в со-

став Византии, изготавливали кошерный гарум.

В слое разрушения во дворе усадьбы 3 найден сделанный в форме красноглиняный с вкраплениями толченого известняка светильник с оттиснутым по сырой глине изображением семирожковой меноры с шофаром (еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент из рога животного) и лулаба (листа финиковой пальмы) (рис. 6) [Айбабин, 2019. С. 8. Рис. 7]. По форме и глине он отличается от керамических светильников V–VI вв. с менорой, найденных в иудейских храмах.

В 581 г. после смерти кагана тюрков Арслана Тобохана, которого византийцы именовали Арсила, тюрки ушли из Крыма. Византийцы воспользовались благоприятной для них ситуацией и вновь установили свой контроль на обеих сторонах Боспорского пролива. В городе Боспоре в VII в. так и не восстановили все кварталы. Жители еврейской общины по неизвестной причине не вернулись в рыбацкий квартал. Его руины снивелировали, ванны засыпали, а в слое разрушения устроили христианский плитовый некрополь [Хайрединова, 2013. С. 286–287; Айбабин, 2017. С. 146, 148].

Литература

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.

Айбабин А. И. Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 5–6.

Айбабин А. И. Еврейская община в позднеантичной Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // Материалы XVII Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 12–15.

- Айбабин А. И. Ранневизантийский Боспор // Труды Государственного Эрмитажа. 2017. Вып. LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры. С. 140–150.
- Айбабин А. И. Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина / Ред.-сост. Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антикава, 2019. С. 7–16.
- Айбабин А. И. Гунны в равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2019а. Т. 18, № 2. С. 47–61. DOI: 0.15688/nav.jvolsu.2019.2.3.
- Айбабин А. И., Сидоренко В. А. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея // Боспорские исследования. 2007. Вып. XVII. С. 121–127.
- Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 250 с.
- Блаватская Т. В. Гогиппийская манумиссия 67 г. н.э. // Советская археология. 1958. XXVIII. С. 91–96.
- Бехтер А. П., Чхаидзе В. Н. Новые данные о «боящихся Бога» на Азиатском Боспоре // Вестник древней истории. 2021. Т. 81, № 4. С. 922–937. DOI: 10.31857/S032103910015302-5.
- Голофаст Л. А. Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории // Российская археология. 2021. № 4. С. 53–64. DOI: 10.31857/S086960630015242-5.
- Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // Вестник древней истории. 1993. № 1. С. 59–72.
- Зинько В. Н., Зинько А. В. Религиозные воззрения населения Тиритакки в IV–VI вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 1(75). С. 145–156. DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-145-156.
- Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. К топографии ранневизантийского Боспора и его плитово-грунтовых некрополей // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXII. С. 107–148.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М., Л.: Наука, 1965. 952 с.
- Левинская И. А. Рец. на кн.: Reynolds J., Tannenbaum R. Jews and God-fearers at Aphrodisias. Greek Inscriptions with commentary. Cambridge, 1987 (Cambridge Philological Society. Suppl. V.12) // ВДИ. 1992. № 2.
- Левинская И. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.: Logos, 2000. 352 с.
- Левинская И. А. Община иудеев и боящихся Бога // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1(21). С. 314–321. DOI: 10.51255/2311-603X-2019-00022.
- Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники из Боспора // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 104. С. 57–89.
- Надэль Б. И. Об экономическом смысле оговорки $\chi\omega\rho\iota\varsigma \epsilon\iota\varsigma \tau\eta\nu \pi\rho\omicron\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\nu \theta\omega\pi\epsilon\iota\alpha\varsigma \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \pi\rho\omicron\sigma\kappa\alpha\rho\tau\epsilon\rho\eta\sigma\epsilon\omega\varsigma$ боспорских манумиссий // Вестник древней истории. 1948. № 1. С. 203–206.
- Сидоренко В. А. Две надписи на камне из раскопок в Боспорском переулке в Керчи в 2007 г // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С. 510–519.
- Смокотина А. В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV. С. 103–144.
- Хайрединова Э. А. Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. С. 286–317.
- Arthur P. Some observations on the economy of Bruttium under the later Roman Empire // Journal of Roman Archaeology. 1989. Vol. 2. P. 133–142.
- Bellen H. Συναγωγῆ τῶν Ἰουδαίων καὶ Θεοσεβῶν. Die Aussage einer bosporanischen Freilassunginschrift (CIRB 71) zum Problem der «Gottfürchtigen» // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1965–1966. Bd. 8–9. S. 171–176.
- Cesteros H. G., Almeida R. R. de, Costello J. C. Special Fish Products for the Jewish Community? A Painted Inscription on a Beltran 72 Amphora from Augusta Emerita (Mérida, Spain). Herom // Journal on Hellenistic and Roman Material Culture. 2016. Vol. 5. Iss. 2. P. 196–236.
- Hachlili R. The Menorah: Evolving into the Most Important Jewish Symbol. Leiden, Boston: Brill, 2018. 294 p.
- Krauss S. Talmudische Archäologie. Leipzig, 1910. 722 S.
- Levinskaya I. Tokhtas'yev S. Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom // Studies on the Jewish diaspora in the hellenistic and roman periods XII. TE`UDA. XII. תעודת. Tel Aviv, 1996. P. 55–73.
- Levinskaya I. The Synagogue of Jews and Godfearers // Early Christianity. 2019. Vol. 10. Iss. 3. P. 383–391.
- Lifshitz B. Notes d'épigraphie grecque // Revue Biblique. Ecole pratique d'études bibliques (Jerusalem), Ecole biblique et archéologique française. Том 76/1. Librairie V. Lecoffre, 1969. P. 92–98.
- Meyers E. M. Jewish Art and Architecture in the Land of Israel, 70–C. 235 // The Cambridge History of Judaism / Ed. S. T. Katz. Cambridge, 2008. Vol. 4. P. 173–190.
- Reynolds J., Tannenbaum R. Jews and God-fearers at Aphrodisias: Greek Inscriptions with Commentary. Cambridge: Philological Society, 1987. 159 p. (Proceedings of the Cambridge Philological Society, Supp. XII).
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum / Ed. A. Chaniotis, T. Corsten, R. S. Stroud, R. A. Tybout. Leiden, Boston: Brill, 2011. Vol. LVII. 1047 p.
- Tešić-Radovanović D., Gugolj B. The Menorah as a Symbol of Jewish Identity in the Diaspora and an Expression of Aspiration for Renewing the Jerusalem Temple Branka Gugolj // Migrations in Visual Art / Ed. J. Erdeljan, M. Germ, I. Prijatelj Pavičić, M. Vicelja Matijašić. Belgrade: Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 2018. С. 137–150. DOI: 10.4312/9789610601166.

ПОЗДНЕРИМСКИЕ АМФОРЫ ИЗ ГАВАНИ ПАНТИКАПЕЯ¹

Смокотина А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Лаборатория «Византийский Крым», г. Симферополь
E-mail: asmokotina@mail.ru

Аннотация. Недавние подводные раскопки в рамках проекта строительства Крымского моста (2015–2017 гг.) выявили новый керамический кластер, перемещенный к мысу Ак-Бурун, очевидно, в результате дноуглубительных работ гавани Пантикапея в 1970-х гг. Наиболее многочисленные находки относятся к эллинистическому периоду, тогда как позднеримских амфор найдено всего 203 фрагмента. Среди них преобладают импортные находки, главным образом VI в. Абсолютно доминируют понтийские амфоры Антонова 5, LR1 и синопские C Snp I/Zeest 100. Другие типы позднеримских амфор представлены лишь единичными находками. Важно отметить, что у 55,2% позднеримских амфор на внутренней стороне сохранились следы смоления.

Ключевые слова: Пантикапей, Боспор, Крымский мост, подводные раскопки, позднеримские амфоры, смоление.

В 2015–2017 гг. экспедицией Института археологии РАН под руководством С. В. Ольховского проводились подводные раскопки под опоры Крымского моста через Керченский пролив (рис. 1–2). Предварительно было установлено, что изучаемый объект представляет собой в основном поврежденный культурный слой, ранее сформировавшийся в акватории порта Пантикапея (Боспора) и перемещенный в 1970-е годы в сторону мыса Ак-Бурун в результате дноуглубления Генуэзской гавани [Внуков и др., 2020. С. 7].

В 2016–2017 гг. исследовались 8 подводных траншей для основных опор Крымского моста. Наиболее ранние находки датируются второй половиной/последней четвертью VI – V вв. до н.э. При этом среди почти 34,5 тыс. выявленных на участке фрагментов амфор только 203 обломка относятся к позднеримскому и ранневизантийскому периодам.

Все амфоры из подводных раскопок у мыса Ак-Бурун были импортированы в Пантикапей (Боспор) из различных понтийских и восточно-средиземноморских центров. В то время как большинство из них было доставлено из понтийских центров, таких как Гераклея Понтийская, Синопа, Колхида и некоторых других

(всего 59%), значительное количество прибыло из Восточного Средиземноморья – бассейна Эгейского моря, Крита, региона Киликии и Кипра (41%).

В конце IV – V вв. товары в амфорах доставлялись на Боспор в основном из южно-причерноморских центров, главным образом Синопы и Гераклеи. Амфоры Внуков C IVF/Шелов F и Внуков C IVE/Шелов E [Внуков, 2016. С. 43. Рис. 1,14,16; Vnukov, 2017. P. 106. Fig. 5,17,18; Шелов, 1978. С. 19. Рис. 9,10], C Snp I/Зеест 100 [Kassab Tezgör, 2010. P. 128–129. Pl. 18,1–5; Зеест, 1960. С. 120. Таб. XXXIX], C Snp II-3 [Kassab Tezgör, 2010. P. 124] составили около 17,7% всех найденных во время раскопок позднеримских амфор.

В то же время, среди всех обнаруженных здесь позднеримских амфор преобладают импортные находки первой половины VI в. На их долю приходится более двух третей всех идентифицированных сосудов. Доминируют находки понтийских амфор типа Антонова V (около 36,9%) и амфор LR 1 из региона Киликии и Кипра (около 31,5%) [Антонова и др., 1971. С. 85. Рис. 6; Riley, 1981. P. 120. Fig. 14; Pieri, 2005. P. 75–76, 71. Fig. 25. Pl. 15–18, 20; Смокотина, 2014. С. 68–78; Смокотина, 2020. С. 524–527, 531–533].

У мыса Ак-Бурун были также найдены фрагменты критских амфор (около 4%). Главным образом они принадлежат типу TRC 4 или Зеест 99 [Portale, Romeo, 2001. P. 306–307. Pl. 45,d-e, 53,d-e; Зеест, 1960. С. 120. Таб. XXXIX]. В ком-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075-15-2022-1119.

Рис. 1. Регион Черного моря, г. Пантикапей

Рис. 2. Вид на Крымский мост и место подводных раскопок у мыса Ак-Бурун из космоса.
Фото космонавта О. Г. Артемьева
(<http://artemjew.ru/en/2018/05/02/crimea-bridge/>)

плексе в небольшом количестве представлены также некоторые другие позднееримские и ранневизантийские амфоры из Колхиды и бассейна Эгейского моря: Внуков Ch ID2/Зеест 103 [Внуков, 2011. Р. 277. Fig. 7; Зеест, 1960. С. 121. Табл. XL,103], LR 2 [Riley, 1981. Р. 122. Fig. 15], LR 3 [Riley, 1981. Р. 118. Fig. 12].

Обычно во время подводных раскопок имеется больше шансов получить дополнительную информацию о содержимом амфор из-за лучшей сохранности органических веществ в морской воде. Почти у всех типов позднеерим-

ских амфор из раскопок у мыса Ак-Бурун (всего около 55,2%), кроме представленных в единственном экземпляре, на внутренней поверхности наблюдаются остатки смоления. Органические остатки на обломках трех доньев амфор С Snp I/Зеест 100, TRC 4/Зеест 99 и Антонова V были проанализированы при помощи газовой хроматографии – масс-спектрометрии (ГХ/МС) [Пожидаев и др., 2022. Табл. 3, ПРА-1, ПРА-22, ПРА-28]. Результаты этих исследований позволяют предполагать вино как основной продукт, перевозившийся в данных контейнерах.

Литература

- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // *Античная древность и средние века*. 1971. Вып. 7. С. 81–107.
- Внуков С. Ю., Ильина Т. А., Муратова, М. Б., Ольховский С. В., Смокотина А. В. Терракотовая мужская голова из бухты у мыса Ак-Бурун: предварительные результаты исследования и новые вопросы // *Краткие сообщения Института археологии*. 2020. Вып. 258. С. 7–18.
- Внуков С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // *Российская археология*. 2016. № 2. С. 36–47.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 180 с. (МИА. № 83).
- Пожидаев В. М., Ольховский С. В., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б. Исследование состава органических остатков на керамике со дна керченской бухты // *Российские нанотехнологии*. 2022. Том 17. № 5. С. 690–697.
- Смокотина А. В. Амфоры LR 1 на Боспоре // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2014. Вып. XIX. С. 68–87.
- Смокотина А. В. Амфоры позднееримского и ранневизантийского времени // *Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. С. 509–618.*
- Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // *Краткие сообщения Института археологии*. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // *Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope / Ed. D. Kassab Tezgör. Paris: De Boccard, 2010. P. 121–140.*
- Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2005. 329 p.
- Portale E. C., Romeo I. Contenitori da Trasporto // *Gortina V.3 Lo scavo del pretorio (1989–1995) / Ed. A. Di Vita. Padova: Ausilio, 2001. P. 260–410.*
- Riley J. A. 1981. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // *Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan VI / Ed. J. H. Humphrey. Ann Arbor: University of Michigan. P. 85–124.*
- Vnukov S. Yu. "Colchean" Amphorae from Abkhazia // *PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / Eds. C. Tzochev, T. Stoyanov, A. Bozkova. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 2011. P. 271–278.*
- Vnukov S. Yu. Overseas Trade in the Black Sea Region and the Formation of the Pontic Market from the first century BCE to the third century CE // *The Northern Black Sea in antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions / Ed. V. Kozlovskaya. Cambridge: University press, 2017. P. 100–138.*

НОВЫЕ НАХОДКИ СЕРОГЛИНЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ГРУППЫ «ПОЗДНЕРИМСКАЯ ПОНТИЙСКАЯ ЛОЩЕНАЯ» ИЗ ФАНАГОРИИ И ХЕРСОНЕСА И НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЕЁ ПРОИСХОЖДЕНИИ¹

Голофаст Л. А.* , Клемешова М. Е.

Институт археологии РАН, г. Москва

* E-mail: larisa_golofast@mail.ru

Аннотация. В статье представлены новые находки сосудов группы «Позднеримская понтийская лощеная» (Late Roman Pontic Burnished Ware – LRPBW) из раскопок Херсонеса и Фанагории, в том числе украшенных новым для этой группы керамики резным орнаментом. Дискуссия о происхождении LRPBW показала необходимость обращения к естественно-научным методам ее исследования, которые показали, что: 1) позднеримская понтийская сероглиняная лощеная керамика представляет собой результат обжига в восстановительной атмосфере; 2) группы сероглиняной и светлоглиняной лощеной посуды, как и краснолаковой, внутри себя неоднородны, поэтому дальнейшее их исследование с применением различных аналитических методов имеет смысл, учитывая достаточно многочисленные серии сосудов; 3) сероглиняная и светлоглиняная понтийская позднеримская лощеная посуда, по данным гончарной технологии, очень близка и потенциально могла производиться одновременно или последовательно сменяя друг друга в одних или близких центрах, причем их, вероятнее всего, было несколько; 4) о возможности производства позднеримской понтийской лощеной посуды в тех же центрах, где ранее производилась краснолаковая керамика, можно будет судить объективно после проведения анализов минерального сырья или обнаружения гончарных производственных комплексов с такой продукцией.

Ключевые слова: ранневизантийский период, рентгенофазовый анализ, лощеная и краснолаковая керамика, минеральное сырье, обжиг в восстановительной и окислительной атмосфере, центры производства.

Среди керамики ранневизантийского времени из раскопок Северного Причерноморья выделяется группа изделий, получившая название «Позднеримская понтийская лощеная» (Late Roman Pontic Burnished Ware, далее – LRPBW). Поскольку история ее изучения подробно рассмотрена в нескольких работах [Домжальский, Журавлев, 2013. С. 139; Fedoseev et al., 2012. Р. 69–70; Голофаст, Рыжов, 2018. С. 48–49; Домжальский, Журавлев, 2022. С. 38–39], излагать ее еще раз нет необходимости. Остановимся лишь на ее кратких характеристиках.

Формы. В группе безусловно доминируют

блюда с округлыми стенками и горизонтально отогнутым бортиком. Значительно реже встречаются миски со слегка загнутым внутрь краем. Чаши с округлыми стенками и небольшим вертикально поставленным венчиком пока представлены двумя экземплярами, найденными в Керчи и Херсонесе в комплексах конца VI – начала VII в. [Fedoseev et al., 2012. Р. 69–70. Fig. 10; херсонесский экземпляр будет опубликован в составе комплекса автором раскопок С. Г. Рыжовым и одним из авторов настоящей статьи]. Все перечисленные сосуды имеют высокий слегка расширяющийся книзу кольцевой поддон. Кроме того, из Ильичевки происходят две ойнохои, найденные, по информации К. Домжальского и Д. В. Журавлева, в слое разрушения рубежа третьей и четвертой четвертей VI в. [Журавлев, Мокроусов, Сапрыкин, 2010. С. 194. Рис. 33; Домжальский, Журавлев, 2022. С. 31–36. Рис. 4–7].

Поверхность таких сосудов очень хорошо заглажена и залощена. Причем лощение

¹ Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4). Авторы глубоко признательны Владимиру Дмитриевичу Кузнецову, Станиславу Григорьевичу Рыжову, Олегу Васильевичу Шарову и Даниилу Александровичу Костромичеву за возможность изучить и опубликовать находки из их раскопок.

беспорядочное, с пропусками. Для абсолютного большинства сосудов рассматриваемой группы характерна бежевая разных оттенков плотная глина. Однако некоторые экземпляры, по остальным визуальным характеристикам совпадающие с бежевоглиняными сосудами, сделаны из серой или бежевато-серой глины [Голофаст, Рыжов, 2018; Домжальский, Журавлев, 2022. С. 31–32. Рис. 4, 5].

Орнаментация состоит преимущественно из двух врезных концентрических окружностей, обрамляющих центральное поле дна; бортик блюд украшен двумя желобками, идущими вдоль внешнего и внутреннего края; таким же желобком профилирован выпуклый край мисок второго типа. Иногда такие желобки имеются на внешней стороне поддона сосудов. Наряду с сосудами с простой орнаментацией встречаются редкие экземпляры (четыре блюда из Херсонеса, Китея и некрополя Джург-Оба и упомянутые ойнохои из Ильичевки), украшенные врезным орнаментом в виде крестов, пальм, пальмовых листьев, птиц и зверя с открытой пастью [Єрмолін, 2006. С. 14. Рис. 21; Домжальский, Журавлев, 2013; Молев, Молева, 2017. С. 173–174; Домжальский, Журавлев, 2022].

Недавние раскопки в Херсонесе и Фанагории дали две новые формы, а также новый тип орнаментации сосудов этой группы, нанесенной довольно широкой врезной линией.

Три фрагмента происходят из раскопок **Херсонеса**.

1. В ходе раскопок Южного пригорода в 2021 году в шурфе 5 штыках 8 и 11, содержащих преимущественно материал ранневизантийского времени, хотя и с небольшой примесью керамики VIII–IX вв., найдено несколько фрагментов миски с округлым туловом и широким горизонтально отогнутым бортиком (рис. 1, 1). Край бортика украшен округлыми вогнутостями. На внутренней стороне тулова три врезные горизонтальные линии: одна непосредственно под валиком, отделяющим бортик от тулова, и две – чуть ниже; в средней части бортика ряд дугообразных фигур; на стенках тулова – широкие врезные линии, радиально расходящиеся от центра. Глина темно-бежевато-серая, плотная, с редкими мельчайшими коричневатыми, почти черными включениями и мельчайшими частицами слюды. На бортике – лощение с незначительным блеском, но с пропусками. На внутренней поверхности тулова лощение равномерное, очень гладкое, хотя без блеска. На внешней стороне – горизонтальное лощение с большими пропусками. Поверхность – темно-темно-серая, с легким бежеватым оттенком.

Помимо уже опубликованных фрагментов двух блюд с горизонтально отогнутым широким бортиком и высоким кольцевым поддоном (рис. 2) [Голофаст, Рыжов, 2018], в засыпи цистерны 5, открытой в квартале Северного района Херсонеса, выявлено еще три фрагмента этой группы керамики.

2. Трудно определить, какому сосуду принадлежал первый фрагмент: является ли он частью воронковидно расширяющегося горла со слегка вогнутыми стенками или сильно расширяющегося книзу высокого поддона (рис. 1, 3). Край плоско срезан. На внешней стороне вдоль края прочерчены две горизонтальные линии, от которых отходят узкие сильно вытянутые, иногда слегка изогнутые овалы, выполненные очень широкой врезной линией.

3. Второй фрагмент представляет собой уплощенную треугольную ручку с волнистым краем, украшенную орнаментом в форме пальметки, нанесенной широкими врезными линиями (рис. 1, 2а). Аналогичные треугольные ручки, украшенные пальметками, выполненными в такой же технике, имели светильники, которые с конца V в. и на протяжении всего VI столетия производили на Самосе (рис. 1, 2б) [Poulou-Papadimitriou, 1986. P. 594–595].

4. Третий, совсем небольшой фрагмент принадлежал, скорее всего, высокому кольцевому поддону (рис. 4, 2) с равномерным лощением на внешней стороне. Глина серая, плотная.

Судя по структуре заполнения и однородности материала, извлеченного с разных уровней цистерны 5, засыпь была единовременной. Присутствие в ней фрагментов керамики формы 3F группы «Фокейской краснолаковой», с одной стороны, и отсутствие в ней монет Юстиниана I, с другой, позволили предположить, что она была засыпана в самом начале второй четверти VI в. Подробное описание комплекса см. [Голофаст, Рыжов, 2018. С. 50–54].

Еще два фрагмента были найдены в **Фанагории** в ходе раскопок на участке «Нижний город».

5. Один принадлежал блюду на высоком кольцевом поддоне с желобком на нижней поверхности поддона и двумя горизонтальными желобками на его внешней поверхности (рис. 3, 2). На внутренней стороне – две врезные концентрические окружности, обрамляющие центральное поле дна; от них радиально отходят лучи, выполненные широкой врезной линией. Равномерное лощение присутствует только на внутренней поверхности сосуда. Глина бежевато-серая, плотная.

5. Второй фрагмент принадлежал, скорее всего, патере и представляет собой прямую горизонтальную прямоугольную в сечении слег-

ка суживающуюся к концу (конец отбит) ручку со срезанными углами (рис. 3, 1). Сохранилась часть горизонтального бортика. Очень качественное равномерное лощение с незначительным блеском. По лощению нанесен врезной орнамент: по краям верхней поверхности ручки нанесены по две врезные параллельные линии, слегка изгибающиеся в сторону бортика; между ними – ряд косых насечек; на бортике – ряд дуговидных фигур. Глина сосуда бежево-серая, плотная.

Оба фрагмента происходят из слоя пожара: первый был найден в штыке 22 квадрата ГЗ, второй – в штыке 20 квадрата Д1. Керамический комплекс из слоя пожара, а также находка двух золотых солидов, отчеканенных в 6-й оффicine Константинопольского монетного двора в 545–565 гг. [Абрамзон, Остапенко, 2019], позволяют связать пожар и разрушения в городе с событиями, о которых упоминает Прокопий Кесарийский в книге VIII «Истории войн», законченной в 554 году: «Два других небольших городка, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания» [Procop. De Bello Gothico Pers. VIII. 5; пер. С. П. Кондратьева]. Таким образом, Фанагория и Кепы были разрушены не ранее 545 года (нижняя дата чеканки солидов), но не позднее 554 года (времени завершения Прокопием работы над 8-й книгой Истории войн). Более подробное обоснование датировки слоя пожара в Фанагории см. [Голофаст, 2021а. С. 53–54; Голофаст, 2021б. С. 52–53].

Датировка сосудов группы «Позднеримская понтийская лощеная». Самый ранний комплекс, в котором были найдены фрагменты сосудов рассматриваемой группы, причем исключительно серолощенных, датируется самым началом второй четверти VI в. Это заполнение цистерны 5, открытой в квартале IX Северного района Херсонеса. Однако следует учитывать, что комплексы более раннего времени крайне немногочисленны, а комплексы первой четверти VI в. пока неизвестны. Поэтому нельзя исключать возможность, что такая посуда появляется несколько раньше.

Судя по херсонесским комплексам, пик бытования LRPBW приходится на вторую половину VI в. [Голофаст, 2001. С. 111–112, 115, 118. Рис. 39,2,3; 42,3,5; 56,14–16; 68,5–9; Голофаст, 2007. С. 115. Рис. 42–43; Голофаст, Рыжов 2011. С. 375, 379. Рис. 11,2–3; 15,4; Голофаст, Рыжов, 2013. С. 56, 64, 88. Рис. 10,8–10; 16,2–3; 43,1–21], однако в Херсонесе они продолжают встречаться в полузакрытых комплексах, происходящих,

главным образом, из цистерн и колодцев, засыпавшихся на протяжении всего VII в. [Голофаст, 2001. С. 116–119. Рис. 60,11–14; 66,15; 72,5–6; 77,17,19–21; Голофаст, Рыжов, 2011. С. 384. Рис. 19,21–27; Голофаст, Рыжов, 2013. С. 75–76, 88. Рис. 29,1–4]. Однако все херсонесские комплексы подобного рода содержат крайне мешанный переотложенный материал, поэтому с уверенностью утверждать, что LRPBW не является в них более ранней примесью, нельзя.

Ареал посуды рассматриваемой группы ограничивается, главным образом, Северным Причерноморьем, с наибольшей концентрацией в Херсонесе. В Северо-Восточном и Восточном Причерноморье их значительно меньше [Голофаст, Рыжов, 2018. С. 48; Домжальский, Журавлев, 2022. С. 41]. Нет сведений о находках LRPBW среди керамических материалов Западного Причерноморья и Константинополя. Что касается Южного Причерноморья, то на сегодняшний день известна лишь одно LRPBW блюдо, найденное в ходе разведочных работ 1996 г. в Kütmes на южном склоне долины Демирджи, на хоре Синопы [Домжальский, Журавлев, 2013. С. 140; Домжальский, Журавлев, 2022. С. 41–42].

Происхождение. Относительно происхождения посуды группы «Понтийской позднеримской лощеной» было выдвинуто два предположения. Согласно первому, она происходит от посуды группы «Понтийской краснолаковой» (Pontic Red Slip Ware, далее – PRSW), согласно второму, рассматриваемая керамика происходит от сероглиняной керамики с лощеной поверхностью [Голофаст, Рыжов, 2018].

Основанием для последней точки зрения послужил серый цвет немногочисленных сосудов, происходящих из комплексов, датировка которых не выходит за пределы второй четверти VI в. Более того, самый ранний комплекс, датирующийся началом второй четверти VI в., содержит исключительно сероглиняный вариант сосудов этой группы. Гипотеза оспаривается К. Домжальским и Д. В. Журавлевым, по мнению которых «большинство соответствующих находок не являются сероглиняными, а приобрели этот цвет, скорее всего, в результате пожара» [Домжальский, Журавлев, 2022. С. 32, 35, 39].

В качестве аргумента в пользу предположения о происхождении рассматриваемой группы керамики от краснолаковой приводится факт появления LRPBW на Причерноморском рынке вскоре после прекращения широкого распространения и, возможно, производства PRSW во второй четверти VI в. н.э. [Domžalski, 2021. P. 174] и именно в местах, где «раньше преобладала керамика PRS, т.е. в Юго-Запад-

ном Крыму и на Боспоре» [Домжальский, Журавлев, 2022. С. 40]².

Регион производства. В качестве предполагаемых регионов производства LRPB керамики исследователи называют самую плодородную северо-восточную часть провинции Понт, приблизительно между городами Неоклаудиополис, Тавиум, Комана Понтика и Неокайсаря, где, по предположению К. Домжальского, производили посуду группы PRS [Domżalski, 2021. P. 163], на смену которой во второй четверти VI в. пришла LRPBW, о чем свидетельствуют схожие макроскопические параметры посуды обеих групп [Домжальский, Журавлев, 2022. С. 40]. Однако, пока с уверенностью утверждать, что именно в северо-восточном районе Малой Азии производили PRSW и, соответственно, LRPBW мы не можем, поскольку археологических подтверждений этому нет [Domżalski, 2021. P. 163]. К тому же, пока известна лишь одна находка блюда LRPB из Южного Причерноморья [Домжальский, Журавлев, 2022. С. 42], а среди посуды группы PRS нет форм, которые можно считать образцами для производства лощеной керамики: единичные находки сосудов формы 9 (пока известно лишь три фрагмента, происходящие из Помпейополиса, Ибиды (Западное Причерноморье) и Херсонеса [Domżalski, 2021. P. 134–135. Pl. 38]), характеризующиеся высоким кольцевым поддоном, в силу их немногочисленности таковыми считаться не могут.

Следует отметить, что в Южном Причерноморье существовал еще один центр производства лощеной керамики, расположенный в районе Помпейополиса. По мнению К. Домжальского и Д. В. Журавлева, после не вполне удачных попыток производства краснолаковой посуды в V в. местным мастерам удалось добиться большего успеха в производстве лощеной керамики (получила название *Micaceous Burnished Ware*, т.е. слюдянистая лощеная керамика, по очень большой примеси слюды в глине в долине реки Gökyırtak), напоминающей краснолаковые, в основном, африканские сосуды и практически заменившей в VI–VII вв. в Помпейополисе импортную краснолаковую посуду, причем не только PRS, но и ARS и LRC/PhRS [Domżalski, 2016–2017. P. 81–86. Fig. 3, 4]. Среди лощеных сосудов Помпейополиса доминировали блюда на довольно высоких кольцевых поддонах [Домжальский, Журавлев, 2022. С. 40].

² Из этой картины выбивается Нижний Дунай, где также наблюдается концентрация Понтийской краснолаковой керамики [Domżalski, 2021. P.158. Fig. 5A–C], а находки LRPBW пока не зафиксированы.

К настоящему моменту для более плодотворного продолжения дискуссии о происхождении LRPBW назрела необходимость, помимо чисто археологических методов, привлечь информацию, полученную с помощью комплекса естественно-научных методов и данных о гончарной технологии. Прежде всего, представляется необходимым получить сведения, позволяющие судить о потенциальной возможности происхождения светлоглиняной позднеримской понтийской лощеной посуды от ее сероглиняного варианта, и обеих этих групп от посуды «Понтийской краснолаковой». Для этого важно выделить информацию о конкретных элементах гончарной технологии этих групп керамики в соответствии с единой выделенной и систематизированной ее структурой. Далее необходимо сопоставление этих данных в контексте существующих научно обоснованных знаний и представлений об эволюции и причинах изменений в гончарных технологических процессах. Кроме этого, существенно получение сведений о минеральном составе и геологических особенностях использованного для изготовления сосудов сырья. Часть такой информации, безусловно, нужно оценивать и интерпретировать только с участием специалистов-литологов.

В данной работе изложены результаты первой попытки осмысления текущего состояния проблемы после исследования некоторых образцов сосудов по методике, разработанной А. А. Бобринским, и с помощью рентгенографического фазового анализа (РФА).

Материалы и методы. Для изучения было представлено 17 фрагментов керамики, из которых 2 относились к светлоглиняной позднеримской понтийской лощеной посуде (LRPB), 4 – к ее сероглиняной разновидности (рис. 1, 3; 3, 1, 2) и 11 являлись донцами и венчиками различных сосудов группы «Понтийская краснолаковая», которые, как предполагается, являются территориальными и хронологическими предшественниками производства светлоглиняной керамики LRPB [Домжальский, Журавлев, 2013; 2022].

Все эти образцы были изучены по методике изучения гончарной технологии, разработанной А. А. Бобринским [Бобринский, 1978; 1999]. Этот метод был сформирован ученым как целостная система исследования, базирующаяся на этнографических, археологических и экспериментальных данных и подразумевающая структуру гончарного производства как многоуровневое, строго упорядоченное образование.

В рамках этого метода определялся вид исходного пластичного сырья [Бобринский, 1999.

С. 17–20], степень его запесоченности [Лопатина, Каздым, 2010. С. 48–55] и ожелезненности [Цетлин, 2006. С. 421–425], качественные и количественные характеристики естественных примесей к нему [Бобринский, 1999. С. 25–26; Цетлин, 2017. С. 79], способы его обработки [Бобринский, 1999. С. 33; Цетлин, 2012. С. 61–66], состав формовочной массы [Бобринский, 1978. С. 84–113; 1999. С. 33–41; Цетлин, 2012. С. 66–75], способ обработки поверхностей [Бобринский, 1978. С. 213–241; Цетлин, 2012. С. 97–198] и нанесения орнамента [Цетлин, 2012. С. 167–204], вид и примерная температура обжига [Бобринский, 1999. С. 94–96; Цетлин, 2012. С. 116–120].

Поверхности и свежие изломы этих фрагментов были исследованы с помощью микроскопа МБС-10 с основным используемым рабочим увеличением $4,8^{\times}$ – 32^{\times} . Для определения степени ожелезненности глинистого сырья и уточнения режима и примерной температуры обжига небольшой кусочек от каждого обломка керамики был обожжен в муфельной печи в окислительной атмосфере при $t=850^{\circ}$ с выдержкой 30 минут [Бобринский, 1999. С. 16].

Один из фрагментов от каждой группы изделий был исследован методом рентгенографического фазового анализа (РФА). Это метод количественного и качественного определения фазового состава кристаллических образцов, основанный на изучении дифракции рентгеновских лучей [Ковба, Трунов, 1976; Рентгенография, 1983]. При изучении керамики он позволяет установить процентное соотношение минералов, входящих в ее состав. РФА выполнен во Всероссийском институте минерального сырья им. Н. М. Федоровского (Москва) с помощью дифрактометра X'Pert PRO MPD (PANalytical, Нидерланды). Поскольку при исследовании состава природного пластичного сырья группы краснолаковых обломков было установлено, что она неоднородна и может быть разделена на две части по степени запесоченности и некоторых отличий в цвете глины – 9 образцов из более запесоченной глины светло-рыжего цвета «красный лак 1» (рис. 5, 1) и 2 образца из менее запесоченной глины светло-рыже-розового цвета с краснолаковым покрытием более темного оттенка, чем у первой группы «красный лак 2» (рис. 5, 2), образцы на РФА были отобраны от каждой из них. Для этого анализа фрагменты краснолаковой посуды отбирались из середины черепка, без лакового слоя. Из лощеной светлоглиняной керамики исследовался фрагмент венчика (рис. 4, 1), из сероглиняной – фрагмент донца (рис. 3, 2).

Результаты и обсуждение. Исследование по методике А. А. Бобринского показало,

что на уровне изучения исходного пластичного сырья (глины) все образцы светлоглиняной и сероглиняной лощеной и краснолаковой керамики из группы с более запесоченным сырьем («красный лак 1») имеют несомненное сходство по степени ожелезненности, запесоченности и размерности песка, являющегося естественной примесью к глине. Все они изготовлены из слабожелезненной сильно- или среднезапесоченной глины со слабоокатанным пылевидным песком 0,1–0,2 мм. Два образца, относящиеся к группе краснолаковой керамики «красный лак 2», также изготовлены из слабожелезненной среднезапесоченной глины, но отличаются меньшим размером песчинок (не более 0,1 мм) и несколько меньшим их количеством, чем у керамики «красный лак 1». Состав естественной примеси песка в образцах различен. Во всех них преобладает кварцевый песок. В отдельных фрагментах присутствуют частицы известняка и железистых включений. В ряде образцов всех групп встречаются фрагменты раковины 0,1–0,5 мм. Можно выделить два условных района добычи сырья (мест залежей глин, различающихся между собой по составу естественных минеральных примесей и органо-минеральных примесей) для лощеной светлоглиняной и два района добычи для лощеной сероглиняной керамики. В группах краснолаковой керамики выделяются три района добычи сырья для «красный лак 1» и два района для «красный лак 2». Различия в визуально различимых примесях в сырье всех образцов при этом таковы, что во многих случаях нельзя исключить не слишком большую удаленность этих залежей друг от друга, но расположение их, вероятно, не в пределах одного производственного центра. Можно отметить и определенное сходство между сырьем отдельных образцов сероглиняной и светлоглиняной лощеной керамики и рядом образцов из группы «красный лак 1». Более детальную информацию нужно получать уже с помощью анализов соответствующей направленности и специалиста по осадочным горным породам.

Для всех образцов использовалась глина во влажном состоянии, без следов отмучивания.

Состав формовочных масс большинства образцов – «глина без искусственных примесей». У лощеного сероглиняного венчика (рис. 1, 3) – «глина + шамот», с шамотом до 1 мм, из такой же глины, в очень небольшой концентрации (2 включения х кв. см) – 1:9-1:10 (1 часть шамота на 9-10 частей глины). Добавка шамота в таком количестве носит рудиментарный характер, не имеет никакой технологической нагрузки и производилась, видимо, в силу какой-то существующей гончарной традиции.

На фрагментах светлоглиняных сосудов на внутренней стороне присутствует несплошное горизонтальное лощение по слегка подсушенной поверхности [Бобринский, 1978. С. 215, 223]. На сероглиняных фрагментах такое же, но сплошное лощение присутствует на двух сосудах с обеих сторон (рис. 1, 3; 2, 2), на одном (небольшой фрагмент поддона) (рис. 4, 2) – только с внешней. Орнамент на сероглиняных сосудах (рис. 1, 3; 3, 2) относится, по классификации Ю. Б. Цетлина, к графическому резному декору (группа 1 вид 1, изображение 4 класса) [Цетлин, 2012. С. 169, 170, 171] и выполнен с помощью срезания части глиняной подсушенной поверхности узким обоюдоострым инструментом (внутри отдельных удлиненных «лепестков» видны продольные динамические следы от движения инструмента). Есть вероятность, что некоторые подобные заглабленные детали узора выполнены с помощью прокатывания круглого узкого штампа с закругленной поверхностью, типа «колесика». Лощение во всех случаях производилось после нанесения орнамента (по краям выемчатых продольных деталей орнамента имеется небольшой «kozyрек», нависающий над их внутренней частью, оставленный твердой поверхностью лощила). Концентрические линии на этих сосудах наносились узким заостренным инструментом как до (рис. 4, 4), так и после лощения поверхности (рис. 4, 2, 3).

Два концентрических круга на внутренней стороне светлоглиняного донца проведены подобным же инструментом после лощения. Орнамент такого вида относится к тому типу и подразделу рельефного декора на сосудах, по классификации Ю. Б. Цетлина, что и выемчатый орнамент на сероглиняных сосудах.

Венчик светлоглиняного сосуда обожжен при температуре 850°C или незначительно выше (имеется небольшое цветовое отличие небольшого фрагмента от него, обожженного в муфельной печи при этой температуре). Светлоглиняное донце обожжено при t выше 850°C (обожженный отдельно фрагмент не изменил свой цвет). Все сероглиняные лощеные сосуды подвергались направленному двухступенчатому обжигу – сначала в окислительной атмосфере с длительной выдержкой при температурах каления глины (выше 650–700°C) [Цетлин, 2012. С. 116–121; 2017. С. 38–39, 140–142], затем в том же обжигательном устройстве при восстановительной атмосфере [Бобринский, 1978. С. 238; 1999. С. 94–95] также с продолжительной выдержкой. Подобный способ обеспечивал высокую механическую прочность изделия, достигаемую при выдержке в окислительной атмосфере при температурах каления глины, и

равномерную его окраску в темно-серый цвет, появляющуюся при выдерживании изделий в бескислородной газовой среде. Для достижения восстановительной атмосферы после последней загрузки топлива в топочную камеру мастеру необходимо было закрыть продухи – отверстия для доступа воздуха к топливу, обеспечивавшие возможность его горения. Вследствие этого в топочной камере пламя гасло, при тлении дров выделялось большое количество угарного газа, в разогретой все еще печи происходили термохимические преобразования содержащегося в глине гончарных изделий оксида железа до закиси железа, которое и обеспечивало конечную темно-серую окраску керамики. В рассматриваемое время поднятие температуры в обжигательном устройстве до температур каления глины и одновременное создание там бескислородной среды было еще технически невозможно. При повторном выдерживании сосудов, подвергшихся действию восстановительной атмосферы, или их фрагментов в окислительной атмосфере при температурах каления глины происходит обратная химическая реакция, и глина таких сосудов вновь приобретает светло-рыжий цвет (рис. 4).

Окраска исследованных сероглиняных фрагментов совершенно точно не является следствием попадания в пожар лощеной светлоглиняной посуды. Вторично обожженная в открытом пламени керамика в большинстве случаев приобретает кирпично-красный цвет или красно-розовый оттенок перекаленной глины, очень часто носит следы спекания глиняной массы в результате воздействия температур выше 1000°C. Равномерный по всей толщине и плоскости черепка серый цвет изначально светло-рыжего черепка практически недостижим и в тех случаях, когда вокруг керамического изделия при пожаре создается полувосстановительная или восстановительная газовая среда при засыпании его горячими углями и золой. Крайне маловероятным является сохранение целостности изделия при таком процессе.

Все краснолаковые изделия обожжены при температуре выше 850°C, и как можно видеть по результатам РФА (табл. 1), испытывали начальное воздействие температуры около 1000°C (этап появления шпинели).

Результаты РФА показали достаточно близкий минеральный состав глинистого сырья всех образцов, в котором, однако, нужно отметить несколько значимых деталей. В основном, во всех случаях присутствуют самые распространенные минералы, могущие быть частью залежей глин – кварц, полевые шпаты, кальцит, гематит, слюда. Шпинель в составе краснола-

ковых образцов является продуктом температурного преобразования глинистого минерала монтмориллонита. Обращают на себя внимание цифры количества гематита в трех образцах и его отсутствие в образце сероглиняной лощеной керамики. Для таких слабожелезистых гли³ это число не должно было бы превышать 1,5, максимум 2 мас. %, что и наблюдается в образце лощеного светлоглиняного сосуда.

В краснолаковой керамике оно выше, и, вероятнее всего, это должно быть объяснено в данном случае близостью частиц исследуемого образца к лаковой поверхности, с которой и связано какое-то количество присутствия гематита. Его наличие в составе краснолаковой основы отмечено в недавних исследованиях [Мандрыкина, Терещенко, 2021. Табл. 1,2. С. 94–95; Терещенко и др., 2022].

Таблица 1. Фазовый (минеральный) состав керамики, мас. %

Минералы	Образцы			
	№ 2 лощенная светлогл.	№ 5 лощенная серогл.	№ 8 красный лак 1	№ 17 красный лак 2
Кварц SiO ₂	17	12	22	20
К-полевои шпат K[AlSi ₃ O ₈]	14	5	5	5
Плагиоклаз (Ca, Na)AlSi ₃ O ₈	10	16	9	15
Кальцит CaCO ₃	4	2	1	2
Гематит Fe ₂ O ₃	2	–	3	4
Геленит Ca ₂ Al ₂ SiO ₇	1.5	5	2	2
Слюда KAl ₂ AlSi ₃ O ₁₀ (OH) ₂	10	–	6	–
Пироксен CaMgSi ₂ O ₆	–	4	–	–
Шпинель (Fe, Mg) Al ₂ O ₄	–	–	1.5	2
Сумма кристаллических фаз	58.5	44	45.5	50
Рентгеноаморфная фаза	41.5	56	54.5	50

Присутствие кальцита должно быть объяснено присутствием частиц известняка и фрагментов раковины в образцах. Не может сейчас быть интерпретировано однозначно присутствие геленита. Этот минерал не был отмечен ранее в местной керамике Северного и Восточного Причерноморья, и, возможно, его наличие может характеризовать залежи глин, из которых были изготовлены исследуемые сосуды. Однако он мог появиться в глинах с известняком при температурном воздействии 870–1100°C⁴ [Минералы, 1972. С. 549–550], что нельзя исключать в ситуации как с краснолаковыми образцами, так и со светлоглиняным и сероглиняным лощеными. Эта ситуация требует дальнейших исследований специалистами.

³ По опыту изучения местной керамики Боспорского царства и Восточной Абхазии.

⁴ В некоторых современных публикациях нижняя граница такого температурного воздействия указана от 950°C.

Важно присутствие небольшого количества пироксена в образце сероглиняной керамики. Эта примесь отнюдь не является повсеместной в глинистом сырье Причерноморья и Средиземноморья. Она хорошо известна по данным петрографии в составе природного пластичного сырья синопских и гераклейских амфор [Внуков, 2006. С. 48–57, 64–77], отдельные виды пироксенов встречаются в глине херсонесских амфор [Внуков, 2006. С. 58] и происходящих из Восточного Причерноморья [Внуков, 2006. С. 77–85]. Единичные зерна пироксена встречаются в сырье боспорских амфор [Внуков, 2006. С. 88–89]. В данном случае имело бы смысл, вероятно, дополнительно исследовать на предмет подобного небольшого количества пироксена керамические материалы южного Причерноморья и Херсонеса.

В результате рассмотрения гончарной технологии изготовления всех образцов можно подвести следующие итоги. Технология произ-

водства рассмотренной сероглиняной и светлоглиняной лощеной посуды представляет собой очень близкое явление. Она включает единый подход к отбору и обработке исходного пластичного сырья, способ обработки поверхностей, частичное сходство в орнаментации. Небольшое различие заключается в режиме обжига – двухфазовом последовательном в окислительной и восстановительной атмосфере для сероглиняной посуды и однофазовом только окислительным – для светлоглиняной. Существование такого различия допустимо даже одновременно в рамках нахождения в одном производственном центре (но не одной мастерской). Вполне вероятно и хронологическая сменяемость одной традиции обжига на другую. Пример одновременного существования в течение продолжительного времени массового гончарного производства очень близкой по морфологии керамики по одной технологии с использованием различной газовой среды во время обжига хорошо известен исторически и археологически. Это мастерские по изготовлению сероглиняных и красноглиняных архаических амфор VI–V вв. до н.э. в разных городских центрах на Лесбосе. Производство красноглиняных амфор со стаканообразным дном долгое время никто из исследователей не соотносил с изготовлением сероглиняных лесбосских именно из-за разницы в цвете сосудов, и только опыты по вторичному обжигу сероглиняных образцов показали практическую идентичность использованного сырья. Согласно систематизации гончарной технологии А. А. Бобринского, обжиг относится к числу приспособительных, т.е. наиболее быстро и легко меняющихся гончарных навыков.

Возможность же производства лощеной керамики с резным орнаментом в центрах производства краснолаковой посуды, сменяя последнюю хронологически, может быть рассматривается только с учетом присутствия каких-то дополнительных культурных факторов – наличия традиции изготовления посуды с резным орнаментом и традиций лощения в рамках изготовления иной керамики в этих же центрах, или появления там групп ремесленников – носителей таких традиций. Технологически изготовление краснолаковой посуды от сероглиняной или светлоглиняной лощеной с резным орнаментом имеет несколько серьезных отличий. Это наличие орнаментации определенного вида с использованием особого типа орнаментов и разница в обработке и дальнейшем декорировании поверхности (лощение и краснолаковое покрытие). Технологически и то, и другое – составной прием различной смысловой направленности (устранение

влагопроницаемости стенок и декорирование поверхности). Однако лощение – натирание поверхности сосуда до обжига гладким твердым инструментом типа камня или кости, красный лак – покрытие поверхности сосуда перед обжигом специальным составом, содержащим красящий пигмент [Цетлин, 2017. С. 39–40, 113–114], т.е. два совершенно различных технологических приема. Отличается температурный режим обжига: до 1000°C в случае с краснолаковой посудой и более низкая температура (около 850°C) при обжиге лощеной. Непосредственно эволюционно сменять друг друга сами по себе такие явления не могут.

Выводы. В целом, итоги проведенного исследования можно резюмировать следующим образом. Дальнейшее изучение вопросов мест производства сероглиняной и светлоглиняной посуды группы «Позднеримская понтийская лощеная» и посуды группы «Понтийская краснолаковая» имеет смысл проводить с использованием специальных анализов, направленных на изучение геологических особенностей и минерального состава глинистого сырья этой керамики и природного сырья из потенциально возможных районов ее производства с участием специалиста по осадочным породам. При изучении возможностей генетических связей между отдельными группами керамики надо учитывать данные гончарной технологии. Позднеримская понтийская сероглиняная лощеная керамика представляет собой результат обжига в восстановительной атмосфере. Группы сероглиняной и светлоглиняной лощеной посуды, как и краснолаковой, внутри себя неоднородны, поэтому дальнейшее их исследование с применением различных аналитических методов имеет смысл, учитывая достаточно многочисленные серии сосудов. Сероглиняная и светлоглиняная понтийская позднеримская лощеная посуда, по данным гончарной технологии, представляет собой очень близкое явление и потенциально могла производиться одновременно или последовательно сменяя друг друга в одних центрах. Этих центров, вероятнее всего, было несколько. Различия в минеральном составе по данным РФА в исследованных образцах могут объясняться произвольной выборочностью образцов для анализа. О возможности производства позднеримской понтийской лощеной посуды в тех же центрах, где ранее производилась краснолаковая керамика, можно будет судить объективно после проведения анализов минерального сырья или обнаружения гончарных производственных комплексов с такой продукцией.

Литература

- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А., Цетлин Ю. Б., Внуков С. Ю., Глушков И. Г., Гребенщиков А. В. и др. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры. I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. 318 с.
- Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
- Голофаст Л. А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2007. Вып. XIII. С. 68–128.
- Голофаст Л. А. Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории // Российская археология. 2021а. № 4. С. 53–64.
- Голофаст Л. А. Фанагория 4–7 вв. по сведениям письменных источников и данным археологии // *Nyranis*. 2021б. Вып. 3. С. 42–57.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X–A и X–Б) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. К вопросу о происхождении посуды группы «Позднеримской понтийской лощеной» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 3. С. 47–59.
- Домжалский К., Журавлев Д. В. Фрагменты Понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // Российская археология. 2013. № 2. С. 137–143.
- Домжалский К., Журавлев Д. В. Сосуды Позднеримской понтийской лощеной керамики с врезным орнаментом с Боспора и из Херсонеса // Древности Боспора. 2022. Т. 27. С. 29–47.
- Журавлев Д. В., Мокроусов С. В., Сапрыкин С. Ю. Памятники позднеантичного времени на Таманском полуострове // Античное наследие Кубани. II. М., 2010. С. 166–202.
- Ковба Л. М., Трунов В. К. Рентгенофазовый анализ. Изд-е 2-е, доп. и перераб. М.: Изд-во МГУ, 1976. 232 с.
- Лопатина О. А., Каздым А. А. О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 46–57.
- Мандрыкина А. В., Терещенко Е. Ю. Электронно-микроскопические исследования античной краснолаковой керамики // Геоархеология и археологическая минералогия-2021. Материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием имени профессора В. В. Зайкова. Миасс, Челябинск: Изд-во ЮУрГПУ, 2021. С. 92–96.
- Минералы. Справочник. Силикаты с одиночными и двояными кремнекислородными тетраэдрами / Гл. ред. Ф. В. Чухров. Т. 3. Вып. 1. М.: Наука, 1972. 883 с.
- Молев Е. А., Молева Н. В. Красноглиняное лощеное блюдо с крестом из раскопок Китея 2016 г. // История и археология Крыма. 2017. Вып. 5. С. 222–227.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., статья, коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993.
- Рентгенография основных типов породообразующих минералов (слоистые и каркасные силикаты) / Ред. В. А. Франк-Каменецкий. Л.: Недра, 1983. 359 с.
- Терещенко Е. Ю., Антипин А. М., Кварталов В. Б., Мандрыкина А. В., Гурьева П. Б., Смокотина А. В., Журавлев Д. В., Алексеева О. А., Яцишина Е. Б. Краснолаковая античная керамика: методика комплексных исследований // Кристаллография. 2022. Т. 67, № 4. С. 660–672.
- Цетлин Ю. Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья / Отв. ред. И. Н. Васильева. Самара, 2006. Вып. 4. С. 421–425.
- Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 380 с.
- Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 345 с.
- Єрмолін О. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2005 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2006. Вип. 10. С. 11–44.
- Domžalski K. Roman to Early Byzantine fine pottery from Pompeiopolis in Paphlagonia. From the long distance trade to the local market // *Archeologia* (Warsaw). 2016–2017. Vol. 67. P. 73–87.
- Domžalski K. Pontic Red Slip Ware. Typology, Chronology and Distribution of a major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region. Warsaw, 2021. 221 p. (Bibliotheca Antiqua. Vol. XXV).
- Fedoseev N. F., Domžalski K., Opař A., Kulikov A. V. Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos (rescue excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006) // *Archeologia* (Warszawa). 2012. Vol. 61. P. 63–94.
- Poulou-Papadimitriou N. Lampes paléochrétiennes de Samos // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1986. CX. P. 583–610.

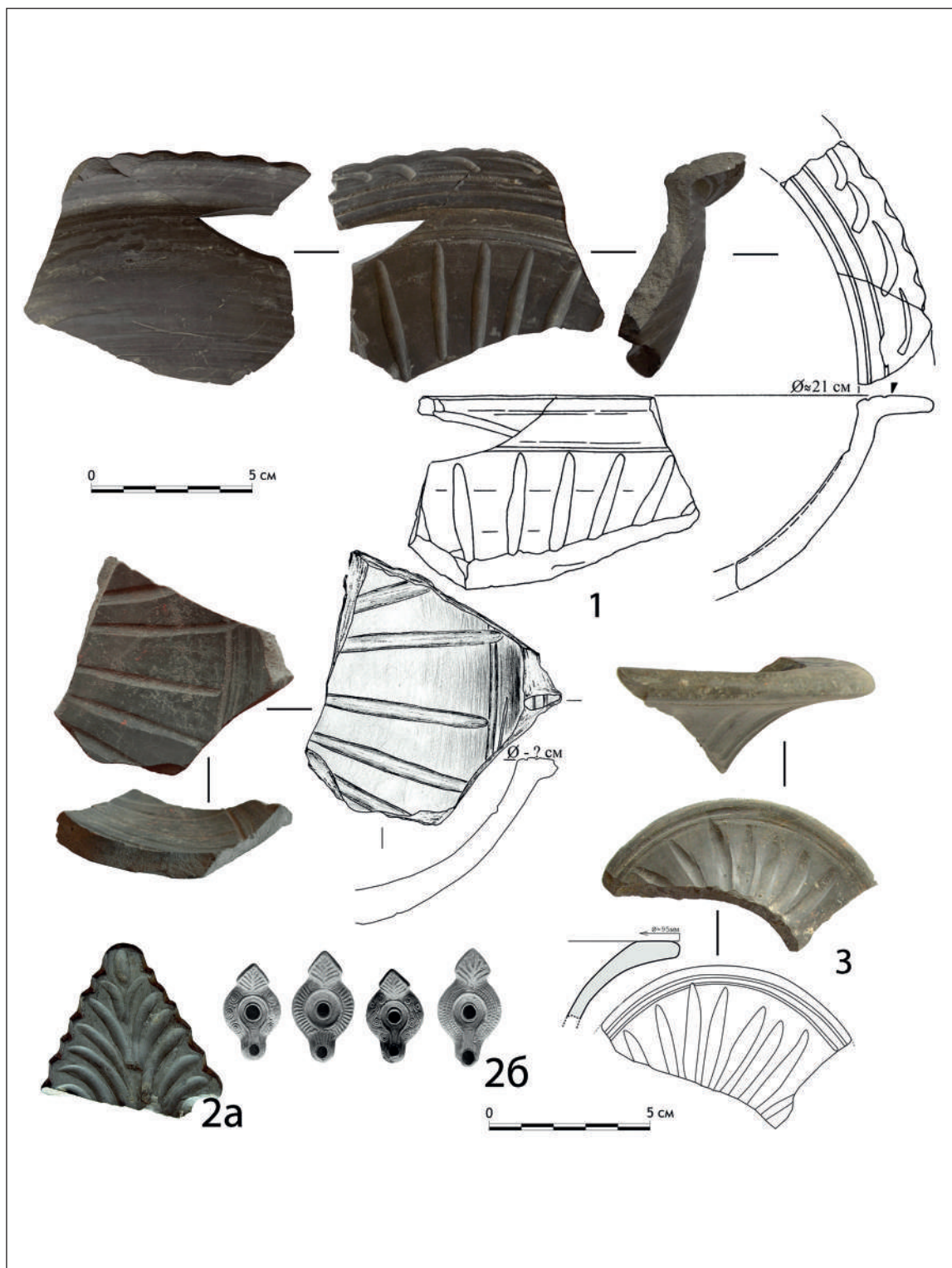

Рис. 1. Фрагменты изделий группы «Позднеримской понтийской лощеной» из Херсонеса:
 1 – блюдо из раскопок в Южном пригороде;
 2а, 3 – изделия из цистерны 5 (квартал IX в Северном районе);
 26 – светильники самосского производства
 [по: Poulou-Paradimitriou, 1986. Fig. 24, 25, 27, 29]

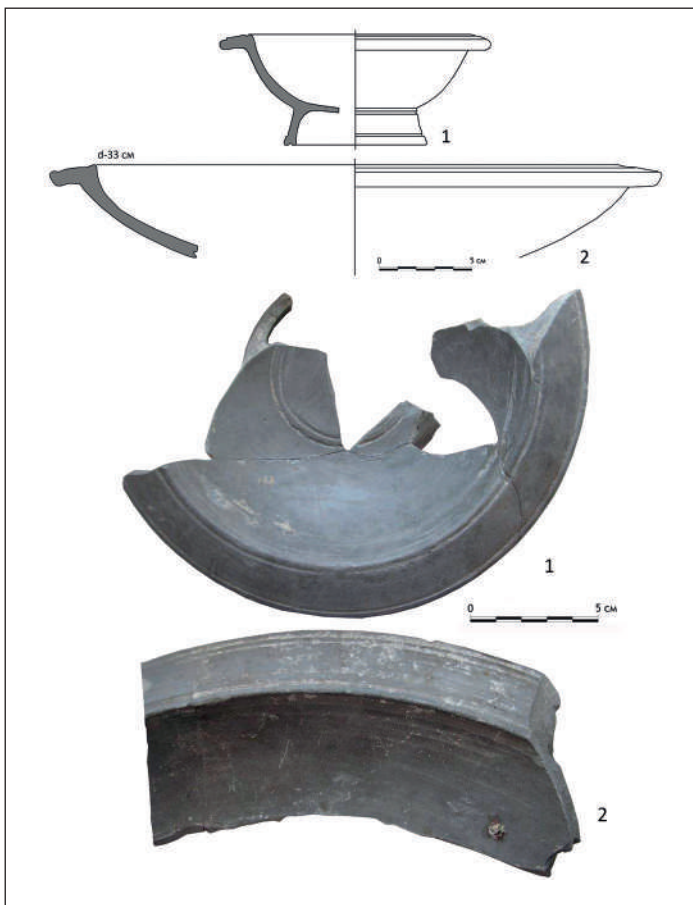

Рис. 2. Сосуды из засыпи цистерны 5 в квартале IX Северного района Херсонеса [по: Голофаст, Рыжов, 2018. Рис. 1]

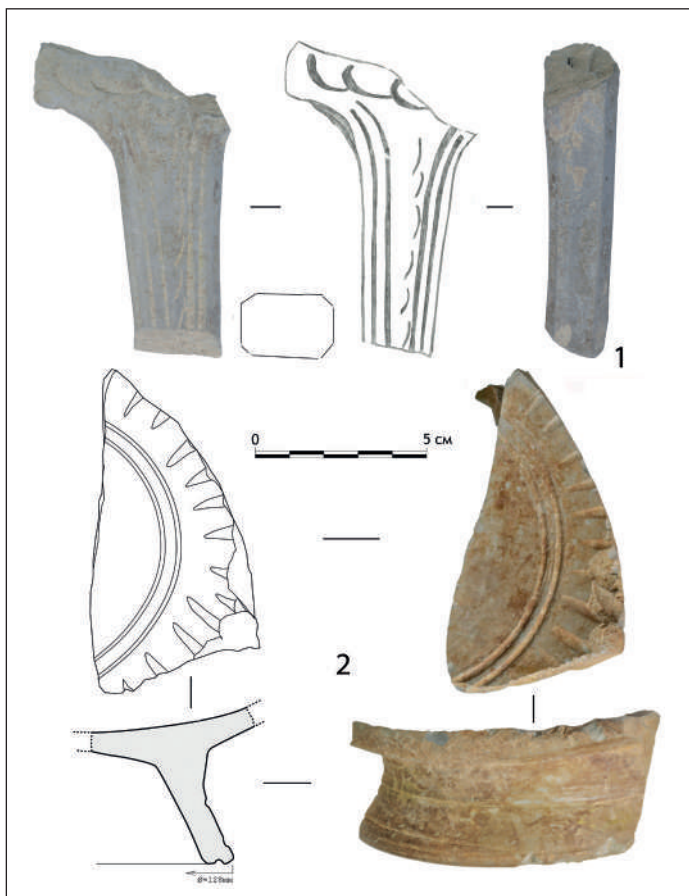

Рис. 3. Фрагменты сосудов группы «Позднеримской понтийской лощеной» из раскопок слоя пожара в Фанагории

Рис. 4. Фрагменты позднееримской понтийской сероглиняной и светлоглиняной лощеной посуды с небольшими кусочками от них, обожженными в окислительной атмосфере при 850°C (1 – венчик светлоглиняной лощеной миски, 2–4 – донца и венчик сероглиняных лощеных сосудов)

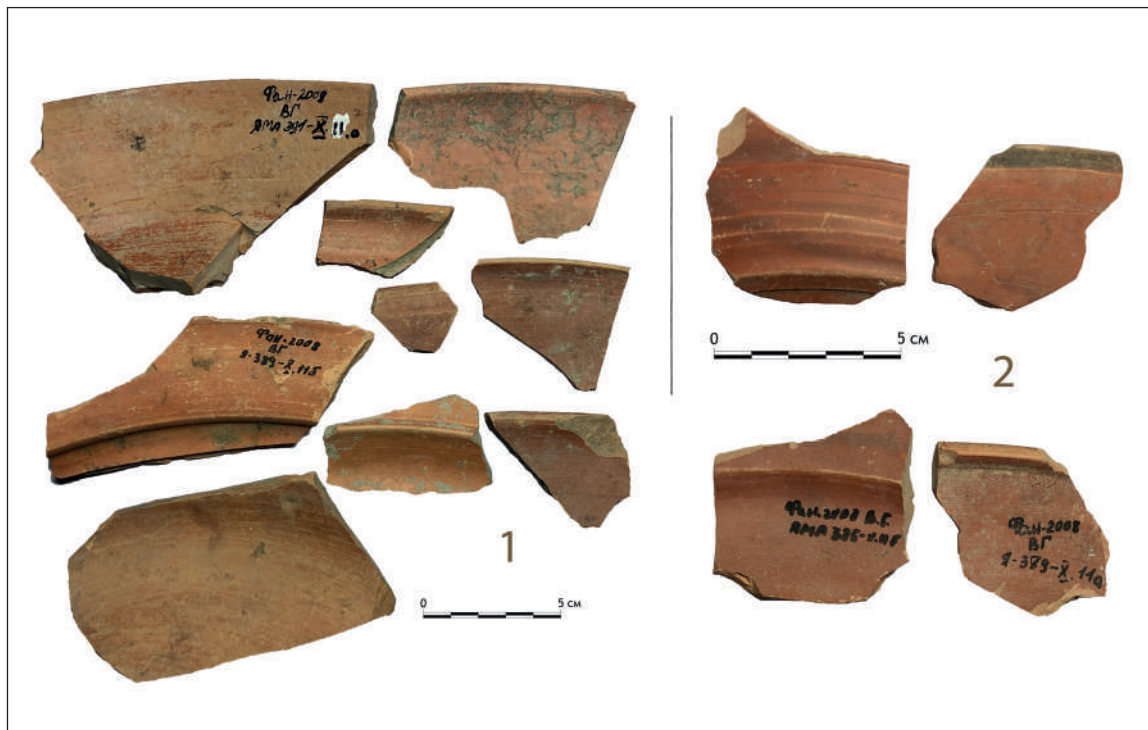

Рис. 5. 1 – образцы керамики группы «красный лак 1»;
2 – образцы керамики группы «красный лак 2»

ГОРОД-ПОРТ ТИРИТАКА В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ¹

Зинько В. Н., Зинько А. В.*

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
НИЦ истории и археологии Крыма, г. Симферополь

* E-mail: a.zinko@mail.ru

Аннотация. Город Тиритака был основан во второй трети VI в. до н.э. в глубине одной из лучших бухт европейского побережья Боспора Киммерийского. Однако конфигурация древнего побережья за прошедшие более чем 2,5 тысячи лет могла измениться до неузнаваемости. Поэтому лишь проведя комплексный анализ полученной палеогеографической и геоморфологической информации, совместно с историческими и археологическими источниками, удалось локализовать древнюю гавань Тиритаки. Все элементы окружающего рельефа местности, наличие дельты большой реки с пресной водой, а также выявленные очертания древнего морского берега находятся в полном соответствии со сложившимися у древних эллинов к VII в. до н.э. требованиями к морским портам. Все это обеспечило функционирование порта Тиритаки на протяжении более чем тысячи лет. Этот порт служил не только для обслуживания судов каботажного плавания и рыболовства, но, как мы видим по материалам раскопок, в первую очередь для прямых морских торговых связей с различными портами Понта и Средиземноморья. В ранневизантийскую эпоху город являлся единственным боспорским портом в южной причерноморской части пролива и напрямую поддерживал морские связи с Империей.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, геоморфологические исследования, древняя гавань, рыбозасолочные цистерны, базилика.

Город Тиритака был основан во второй трети VI в. до н.э. в глубине одной из лучших бухт европейского побережья Боспора Киммерийского. Важный фактор существования древних гаваней и портов – предоставление хороших возможностей для обслуживания судов, что, в свою очередь, зависит от морфологии местности – конфигурации побережья и прилегающей территории с портовыми объектами. Основная проблема состоит в том, как конфигурация древнего побережья может быть проанализирована специалистами, ведь за прошедшие более чем 2,5 тысячи лет античный ландшафт мог измениться до неузнаваемости. Поэтому лишь проведя комплексный анализ палеогеографической и геоморфологической информации этих мест, совместно с историческими и археологическими источниками, можно локализовать древние гавани. Основными характеристиками расположения античных гаваней являются: бассейн с узким входом, защищенный от ветров; хорошее морское дно, способное удерживать заякоренные корабли; окру-

жающая топография (холмы, горы), служащая дополнительной защитой от ветров; наличие питьевой воды, и, наконец, наличие островов, которые могли бы использоваться как дополнительная гавань для постановки на якорь больших судов [Вахонеев, 2021. С. 111].

Изучением геоморфологии в ближайших окрестностях Тиритаки занимается исследовательская группа под руководством А. В. Порохова. В ходе проведения комплекса научных геофизических исследований городища Тиритака и его окрестностей при помощи многопроцессорного кластера и рабочих станций были сделаны профильные разрезы (рис. 1). С учетом полученных данных геологических бурений построена модель реконструкции древней дневной поверхности припортовой территории Тиритаки.

Город Тиритака расположен в вершине залива на высоком коренном останце, омываемом в древности с юго-запада рекой. Далее к югу располагалась широкая речная долина, по которой протекала еще одна река – палео-Чурубаш. Особенности конфигурации системы древнебереговых валов показывают последовательность выполнения береговыми наносами и осушения южной части палео-залива, которая на фоне продолжавшегося подъема

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзадачу Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

относительного уровня моря превращалась в заболоченную низменность. Нараставшая к северу аккумулятивная терраса полностью отгородила палео-Чурбашский лиман от моря, превратив его в озеро, а также протянулась севернее, отгородив от моря восточную окраину возвышенного плато, на котором располагался древний город. Общая ширина сформировавшейся аккумулятивной террасы в вершине Камыш-Бурунского залива составляет 2–2,5 км [Поротов, Зинько, 2013. С. 18]. Таким образом Тиритака сейчас оказалось на значительном отдалении от морского берега (рис. 2).

Подводные археологические исследования, проводимые в Камыш-бурунской бухте специальным отрядом под руководством А. В. Зинько, позволили установить расположение и примерные очертания гавани Тиритаки, которая в настоящее время в значительной степени скрыта речными наносами. На входе в гавань выявлен, ныне затопленный из-за поднятия уровня моря, небольшой каменный островок. При проведении подводных разведок здесь были выявлены фрагменты керамики и боспорской черепицы IV–III вв. до н.э., а также фрагменты современных железных якорей [Зинько А., 2012; 2013].

Рис. 1. Расположение буровых скважин и сейсмоакустических разрезов близ Тиритаки

Все элементы окружающего рельефа местности, наличие дельты большой реки с пресной водой, а также выявленные очертания древнего морского берега находятся в полном соответствии со сложившимися у древних эллинов к VII в. до н.э. требованиями к морским портам. Все это обеспечило функционирование порта Тиритаки на протяжении более чем тысячи лет [Зинько А., Зинько В., 2018]. Этот порт служил не только для обслуживания судов каботажного плавания и рыболовства, но, как мы видим по материалам раскопок, в первую очередь для прямых морских торговых связей с различными портами Понта и Средиземноморья.

В первые века нашей эры Тиритака становится большой хозяйственной базой по производству рыбной продукции и вина, которую, благодаря своему хорошему порту, поставляет римским легионам, расквартированным в припонтском регионе. Всего при раскопках в раз-

ных частях города было открыто 16 комплексов рыбозасолочных цистерн, в которых одновременно могли засаливать несколько тысяч тонн рыбы. Однако во второй половине III в. большая часть рыбозасолочных цистерн была заброшена и лишь немногие впоследствии были перестроены и использовались [Зинько А., 2006; 2015; 2022]. Судя по исследованным рыбозасолочным комплексам, к началу IV в. в Тиритаке перестали действовать 38 из 59 функционировавших ранее цистерн. Это должно было уменьшить почти втрое годовое производство соленой рыбы в этом боспорском городе. В течение IV в. прекращает существовать еще 12 цистерн, а в V в. функционирует лишь три комплекса из 11 цистерн, объем которых был немногим более 100 куб. м. Тем самым, если судить по раскопанным рыбозасолочным цистернам, за двести лет их вместимость уменьшается как минимум в пять раз [Зинько А., 2015. С. 375].

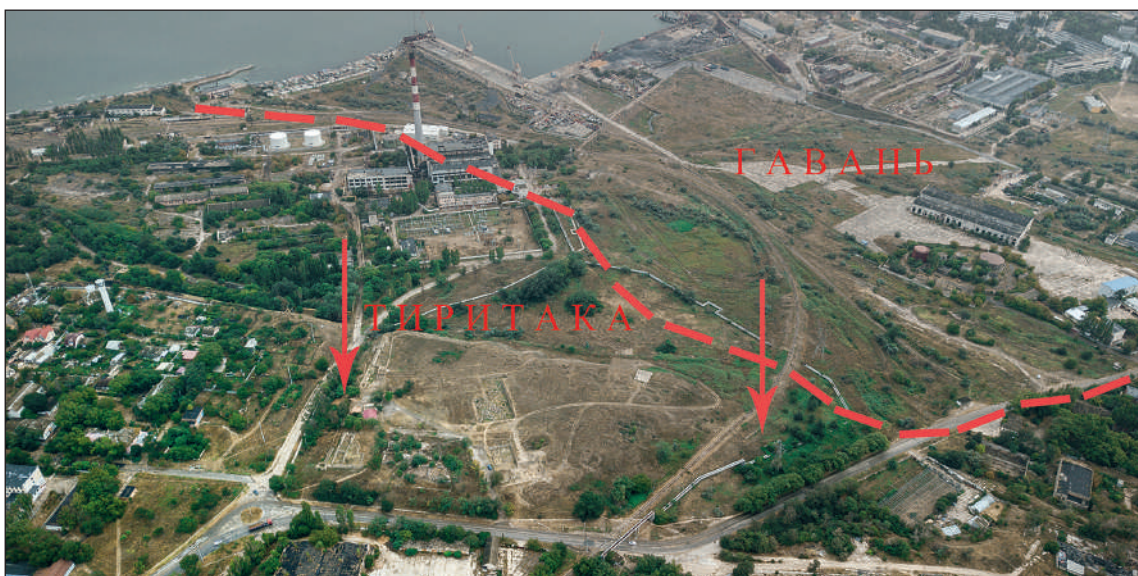

Рис. 2. Городище Тиритака с прилегающей частью морского побережья. Пунктиром показана древняя гавань. Фото 2018 г.

В конце V –VI в. объемы рыбозасолки еще более падают и для Тиритаки известны лишь считанные единицы цистерн, датируемые этим временем. Многочисленные рыбозасолочные комплексы оказались заброшенными, хотя город живет и даже строится новая большая сакральная постройка. И это несмотря на то, что с распространением христианства и введением постов на Боспоре должна была увеличиться потребность в рыбной пище. Однако для внутреннего потребления было достаточно самых незначительных, по сравнению с более ранним временем, объемов производства, а на внешнем рынке соленая боспорская рыба по каким-то

причинам оказалась невостребованной. Поэтому надобность в больших комплексах по переработке в боспорском городе Тиритака в ранне-византийское время отпала.

За последние десять лет постройки IV–VI вв. впервые были исследованы нами в центральной и северной частях верхнего города. Они дают сведения о более сложной планировке Тиритаки, чем предполагал В. Ф. Гайдукевич. Так, на раскопе XXVI, площадью более 1 тыс. кв. м, были исследованы остатки нескольких улиц и постройки различного назначения, в основе своей повторяющие городскую планировку, заложенную еще в архаическую эпоху [Зинько В. и др., 2020].

Рис. 3. Тиритакская базилика с видом на территорию древнего порта. Современное состояние

Рис. 4. Золотой солид Юстина I из раскопок Тиритаки

В ранневизантийскую эпоху город является единственным боспорским портом в южной причерноморской части пролива и напрямую поддерживает морские связи с Византией. В V–VI вв. гавань Тиритаки продолжает активно функционировать и сюда прибывают большие транспортные византийские суда, например, с грузом мраморных деталей из Малой Азии для строящейся в юго-восточной части города большой христианской трехнефной базилики (рис. 3). Судя по результатам раскопок, новыми для тиритакцев товарами в поставках для Константинополя стали хорошо обработанная кожа, в частности сафьян, а также самородная нефть, которой богаты окрестности города. Так, в центральной части Тиритаки нами был

открыт комплекс ванн для тонкой обработки кожи [Зинько А., 2010], а также несколько прямоугольных битумных площадок, пропитанных нефтью. Здесь, вероятно, происходила подготовка самородной нефти и разливка ее в амфоры. В связи с этим, напомним о находке в Тиритаке еще в 1930-х гг. боспорской амфоры, полной местной нефти [Успенский, 1952]. За эти товары византийцы щедро платили, о чем свидетельствует недавняя находка при раскопках золотого солида императора Юстина I (рис. 4).

Все это было возможным только при наличии удобной гавани, которая функционировала на всем протяжении существования города-порта Тиритака с VI в. до н.э. по VII в. н.э.

Литература

- Вахонеев В. В. Морская археология: учебное пособие для вузов. М., 2021. 205 с.
- Зинько А. В. Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н.э. // Боспорские исследования. 2006. Вып. XI. С. 177–186.
- Зинько А. В. О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 145–150.
- Зинько А. В. Подводные археологические разведки припортовой части Тиритаки // Археологічні дослідження в Україні в 2012 р. Київ, Луцьк, 2013. С. 49.
- Зинько А. В. Охранные исследования на некрополе Тиритаки и подводные разведки у мыса Ак-Бурун // Археологічні дослідження в Україні в 2013 р. Київ, 2014. С. 38.
- Зинько А. В. К вопросу о рыболовном промысле в ранневизантийской Тиритаке // Труды Государственного Эрмитажа. 2015. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. С. 369–376.
- Зинько А. В. Рыбозасолочные комплексы из раскопок Тиритаки // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLV. С. 201–220.
- Зинько В. Н., Зинько А. В. Древние гавани западного побережья Керченского пролива. XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь, Керчь, 2017. С. 180–185.
- Зинько А. В., Зинько В. Н. Новые сведения о гавани Тиритаки // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб., 2018. С. 234–239.
- Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020.
- Поротов А. В., Зинько В. Н. Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (Западное побережье Керченского пролива) // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. С. 3–20.
- Успенский В. А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 25. С. 415–422.

ЮЖНЫЕ КОМПОНЕНТЫ I ТЫС. Н.Э. НА ВЕРХНЕДОНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ МУХИНО-2¹

Земцов Г. Л.

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк
E-mail: grizem@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются материалы поселения Мухино-2, расположенного в бассейне верхнего течения р. Дон. Выделяются маркеры, свидетельствующие о южных связях поселения в гуннское и раннесредневековое время.

Ключевые слова: гуннское время, Верхнее Подонье, поселение, погребение, Чертовицкое-Замятино, салтово-маяцкая культура.

Поселение Мухино-2 было открыто в 1976 г. Ю. Г. Екимовым и с 2000 г. изучалось Г. Л. Земцовым и В. О. Гончаровым (рис. 1, 1). В ходе 9 полевых сезонов на площади 2629 м² получены материалы практически всех археологических эпох. Основной слой поселения датируется гуннским временем (конец IV – V в. н.э.)

В этот период на территории Верхнего Подонья функционировали памятники типа Чертовицкое-Замятино, которые достаточно хорошо изучены и опубликованы [Медведев, 1998; Острая Лука Дона в древности..., 2004; Острая Лука Дона в древности..., 2015 и др.]. А. М. Обломский выдвинул гипотезу существования здесь варварского королевства, которое контролировало донской торговый путь [Обломский, 2007. С. 90–92]. Эта идея была поддержана другими исследователями [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 245]. На поселениях фиксируется развитое земледелие, скотоводство и ремесло. Обнаружены мастерские гребенщиков, горн по обжигу гончарной посуды, следы металлообработки и кузнечного дела. Население имело сложный этнический состав и состояло из выходцев с Днепровского лесостепного Левобережья, бассейна Оки, ареала черняховской культуры, Северного Причерноморья, степи, возможно, Подунавья [Обломский, 2015. С. 304].

Центр раннесредневекового объединения находился на территории Острой Луки Дона – крутой излучины реки в районе современного г. Задонска Липецкой области. Здесь обнаружено большое количество памятников гуннского времени, одним из которых является поселе-

ние Мухино-2. Памятник занимает склон первой надпойменной террасы р. Снова, в 3,5 км от ее впадения в Дон. Материалы гуннского времени представлены большим количеством материала, 62 хозяйственными объектами, одним захоронением и единственным жилищем – постройкой 7. Ряд материалов свидетельствует о южных связях поселения в гуннский период.

Первый объект – погребение «княжеского» ранга. В 2002 г. на поселении было обнаружено захоронение знатной женщины 20–29 лет. Погребение было совершено в яме неправильной прямоугольной формы, заполненной материковой глиной. На дне ямы прослежены углистые следы, частично сформированные в полосы. Погребенная была ориентирована на север, уложена вытянуто на спине, руки вдоль тела. Скелет представлен не полностью – обнаружено 8 зубов, некоторые кости груди, запястье, кости ног. Череп, таз и некоторые другие фрагменты не найдены. В засыпке могильной ямы зафиксировано два сосуда и кости животного, остальные находки располагались на костяке. Среди них – золотые пронизи, бляшки со штампованным декором из золотой фольги округлой, треугольной и волнистой формы, треугольные бляшки без декора из золотой фольги, сделанные из металла зеркало, трехрогая лунница-подвеска, браслет с расплюсченными окончаниями в виде змеиных головок, туалетный набор, пинцет, нож в ножнах с золотой обкладкой, стеклянные и янтарные бусы и другие находки. Инвентарь подробно описан в ряде статей [Мастыкова, Земцов, 2014; Мастыкова, 2015; Мастыкова, Земцов, 2016; Сапрыкина, Мастыкова, 2017]. Погребение из Мухино сопоставимо с «княжескими» могилами горизонта Унтерзибенбрунн и приблизительно да-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00110.

тируется 430–450 гг. н.э. [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 212].

Исследователи отмечают южное происхождение захороненной женщины. В этом плане интересны выводы биоархеологического исследования костяка. Высокая концентрация стронция в костных образцах свидетельствует о том, что индивид большую часть своей жизни существовал в условиях достаточно аридных ландшафтов. Соотношение изотопов стронция в эмали зуба погребенной и костной ткани животного из захоронения подтверждает, что детство женщины проходило вне верхнедонского региона и она была уроженкой юга. С большой осторожностью можно использовать некоторые наблюдения относительно монголоидного облика женщины и специфических физических нагрузках типа верховой езды [Добровольская и др., 2015. С. 52–55].

Анализируя убор погребенной, исследователи также фиксируют его южное происхождение. При этом А. М. Обломский относит его к кругу степных [Обломский, 2007. С. 90], а А. В. Мастыкова соотносит с оседлым населением Северного Причерноморья [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 211]. Рацион питания женщины (активное употребление проса), установленный на основе атомно-абсорбционного и изотопного анализов, также близок к традициям оседлого населения [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 211]. Впрочем, просо – главная культура, которая выращивалась на поселении Мухино-2.

Второй объект гуннского времени, маркирующий южное влияние на поселения Мухино-2 – единственное жилое сооружение (постройка 7). Это полуземляночное жилище с овальным по форме котлованом и входом с востока. Оно имело размеры 4,3х4,6 м и глубину 0,06–0,16 м от уровня материка и 0,5–0,6 м от уровня древней поверхности. В центральной и восточной части постройки прослежены аморфные углубления – следы натоптанности. Скорее всего, здесь же находился очаг. Северо-западная часть жилища была четко отделена, здесь прослежено три линии столбовых ям. Самая обширная столбовая яма (0,4х0,4 м, глубина 0,13 м) подквадратной в плане формы, обнаружена в северо-западном углу постройки. Судя по заполнению, при строительстве сооружения активно использовалась глина (рис. 1, 2).

За пределами сооружения обнаружено 5 скоплений камней и находок, две столбовые ямы и хозяйственная яма, которые образуют площадь размерами около 7х7 м. Котлован сооружения находился в восточной части данного участка. Интересно, что в пределах этой

обширной площади сконцентрировано значительное количество индивидуальных находок, а к северо-западу и юго-западу от нее таких артефактов нет [Земцов, 2012. С. 197].

Бытовой инвентарь и керамика с площади постройки представлена типичным для памятников типа Чертовичское-Замятино комплексом. Он включает в себя керамику киевского типа и чернолощенные фрагменты «окской» традиции. Кроме того, найдены обломки лепной миски и гончарное днище с клеймом, которым А. М. Обломский находит южные аналогии [Земцов, 2022. С. 232–235; Обломский, 2005. С. 107–108. Рис. 3; Обломский, 2010. С. 64].

Ближайшей аналогией постройки 7 с поселения Мухино-2 является найденная на расстоянии 5 км постройка 4 поселения Ксизово-19 [Обломский, 2006]. Публикация данного комплекса вызвала определенную дискуссию.

По мнению А. М. Обломского, сооружения с поселений Ксизово-19 и Мухино-2 относятся к группе юртообразных. Он считает, что «жилище, обнаруженное в Ксизово-19 – первое прямое свидетельство присутствия на Острой Луке Дона выходцев из степей» [Обломский, 2006. С. 47].

Другую точку зрения высказал М. М. Казанский. Он отметил, что вещи из заполнения постройки совершенно чужды культуре степняков Восточной Европы, но близки материалам оседлого населения Северного Причерноморья [Казанский, 2019. С. 76]. По мнению автора, постройки более или менее округлой формы встречены у оседлых варварских народов по всему европейскому континенту, включая киевскую культуру. Он предполагает, что именно с киевскими традициями связано существование стационарных округлых построек у славян-антов пеньковской культуры [Казанский, 2019. С. 79]. В качестве доказательства этих тезисов М. М. Казанский ссылается на список сооружений оседлых варваров с территории Украины, приведенный А. В. Комаром [Комар, 2007. С. 40]. На наш взгляд, данные аналогии не являются близкими верхнедонским материалам. Традицию возведения подобных жилищ следует искать не в ареале варваров-земледельцев, а в степной зоне и на территории оседания кочевников на землю [Земцов, 2022]. На поселениях типа Чертовичское-Замятино разноэтничные находки встречаются в одних комплексах. Видимо, миксация этнических групп приводит к тому, что в жилище с юртообразной планировкой в большом количестве обнаружены раннеславянские материалы.

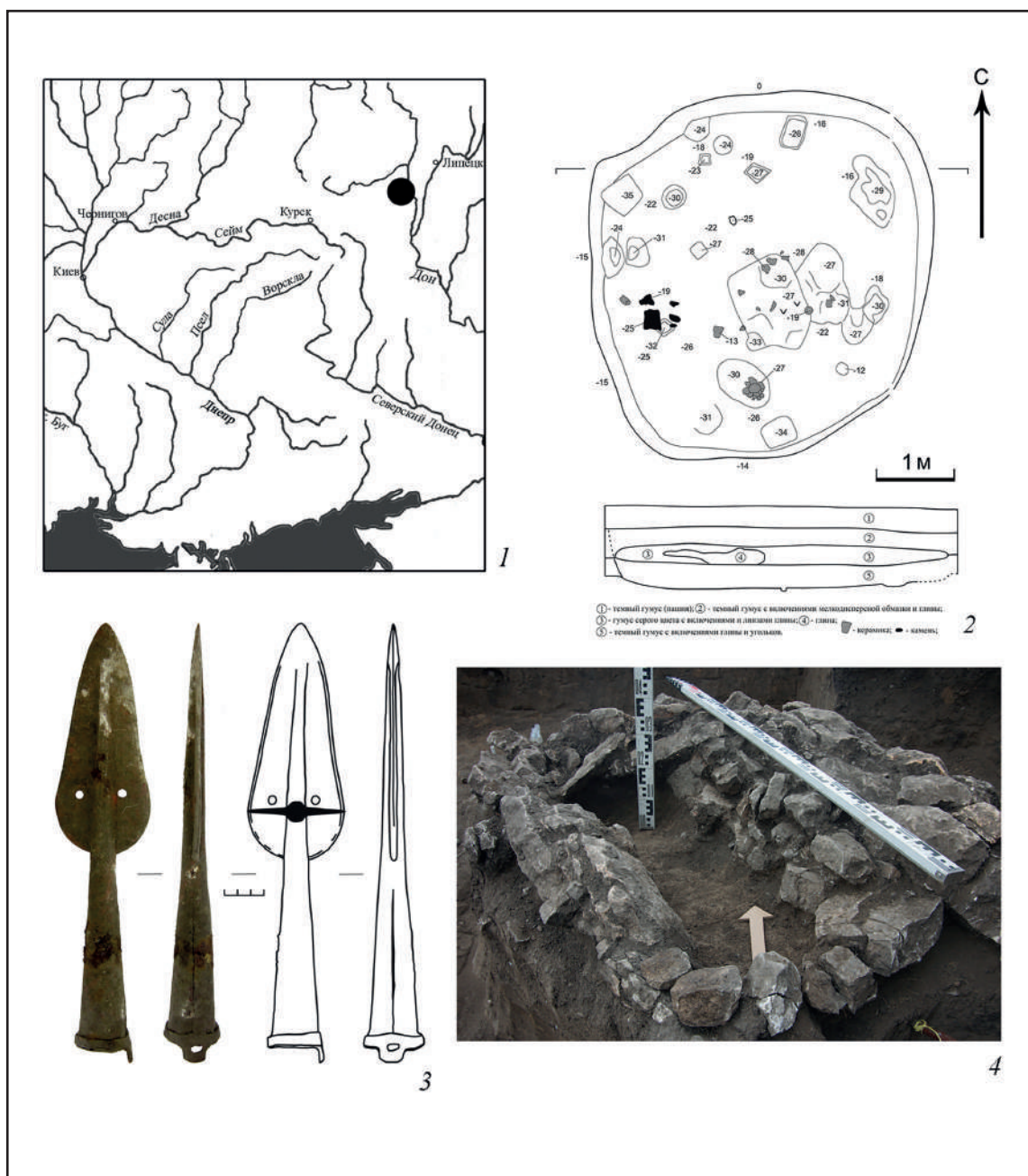

Рис. 1. Материалы поселения Мухино-2

1 – месторасположение поселения; 2 – постройка 7; 3 – железный наконечник копья; 4 – разрез каменной конструкции

Использование знатной женщиной юртообразной постройки в качестве жилища не исключено. Во-первых, объекты гуннского времени на поселении не перекрывают друг друга, и погребение хорошо вписывается в план усадьбы. Оно было совершено непосредственно за пределами основного хозяйственного комплекса [Земцов, 2012. С. 194]. Во-вторых, в заполнении постройки был обнаружен престижный предмет – фрагмент стеклянного кубка.

Еще один интересный объект с поселения Мухино-2, диагностирующий южные связи по-

селения в I тыс. н.э., обнаружен в ходе исследований 2021 г. В результате георадарных работ, произведенных В. Г. Бездудным, было выявлено несколько аномалий, которые проверялись шурфами. В одном из них была расчищена каменная конструкция прямоугольной формы размерами 1,2x1,5 м, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток и состоящая из камней известняка, выходы которого имеются в непосредственной близости от поселения. Крупные камни были поставлены на ребро внахлест друг к другу, под ними найдено несколько мел-

ких кальцинированных костей (рис. 1, 4). Объект был засыпан мелкими камнями, среди которых обнаружен наконечник втульчатого железного копья салтово-маяцкой культуры (рис. 1, 3) и монета плохой сохранности. Ее вес – 2,36 г.

Данный объект не имеет непосредственного отношения к гуннскому времени, но фиксирует возможность проникновения степного насе-

ления на территорию Острой Луки Дона. С появлением данного поминальника случайные проявления степной культуры на поселении Мухино-2 приобретают характер закономерности. Сложно определить истоки этого влияния, оценить вклад оседлого и кочевого населения степи. Этот вопрос будет решен лишь после появления новых археологических данных.

Литература

- Добровольская М. В., Земцов Г. Л., Мاستыкова А. В., Медникова М. Б.* Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // *Российская археология*. 2015. № 1. С. 44–58.
- Земцов Г. Л.* Липецкий край в III–V веках. Тула: Гриф и К, 2012. 206 с.
- Земцов Г. Л.* Юртообразное жилище гуннского времени с поселения Мухино-2 на Верхнем Дону // *Краткие сообщения Института археологии*. 2022. Вып. 268. С. 231–244.
- Казанский М. М.* О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V–VII вв.) // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева / Ред. М. Е. Ткачук, Г. Г. Атанасова. Кишинев, 2019. С. 73–86.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // *Дивногорский сборник*. № 1 / Отв. ред. А. З. Винников, М. И. Лылова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. С. 225–251.
- Комар А. В.* Что такое «пастырская культура»? // *Проблемы на прабългарската история и култура*. София, 2007. № 4(1). С. 35–52
- Мастыкова А. В.* Зеркало из «княжеского» погребения гуннского времени с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону // *Краткие сообщения Института археологии*. 2015. Вып. 241. С. 207–213.
- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л.* «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // *Краткие сообщения Института археологии*. 2014. Вып. 234. С. 200–222.
- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л.* Богатое погребение на поселении Мухино-2 на Верхнем Дону и имущественная градация привилегированных могил гуннского времени в Барбарикуме (группа Унтерзибенбрунн) // *Краткие сообщения Института археологии*. 2016. Вып. 244. С. 131–145.
- Медведев А. П.* III Чертовицкое городище (материалы 1-й пол. I тыс. н.э.) // *Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э.* / Отв. ред. А. П. Медведев. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. С. 42–85. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12).
- Обломский А. М.* Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья в гуннское время // *Краткие сообщения Института археологии*. 2005. Вып. 219. С. 104–119.
- Обломский А. М.* Юртообразная постройка V века н.э. на территории Верхнего Подонья // *Средневековая археология евразийских степей: Сборник статей к юбилею профессора С. А. Плетневой* / Отв. ред. И. Л. Кызласов, Ю. А. Зеленева, М., Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2006. С. 40–52.
- Обломский А. М.* Лесостепное Подонье // *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 73–132. (Раннеславянский мир. Вып. 9).
- Обломский А. М.* Этнокультурные компоненты населения поселка гуннского времени в Танаисе // *Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М. П. Драгоманова)*. Збірка тез доповідей на конференції. Київ, 2010. С. 61–66.
- Обломский А. М.* Этнические и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения) // *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.)* / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 296–308. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
- Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.)* / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. 660 с. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
- Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени* / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. 330 с. (Раннеславянский мир. Вып. 6).
- Сапрыкина И. А., Мастыкова А. В.* Золотые изделия из «княжеского» погребения с поселения Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону: редкие техники изготовления? // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2017. № 6. С. 165–180.

ВАРВАРЫ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

РИМСКИЙ СВЕТИЛЬНИК ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ТАВРИДЫ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Антипенко А. В.^{1*}, Корнеев Д. С.²

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Лаборатория «Византийский Крым», г. Симферополь

² Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Таврическая академия, г. Симферополь

* E-mail: an.antipenko@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению металлического светильника, переданного в Центральный музей Тавриды в рамках борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей. В ходе реставрационных работ на поверхности изделия были выявлены следы ремонта, предположительно проведенного в недавнее время. Для установления степени оригинальности изделия был проведен комплекс исследований, включающий историко-культурную экспертизу с применением естественно-научных методов. В результате был выявлен круг аналогий отдельных деталям светильника, определена его датировка, а также установлен ряд манипуляций, проведенных для придания изделию более презентабельного вида.

Ключевые слова: светильники, Римская империя, рентгено-флуоресцентный анализ.

Сотрудники Федеральной службы безопасности России в 2018 г. передали Центральному музею Тавриды в Симферополе 182 археологических предмета, которые были изъяты в рамках борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей. В их состав входят предметы от эпохи бронзового века до поздней античности и средневековья, в том числе и несколько металлических светильников, исследованию одного из которых посвящена данная работа².

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075-15-2022-1119.

² Авторы приносят искреннюю благодарность за помощь в работе главному хранителю Центрального музея Тавриды Н. Б. Майко и директору музея А. В. Мальгину.

Образцы и методика исследования.

Светильник (рис. 1) имеет сферическое тулово, немного сплющенное в верхней и нижней части. Уплощенная верхняя часть имеет два рельефных выступа, обрамляющих круглое отверстие для масла. Дно на невысоком кольцевом поддоне, имеющем врезные концентрические окружности. Носик лампы удлиненный, плавно изогнутый кверху, на месте соединения с туловом – рельефные валики, расширяющиеся кверху, орнаментированные врезными линиями, валики на завершениях украшены литым орнаментом в форме цветка. Носик в верхней проекции уплощенный, отверстие для фитиля круглое, выделено расширением на конце носика. Ручка двуствольная, загибающаяся над туловом, место крепления ручки выделено выступом листовидной формы. На

завершения ручки напаян медальон в виде женской головы в коническом уборе с цветами по бокам, в нижней части медальона просверлено отверстие, в которое вставлена цепочка из восьмерковидных звеньев, служившая для фиксации крышки. Крышка умбовидная, с выступающей петлей, украшена тремя концентрическими линиями. Поверхность предмета в момент передачи в музей была покрыта зеленой патиной. Размеры: длина – 21,0 см, ширина – 9,8 см, высота – 12,5 см, диаметр кольцевого поддона – 6,6 см, диаметр отверстия для фитиля – 2,2 см, диаметр отверстия для заливки масла – 4,2 см, диаметр крышки – 4,0 см, высота медальона – 6,0 см.

Исследование химического состава сплава светильника проводилось с помощью неразрушающего рентгено-флуоресцентного безэталонного анализа на спектрометре Mistral M1 фирмы Bruker в фондах Центрального музея Тавриды. Для изучения были выбраны 11 элементов: медь (Cu), олово (Sn), свинец (Pb), серебро (Ag), никель (Ni), цинк (Zn), железо (Fe), мышьяк (As), сурьма (Sb), золото (Au), марганец (Mn). В ходе исследования выяснилось, что мышьяк, марганец, золото и, в отдельных участках, никель не присутствуют в сплаве исследуемой вещи в детектируемых количествах (то есть в сотых долях процента). Поэтому эти элементы исключены из таблиц данных по составу сплава. В месте стыковки ручки, на носике и на тулове применялась идентификация спектров из-за необходимости выявления всех элементов, оказывающих влияние на внешний вид поверхности образца. На разных плоскостях объекта были проведены исследования химического состава сплава, представленные в четырех таблицах (табл. 1–4) и нанесенные на рисунки (рис. 2).

Хронология и аналогии.

Металлические светильники для Северного Причерноморья, да и для всего античного мира, являются достаточно редкой находкой. В силу этого, поиск прямых и хорошо датированных аналогий весьма затруднен. Необходимо отметить еще один факт, препятствующий установлению хронологической позиции данной категории вещей – привлекательный внешний вид и массивность сделали эти находки легкой добычей грабителей, быстро находящих покупателя. В силу этого, большая часть светильников музейных коллекций не имеет привязок к памятнику и региону находки. Еще одним фактором является ремонт изделия, который искажил оригинальный внешний вид.

Первая сводка бронзовых светильников из Восточной Европы представлена в работе В. В. Кропоткина, где перечислены их места обнаружения [Кропоткин, 1970. С. 37–38, 121].

Позже были опубликованы находки из крупных античных центров – Танаиса [Арсеньева, 1988. С. 131–133. Табл. XLIX.1-2; L.1-2; LI.1]; Горгиппии [Алексеева, 2021. Рис. 112, 117] и Херсонеса [Дорошко, 2013–2014. С. 35–49]. Еще 21 светильник из Северного Причерноморья приведен М. Ю. Трейстером [Treister, 2005. P. 293–298].

Для нас интерес представляет опубликованный В. В. Дорошко светильник, происходящий из раскопок Г. Д. Белова в 1934 г. на Северном берегу Херсонеса [Дорошко, 2013–2014. Рис. 7]. За исключением того, что он двурожковый и лишен ручки, его корпус практически идентичен светильнику, переданному в музей Тавриды. Он относится к типу Loeschcke XIX [Loeschcke, 1919. Taf. XIX, cat. 1054]. Двурожковые подвесные лампы этого типа известны в коллекции музея Дж. Пола Гетти в Лос-Анжелесе, одна из которых предположительно происходит из Малой Азии [Bussi ere, Lindros, 2017. Cat. 623–624]. Датированные однорожковые светильники этого типа известны из мест дислокации римских военнослужащих в рейнской области, датируются они I–II вв. н.э. [Дорошко, 2013–2014. С. 38]. Аналогичные светильники представлены в Британском музее и автором каталога выделены в форму 4, характерными чертами которой являются сферический корпус и «насадка с квазивольютами», заканчивающаяся на корпусе сверху цветами, а так же ручка, которая загнута дугой [Walters, 1914. P. 11–12. Pl. VIII, cat. 63]. Кроме того, весьма похожими выглядят два светильника из коллекции музея Метрополитен, они оба имеют один валик в месте перехода тулова светильника к носику. Валик также увенчан рельефными розетками, а ручка оканчивается атташем в виде сердечка. Один из светильников датируется I в. н.э. [Richter, 1915. P. 381, no. 1340], второй аналогичен, но происходит из частной коллекции мисс Хелен Миллер Голд и ранее не публиковался. Хранителями музея определена условная датировка – конец I в. н.э. [Bronze lamp. The MET Collection]. Светильник с двуствольной ручкой и похожим корпусом находится в собрании Лувра. Предмет происходит из Помпей и датируется временем не позднее второй четверти I в. н.э. [Lampe. Collections Mus e du Louvre].

К числу аналогий можно отнести экземпляр из музея Варны. Эта лампа имеет двуствольную ручку и корпус близкой формы, но отличается в оформлении носика – он имеет по два рельефных валика с каждой стороны. Датируется она I в. н.э. В качестве места изготовления автор предполагает Италию или Малую Азию [Минчев, 2003. С. 106–107]. Практически идентичная лампа происходит из раскопок 1986 г. гробницы в Томисе и датируется II в. н.э. [Simion, 2003. P. 44].

Все перечисленные аналогии относятся к корпусу лампы и ручкам, к сожалению, современный ремонт лампы внес серьезные изменения во внешний вид изделия и поэтому аналогии медальону, припаянному к верхней части ручки, необходимо искать отдельно. Медальон представляет собой изображение человеческого лица во фригийском колпаке, верхний край которого загнут вперед. Лицо обрамляют по две сплетенные пряди волос с обеих сторон и у подбородка также пряди волос или завязка колпака. На висках два цветка. Изображение лица грубое, слабо детализированное. В нижней части медальона несимметрично относительно вертикальной оси просверлено отверстие. Исследователи называют такие изображения масками. Маска на конце ручки в светильниках является широко используемым орнаментальным мотивом в эллинистическое и римское время. Чаще всего подобными медальонами орнаментировали светильники типа Loeschcke XX, которые бытовали в I – начале II века [Loeschcke, 1919. Taf. XIX, cat. 1053]. Вместо изображения человека встречаются головы животных и растительный орнамент. Светильник с похожим медальоном известен в собрании археологического музея в Мадриде, вероятнее всего, он происходит с территории Италии [Blázquez, 1959. Fig. 1]. Ряд подобных изделий обнаружены на территории Румынии, они выделены в тип V, вариант «а» (№ 15–34). Г. Симоин предполагает их александрийское происхождение и датирует их также I–II вв. н.э. [Simion, 2003. P. 22, 55–57]. Известен экземпляр с маской на завершении ручки из Лувра [Ridder, 1913. Pl. 109, Cat. 3107]. Один экземпляр найден у села Добротин близ города Липян (территория Республики Косово). Он хорошо сохранился. Его главная особенность – очень сильно загнутая к тулову ручка с завершением в виде трагической женской маски, под подбородком которой пальметта, касающаяся диска. Голова-маска имеет очень тщательно оформленное лицо и вьющиеся волосы. Под носом есть отверстие для крепления цепи длиной 57 см, заканчивающейся крючком и шипом для подвешивания лампы. Автор работы предполагает, что наравне с александрийскими мастерскими лампы этого типа могли производить с начала I в. н.э. до начала II в. н.э. и на территории Италии [Dobruna-Salih, 2010. P. 153–156, 159–160]. В Хорватии лампа с маской обнаружена в слое римского времени, в датировке которого исследователи не исключают IV в. н.э. Помимо находок целых изделий в этом регионе, отдельно встречаются также отломанные маски и сильно поврежденные экземпляры [Smalcelj, 1966. С. 39–48. Т. III–IV; Abramić, Colnago, 2009. S. 174].

Если предлагаемая датировка верна, то лампа из Винковца является самой поздней из задокументированных на данный момент находок светильников этого типа.

Также следует указать, что подавляющее большинство хранящихся в музейных коллекциях металлических светильников лишены крышек [Bussière, Lindros, 2017. P. 454–460; Walters, 1914. Pl. VI.52,58,70,72,96; VII.59; Blázquez, 1959. P. 159–170]. Чаще всего, крышки сохраняются у экземпляров, имеющих шарнирную конструкцию их крепления [Xanthopoulou, 2010. P. 158–181]. У отдельных экземпляров сохранились крышки с цепочками, которыми они крепились к ручкам [Walters, 1914. Pl. VI.59; VIII.65].

Таким образом, изучаемый светильник имеет аналогии в двух типах ламп – Loeschcke XIX в форме корпуса и Loeschcke XX в завершении ручек. Оба типа бытовали в I–II вв. н.э. на территории Римской империи, их находки известны как в имперских центрах, так и на территории варварской периферии. Нам не удалось обнаружить ни одного экземпляра, полностью соответствующего данному изделию целиком, что является еще одним свидетельством в пользу того, что данный экземпляр является сборной конструкцией из, как минимум, двух разных вещей. Нужно отметить, что ручки, в целом, являются наиболее утрачиваемой и подвергавшейся ремонту деталью металлической посуды римского времени [Трейстер, 2022. С. 163–164, 168–169]. Оригинальность цепочки и крышки остается под вопросом в силу того, что сам медальон является деталью другого светильника. Соответственно, и крышка может быть частью другого изделия. К тому же способ фиксации цепочки на медальоне небрежен – отверстие пробито несимметрично, что в определенной мере нарушает общую композицию.

Техника изготовления, следы ремонта и иные вмешательства.

Светильник выполнен в технике литья с последующей доработкой на токарном станке, шлифовкой и гравировкой. На внутренней поверхности полости для масла и кольцевого поддона отчетливо видны ровные концентрические борозды, следы токарной обработки. Отметим, что ручка с медальоном, нависающая над отверстием, не позволила бы проводить токарную обработку внутренней поверхности предмета. У аналогичных светильников, доработанных на токарном станке, верхняя часть ручки менее загнута и не заходит за контур верхнего отверстия.

В процессе реставрационных работ в музее было выявлено, что предмет претерпел изменения, вероятно, в недавнем прошлом. На обеих сторонах ручки визуально виден шов, соединя-

ющий верхнюю часть с нижней (рис. 1, А). Шов заполнен цементированным материалом светло-серого цвета с металлическими частицами, не подвергающегося воздействию ацетона, размягчить шов удалось лишь с применением смеси керосина и ацетона, при этом проявился стойкий еловый запах, характерный для канифоли. Такие свойства шва, выявленные органолептическими методами, позволяют, с высокой долей вероятности, предположить, что соединение реплики ручки и оригинального предмета выполнено с использованием восково-канифольной мастики с добавлением металлической стружки. Этот метод склеивания и восполнения утрат широко известен уже длительное время [Никитин, Мельникова, 1990. С. 19–20]. К концу реплики ручки припаян медальон в виде женской головы. Поверхность светильника имеет локальные неоднородности в виде правильных, отчетливо ограниченных, прямоугольников, заполненных однородным металлом, вероятно, являющиеся результатом современного вмешательства с применением технологии сварки цветных металлов (рис. 2, Б). Люди, производившие доработки предмета, пытались скрыть следы вмешательства. Так, на поверхности заметны локальные очаги искусственной патины, образованные, предположительно, обработкой веществами на основе серы, что косвенно подтверждают результаты спектроскопии (табл. 4). Способ искусственного патинирования медьсодержащих предметов также широко применяется при реставрационных работах и не требует наличия сложного оборудования или сколь существенных затрат [Минжулин, 1992. С. 63]. Черный цвет сульфида меди, образующегося на поверхности металла при патинировании, вероятно, должен был скрыть множественные вмешательства, которые претерпел предмет, однако на этом работы по «застраиванию» не завершились. Для максимального сокрытия вмешательства предмет подвергли искусственному состариванию с образованием зеленой малахитовой однородной патины, методом, который невозможно определить. Вероятно, доработки проводились для придания «товарного вида» изделия, которое в своем оригинальном виде подверглось длительному окислению и повреждениям. При этом, характер доработок указывает на их современное происхождения с использованием веществ и технологий, недоступных древним мастерам.

Результаты исследования элементного состава.

Исходя из результатов видно, что тулово лампы и нижняя часть ручек (табл. 1; 3, 1–6) выполнены из оловяно-свинцовой бронзы с средним содержанием олова 14,58% и свинца 12,47%. Однако, при рассмотрении отдельных

зон можно отметить, что концентрации свинца в изделии очень неравномерны – наибольшее его количество в правой части тулова, у места крепления правой ручки и на рельефном выступе (табл. 1. 8–14; 3. 4–6). В этих участках его значения доходят до 25–40%. В то же время, верхняя часть ручки выполнена из латуни, средняя концентрация цинка составляет 23,42%, отмечается небольшое количество свинца 1,5–2,5% и микропримеси никеля (табл. 2, 1–5). Медальон также выполнен из латуни, но с более низким содержанием цинка – до 15% (табл. 3, 7–8). Крышка отлита из свинцово-оловянной бронзы (табл. 2, 7). В зоне соединения двух частей ручек (табл. 4, 1) обнаружены элементы как бронзы, так и латуни. Кроме того, на поверхности изделия отмечаются весьма существенные концентрации серы, достигающие до 12,5% (табл. 4, 2–4). Результаты исследования состава античных металлических светильников, приведенные Г. Симоин, свидетельствуют, что наиболее распространенным сплавом для их изготовления служила оловяно-свинцовая или свинцово-оловянная бронза, нередко использовались и многокомпонентные сплавы с небольшим количеством цинка – до 4%. Из приведенных данных для 76 ламп, только три изделия выполнены из сплава, где основным легирующим компонентом выступал цинк [Simion, 2003. P. 28–30].

Таким образом, выявленные в ходе визуального осмотра факторы, указывающие на современные манипуляции со светильником, подтвердились на нескольких этапах исследования. Поиск аналогий выявил сходство с двумя типами римских светильников – корпус изделия и завершение ручек, скорее всего, были объединены в один экземпляр в недавнее время. Исследование элементного состава показало, что верхняя часть ручек изготовлена из совершенно другого сплава, отличающегося от рецептуры материала основной части изделия, что для цельнолитой вещи выглядит экстраординарно. К тому же, на поверхности вещи зафиксированы следы намеренного «состаривания» серосодержащими препаратами. Можно осторожно предположить, что с целью повышения стоимости коллекции грабители или перекупщики кустарно отремонтировали фрагментированный светильник. Вероятно, золотистую оловянисто-свинцовую бронзу они приняли за латунь и весьма аккуратно добавили недостающие части ручек подходящим по цвету материалом. Затем к репликам ручек был припаян медальон с маской, в котором предварительно было пробито отверстие для цепочки. Подобные мероприятия не могли не отразиться на внешнем виде изделия, что привело к необходимости искусственного патинирования поверхности.

Литература

- Алексеева Е. М. Некрополь города Горгиппии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н.э. М., Вологда: Древности Севера, 2021. 351 с.
- Арсеньева Т. М. Светильники Танаиса. М.: Наука, 1988. 141 с.
- Дорошко В. В. Античные бронзовые светильники из Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. 2013–2014. Вып. 18. С. 35–49.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М.: Наука, 1970. 222 с. (САИ. Вып. Д1-27).
- Минжулин А. И. Введение в реставрацию металла. Киев, 1992. 100 с.
- Минчев А. Античные бронзови лампы от варненския археологически музей // Известия на Народния Музей Варна, 1998–1999. 2003. № 34–35 (49–50). С. 104–135
- Никитин М. К., Мельникова Е. П. Химия в реставрации: Справочное издание. Л.: Химия, 1990. 304 с.
- Трейстер М. Ю. Римские бронзовые сосуды со следами древнего ремонта из Азиатской Сарматии // Херсонесский сборник. 2022. Вып. XXIII. С. 163–187.
- Abramić M., Colnago A. Istraživanja u sjevernoj Dalmaciji // Asseria. 2009. No. 7. S. 161–206.
- Blázquez J. M. Veintinueve lámparas romanas de bronce del Museo Arqueológico Nacional de Madrid // Zephyrus: Revista de prehistoria y arqueología. 1959. No. 10. P. 159–170.
- Bronze lamp. The MET Collection [Электронный ресурс]. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/248211> (дата обращения: 21.02.2023)
- Bussière J., Lindros B. Wohl Ancient lamps in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles: Published by the J. Paul Getty Museum, 2017. 511 p.
- Dobruna-Salih E. Predmeti umjetničkog obrta u bronci tijekom rimskog doba u središnjem dijelu Dardanije (Današnjeg Kosova) // Histria Antiqua. 2010. No. 19. P. 153–166
- Lampe. Collections Musée du Louvre [Электронный ресурс]. URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/1010258050> (дата обращения: 21.02.2023)
- Loeschcke S. Lampen aus Vindonissa. Zurich, 1919. 339 S.
- Richter M. A. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. New York: Gilliss Press, 1915. 491 p.
- Ridder A., de. Les bronzes antiques du Louvre. Paris: Gaston Braun, 1913. 142 p.
- Simion G. Opaite Greco-Romane de bronz din România. Tulcea, 2003. 157 p.
- Smalcelj M. Anticke metalne svjetiljke iz Vinkovaca // Opvscvla archaeologica. 1966. Vol. 6. No. 1. S. 39–55.
- Treister M. Bronze Lamps of the Hellenistic Period and the First Centuries AD in the North Pontic Area // Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon-Geneva, 29.9–4.10.2003. Monatgnac, 2005. P. 293–298. (Monographies Instrumentum, Vol. 30; International Lynchnological Association, Acts 1).
- Walters H. B. Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum. London, 1914. 378 p.
- Xanthopoulou M. Les lampes en bronze à l'époque paléochrétienne. Turnhout: Brepols, 2010. 320 p. (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive. Vol. 16).

Таблица 1. Результаты измерений нижней части светильника

№	Элементный состав, масс %						
	Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	Sb
1	2	3	4	5	6	7	8
1	72,74	11,85	14,66	0,26	0,17	0,09	0,23
2	76,06	9,96	13,35	0,21	0,13	0,07	0,21
3	64,59	16,45	18,00	0,32	0,27	0,09	0,28
4	74,75	10,44	14,11	0,27	0,14	0,09	0,20
5	83,66	5,69	10,20	0,17	0,09	0,05	0,15
6	69,83	13,92	15,51	0,26	0,20	0,08	0,20
7	83,25	5,72	10,47	0,19	0,14	0,06	0,16
8	63,82	23,81	11,59	0,10	0,49	0,00	0,18
9	64,55	21,60	12,78	0,25	0,57	0,05	0,19
10	70,25	19,47	9,61	0,07	0,41	0,00	0,18
11	66,71	21,68	10,80	0,10	0,52	0,00	0,20
12	67,72	20,65	10,73	0,10	0,62	0,00	0,18
13	66,16	23,91	9,32	0,00	0,42	0,00	0,18
14	66,80	22,09	10,28	0,08	0,56	0,00	0,20
15	82,23	5,26	11,90	0,20	0,15	0,08	0,19

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
16	80,06	6,16	13,13	0,24	0,09	0,09	0,23
17	81,24	5,66	12,46	0,21	0,15	0,07	0,21
18	81,80	5,23	12,34	0,21	0,14	0,07	0,20
19	82,02	5,37	11,98	0,21	0,15	0,07	0,20
20	83,38	4,77	11,35	0,19	0,07	0,07	0,17
21	83,92	4,51	11,00	0,20	0,13	0,07	0,15
22	83,91	4,33	11,20	0,20	0,13	0,06	0,18
23	84,93	3,76	10,74	0,18	0,14	0,07	0,18
24	58,86	15,82	23,64	0,44	0,56	0,19	0,49
25	86,74	3,53	9,33	0,20	0,00	0,00	0,19

Таблица 2. Результаты измерений на верхней части ручек и крышке

№	Элементный состав, масс %							
	<i>Cu</i>	<i>Pb</i>	<i>Sn</i>	<i>Zn</i>	<i>Ni</i>	<i>Fe</i>	<i>Ag</i>	<i>Sb</i>
1	75,73	1,48	0,21	21,34	0,31	0,87	0,00	0,06
2	74,98	1,92	0,25	21,62	0,30	0,86	0,00	0,05
3	74,20	2,40	0,29	22,21	0,31	0,55	0,00	0,05
4	71,86	1,83	0,25	24,98	0,38	0,66	0,00	0,04
5	69,77	1,52	0,24	26,97	0,36	1,11	0,00	0,04
6	76,99	7,10	5,43	9,07	0,14	0,50	0,23	0,52
7	67,90	24,55	7,55	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

Таблица 3. Результаты измерений на левой стороне носика лампы и на медальоне

№	Элементный состав, масс %							
	<i>Cu</i>	<i>Pb</i>	<i>Sn</i>	<i>Zn</i>	<i>Fe</i>	<i>Ag</i>	<i>Sb</i>	
1	74,45	9,82	14,98	0,24	0,17	0,09	0,25	
2	73,79	9,28	16,14	0,26	0,14	0,09	0,30	
3	77,97	6,88	14,43	0,23	0,15	0,10	0,24	
4	32,19	24,33	42,69	0,00	0,00	0,00	0,78	
5	48,12	22,65	27,96	0,36	0,29	0,16	0,46	
6	51,37	21,98	25,44	0,37	0,32	0,09	0,44	
7	94,21	0,61	0,15	5,03	0,00	0,00	0,00	
8	83,41	0,92	0,16	15,01	0,49	0,00	0,00	

Таблица 4. Результаты измерения в зоне соединения ручек и в отдельных областях

№	Элементный состав, масс %							
	место измерения	<i>Cu</i>	<i>Pb</i>	<i>Sn</i>	<i>Zn</i>	<i>Fe</i>	<i>Sb</i>	<i>S</i>
1	соединение ручек	78,75	10,81	6,40	1,78	2,25	–	–
2	носик	68,90	9,07	13,50	0,23	0,19	0,19	7,92
3	носик	46,14	19,39	21,32	0,33	0,32	–	12,49
4	на тулове	79,77	2,12	4,67	0,33	0,61	–	12,50

Рис. 1. Святильник римского времени из Центрального музея Тавриды
 А, Б – следы современного ремонта изделия

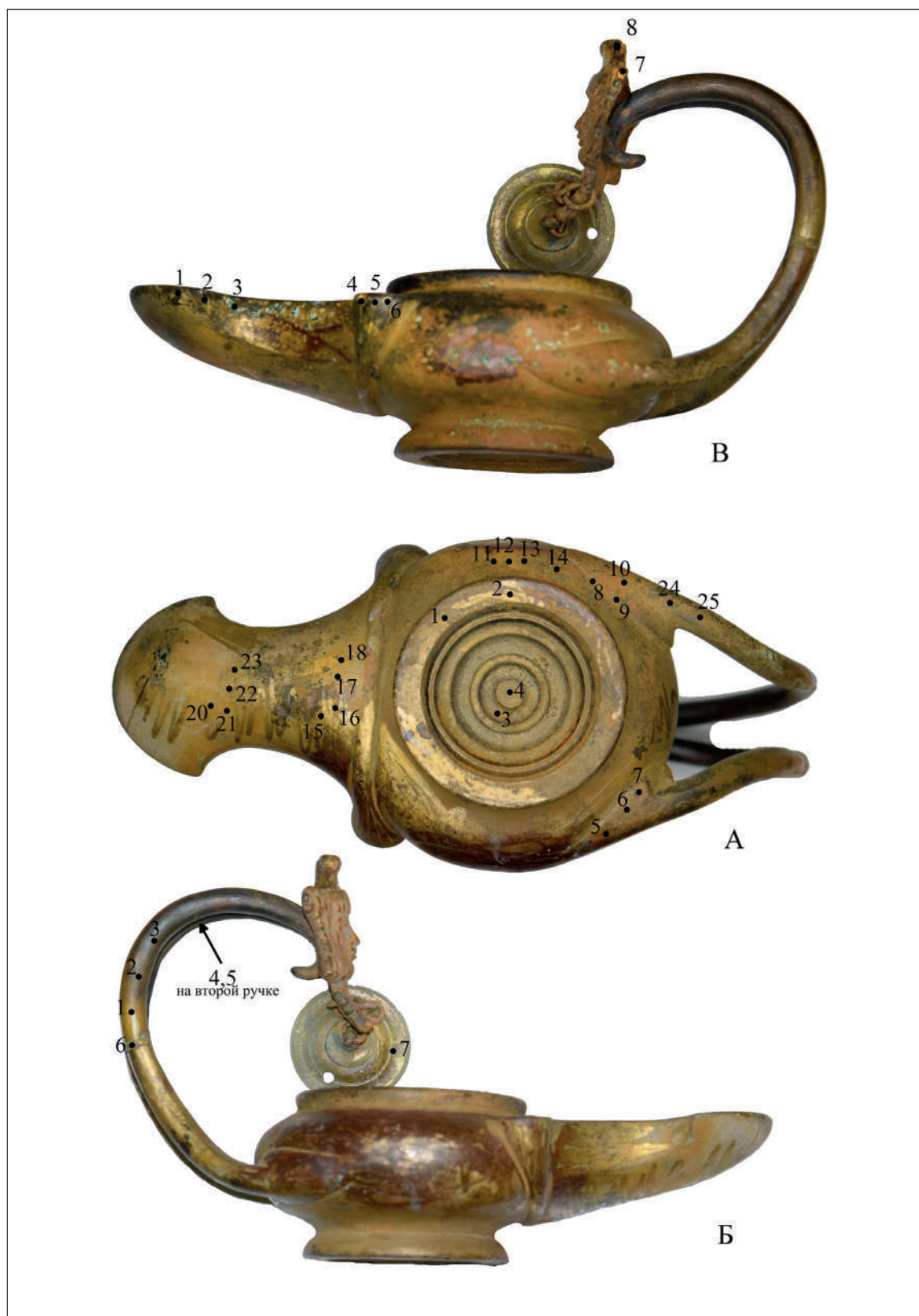

Рис. 2. А – места измерений элементного состава на нижней части светильника (соответствует таблице 1); Б – места измерений элементного состава на верхней части ручек и крышке (соответствует таблице 2); В – места измерений элементного состава на левой стороне носика лампы и на медальоне (соответствует таблице 3)

Рис. 3. Аналогии светильнику из Центрального музея Тавриды
 1–4 – светильники типа Loeschcke XX [по: Simion, 2003. P. 55–57];
 5 – лампа из Помпеи в коллекции Лувра [по: Lampe. Collections Musée du Louvre];
 6 – светильник из музея Метрополитен [по: Bronze lamp. The MET Collection];
 7 – светильник из аукциона Кристис [по: <https://www.christies.com/lot/lot-4743035>];
 8 – светильник из коллекции музея Дж. Пола Гетти [по: Bussière, Lindros, 2017. Cat. 623–624];
 9 – светильник из раскопок Херсонеса [по: Дорощко, 2013–2014. Рис. 7]

КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ В МОГИЛЬНИКАХ ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА НА РУБЕЖЕ ЭР

Нессель В. А.

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь
E-mail: v_nessel@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу амфорной тары и столовой посуды, обнаруженной при исследовании трех «варварских» могильников с кремациями рубежа эр в Юго-Западном Крыму, в окрестностях с. Передовое, с. Гончарное и озера Муловское. Время функционирования могильников устанавливается на основании присутствия здесь хорошо датированных предметов вещевого комплекса, в первую очередь, амфор и столовой керамики. Найденные амфоры служили в качестве урн для погребения праха, рельефные, краснолаковые и тонкостенные столовые сосуды входили в состав инвентаря могильников. Находки этих сосудов позволяют определить период функционирования могильников с первых вв. до н.э. по первые вв. н.э.

Ключевые слова: «варварские» могильники, Юго-Западный Крым, рубеж эр, керамические сосуды.

В 2014–2015 гг. в окрестностях современного Севастополя были обнаружены три могильника с кремациями, относящиеся к периоду рубежа эр. Предварительная информация об этих памятниках с краткой характеристикой отдельных категорий погребального инвентаря уже введена в научный оборот [Колодченко, 2018. С. 153–162; Нессель, 2017. С. 183–185; 2018. С. 225–230; 2018а. С. 217–228; 2019. С. 343–347; Савеля, Савеля, 2018. С. 269–288]. В свете открытий в последние годы новых могильников римского времени в Юго-Западном Крыму, в том числе с трупосождениями (Фронтное-3, Киль-Дере 1, Сувлу-Кая) [Волошинов, Масякин, 2022. С. 146–173; Свиридов, 2022. С. 71–85; Свиридов, Язиков, 2019. С. 185–201; 2022. С. 15–21; Язиков, Свиридов, 2022. С. 136–145], особенно актуальным становится вопрос о населении, обитавшем на рубеже эр и в первых вв. н.э. в горах и предгорьях этого района полуострова, на значительном удалении от античного Херсонеса и его хоры, но, тем не менее, в предполагаемых границах Херсонесского государства [Лысенко, 2018. С. 220. Рис. 1].

Одним из первых шагов на пути решения этой проблемы, на наш взгляд, является анализ погребального инвентаря из практически синхронных могильников, обнаруженных в Байдарской (у с. Передовое и оз. Муловское) и Варнутской долинах (у с. Гончарное), которые по целому ряду признаков можно считать единой группой (рис. 1). Степень изученности объектов

не позволяет определить первоначальную площадь, занятую этими древними кладбищами, и установить точное количество совершенных там захоронений. К настоящему времени в могильнике у села Передовое исследовано 17 погребений и зафиксированы признаки еще примерно 7, в могильнике у озера Муловское – 3, у села Гончарное – 12. Все исследованные погребения были связаны с обрядом кремации, урнами служили амфоры, в единичных случаях – крупные лепные сосуды. В состав инвентаря, сопровождавшего захоронения, входила гончарная тонкостенная посуда, реже – лепные горшки и миски. Время функционирования могильников устанавливается на основании присутствия здесь хорошо датированных предметов вещевого комплекса, в первую очередь, амфор и столовой керамики. Поскольку все эти сосуды были привнесены в варварскую среду (к населению, оставившему могильники) извне, путем купли-продажи/обмена из античных торговых центров (в нашем случае, скорее всего, Херсонеса), мы склонны видеть в них изделия импорта, по крайней мере, в данном этнокультурном контексте. Отметим, что именно такой подход в свое время был применен при изучении керамического комплекса некрополя Чатыр-Даг, где также обнаружены погребения с кремациями [Мыц и др., 2006. С. 107; Шаров, 2007. С. 196].

Амфоры в могильниках были обнаружены как в практически целом состоянии, так и сильно фрагментированными. У многих сосудов в

древности были отколоты верхние части горла, видны следы достаточно длительного использования и починки (характерные сквозные отверстия, свинцовые скобы). По представительности на всех трех памятниках доминируют амфоры понтийского производства первых веков до н.э. – первых веков н.э. Согласно типологии этой группы амфорной тары, разработанной С. Ю. Внуковым [Внуков, 2003; 2006], выделяются следующие типы.

Позднегераклейские (светлоглиняные) амфоры. Тип С I. Всего было обнаружено 10 условно целых сосудов и найдены фрагменты еще примерно от 4-х (рис. 2, 1, 2). Время бытования амфор данного типа определяется периодом со второй половины I в. до н.э. по I – начало II вв. н.э. [Внуков, 2003. С. 28–96, 202. Рис. 10, 12, 13; 2006. С. 167].

Тип С II. Найдены верхние части сосудов и обломки ручек, которые можно соотнести с 3-мя амфорами этого типа (рис. 2, 5). Тип датируется рубежом 60–50-х гг. I в. до н.э. – рубежом I в. до н.э. – I в. н.э. [Внуков, 2003. С. 96–102, 202. Рис. 34; 2006. С. 167].

Тип С III представлен 1 сосудом с незначительными утратами в верхней части (рис. 2, 4). По находкам ножек устанавливаются еще 4 сосуда, которые были сильно раздавлены и перемешаны с обломками светлоглиняных амфор других типов. Датировка типа – 20–15 гг. I в. до н.э. – первая треть I в. н.э. [Внуков, 2003. С. 102–117, 202. Рис. 38, 44; 2006. С. 167].

Тип С IV – найдена верхняя часть амфоры с узким высоким горлом и валиковидным венчиком (рис. 2, 10). С. Ю. Внуков выделяет такие сосуды в вариант С IVb и датирует их последней четвертью I – первой третью II вв. н.э. [Внуков, 2003. С. 202; 2006. С. 167. Рис. 1,8].

Тип С V. Точное количество целых форм установить не представляется возможным: найденные обломки принадлежат, как минимум, 5 сосудам. К типу С V эти находки можно отнести лишь условно, исходя только из морфологических признаков: воронковидное горло, овальные ручки и короткая коническая ножка (рис. 2, 6–8). От типично «светлоглиняных» позднегераклейских амфор обнаруженные в могильниках экземпляры отличаются цветом и составом глиняного теста: формовочная масса плотная, тонко промешана, визуально различаются включения слюды и мелкодробленого песка, цвет глины от темно-розового до светло-коричневого. Все сосуды были со светло-бежевой ангобированной поверхностью. Условная принадлежность этих находок к позднегераклейским амфорам типа С V объясняется тем, что воронковидные амфоры производились в разных центрах [Внуков,

2003. С. 128. Рис. 50; Уженцев, Юрочкин, 1998. С. 105–106], о чем свидетельствует разница в составе глиняной массы, в примесях, в нашем случае – наличие слюды, что не характерно для собственно гераклейских амфор [Внуков 2003. С. 24]. Крайняя фрагментарность обломков не позволяет причислить данные сосуды к какому-либо варианту по известной классификации амфор с воронковидным горлом из Причерноморья В. Б. Уженцева и В. Ю. Юрочкина. Датировка этого типа имеет довольно широкие границы от I до V вв. н.э. [ср.: Абрамов, 1993. С. 49, 51; Внуков, 2003. С. 128–129; Зеест, 1960. С. 117. Табл. XXXVII, 90; Уженцев, Юрочкин, 1998. С. 100–105]. При этом С. Ю. Внуков особо отмечает отсутствие сосудов собственно гераклейского производства в слоях I в. до н.э. – II в. н.э. [Внуков, 2003. С. 128]. К этому следует добавить, что среди опубликованных в недавнее время материалов из комплекса раннеримского времени на ближней хоре Херсонеса присутствует амфора из глины, сходной по описанию с нашими находками [Kovalevskaia, Sarnowski, 2003. P. 229. Fig. 3,1].

Позднесинопские амфоры. Тип Син I представлен 7-ю экземплярами разной степени сохранности (рис. 2, 3, 9). Судя по дошедшим профильным частям, найденные сосуды относятся к варианту Син Iv, имеющему датировку от первой половины II в. до н.э. до середины I в. н.э. [ср.: Внуков, 2003. С. 130–133, 202. Рис. 51; 2006. С. 167; Монахов, 2003. С. 154–155, тип IIID. Табл. 105,1–4].

Тип Син II – найден 1 целый и 4 сильно фрагментированных сосуда с вытянутым яйцевидным туловом на короткой «желудевидной» ножке (рис. 2, 11, 12). По типологии С. Ю. Внукова тип датируется от середины I в. до н.э. до третьей четверти I в. н.э. [ср.: Внуков, 2003. С. 133–135, 141–143. Рис. 52, 57; Vnukov, 2010. P. 362–364. Fig. 1,2].

Тип Син IV – крайняя фрагментарность находок не позволяет установить точное количество экземпляров; судя по обломкам верхних и нижних частей, в комплексах находились не менее 2-х сосудов варианта Син IVb с датировкой от середины II в. до н.э. до III в. н.э. [Внуков, 2003. С. 147–156] (рис. 2, 13, 14).

Тип Син V. По наблюдениям С. Ю. Внукова, находки этих амфор середины – второй половины I в. н.э. крайне редки, целые формы практически не известны [Внуков, 2003. С. 156]. В могильнике у с. Гончарное была обнаружена практически целая широкогорлая амфора с профилированными ручками данного типа, еще один сосуд в очень плохом состоянии происходит из могильника у с. Передовое [Нессель, 2018а. С. 219. Рис. 2,7] (рис. 3, 1).

Колхидские коричневоглиняные амфоры. Все находки коричневоглиняных амфор (4 экземпляра) представляют собой различные варианты типа Кх 1, имеющих суммарную датировку в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. [Внуков, 2003. С. 173–179, 193–194. Рис. 66,3; 70,1]. На верхней части одного сосуда имеется графито [Савеля, Савеля, 2018. С. 270. Рис. 9,6] (рис. 3, 3, 7).

Помимо традиционных для этого хронологического периода амфор, в качестве погребальных урн использовались сосуды, находки которых не столь часто встречаются в синхронных памятниках Крыма. Так, к продукции Гераклеи, кроме представленных выше «светлоглиняных» сосудов, относится амфора так называемого типа «поздних» красноглиняных II в. до н.э. [Внуков, 2013. С. 30. Рис. 6,В] (рис. 3, 6). Две амфоры из плотной розовой глины связаны с производством Родоса II–I вв. до н.э. [Монахов, 2003. С. 118–122, варианты вилланова (I-E) и александрийский (I-F). Табл. 83,2,4; 84,6] (рис. 3, 4, 5). Два погребения было совершено в херсонесских амфорах II в. до н.э., V типа по С. Ю. Монахову [1989. С. 64–65. Табл. XVI,106,107] (рис. 3, 2).

Место производства некоторых сосудов установить не удалось. К таким находкам относится амфора из плотной светло-коричневой глины, покрытая зеленоватым ангобом, с вытянутым туловом на короткой конической ножке, с одностовольными ручками круглого сечения (рис. 3, 8). От другого сосуда сохранилась верхняя часть с валикообразным венчиком и расширяющимся кверху горлом [Савеля, Савеля, 2018. С. 270. Рис. 9,7] (рис. 3, 9).

Столовая посуда, обнаруженная при исследовании могильников, хоть и немногочисленна, но весьма интересна по своему составу. Как и большинство керамических находок в данных комплексах, все они претерпели сильное разрушение, многие обломки, относящиеся к одному сосуду, найдены на значительном удалении друг от друга. Прежде всего, отметим находки рельефной посуды, хоть и значительно фрагментированной, но весьма показательной.

В погребальном инвентаре могильника у с. Гончарное была обнаружена так называемая «мегарская» чаша полусферической формы, с орнаментом, выполненным в низком рельефе [Нессель, 2018а. С. 219–220. Рис. 3,5] (рис. 4, 1). Форма сосуда, особенности декорации, цвет глины и лака позволяют отнести чашу к продукции эфесских мастерских середины – второй половины II в. до н.э. [Внуков, Коваленко, 1998. С. 69. Рис. 2,9; Гжегжулка, 2010. С. 25–26, 35. Кат. 1].

В могильнике у с. Передовое найден фрагментированный рельефный скифос из бледно-розовой глины, покрытый зеленовато-желтой глазурью (рис. 4, 2). Сохранилась верхняя часть

сосуда с прямыми стенками, прямым заостренным венчиком с глубокой горизонтальной врезкой с внутренней стороны. К венчику прикреплены две ручки, украшенные горизонтальными наклепками, с гравировкой по краю. Внешняя поверхность сосуда рельефно декорирована: под венчиком расположен бордюр из «ов», ниже которого размещен пояс розетт, под ним – пояс виноградных или дубовых (?) листьев. Крайняя редкость подобных находок не позволяет уверенно определить центр производства этого сосуда. Наиболее близкая аналогия нашей находке – скифос из Гарласко (Северная Италия), происхождение которого также точно не определено, в качестве гипотезы высказывается предположение о его изготовлении по малоазийским образцам [Массабруни, 1987. P. 170–171. Fig. 1,1]. Время бытования рельефных глазурованных сосудов устанавливается в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. [Рыжова, 2013–2014. С. 159–175]. Здесь же были обнаружены фрагменты еще одного рельефного сосуда, побывавшего в очень сильном горении (обломки приобрели темно-серый оттенок) – стенка с каннелюрами на внешней поверхности и кольцевой поддон [Савеля, Савеля, 2018. С. 269, рис. 3 (4)] (рис. 4: 5). Хотя степень сохранности сосуда крайне неудовлетворительная, тем не менее, в нем можно предположить пелику второй половины I в. до н.э. – начало I в. н.э. [ср.: Журавлев, 2007. С. 281–284, рис. 3].

Краснолаковая керамика представлена сосудами Понтийского производства. По условиям находок определить, к какому захоронению относится тот или иной сосуд, не представляется возможным. Мы можем только констатировать факт обнаружения данной керамики в комплексах могильников. Все сосуды были найдены в сильно разрушенном состоянии, тем не менее, в процессе обработки материала удалось восстановить некоторые экземпляры, в основном, это кувшины. Формы открытых сосудов устанавливаются на основании известных аналогий, все они представляют собой образцы Понтийской сигиллаты А по типологии Д. В. Журавлева [Журавлев, 2010. С. 40–69].

Понтийская сигиллата А. Форма 3/4 [Hayes, 1985. Form I] – часть дна с двумя рядами концентрических насечек [Савеля, Савеля, 2018. С. 269. Рис. 3,4] (рис. 4, 4). По сохранившемуся фрагменту невозможно дать более конкретное определение формы. Судя по наличию декора, сосуд следует датировать в пределах конца I – II вв. н.э. [Журавлев, 2010. С. 44–47. Табл. 15–19].

Форма 14.1 – миска с утолщенным и слегка загнутым внутрь краем [Нессель, 2018а. С. 220. Рис. 3,2] (рис. 4, 8). Датировка формы – последняя четверть I – первая половина II вв. н.э. [Журавлев, 2010. С. 54. Табл. 23,151–153].

Форма 18 – глубокая миска полусферической формы на кольцевом поддоне [Нессель, 2018а. С. 220. Рис. 3,1] (рис. 4, 11). Форма датируется концом I – началом II вв. н.э. [Журавлев, 2010. С. 56. Табл. 25,174].

Форма 24 – глубокая миска/чаша с горизонтально отогнутым наружу краем [Нессель, 2018а. С. 220. Рис. 3,3] (рис. 4, 12). Найденный экземпляр можно отнести к сосудам варианта 24.3 по типологии Д. В. Журавлева, которые относятся к последней четверти I в. н.э. [Журавлев, 2010. С. 57–58. Табл. 26,187].

Форма 30.2 [Hayes, 1985, Form V] – самая представительная в комплексах могильников, всего найдено 6 экземпляров, среди которых восстанавливаются несколько целых образцов [Нессель, 2018а. С. 220. Рис. 3,3] (рис. 4, 3, 6, 7, 10, 14). Чашки с вертикальным бортиком, коническим туловом со слабо вогнутыми стенками и плоским, слегка вогнутым внутрь дном. Хронологические рамки данного варианта формы от конца I до второй половины II вв. н.э. [Журавлев, 2010. С. 60. Табл. 27,196–204].

Краснолаковые сосуды закрытых форм были обнаружены только при раскопках у с. Гончарное. Поскольку находки из этого комплекса уже были опубликованы ранее, в настоящей работе ограничимся лишь их перечислением [Нессель, 2018. С. 220–221].

Форма 1 по Д. В. Журавлеву – кувшин с широким биконическим туловом. Форма по находкам в могильнике Бельбек IV датируется от последней четверти I до начала II вв. н.э. [Журавлев, 2010. С. 73–74. Табл. 39,298] (рис. 4, 9).

Форма 2 по Д. В. Журавлеву (тип 13 по А. А. Труфанову) – два кувшина с воронковидным горлом и биконическим туловом. Такие сосуды, в основном, датируются второй половиной I – первой половиной II вв. н.э. [Журавлев, 2010. С. 74–75. Табл. 41,320; 42,328; Труфанов, 2009. С. 186. Рис. 37,4] (рис. 4, 15, 18).

Тип 16, вариант 2 по А. А. Труфанову – кувшин с шаровидным туловом и высоким цилиндрическим горлом. Такие сосуды появляются с середины – второй половины II в. н.э. [Труфанов, 2009. С. 187–192. Рис. 46,4] (рис. 4, 16).

Кроме краснолаковой керамики, в составе погребального инвентаря могильников были обнаружены два тонкостенных гончарных горшка без лакового покрытия, а также верхняя часть кувшина с высоким горлом [Нессель, 2018а. С. 221. Рис. 3, 7, 8] (рис. 4, 13, 17). Судя по всему, эти сосуды также имеют понтийское происхождение.

Характерной чертой всех трех могильников является обряд совершения захоронений: как правило, урны с прахом были просто помещены в грунт на небольшую глубину, крайне ред-

ко фиксировались случаи их обкладки камнями или расположения в специально вырубленных в скале углублениях. Большинство погребений оказались сильно разрушенными как в древности, так и в недавнее время; лишь на территории могильника у с. Передовое обнаружен небольшой участок с непо потревоженными захоронениями. Поскольку практически все предметы личного пользования (украшения, оружие, предметы из стекла) были сильно деформированы в процессе кремации, основным источником информации о датировке этих памятников стала керамика. Как видно из приведенного выше обзора, практически все найденные в могильниках сосуды представляют собой образцы форм и типов, к настоящему времени имеющих достаточно хорошо разработанную периодизацию. Тем не менее, будучи предметами погребального инвентаря в «варварских» некрополях, эти сосуды могут «запаздывать» со своими датировками по сравнению с аналогичными предметами из античных городов и поселений. Эта проблема – датировка изделий импорта из «варварских» захоронений, не раз уже поднималась в научной литературе. Интересную систему разделения «живой» и «мертвой» культур предложил О. В. Шаров при работе с краснолаковой керамикой могильника Чатыр-Даг, в основу которой положены хронологические схемы общеевропейской периодизации по Х. Ю. Эггерсу, К. Годловскому и М. Б. Щукину. Исходя из продолжительности жизни людей в древности примерно в 40–50 лет, О. В. Шаров предлагает считать, что смена поколений внутри общества происходила с периодичностью в 20–25 лет, и конкретный социум состоял из представителей 3-х поколений. В таком случае, появляется ответ на вопрос о присутствии ранних, «архаичных» вещей в могильных комплексах [Шаров, 2007. С. 19–32, 196. Рис. 8].

Сопоставление всех присутствующих в могильниках у с. Передовое, с. Гончарное и озера Муловское форм «импортной» керамики укладывается в диапазон в пределах рубежа II–I вв. до н.э. – конца I – начала II вв. н.э., при этом наиболее часто встречаются предметы с датировкой от середины I в. до н.э. до второй половины I в. н.э. Немаловажной деталью являются зафиксированные следы длительного использования предметов (следы ремонта), а также присутствие в комплексах «ранних» типов амфор и столовой керамики.

Попытки найти сходные черты между открытыми объектами и ранее известными в регионе могильниками с остатками кремаций не привели пока к положительному результату. Обряд трупосожжения зафиксирован на це-

лом ряде «варварских» крымских некрополей [Зайцев, 2022. С. 102–122]; причины появления этой традиции в первых веках н.э. связываются с римским военным присутствием либо с влиянием Херсонеса [Лысенко, 2018. С. 220]. На находящихся в зоне влияния Херсонеса «варварских» могильниках обряд кремации фиксируется не ранее второй половины II – III вв. н.э. [Свиридов, Язиков, 2019. С. 197; Гавритухин, Свиридов, Язиков, 2019. С. 67; Стржелецкий и др., 2005. С. 45–54]. Однако рассматриваемые нами погребальные комплексы возникают гораздо раньше, как минимум, на сто лет, от времени появления римлян в Крыму, и на сильно отдаленной от Херсонеса территории. Использование здесь в качестве урн амфор известных производственных центров, присутствие в инвентаре гончарных, в том числе, редких рельефных и краснолаковых сосудов свидетельствуют о контактах обитателей этого района Юго-Западного Крыма с Херсонесом. Тем не менее, всего этого пока крайне недостаточно для понимания характера этих отношений, равно как и для предположений о принадлежности населения, оставившего эти могильники, к какой-то конкретной культурно-исторической группе.

Литература

- Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М., 1993. С. 4–135.
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.: ИА РАН, 2003. 234 с.
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II (петрография, хронология, проблемы торговли). СПб.: Алетей, 2006. 320 с.
- Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // Древности Боспора. 2013. Вып. 17. С. 21–54.
- Внуков С. Ю., Коваленко С. А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I / Ред. Д. В. Журавлев. М., 1998. С. 61–76. (Труды ГИМ. Вып. 102).
- Волошинов А. А., Масакин В. В. Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи / Отв. ред. А. В. Мاستыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 146–173.
- Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В. Некоторые перспективы изучения материалов могильника римского времени Фронтное 3 // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 года / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь, 2019. С. 66–69.
- Гжегжулка С. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Ч. I. Warsaw: Wydawnictwo DiG, 2010. 344 с. (Bulletin of the National Museum in Warsaw. Suppl. 2).
- Журавлев Д. В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Л. Ямин, Ю. Л. Щапова. М., 2007. С. 275–312.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с.
- Зайцев Ю. П. Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э. // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 102–122.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 180 с. (МИА. № 83).
- Колодченко П. Н. Комплекс металлических изделий из варварского могильника у с. Гончарное // Херсонесский сборник. 2018. Вып. XIX. С. 153–162.
- Лысенко А. В. Культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени (I в. до н.э. – IV в. н.э.) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб., 2018. С. 218–225.
- Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов, 1989. 158 с.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре (каталог-определитель). М., Саратов: Киммериды, 2003. 352 с.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг – некрополь римского эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006. 208 с.
- Нессель В. А. Могильник рубежа эр в горном Крыму // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Саки, 2017. С. 183–185.
- Нессель В. А. Новые данные о варварском населении Юго-Западного Крыма рубежа эр (по материалам грунтовых могильников в окрестностях Севастополя) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб., 2018. С. 225–230.
- Нессель В. А. Керамический комплекс могильника у села Гончарное в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. 2018а. Вып. XIX. С. 217–228.
- Нессель В. А. Бусы из могильника у с. Передовое // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 года / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь, 2019. С. 343–347.

- Рыжова Л. А. Античная глазурованная керамика из раскопок Херсонеса // Херсонесский сборник. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 159–180.
- Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // Херсонесский сборник. 2018. Вып. XIX. С. 269–298.
- Свиридов А. Н. Кремационные погребения могильника Фронтное 3 // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 71–85.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 255. С. 185–201.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник Фронтное 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 13–21.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз-10» // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
- Труфанов А. А. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4. Полевой дневник: римское время. С. 117–328.
- Уженцев В. Б., Юрочкин В. Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX. С. 100–109.
- Шаров О. В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.: Нестор-История, 2007. 208 с.
- Язиков С. В., Свиридов А. Н. Могильник римского времени Киль-Дере 1. Итоги полевых исследований // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 136–145.
- Hayes J. W. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma: Istituto poligrafico e Zecca Dello Stato, 1985. 96 p.
- Kovalevskaja L., Sarnowski T. La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique // Rei Cretariae Romanæ Favtorvm. 2003. Acta 38. P. 229–235.
- Maccabruni C. Ceramica romana con invetriatura al piombio // Céramiques hellénistiques et romaines. Tome II. Besançon: Université de Franche-Comté, 1987. P. 167–190.
- Vnukov S. Yu. Sinopian Amforae of the Roman Period // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. Vol. 16. P. 361–370.

Рис. 1. Схема расположения могильников рубежа эр в Юго-Западном Крыму:
1 – у с. Передовое, 2 – у оз. Муловское, 3 – у с. Гончарное

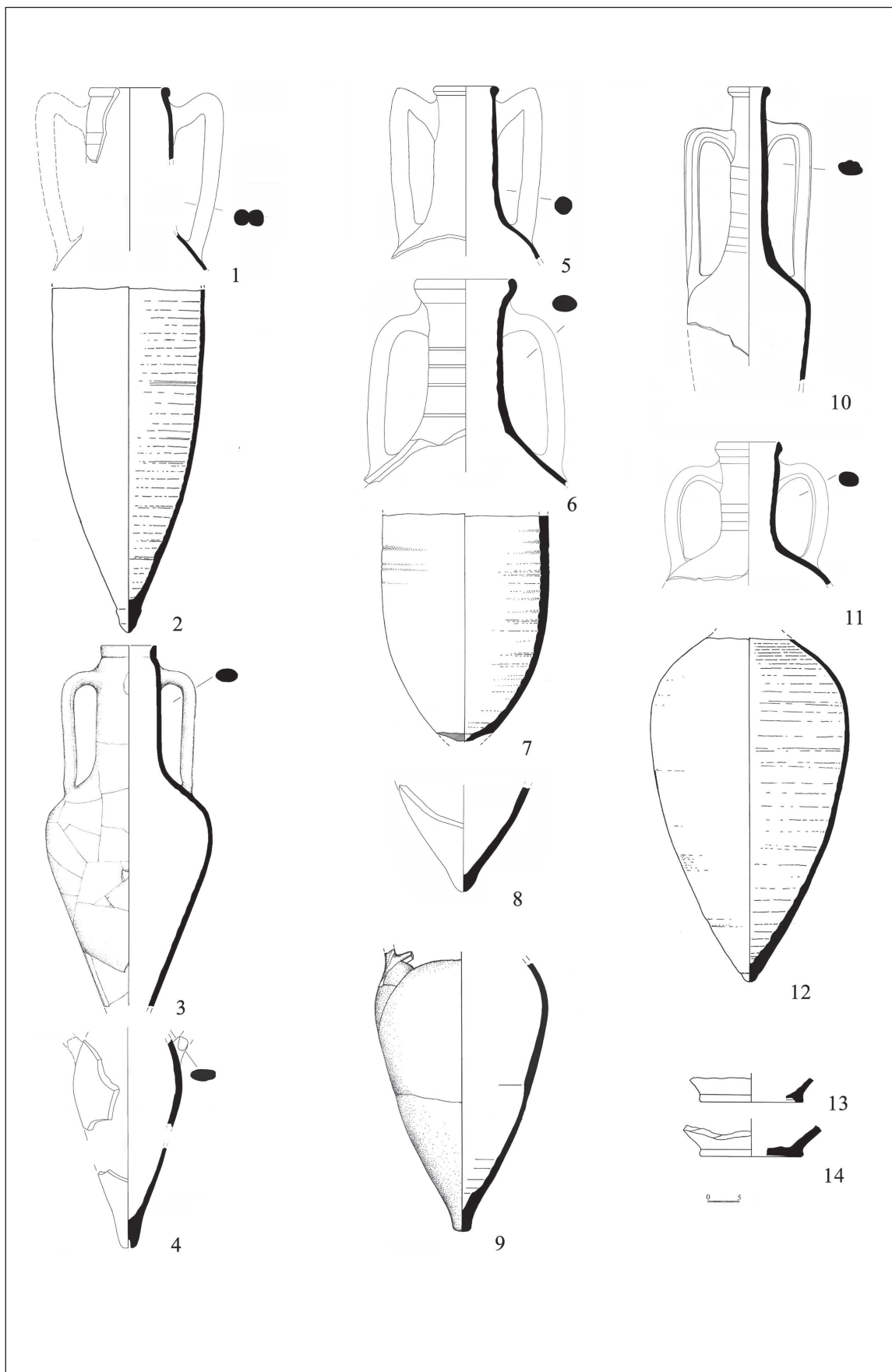

Рис. 2. Амфоры: 1–3, 7, 9, 12–14 – из могильника у с. Передовое;
4, 5, 6, 8, 10, 11 – из могильника у с. Гончарное

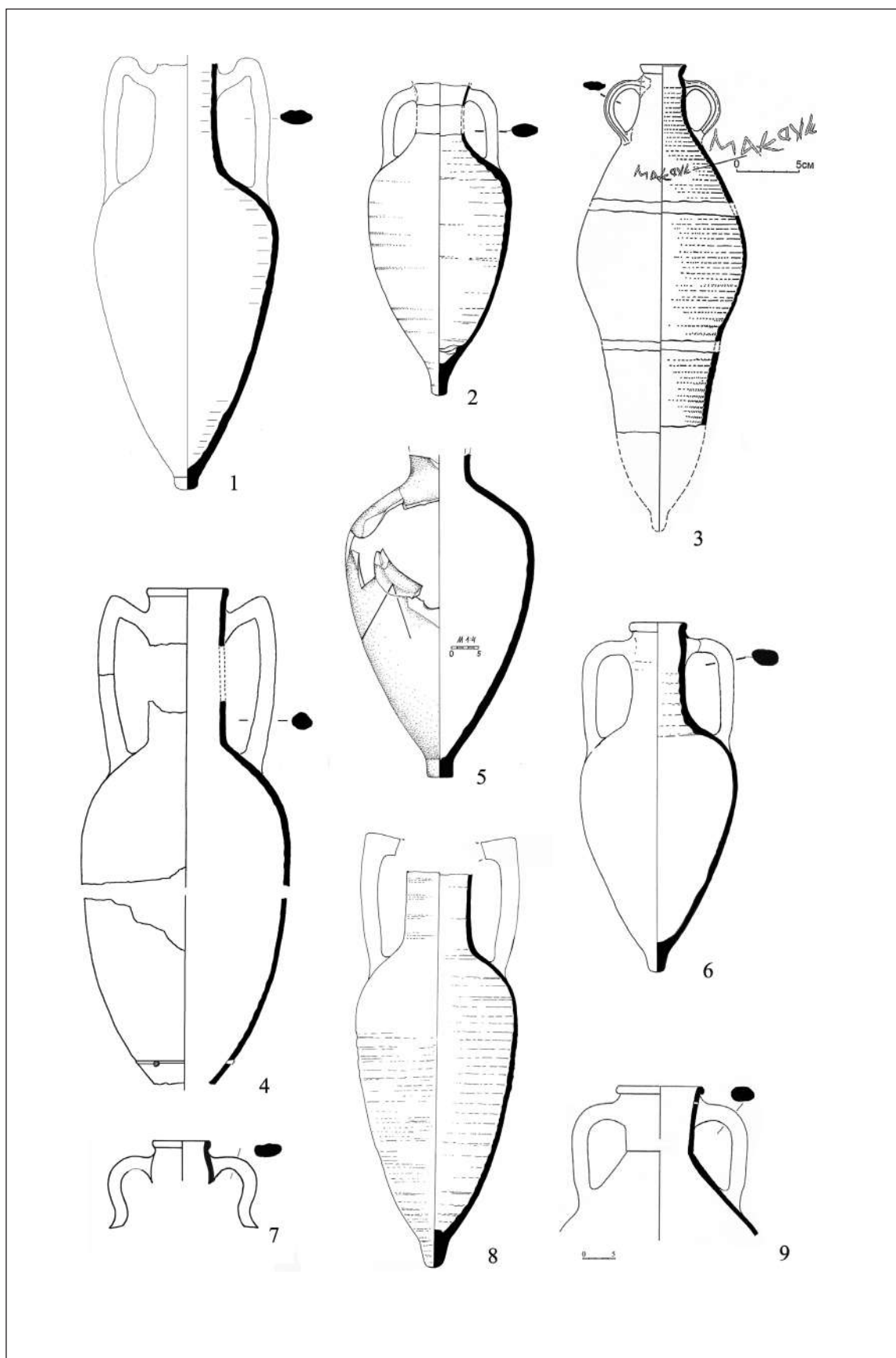

Рис. 3. Амфоры: 1, 4 – из могильника у с. Гончарное; 2, 5–8 – из могильника у с. Передовое; 3, 9 – из могильника у оз. Муловское

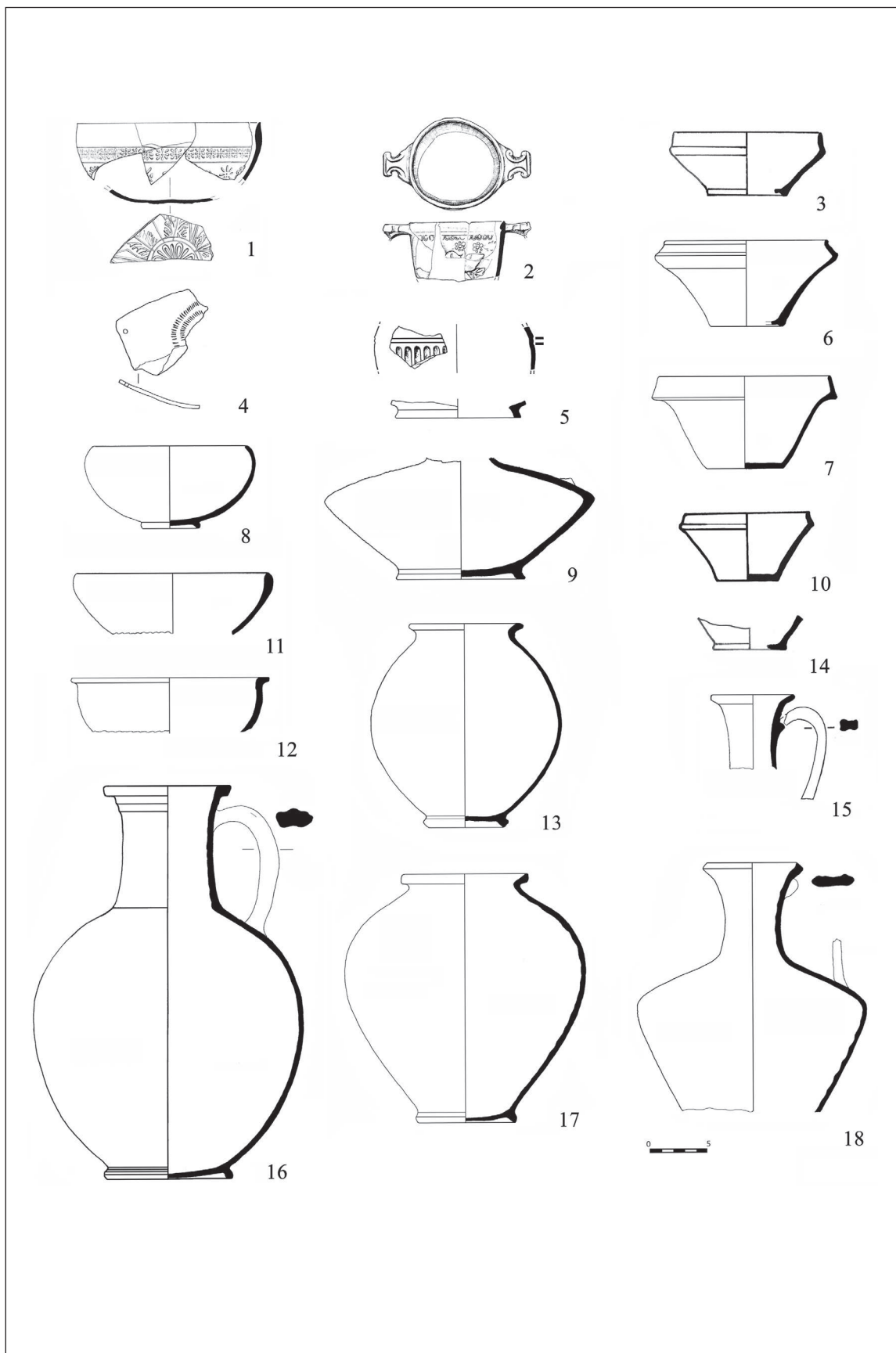

Рис. 4. Столовая посуда

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

Суханов Е. В.

Институт археологии РАН, г. Москва
E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

Аннотация. В статье излагаются результаты сравнительного технико-технологического изучения лепной керамики из могильников Фронтное 3, Киль-Дере 1 и Совхоз 10. Исследование выполнено по методике, разработанной А. А. Бобринским. Проанализированы исходное пластичное сырьё, способы подготовки сырья, формовочные массы, приёмы обработки внешней поверхности и обжига сосудов. Полученные данные позволяют высказать предположение о том, что гончарные традиции населения римского времени, проживавшего в Юго-Западном Крыму, имели как минимум два разных источника происхождения: один из них представлен в материалах могильника Фронтное 3, а второй – в керамике некрополя Киль-Дере 1. Гончарная технология могильника Совхоз 10 проявляет значительное сходство с материалами Киль-Дере 1.

Ключевые слова: лепная керамика, Киль-Дере 1, Фронтное 3, Совхоз 10.

Введение. Лепная керамика представляет собой перспективный источник для изучения культурной и этнической истории древнего населения. Связано это, прежде всего, с механизмом передачи знаний и навыков труда гончаров в доремесленных производствах – по родственным каналам, путём личного научения приёмам работы с глиной [Бобринский, 1978. С. 242]. Благодаря этим особенностям, гончарная технология может рассматриваться как релевантный источник информации при обсуждении культурной однородности древнего населения на разных уровнях – памятник, регион, археологическая культура. Данное направление исследований представляется сегодня весьма актуальным для лепной посуды римского времени из Центрального и Юго-Западного Крыма, которая имеет региональную и локальную специфику в морфологии и орнаментации [Власов, 2022. С. 318–319]

В рамках выполняемого в ИА РАН научного проекта РНФ, нацеленного на исследование и публикацию материалов могильника Фронтное 3, автором этой статьи ранее изучалась технология изготовления лепной посуды данного памятника [Суханов и др., 2020]. Было установлено, что гончарные традиции людей, похороненных в подбойных могилах и грунтовых склепах, характеризуются большим сходством.

Единственная примечательная черта, отличающая разные типы погребальных сооружений по гончарной технологии, – это связь сосудов с более сложным рецептом формовочных масс (с дроблёной раковинной и шамотом) преимущественно с грунтовыми склепами. К этому нужно добавить, что высокая степень однородности традиций изготовления лепной посуды, найденной в склепах и подбойных могилах, проявилась и в другой сфере гончарства – формах сосудов [Суханов, 2022].

В свете полученных данных возник вопрос: насколько типичными для Юго-Западного Крыма в целом (или напротив, специфичными) являются гончарные традиции населения, оставившего могильник Фронтное 3? Для получения ответа на этот вопрос выполнено сравнительное технологическое изучение лепной керамики из некоторых других синхронных памятников региона. Нам удалось привлечь к этому исследованию керамические коллекции двух могильников: Киль-Дере 1 и Совхоз 10. Цель данной статьи – представить основные результаты анализа технологии изготовления лепной керамики из этих двух некрополей, а также определить общие и особенные для разных могильников Юго-Западного Крыма черты в технологии изготовления лепной посуды римского времени.

Методика и материал. Образцы лепной посуды из могильника Совхоз 10 представляют собой обломки погребальных урн, а также фрагменты сосудов, которые были обнаруже-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396-П «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

ны непосредственно в одном комплексе с урнами (например, в случаях, когда кремированные кости были помещены в амфору). Изучены образцы от 33 разных сосудов². Из материалов некрополя Киль-Дере 1 взяты образцы от 29 разных сосудов, обнаруженных в могилах в качестве сопроводительного инвентаря³.

Керамические образцы изучались под бинокулярным микроскопом МБС-1 при увеличении до 56х. В ходе анализа фиксировались и описывались технологические следы, относящиеся к разным ступеням гончарной технологии. Все определения выполнялись на основании эталонной базы экспериментальных образцов, которая хранится в лаборатории «История керамики» ИА РАН. Размеры отобранных образцов оказались пригодными для изучения следующих ступеней гончарной технологии: отбор и подготовка исходного пластичного сырья (ступени 1 и 3), составление формовочных масс (ступень 4), механическая обработка внешней поверхности сосудов (ступень 8) и обжиг (ступень 10).

Могильник Совхоз 10. На ступени отбора исходного пластичного сырья преобладают слабозапесоченные глины слабой степени ожелезнённости – они зафиксированы по 51,8% сосудов. Перед составлением формовочных масс сырьё могло находиться как в естественно-увлажнённом, так и сухом дроблёном состоянии (распределение между этими двумя вариантами почти равное). Зафиксированы 3 рецепта составления формовочных масс. Самым массовым оказался рецепт глина+дроблёная раковина+органический раствор (Г+ДР+ОР) – 66,7% сосудов. Менее распространёнными оказались составы, имеющие все компоненты самого массового рецепта, однако дополненные либо шамотом (Г+ДР+Ш+ОР) – 18,5%, либо песком (Г+ДР+П+ОР) – 14,8%. Важным показателем традиций составления формовочных масс является концентрация дроблёной раковины, которая присутствует почти во всех изученных сосудах. Зафиксировано примерно равное соотношение низкой (т.е. менее чем 1:7) и высокой (т.е. 1:3 – 1:4) концентрации данной примеси – примерно по 44% и 41% соответственно. На ступени механической обработки поверхности сосудов зафиксированы два приёма: заглаживание – 67,7%, и лощение – 33,3%. Преобладающий вариант обжига – в окислительной

газовой среде, он зафиксирован у 48,1% сосудов, однако массово представлен и другой вариант – когда сначала использовалась окислительная среда, а затем восстановительная. Такой обжиг отмечен у 37% сосудов.

Могильник Киль-Дере 1. Доминируют слабозапесоченные глины слабой степени ожелезнённости – 80% сосудов. Перед составлением формовочных масс сырьё могло находиться как в естественно-увлажнённом, так и сухом дроблёном состоянии – распределение между этими двумя вариантами почти равное. Преобладающим рецептом формовочных масс является Г+ДР+ОР – 79,3% сосудов; слабо представлены рецепты Г+ДР+Ш+О – 13,8%, и Г+ДР+П+О – 6,9%. Концентрация дроблёной раковины – разная, примерно в равных долях представлены низкая, средняя и высокая. Зафиксировано преобладание заглаживания как способа механической обработки внешней поверхности сосуда – 79,3% случаев. Обжиг сосудов преимущественно в окислительной среде, отмечен у 72,4% сосудов. Другие варианты обжига встречены единично.

Сравнение технологических традиций населения, оставившего могильники Фронтное 3, Киль-Дере 1 и Совхоз 10. На основании полученных данных можно выделить общие черты гончарной технологии, характерные для всех трёх рассмотренных могильников:

1) Рецепты формовочных масс. На всех памятниках доминирует рецепт Г+ДР+ОР (рис. 1, В). Его доля составляет от 66 до 79%. Рецепты с шамотом или песком также отмечены на трёх могильниках, в каждом они представлены примерно в 30% изученных сосудов;

2) Концентрация дроблёной раковины (рис. 2, А). На всех памятниках достаточно многочисленны сосуды с высокой или средней концентрацией этой примеси.

Более обширным является перечень, по которому технология изготовления лепной посуды из Фронтного 3 существенно отличается от технологии могильников Киль-Дере 1 и Совхоз 10:

1) Отбор исходного пластичного сырья (рис. 1, А). В Киль-Дере 1 и Совхозе 10 преобладающим является первый вид сырья – слабозапесоченные глины слабой степени ожелезнённости. На Фронтном 3 таких глин не зафиксировано, доминирует второй вид сырья – слабозапесоченные среднеожелезнённые глины. К этому следует добавить, что сырьё рассматриваемых могильников отличается по составу естественных примесей. В глинах почти всех изученных сосудов из Киль-Дере 1 и Совхоза 10 присутствуют тёмные каменистые включения размером 0,2–0,5 мм в поперечном

² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить хранителей Музея-заповедника «Херсонес Таврический» Е. В. Колесник и Н. Л. Демиденко за помощь в организации работы с коллекцией могильника Совхоз 10.

³ Благодарю сотрудника ИА РАН С. В. Язикова за помощь в организации работы с коллекцией могильника Киль-Дере 1.

сечении. В глинах лепной керамики из Фронтowego 3 таких включений нет;

2) Подготовка исходного пластичного сырья (рис. 1, Б). В Киль-Дере 1 и Совхозе 10 примерно в равных долях представлены разные варианты использования глин – как в естественно-увлажнённом состоянии, так и сухом дроблёном. В могильнике Фронтowego 3 доминирует традиция использования глин в состоянии естественной влажности;

3) Обработка внешней поверхности сосудов (рис. 2, Б). В Киль-Дере 1 и Совхозе 10 преобладает заглаживание, а в могильнике Фронтowego 3 доминирует лощение;

4) Обжиг (рис. 2, В). В Киль-Дере 1 доминирует обжиг в окислительной среде. Такой обжиг распространён и в Совхозе 10, однако в этом могильнике более массово представлены сосуды, пребывавшие на заключительном этапе обжига в восстановительной среде. В могильнике Фронтowego 3 преобладает обжиг, на заключительном этапе которого использовалась восстановительная газовая среда.

Таким образом, выполненное исследование показывает, что общая черта в традициях изготовления лепной керамики у населения Юго-Западного Крыма в римское время заключается в использовании примеси дроблёной раковины и похожих вариантов её

концентрации. По всем остальным навыкам, рассмотренным в этой работе, гончарные традиции общины, хоронившей на Фронтowym 3, отличаются от традиций Киль-Дере 1 и Совхоза 10.

Заключение. Проведённое исследование позволило определить общие и особенные черты в гончарной технологии населения, оставившего могильники Фронтowego 3, Киль-Дере 1 и Совхоз 10. Полученные данные позволяют высказать предположение о том, что гончарные традиции населения римского времени, проживавшего в Юго-Западном Крыму, имели как минимум два разных источника происхождения: один из них представлен в материалах могильника Фронтowego 3, а второй – в керамике некрополя Киль-Дере 1. Гончарная технология могильника Совхоз 10 проявляет значительное сходство с материалами Киль-Дере 1. Примечательно, что отличия рассмотренных могильников по распространённым в них гончарным традициям в некоторой степени отражают особенности их расположения: Киль-Дере 1 и Совхоз 10 относятся к ближайшей округе Херсонеса, а Фронтowego 3 находится на некотором отдалении от него. Вполне вероятно, что этот фактор – одна из причин возникновения и бытования разных технологических традиций у населения изучаемого региона.

Литература

- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Власов В. П. Лепная посуда IV–V вв. из могильников Центрального и Юго-Западного Крыма: общее и особенное // Могильник римского времени Фронтowego 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мاستыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 315–324.
- Суханов Е. В. Формы лепных сосудов из могильника римского времени Фронтowego 3 // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 65–81.
- Суханов Е. В., Свиридов А. Н., Языков С. В. Лепная керамика могильника римского времени Фронтowego 3 (о технологии изготовления) // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 261. С. 366–378.

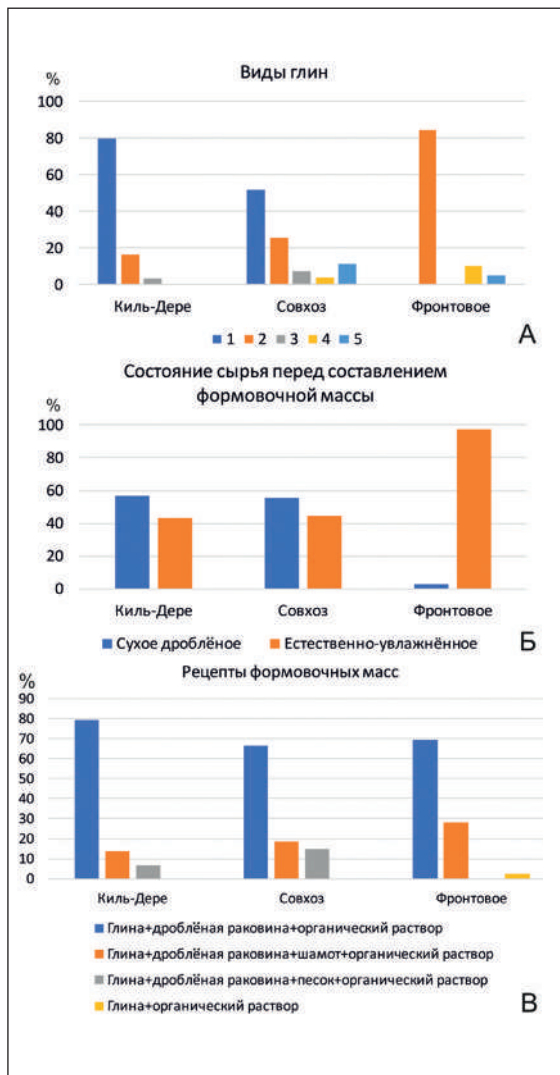

Рис. 1. Результаты сравнения технологии изготовления лепной керамики. А – виды глин, Б – состояние сырья перед составлением формовочных масс, В – рецепты формовочных масс

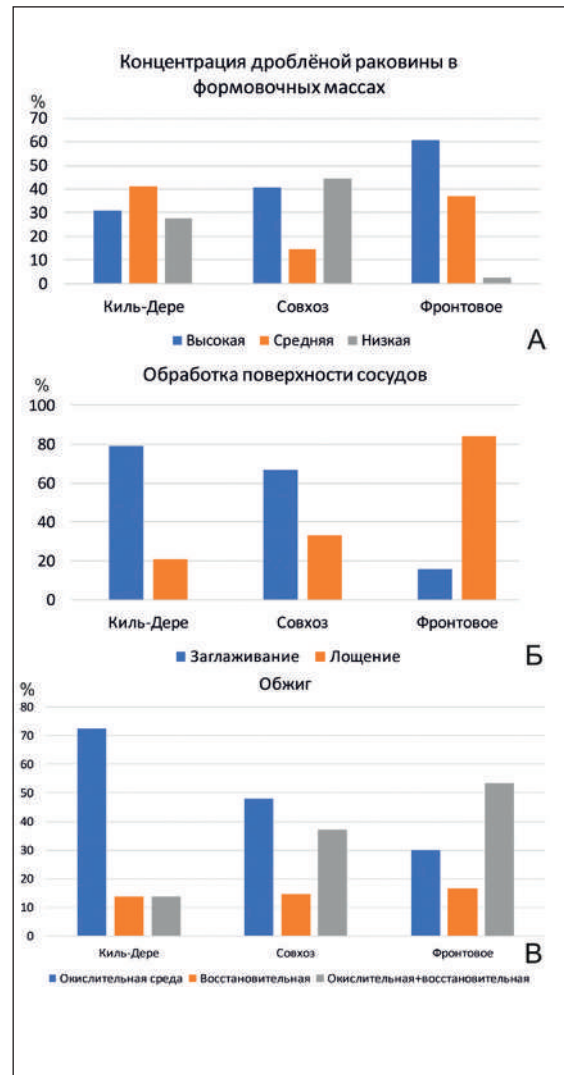

Рис. 2. Результаты сравнения технологии изготовления лепной керамики. А – концентрация дроблёной раковины в формовочных массах, Б – обработка поверхности сосудов, В – обжиг

ФИБУЛЫ ИЗ ХАРАКСА (ИЗ РАСКОПОК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА)

Масякин В. В.*, Турова Н. П.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

* E-mail: masjakin@mail.ru

Аннотация. Харакс – римская крепость, расположенная на мысе Ай-Тодор на южном берегу Крыма. Одной из наиболее важных категорий находок для уточнения хронологии памятника, особенностей костюма военнослужащих гарнизона, их контактов с местным варварским населением являются фибулы. В фондах Ялтинского историко-литературного музея сохранилось 44 экземпляра, происходящих из раскопок Великого князя Александра Михайловича 1896–1911 гг. Фибулы представлены как римскими, так и местными типами.

Ключевые слова: Римская империя, южный берег Крыма, крепость Харакс, римско-варварские контакты, фибулы.

Харакс – самая восточная в Европе римская крепость, расположенная на мысе Ай-Тодор на южном берегу Крыма. Судя по эпиграфическим данным, гарнизон крепости состоял из военнослужащих I Италийского и XI Клавдиева легионов. К настоящему времени опубликованы латинские надписи, алтари, рельефы с изображениями Артемиды, Диониса, Митры, Фракийского всадника, клеймённая черепица, найденные на памятнике [Ростовцев, 1900; 1911; Зубарь, 2000; Новиченкова, Новиченкова-Лукичева, 2009]. Между тем, за некоторым исключением [Журавлев, Камелина, 2012], практически не известной оставалась категория находок, обозначаемая в англоязычной литературе термином «small finds», включающая в себя металлические детали военного снаряжения, костюма, мелкие бытовые предметы. В этом отношении важным открытием является обнаружение в фондах Ялтинского историко-литературного музея коллекции бронзовых предметов, происходящих из раскопок Великого князя Александра Михайловича 1896–1911 гг., считавшейся утраченной в годы Великой Отечественной войны [Масякин, Турова, 2015]. В состав коллекции входят детали военной амуниции, костюма, конской сбруи, украшения, зеркала, орудия труда, медицинские инструменты, детали бронзовых сосудов, шкатулок, предметы, связанные с письменностью, в том числе, капсулы печатей [Костромичев, Масякин, Турова, 2019], костяная тессера и другие.

Одной из наиболее важных категорий находок для уточнения хронологии памятника, особенностей костюма военнослужащих гарнизона,

их контактов с местным варварским населением являются фибулы. О находках бронзовых фибул разных римских типов из раскопок Великого князя сообщает М. И. Ростовцев [Ростовцев, 1900. С. 152]. Э. Р. фон Штерн, посетивший имение Ай-Тодор в 1904 г. и познакомившийся с находками из раскопок крепости, упоминает фибулы, причем достаточно подробно описывает лучковые подвязыные с верхней тетивой и фигурной обмоткой дужки [Штерн, 1904. С. 59]. К настоящему времени в коллекции сохранилось 44 экземпляра, тип которых удалось определить. Кроме этого, среди материалов присутствуют отдельные фрагменты фибул, установить тип которых не представляется возможным.

Фибулы представлены как римскими (16 экземпляров), так и местными (28 экземпляров) типами.

Фибулы римских типов.

1. Шарнирные дуговидные фибулы.

1. Фибула с высоким пластинчатым приёмником, кнопкой на конце ножки, полукруглыми вырезами в верхней части дужки и поперечными рельефными ребрами – в нижней (рис. 1, 1)¹. Относится к типу 11/В по С. Петкович, типу 15в по Е. Генчевой, типу 4d 1b2 по С. Кокишу [Petković, 2010; Генчева, 2004; Cociş, 2004].

2. Фибула, морфологически близкая рассмотренной выше. Отличается от последней узким высоким приёмником (рис. 1, 2). Относится к типу 14d4a по С. Кокишу, типу 11/С по С. Петкович [Cociş, 2004; Petković, 2010]. Рассмотренные экземпляры являются поздними дериватами

¹ Номера фибул в тексте соответствуют номерам на рисунках.

фибул типа «Авцисса» и имеют ряд признаков сильнопрофилированных фибул. Такие застежки характерны для Нижней и Верхней Мёзии, Дакии, единичные находки известны в Паннонии. Датируются они второй половиной II – началом III в. н.э. [Генчева, 2004. С. 45]. Найдены подобных фибул происходят преимущественно из военных контекстов [Cociş, 2004. P. 83]. Предположительно, они являлись продукцией военных мастерских [Генчева, 2004. С. 45].

3. Фибула с пластинчатой ромбовидной в плане дужкой, украшенной штампованным продольным орнаментом, с кнопкой на конце ножки (рис. 1, 3). Относится к группе 13, форме 28 по В. В. Кропотову, типу VB.2b по К. Хельстрём [Кропотов, 2010. С. 272; Hellström, 2018. S. 103, 104]. Все известные экземпляры происходят из Юго-Западного и Центрального Крыма. Такие фибулы обнаружены в Чернореченском могильнике, некрополях Бельбек 4 (2 экз.), Усть-Альма, Левадки, Битак (2 экз.), на поселении Баланово [Кропотов, 2010. С. 272]. Единственная близкая, но не аналогичная фибула происходит из Дакии, но точное место находки не известно [Cociş, 2004. Pl. XLVI,666]. Погребения, в которых найдены фибулы рассматриваемого типа, датируются II в. н.э. Особенности шарнирной конструкции застежек, безусловно, указывают на их римское происхождение. Найдена рассматриваемой фибулы в Хараксе, вероятно, свидетельствует о производстве таких фибул в римских гарнизонных мастерских.

4. Фибула с пластинчатой подтреугольной в плане дужкой, сложнопрофилированной ножкой и перфорированным приёмником. Дужка украшена пунсонным орнаментом (рис. 1, 4). В целом, она может быть отнесена к типу 19, группе C2 по С. Рикхофф, типу 5.12 по Э. Рихе, типу 23c2 по М. Фежеру [Rieckhoff, 1975. S. 53. Taf. 7,109,110; Riha, 1979. S. 137, 138; Feugere, 1985. P. 331]. Изделия этой группы также происходят от фибул типа «Авцисса» и отличаются большим разнообразием форм. Датируются такие фибулы второй половиной I – первой половиной II в. н.э. Основной ареал их распространения находится в галльских провинциях, в районе Рейна и в Англии. Наиболее близкий экземпляр хранится в коллекции музея г. Мец на северо-востоке Франции [Pietruk, 2005. Pl. 36,154].

2. Сильнопрофилированные фибулы.

5–6. Фибулы двучленные с двумя бусинами на дужке и крючком для верхней тетивы (2 экз.) (рис. 1, 5, 6). У одного из экземпляров бусины имеют дополнительную орнаментацию (рис. 1, 5). Относятся к группе 11, серии I, варианту I-1 по А. К. Амброзу, типу 6b2 по С. Кокишу, типу 12a по Е. Генчевой [Амброз, 1966. С. 40; Cociş, 2004, P. 257; Генчева, 2004. С. 36]. Подоб-

ные фибулы наиболее характерны для балканских провинций и датируются второй половиной I – II в. н.э.

7–8. Фибулы пружинные двучленные с поперечным гребнем на дужке и кнопкой на конце высокого приёмника. На головке – выступ для удержания верхней тетивы и отверстие для оси пружины (2 экз., один из которых фрагментирован) (рис. 1, 7, 8). Относятся к типу 84 по О. Альмгрену, типу 8b2a1 по С. Кокишу [Almgren, 1897. Taf. IV,84; Cociş, 2004, P. 65]. Наибольшая концентрация таких фибул отмечена в провинциях Норик, Паннония, Дакия. Датируются подобные изделия II в. н.э.

9. Фибула близкого типа с двумя поперечными выступами в верхней части дужки. Относится к редкой разновидности сильнопрофилированных фибул (рис. 1, 9). Принадлежит к типу 12b по Е. Генчевой [Генчева, 2004. С. 37. Табл. VIII,7–9]. Единичные находки таких изделий происходят с территории Болгарии и датируются концом II – началом III в.

3. Коленчатые фибулы.

10–11. Двучленные пружинные фибулы с полукруглым выступом в верхней части дужки, верхней тетивой и высоким приёмником (2 экз.) (рис. 1, 10, 11). Относятся к типу 13 по В. Йобсту [Jobst, 1975. S. 63–68]. Такие фибулы наиболее характерны для провинций Норик и Паннония. Датируются они II – первой половиной III в. Встречаются, главным образом, в слоях военных лагерей. Отметим, что серия подобных фибул найдена в Херсонесе [Костромичев, 2012. С. 60–62. Табл. 2,22–25] и в римской цитадели Ольвии [Buisikh, Novichenkova, 2021. Fig. 31,6].

4. Шарнирные фибулы-броши без эмали.

12. Фибула со щитком в виде свастики с концами, оформленными в виде лошадиных голов, щиток украшен гравированными концентрическими кругами (рис. 2, 12). Относится к типу 232 по О. Альмгрену, типу 33 по С. Кокишу [Almgren, 1897. Taf. X,232; Cociş, 2004. P. 369]. Наибольшее количество находок таких брошей происходит из мест дислокации римских войск в дунайских провинциях империи [Vuora, 2005]. Показательно, что подобная фибула обнаружена в римской цитадели Херсонеса [Костомичев, 2012. С. 9, 70. Табл. 3,41]. Чаще всего фибулы такого типа встречаются в контекстах третьей четверти II – первой половины III в. н.э.

13. Фибула близкого типа, отличающаяся конфигурацией окончаний, без дополнительной орнаментации (рис. 2, 13). Броши этого типа имеют такой же ареал распространения, как и у типа, рассмотренного выше. Одна подобная фибула найдена в римской крепости Дура-Европос в Сирии на Евфрате [Frisch, Toll, 1949. Fig. XVI,141].

5. Шарнирные дуговидные фибулы с эмалью.

14. Фибула с пластинчатой прямоугольной в плане дужкой, украшенной продольной полосой, состоящей из квадратных эмалевых вставок (рис. 2, 14). Ножка утрачена. Относится к типу 36 по Э. Эттлингер, типу 26b3 по М. Фежеру [Ettlinger, 1973. Typentafel B,36; Feugere, 1985. P. 184]. Такие изделия датируются концом I – первой половиной II в. н.э., но встречаются и в более поздних контекстах.

15. Фибула с пластинчатой прямоугольной в плане дужкой с поперечными выступами, украшенной продольной выемкой, заполненной эмалью (рис. 2, 14). Головка с шарнирным механизмом утрачена. Принадлежит к типу 36 по Э. Эттлингер, типу 26c2 по М. Фежеру [Ettlinger, 1973. Typentafel B,43,3; Feugere, 1985. P. 184]. Датируется так же, как и предыдущий экземпляр.

6. Т-образная шарнирная фибула.

16. Фибула с шарнирной переключиной, кнопкой в верхней части дужки и расширяющейся к концу ножкой принадлежит к ранней группе Т-образных застёжек (Scharnierarmfibeln) (рис. 2, 16). Относится к типу 281 по А. Бёме [Böhme, 1972. S. 27. Taf. 20,808–812]. Так же, как и фибулы типа «Авцисса» для более раннего периода, изделия рассматриваемого типа являлись основным типом военных застёжек первой половины III в. н.э. Начало изготовления таких фибул относят к концу II – началу III в. н.э. Для определения верхней хронологической границы бытования типа служат многочисленные находки в слоях военных лагерей, образовавшихся в связи с падением Верхнегерманско-ретийского лимеса около 260 г. н.э. [Böhme, 1972. S. 27; Костромичев, 2012. С. 76, 77]. Серия таких фибул происходит из Херсонеса [Костромичев, 2012. С. 77–79. Табл. 4–5].

Фибулы северопричерноморских типов.

7. Лучковые подвязные фибулы.

17–18. Одночленные фибулы с верхней тетивой (2 экз.) (рис. 2, 17, 18). Один экземпляр деформирован и вариант его определить сложно, второй относится к группе 15, серии I, варианту 4 по А. К. Амброзу, группе 4, варианту 3 по В. В. Кропотову, варианту IV.1e.1 по К. Хелльстрём [Амброз, 1966. С. 50; Кропотов, 2010. С. 74–75; Hellström, 2018. Taf. 80]. Фибулы этого типа датируются II в. н.э.

19. Одночленная фибула с нижней тетивой и фигурной обмоткой дужки (рис. 3, 19). Относится к группе 15, серии I, варианту 4 по А. К. Амброзу, группе 4, варианту 4 по В. В. Кропотову, варианту IV.1e.1 по К. Хелльстрём [Амброз, 1966. С. 50, 51; Кропотов, 2010. С. 73, 74. Рис. 34; Hellström, 2018. Taf. 80]. Датируется так же, как и рассмотренная выше.

20–22. Фибулы с пластинчатой неукрашенной дужкой и нижней тетивой (3 экз.) (рис. 3, 20–22). Формально близки застёжкам «инкерманской» серии по А. К. Амброзу. И. О. Гавритухин выделяет такие застёжки из могильника Фронтное 3 в блок вариантов 2–3 и относит к хронологическому горизонту некрополя второй половины II – первой половины III в. [Гавритухин, 2022. С. 32].

23–27. Фибулы с пластинчатой дужкой, с проволочным декором в виде «змейки» и нижней тетивой (рис. 2, 23–25; 3, 26, 27). Имеют как одночастную, так и двучастную конструкцию (5 экз.). Вопрос о характере и происхождении двучастной конструкции является предметом дискуссии². А. К. Амброз не выделял такие фибулы в отдельный вариант, считая, что подобная конструкция обусловлена тем, что мастер делал надставку из иглы с пружиной, не рассчитав необходимый для изготовления фибулы отрезок проволоки [Амброз, 1966. С. 52]. И. Н. Храпунов и В. В. Масыкин высказали предположение, что такие фибулы представляют собой особый вариант конструкции, являющейся переходной к конструкции «классических» двучленных застёжек, и производились на протяжении короткого отрезка времени [Храпунов, Масыкин, 1998. С. 140–143]. Это предположение было поддержано А. А. Труфановым [Труфанов, 2009. С. 213] и К. Хелльстрём, включившей подобные изделия в группу III, объединяющую двучленные фибулы [Hellström, 2018. S. 84]. В. В. Кропотов считает рассматриваемую конструкцию результатом ремонта [Кропотов, 2010. С. 135–136]. По мнению И. О. Гавритухина, такая конструкция не является продуманной и специально реализованной мастером. Тем не менее, исследователь отмечает, что она получила широкое распространение в сравнительно короткое время, и не считает данную дискуссию оконченной [Гавритухин, 2022. С. 33]. Датируются фибулы этого типа первой половиной III в. н.э.

28–30. Фибулы из круглого в сечении дрота с нижней тетивой двучастной конструкции (3 экз.) (рис. 4, 28–30). Один из экземпляров имеет длинную обмотку дужки и украшенную гравированными пересекающимися по диагонали линиями ножку (рис. 4, 28). Относятся к группе 15, серии II («инкерманской»), варианту 1 по А. К. Амброзу, группе 4, серии II, варианту 4 по В. В. Кропотову, варианту 2-2B,Г по И. О. Гавритухину [Амброз, 1966. С. 52. Табл. 9,17; Кропотов, 2010. С. 132–135. Рис. 43,2; Гавритухин, 2022. С. 25–26]. Вероятно, синхронны фибулам предыдущего типа.

² Обзор дискуссии см.: [Гавритухин, 2022. С. 33].

31. Единственным экземпляром представлена двучленная фибула (рис. 3, 31), относящаяся к группе 15, серии III по А. К. Амброзу, группе 4, серии III по В. В. Кропотову, варианту III.1b по К. Хелльстрём, типу 3-1-Б по И. О. Гавритухину [Амброз, 1966. С. 52, 53. Табл. 9,16; Кропотов, 2010. С. 131, 132. Рис. 43,2; Гавритухин, 2022. С. 26–27]. Фибулы этого типа появляются во второй четверти III в., но наибольшее распространение получают во второй половине столетия [Гавритухин, 2022. С. 34].

8. Сильнопрофилированные фибулы.

32–34. Фибулы с двумя бусинами на дужке и крючком для тетивы (3 экз.) (рис. 3, 32–34). У одного из экземпляров дужка имеет круглое сечение, у двух других – дужки пластинчатые. Относятся к группе 11, серии I, вариантам I-2 и I-3 по А. К. Амброзу, группе 10, серии II по В. В. Кропотову, вариантам II.A.2b.1 и II.A.2b.1 по К. Хелльстрём [Амброз, 1966. С. 40, 41; Кропотов, 2010. С. 229. Рис. 34; Hellström, 2018. Taf. 81]. Датируются II – первой половиной III в. н.э.

9. Пружинные фибулы с пластинчатой спинкой и кнопкой на конце приёмника.

35–37. Фибулы с близкими пропорциями, имеющие плавный переход от спинки к ножке (3 экз.) (рис. 5, 35–37). У двух экземпляров спинка украшена гравированным орнаментом (рис. 5, 36, 37). В одном случае кнопка небольшая, в двух других – утрачена. Вероятно, эти застёжки можно отнести к варианту 1 по В. В. Кропотову, датированному в рамках второй половины I – начала II в. н.э. [Кропотов, 2010. С. 213].

38. Фибула с резким переходом от спинки к ножке и крупной кнопкой (рис. 5, 38) относится ко 2 варианту по В. В. Кропотову, характерному для II в. н.э. [Кропотов, 2010. С. 213].

10. Пружинные фибулы с пластинчатой спинкой и завитком на конце приёмника.

39–40. Фибулы (2 экз.) имеют подтреугольную в плане спинку, украшенную гравированным орнаментом (рис. 5, 39–40). Относятся к группе 8, серии I (причерноморской) по В. В. Кропотову, датирующейся II в. н.э. [Кропотов, 2010. С. 183].

41. Двучастная фибула с круглой в сечении спинкой (рис. 3, 41). Конец завитка утрачен. Возможно, двучастная конструкция связана с ремонтом. Точных аналогий найти не удалось.

11. Смычковые фибулы.

42–44. Одночленные пружинные фибулы с нижней тетивой и высоким пластинчатым приёмником (3 экз.) (рис. 4, 42–44). Относятся к группе 7 по В. В. Кропотову и датируются II–III вв. н.э. [Кропотов, 2010. С. 169].

Рассмотренные фибулы представляют собой гомогенную в хронологическом отношении группу, относящуюся к II – первой половине III в. н.э., причем большая часть экземпляров датируется второй половиной II – первой половиной III в. н.э., что, в целом, соответствует времени функционирования крепости [Сарновски, 2006; Камелина, 2012]. Фибулы римских типов характерны, главным образом, для военного костюма. Находки фибул северопричерноморских типов, вероятно, фиксируют контакты римских военнослужащих с местным варварским населением. Подобные контакты подтверждаются и стратифицированными находками лепной керамики [Камелина, 2012. Табл. 29,10–28]. Отметим, что фибулы местных типов и лепная керамика обнаружены и в других местах дислокации римских войск в Крыму [Сарновски, Савеля, 2000. Рис. 28; Зайцев и др., 2007. Рис. 1,6; Юрочкин, 2022. Рис. 1,17]³. Вероятно, такая ситуация отражает общие закономерности, отмечаемые в зонах римско-варварских контактов. В качестве примера можно привести материалы военных лагерей Заальбург и Цугмантель, расположенных на верхнегерманско-ретийском лимесе, в которых, наряду с римскими фибулами, обнаружено значительное количество германских [Böhme, 1972].

³ Отметим, что все фибулы, найденные на городище Алма-Кермен, на котором, вероятно, дислоцировались военнослужащие XI Клавдиевого легиона, относятся к местным типам. Благодарим Ю. П. Зайцева за информацию.

Литература

- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д1-30).
 Гавритухин И. О. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтное 3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 22–42.
 Генчева Е. Римските фибули от България от края на I в. пр. н. е. до края на VI в. на н. е. Велико Търново: Фабер, 2004. 199 с.
 Журавлев Д. В., Камелина Г. А. Детали римской воинской амуниции и конского снаряжения из Харакса в собрании ГИМ // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. М., 2012. С. 63–69. (Труды ГИМ. Вып. 191).

- Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Масыкин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф. Охранные исследования городища и некрополя Алма-Кермен в 2005–2005 гг. // Археологічні дослідження в Україні за 2005–2007 рр. Київ, Запоріжжя, 2007. С. 27–29.
- Зубарь В. М. Римская крепость Харакс // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 176–200.
- Камелина Г. А. Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В. Д. Блаватского в 1935 г.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. Вып. 2. С. 46–90.
- Костромичёв Д. А. Римские фибулы Херсонеса // Херсонесский сборник. 2012. Вып. XVIII. С. 47–154.
- Костромичев Д. А., Масыкин В. В., Турова Н. П. Римские капсулы печатей из Херсонеса и Харакса // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции. Севастополь: ГИАМЗ Херсонес Таврический, 2019. С. 136–143.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Адеф-Украина, 2010. 384 с.
- Масыкин В. В., Турова Н. П. Забытая коллекция из раскопок Харакса // *Terra Alustiana MMXI*: сборник научных трудов по материалам научной конференции. Симферополь: Антиква, 2015. С. 279–288.
- Новиченкова Н. Г., Новиченкова-Лукичева Х. В. Будівельна кераміка з клеймами римської фортеці Харакс // Археологія. 2009. № 1. С. 61–71.
- Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. 276 с., 17 табл.
- Сарновский Т. Плавтий Сильван и «эскадра-призрак» на Чёрном море в I в. н.э. // Вестник древней истории. 2006. № 1. С. 117–131.
- Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Т. 328 (март). С. 140–158.
- Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Известия Императорской археологической комиссии. 1911. Т. 40. С. 1–42.
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. 2005–2009. № 4. С. 117–328.
- Храпунов И. Н., Масыкин В. В. Могила с двумя подбоями III века нашей эры из некрополя Дружное // Российская археология. 1998. № 4. С. 133–149.
- Штерн Э. Р. Археологические новинки. Протоколы // Записки Одесского общества истории и древностей. 1904. Т. XXV. С. 54–59.
- Юрочкин В. Ю. Новые раскопки в Кадыковке (Балаклава) в 2021 году // История и археология Крыма. 2022. Вып. XVII. С. 261–263.
- Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung und der provincialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm, 1897. 243 S.
- Böhme A. Die Fibeln der Kastele Saalburg und Zugmantel // *Saalburg Jahrbuch*. 1972. Bd. 29. S. 5–112.
- Buiskikh V., Novichenkova M. The Roman Citadel in Pontic Olbia // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2021. Vol. 27. Issue 1. P. 11–67.
- Vuora M. Nota sulla diffusione delle fibule a svastica con terminazioni a testa di cavallo // *Quaderni friulani di archeologia*. 2005. XV. P. 117–122.
- Cociş S. The Brooches from Roman Dacia. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2004. 266 p.
- Ettlinger E. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern, 1973. 198 S.
- Feugère M. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-S. Paris, 1985. 509 p. (Revue Archéologique de Narbonnaise. Supplément 12).
- Frisch T. G., Toll N. P. Pierced Bronzes, Enameled Bronzes, and Fibulae. New Haven^ Yale University Press, 1949. 69 p., 17 pl., 14 fig. (The Excavations at Dura-Europos. Final Report IV. Part IV. Fasc. 1).
- Jobst W. Die römischen Fibeln aus Lauriacum. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum, 1975. 246 S. (Forschungen in Lauriacum 10).
- Hellström K. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2018. 382 S., 72 Abb., 94 Taf. (Archäologie in Eurasien. Bd. 39).
- Pietruk F. Les Fibules romaines des Musées de Metz. Metz: Musée de la Cour d'Or, 2005. 172 p.
- Petković S. Rimske fibule u Srbiji od I do V veka n.e. Beograd: Arheološki institute, 2010.
- Rieckhoff S. Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hüfingen // *Saalburg Jahrbuch*. 1975. Bd. 32. S. 5–10.
- Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1979. 219 S., 80 Taf. (Forschungen in Augst. Bd. 3).

Рис. 1. Харакс. Фибулы. Ялтинский историко-литературный музей

Рис. 2. Харакс. Фибулы. Ялтинский историко-литературный музей

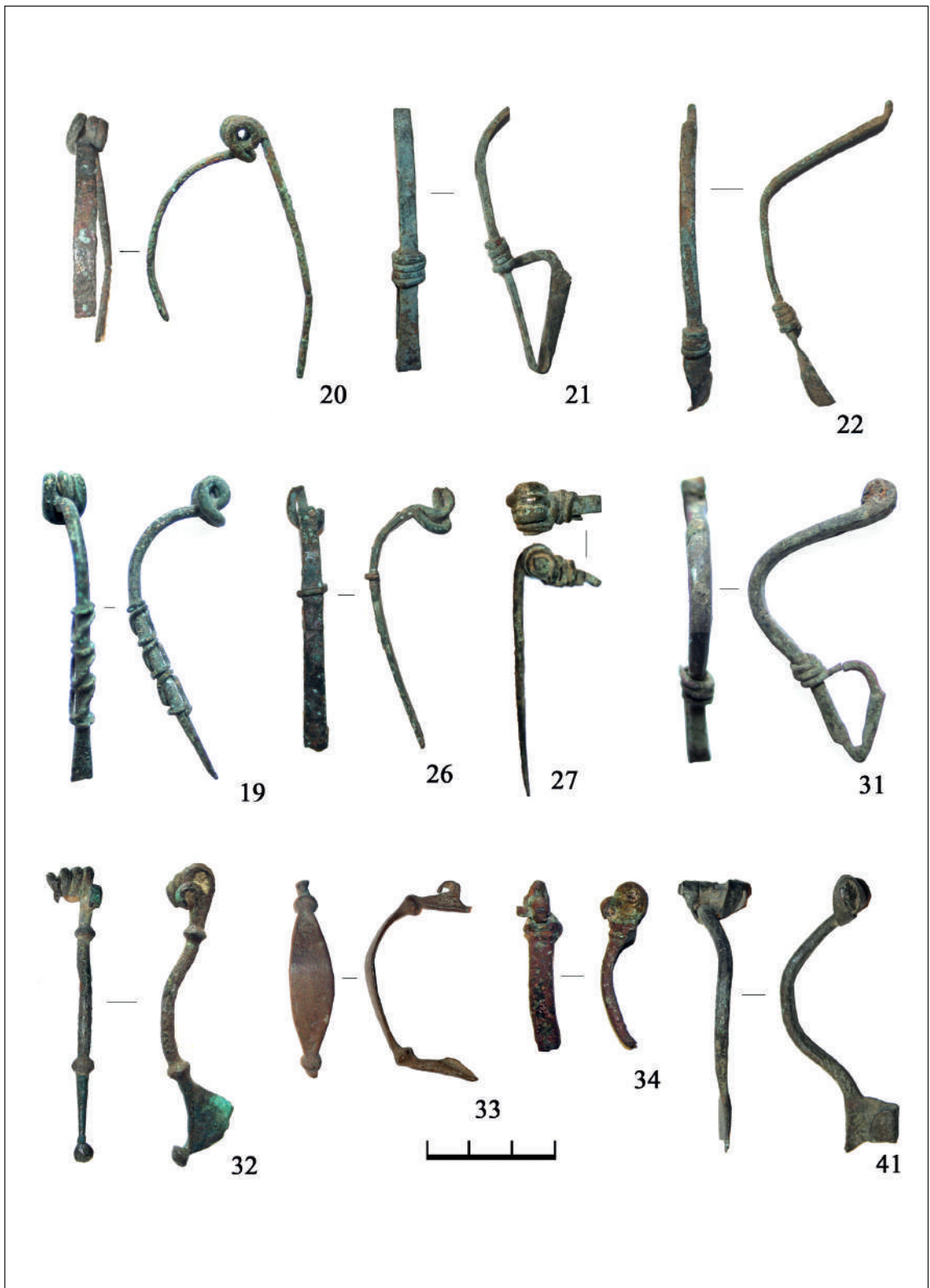

Рис. 3. Харакс. Фибулы. Ялтинский историко-литературный музей

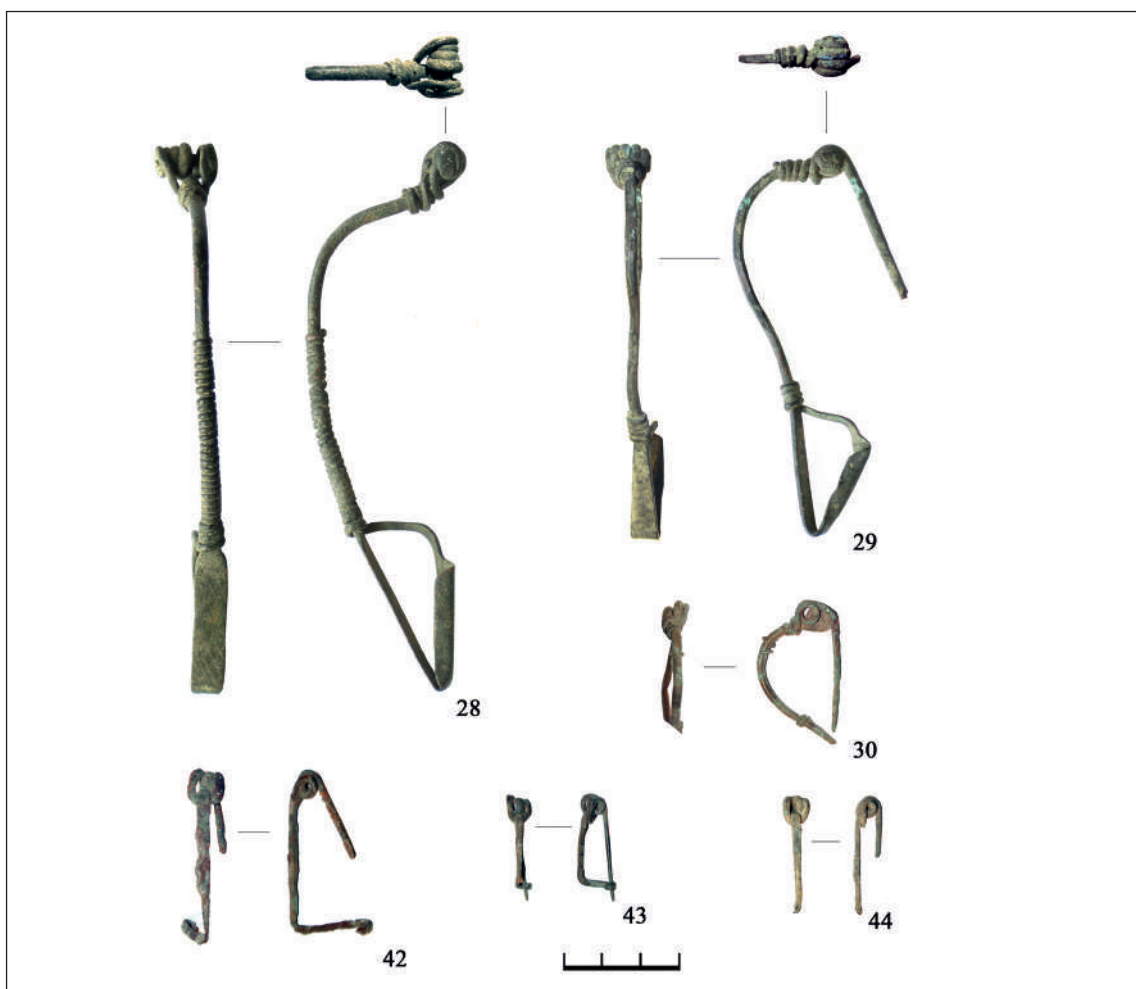

Рис. 4. Харакс. Фибулы. Ялтинский историко-литературный музей

Рис. 5. Харакс. Фибулы. Ялтинский историко-литературный музей

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СО ШПОРАМИ КРУГА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ЭМАЛЕЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА СКАЛИСТОЕ III

Волошинов А. А.^{1*}, Масякин В. В.^{2**}

¹ Институт археологии РАН, г. Москва

² Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

* E-mail: voloshinov-alexs@yandex.ru

** E-mail: masjakin@mail.ru

Аннотация. Погребение 28 могильника Скалистое III в Юго-Западном Крыму было исследовано в 1965 г. Неординарными находками в составе погребального инвентаря являются бронзовые шпоры, украшенные эмалью, и стеклянный рог для питья. Полная публикация материалов комплекса не была осуществлена до настоящего времени. В статье на основании изучения архивных данных уточняются особенности погребального обряда, вводятся в научный оборот выполненные авторами рисунки и фотографии погребального инвентаря.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, III в. н.э., могильник Скалистое III, шпоры, восточноевропейские выемчатые эмали, римский стеклянный рог для питья.

Погребение 28 могильника Скалистое III в Юго-Западном Крыму¹ было исследовано в 1965 г. Самыми неординарными находками в составе погребального инвентаря являются бронзовые шпоры, украшенные эмалью, связанные происхождением с северо-западными культурами (рис. 13; 14), и стеклянный рог для питья (рис. 6; 7). В связи с находкой столь экзотичных для Крыма предметов, как шпоры, в погребении, имеющем воинский и всаднический характер, рассматриваемый комплекс неоднократно привлекался для реконструкции этнокультурных процессов на полуострове в римское время. Авторы первой публикации назвали его погребением «всадника-воина», а также сделали вывод о существовании воинской прослойки, которая выделялась из основной массы сельского населения [Богданова, Гущина, Лобода, 1976. С. 146]. Отдельные предметы, демонстрирующие воинскую принадлежность (удила, «сарматский меч», шпоры), позволили П. Н. Шульцу и В. М. Зубарю назвать комплекс «ярким примером погребения конного сарматского дружинника» и предположить, что погребенный участвовал в походах на западные провинции Римской империи [Шульц, Зубарь, 1986. С. 267, 268. Рис. 94]. В дальнейшем, исследователи рассматривали шпоры в качестве

свидетельства контактов населения Крыма с северными варварами в связи с миграциями последних в середине III в. н.э. [Kazanski, 1994. P. 431; Казанский, 2006. С. 28; Айбабин, 1996. С. 291; Храпунов, 2003. С. 346; Васильев, 2005. С. 39; Радюш, 2020. С. 348].

Кроме этого, находка шпор с эмалью в погребении является единственной, происходящей из закрытого, узко датированного комплекса [Радюш, 2013. С. 60]. Присутствие в составе инвентаря античных импортов (краснолаковых сосудов и стеклянного питьевого рога) и привязка к хронологии крымских древностей римского периода позволяют использовать рассматриваемое погребение для уточнения хронологии всего горизонта находок с «варварскими» выемчатыми эмалями Восточной Европы.

Тем не менее, несмотря на неординарный характер комплекса, полная публикация материалов не была осуществлена до настоящего времени. Статья 1976 г. содержит искаженные и неточные изображения находок (рис. 1, II, III) [Богданова, Гущина, Лобода, 1976. Рис. 8,17–52]. В приведенном ниже описании погребения были учтены все данные полевой документации (дневник И. И. Лободы, чертежи, фотонегативы), материалов отчета и публикации Н. А. Богдановой, И. И. Гущиной и И. И. Лободы, выполнены рисунки и фотографии сохранившихся в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника предметов погребального инвентаря. В тех случаях, когда находки не уда-

¹ Могильник Скалистое III находится на юго-западной окраине одноименного села. Занимает участок террасированного пологого склона возвышенности на правом берегу р. Бодрак, в урочище Чешмечик (Чокрачик).

лось обнаружить², использованы описания и фотографии из отчета.

Погребальные сооружение и обряд.

Могила № 28, ориентированная по оси север–юг, находилась на склоне небольшого холма, у края карьера для добычи глины (рис. 1, 1).

Подпрямоугольная в плане входная яма длиной 2,2 м, шириной 0,6 м, сохранилась на глубину 0,4–1,0 м от уровня современной поверхности (рис. 2; 3; 4). Южная часть входной ямы была частично разрушена под воздействием атмосферных осадков, что не позволило автору раскопок установить ее первоначальные размеры. В восточной продольной стенке входной ямы был устроен подбой длиной 2,2 м, шириной 0,6 м и глубиной 0,4–1,0 м от уровня современной поверхности. Камера подбоя была полностью заполнена «насыпной» глиной и перекрыта тремя известняковыми плитами (длиной 0,52, 0,98 и 0,76 м, толщиной 0,04–0,06 м), поставленными вертикально на ребро с незначительным наклоном в сторону камеры. Верхние края плит были частично разрушены.

В восточной стенке камеры устроена дополнительная, линзовидная в плане ниша длиной около 0,8 м и глубиной 0,08 м, которая отмечена на плане погребения пунктиром (рис. 3).

В подбое был зачищен костяк длиной около 1,6 м, который, по мнению И. И. Лободы, принадлежал мужчине. Погребенный находился вытянуто на спине, головой на юг, конечности вытянуты прямо. На полу камеры прослежен органический тлен. Сохранность костяка плохая, череп был раздавлен краснолаковой тарелкой (рис. 3, 2; 4, 2; 5, 1). На полевом чертеже, фотографии и плане из отчета видно какое-то «внедрение» в северной части подбоя, в связи с чем отсутствуют кости ног ниже колен и, вероятно, часть инвентаря, находившегося здесь (рис. 2; 3; 4). С этим же связана утрата нижней части меча, располагавшегося вдоль левой ноги (рис. 4, 17; 15, 13). Возможно, это разрушение костяка произошло в результате функционирования упомянутого карьера.

За головой погребенного найдены четыре бронзовые смычковые фибулы (рис. 4, 1; 15, 7–10), над черепом, под значительным уклоном – краснолаковая тарелка (рис. 4, 2; 5, 1), нижний край которой опирался на дно камеры, а верхний был приподнят над головой. Внутри тарелки лежал железный нож (рис. 4, 3; 15, 4). В области грудной клетки обнаружена краснолаковая столовая амфора (рис. 4, 4; 5, 2), лежавшая горлом на северо-запад. И. И. Лобода предположил, что тарелка

² Не удалось обнаружить халцедоновую бусину (рис. 8, 2), бронзовую скобу, нож, перстни, «смычковые» фибулы, меч (рис. 15, 3–10, 13).

была установлена на венчике краснолаковой амфоры, изначально стоявшей у правой плечевой кости, а позднее опрокинулась на бок. Но можно предположить, что тарелка и амфора, расположенные над костяком, были помещены на гроб, от которого сохранился темный тлен (рис. 2). Под амфорой были обнаружены две крупные халцедоновые бусины (рис. 4, 5; 8, 2, 3; 9, 1) и бронзовое кольцо с выступами (рис. 4, 6; 15, 11).

Рядом с краснолаковой амфорой, в области правого локтевого сустава зачищена кость животного. Справа от черепа, под самой стенкой дополнительной ниши, лежала меловая бусина (рис. 4, 19; 8, 4; 9, 2). В этой же нише, в области правого плеча найдены железные удила (рис. 4, 20; 15, 1). Рядом с лучевой костью и кистью правой руки зачищено скопление бус (рис. 4, 7): из стекла с внутренней металлической прокладкой (27 экз.), сердоликовых (16 экз.), янтарных (16 экз.) (рис. 8; 9).

У кисти правой руки, найдены бронзовая лучковая фибула (рис. 4, 10; 11, 1), серебряный браслет (рис. 4, 11; 10, 3), бронзовая (рис. 4, 12; 15, 12) и халцедоновая (рис. 4, 13; 8, 3; 9, 1) бусы.

У лучевой кости левой руки зачищено два бронзовых браслета (рис. 4, 8; 10, 1, 2). В области кисти левой руки были найдены два серебряных перстня (рис. 4, 9; 15, 5, 6).

У стенки справа были обнаружены семь бронзовых круглых накладок (рис. 4, 14; 12), две бронзовые пряжки (рис. 4, 22; 11, 2, 3). Слева от правой бедренной кости найдены два бронзовых наконечника ремней (рис. 4, 16; 11, 4, 5) и бронзовые шпоры, украшенные эмалью (рис. 4, 21; 13; 14).

В области между бедренными костями лежал раздавленный стеклянный питьевой рог (рис. 4, 15; 6; 7). У левой бедренной кости зачищены многочисленные фрагменты железного меча (рис. 4, 17; 15, 13), прослеженная в процессе раскопок длина которого составила 0,5–0,6 м. Справа у стенки камеры обнаружены фрагменты железного предмета (рис. 4, 18)³. В заполнении подбоя обнаружена бронзовая скоба (рис. 4, 23; 15, 3).

Погребальный инвентарь.

Краснолаковая столовая амфора (рис. 5, 2). Размеры: D – 7 см, d – 5,5 см, H – 20,3 см. Относится к типу 2.4 по Д. В. Журавлеву, форме А-4 по Э. Кюнелю, типу 1 по А. А. Труфанову [Журавлев, 2020. С. 71, 72. Табл. 37,280,281; Kuhnelt, 2008. S. 70, 71. Kat. 16–22; Труфанов, 2009. С. 167, 168. Рис. 27,1–8].

³ В фондах музея не найден, в отчете фото и описание отсутствуют.

Сосуды такой формы датируются, преимущественно, II в. н.э., но встречаются и в комплексах первой половиной III в. н.э.

Краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком (рис. 5, 1). Размеры: D – 28 см, d – 11,2 см, H – 7,53 см. Дно декорировано двумя концентрическими кругами из насечек. Относится к форме 4.2 по Д. В. Журавлеву, форме T-1b-II по Э. Кюнелт, типу 3.3 по А. А. Труфанову и датируется II – первой половиной III в. н.э. [Журавлев, 2010. С. 46, 47. Табл. 18, 19; Kuhnelt, 2008. S. 135–137. Kat. 283; Труфанов, 2009. С. 154. Рис. 14].

Стекланный питьевой рог (рис. 6; 7). На момент первой публикации [Богданова, Гущина, Лобода, 1976. Рис. 11] (рис. 1, II) сосуд не был склеен, был извлечен вместе с грунтом из погребения и в таком виде хранился. Вероятно, с этим связаны неточности в определении типа и характера орнаментации в отдельных публикациях. После реставрации можно судить о его форме и размерах. Высота сосуда – 15,4 см, диаметр венчика – 7 см. Выполнен из прозрачного стекла зелено-голубого оттенка, фрагментирован, склеен. Исследование химического состава показало, что рог изготовлен из «римского» зелено-голубого стекла, имеющего сиро-палестинское происхождение [Румянцева, Трифонов, 2021. С. 57–60. Табл. 1. Рис. 1,1]. Тулово сосуда имеет конусовидную форму, узкое окончание загнуто под углом 100° и отведено на 2,1 см в сторону, на конце присутствует небольшое утолщение. Рог декорирован диагональным рифлением, зона под венчиком украшена горизонтальной наплавленной нитью того же цвета, что и сам рог. Визуальное изучение позволяет предположить, что сосуд изготовлен в технике выдувания в ребристой форме, после чего способом свободного выдувания и вращения ему было придано диагональное рифление (так называемый «оптический» декор) [Αυτωνάρας, 2009. Εικ. 12; Stawiarska, 1999. P. 118; Румянцева, 2017]. Аналогичный питьевой рог с таким же декором был найден на территории могильника римского времени у с. Брянское в долине р. Альмы, расположенного в 13 км от некрополя Скалистое III [Пуздровский и др., 1995. Рис. 41,13]⁴ (рис. 16, 1; 17, 2). К сожалению, рог обнаружен вне погребального сооружения, при просмотре отвалов, оставленных грабителями. Диаметры венчиков сосудов совпадают, что, вероятно, может служить подтверждением, об их первоначальном изготовлении в форме. Близкий декор известен на сосудах раннеримского

времени, например, на кувшинах типа 52, 55 по К. Айсингс [Harden, 1987. P. 141. № 69; Koster, 2006. Fig. 4; 2013. P. 130. Fig. 54; Grünewald, 2013. Abb. 3b,13].

Широкое распространение орнаментация сосудов диагональным рифлением получает в позднеримское время, преимущественно, с IV в. н.э. [Αυτωνάρας, 2009; Румянцева, 2017. С. 195]. Примечательно, что из погребений в Барбарикуме происходит небольшая группа сосудов с подобным декором, которые датируются более ранним временем, чем большинство известных находок на территории Империи [Румянцева, 2017. С. 195]. В этом отношении показательным примером является кубок из «княжеского» погребения в Гоммерне возле Магдебурга, относящегося к периоду Clb-C2 (220/230–330/320 гг.), или ко второй – третьей четверти III в. н.э. [Becker, 2010. S. 165–167. Taf. 23,3]. Среди упомянутых сосудов определенное сходство с рассматриваемым имеет питьевой рог типа Эггерс 249 из погребения 1878-1 могильника Химлингойе на о. Зеландия (рис. 18, 6) [Eggers, 1951, S. 181. Taf. 16,249; Lund Hansen, 1987. S. 104, 105. Taf. 16,249; 1995. S. 147. Fig. 4,14. Taf. 11,C3243]. Этот рог характеризуется близким декором, но имеет другую форму. Отметим, что диаметр венчиков обоих сосудов совпадает. Комплекс относится к периоду Clb-C2 (220/230–330/320 гг.). Близким образом декорирован и рог того же типа из погребения Сперреструп, но у него отсутствует горизонтальная накладная нить под венчиком [Lund Hansen, 1995. Taf. 35,17159]. Оба сосуда относятся к типу I по классификации В. Эвисон [Evison, 1955; 1975].

Стекланные рога для питья, как тип сосудов, появляются с III в. н.э. и встречаются почти исключительно в ареале германских культур Западной и Северной Европы и в центральноевропейском Барбарикуме. Находки таких престижных сосудов в захоронениях являются признаком высокого социального статуса погребенных. Так, в упомянутом могильнике Химлингойе на о. Зеландия стекланные рога найдены в трёх погребениях. Могильник относится к расположенному здесь политическому центру [Grane, 2007. P. 173–178]. Таким образом, подобные сосуды производились в римских мастерских и отражали вкусы германской элиты [Evison, 1975; Stawiarska, 1999, S. 117, 118].

Учитывая, что сосуды из Скалистого III и Брянского имеют конусовидное тулово, они сопоставимы и с кубками типа Эггерс 193 из погребений вельбарской культуры в Мстишевице и Ковалевко (рис. 18, 5), относящимися к периоду B2/C1-C1a (160/180–220/230 гг.)

⁴ Благодарим старшего научного сотрудника Института археологии Крыма РАН А. А. Труфанова, указавшего на эту находку.

[Stawiarska, 1999. P. 118; Schuster, 2021. P. 31, 32. Fig. 23A].

Вместе с тем, сосуды из крымских погребений отличаются формой от других известных стеклянных рогов⁵. Единственный рог подобной формы из прозрачного тёмно-фиолетового стекла удалось обнаружить в собрании Музея стекла в Корнинге (рис. 18, 2) (Corning Museum of Glass). В аннотации указано, что сосуд происходит из Западной Европы и датируется 300–400 гг. Контекст находки не известен [https://www.cmog.org/artwork/drinking-horn-6].

Необходимо отметить, что сосуды такой формы изображены на стелах с оружием из некрополя Заветное в долине р. Альмы, относящегося к городищу Алма-Кермен. В правой руке персонажа на воинской антропоморфной стеле № 1⁶ (рис. 19, 5, 6), датируемой I–II вв. н.э., изображен рог с прямым ассиметричным туловом, постепенно сужающимся к остроконечному, загнутому под прямым углом дну (высота – 23 см, диаметр венчика – 6 см) [Богданова, 1961. С. 250, 251; Волошинов, 2015. С. 252].

Рог изображен также и на воинской стеле № 4 (рис. 19, 3, 4), схематически передающей человеческую фигуру с прямоугольным туловищем без ног. Тулово сосуда имеет коническую форму, узкое донышко загнуто под углом 80–85°. Окончание донышка оформлено в виде округлого утолщения с гравированным точечным углублением по центру (высота сосуда – 24 см, диаметр венчика – 7 см) [Волошинов, 2015. С. 255, 256. Рис. 1,4]. Сосуд подобного типа изображен и на заветнинской стеле № 3, найденной в 1962 г. и датированной I–III вв. н.э. (рис. 19, 1, 2). В левой полусогнутой руке персонажа зажат рог с узким остроконечным донышком, загнутым под углом 80–85° (высота – 17 см, диаметр венчика – 5,5 см). Его окончание, как и на стеле № 4, оформлено в виде округлого утолщения. Можно предположить, что на стелах из Заветного действительно изображены реальные стеклянные питьевые роги, подобные сосудам из погребений в могильниках Скалистое III и Брянское.

Бусы.

Бусы халцедоновые шаровидные, поперечно-сжатые (3 экз.) (рис. 8, 2–4; 9, 1, 2). Диаметр – 2–3 см, длина – 1,2–1,9 см. Тип 2 [Алексеева, 1982. С. 11].

⁵ Из погребений могильников Совхоз 10 и Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму происходят ещё три питьевых рога, но они относятся к другим типам [Стрежелецкий и др., 2005. С. 125. Табл. XXVII,33; Gavritukhin et al., 2021. P. 102. Fig. 7,6].

⁶ Нумерация стел из Заветного предложена Н. А. Богдановой в 1961 г. [Богданова, 1961].

Бусина меловая шаровидная, поперечно-сжатая (рис. 8, 1; 9, 3). Диаметр – 3 см, длина – 2,1 см. Тип 2 [Алексеева, 1982. С. 29].

Бусы шаровидные, поперечно-сжатые из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (27 экз., 2 из которых объединены) (рис. 8, 5; 9, 6). Диаметр – 0,5–0,7 см, длина – 0,5–0,6 см. Тип 16 [Алексеева, 1978. С. 29, 30].

Бусы сердоликовые, шаровидные, поперечно-сжатые. Канал отверстия узкий (16 экз.) (рис. 8, 7; 9, 4). Диаметр – 1,0–1,2 см, длина – 0,7–1,2 см. Тип 2а [Алексеева, 1982. С. 15].

Бусы янтарные, неправильной формы (9 экз.) (рис. 8, 6; 9, 5). Длина – 1,4–2,1 см, высота – 0,8–1,4 см, ширина – 0,6–1,0 см. Тип 44 [Алексеева, 1978. С. 25–26. Табл. 24,34,37,39].

Пронизь бронзовая ребристая биконической формы (рис. 15, 12). Диаметр – 1,6 см, длина – 1,5 см.

Возможно, крупные бусы, халцедоновые и меловая, относились к конской сбруе. Набор крупных халцедоновых бус найден в так называемом погребении «аланского военачальника» (могила А) в районе центральных ворот Неаполя Скифского вместе с двумя комплектами конской упряжи [Зайцев, Мордвинцева, 2007. С. 86. Рис. 9,1].

Браслеты бронзовые (2 экз.) (рис. 10, 1, 2) и серебряный (рис. 10, 3) из граненого ромбовидного в сечении дрота, с подвижным замком, оформленным в виде двух спиралей. У двух браслетов окончания утрачены.

Браслет бронзовый 1 (рис. 10, 1). Размеры – 6,7х6,8 см, сечение – 3х2–3,5х2,5 мм.

Браслет бронзовый 2 (рис. 10, 2). Размеры – 7,2х6,3 см, сечение – 3х2–3,5х2,5 мм.

Браслет серебряный 3 (рис. 10, 3). Размеры – 7,0х6,8 см, сечение – 3,5х2,5–4х4 мм.

Такие браслеты относятся к одному из наиболее распространенных типов.

Характерны для 4–5 хронологических групп погребений по А. А. Труфанову, абсолютная датировка которых соответствует II–III вв. н.э. [Труфанов, 2009. С. 225. Рис. 63,9,10]. Встречаются браслеты этого типа и на территории Империи [Riha, 1990. S. 62, 63; Koščević, 1991. S. 27. Т. II,36].

Перстни серебряные пластинчатые со стеклянными вставками (2 экз.) (рис. 15, 5, 6). Фрагментированы. Размеры 2,0х2,1 и 2,2х2,2 см.

Кольцо бронзовое с выступами (рис. 15, 11). Размеры – 1,9х2,1 см. Относится к изделиям, распространенным на обширной территории и имеющим широкие хронологические рамки бытования.

Фибула бронзовая лучковая подвязная, одночленная, с пластинчатой дужкой, укра-

шенной фигурной проволочной накладкой в виде «змейки», и нижней тетивой пружины (рис. 11, 1). Размеры – 9,6х3,4 см. Ширина дужки – 0,4–0,5 см. Относится к группе 15, серии II, варианту 2 по А. К. Амброзу, группе 4, серии II, варианту 4 по В. В. Кропотову, варианту IV.1e.2 по К. Хелльстрём [Амброз, 1966. С. 52. Табл. 9,14; Кропотов, 2010. С. 132. Рис. 43,4,6; Hellström, 2018. S. 84. Abb. 31,1]. Датируются фибулы этого варианта первой половиной III в. н.э. Отметим, что такие застёжки найдены в верхнем стратиграфическом горизонте Неаполя Скифского и в воинском погребении, совершенном в верхнем слое Усть-Альминского городища [Зайцев, 2003. Рис. 17,54; Высотская, 1994. С. 145. Рис. 42]. Эти находки фиксируют употребление подобных фибул в момент гибели городища.

Фибулы бронзовые «смычковые» одночленные с нижней тетивой и высоким пластинчатым приёмником (4 экз.) (рис. 15, 7–10). Фрагментированы. Длина – 2,3, 2,9, 3,0 и 3,2 см. Относятся к группе 7 по В. В. Кропотову и датируются II–III вв. н.э. [Кропотов, 2010. С. 169].

Пряжки бронзовые с овальными, круглыми в сечении рамками, округлыми в плане щитками, прогнутыми в центре язычками. Язычки и края щитков фасетированы. Крепились к ремням с помощью одного штифта.

Пряжка 1 (рис. 11, 2). Общие размеры – 3,1х1,8–2,0х0,7 см. Размеры рамки – 1,8х1,6 см, диаметр сечения – 0,45 см. Размеры щитка – 2,0х1,9 см, длина язычка – 1,6 см, ширина – 0,25 см, толщина – 0,1 см.

Пряжка 2 (рис. 11, 3). Общие размеры – 3,1х1,9–2,0х0,7 см. Размеры рамки – 1,9х1,6 см, диаметр сечения – 0,4 см. Размеры щитка – 2,0х2,0 см, длина язычка – 1,5 см, ширина – 0,35 см, толщина – 0,1 см.

Пряжки относятся к типу П26 по В. Ю. Малашеву [Малашев, 2000. С. 195, 196. Рис. 2,П26]. Изделия этого типа наиболее характерны для первой половины III в. н.э.

Наконечники ремней бронзовые пластинчатые подтрапециевидной формы с заостренным нижним краем. Края лицевой стороны украшены фасетками и расположенными между ними треугольными вырезами. Тильная прижимная пластина припаяна, шов зашлифован.

Наконечник ремня 1 (рис. 11, 4). Размеры – 5,1х0,95х0,4 см, толщина – 0,15 см.

Наконечник ремня 2 (рис. 11, 5). Размеры – 5,2х1,0х0,4 см, толщина – 0,15 см.

Изделия относятся к типу Н3а по В. Ю. Малашеву [Малашев, 2000. С. 197. Рис. 2,Н3а]. Датируются первой половиной III в. н.э. Сочетание пряжек и наконечников ремней с таким же

фасеточным декором, что и у рассмотренных, зафиксировано в позднесарматских воинских погребениях [Volkov, Guguev, 1986. Pl. 57,4,5; Безуглов, 1988. Рис. 3,22,23; Ильюков, 2002. Рис. 2,4,9] (рис. 20, 2, 3).

Учитывая, что пряжки и наконечники ремней обнаружены рядом со шпорами, можно предположить, что они служили для фиксации последних.

Накладки ременные бронзовые пластинчатые, круглые в плане (7 экз.) (рис. 12, 1–7). Края лицевых пластин фасетированы. Соединялись с ремнем с помощью штифта. В трёх случаях сохранились прижимные пластины подпрямоугольной формы. Диаметр – 1,3–1,8 см, толщина – 0,25–0,4 см, толщина лицевой пластины – 0,1 см. Подобные накладки известны в погребениях III в. н.э. [Дзиговский, Субботин, 1986. Рис. 2,1; Кутуков, Васильев, 1997. Рис. 2,7–16; Мошкова, 2001. Рис. 1,1]. Чаше всего, такие изделия связаны с конской сбруей. Аналогичный комплект, также состоящий из семи экземпляров, обнаружен в погребении III в. со всадническим набором в могильнике Нейзац [Храпунов, 2011. С. 194. Рис. 5,5–11; здесь же обзор других подобных находок из некрополя].

Шпоры бронзовые, украшенные красной эмалью.

Шпора 1 с двумя поперечными профилированными гребнями, расположенными на дужках по обе стороны у основания шипа (рис. 13, 1; 14, 1). Шип ромбовидный в сечении. Кнопки украшены красной эмалью. Размеры – 6,0х4,55х2,45 см, сечение шипа у основания – 1,4х1,4 см. Внутренний диаметр гнезд на кнопках – 0,6 см, внешний – 0,95 и 1,1 см. Относится к типу IIae по О. А. Радюшу [Радюш, 2013. С. 57. Рис. 3,1,2]. Находки шпор этого варианта происходят с территории верхнего течения р. Сейм и р. Псел в Курской и Белгородской областях России, Харьковской области Украины [Радюш, 2013. С. 57. Рис. 1,d].

Шпора 2 с двумя симметрично расположенными дисковидными выступами у основания шипа (рис. 13, 2; 14, 2). Один из выступов утрачен в древности. Шип ромбовидный в сечении. Кнопки и выступы украшены красной эмалью. Размеры – 5,8х3,3х3,4 см, сечение шипа у основания – 0,9х0,9 см. Внутренний диаметр гнезд – 0,75, 0,9 и 0,95 см, внешний – 1,0, 1,3 и 1,2 см. Принадлежит к типу IIIae по О. А. Радюшу [Радюш, 2013. С. 61, 62. Рис. 6,1,2]. Шпоры этого типа зафиксированы в верховьях р. Неман, на территории Гродненской области Белоруссии, в верхнем и среднем течении р. Сейм и р. Псел, на территории Сумской и Черниговской областей Украины, Курской области

России [Радюш, 2013. С. 62. Рис. 1, f]. Наиболее близкий экземпляр найден на поле возле с. Яновек в Северо-Западной Польше [Kontny, Lewos, 2018. Рис. 1, 2]. Авторы публикации предположительно датировали его периодом C1a (160/180–210/230 гг.) [Kontny, Lewos, 2018. С. 340]. По составу эмали шпора 1 отличается от основной группы изделий с выемчатыми эмалями, но близка двум шпорам, одна из которых – упомянутая выше находка из Польши. Состав эмали шпоры 2 аналогичен другим предметам восточноевропейской группы [Румянцев, Трифонов, 2022]

Шпоры, как предмет снаряжения всадника, не характерны для местной материальной культуры, их находки представлены немногочисленными экземплярами, связанными с иной культурной традицией. Четыре шпоры латенского типа, найденные в святилище на перевале Гурзуфское Седло в контексте I в. до н.э. – I в. н.э., вероятно, попали на территорию культового комплекса в качестве военных трофеев [Новиченкова, 2013. С. 44–53; Novichenkova, Kontny, 2015. Р. 303–324]. Ещё две шпоры латенских типов обнаружены в погребениях. Одна из них найдена в склепе I в. до н.э. – рубежа эр в Битакском некрополе. Примечательно, что погребение сопровождалось удилами и наконечниками стрел. Однако, шпора с утраченными в древности окончаниями дужек и фрагментированным шипом не могла использоваться по назначению. Вероятно, помещение её в погребение имело символический характер [Пуздровский, 2003. Рис. 9, 18]. Другой экземпляр происходит из погребения I в. н.э. в Усть-Альминском некрополе [Пуздровский, 2007. С. 32, 72, 140. Рис. 43, 18; 96, 15].

Рассматриваемые шпоры, несмотря на их принадлежность к разным типам, представляют собой комплект, они найдены вместе с деталями гарнитуры – пряжками и наконечниками ремней, служившими для их фиксации. Погребение сопровождалось конской сбруей и всадническим мечом, что позволяет предположить использование шпор по назначению при жизни погребенного.

Меч без металлического навершия и перекрестия (рис. 15, 13). Клинок переходит в черенок под тупым углом. Сохранился на длину 57,5 см, длина черенка – 14,4 см, ширина клинка – 3,7 см. Нижняя часть клинка утрачена в результате разрушения северной части подбоя (рис. 2). Это обстоятельство не учитывалось в первой публикации, в которой меч был изображен в перевернутом виде, черенком вниз, воспринимавшимся в качестве острия [Богданова, Гущина, Лобода, 1976. С. 146. Рис. 8, 52] (рис. 1, III, 52). Таким же образом он

представлен в работе П. Н. Шульца и В. М. Зубаря [Шульц, Зубарь, 1986. Рис. 94]. Морфологические особенности позволяют отнести его к большой группе длинных всаднических мечей без металлического навершия и перекрестия, имеющих азиатское происхождение [Безуглов, 2000. С. 169–193], к типу 2 по А. М. Хазанову [Хазанов, 1971. С. 15–24]. Как убедительно показал С. И. Безуглов, характер перехода от клинка к черенку не имеет хронологического значения [Безуглов, 2000. С. 171]. Мечи этого типа происходят из погребений позднескифских некрополей [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997. Рис. 19, 3; Пуздровский, 2007. С. 131–132. Рис. 88, 8; Дашевская, 2014. Табл. 62, 1], позднесарматских и меотских захоронений [Безуглов, 2000. Рис. 3, 1, 2, 9; Симоненко, 2015. С. 56–61. Рис. 15, 3–7; 16, 1; Лимберис, Марченко, 2021. С. 104. Рис. 2] (рис. 20, 2, 3), с территории Боспора [Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 178, 179. Рис. 82, 2, 3; Малышев, 2008. С. 157. Рис. 111; Малышев, 2011. С. 276. Рис. 233; Алексеева, 2021. Рис. 145; Трейстер, 2010. С. 498–510]. Подобные мечи представлены на боспорских надгробиях с изображениями всадников [Трейстер, 2010. С. 490. Рис. 8, 1; Kreuz, 2012. Abb. 129. Nr. 976]. В большинстве случаев, так же как и в рассматриваемом погребении, мечи лежали справа вдоль ног погребенного.

Скоба бронзовая пластинчатая (рис. 13, 3). Длина – 1,5 см. Серия подобных находок обнаружена в погребениях вместе с мечами [Volkov, Guguev, 1986. Pl. 51, 2; Безуглов, 1988. Рис. 2, 24; Гугуев, Безуглов, 1990. Рис. 2, 3; Лимберис, Марченко, Кондратенко, 2021. С. 113. Рис. 19, 2, 3]. Вероятно, такие детали служили для крепления ножен мечей к портупейной гарнитуре.

Удила с колесовидными псалиями (рис. 15, 1). Псалии соединены с грызлами неподвижно, имеют четыре спицы и прямоугольные петли с внешней стороны для крепления ремней. Диаметр псалий – 9 см. Относятся к серии II по В. Ю. Малашеву, серии 3 по И. Р. Ахмедову, типу 2Б по А. Е. Пуздровскому, типу II, варианту 2 по А. В. Антипенко [Малашев, 2000. С. 210, 212; Ахмедов, 2005. С. 240; Пуздровский, 2007. С. 142. Рис. 105, I, II; 108, III; Антипенко, 2016. С. 89. Рис. 2, 4, 6]. Датируются удила этого типа II – первой половиной III в. н.э. К конской упряжи относится и железное кольцо (рис. 15, 2).

Таким образом, рассмотренное погребение может быть отнесено к выделенному С. И. Безугловым культурно-хронологическому горизонту «всаднических» комплексов конца II – первой половины III в. н.э., к финальной его части [Безуглов, 1988. С. 112–114; Безуглов,

2000. С. 179–182] (рис. 20). Присутствие в захоронении атрибутов воина-всадника, наряду с таким редким и престижным предметом, как римский стеклянный рог для питья, указывают на высокий социальный статус погребенного. находка в погребении шпор, относящихся к изделиям круга «варварских» выемчатых эмалей, основным ареалом которых были Поднепровье и Прибалтика, вероятно, свидетельствует о контактах с населением лесной зоны Восточной Европы [Казанский, 2016. С. 59]. На такие контакты указывают находки и из других памятников Крыма [Казанский, 2016. С. 59; Обломский, 2017. С. 60–64; Радюш, 2020. С. 348; Воронятов, Кропотов, 2022]. Сочетание шпор с набором ременной гарнитуры для их фиксации, длинным мечом и конской сбруей говорит

о том, что это не просто экзотические вещи, помещенные в могилу, а функциональные предметы всаднической культуры, использовавшиеся по назначению. Это обстоятельство представляется важным, учитывая отсутствие традиции использования шпор у местного варварского населения. Примечательно, что в двух расположенных рядом с погребением 28 могилах найдены фрагменты кольчуг. В могиле-кенотафе 37, вместе с другими вещами, обнаружено скопление скипевшихся железных колец. В погребении 44 – остатки бронзовой кольчуги, «сварившейся в ком» [Богданова, Гущина, Лобода, 1976. С. 146]⁷.

⁷ К сожалению, обнаружить эти предметы в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника не удалось.

Литература

- Айбабин А. И. Население Крыма в середине III – IV вв. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 1996. Вып. V. С. 290–303.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Л.: Наука, 1978. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12/2).
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Л.: Наука, 1982. 106 с. (САИ. Вып. Г1-12/3).
- Алексеева Е. М. Некрополь античного города Горгииппии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н.э. М., Вологда: Древности Севера, 2021. 351 с.
- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 142 с. (САИ. Вып. Д1-30).
- Антипенко А. В. Типология псалий I–IV вв. н.э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2016. Вып. XXI. С. 84–109.
- Ахмедов И. Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II *Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ*. М., 2005. С. 240–253.
- Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // *Советская археология*. 1988. № 4. С. 103–116.
- Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // *Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона*. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. Вып. I. С. 169–193.
- Богданова Н. А. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму // *Советская археология*. 1961. № 2. С. 249–252.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // *Советская археология*. 1976. № 4. С. 121–152.
- Васильев А. А. О некоторых особенностях хронологии предметов вооружения германцев в Северном Причерноморье (этапы B2 и C1) // VI *Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник материалов конференции*. Керчь, 2005. С. 37–43.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского: VI в. до н.э. – середина III в. н.э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 350 с.
- Волошинов А. А. Надгробная и вотивная скульптура городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника // *История и археология Крыма*. 2015. Вып. II. С. 270–294.
- Воронятов С. В., Кропотов В. В. Браслет стиля восточноевропейских выемчатых эмалей из некрополя Неаполя Скифского // *Краткие сообщения Института археологии*. 2022. Вып. 267. С. 198–206.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
- Дзиговский А. Н., Субботин Л. В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 1986. С. 150–157.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2015. 320 с.
- Зайцев Ю. П. Неаполь скифский. II в. до н.э. – III в. н.э. Симферополь: Универсум, 2003.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Элитный некрополь у центральных ворот Неаполя скифского // *Древняя Таврика* / Под ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 81–109.
- Ильюков Л. С. Три позднесарматских кургана из Северо-Восточного могильника // *Аксайские древности. Ростов-на-Дону*, 2002. С. 231–242.
- Казанский М. М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в Эпоху великого переселения народов // *Готы и Рим* / Ред. Р. В. Терпиловский. Киев, 2006. С. 26–41.

- Казанский М. М. «Понтийский лимес» в эпоху позднеримской империи и северные варвары // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2016. Вып. XXI. С. 58–83.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Адеф-Украина, 2010. 384 с.
- Кутуков Д. В., Васильев Д. В. Сарматские погребения из грунтового могильника Лбище в Астраханской области // *Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье*. 1997. Вып. 2. С. 120–147.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Кондратенко А. В. Мечи и кинжалы без металлического навершия из мететских памятников правобережья Кубани // *Нижневожский археологический вестник*. 2021. Т. 20. № 1. С. 103–152.
- Лобода И. И. Отчет о раскопках 1965 г. могильника II–III вв. н.э. Озерное II, Бахчисарайского района Крымской области. Бахчисарай, 1965 // *Научный архив ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»*.
- Малашев В. Ю. Периодизация ремесленных изделий позднесарматского времени // *Сарматы и их соседи на Дону / Под ред. Ю. К. Гугуева*. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–233.
- Малышев А. А. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // *Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора. Некрополи Черноморья*. II. М., 2008. С. 136–180.
- Малышев А. А. Погребальный инвентарь некрополя в Широкой Балке // *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху по материалам некрополя в Широкой Балке*. IV. М., 2011. С. 242–301.
- Новиченкова М. В. Шпори зі свтилиця біля перевалу Гурзуфське Сідло в Гірському Криму // *Археологія*. 2013. № 3. С. 44–53.
- Обломский А. М. Украшения с выемчатыми эмалью восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму // *Российская археология*. 2017. № 1. С. 55–69.
- Пуздровский А. Е. Склеп раннеримского времени из округа Неаполя скифского // *Херсонесский сборник*. 2003. Вып. XII. С. 124 – 139.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Юрочкин В. Ю. Отчет об археологических исследованиях могильников у с. Брянское и Сворово, Бахчисарайского района Республики Крым. Симферополь, 1995 // *Научный архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»*.
- Радюш О. А. Элементы всаднической и дружинной культуры II–III вв. в Поднепровье // *Stratum plus*. 2013. № 4. С. 51–73.
- Радюш О. А. Варварские эмали Восточной Европы: современное состояние источниковой базы и опыт картирования // *Germania – Sarmatia*. III. М., 2020. С. 317–352.
- Румянцева О. С. Рифленые формы и находки рифленого стекла с поселения черняховской культуры Комаров: к вопросу о хронологии и видах продукции стекольной мастерской // *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А. М. Обломского*. М., 2017. С. 193–204. (Раннеславянский мир. Вып. 19).
- Румянцева О. С., Трифонов А. А. Питьевой рог и шпори из погребения 28 могильника Скалистое III в Юго-Западном Крыму: состав стекла и эмали и данные о происхождении // *История и археология Крыма*. 2021. Вып. XIV. С. 57–70.
- Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев, 2015.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. № 4/2003–2004. 2005. С. 27–277.
- Трейстер М. Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э. // *Древности Боспора*. 2010. Вып. 14. С. 484–561.
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. 2009. № 4 (2005–2009). С. 117–328.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
- Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму: по материалам раскопок могильника Нейзац // *Боспорские исследования*. 2003. Вып. III. С. 329–349.
- Храпунов И. Н. Подбойная могила с двумя погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2011. Вып. XVII. С. 192–215.
- Храпунов И. Н., Мяскин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. I. Симферополь, 1997. С. 76–155.
- Шульц П. Н., Зубарь В. М. Памятники позднескифской культуры в Крыму // *Археология Украинской ССР*. Т. 2. Киев, 1986. С. 240–274.
- Αντωνάρης Α. Η τεχνολογία της υαλοურγίας κατά τη ρωμαϊκή και την παλαιοχριστιανική εποχή // *ΥΑΛΟΣ – Ημερίδα Συντήρησης ΑΜΘ 2009*. Θεσσαλονίκη, 2011. Ρ. 85–96.
- Becker M. Das Fürstengrab von Gommern. Band II. Katalog. Halle, 2010. 420 S. (Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen Anhalt Landesmuseum für Vorgeschichte. Band 63).
- Eggers H. J. Der Römische Import im freien Germanien. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951.
- Evison V. Anglo-Saxon finds near Rainham, Essex, with a study of glass drinking-horns // *Archaeologia*. 1955. Vol. 96. P. 159–195.
- Evison V. Germanic glass drinking horns // *Journal of Glass Studies*. 1975. Vol. 17. P. 74–87.

- Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S.* The cemetery of Frontovoe 3. New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration periods // *Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied*. 2021. R. 68 (1). S. 87–118.
- Grane T.* The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern Connection. Submitted as Ph.D. dissertation at the SAXO-Institute, University of Copenhagen. Copenhagen, 2007.
- Grünewald M.* Früh- und mittelkaiserzeitliche Glasgefäße im nördlichen Obergermanien // *Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Fribourg / Romont 7–11 septembre 2015. Romont, 2017. S. 145–151.
- Harden D.* Glass of the Caesars. Exhibition catalogue. Milan: Olivetti, 1987. 314 p.
- Hellström K.* Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Bonn, 2018. 284 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 39).
- Kazanski M.* Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin, Marburg, 1994. P. 429–485.
- Kontny B., Lewoc I.* Pierwsza ostroga zdobiona polami emalii z ziem polskich, albo o radości płynącej z bycia archeologiem // *Studia Barbarica: Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* / Red. B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2018. T. I. P. 333–353.
- Koščević R.* Anticke fibule s područja Siska. Zagreb, 1980. 134 S.
- Koster A.* Glass from five rich burials in the cemetery of Noviomagus (Nijmegen-west), end of the 1st – beginning of the 2nd century // *Roman Glass in Germania Inferior. Interregional Comparisons and Recent Results*. Tongeren, 2006. P. 68–72.
- Koster A.* The Cemetery of Noviomagus and the Wealthy Burials of the Municipal Elite. Nijmegen: Museum Het Valkhof, 2013. 463 p.
- Kreuz P.* Die Grabreliefs aus dem Bosporianischen Reich. Leuven: Peeters, 2012. 1107 S.
- Kuhnelt E.* Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Dissertationarbeit. Freien Universität, Berlin. Berlin, 2008.
- Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien. København, 1987. (Nordiske Fortidsminder, B/10).
- Lund Hansen U.* Himlingøje, Seeland, Europa: ein Gräberfeld der jüngeren römischen Kaiserzeit auf Seeland, seine Bedeutung und internationalen Beziehungen. København, 1995.
- Novichenkova M. V., Kontny B.* Spurs from the Sanctuary at the Gurzufskoe Sedlo. On the Problem of Hook Spurs // *Ad fines Imperii Romani. Studia Thaddaeo Sarnowski septuagenario ab amicis, collegis discipulisque dedicata*. Warszawa, 2015. P. 303–324.
- Riha E.* Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1990. 245 S., 91 Taf. (Forschungen in Augst. Bd. 10).
- Schuster J.* Luxury for the Rich – Roman Glass in Ancient Poland // *From the Depth of Time. A Tale About a Fish*. Łęborg, Łódź, Schleswig, Warszawa, 2021. P. 26–35.
- Stawiarska T.* Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 1999. 375 S.
- Volkov I. V., Guguev Yu. K.* A Late Sarmatian burial in Rostov-on-Don // *Raev B. A. Roman imports in the Lower Don Basin*. Oxford, 1986. P. 73–74. (BAR Int. Ser., 278).

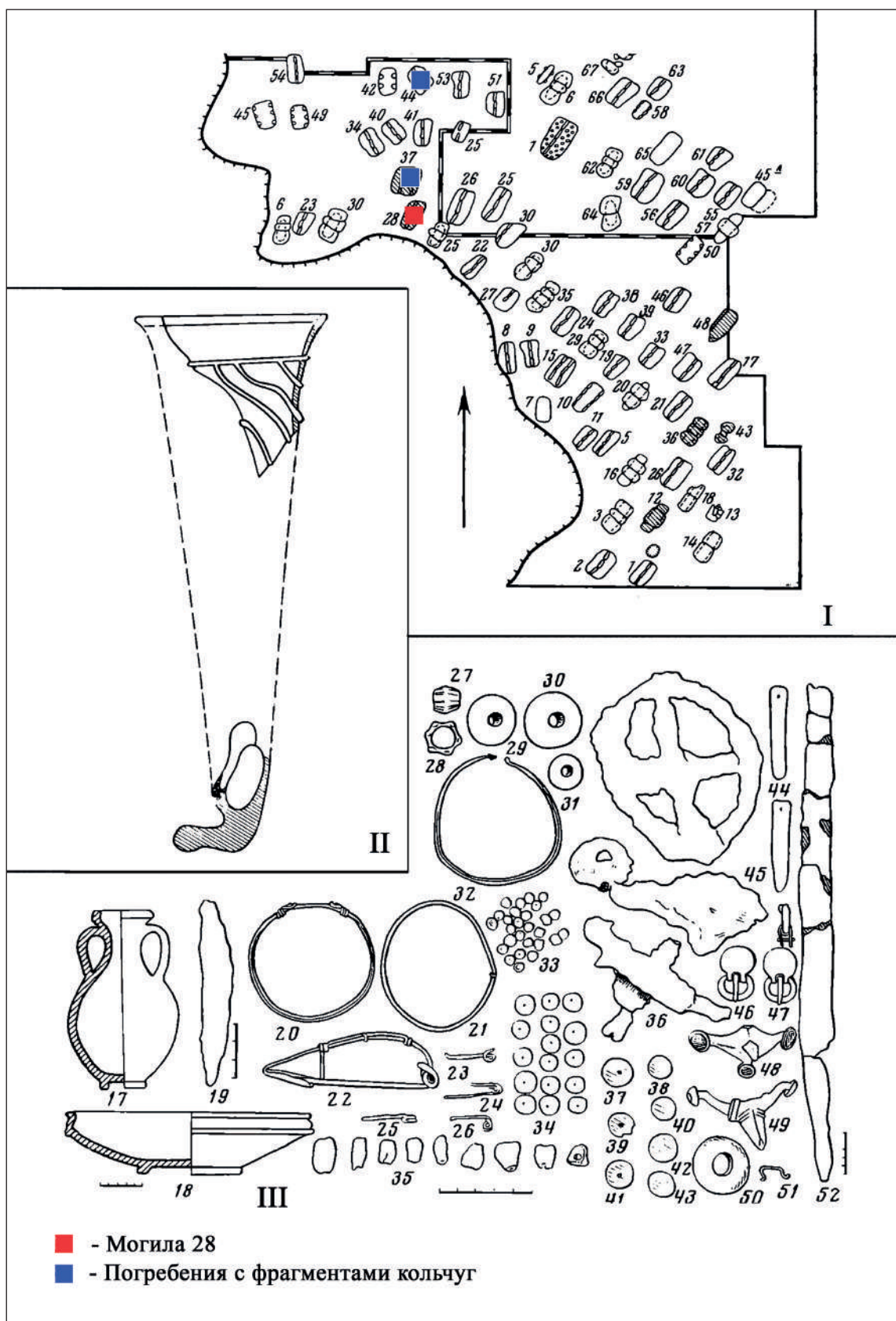

Рис. 1. Могильник Скалистое III.

I – План участка могильника с погребением 28.

II – Стекланный рог для питья из погребения 28.

III – Инвентарь из погребения 28 [по: Богданова, Гущина, Лобода, 1976. Рис. 1; 8,17–52; 11]

Рис. 2. Могильник Скалистое III.
Погребение 28.
Фото погребения [по: Лобода, 1965]

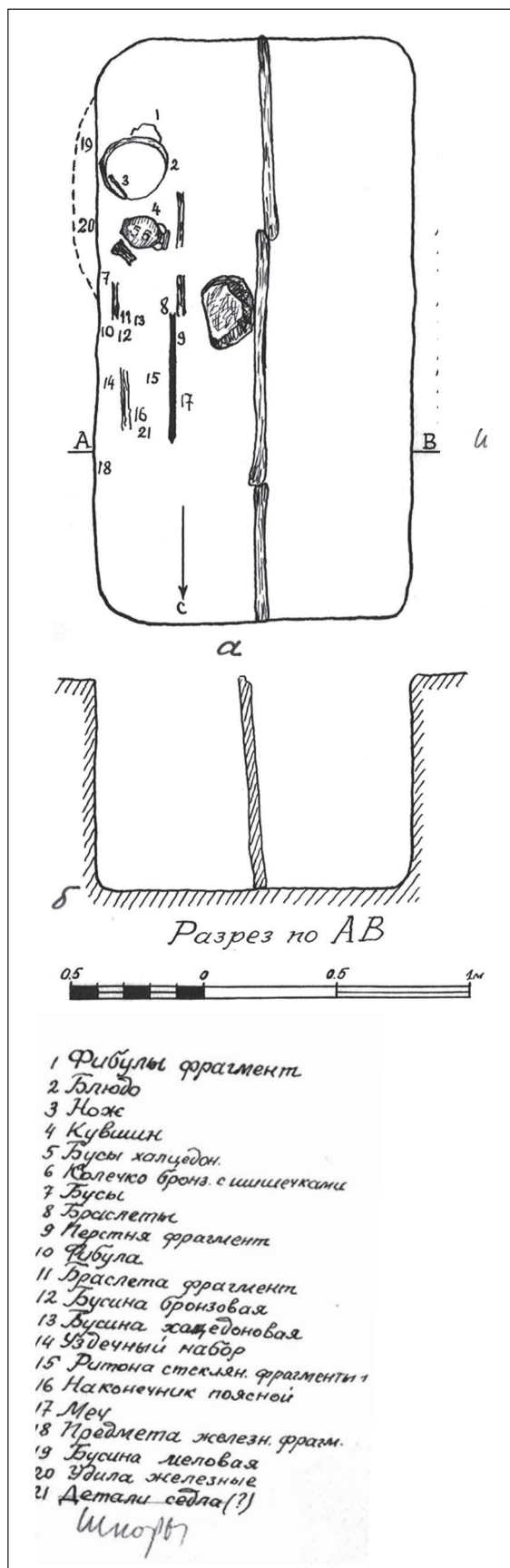

Рис. 3. Могильник Скалистое III.
Погребение 28.
План [по: Лобода, 1965]

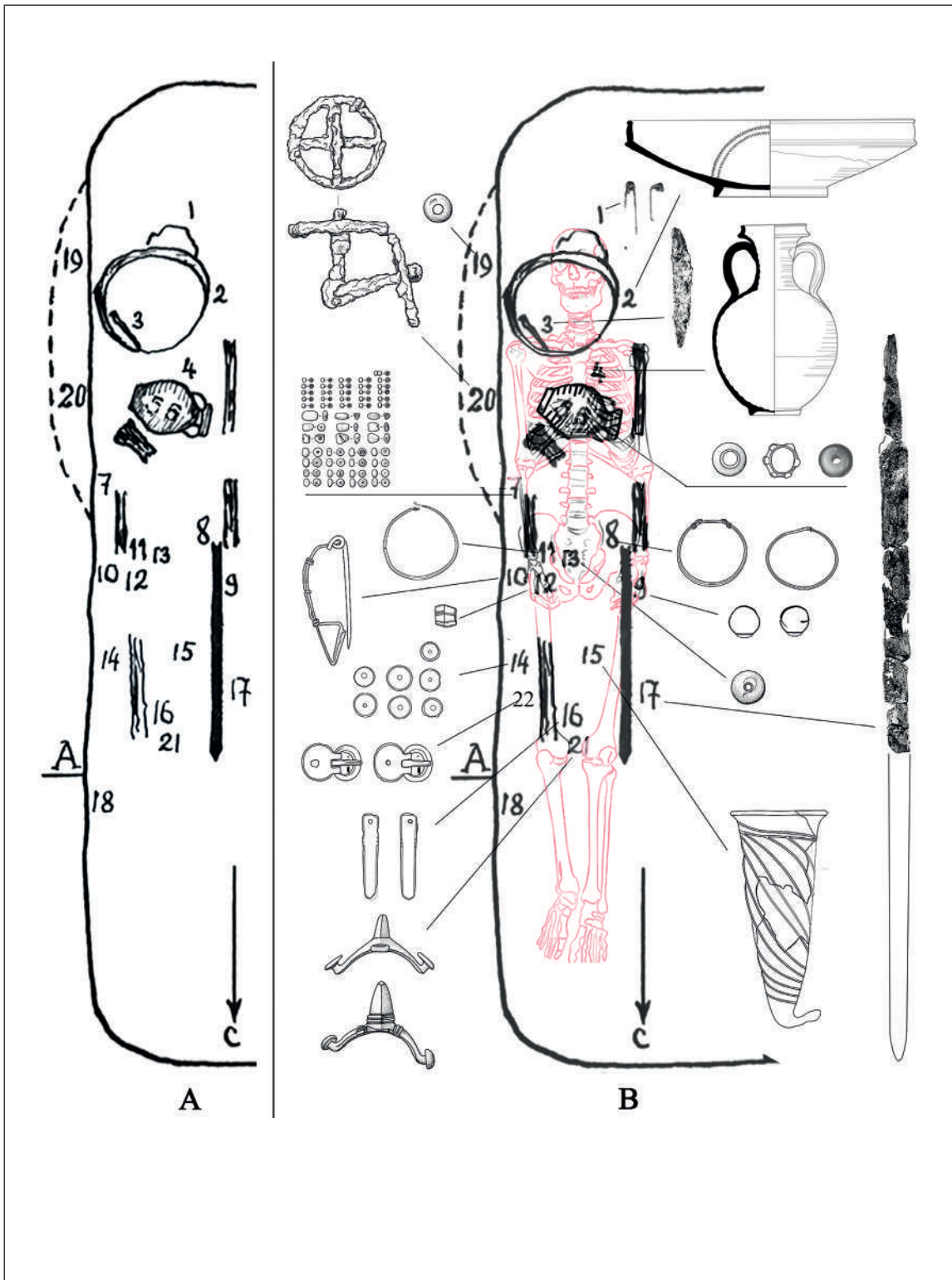

Рис. 4. Могильник Скалистое III. Погребение 28.
 А – План погребения. В – реконструкция погребения

Рис. 5. Могильник Скалистое III. Погребение 28.
Краснолаковые сосуды

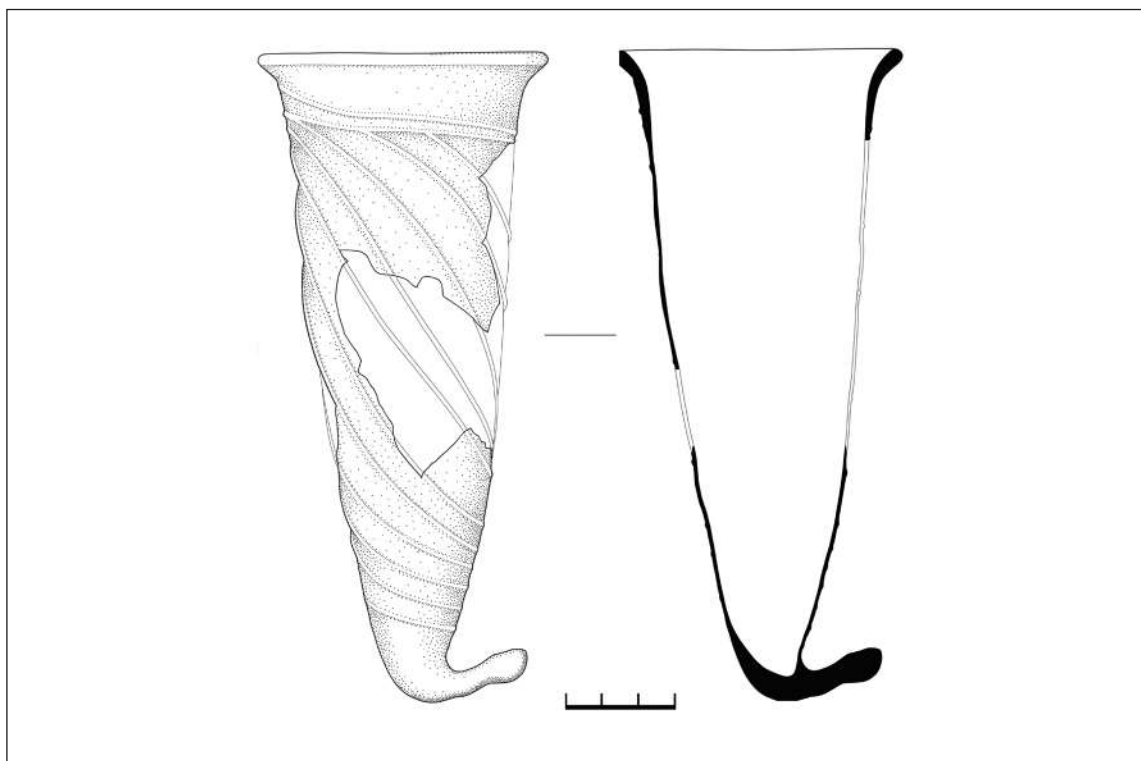

Рис. 6. Могильник Скалистое III. Погребение 28. Стеклоый рог для питья

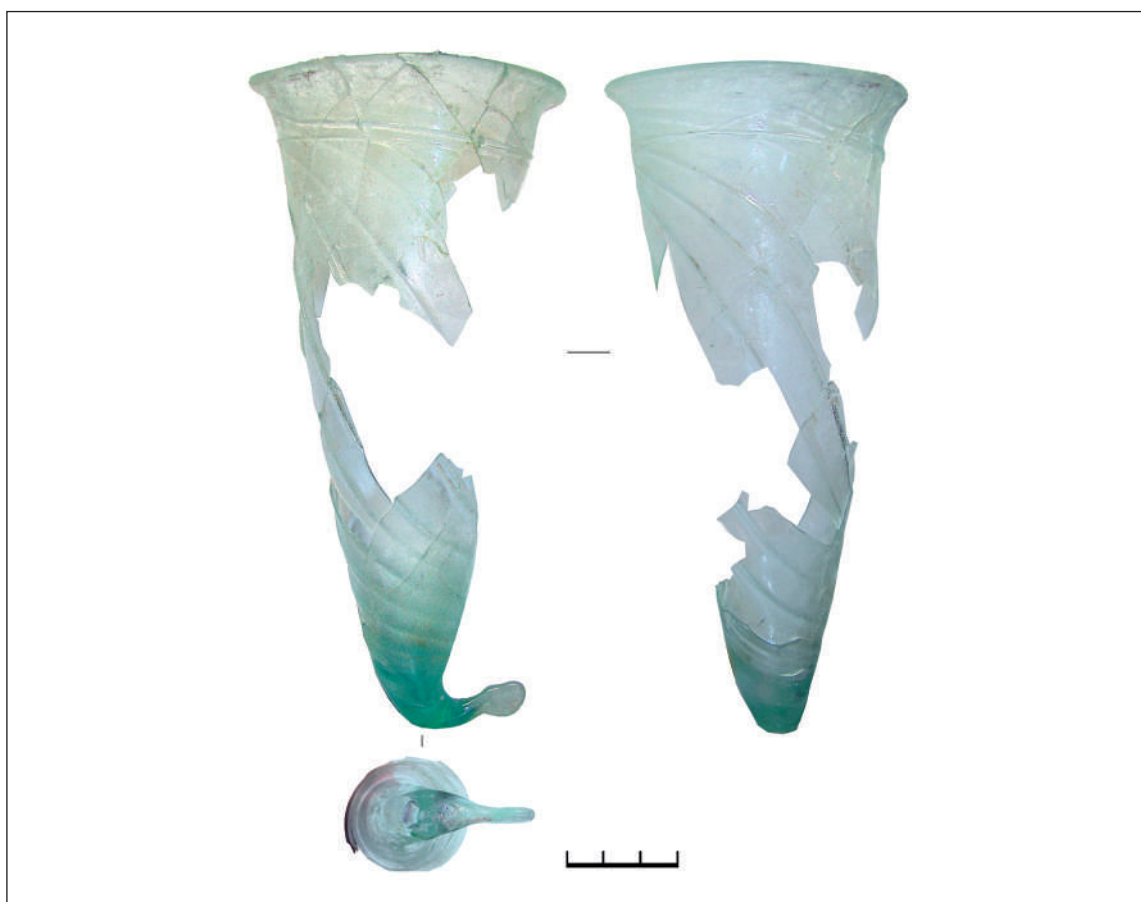

Рис. 7. Могильник Скалистое III. Погребение 28. Стеклоый рог для питья

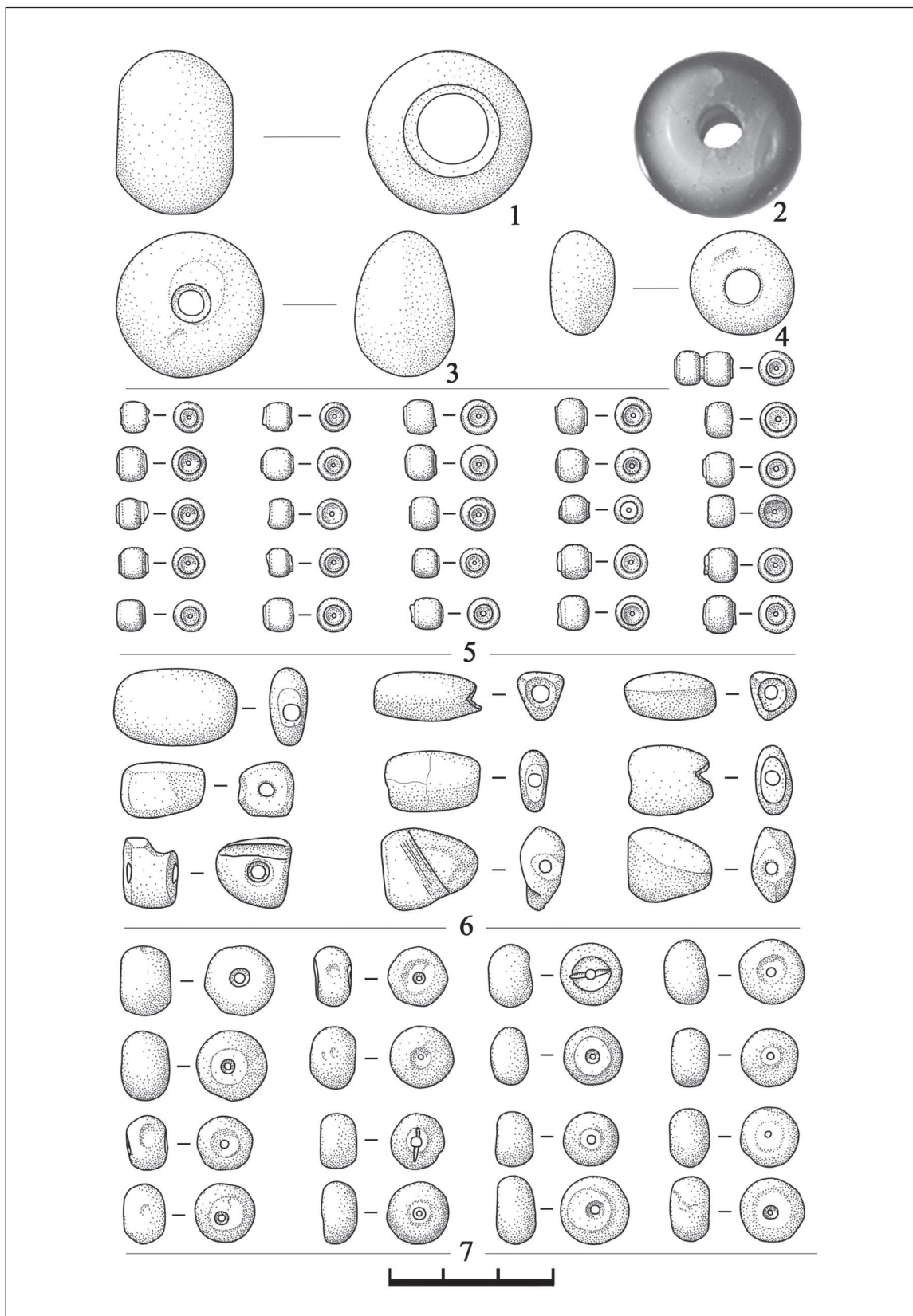

Рис. 8. Могильник Скалистое III. Погребение 28.
 Бусы. 1 – мел; 2–4 – халцедон, 5 – стекло с металлической прокладкой,
 6 – янтарь, 7 – сердолик

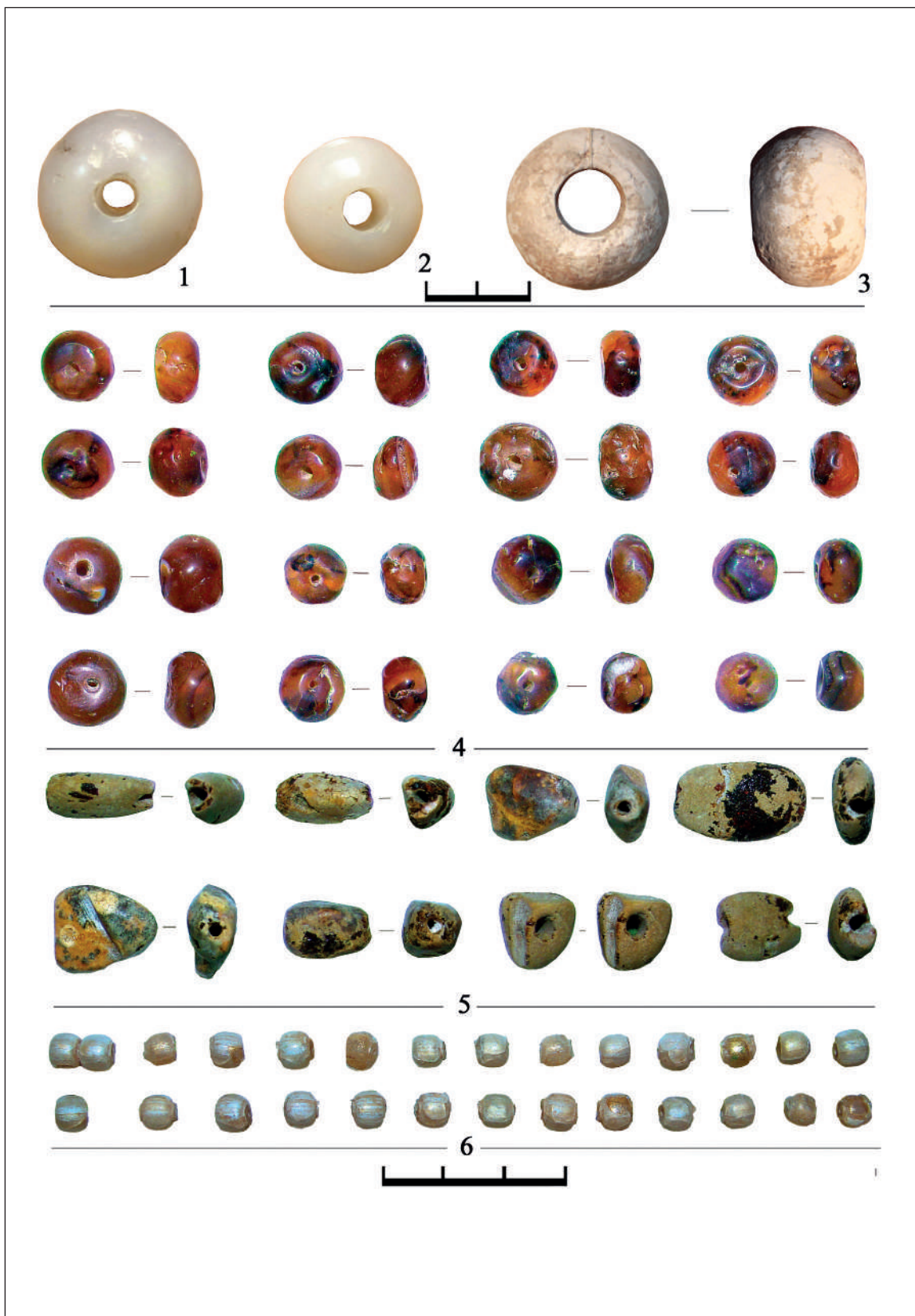

Рис. 9. Могильник Скалистое III. Погребение 28. Бусы.
 1, 2 – халцедон, 3 – мел, 4 – сердолик, 5 – янтарь, 6 – стекло с металлической прокладкой

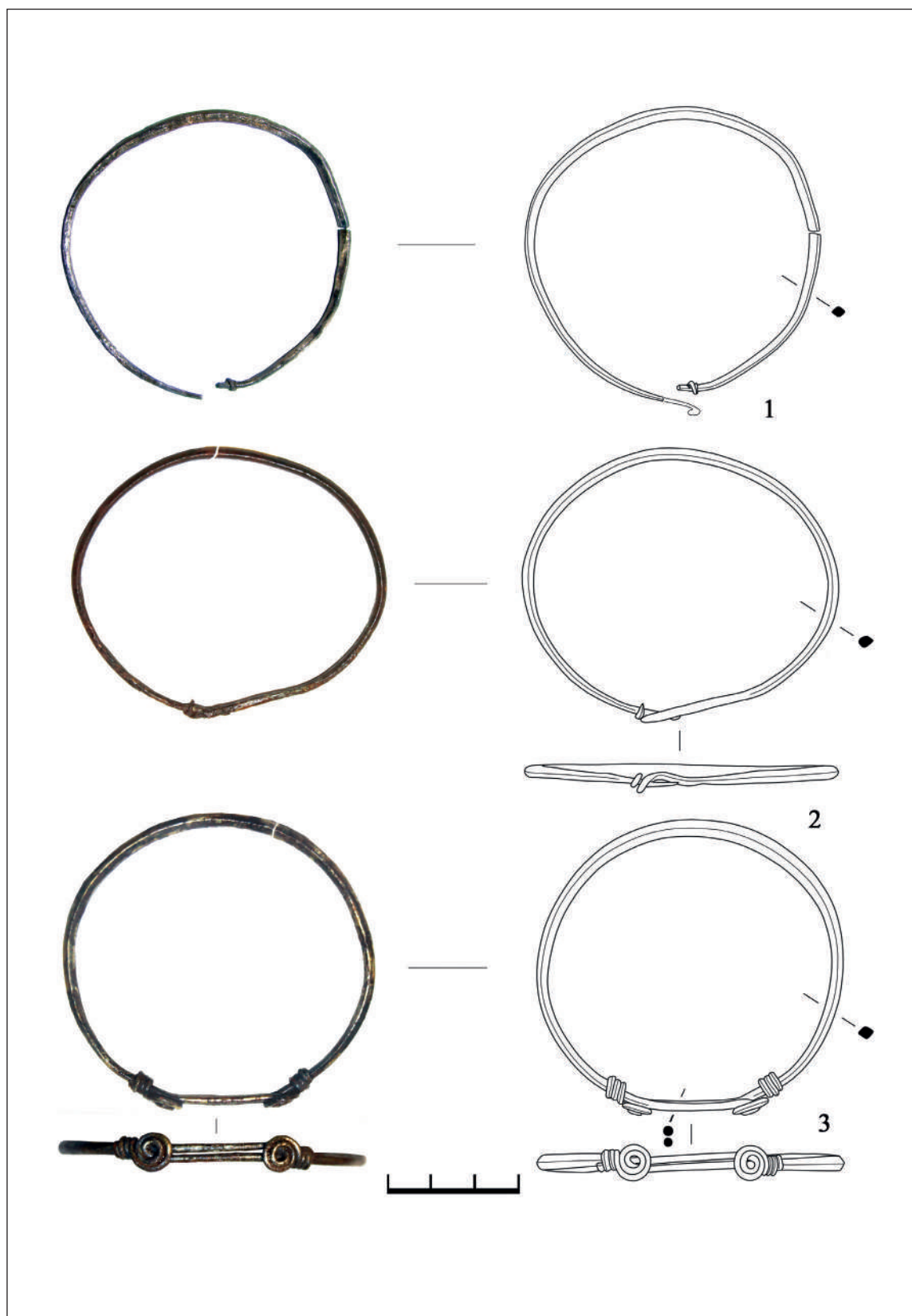

Рис. 10. Могильник Скалистое III. Погребение 28. Браслеты.
1, 2 – бронза, 3 – серебро

Рис. 11. Могильник Скалистое III. Погребение 28.
 Фибула, пряжки, наконечники ремней. 1–5 – бронза

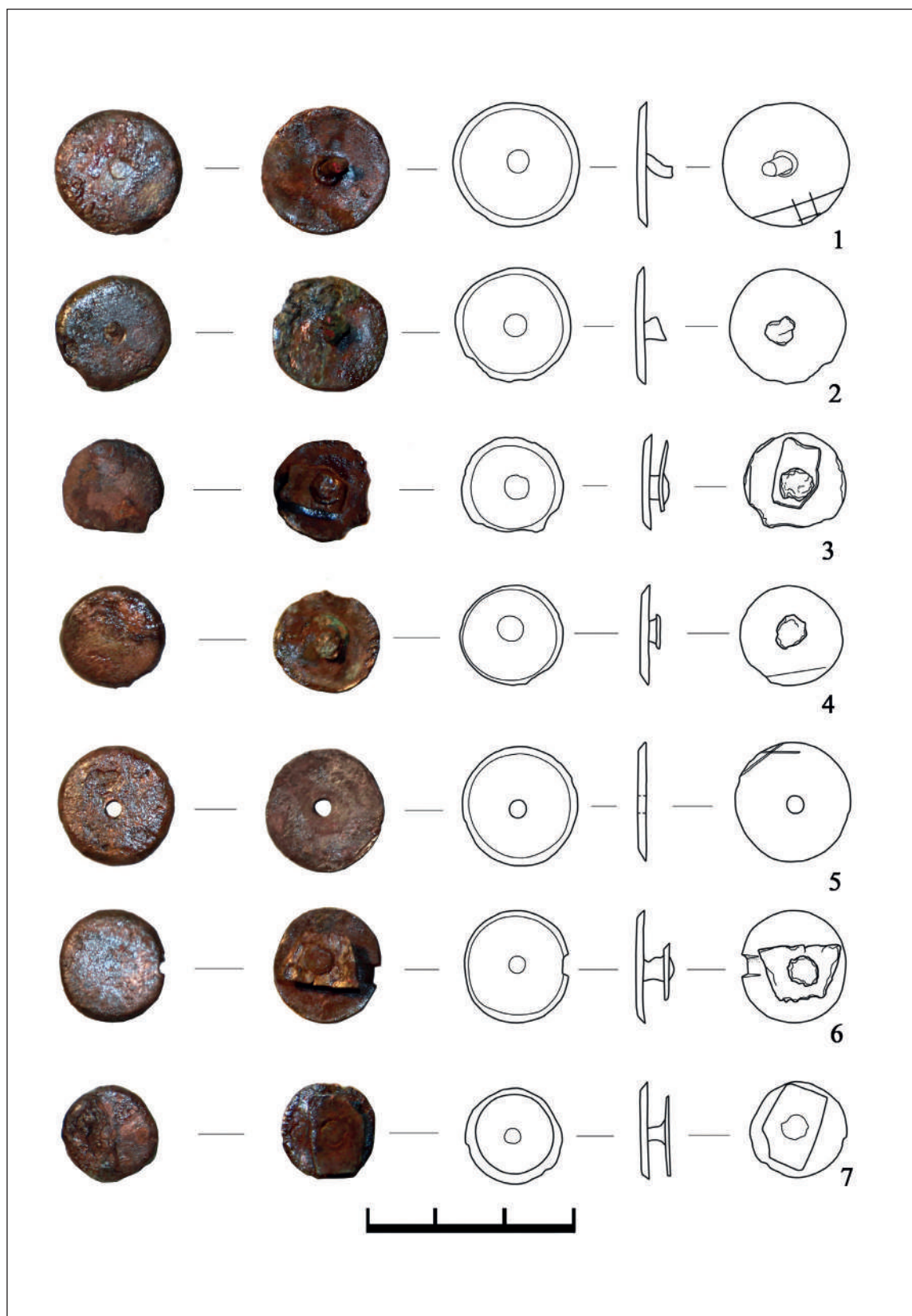

Рис. 12. Могильник Скалистое III. Погребение 28.
Накладки ременные. 1–7 – бронза

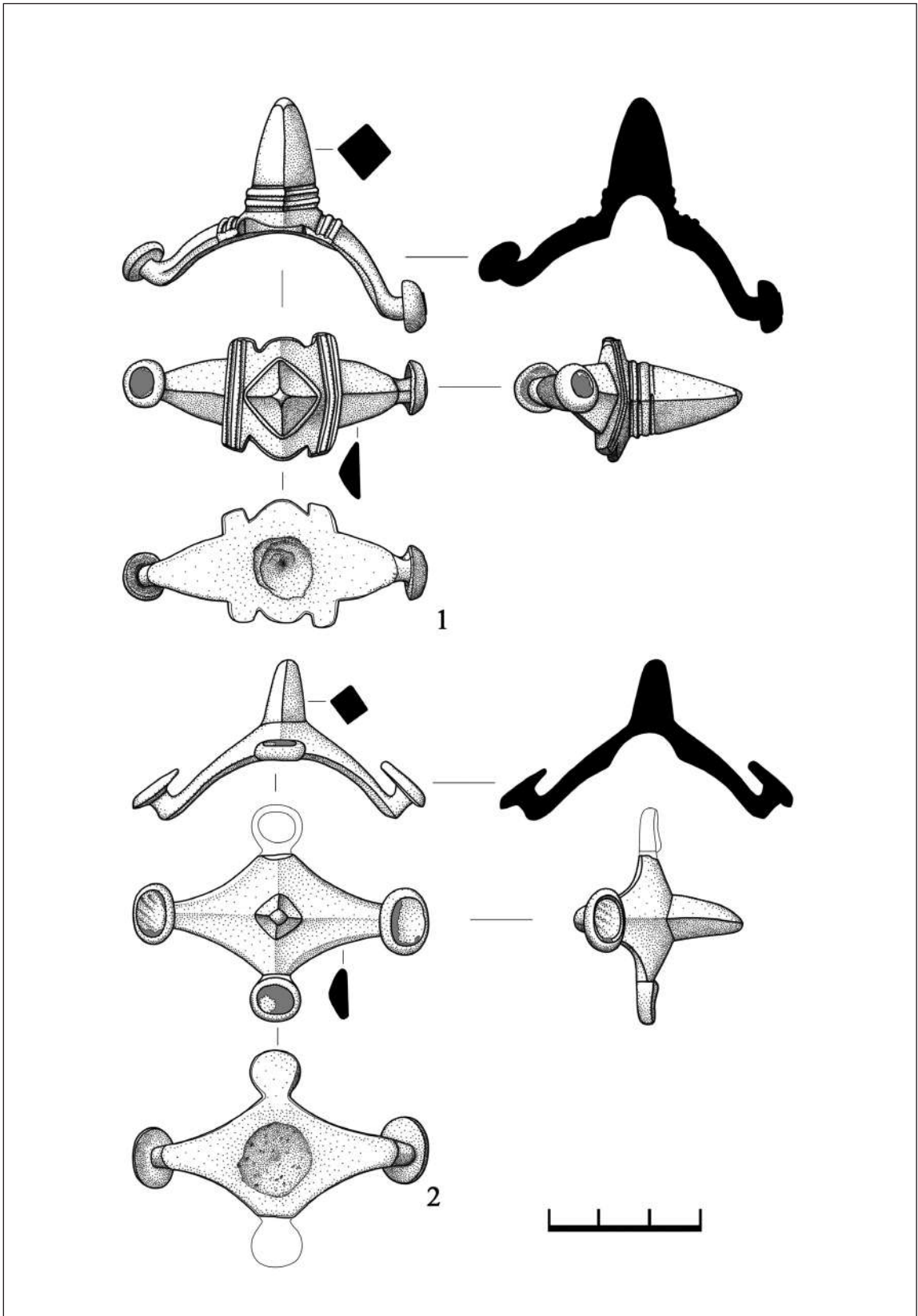

Рис. 13. Могильник Скалистое III. Погребение 28. Шпоры. Бронза, эмаль

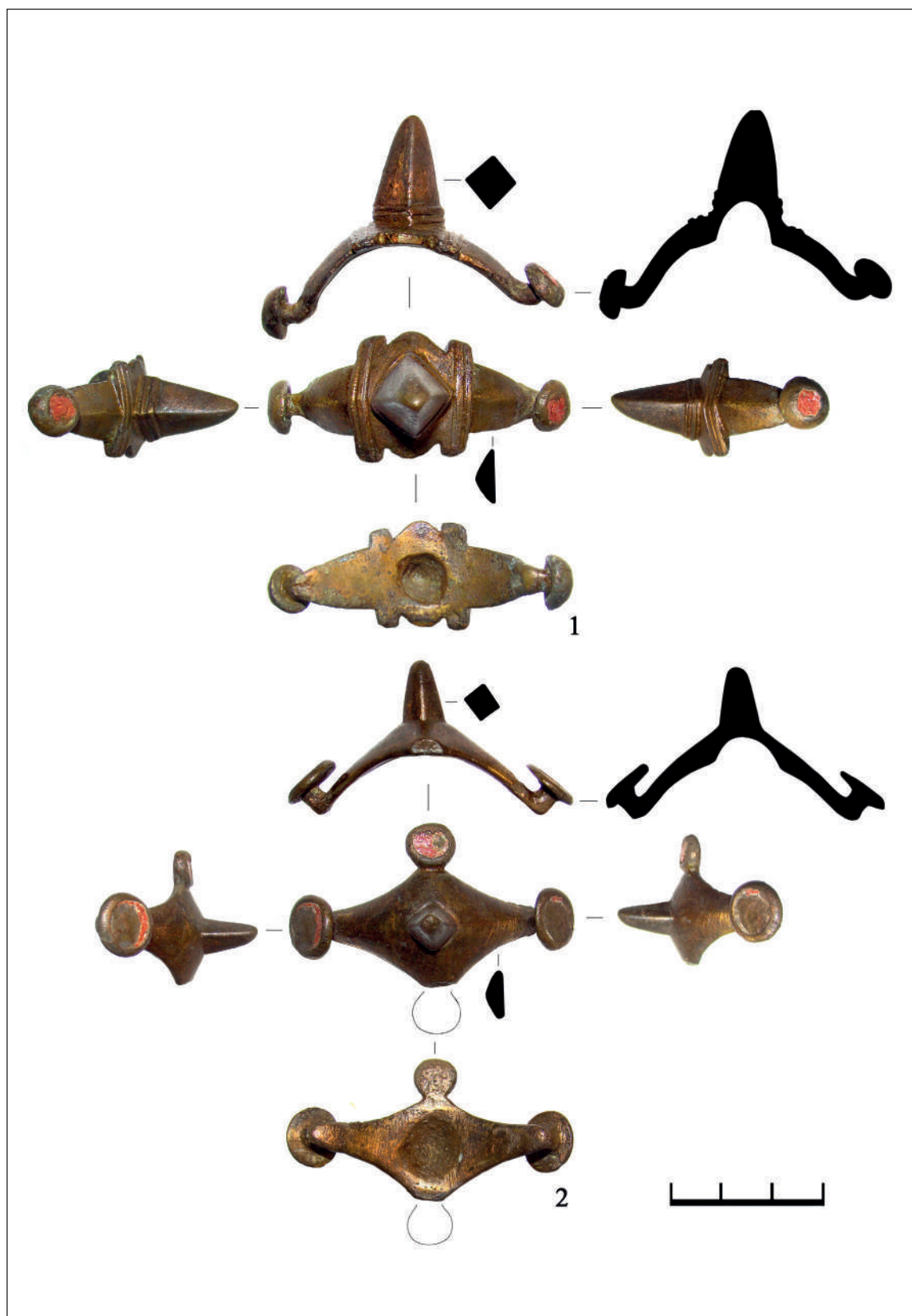

Рис. 14. Могильник Скалистое III. Погребение 28. Шпоры. Бронза, эмаль

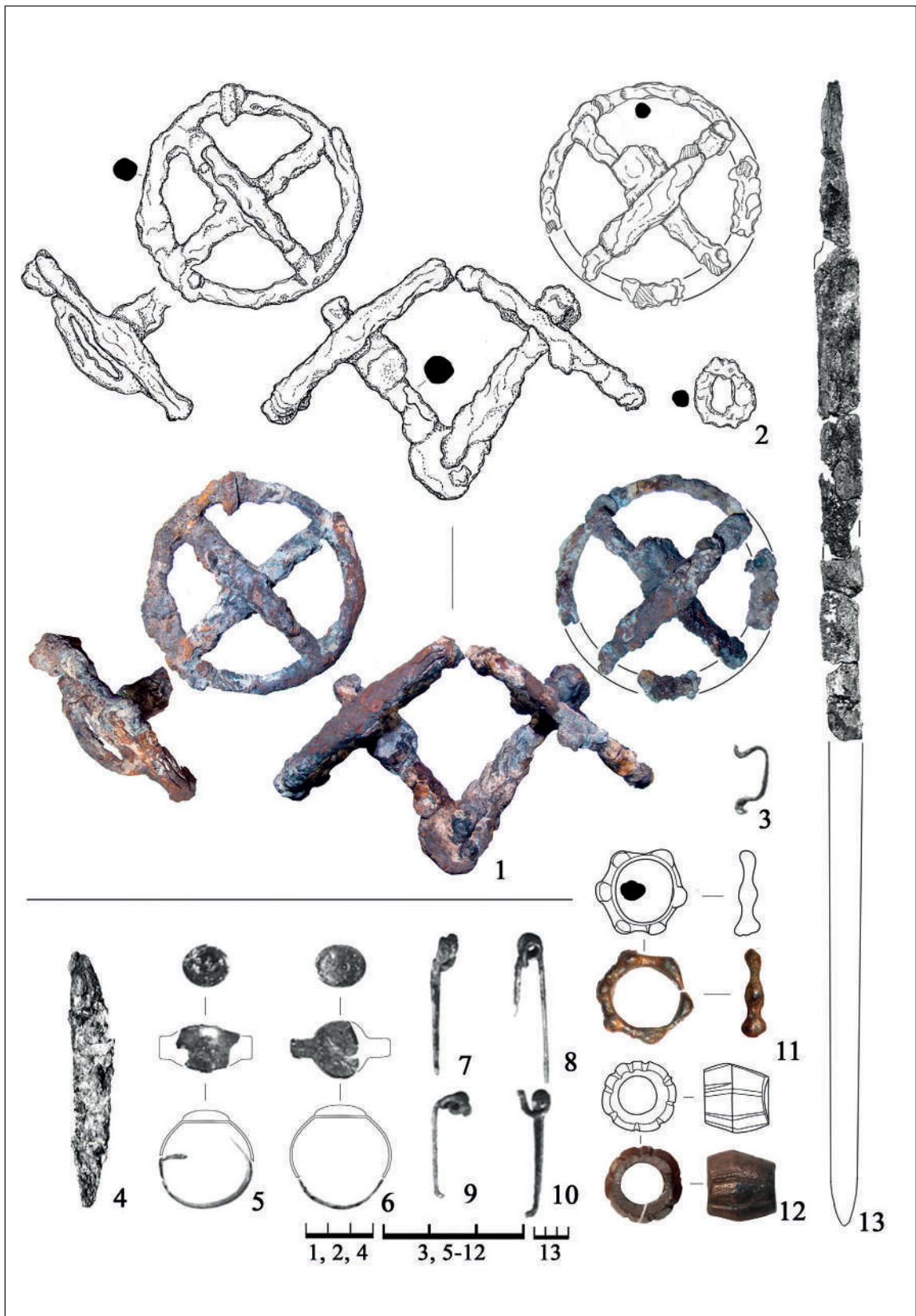

Рис. 15. Могильник Скалистое III. Погребение 28. Инвентарь.
 1, 2, 4, 13 – железо, 5, 6 – серебро, 3, 7–12 – бронза

Рис. 16. Стекланные сосуды.
1 – могильник Брянское, 2 – могильник Скалистое III, погребение 28

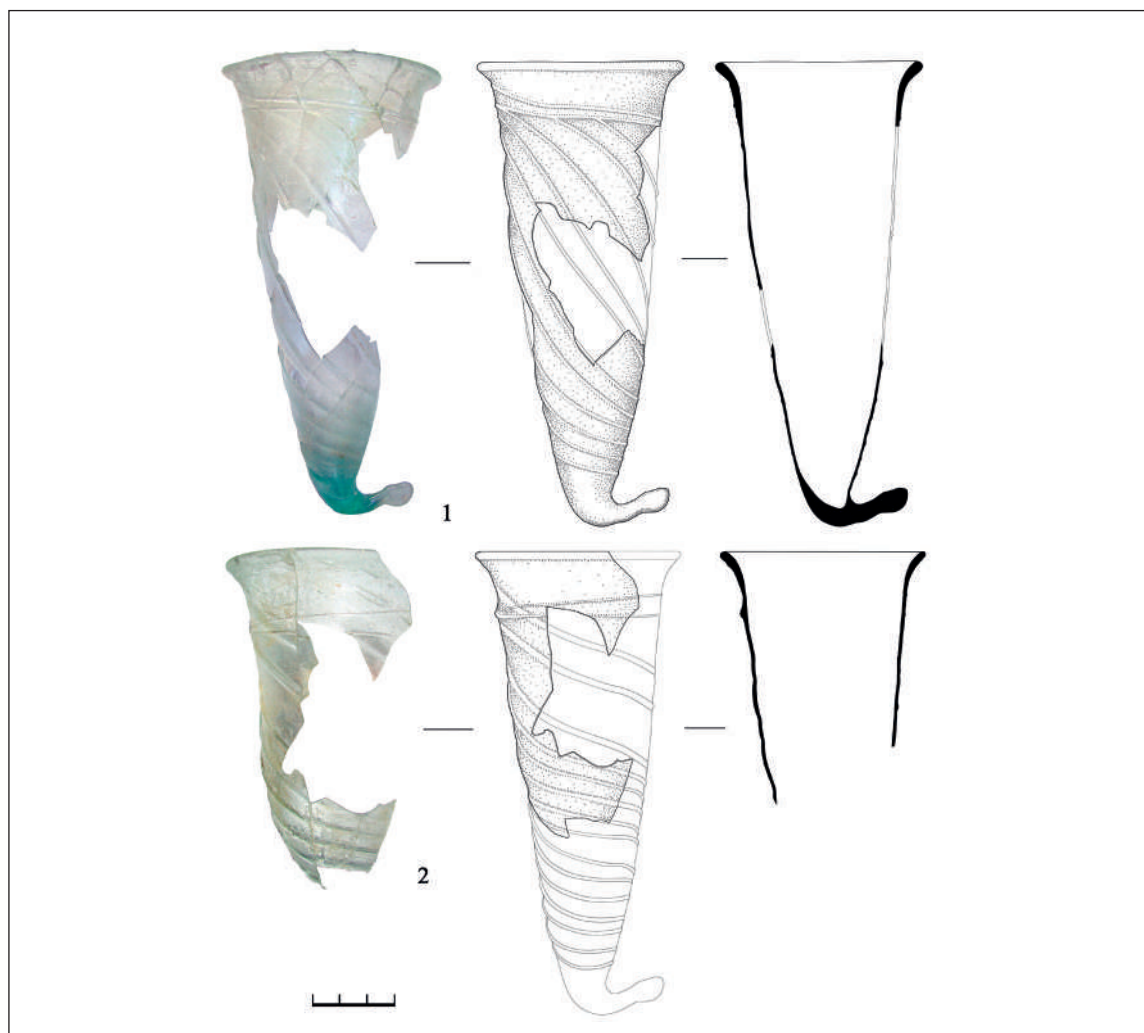

Рис. 17. Стекланные сосуды.
1 – могильник Скалистое III, погребение 28,
2 – могильник Брянское

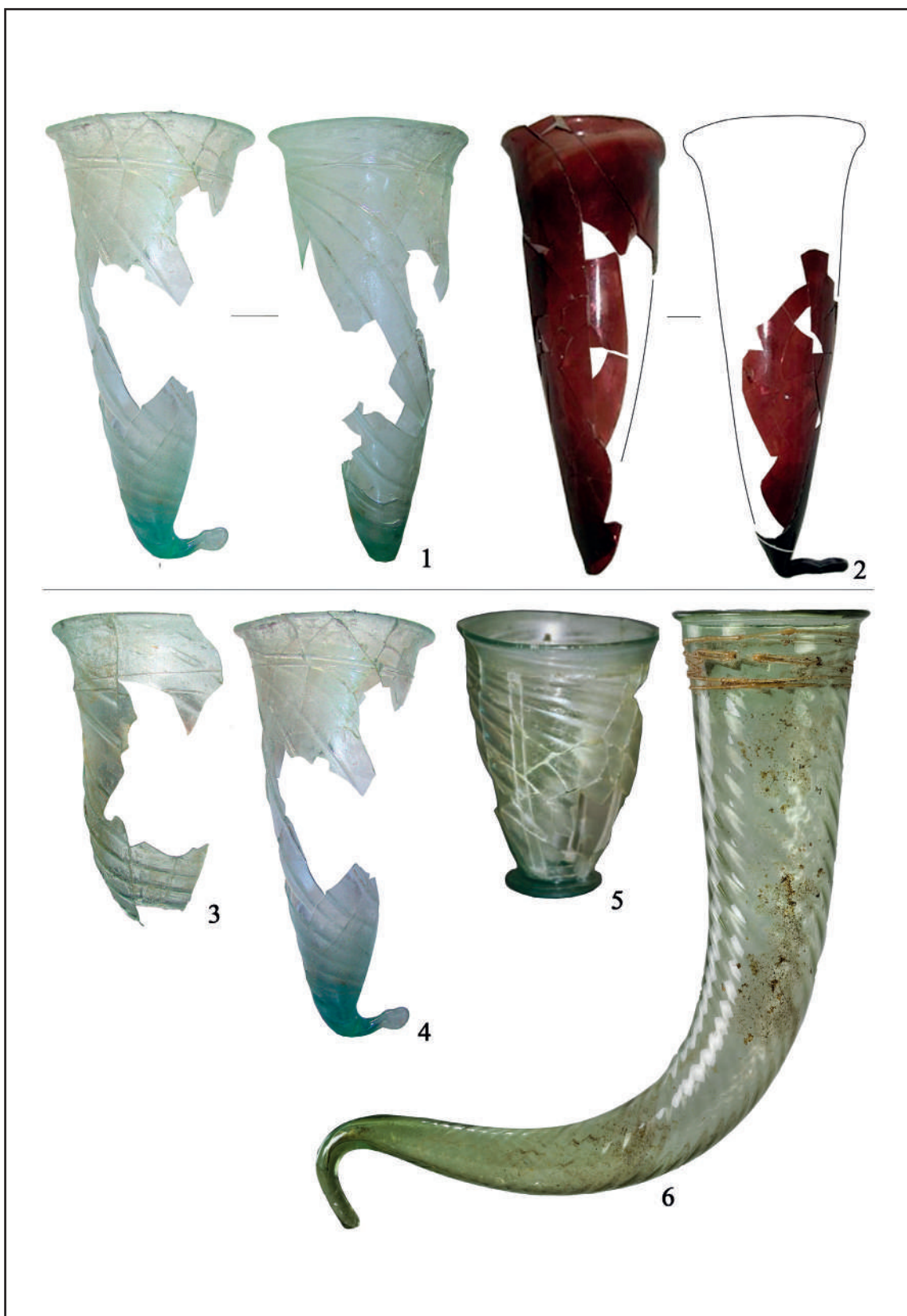

Рис. 18. Стекланные сосуды.

1, 4 – могильник Скалистое III, погребение 28, 2 – Музей стекла в Корнинге,
 3 – могильник Брянское, 5 – могильник Ковалевко,
 6 – могильник Химлингойе, погребение 1878-1

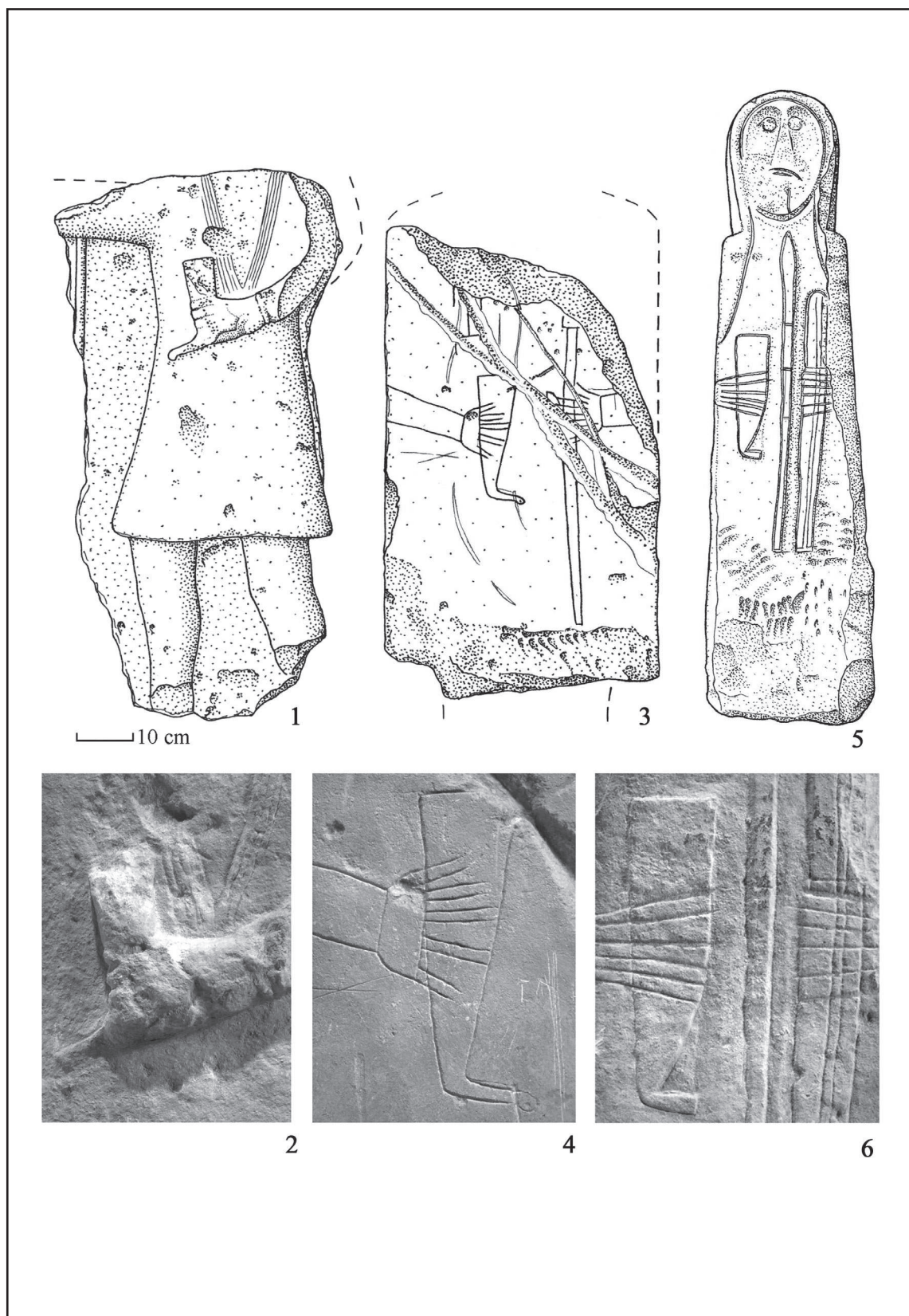

Рис. 19. Стелы из могильника Заветное (Алма-Кермен)

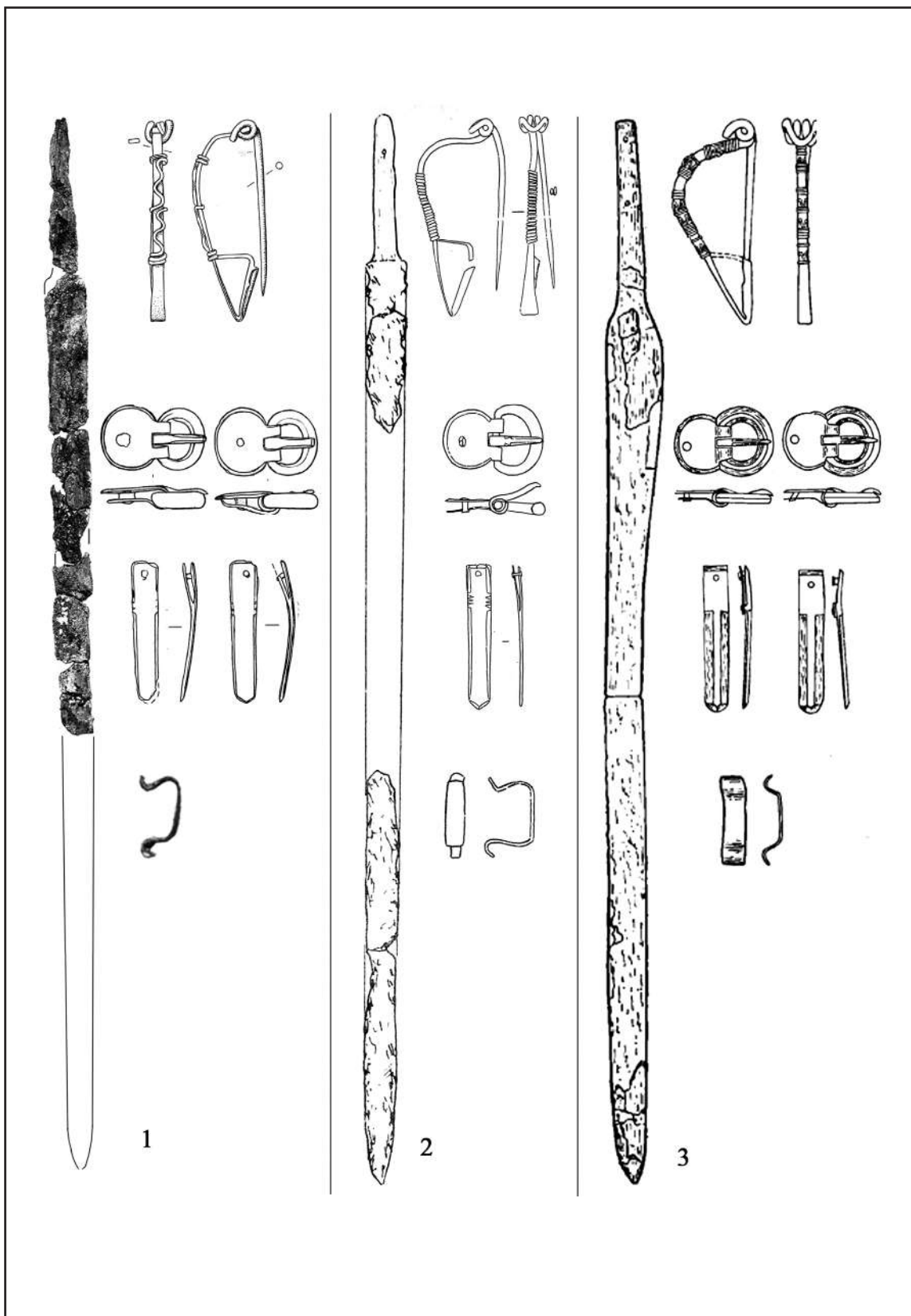

Рис. 20. Мечи, фибулы, детали ременной гарнитуры из погребений.
 1 – могильник Скалистое III, погребение 28; 2 – Ростов-на-Дону, курган 6;
 3 – могильник Центральный VI, курган 16, погребение 8

РИМСКИЕ ЗОЛОТЫЕ СЕРЬГИ *CROTALIA* ИЗ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)¹

Мастыкова А. В.

Институт археологии РАН, г. Москва
E-mail: amastykova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена паре золотых серег типа *crotalia*, с тремя подвесками, найденных в женской могиле 320 некрополя Фронтное 3. Могила, по наличию в ней краснолаковой посуды, датируется концом I – первой половиной II в. На сегодняшний день серьги такого типа обнаружены только в некрополе Фронтное 3 и пока неизвестны на других памятниках Северного Причерноморья. Однако серьги *crotalia* были очень популярны среди женщин римского мира, что подтверждается археологическими материалами, иконографическими данными и письменными источниками. Такие серьги могут иметь две, три подвески, реже – четыре. На основании приведенных в статье аналогий, можно говорить, что золотые серьги с тремя подвесками более всего характерны для первой половины II в., не исключая конца I в.

Ключевые слова: серьги *crotalia*, золото, Юго-Западный Крым, римское время, фаюмский портрет, каменная скульптура Пальмиры.

В данной статье будет рассмотрена пара золотых серег из погребения 320 могильника Фронтное 3 (Нахимовский район города Севастополя, Юго-Западный Крым). Памятник датируется концом I – началом V в. [Гавритухин, Свиридов, Языков, 2020; Gavritukhin et al., 2021].

Этот тип серег античные авторы называют *crotalia* (греч. κροτάλιζειν – грохотать, трещать), так как серьги имеют свисающие подвески с жемчужинами, которые позвякивают друг о друга при движении. Плиний Старший в своем труде «Естественная история», рассказывая о свойствах жемчуга, отмечает его большое использование в украшениях, которые носили римские женщины «Наши женщины весьма гордятся, когда на пальцах у них такие жемчужины, а по две или три свисают с ушей... такие серьги стали называться *crotalia*...» (Плиний, IX. LVI, 114).

Археологический контекст могилы 320.

Подбойная могила с каменным закладом располагалась на окраине северной части могильника и планиграфически соответствует раннему периоду существования кладбища, т.е. концу I – II в. В могиле была захоронена женщина (?), 30–39 лет (кости плохой сохранности)²,

лежавшая головой на восток, вытянута на спине, с разворотом туловища на правую сторону, левое плечо приподнято. Левая рука согнута в локте, кисть руки расположена в области живота, на тазе; правая – вытянута вдоль тела. Обе ноги вытянуты, колени и стопы стянуты, вероятно, были зафиксированы³, сами стопы не сохранились. Череп наклонен к правому плечу, лежит на боку, лицевой частью обращен на север (рис. 1, 1).

За головой покойной, в юго-восточном углу подбоя, стоял широкодонный краснолаковый кувшин (рис. 2, 4), недалеко от него было положено бронзовое зеркало. С левой стороны черепа, практически на нем, находилась разбитая краснолаковая тарелка (рис. 2, 3), в которой лежали плечевая кость взрослой лошади (особь старше 5 лет)⁴ и железный нож.

В районе правой ключевой кости погребенной, частично под ней, обнаружена золотая подвеска в форме лунницы, по центру украшенная круглой вставкой.

Под челюстью и между ключицами выявлены небольшого размера монохромные

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396-П «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

² Антропологическое исследование было проведено Марией Всеволодовной Добровольской и Наталией Геннадиевной Свириной в Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН (г. Москва). Приношу им благодарность за полученную информацию.

³ Благодарю Ирину Константиновну Решетову (Группа физической антропологии ИА РАН, г. Москва), обратившую мое внимание на эту особенность погребального обряда.

⁴ Археозоологический анализ выполнен Екатериной Евстафьевной Антипиной и Евгенией Юрьевной Полянковой в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (г. Москва). Благодарю их за предоставленные мне сведения.

стеклянные бусы. Далее, сохраняя рядность, бусы зафиксированы в большей степени вдоль внутренней стороны правой руки и затем горизонтальной полосой от локтя этой руки до позвоночника (рис. 1, 2). Вполне возможно, что бусами была расшита верхняя часть одежды женщины, но не исключено, что это был воротник из бус в виде ожерелья наподобие, например, воротников-колье, состоящих из бисера, различной формы бус и ракушек (рис. 3), из знаменитого клада I в. нубийской царицы Аманишахето из Мероэ / Meroë (Судан) [Schäfer, 1910. S. 99. Taf. 33; Vela-Rodrigo, 2020. P. 21, 26].

В районе груди покойной зафиксированы пять бус из горного хрусталя округлой уплощенной формы, две из них расположены симметрично – в районе плечевых костей обеих рук; три остальные, вместе с другими более мелкими бусами, лежали в районе грудной клетки (рис. 1, 2). Возможно, это было самостоятельное украшение или же этот комплект бус входил в состав бусинного воротника-ожерелья.

Также у погребенной женщины были и другие украшения. На запястье правой руки находился серебряный браслет, а на пальце этой руки – серебряный перстень с круглой вставкой; на пальцах левой руки – два бронзовых перстня с круглыми вставками.

При снятии костяка были также обнаружены бронзовая смычковая фибула с пластинчатой спинкой под левым плечевым суставом, а под черепом лежала золотая серьга, недалеко от нее, южнее, – вторая, аналогичная ей (рис. 1, 3).

Определяющими для датировки этой могилы являются два керамических сосуда. Краснолаковая тарелка с прямым бортиком, край слегка отогнут, на невысоком кольцевом поддоне (рис. 2, 3), относится к группе «Понтийская сигиллата А», форма 1.3.1 по Д. В. Журавлёву [2010. Табл. 12. С. 132]. Наличие на тарелке клейма *planta pedis* дает возможность датировать ее второй половиной I – началом II в. [Журавлёв, 2010. С. 104]. Е. В. Суханов, на основании проведенного анализа краснолаковых сосудов из могильника Фронтное 3 с использованием многомерной статистики – метода главных компонент, отнес могилу 320 к первой хронологической группе, т.е. наиболее ранней, и датировал ее концом I – первой четвертью II в. [Суханов, 2021. С. 215, 219. Рис. 5,1].

Краснолаковый широкодонный кувшин с высоким туловом полусферической формы и коротким цилиндрическим горлом, имеющий венчик в виде ребра (рис. 2, 4), соответствует форме 18.1 по Д. В. Журавлёву [2010. С. 163, 164. Табл. 50; 51]. По материалам крымского

могильника Бельбек IV кувшины этого типа бытовали длительное время на протяжении всего II в. [Журавлёв 2010. С. 81, 82]. По данным Е. В. Суханова⁵, на могильнике Фронтное 3 кувшины такой формы имеют более узкий диапазон бытования. Они входят в набор посуды, характерный для конца I – первой половины II в., и не известны в более поздних комплексах.

Таким образом, если суммировать эти данные, наиболее вероятная дата могилы 320: конец I – первая половина II в.

Парные золотые серьги из могилы 320, параллели и датировки.

Две серьги из рассматриваемой могилы (рис. 2, 1, 2) имеют длинные проволочные дужки-крючки, соединенные с проволочным кольцом, с выступающим из него концом короткой проволоки. Дужка и кольцо припаяны к горизонтальной гладкой пластине трапециевидной формы с небольшим продольным ребром. К ее оборотной стороне также припаяны три не полностью сомкнутых проволочных колечка-петли, с подвешенными к ним тремя рифлеными стерженьками со слегка загнутыми концами, которые должны были быть украшены бусинами (не сохранились). Вполне возможно, что кольцо с выступающей из него проволокой использовалось для крепления здесь какой-то вставки, ныне утраченной. Размеры: общая высота серег – 4,9 и 4,8 см, их максимальная ширина – 1,8 см, длина стерженьков – 1,6 см. Вес одной серьги 2,33 г, второй – 2,26 г. Серьги выполнены из золотосеребряного сплава (Au-Ag-Cu)⁶, с содержанием золота 88,15–90,21%, серебра 6,8–7,21%, меди 2,9–4,6%; пробность золота обеих серег 890°.

Серьги такого типа в Северном Причерноморье пока не встречены, по крайней мере, мне они неизвестны. Однако шумящие серьги *crotalia* с подвешенными двумя или тремя жемчужинами встречаются на территории Римской империи. По мнению А. д'Амброзио, это был один из самых популярных видов серег среди женщин римского мира между I в. и началом III в. [d'Ambrosio, 2001. P. 53].

Находки серег *crotalia* в Римской империи.

Подобные украшения были зафиксированы в

⁵ Сердечно благодарю Евгения Владимировича Суханова (ИА РАН, г. Москва) за полученные консультации и новые, еще неопубликованные сведения.

⁶ Состав драгоценного металла двух серег исследовался методом безэталоного РФА на портативном РФА-спектрометре 5i Tracer (Bruker) И. А. Сапрыкиной с использованием приборной базы Центра коллективного пользования научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (г. Москва). Благодарю Ирину Анатольевну за предоставленные данные.

италийских городах Помпеи, Геркуланум, Оплон-тис, погибших в 79 г. от извержения Везувия.

В Помпеях пара золотых серег (рис. 4, 1) найдена в доме Фабия Руфуса (*Casa di Fabio Rufo*) и, в отличие от серег из Фронтowego, имеет рифленую пластину, к которой прикреплены проволочная длинная дужка с круглым выпуклым щитком вместо кольца, с оборотной стороны пластины припаяны два рифленых стерженька с жемчугом на концах. Размеры обеих серег: высота – 3,1 см, ширина – 1,4 см [d'Ambrosio, 2001. Cat. 9. P. 52, 53].

В Геркулануме серьги *crotalia*, вместе с двумя золотыми браслетами и кольцами на руке, были найдены на погибшей в загородной зоне женщине 45 лет. Пара золотых серег (рис. 4, 2) состоит из длинного проволочного крючка, который вместе с кольцом со скрещенными в нем концами проволоки прикреплен к горизонтальной толстой гладкой пластине. С оборотной стороны пластины припаяны два кольца с подвешенными двумя гладкими стерженьками с закрученными концами, на которых предположительно должны были крепиться жемчужины. Размеры серег: максимальная высота с подвесками – 4 см; максимальная ширина одной – 1,3 см, второй – 1,4 см; вес соответственно – 3,5 г и 3,3 г [Höricht, 1989. P. 40. N. 28–29. P. 41]⁷.

Еще одна пара серег такого типа (рис. 4, 3) была найдена в загородной зоне Геркуланума среди скелетов погибших людей. Серьги состоят из изогнутого крючка, на котором с лицевой стороны закреплен круглый диск, прикрепленный к горизонтальной трапециевидной пластине, украшенной горизонтальными канавками. К пластине припаяны два кольца, с подвешенными к ним двумя рифлеными стержнями с загнутыми концами и с утраченными, скорее всего, жемчужинами. Размеры обеих серег: максимальная высота – 3,1 см, максимальная ширина – 1,3 см, вес – 1,8 г [Höricht, 1989. P. 40. N. 30–31. P. 41. Tav. II,1].

Подобные серьги (рис. 4, 4) были обнаружены на вилле Луция Крассия Терция в Оплонтисе (*Villa B: di Lucius Crassius Tertius Oplontis*)⁸. Они имеют два гладких стерженька с крупными идеально сферической фор-

мы жемчужинами, прикрепленных к гладкой округлой перекладине. Размеры обеих серег: высота – 3,8 см, ширина – 1,6 см [d'Ambrosio, 2001. Cat. 10. P. 53].

Приведу еще пример такой находки – одна золотая серьга *crotalia* была обнаружена между плитами в помещении общественных терм римской колонии Деултум / *Deultum* (совр. Бургас, Юго-Восточная Болгария)⁹. Серьга (рис. 4, 5) имеет длинную дужку и круглый золотой щиток с разрушенной стеклянной (?) вставкой, которые крепятся к трапециевидной декорированной пластине с тремя петлями. В каждой петле – рифленый стержень с бусиной на конце, вероятно, жемчужной [https://www.nkj.ru/news/39667/].

Согласно приведенным аналогиям можно говорить, что серьги этого типа имеют достаточно стандартные размеры и изготовлены практически одинаково с использованием характерных для этого периода техник и приемов. Различия имеются, например, в оформлении основной детали серег – горизонтальной пластины и кольца-вставки/щитка над ней [см.: Ogden, 1990. Vol. 2. P. 46. Fig. 217, 218].

Фаюмский оазис.

О популярности серег типа *crotalia* свидетельствуют их многочисленные изображения на женских фаюмских¹⁰ погребальных портретах, причем серьги, обязательно с жемчужной вставкой возле дужки/замка, могли иметь от двух, трех и даже четырех жемчужных подвесок.

Золотые серьги с двумя жемчужными подвесками (рис. 5, 1) изображены на портрете молодой женщины с типичной внешностью идеальной александрийской красавицы, с золотой диадемой на голове (античная Филадельфия, некрополь Эр-Рубайят / *Philadelphia, Er-Rubayat*). Портрет отнесен ко времени императоров Нерона и раннего Флавия, около 54–79 гг. [Doxiadis, 1995. P. 27, 190. Cat. 23].

На другом портрете из некрополя Эр-Рубайят (рис. 5, 2), второй четверти II в. (по П. Робертс 100–120 гг.), женщина в правой руке держит сосуд с красной жидкостью и среди многочисленных украшений имеет серьги с тремя жемчужными подвесками [Doxiadis, 1995. P. 28. Cat. 24; Geoffroy-Schneiter, 1998. P. 78; Roberts, 2008. P. 60, 61].

Еще один портрет из некрополя Эр-Рубайят (рис. 5, 3) относится к периоду среднего – позд-

⁷ Искренно благодарна Михаилу Юрьевичу Трейстеру за помощь с литературой.

⁸ В одной из больших комнат этой виллы были обнаружены скелеты 54 человек, укрывшихся здесь от извержения, но, вероятно, задохнувшихся горячим газом и ядовитыми парами первого пирокластического потока. Это было две группы людей. Первая – богатые люди, найденные с драгоценностями и большим количеством монет. Вторая – это, скорее всего, слуги и рабы, не имевшие при себе никаких вещей [The Oplontis Project. Villa B, 2012].

⁹ Римская колония Флавия Пациса Деультенсимум (*Colonia Flavia Pacis Deultensium*) или Деултум была основана в начале 70-х годов I в. и заселена римскими ветеранами из VIII легиона Августа (*Legio VIII Augusta*).

¹⁰ В отечественной историографии эти портреты принято называть «фаюмскими», в зарубежной – «мумийными».

него Антонина, т.е. около 161–192 гг. У женщины, помимо изумрудного кольца и золотой цепочки с медальоном в виде головы Медузы, изображены серьги с тремя жемчужными подвесками [Doxiadis, 1995. P. 31; Geoffroy-Schneiter, 1998. P. 79].

Можно привести примеры из другого некрополя Хавара (Арсиноя / *Arsinoe*, Hawara). Женщина с серьгами *crotalia* с тремя подвесками (рис. 5, 4), изображенная на портрете (последняя четверть I в., около 75–100 гг.), имеет имя Демос / *Demos*. Об этом гласит надпись: «Демос, 24 года, память навеки»¹¹ [Doxiadis, 1995. P. 56, 57, 198. Cat. 40].

Замечательный портрет женщины (рис. 6, 1), известный по прозвищу «The Jewelry Girl», названный так Фл. Питри в 1911 г., тоже из Хавары, относится ко времени позднего Траяна, т.е. к первым десятилетиям II в. (110–117 гг.). Действительно, «Ювелирная девушка» имеет великолепные украшения – диадему на голове, несколько ожерелий, одно из них с овальным изумрудом в центре и золотые серьги с тремя жемчужными подвесками [Doxiadis, 1995. P. 78, 79, 206. Cat. 72].

На другом женском портрете из Хавары (рис. 6, 2) изображен элегантный комплект украшений – жемчужное ожерелье и серьги *crotalia* с тремя подвесками. Портрет относится ко времени императора Адриана, около 117–138 гг. [Doxiadis, 1995. P. 74, 203, 204. Cat. 63].

Выразителен портрет женщины из Антиноополиса (*Antinoopolis*), у которой серьги *crotalia* имеют две подвески с жемчугом (рис. 6, 3). Портрет датируется серединой II в. [Geoffroy-Schneiter, 1998. P. 79; *L'Orient romain et Byzantin au Louvre*, 2012. P. 46].

Женский портрет, известный как «Зенобия / *Zenobia*»¹², времени раннего правления императора Антонина – около 138–161 гг., прованс неизвестен. У «Зенобии» – серьги *crotalia* с тремя жемчужными подвесками [Doxiadis, 1995. P. 9; Geoffroy-Schneiter, 1998. P. 78].

Стоит обратить внимание еще на один великолепный женский портрет¹³, имеющий подпись, которую идентифицировали как имя изображенной дамы – Исидора / *Isidora* (рис. 6, 4). По мнению Д. Л. Томпсона, это изображение показывает, как выглядел классический ранний фаюмский портрет. На ос-

¹¹ По Д. Л. Томпсону, Демос было 34 года [см.: Thompson, 1982. С. 20. Fig. 34].

¹² Портрет получил это имя в 1829 г. от египтолога И. Росселлини (*Ippolito Rosellini*), который увидел большое сходство женщины с портрета со своей женой Зенобией.

¹³ Чаще всего указывается, что его происхождение неизвестно, но иногда оно дается предположительно.

новании прически исследователь датирует его концом I – началом II в., когда такой тип прически был особенно популярен. Исидора имеет много украшений, по выражению Д. Л. Томпсона «orgia золота и изумрудов», и среди них – серьги *crotalia*, но с четырьмя (!) жемчужными подвесками [Thompson, 1982. P. 32, 33. Fig. F]. Е. Доксиадис отнесла этот портрет ко времени позднего Адриана – раннего Антонина, т.е. около 130–161 гг. [Doxiadis, 1995. P. 164, 165. Cat. 102]. Дата, предложенная Д. Л. Томпсоном, представляется более вероятной, согласно хронологической таблице типичных причесок, встречавшихся в восточных провинциях Римской империи с I–III вв. [Borg, 1995. P. 229–235].

В коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина хранятся два женских фаюмских портрета¹⁴, на которых среди прочих украшений изображены серьги *crotalia*. Один портрет женщины средних лет с такими серьгами отнесен к началу II в. [Стрелков, 1936. С. 108, 109. Табл. XIV]. Второй – портрет молодой женщины, держащей в правой руке сосуд – А. Стрелков датировал первой половиной II в.¹⁵ [Стрелков, 1936. С. 109, 110. Табл. VI].

Я привела такое количество примеров женских фаюмских портретов с рассматриваемым типом серег, чтобы продемонстрировать их широкое бытование в Римском Египте со второй половины I в. и в течение всего II в. Отмечу, что изображения серег *crotalia* на женских портретах иногда встречается и в начале III в. [см. например: Doxiadis, 1995. P. 119, 215. Cat. 91, 94].

Пальмира.

Считается, что каменные поясные надгробия появляются в Пальмире (Сирия) только в начале II в. и они становятся практически основной формой надгробной скульптуры [Саверкина, 1965]. Женские надгробные скульптуры этого времени представляют собой поясные портретные изображения с хорошо проработанными различными украшениями, среди которых имеются и серьги *crotalia*. На многих портретах вырезалась надпись с именем, а иногда дата смерти покойного. Известный исследователь Пальмиры Х. Ингхольт на основе таких датированных надгробий, а также с учетом причесок, одежды, украшений и поз изображенных, выделил три хронологические группы. Первая группа относится к

¹⁴ Покупка В. С. Голенищева, происхождение неизвестно [Васильева, 2019].

¹⁵ В. Павлов, на основании схематизма и плоскостности изображения в темперной технике, относит этот портрет к III в. [Павлов, 1965. С. 13, 14, 65. Табл. XXIII].

50–150 гг., вторая группа – 150–200 гг., третья группа – от 200 г. до 273 г., когда император Аврелиан принудил Пальмиру сдаться и она стала провинцией Римской Империи. Более всего интересна вторая группа, поскольку, как отмечал Х. Ингхольт, именно для этого периода, 150–200 гг., характерно появление изображений серег *crotalia* на женских портретах [Ingholt, 1928. P. 95–120].

По мнению Ж. Денцер-Фейди и Х. Тейксидора, специалистов по пальмирским каменным надгробиям, серьги *crotalia* являются римским изобретением в I в. и в Пальмире они появляются во II в. Исследователи, так же как и Х. Ингхольт, отмечают, что начиная со 150 г. именно этот тип серег становится наиболее популярным [Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. P. 73].

Бюсты женщин, датированные первой половиной – серединой II в., изображены в туниках и плащах, которые удерживаются на левом плече трапециевидной фибулой, с тюрбаном на голове и накинутой на него длинной вуалью. Они имеют достаточно стандартный набор украшений – браслеты на обеих руках, несколько колец с подвесками, серьги *crotalia* с тремя подвесками и т.д. Для этого периода характерна поза, когда женщина в знак скорби указательным и средним пальцами обязательно правой руки касается своей щеки или правой рукой придерживает край вуали, или кладет, опять же правую руку на грудь. Этот жест – использование именно правой руки в женской позе, так же как и серьги *crotalia*, являются, среди прочих, индикаторами второй хронологической группы по Х. Ингхольту. В следующем периоде происходит изменение позы – женщина теперь уже левой рукой касается лица или края накидки на голове, а на смену серьгам *crotalia* появляются серьги в виде гантелей [Ingholt, 1928. P. 95–131].

Можно привести несколько примеров. Женский скульптурный портрет (рис. 7, 1), первой половины II в., с серьгами *crotalia* с тремя подвесками. На надгробии имеется надпись: «*Habibat*, дочь *Malikū*. Увы!» [Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. P. 166. Cat. 169].

Другой бюст женщины, подписанный «*Attai*, дочь *Atēnatan*. Увы! [Вот что] сделал для него его брат *Yarḥai*». Надгробие датируется первой половиной II в., серьги с тремя подвесками [Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. P. 169. Cat. 172].

Еще один скульптурный женский портрет «Дочь *Moqîmū*», с серьгами *crotalia* с тремя подвесками (рис. 7, 2). Надгробие датировано первой половиной II в. [Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. P. 220. Cat. 216].

Необычный портрет женщины с легкой полуулыбкой на лице и с серьгами с двумя подвесками (рис. 7, 3), датируется серединой II в. Надпись гласит: «*Bat'oga* дочь *Hairā* (сына) *Bêlšūr*. Увы!» [Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. P. 222, 223. Cat. 218].

Но есть и исключения, так на портрете женщина (рис. 7, 4), с серьгами с двумя подвесками, по-прежнему правой рукой придерживает край вуали, но датируется эта скульптура, согласно другим хронологическим признакам (о признаках см. выше), второй половиной II в. [Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. P. 234. Cat. 227].

Складывается впечатление, что в Пальмире для первой половины II в. более характерны серьги *crotalia* с тремя подвесками, а в середине и во второй половине этого столетия предпочтение отдается серьгам с двумя подвесками. Конечно, это наблюдение, сделанное только по коллекции музея Лувра, требует проверки и по другим музейным собраниям пальмирской надгробной скульптуры.

Заключение. Собранные аналогии демонстрируют, что серьги *crotalia* были очень популярны среди женщин римского мира, что подтверждается и иконографическими данными, и письменными источниками. Эти украшения не обошли своим вниманием такие серьезные римские авторы как Плиний Старший и Сенека, которые были очевидцами¹⁶ необычайной популярности этих серег у модниц, дороговизна этих украшений и расточительство женщин вызывало их возмущение. Плиний отмечал «Женщины ради тщеславия подвешивают такие жемчужины к ... ушам, по две или по три штуки к каждому, и для этих предметов роскоши подбираются иноземные наименования, выискиваемые теми, кто изощряется в мотовстве, ведь подобное украшение называется «*crotalia*», как будто можно получать удовольствие от треска, издаваемого бьющимися друг о друга жемчужинами; иметь жемчуг стремятся даже бедняки, которые утверждают, будто жемчуг – это телохранитель женщин на улицах и площадях» (Плиний, IX. LVI, 114).

Сенека, в свою очередь, жалея мужей, которым приходилось стонать «под игом женской расточительности», по крайней мере, так можно заключить из его слов, писал: «...не по одной жемчужине носят наши жены в каждом ухе: уши их приучены уже к перенесению бремени, они соединяют теперь по две жемчужины и сверх их кладут еще жемчужины. Женскому безумию, если не повесить в каждое ухо по два и по три наследства, недостаточно кажется покорность мужей» (Senec. benef. VII, 9, 4; цит. по: Тихонович, 1857. С. 248).

¹⁶ Сенека умер в 65 г., а Плиний в 79 г.

Действительно, мода на эти серьги коснулась женщин всех сословий. «Люди не богатые, конечно, не могли употреблять для подвесок дорогих перлов, оправленных в золото, и потому, увлекаясь всеобщую модою, избирали для того металлические шарики, либо камешки» [Тихонович, 1857. С. 248].

Судя по рассмотренной выборке аналогий, материалы погибших италийских городов свидетельствуют, что во второй половине I в. в основном бытовали серьги с двумя подвесками. Фаюмские портреты демонстрируют, что для всего II в. более популярны были серьги с тремя подвесками. По надгробным пальмирским портретам можно сделать вывод, что серьги с тремя подвесками чаще всего показательны для первой половины II в., а серьги с двумя подвесками – для второй половины II в. В целом, серьги *crotalia* существовали со второй половины I в. и до начала III в. При этом, серьги именно с тремя подвесками более всего характерны для первой половины II в., не исключая конца I в.

Вернемся к могиле 320 некрополя Фронтное 3. Как говорилось выше, по наличию краснолаковой посуды могила отнесена к концу I – первой половине II в. Время существования серег *crotalia*, уставленное по собранным параллелям, не противоречит и практически совпадает с датой, полученной по керамике.

Конечно, удивляет отсутствие серег такого типа в Северном Причерноморье. На сегодняшний день серьги *crotalia* здесь обнаружены только на одном могильнике Фронтное 3, расположенного недалеко от Севастополя (Юго-Западный Крым). Обращу внимание, что другие типы популярных римских серег встречаются и в Северном Причерноморье, например, витые серьги с окончаниями в виде львиных головок, витые серьги-кольца или серьги с крупными выпуклыми щитками и т.д. [см.: Журавлёв и др., 2017. Табл. 16,43; 20,61; 36,104–108; Трейстер, 2015. Рис. 20; 21,10; ср.: Lungu, Covacef, Chera, 2012. Pl. IX,6–8; XII; XIII].

Возникает вопрос и о месте производства этих серег – в каких мастерских они могли быть изготовлены. Выше уже было сказано, что обе серьги выполнены из золотосеребряного сплава (Au-Ag-Cu), пробность золота которого составляет 890°. Практически все изделия ранней хронологической группы Фронтное 3 (конец I – первая половина II в.), к которой относится и могила 320, выполнены из золота 880–930° и, по наблюдениям И. А. Сапрыкиной и Л. А. Пельгуновой, найденные золотые украшения, в основном, носились при жизни (за исключением, прежде всего, погребальных венков). Пробность золотых изделий

из Фронтного сопоставима с пробами золота 800–970° римских украшений I–III вв. [Сапрыкина, Пельгунова, 2021. С. 289–290]. Золото римских украшений, как и серег из Фронтного, характеризуется также низким содержанием меди, что помогало избегать ухудшения блеска золота [Ogden, 1993. P. 45; цит. по: Сапрыкина, Пельгунова, 2021. С. 291]. Исследователи отмечают, что украшения из Херсонеса и его округа, в которую входит и могильник Фронтное 3, изготавливались из золота более высокой пробы, чем, например, изделия Фанагории I–III вв., выполненные из золота 650–880° [Зайков и др., 2015. С. 279–292; Сапрыкина, Пельгунова, 2015. С. 317, 318; 2021. С. 291]. В то же время не исключено, что золотые украшения из Фронтного могли изготавливаться в боспорских мастерских [Сапрыкина, Пельгунова, 2021. С. 295]. По мнению И. А. Сапрыкиной, пробность золота римского периода иногда довольно значительно варьируется в зависимости от места изготовления изделия. Если сравнивать с последними результатами исследования состава золотых украшений римского времени, происходящих с разных регионов Анатолии и из Археологического музея Diyarbakir (Диярбакыр, Турция), то можно отметить имеющееся некоторое сходство по основным компонентам сплавов (Au-Ag-Cu) предметов из Малой Азии с золотым сплавом I–II вв. Юго-Западного Крыма [Gündem, Aydin, 2021]. Но говорить на этом основании о месте изготовления самих серег не представляется возможным; нельзя исключать, что на территории Юго-Западного Крыма, импортирующего металлы и сплавы, в какой-то период сырье могло поступать и из малоазийских ювелирных центров¹⁷.

Подводя итог, можно констатировать, что серьги *crotalia* с тремя подвесками из погребения 320 могильника Фронтное 3 были крайне популярны в конце I – второй половине II в. в римском мире. Отсутствие таких серег на других памятниках Северного Причерноморья, видимо, говорит о том, что мода именно на эти украшения не привилась на этой территории. Вполне возможно, что эти серьги были добыты как трофей и подарены погребенной женщине, или же эта женщина была чужеземкой, чем может объясняться изолированность такой находки. Дальнейшие исследования материалов могильника Фронтное 3, которые продолжаются, может быть смогут дать ответы на эти вопросы.

¹⁷ Сердечно благодарю Ирину Анатольевну Сапрыкину (ИА РАН, г. Москва) за подробные консультации и предоставленную информацию.

Литература

- Васильева О. А.* К истории поступления фаюмских портретов в ГМИИ им. А. С. Пушкина // *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 7 / Отв. ред. М. А. Чегодаев, Н. В. Лаврентьева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. С. 104–131.
- Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В.* Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // *Российская археология*. 2020. № 2. С. 91–110.
- Журавлёв Д. В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам поздне-скифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с.
- Журавлёв Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С.* Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М.: ООО «РИА Внешторгиздат», 2017. 358 с.
- Зайков В. В., Трейстер М. Ю., Зайкова Е. В., Хворов П. В., Котляров В. А.* Результаты исследования состава золотых изделий из Фанагории // *Золото Фанагории* / Ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 266–310. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2).
- Затерявшееся античное украшение // *Наука и жизнь*. 2023. Март. URL: <https://www.nkj.ru/news/39667/> (дата обращения: 25.01.2023).
- Павлов В.* Фаюмский портрет. М.: Советский художник, 1965. 80 с.
- Саверкина И. И.* Портретная скульптура Пальмиры (II–III вв.) // *Советская археология*. 1965. № 1. С. 168–179.
- Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А.* Исследование золотых изделий из Фанагории на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker) // *Золото Фанагории* / Ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 311–321. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2).
- Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А.* Золотые украшения могильника Фронтное 3: состав и техники изготовления (предварительные данные) // *Stratum Plus*. 2021. № 4. С. 283–297.
- Стрелков А.* Фаюмский портрет. Исследование и описание памятников. М., Л.: Academia, 1936. 188 с.
- Суханов Е. В.* Краснолаковая керамика конца I – первой половины III вв. из могильника Фронтное 3 (хронологический и планиграфический анализ) // *Stratum plus*. 2021. № 4. С. 211–220.
- Тихонович П. В.* Древние римлянки // *Пропилеи*. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Книга 2. Отдел первый. Издание второе. М.: Типография Каткова и К°, 1857. С. 218–260.
- Трейстер М. Ю.* Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // *Золото Фанагории* / Ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 77–181. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2).
- d'Ambrosio A.* Women and Beauty in Pompeii. Rome: «L'erma» di Bretschneider, 2001. 67 p.
- Borg B.* Problems in the Dating of the Mummy Portraits // *Doxiadis E.* The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 1995. P. 229–235
- Dentzer-Feydy J., Teixidor J.* Les antiquités de Palmyre au Musée du Louvre. Paris: Réunion des Musées Nationaux, 1993. 253 p.
- Doxiadis E.* The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 1995. 248 p.
- Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S.* The Cemetery of Frontovoe 3. New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration periods // *Študijne Zvesti Archeologického Ústavu Slovenskej Akadémie Vied*. 2021. 68 (1). P. 87–118.
- Geoffroy-Schneiter B.* Fayum portraits. London: Thames and Hudson, 1998. 80 p.
- Gündem E., Aydin M.* Archaeometric Characterization of Group of Gold Jewelry from the Diyarbakir Archaeological Museum // *TÜBA-KED*. 2021. Vol. 24. P. 93–103.
- Höricht L.A.S.* I Monili di Ercolano. Rome: «L'erma» di Bretschneider, 1989. 115 p. (Soprintendenza Archeologica di Pompei. Cataloghi, 3).
- Ingholt H.* Studier over Palmyrens Skulptur. Copenhagen: C. A. Reizel, 1928. 160 p.
- L'Orient romain et Byzantin au Louvre*. Paris, Arles: Musée du Louvre, 2012. 49 p.
- Lungu V., Covacef Z., Chera C.* Bijuterii antice din aur din colecțiile Muzeului de Istorie Națională și Arheologie Constanța. Constanța: Ex Ponto, 2012. 215 p. (Bibliotheca Tomitana VI).
- The Oplontis Project. Villa B, 2012. Center for the Study of Ancient Italy. The University of Texas at Austin. URL: <http://www.oplontisproject.org/index.php/thevillas/villa-b/> (дата обращения: 02.02.2023).
- Ogden J. M.* Gold jewellery in Ptolemaic, Roman and Byzantine Egypt. Doctoral theses. Durham University, 1990. Vol. 1 – Text. Vol. 2 – Figures.
- Roberts P.* Mummy Portraits from Roman Egypt. London: The British Museum Press, 2008. 96 p.
- Schäfer H.* Der Goldschatz einer Königin von Meroë // *Heinrich Schäfer. Ägyptische Goldschmiedearbeiten unter mitwirkung von Georg Möller und Wilhelm Schubart*. Berlin: Verlag von Karl Curtius, 1910. P. 93–188. (Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung. Band I).
- Thompson David L.* Mummy portraits in the J. Paul Getty Museum. Malibu, California, 1982. 76 p.
- Vela-Rodrigo Alberto A.* The sacred treasure of Queen Amanishakheto // *Ancient Egypt*. 2020. September / October. P. 20–26.

1

2

3

Рис. 1. Могильник Фронтное 3, подбойная могила 320:
1 – общий вид погребения;
2 – фрагмент погребения;
3 – золотая серьга, найденная под черепом

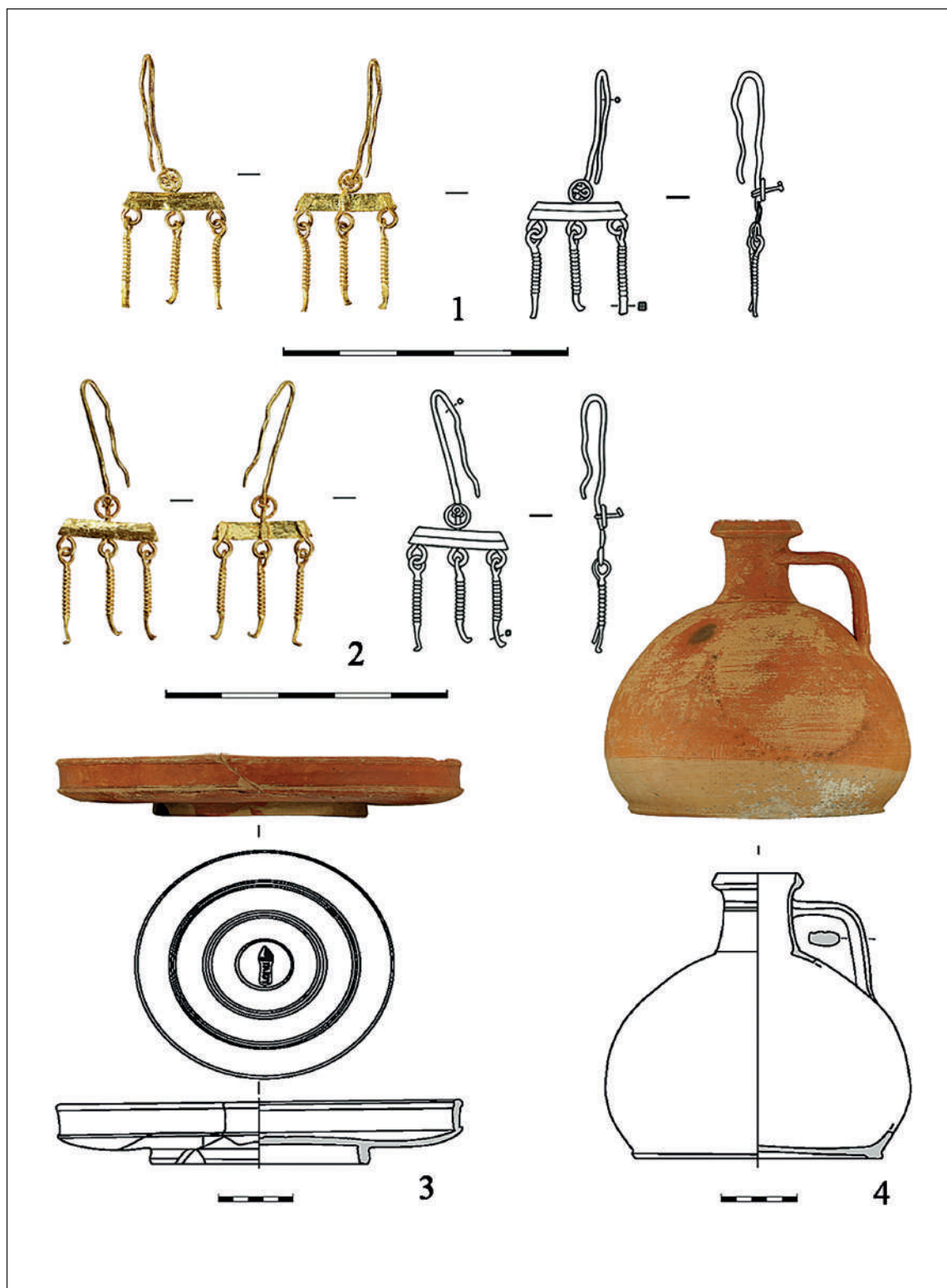

Рис. 2. Могильник Фронтное 3. Предметы из подбойной могилы 320:
 1, 2 – пара золотых серег *crotalia*;
 3 – краснолаковая тарелка;
 4 – краснолаковый кувшин. Фото Т.Ш. Гацаева; рисунок А. В. Тяпухиной

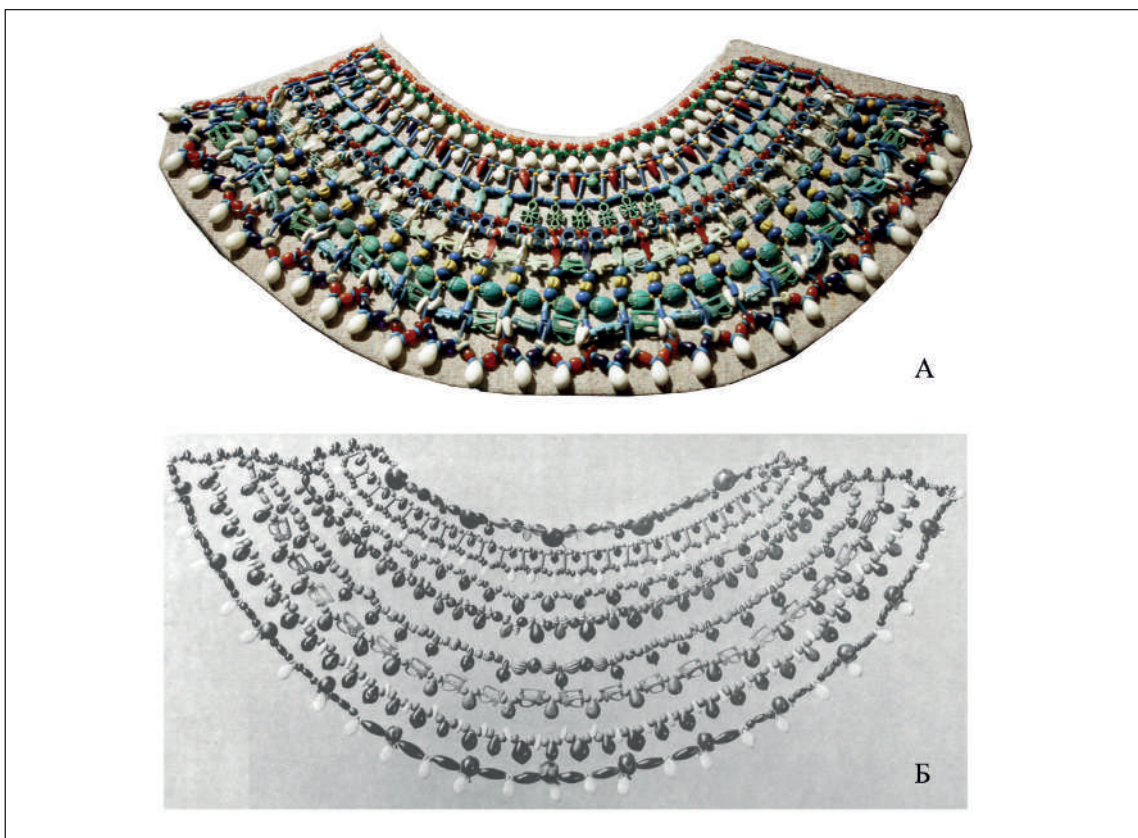

Рис. 3. Мероэ / Мeroё (Судан). Воротник-колье из клада царицы Аманишахето
[А – по: Vela-Rodrigo, 2020. P. 26; Б – по: Schäfer, 1910. Taf. 33]

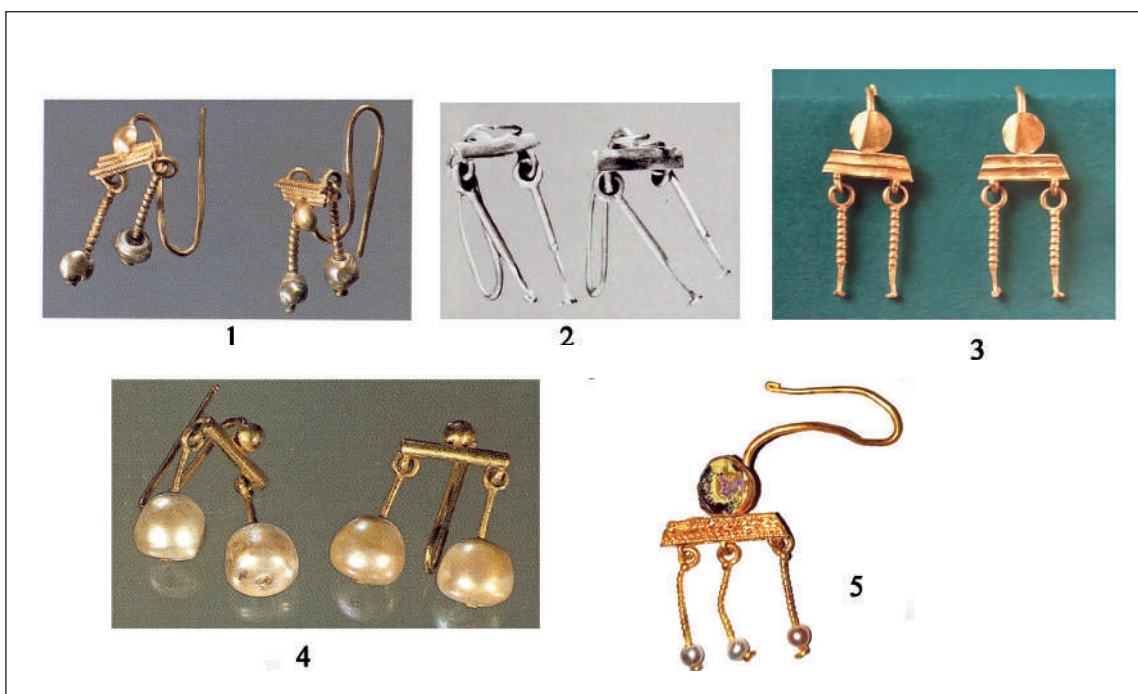

Рис. 4. Золотые серьги *crotalia* в Римской империи:
1 – Помпеи, дом Фабия Руфуса [по: d'Ambrosio, 2001. Cat. 9. P. 52, 53];
2, 3 – Геркуланум, загородная зона [по: Höricht, 1989. P. 40. N. 28–29. Tav. II,1];
4 – Оплонтис, вилла Луция Крассия Терция [по: d'Ambrosio, 2001. Cat. 10. P. 53];
5 – Деултум (<https://www.nkj.ru/news/39667/>)

Рис. 5. Серьги *crotalia* в женском уборе римского Египта (Фаюм):
 1, 2, 3 – женские портреты из некрополя Эр-Рубайят [по: Doxiadis, 1995. Р. 27, 28, 31];
 4 – портрет Демос, некрополь Хавара [по: Doxiadis, 1995. Р. 57]

1

2

3

4

Рис. 6. Серьги *crotalia* в женском уборе римского Египта (Фаюм):

1 – портрет «Ювелирной девушки», некрополь Хавара [по: Doxiadis, 1995. P. 79];

2 – женский портрет, Хавара [по: Doxiadis, 1995. P. 74];

3 – женский портрет, Антинополис [по: L'Orient romain et Byzantin au Louvre, 2012. P. 46];

4 – портрет Исидоры, провенанс неизвестен [по: Doxiadis, 1995. P. 165]

Рис. 7. Серьги *crotalia* в женском уборе Пальмиры:
 1 – бюст *Habibat*, дочери *Malikū*. Фото А.В. Мастыковой, АО 1562, Musée du Louvre;
 2 – бюст дочери *Moqimū*. [по: Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. P. 220. Cat. 216];
 3 – бюст *Bat'ogā*, дочери *Hairā* (сына) *Bêlšūr*.
 Фото А. В. Мастыковой, АО 14925, Musée du Louvre;
 4 – бюст женщины [по: Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. P. 234. Cat. 227]

СЕРЕБРЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3: ВАРИАЦИИ СОСТАВА ПО ДАННЫМ РФА¹

Сапрыкина И. А.

Институт археологии РАН, г. Москва
E-mail: dolmen200@mail.ru

Аннотация. Аналитическая выборка серебряных украшений и предметов одежды из могильника Фронтное 3, насчитывающая 420 предметов из 111 погребений конца I – IV/V вв., исследовалась методом РФА, методом сканирующей электронной микроскопии. Как показали исследования химического состава металла, для могильника Фронтное 3 на раннем этапе (конец I – первая четверть III в.) характерно преимущественное использование высокопробного и «желтого» серебра (860–925⁰), с коротким периодом массового выпадения украшений из низкопробного серебра (610⁰) в середине – второй половине III в. В центральной части могильника формируется компактная группа захоронений II–III вв., из которых происходят украшения, преимущественно, выполненные из высокопробного и «желтого» серебра; к ним же тяготеют погребения, из которых происходят украшения из низкопробного серебра середины – второй половины III в. С конца III – первой половины IV вв. фиксируется смена набора погребального инвентаря, общее падение количества серебряных украшений и деталей одежды, помещенных в погребения; серебро в этот период представлено 860–880⁰, увеличивается общее количество изделий из «рогового» серебра (кераргерит).

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, римское время, могильник Фронтное 3, серебро, РФА, СЭМ.

Из коллекции могильника Фронтное 3 (Нахимовский район, г. Севастополь), исследованного в 2018 г. раскопками под руководством С. В. Язикова и А. Н. Свиридова, было проанализировано 420 предметов из серебра или сплавов с серебром. Аналитическая выборка получена, таким образом, для 111 погребений, датированных концом I – второй половиной IV/V вв. Украшения, привлеченные к анализу состава металла, представлены разнообразными типами перстней со вставками и без; браслетами с перевязанными концами, со змеевидными окончаниями, пластинчатыми, шарнирными и др.; серьгами с перевязанными концами, с навивкой, из тордированной проволоки и т.д.; фибулами разных типов; в выборке присутствуют также детали поясных наборов, монеты, привески и подвески разных форм. Статистически самое большое количество предметов из серебра и сплавов с серебром в проанализированной выборке происходит из погребений III в. н.э. (215 ед.); 65 проб происходит из погребений, датированных концом I – первой половиной II в. н.э. (рис. 1). Категории украшений, исследованные в аналитической выборке, распределяются таким образом (рис. 2): в погребениях конца

I – первой половины II в. и в погребениях III в. чаще всего встречаются серьги и перстни; в погребениях III в. н.э. присутствует большее количество находок предметов поясного набора (накладки, пряжки), фибул, а также – находки серебряных монет. К этому же времени относится и большое количество находок украшений (браслетов и серёг) с сердоликовыми вставками (они найдены в 8 погребениях из 33, относящихся к выборке III в.). Этот период характеризуется, кроме прочего, увеличением общего количества серебряных украшений (до 18 пр.), помещённых в погребение; количество погребений с серебряными украшениями в составе погребального инвентаря снова резко падает в конце III – первой половине IV в.

Методика исследования. Химический состав металла изделий исследовался для каждого из 420 предметов неразрушающим методом безэталонного РФА на портативном спектрометре 5i Tracer (Bruker, США)² в фондах музея-заповедника «Херсонес Таврический» (ф. ИКАМ 37725). Метод РФА заключается в получении и обработке спектров выхода флуоресцентного излучения, возбуждаемых рентгеновским излучением. Точность получаемых данных варьируется от 0,001 до 0,01%, при

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00396-П «Варвары и Рим в Юго-западном Крыму: взаимодействие культур».

² Исследование химического состава металла предметов из могильника Фронтное 3 выполнялось на приборной базе ЦКП ИА РАН.

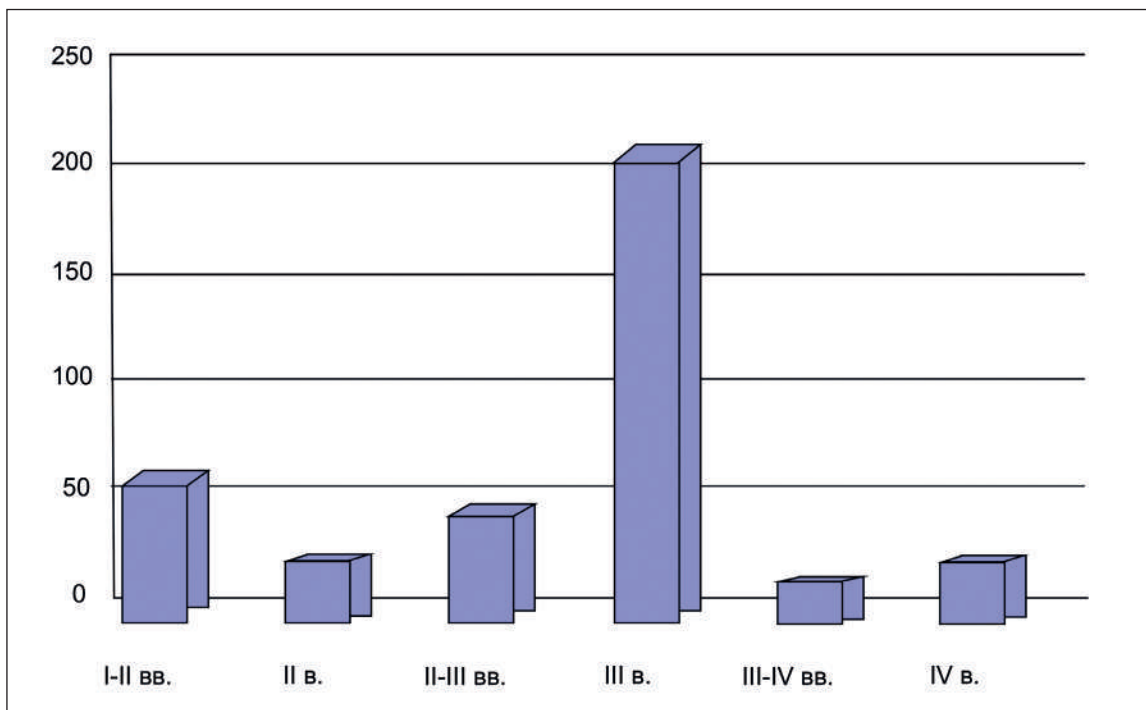

Рис. 1. Гистограмма распределения количества проанализированных предметов из аналитической выборки по хронологическим периодам

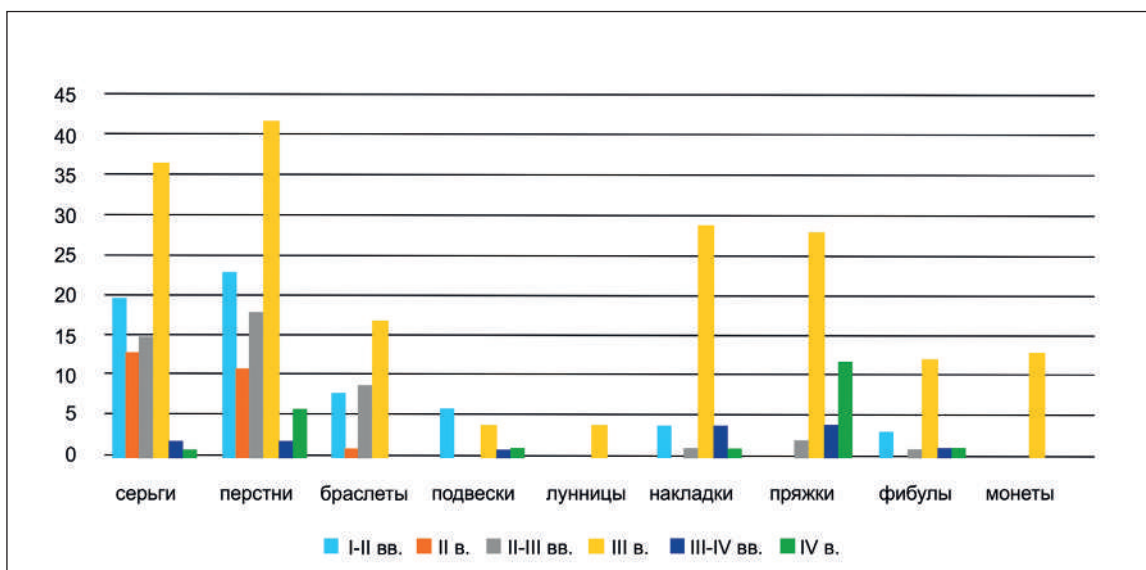

Рис. 2. Гистограмма по встречаемости разных категорий украшений и предметов из серебра в разные хронологические периоды бытования могильника Фронтное 3

программной обработке спектров процентное содержание элементов приводится к 100%. Время измерения одной пробы – от 30 до 60 сек.

Один из объектов исследования, а именно – сохранившаяся половина перстня III в. н.э. из погр. 16 – исследовался на электронном сканирующем микроскопе Tescan VEGA3 с детектором BSE (ускоряющее напряжение 20 kV) в Лаборатории радиационной биологии Объеди-

ненного института ядерных исследований (Дубна; аналитик – Е. А. Сапрыкин)³.

Результаты. Серебряные украшения (серьги разных типов, кольца и перстни со вставками, привески, фибулы, браслеты, бляшки-скорлупки и др. категории), происходящие из погребений конца I – первой половины II в., были выполнены из разного серебра, содержание драгоценно-

³ Выражаю свою искреннюю признательность за проведенные исследования.

го металла варьирует в пределах 57,28–96,25%. В составе выборки раннего хронологического периода выделяются отдельные находки, выполненные из многокомпонентного низкопробного серебра⁴ (Ag в пределах 50–70%) или из сплава на основе меди с добавлением серебра как одного из легирующих компонентов: это кольцо со вставкой из погр. 198, серьга с перевитыми концами из погр. 193, перстни из погр. 201 и 287, перстень со вставкой и кованый браслет из погр. 205, две фибулы (парные?) из погр. 250, кольцо с орнаментированным щитком из погр. 312, набор волютообразных подвесок из погр. 328. Исключив из статистической выборки эти украшения, средняя проба серебра из погребений конца I – первой половины II в. н.э. попадает на 925⁰ (многокомпонентное высокопробное серебро).

Аналогичная ситуация фиксируется и для украшений из погребений II в. н.э. – они изготовлены из серебра 925⁰ (усреднённое значение; содержание драгоценного металла варьирует в пределах от 83,71 до 98,28%). Из этого серебра изготовлены серьги разных типов, браслеты, перстни со вставками и без. Однако и в этой выборке присутствует ряд украшений, выполненных из низкопробного серебра или сплава цветных металлов с серебром: это серьги из погр. 166 (серьги выполнены из сплава с содержанием серебра 24,7%, 37 и 70%), перстень из погр. 213.

Поясные пряжки, браслеты, перстни и серьги разных типов, фибулы из погребений, датированных концом II – первой четвертью III в. н.э., также изготовлены из высокопробного серебра 910⁰ (усреднённое значение): содержание драгоценного металла варьирует в пределах от 82,09 до 97,86%. В этой хронологической группе также присутствуют погребения, в которые помещены украшения, выполненные из низкопробного серебра: шарнирные браслеты с центральной вставкой из погр. 74 и 145, проволочная серьга из погр. 74, серьга тордированная из погр. 181, перстень и детали поясного набора из погр. 145.

В некоторых погребениях конца I – первой четверти III в. присутствует ювелирный набор, выполненный как из высокопробного, так и из низкопробного серебра (погр. 250, 287), но в основном такие украшения не «встречаются» друг с другом в составе одного комплекта (рис. 3). При картографировании погребений конца I – первой четверти III в. н.э., из которых происходят украшения из низкопробного серебра, было отмечено, что разновременные погр. 181, 213, 250, 287 и 312 составляют одну группу таких

⁴ Многокомпонентное высокопробное серебро, согласно классификации, имеет содержание драгоценного металла в пределах 90–95%; «желтое» серебро – 80–89% Ag; низкопробное серебро – 50–80% Ag [Енисова и др., 2008. С. 132. Табл. 2.11].

захоронений на северном участке могильника Фронтное 3; погр. 166, 198, 201, 205 составляют вторую локальную группу таких захоронений, но уже в центральной части могильника.

Отличная от предыдущего периода картина фиксируется для украшений из погребений, датированных III в. н.э.: здесь основной массив выборки (более 2/3) представлен многокомпонентным низкопробным серебром 610⁰ (усреднение), а ещё треть украшений выполнена из многокомпонентного «желтого» серебра 880⁰ (значения усреднены). Из «желтого» серебра выполнены серьги, в т.ч. с сердоликовой вставкой (погр. 3, 6, 11, 13, 16), перстни с разомкнутыми щитками, со змеиными головками (погр. 21, 22), фибулы, браслеты, пряжки, лунницы. Лишь в нескольких погребениях зафиксировано присутствие ювелирных наборов, выполненных только из многокомпонентного высокопробного серебра, характерного для конца I – II в.: это серьги с навивкой и фрагмент перстня из погр. 130, перстни и комплект из 4-х серег с раскованным щитком из погр. 95; перстни и кольца из погр. 61, 63. В остальных случаях, за исключением нескольких погребений, украшения из серебра 880⁰ помещены вместе с украшениями, выполненными из многокомпонентного низкопробного серебра или из сплава цветных металлов с серебром. Планиграфия погребений с украшениями III в., выполненными из высокопробного и «желтого» серебра, и совмещение её с планиграфией аналогичных погребений I/II–III вв. показывает, что они, возможно, составляют одну группу погребений в ранней зоне могильника, т.к. плотно сгруппированы друг с другом, по сравнению с зонами погребений конца I – первой половины II в. и более позднего времени (рис. 3).

В пул низкопробного серебра попадают и все исследованные монеты из погребений III в. н.э.: денарии Септимия Севера (193–211 гг.), Плавтилы (202–211 гг.), антонинианы Гордиана III (238–244 гг.), Филиппа I Араба (244–249 гг.), Отацилии (246–248 гг.), Требониана Галла (251–253 гг.), Галлиена (253–268 гг.) (монетные дворы Рима и Милана)⁵ – они чеканены из серебра 680⁰ (усредненное значение)⁶ [Абрамзон и др., 2021б. С. 293. Рис. 3]. Часть этих монет была найдена

⁵ Выражаю свою сердечную признательность профессору, д.и.н. М. Г. Абрамзону.

⁶ Как уже указывалось, есть вероятность того, что пробность монет из могильника Фронтное 3 завышена из-за процесса выпадения серебра на поверхность (впрочем, это замечание может быть справедливо и для всей выборки) [Абрамзон и др., 2021а. С. 292]. В то же время, аналитические исследования серебра Котиса III из состава второго монетного клада поселения Волна-1 и римских денариев, чеканенных в Дакии, указывают на стабильно повышенное содержание серебра в римских денариях [Абрамзон и др., 2020. С. 43].

в погребениях с изделиями, также выполненными из многокомпонентного низкопробного серебра (погр. 3, 133, 135); пара монет (антонианы Требониана Галла и Галлиена) происходит из погребений, в которые были помещены украшения из «желтого» серебра. Опираясь на эти находки, можно более точно определить момент выпадения большого количества изделий из низкопробного серебра – середина III в. н.э. (начало второго этапа функционирования могильника) [Свиридов, Язиков, 2022. С. 17]; судя по всему, к концу III в. ситуация с серебром относительно стабилизировалась и стала, в целом, сопоставима с более ранними периодами существования могильника Фронтное 3.

Для выборки серебряных украшений, датированных концом III – IV/V вв. н.э., отмечается картина, аналогичная более раннему периоду: пробность основной массы серебряных украшений могильника Фронтное 3 фиксируется на уровне 860–880⁰, с присутствием ряда украшений, выполненных из низкопробного серебра или из сплава цветных металлов с серебром (погр. 41, 45; некоторые украшения из погр. 52, 136, 141)⁷. Довольно часто фиксируется совместное нахождение в погребениях украшений как из «желтого», так и из низкопробного серебра (аналогично ситуации, зафиксированной для погребений середины – второй половины III в.).

Таким образом, полученные в ходе статистической обработки результаты указывают на преимущественное помещение в погребения могильника Фронтное 3 украшений и предметов одежды из высокопробного и «желтого» серебра (860–925⁰), при этом хорошо фиксируется последовательное снижение пробности изделий, начиная, ориентировочно, с первой половины III в. Период середины – второй половины III в. характеризуется «взрывным» ростом общего количества украшений и предметов одежды, выполненных как из низкопробного серебра (610⁰), так и из сплавов на основе меди, где драгоценный металл – это одна из легирующих добавок (рис. 4). С конца III – первой половины IV в. такое серебро более не выпадает в могильник, в составе погребального инвентаря присутствуют украшения из многокомпонентного «желтого» серебра.

Обсуждение. На мой взгляд, важным признаком в дальнейшей интерпретации полученных данных, может стать совмещение погребений, в которых присутствуют серебряные украшения, с выделенными на данный момент хронологическими маркерами для могильника

Фронтное 3. Одними из таких маркеров могут стать, по замечанию И. Н. Храпунова, находки шкатулок и яичных скорлупок [Храпунов, 2022. С. 99]. Судя по планиграфии могильника Фронтное 3 (рис. 3), 15 погребений⁸ с высокопробным и «желтым» серебром конца I – первой четверти III в. сопровождаются находками остатков деревянных шкатулок [Свиридов, Язиков, 2022. С. 17]; с середины – второй половины III в. н.э. такие находки в погребениях встречаются гораздо реже (4 погребения) – три из них локализируются в условной группе погребений II/II – III вв. Погребения конца III – IV/V вв., относящиеся к поздней стадии функционирования могильника, содержат находки скорлупы яиц (остатки тризны)⁹ [Свиридов, Язиков, 2022. С. 18]: она отмечена в тех погребениях, где помещены украшения, преимущественно, из «желтого» серебра, или где идет «смешение» серебра разной пробности. Все эти погребения расположены за пределами условной локальной группы погребений II – первой четверти III в. с высокопробным серебром, к которой явно тяготеют погребения с «желтым» и низкопробным серебром середины – второй половины III в., не имеющие в составе погребального инвентаря остатков яичной скорлупы (рис. 3).

Исследователи могильника Фронтное 3 указывают на смену набора вещей в период с конца III в. [Свиридов, Язиков, 2022. С. 18–19]: отмечается полное исчезновение шкатулок, но появление в большом количестве предметов вооружения, не характерных для погребений первого этапа существования могильника, а также умбонов и манипул, которые могут указывать как на влияние «германского» компонента, так и римского в милитаризации погребального обряда [Казанский, 2022. С. 125–126]. Судя по материалам из Фронтного 3, этому предшествовало какое-то событие, приведшее к «выпадению» в середине – второй половине III в. н.э. нехарактерного для могильника количества изделий из низкопробного серебра.

С одной стороны, такое резкое понижение пробности ювелирных изделий на могильнике Фронтное 3 может быть отражением общих проблем римской золото-серебряной добычи, начавшейся с конца 230-х по 260–269 гг.

⁸ Это не окончательное количество – увеличение выборки может привести к увеличению общего количества погребений с серебром раннего этапа могильника, в которых помещены шкатулки; это справедливо и в отношении погребений второго этапа могильника, в которых найдена скорлупа яиц.

⁹ Яичная скорлупа, как остатки тризны, описана в могильниках предгорного Крыма [Храпунов, 2022. С. 99] и в могильниках черняховской культуры [Магомедов, 2001. С. 30].

⁷ Коллекция серебряных изделий из могильника Фронтное 3 находится в работе, выборка будет расширяться.

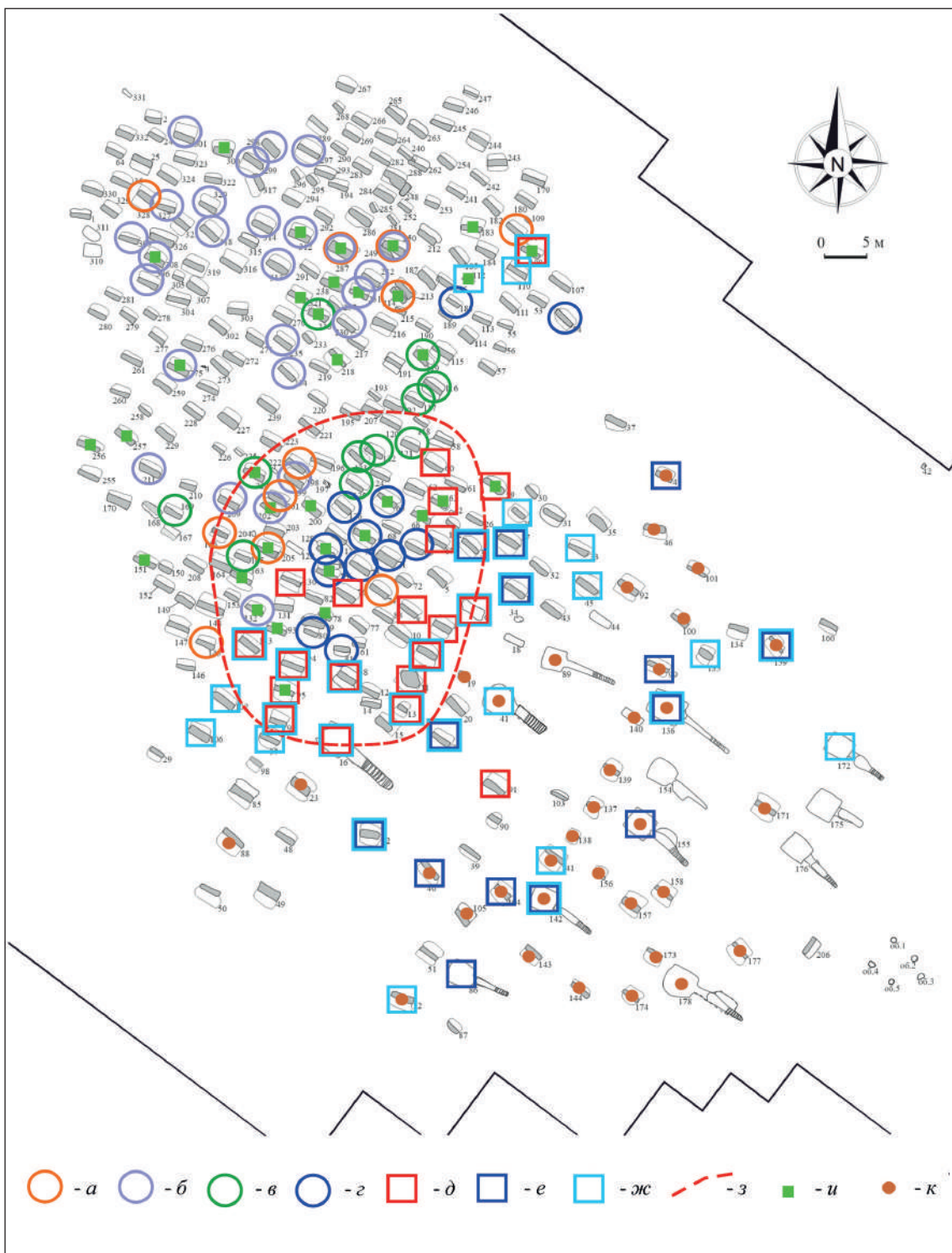

Рис. 3. Планиграфия погребений с высокопробным и низкопробным серебром из выборки могильника Фронтвое 3:

- а** – погребения с низкопробным серебром к. I – II/III вв.;
- б** – погребения с высокопробным серебром к. I – п.п. II вв.;
- в** – погребения с высокопробным серебром II в.;
- г** – погребения с высокопробным серебром II/III вв.;
- д** – погребения с «желтым» серебром III в.;
- е** – погребения с «желтым» серебром конца III – IV/V вв.;
- ж** – погребения с низкопробным серебром середины III – IV/V вв.;
- з** – группа погребений с высокопробным и «желтым» серебром II, II/III, III вв. (граница условная);
- и** – погребения с остатками шкатулок [по: Свиридов, Язиков, 2022. С. 21. Рис. 2];
- к** – погребения с яичной скорлупой [по: Свиридов, Язиков, 2022. С. 21. Рис. 2]

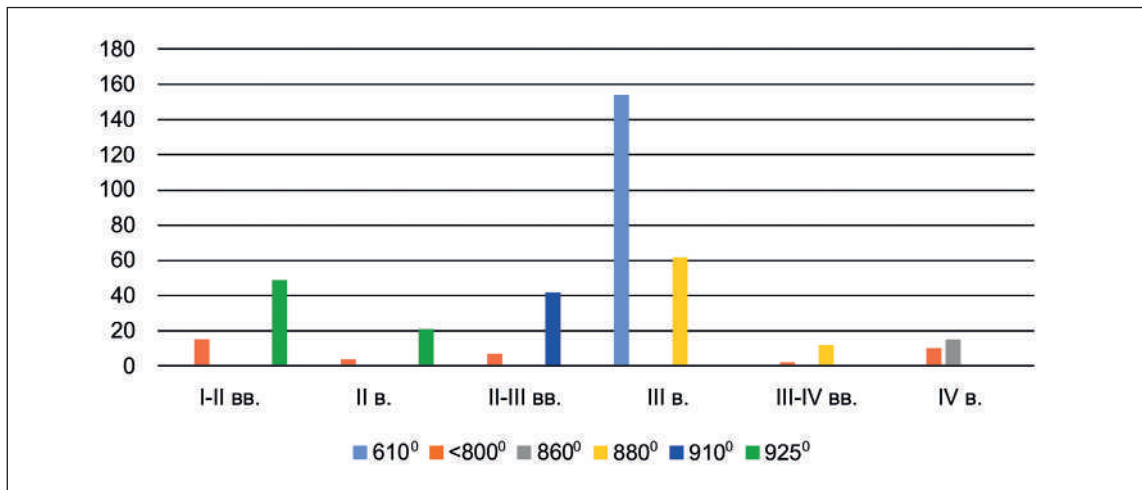

Рис. 4. Гистограмма вариации пробности серебряных украшений и предметов одежды и быта из погребений могильника Фронтное 3

н.э. с потерей месторождений на территории Дакии [Lozanov 2015. P. 88]. Для чеканки римских и боспорских монет, металл которых был исследован с помощью изотопного анализа по методу Pb-Pb, использовалось серебро из месторождений с территории Дакии, в частности, Роша-Монтанэ [Чугаев, Сапрыкина, 2022. С. 479]. Собственная монетная чеканка Боспора, развивавшаяся в русле римских традиций, с третьей четверти III в. также была вынуждена применять различные технологии для обогащения серебром поверхности статеров с целью предотвращения дальнейшей девальвации монеты и продолжения финансирования совместных римско-боспорских операций [Абрамзон и др., 2020. С. 43; Абрамзон и др., 2021а. С. 9].

С другой стороны, эта ситуация противоречит тому количеству украшений, которое отложилось в погребениях середины – второй половины III в. н.э. не только на могильнике Фронтное 3, но и на могильниках Нейзац и Опушки [Сапрыкина, 2022. С. 182]; вполне возможно, что это может быть характерно и для других памятников предгорного и Юго-Западного Крыма. Некоторое объяснение этому может находиться в переориентации цветной металлообработки на другие источники добычи серебра (Иберийский полуостров, Центральный массив Франции, крупные месторождения Малой Азии); также можно говорить о возможной переплавке «старого» серебра и введении его в оборот для обеспечения военно-политических выплат варварам на восточных границах Империи [Мызгин, 2015. С. 22]. Однако довольно хорошо исследованные боспорские материалы пока не дают нам данных о том, что этот процесс (переплавка «старого» – греческо-фракийского, иберийского и дакийского серебра) был основным в позднеримское время [Чугаев, Са-

прыкина, 2022. С. 479]. Возможно, что велась обработка не «старого» боспорского серебра, а поступившего непосредственно в середине – второй половине III в. как в результате каких-то успешных военных походов, так и возможного появления новых групп населения (инкорпорации воинов) для укрепления обороны (тех же германских племен с территории Украины, куда в III в. продолжает поступать серебро, к примеру, монетное [см.: Мызгин, 2015]; или миграции с Северного Кавказа) [Казанский, 2022. С. 125]. Это косвенно может объяснить как и последующую смену погребального обряда, зафиксированную на могильнике Фронтное 3, так и увеличение в конце III – первой половине IV в. находок из специфического вида серебра (т.н. «рогового») в погребениях.

Из погребений этого периода происходит 27 предметов, выполненных из серебра темно-лилового или черного цвета, против 14 находок из обычного серебра: это подвески (рис. 5, 1), перстни, браслеты (рис. 5, 2) и другие типы украшений. В другие периоды функционирования могильника такое серебро также встречалось, но в единичном виде. Такие украшения, с одной стороны, хрупкие; с другой стороны, эта не та хрупкость, которая отмечается для классического серебра, контактирующего с большой массой органики в погребениях, присутствие которого отмечено, в т.ч., в могильнике Фронтное 3 [Сапрыкина и др., 2022. С. 108]. Особенностью «рогового» серебра является его крупная зернистая структура, зерна которой имеют кубическую / гексаоктаэдрическую форму – на перстне из погр. 16, исследованном методом сканирующей электронной микроскопии, довольно хорошо читается эта специфическая форма зерен (рис. 5, 3). Такое серебро может интерпретироваться как одна из самородных форм – керар-

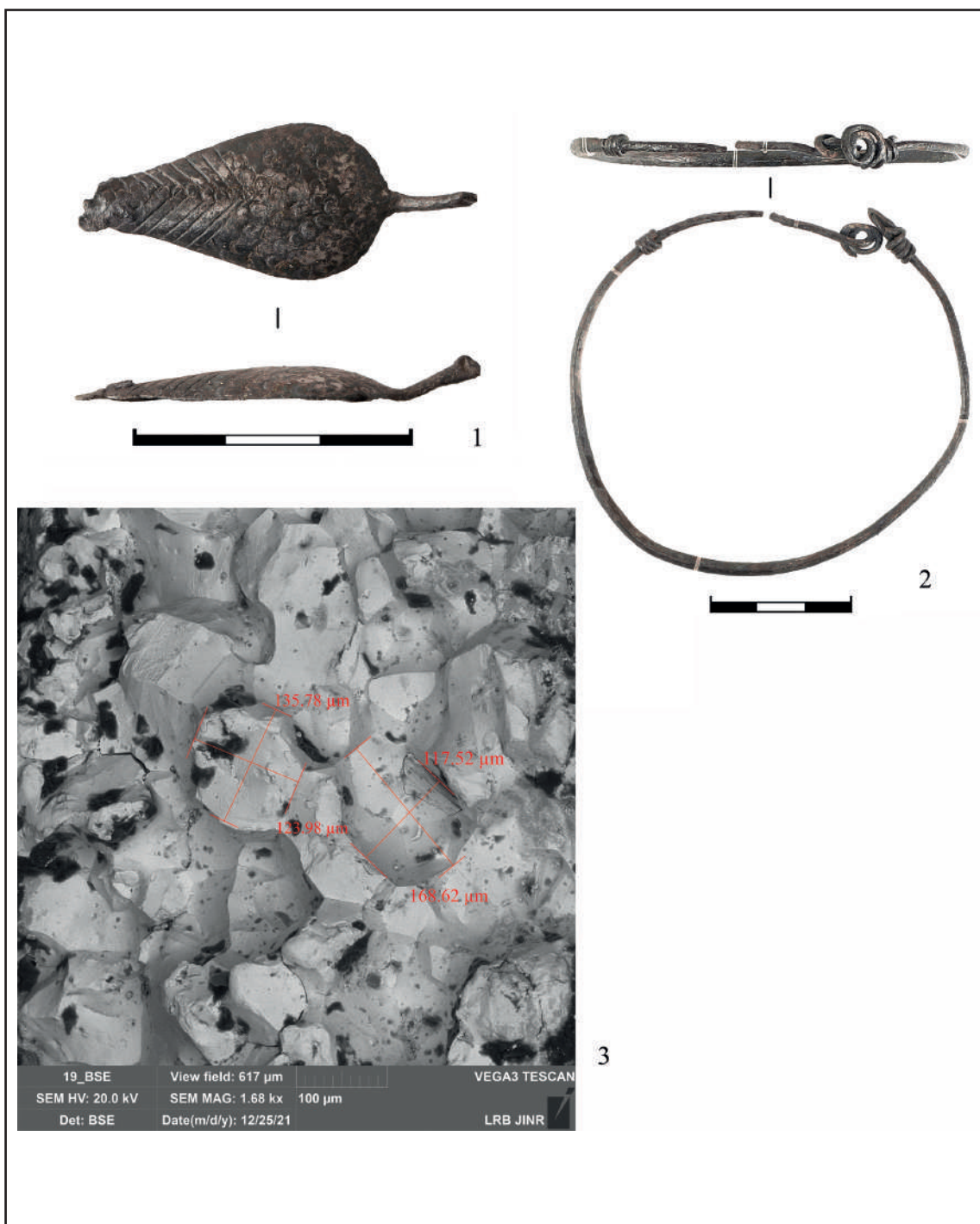

Рис. 5. Примеры украшений, выполненных из кераргерита (?):
1 – подвеска в виде птички, орнаментированная (п/о № 2839);
2 – браслет (п/о № 2326) после реставрации;
3 – зерна кераргерита (?) на изломе перстня из погр. 16 (BSE-детектор)

герит или хлораргерит (галогениды), вторичный минерал, возникающий в результате окисления серебросодержащих месторождений в процессе выветривания; одним из важных диагностирующих признаков этого минерала является его потемнение от света (рис. 5, 1). Он встречается довольно широко, известен, в том числе, на

месторождениях Урала и Казахстана [Штрюбель, Циммер, 1987. С. 449], Румынии, Нагольного Кряжа Донбасса¹⁰; этот сюжет в настоящее время исследуется более предметно.

¹⁰ Открытая информация на сайтах <https://www.mindat.org/min-1014.html>, webmineral.ru.

Литература

- Абрамзон М. Г., Безуглов С. И., Гунчина О. Л., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н., Устаева Э. Р. Последнее золото Боспора: клады статеров III в. н.э. из поселения Волна 1. М.: Институт археологии РАН, 2020. 168 с. (Археометрия Причерноморья. Вып. 1).
- Абрамзон М. Г., Ефимова Ю. Ю., Копцева Н. В., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н. Последнее серебро Боспора: мультианалитический подход к исследованию боспорской серебряной чеканки III в. н.э. М.: Институт археологии РАН, 2021а. 128 с. (Археометрия Причерноморья. Вып. 4).
- Абрамзон М. Г., Сапрыкина И. А., Чугаев А. В. Комплекс римских серебряных монет из погребения 3 могильника Фронтное 3 (Юго-Западный Крым): исследования металла методами РФА и изотопного состава свинца в серебре // Краткие сообщения Института археологии. 2021б. Вып. 263. С. 287–297.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Коновалов А. А., Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Цветные и драгоценные металлы и сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Вост. лит. 2008. С. 107–162.
- Казанский М. М. Варвары и оборона Понтийской границы в Юго-Западному Крыму в эпоху поздней Империи // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: Институт археологии РАН, 2022. С. 123 – 129.
- Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. 203 p. (Monumenta Studia Gothica. T. I).
- Мызгин К. Римские монеты III в. н.э. на территории Восточной Европы: некоторые наблюдения над новыми находками // Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей III міжнародної науково-практичної конференції, 5-6 листопада 2015 р. Кіровоград, Київ, Переяслав-Хмельницький, 2015. С. 21–23.
- Сапрыкина И. А. Предварительные данные о цветной металлообработке Юго-Западного Крыма конца I – IV / начала V вв. н. э. (по материалам могильника Фронтное 3) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. VIII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма “Салта” ЛТД», 2022. С. 174–185.
- Сапрыкина И. А., Кичанов С. Е., Бакиров Б. А., Руткаускас А. В. Результаты исследования изделий из драгоценного и цветного металлов из могильника Фронтное 3 методами нейтронной структурной диагностики // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 100–112.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник Фронтное 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: Институт археологии РАН, 2022. С. 13–21.
- Храпунов И. Н. Могильник Фронтное 3 в контексте синхронных крымских древностей. Взгляд со стороны // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: Институт археологии РАН, 2022. С. 97–101.
- Штрюбель Г., Циммер З. Х. Минералогический словарь. М.: Недра, 1987. 494 с.
- Lozanov I. Roman Thrace // A Companion to Ancient Thrace / Eds. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Wiley Blackwell, 2015. P. 75–90.

О ПИТАНИИ И МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО МОГИЛЬНИК ФРОНТОВОЕ 3 (ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)¹

Добровольская М. В. *, Свиркина Н. Г.

Институт археологии РАН, г. Москва

** E-mail: DobrovolskayaMV@iran.ru*

Аннотация: *Представлены первые результаты исследования изотопного состава эмали зубов и коллагена костной ткани людей и животных из погребений могильника. Полученные данные легли в основу реконструкции усредненного рациона питания, а также мобильности. Первые данные позволяют предполагать стабильность хозяйственного уклада и норм обыденной жизни на протяжении всего периода существования могильника.*

Ключевые слова: *Крым, древнее население, традиции питания, изотопный анализ.*

Представление о населении Северного Причерноморья в I–V вв. н.э. базируется на исторических письменных свидетельствах античных авторов, археологических источниках, данных физической антропологии. Все они фиксируют его динамично изменяющийся и пестрый состав. Письменная традиция объединяет все компоненты под термином «варвары» (что не мешает многократно использоваться этнонимов, содержание которых от нас чаще всего ускользает), что, прежде всего, подмечает отсутствие интереса античных авторов к пониманию структуры и происхождения этого населения.

Могильник Фронтное 3, находясь в непосредственной близости от Херсонеса, оставлен населением, являвшимся форпостом инокультурной традиции, по сравнению с таковой античного города. На основании археологических исследований с уверенностью можно рассматривать могильник как единое пространство некрополя, распространявшегося на протяжении веков преимущественно в юго-восточном направлении. Период его существования вместил последний подъем поздних скифов, их поражение в войне с римскими легионами, присланными из Мёзии, новую волну воинственных мигрантов (готы, сарматы, аланы – дискуссии продолжаются). При этом авторы раскопок считают, что «малая изменчивость, наблюдаемая в погребальном обряде и основных категориях инвентаря, четкая хронологическая зональность и планиграфическая преемственность свидетельствуют о том, что этот могильник мог быть оставлен одной весьма компактной группой

населения, возможно, общиной» [Свиридов, Язиков, 2022. С. 19]. Так или иначе, проблема сочетания общекультурного объединения с «многосоставным» характером населения звучит в подавляющем большинстве последних обобщающих археологических публикаций [например: Казанский, 2022; Зайцев, 2022]. В связи с этим хотелось бы упомянуть исследование краниологических особенностей выборки из Сувлу-Кая, Инкермана, Черной речки [Казарницкий, Строков, 2022]. Результатом исследования явились констатация различий в антропологическом составе людей, погребенных в подбойных могилах и в склепах, а также гипотеза о сохранении таврского компонента в склепах периода великого переселения народов. Полученные результаты добавляют еще одну грань в наши знания о сочетании единства и неоднородности варварского населения первых веков н.э.

Могильник Фронтное 3 представляет особый интерес в контексте изучения динамики населения Юго-Западного Крыма с конца I по начало V в. н.э. Разнообразный погребальный обряд с преобладанием подбойных погребений, участием простых грунтовых могил и земляных склепов, присутствие кремаций, совершенных на стороне – ставит вопрос о неоднородности населения, которое может рассматриваться как в контексте генетического разнообразия, равно и культурного, и социального.

Итак, повторимся, что анализ состава населения базируется на данных античных источников, анализе погребальной обрядности и вещевых наборов в погребениях, а также краниологических особенностях. В этом сообщении мы бы хотели ввести в набор исследовательских подходов маркеры, характеризующие по-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-18-00396-П «Варвары и Рим в Юго-западном Крыму: взаимодействие культур».

вседневную жизнь людей. Как известно, норма повседневности – одна из сторон культурного многообразия, которая становится доступной, благодаря новым биоархеологическим методам. В данном случае, это привлечение изотопного анализа для реконструкции питания и мобильности людей. Своеобразие подхода состоит в том, что мы можем рассматривать как индивидуальные, так и групповые характеристики.

На протяжении нескольких лет осуществляется систематическое исследование палеоантропологических материалов из могильника Фронтное 3. Анализ, основанный на данных о поле и возрасте индивидов, выявил различия демографических показателей в группах с разными типами погребений, ранним и поздним этапом функционирования могильника [Свиркина и др., 2021]. Исследование кремированных останков позволило выделить характерные черты обряда, имеющего аналогичные черты с описанным ранее для Восточного некрополя Фанагории [Свиркина, Володин, 2020]. Описаны яркие патологические состояния, определенно или предположительно связанные с получением травм [Добровольская, Свиркина, 2022; Свиркина, Добровольская, 2022]. Анализ встречаемости следов преднамеренной деформации головы позволил констатировать их редкость и слабую выраженность [Свиркина, Добровольская, 2021]. Подчеркнем, что в этот период частоты встречаемости деформированных черепов в палеопопуляциях поздних сарматов и ранних алан, как правило, очень высоки [там же].

Вопросы о мобильности и питании людей, оставивших могильник, оставались до сих пор незатронутыми. Привлечение изотопных методов дало возможность перейти к изучению данного круга вопросов. Информация о соотношении $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ эмали зубов стала основой для реконструкции мобильности населения, а данные о вариации азота ($\delta^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) коллагена костной ткани людей и животных (КРС, МРС, птица, собака) – для реконструкции усредненного рациона питания. Количественное определение вариаций $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ образцов производилось в Центре изотопных исследований ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского; пробоподготовка образцов коллагена осуществлялась на базе ИА РАН согласно опубликованной процедуре [Свиркина, 2019]; количественное определение изотопных показателей производилось в Центре коллективного пользования «Инструментальные методы в экологии» Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН. Отбор проб осуществлялся из участков могильника, характеризующихся хронологическими различиями, типами погребального обряда, полом и возрастом. Эти первые результаты

носят сугубо предварительный характер, так как обоснованные заключения будут сделаны на основании количества образцов, сопоставимого с численностью погребенных. Тем не менее, первые данные позволили нам сформулировать гипотезы, проверка которых будет возможна результате изучения расширенной выборки.

Получены данные о изотопном соотношении стронция ($^{87}/^{86}\text{Sr}$) в эмали зубов индивидов из коллективных и одиночных погребений. Представлены мужчины и женщины различных возрастов. Образцы брались от коронок зубов, формирование которых приходится на возраст до пяти лет, поэтому полученные сведения информируют о местонахождении индивида в период первого детства (табл. 1).

Индивидуальные значения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ варьируют от 0.708089 до 0.708877. Мы фиксируем высокое сходство величин вне зависимости от пола и типа погребения. Отметим, что индивиды из одного погребального сооружения (могилы 328, 155, 171) характеризуются очень близкими показателями. Крайние значения получены для мужчин из могил 25 и 324, относящихся к раннему периоду существования могильника. К настоящему времени мы не располагаем вариациями местных биогенных значений стронция, это остается перспективой исследований. Однако, незначительная изменчивость однозначно указывает на то, что место пребывания всех этих людей в детстве было очень определенным. При высокой мозаичности геологических условий Крымского полуострова, гипотеза о низкой мобильности этого населения, его связи с ограниченной локальной территорией представляется логичной. Таким образом, первые результаты указывают на высокую степень оседлости населения.

Чтобы оценить, насколько эти величины вариабельны, мы можем сопоставить их со стронциевыми соотношениями, определенными ранее для средневековых погребений в храмовой гробнице в Горзувитах. Этот памятник находится на Южном Берегу и характеризуется иными геологическими условиями [Добровольская, Мастыкова, 2020]. Хорошо заметно, что диапазон значений, полученных по материалам из гробницы, отличается и даже не пересекается с границами индивидуальной изменчивости людей, погребенных в могильнике Фронтное 3 (рис. 1).

Проведен анализ изотопного состава азота и углерода коллагена костной ткани людей и животных. Это позволяет судить об основных компонентах усредненного обыденного питания населения. На основании полученных данных можно предполагать, что диета людей включала животную и растительную пищу. Рацион был преимущественно основан на растениях умеренного климата (C3 тип фотосинтеза) с умерен-

**Таблица 1. Соотношение изотопов стронция $87/86$ Sr
эмали зубов людей из погребений могильника Фронтное 3**

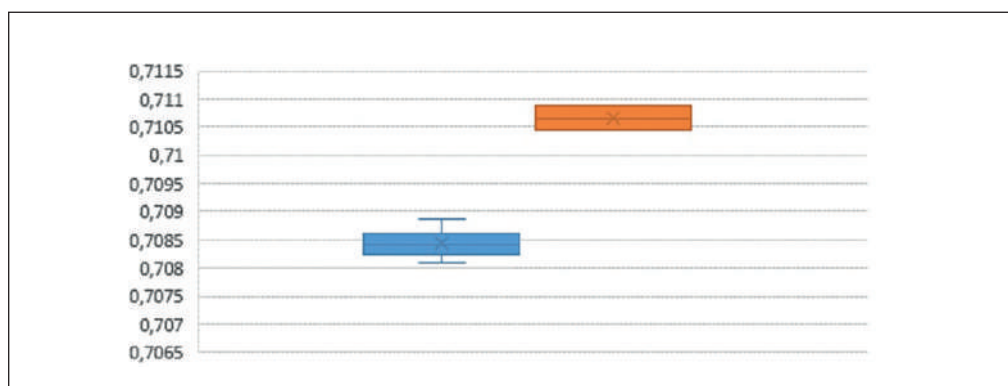
Могила	Период	Тип погребения	Костяк	Пол	Возраст	Образец (эмаль)	$87\text{Sr}/86\text{Sr}$
1	2	3	4	5	6	7	8
25	ранний	с подбоем в юго-западной стенке	–	М?	45–55	16 зуб	0,708877
324	ранний	могила без каменного заклада	–	М	35–45	36 зуб	0.708089
327	ранний	могила без каменного заклада	–	?	14–19	11 зуб	0.708575
328	ранний	могила с двумя подбоями	1, основной	М?	35–49	26 зуб	0.708368
328	ранний	могила с двумя подбоями	2	?	18–25	46 зуб	0.708192
141	поздний	могила с двумя подбоями	–	М	старше 50	16 зуб	0.708242
155	поздний	склеп	скопление 2	М?	взрослый	нижний резец	0.708577
155	поздний	склеп	скопление 1–3	Ж?	35–55	36 зуб	0.708683
171	поздний	яма с двумя подбоями	1	Ж?	25–39	46 зуб	0.708428
171	поздний	яма с двумя подбоями	2	М	35–45	46 зуб	0.708390

ной и высокой долей белка наземных животных (мясо и, возможно, молочные продукты). Исходя из средних значений КРС и МРС, трофический шаг «травоядное животное – человек» составляет порядка 3,5%. Изотопный сигнал собаки приближен к значениям людей, что указывает на мясной рацион питания. Самые низкие значения азота среди животных выявлены у птицы. В целом, значимых различий между индивидами из погребений трех периодов (ранний, средний и поздний этап функционирования могильника) не выявлено. Различия между мужчинами и женщинами также отсутствуют (рис. 2).

В то же время, среди погребенных на некрополе обнаружен индивид, чей рацион отличался от остальных. Мы можем констатировать, что женщина 25–35 лет из погребения 168 часто

употребляла продукты проса (единственное растение $C4$ типа фотосинтеза, разводимое на этой территории в раннем железном веке), которое было распространено среди степных кочевников [например: Гаврилюк, Пашкевич, 1991; Горбаненко, Меркулов, 2018; Чагаров, Добровольская, 2019; Svyatko, 2013], на что указывают значения $\delta^{13}\text{C}$ (рис. 2). Отметим, что у этой женщины выявлен единственный случай прижизненной хорошо выраженной искусственной деформации черепа кольцевого типа.

На графике хорошо видно, что индивидуальные значения соотношений углерода группируются около -18% . Эту величину можно рассматривать как «пограничную зону». Дельта ниже -18% будет соответствовать преимущественно или полностью $C3$ растительной основе рацио-

**Рис. 1. Сопоставление границ индивидуальной изменчивости изотопных соотношений стронция в образцах из погребений могильников Фронтное 3 (синий) и Горзувиты (оранжевый).
Границы индивидуальных значений не перекрываются**

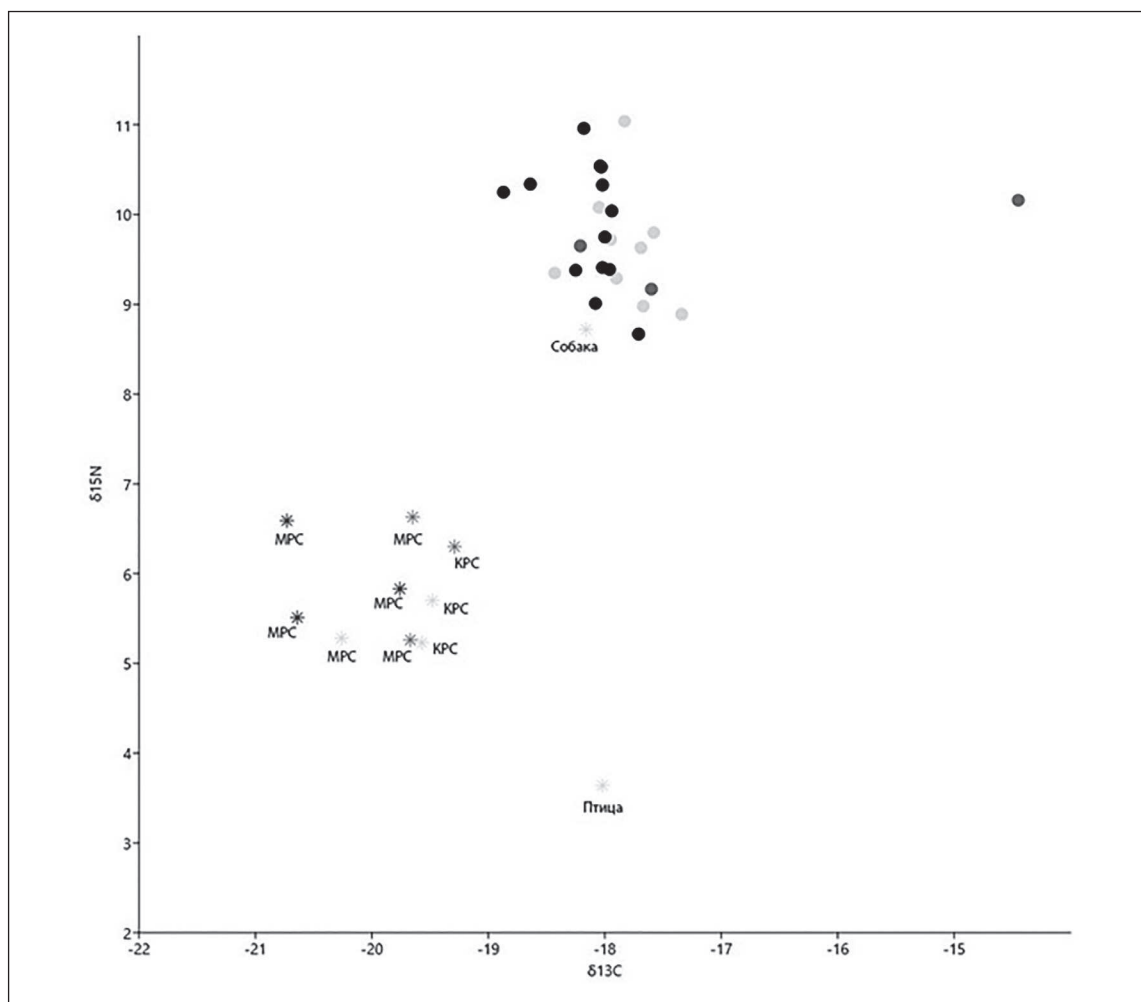

Рис. 2. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ образцов коллагена из могильника Фронтное 3:
 ● – люди (взрослые), * – животные (серый – ранний этап, темно-серый – средний этап, черный – поздний этап функционирования могильника)

на. Дельта выше -18‰ – питание с той или иной долей растений С4 типа фотосинтеза. На данный момент, мы не можем однозначно утверждать какой конкретно фактор (пищевой или климатический) стал причиной нахождения большинства индивидов в «пограничной зоне». Отметим, что аналогию такой ситуации находим у индивидов из погребений сарматского времени и аланских из могильника Северного Предкавказья (Кичмалка II). Захоронения датируются первыми веками н.э. и V–VIII вв. [Бабаенко и др., 2021]. $\delta^{13}\text{C}$ в сарматское время варьируют от $-18,78\text{‰}$ до $-16,68\text{‰}$ и от $-18,07\text{‰}$ до $-16,03\text{‰}$ в раннее средневековье. $\delta^{15}\text{N}$ находятся в пределах значений, установленных для индивидов из могильника Фронтное 3: $9,15\text{–}11,18\text{‰}$ и $8,72\text{–}10,88\text{‰}$. Наряду с этим следует отметить, что изотопный состав углерода и азота коллагена костной ткани людей из погребений Мангупского городища или Восточного некрополя Фанагории как римского времени, так и позднеантичного существенно отличается от показателей, полученных для лю-

дей из захоронений Фронтное [Шведчикова, Свиркина, 2017; Свиркина, 2019]. Дальнейшие исследования в данном направлении позволят пролить свет на этот вопрос.

Таким образом, первые результаты изотопного исследования скелетных останков людей из захоронений могильника Фронтное 3 показали эффективность этого подхода для характеристики образа жизни изучаемой палеопопуляции. Полученные данные указывают на общую территорию, на которой жили эти люди. Ежедневный рацион этого населения был многосоставным, что предполагает использование продуктов животноводства и земледелия. Пока нами не обнаружены различия в питании людей, происходящих из погребений различных типов. В целом, первые полученные данные указывают на стабильный уклад обывденной жизни, который воспроизводился вне зависимости от влияния Рима, успехов или поражений в военных операциях, возможном притоке нового населения. Пока аналогии этого уклада мы видим

только в среде, связанной с укладом жизни аланских племен Предкавказья, а также этнически и культурно не прояснённого населения сарматского времени этого же региона. Они проявляются, прежде всего, в приуроченности к определённым ограниченному ареалу и комплексном

скотоводческом и земледельческом укладе. Дальнейшее увеличение базы сведений об изотопном составе останков людей из могильника Фронтное 3 позволит подтвердить или скорректировать наши гипотезы, полученные на ограниченных выборках.

Литература

- Бабенко А. Н., Добровольская М. В., Васильева Е. Е., Коробов Д. С. Реконструкция ресурсных зон населения Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. по данным изотопного анализа коллагена остеологических материалов из могильника Кичмалка II // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Вып. 49(4). С. 80–90.
- Гаврилюк Н. А., Пашкевич Г. А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов // Советская археология. 1991. № 2. С. 51–63.
- Гавритухин И. О. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. 2020. № 2. С. 91–110.
- Горбаненко С. А., Меркулов А. Н. Зерновое хозяйство среднедонского населения скифского времени // Археология і давня історія України. 2018. Вип. 2(27). С. 397–409.
- Добровольская М. В., Мастыкова А. В. Изотопные исследования скелетных останков людей из гробницы храма в Горзувитах: хронология, особенности питания, мобильность // Краткие сообщения Института археологии. 2020. № 260. С. 428–440.
- Добровольская М. В., Свирикина Н. Г. Редкие опухоли черепа из погребений могильника Фронтное 3 (К обсуждению этиологии) // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 86–94.
- Зайцев Ю. П. Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э. // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 102–122.
- Казанский М. М. Варвары и оборона понтийской границы в Юго-Западном Крыму в эпоху поздней Империи // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 123–135.
- Казарницкий А. А., Строков А. А. К вопросу об аланах в Крыму в эпоху великого переселения народов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 14. С. 155–181.
- Свиридов А. Н., Языков С. В. Могильник Фронтное 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 13–21.
- Свирикина Н. Г. Жители античной Фанагории: реконструкция питания по данным изотопного анализа // Российская археология. 2019. № 2. С. 80–95.
- Свирикина Н. Г. Кремации римского времени могильника Фронтное-3 (антропологический аспект) // Таврические студии. 2020. № 22. С. 128–132.
- Свирикина Н. Г., Володин С. А. Результаты комплексного исследования кремаций I в. до н.э. – II в. н.э. из склепов Восточного некрополя Фанагории // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 260. С. 482–485.
- Свирикина Н. Г., Добровольская М. В. Преднамеренно деформированные черепа из могильника Фронтное-3 // Stratum plus. 2021. № 4. С. 149–157.
- Свирикина Н. Г., Добровольская М. В. Травматические повреждения и посттравматические патологии на скелетах из могильника Фронтное 3 // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 113–126.
- Свирикина Н. Г., Добровольская М. В., Мастыкова А. В., Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Языков С. В. Хронологическая динамика демографических показателей населения, оставившего могильник Фронтное-3 // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева, Е. С. Лесной. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2021. С. 270–276.
- Чагаров О. С., Добровольская М. В. Система питания среднедонского населения скифского времени: хозяйство и природно-климатический фактор (по данным о составе стабильных изотопов углерода и азота) // Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 2. С. 72–83.
- Шведчикова Т. Ю., Свирикина Н. Г. Изотопные исследования антропологических материалов из раскопок храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища (могильники Алмалык и Адым-Чокрак, «церковь 2015 г.», церковь Святого Георгия и церковь Св. Константина) // Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография / отв. ред. А. И. Айбабин. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 207–229.
- Svyatko S. V., Schulting R. J., Mallory J., Murphy E. M., Reimer P. J., Khartanovich V. I., Chistov Yu. K., Sablin M. V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 3936–3945.

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В РЕКОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)¹

Свиридов А. Н.* , Язиков С. В., Полянская Е. Ю., Антипина Е. Е.

Институт археологии РАН, г. Москва

* E-mail: a_sviridov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей погребального обряда могильника Фронтное 3 на разных этапах бытования памятника, с привлечением результатов исследования археозоологической коллекции. В работе рассматриваются результаты анализа 250 отдельных костей домашних копытных животных. Проведено определение анатомической и таксономической принадлежности костей, а также размерных характеристик и относительного возраста животных. Полученные данные были сопоставлены с другими элементами погребального обряда и результатами антропологической информации, осуществлен пространственный анализ распространения костей животных по территории памятника. Зафиксированы яркие изменения в погребальном обряде, связанные с различными хронологическими этапами бытования некрополя. На ранних этапах в качестве жертвенной (заупокойной) пищи встречаются все три вида домашних копытных, причем лошадь преимущественно использовалась в захоронениях определенной группы населения – мужчин-воинов. Начиная с середины II в. в качестве жертвенной пищи выступают практически только части туш КРС и овец, либо заупокойная пища отсутствует вовсе. Позже регистрируется значительное сокращение находок костей овец в погребениях. К IV веку возобновляется практика использования в погребальном обряде мелкогорного скота, появляется новая черта обрядности – помещение в могиле тушек птиц и яичной скорлупы.

Ключевые слова: остеология, археозоология, могильник, Фронтное 3, погребальный обряд, римское время, Крымский полуостров.

Могильник Фронтное 3 был исследован в 2018 году отрядом Крымской новостроечной экспедиции Института археологии РАН. Данные по хронологии, погребальному обряду и основным категориям инвентаря опубликованы [Гавритухин и др., 2020; Свиридов, Язиков, 2019]. Могильник не был ограблен в современности. При его исследовании была собрана большая коллекция отдельных костей домашних копытных животных, интерпретируемых в качестве остатков заупокойной пищи, обнаруженных возле останков погребенных. Всего кости животных обнаружены не менее чем в 224 погребальных комплексах (здесь и далее под погребальным комплексом подразумевается каждый отдельный подбой в двуподбойных могилах, а также отдельные погребения в грунтовых склепах) расположенных в 195 могилах. В ряде погребальных ям зафиксированы также кости птиц и яичная скорлупа. Помимо этого, были обнаружены несколько захоронений с целыми скелетами животных. Весь остеологический материал был представлен для археозоологического исследования. На данном этапе главной задачей являлось определение анатомической и таксономической принад-

лежности костей, а также, когда это возможно, установление размерных характеристик и относительного возраста животных.

Археозоологические исследования².

Всего были проанализированы костные остатки около 250 отдельных костей домашних копытных животных, кости птиц, яичная скорлупа, останки одной лошади и двух собак. Сохранность костей различна: обнаружены и полностью целые кости, и те, у которых и эпифизы, и поверхностный слой компакты значительно разрушены, хотя тафономическое состояние большинства из них оценивается как относительно удовлетворительное (2–3 балла по пятибалльной шкале) [Антипина, 2016]. При этом лучшей сохранностью (в некоторых случаях даже до 5 баллов) отличаются длинные трубчатые кости крупных копытных животных (рис. 1, а, б). Кости мелких копытных

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396-П «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

² Исследования выполнены Е. Ю. Полянской и Е. Е. Антипиной в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

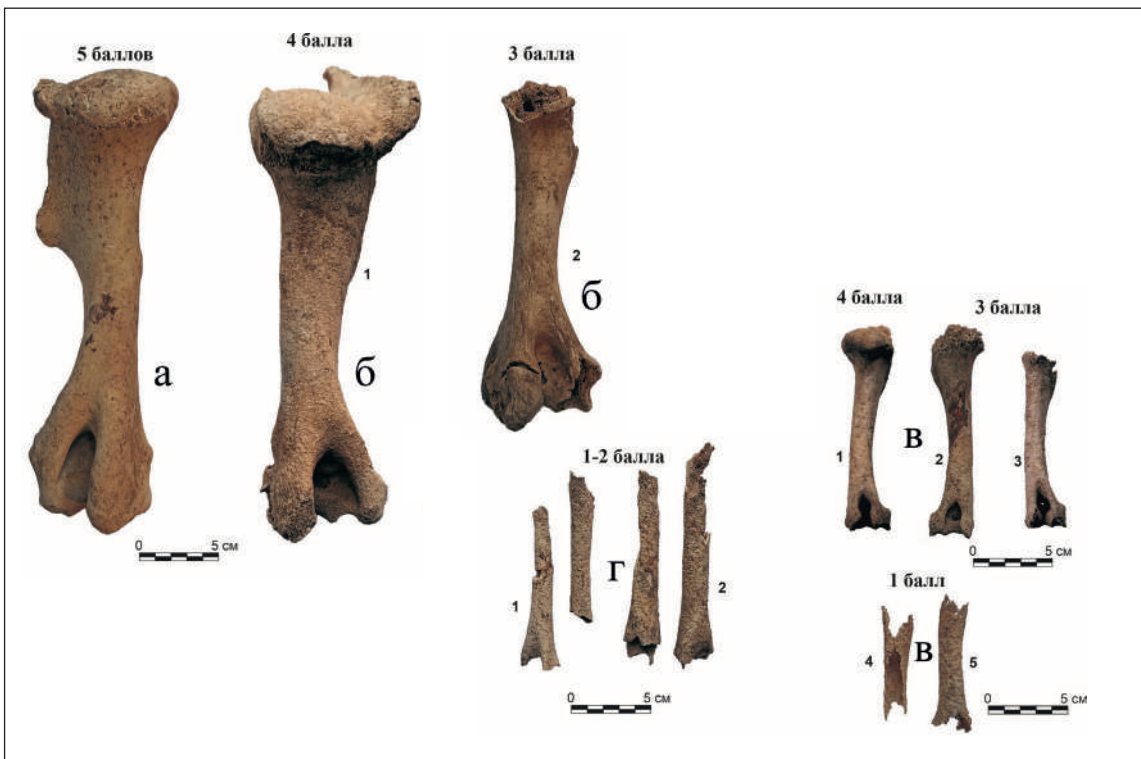

Рис. 1. Тафономическое состояние костей животных.

Оценка сохранности по пятибалльной шкале (Антипина, 2016). Плечевые кости:

а – лошадь (погр. 319, костяк 1), б – КРС (1 – погр. 146; 2 – погр. 5), в – МРС (1 – погр. 142; 2 – погр. 329; 3 – кв. В-9-10; 4 – погр. 177; 5 – погр. 329), г – собака (1 – погр. 197; 2 – погр. 222)

сохранились хуже (2–3 балла) (рис. 1, в), наихудшее состояние костной ткани фиксируется у скелетных останков собак и птиц (1–2 балла) (рис. 1, г).

Среди остатков заупокойной пищи определены главным образом плечевые кости крупного рогатого скота (*Bos taurus*, далее КРС), овец (*Ovis aries*) и лошадей *Equus caballus*. Ряд костей птиц из находок в мисках принадлежали некрупным курам *Gallus gallus* (взрослым и молодым птицам).

Определение возраста животных проводилось по плечевым костям, в соответствии с данными о закономерностях онтогенетического развития этого элемента скелета и возрастных стадий синостозирования (срастания) его отдельных частей – эпифизов и диафиза [Воккен, 1961]. На этой основе получена информация лишь по относительному возрасту животных в определенном диапазоне. Для КРС мы обозначаем возрастную группу молодых животных (трех возрастных градаций) в границах от 1 года до 3-х лет и группу почти взрослых особей – в 3,5 года, хотя физиологически коровы уже в два года готовы к размножению. В группу взрослых коров и быков включаем особей старше 4-х лет. Учитывая, что, как правило, продолжительность эксплуатации КРС ограничивается 9–10 годами, именно этот рубеж условно

принимается нами в качестве предполагаемой финальной возрастной границы использования жертвенных животных. У овец подобные возрастные изменения в скелете происходят в более сжатые сроки, и по остеологическим параметрам фаза взрослой особи у них наступает в 3 года. А сроки формирования скелета лошади по сравнению с КРС запаздывают примерно на один год, при сходной последовательности возрастных градаций молодых особей.

Исследование костей животных из могильника еще не закончено. Однако проведенные археозоологические исследования позволяют высказать ряд суждений о видовом и возрастном составе, а также указать размеры животных, используемых в погребальных ритуалах населения, оставившего могильник.

В погребальных комплексах некрополя присутствуют кости только четырех обычных для римской эпохи видов домашних животных – крупного рогатого скота (КРС), овцы, лошади и собаки, а также костные остатки птиц и яичная скорлупа. Далее будут рассмотрены только кости животных, интерпретируемые как остатки заупокойной пищи.

Подсчеты по погребениям показали, что наиболее многочисленными являются кости крупного рогатого скота (КРС), они выявлены в 119 могилах. В основном это плечевые кости

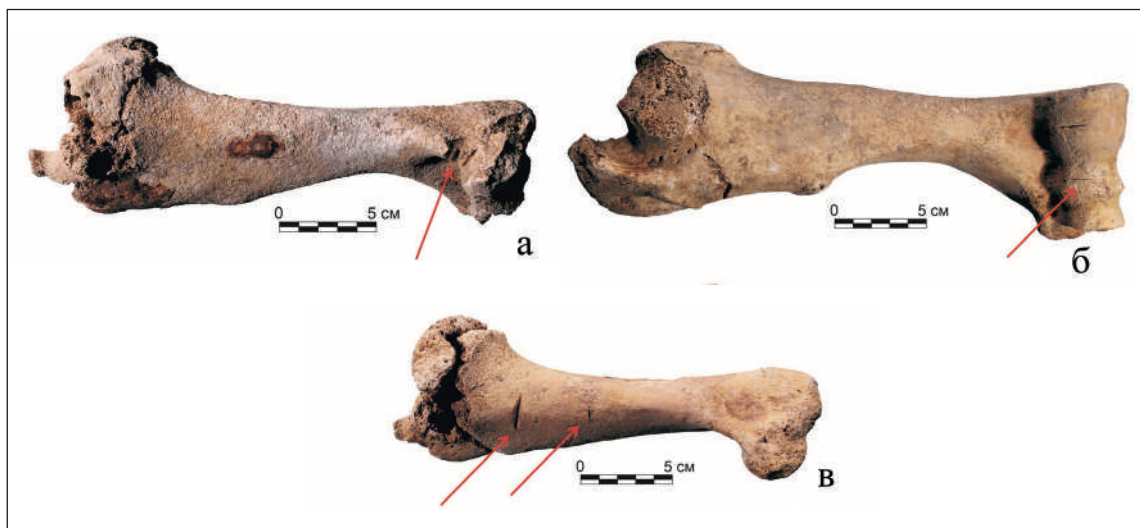

Рис. 2. Следы разрубов и порезов на плечевых костях КРС: а – погр. 146, б – погр. 155, в – погр. 51

(159 экз.), которые представляют собой остатки заупокойной пищи: для них регистрируется некоторое преобладание костей от правой стороны скелета (57,8%). На диафизах почти половины всех плечевых костей (47%) присутствуют следы ожелезнений, в трех случаях прослежены следы медных окислов. Тафономическое состояние костей КРС с высокой степенью разрушения поверхностного слоя компакты почти полностью нивелирует на них возможные следы искусственного воздействия. Нами зафиксированы следы разделки передней конечности только на трех плечевых костях КРС: порезы тонким лезвием на блоке дистального эпифиза плечевой кости из погребения 155 (рис. 2, б), следы разрубов на дистальном эпифизе кости из погребения 146 (рис. 2, а), а также следы разрубов на диафизе плечевой кости из погребения 51 (рис. 2, в).

Полученные по плечевым костям данные о возрастном составе КРС, туши которого использовались для заупокойной пищи погребенных,

свидетельствуют, что среди этих животных около 58% – это молодые особи трех возрастных градаций (от 1 года до 3 лет), 19% – почти взрослые и только 23% – вполне взрослые старше 4-х лет (рис. 3). Вместе с тем, наиболее многочисленной оказалась возрастная группа особей 2–3-х лет. С экономических позиций важно, что в этом возрасте коровы представляют особую хозяйственную ценность для поддержания маточного стада, а быки оцениваются и разделяются на две группы – большинство «утилизируется», как основной мясной продукт, и меньшая часть остается для воспроизводства. Несомненно, что именно из этой возрастной группы молодые бычки могли быть востребованным вариантом жертвенных животных для погребальных обрядов. В нарративных источниках римской эпохи нередко можно обнаружить указание на забой быков – и молодых, и взрослых – как наиболее статусной погребальной жертвы, а также для поминальной и заупокойной пищи.

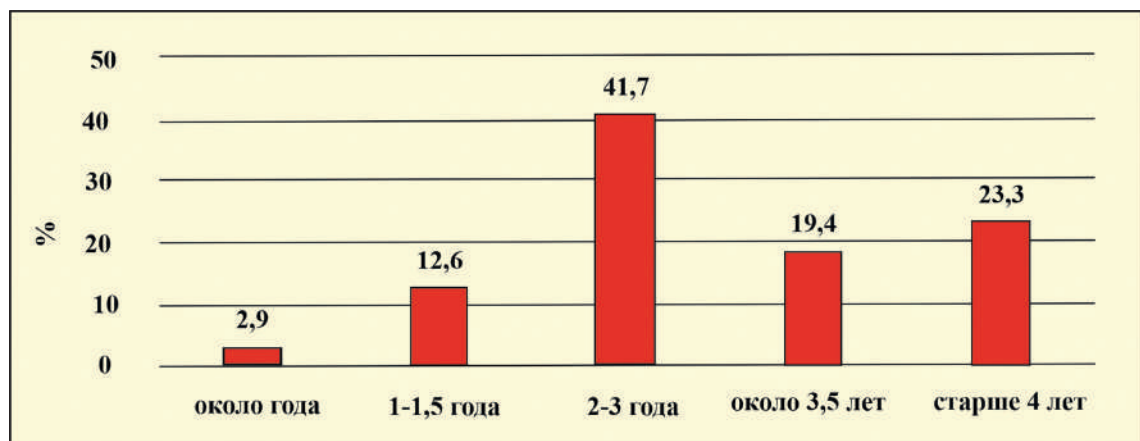

Рис. 3. Возрастной состав КРС (выборка – 103 плечевые кости)

Расчеты наибольшей длины для 36 плечевых костей (как целых, так и с разрушенной проксимальной частью) от взрослых и почти взрослых особей КРС, рост которых уже завершен, обозначили яркие различия в размерах костей и соответственно в габитусе самих животных. Так, максимальные отличия по длине костей достигают 8 см (рис. 4), что означает использование в погребальной практике взрослых и почти взрослых животных разной конституции: и небольших грацильных, и более массивных крупных особей. Такие различия могут быть соотнесены с проявлениями полового диморфизма КРС: в одной породной группе быки нередко крупнее и массивнее коров. Можно предположить, что среди взрослых

жертвенных животных были и коровы, и быки. Проекция полученных промеров плечевых костей на соответствующие параметры костных остатков КРС из античных городов Крыма и Северного Причерноморья [Цалкин, 1960. С. 22] позволяет наметить для жертвенных быков и коров из некрополя Фронтное 3 диапазон размеров по высоте в холке от 105 до 120 см.

Длинные трубчатые кости овец (МРС) по количеству составляют вторую группу остатков заупокойной пищи, обнаружены в 57 могилах. Включают в себя: 57 плечевых костей, 1 бедренную кость (могила 24), 1 большеберцовую кость (могила 175). Подчеркнем, что точная таксономическая принадлежность овце (*Ovis aries*) установлена для 48 плечевых костей, которые

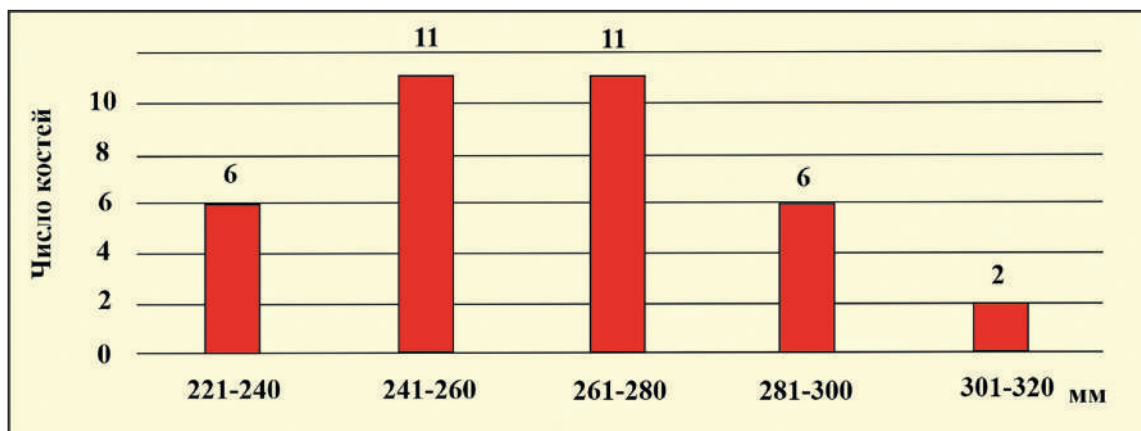

Рис. 4. Вариационный ряд наибольшей длины (мм) плечевой кости КРС (выборка – 36 костей от взрослых и почти взрослых особей)

составляют около 79% всех остатков МРС. Этот показатель позволяет нам с определенной долей условности отнести к указанному виду и все остальные неопределимые до вида кости МРС [Voessneck et al., 1964; Prummel, Frisch, 1986]. По причине неудовлетворительной сохранности этих остатков определение относительного возраста жертвенных животных удалось сделать только в очень широких границах. Достоверно можно говорить лишь о том, что 25 плечевых костей принадлежали особям старше 1,5 лет (вероятно, почти взрослым, но не более чем 3-х лет от роду), и только шесть костей – несомненно уже вполне взрослым животным старше 3 лет. Среди костей МРС не оказалось ни одной целой кости, пригодной для измерения. Поэтому размеры сохранившихся частей плечевых костей оценивались главным образом на качественном уровне по трем размерным группам «крупные–средние–мелкие». Зафиксировано присутствие среди жертвенных особей представителей всех трех групп, с некоторым превалированием средне-мелких по размерам животных. Наиболее крупные особи,

вероятнее всего, были самцами – баранами. В сравнении с современными породами, все особи МРС по размерам, по-видимому, окажутся среди средне-мелких породных групп.

Скелетные элементы лошадей, как остатки от заупокойной пищи, представлены 21 плечевыми костями и 1 бедренной, они происходят из 22 погребальных сооружений, обнаруженных в 20 могилах. Определение возраста жертвенных лошадей по плечевым костям показало, что в погребальном обряде использовались главным образом вполне взрослые особи старше 5 лет. Лишь одна плечевая кость принадлежала молодой лошади, возраст которой был 2–3 года.

Зафиксированные линейные размеры 13 плечевых костей лошадей (расчет их полной длины с коэфф.=0,21) показали различия по этому параметру между самыми мелкими и крупными костями только в 5 см. Таких отклонений обнаружено всего три, а кости 10 особей показывают по размерам значительное сходство между собой в очень узком диапазоне. У лошадей половой диморфизм в размерах выражен гораздо слабее, чем у КРС, поэтому эти

различия можно обсуждать только как индивидуальные особенности животных.

Специфика расположения костей животных в погребении.

Полученные при археозоологическом анализе данные были нанесены на план могильника и соотнесены с рядом других элементов погребального обряда. Всего кости животных в виде жертвенной пищи выявлены в не менее чем 224 погребальных комплексах, расположенных в 195 могилах.

Могильник имеет выразительную планиграфическую структуру. Выделяется два периода в его развитии, четко отраженных в расположении могил на некрополе. Первый период датируется концом I – первой половиной III в., второй период датируется с середины или первой половины III по начало V в. [Гавритухин и др., 2020. С. 93].

Картографирование позволило выделить участки памятника, на которых использовались животные различных видов (рис. 5). Как было упомянуто выше, на могильнике преобладают кости крупного рогатого скота, они выявлены повсеместно и характерны для всех хронологических периодов. Кости мелкого рогатого скота встречаются не во все время существования некрополя, выделяются отдельные зоны, в которых они отсутствуют. Кости лошади характерны только для первого периода бытования могильника, позже они не встречаются.

На крайнем северо-западе могильника компактной группой расположены погребения, в которых в качестве жертвенной пищи в основном использовался мелкий рогатый скот. Они могут быть датированы в рамках конца I – начала II в. н.э. Далее к востоку традиция использования овец прерывается, фиксируется несколько линий могил, в которых встречены кости КРС и кости лошади. По выделенным И. О. Гавритухиным вариантам лучковых фибул эта зона может быть датирована до середины II в. н.э. [Гавритухин, 2022. С. 29–30. Рис. 5]. Вновь кости овцы появляются среди погребений, соотносимых с комплексами второй половины – конца II в. В это время они встречаются достаточно широко в восточном и южном «лепестках» развития могильника [Гавритухин и др., 2020]. В комплексах середины – второй половины III в. н.э. кости мелкого рогатого скота в могилах не характерны. Вновь появляются среди погребений, датирующихся IV в. н.э. В этот период кости овцы встречаются в захоронениях вместе с скорлупой от яиц и костями птиц.

Расположение костей овец варьирует по датировкам погребений. Для ранних комплексов, относящихся ко времени не позже середины – второй половины II в. н.э., находящихся

на крайнем северо-западе и в начальных стадиях восточного и южного «лепестка», все кости МРС встречены внутри сосудов открытых форм, расположенных либо за головой погребенного, либо на черепе (рис. 5, 1). Железный нож так же расположен внутри сосуда.

В погребениях, расположенных на участке памятника, датируемом концом II в. н.э. и позже, традиция меняется, кости укладываются на пол подбоя за головой погребенного рядом с сосудами зачастую закрытых форм (рис. 5, 2). Известны и несколько других вариантов расположения костей. В 5 случаях кость лежала справа от правого предплечья рядом с керамической посудой или без нее (рис. 5, 3), по одному случаю встречена у левого плеча (могила 144) и рядом с керамической посудой в ногах (могила 177).

В комплексах IV века характерно расположение кости так же на полу подбоя, в одном случае они зафиксированы внутри крупного краснолакового блюда (могила 158).

Размещение костей КРС в погребении имеет некоторую вариативность, но почти всегда сопровождается железным ножом. Чаще всего он находился поверх кости животного. Значительно преобладает расположение кости животного на дне подбоя за головой погребенного среди керамических сосудов и других предметов погребального инвентаря. Подобный вариант встречен в 62 случаях.

Вариацией является обнаружение кости КРС за головой погребенного на дне подбоя отдельно, без других элементов погребального инвентаря. Подобных примеров известно 11. Для ранних комплексов, датированных не позднее середины – второй половины II в. н.э., характерно расположение кости только на сосудах открытой формы (рис. 5, 1). Они размещались за головой (13 случаев), на черепе (2 случая), на груди (2 случая). Встречаются и другие варианты нахождения кости в могиле: на костях черепа (3 случая), на ребрах (5 случаев), на полу подбоя слева (1 случай) или справа (2 случая) от плечевой кости, на полу подбоя в ногах (1 случай), на костях ступней (1 случай).

Кости лошади, интерпретируемые как остатки заупокойной пищи, обнаружены в 22 захоронениях. За исключением погребения 170, где была найдена правая бедренная кость, все остальные представлены правыми или левыми плечевыми костями. Подавляющее большинство погребений с костями лошади располагались компактной группой среди погребений, датирующихся концом I – серединой II в. н.э. Часть погребений с костями лошади расположены несколько дальше на восток и юг (могилы 170, 223, 221, 191, 126, 212), все они не

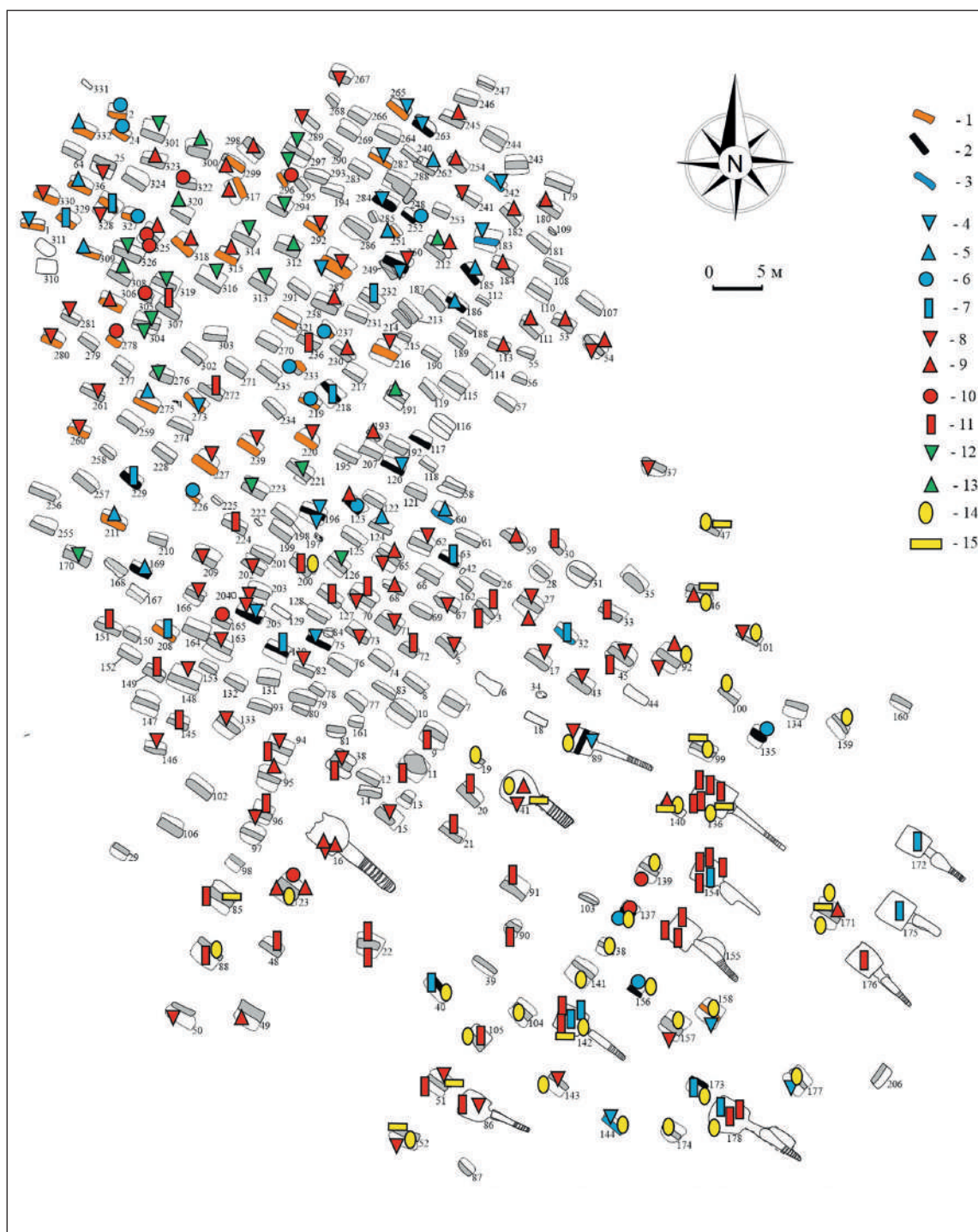

Рис. 5. Погребения с костями животных:

- 1 – кости животного расположены на сосуде открытой формы;**
- 2 – кости животного расположены на полу подбоя за головой погребенного;**
- 3 – кости животного расположены справа и слева от костяка;**
- 4 – мужское погребение с костью МРС; 5 – женское погребение с костью МРС;**
- 6 – детское погребение с костью МРС; 7 – пол погребенного не установлен с костью МРС;**
- 8 – мужское погребение с костью КРС; 9 – женские погребение с костью КРС;**
- 10 – детское погребение с костью КРС; 11 – пол погребенного не установлен с костью МРС;**
- 12 – мужское погребение с костью лошади; 13 – женское погребение с костью лошади;**
- 14 – яичная скорлупа; 15 – кости птицы**

выходят за рамки первого периода в развитии могильника [Гавритухин и др., 2020. С. 93].

Для большинства погребений с костями лошади, расположенных на участке раннего этапа бытования могильника, положение кости совпадает с размещением костей овцы и КРС, они находились на сосудах открытых форм, размещенных в разных местах. Большинство располагалось за головой (9 случаев), на черепе (3 случая), на костях ног и на плече (по одному случаю). В погребениях, локализующихся на участке более позднего этапа существования памятника, кость лошади расположена на полу подбоя за головой погребенного рядом с керамической посудой или отдельно. Исключением из описанной системы размещения костей являются три погребения (300, 301, костяк 1 в могиле 297), открытые на самом северном краю могильника, в которых кость лошади расположена непосредственно на полу подбоя. Вероятно, погребения с новой традицией расположения костей животных могли быть совершены преднамеренно в более ранней зоне.

Соотнесение с антропологическими данными.

Информация, полученная в ходе археозоологического анализа, была сопоставлена с антропологической характеристикой погребенных³. При этом рассматривались погребения (отдельный подбой, отдельное погребение в грунтовом склепе), в которых удалось установить пол для взрослых индивидов, а также детские погребения. Всего подобных комплексов зафиксировано 169.

Кость овцы в погребениях, где установлены половозрастные характеристики погребенных, зафиксирована в 42 случаях. Преобладает среди мужских захоронений – 19 случаев (рис. 5, 4). В женских выявлены в 11 случаях (рис. 5, 5), 12 относятся к подросткам в возрасте до 18 лет и детским погребениям (рис. 5, 6). Среди самых ранних могил кости овец в большинстве встречены в женских и детских погребениях.

Кость КРС в погребениях, где установлены половозрастные характеристики, зафиксирована в 99 могилах. Значительно преобладает среди мужских захоронений, всего выявлено 52 случая (рис. 5, 8). При этом примерно в равных долях встречаются левая (27) и правая (25) плечевые кости. Среди женских захоронений кости КРС обнаружены 37 раз (рис. 5, 9), соотношение левой (17) и правой (20) плечевых костей практически совпадает. В погребениях

подростков и детей найдено порядка 10 костей КРС (рис. 5, 10).

Во всех погребениях, где обнаружены кости лошади, удалось установить пол погребенных. Кости лошади в большинстве встречены в мужских захоронениях, всего подобных случаев 16 (рис. 5, 12). Из них правая плечевая кость обнаружена в 7 комплексах, левая плечевая в 8, правая бедренная найдена в одной могиле. В женских захоронениях кости лошади встречены в 6 случаях (рис. 5, 13). Как отмечалось нами ранее, для ранних зон могильника характерно наличие предметов вооружения, представленного железными мечами, кинжалами без наконечника, кинжалами с кольцевым навершием, а также наборами конской упряжи (Свиридов, Языков, 2022. С. 16. Рис. 2, е, ж, з, к). Сопоставление этих предметов с обнаруженными в могилах костями лошади показывает, что в 11 из 16 мужских захоронений с костями лошади в погребениях присутствует меч или кинжал, в 3 случаях только предметы упряжи, а в 5 комплексах зафиксировано и вооружение, и упряжь. В 6 женских погребениях предметов вооружения не найдено, в одном случае (могила 212) имелись удила. Детских захоронений с костными остатками лошади не выявлено.

Еще одно интересное наблюдение связано с расположением фрагментов от шкатулок. В ранней зоне они известны в 4 случаях и происходят из могил 281, 300, 308, 312 (Свиридов, Языков, 2022. Рис. 2, г). При этом в трех из этих погребений обнаружены кости лошади, а в двух комплексах (300 и 312) фрагменты шкатулки располагались в ногах погребенных.

Можно предположить, что погребенные, в чьих захоронениях зафиксированы кости лошади, имели особый статус среди соплеменников. На это указывают мужские погребения с вооружением и элементами упряжи. В женских могилах состав и расположение инвентаря может свидетельствовать о привнесении новых традиций в погребальную практику общины. В частности, появление нового элемента обряда – использования деревянных шкатулок с металлическими элементами.

Наличие жертвенной кости характерно не для всех погребений. При нанесении подобных комплексов на план были получены интересные результаты. Учитывались захоронения, в том числе отдельные подбои в двухподбойных могилах, в которых погребальная конструкция не нарушена и отсутствие кости можно интерпретировать именно как специфику погребальной традиции. Всего подобная практика отмечена не менее чем в 146 погребениях, расположенных в 127 могилах. Пространственный анализ показывает, что такая

³ Половозрастные определения выполнены Н. Г. Свиридиной и М. А. Самородовой (ИА РАН, Москва).

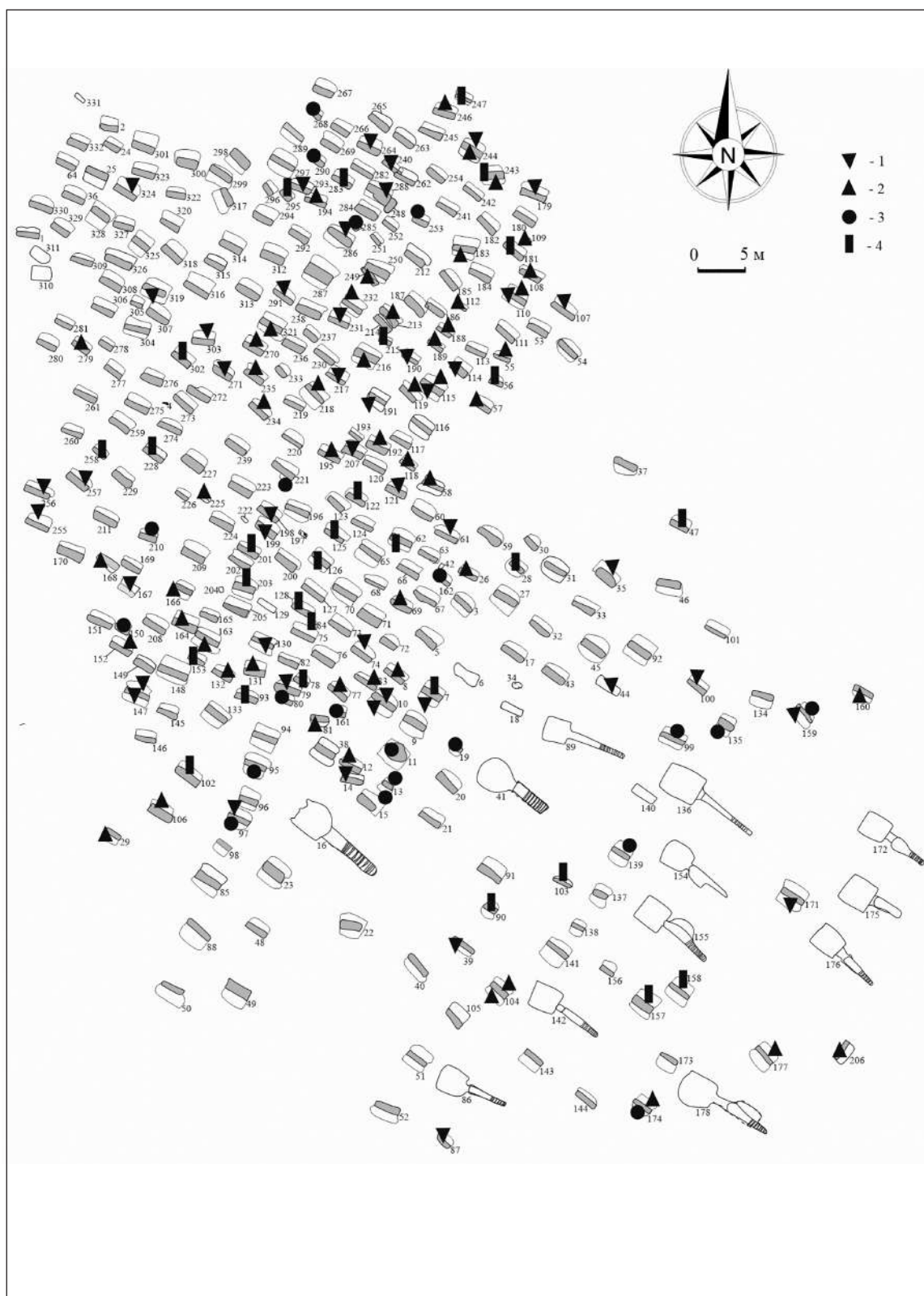

Рис. 6. Погребения без костей животных: 1 – мужское погребение, 2 – женское погребение; 3 – детское погребение; 4 – пол погребенного не установлен

традиция практически не характерна для начальных этапов первого периода существования могильника. Основной массив погребений без костей животных встречен в зонах, которые можно соотносить с серединой II – началом III в. н.э. В комплексах середины – второй половины III в. н.э. эта традиция встречается реже. В могилах IV в. н.э. подобная практика известна, но не преобладает (рис. 6). При сопоставлении наличия заупокойной пищи и половозрастной характеристики погребенных выявлено, что наибольшее количество погребений без жертвенной пищи принадлежит женским захоронениям (51 случаев) (рис. 6, 1), мужских значительно меньше (45 погребений) (рис. 6, 2), достаточно часто встречается эта традиция в подростковых и детских могилах (21 случай) (рис. 6, 3). Пол не определен в 29 случаях (рис. 6, 4).

Вместо заключения.

Принимая во внимание тот факт, что элементы погребального обряда являются достаточно устойчивым признаком той или иной группы древнего общества, на основании анализа костных останков животных и других элементов погребального обряда могильника Фронтное 3 можно сделать некоторые предварительные выводы.

На ранних этапах существования некрополя для погребального обряда были характерны следующие признаки: 1) наличие жертвенной пищи в подавляющем большинстве погребений, располагавшейся на сосудах открытых

форм, при этом встречены костные остатки всех трех видов жертвенных животных; 2) использование лошади преимущественно в погребальном обряде определенной группы населения – мужчин-воинов.

Начиная примерно с середины II в. н.э. обряд претерпевает изменения, в качестве жертвенной пищи выступают части туш КРС и овец, располагающиеся на полу подбоя среди других элементов инвентаря, либо заупокойная пища отсутствует вовсе.

В середине III в. н.э. значительно сокращается доля погребений без жертвенной пищи. Кости овцы не фиксируются, заупокойная пища представлена частями туш КРС. К IV веку возобновляется практика использования в погребальном обряде мелкого рогатого скота, появляется новая черта обрядности – помещение в могиле птиц и яичной скорлупы. Вновь фиксируются захоронения с вооружением и конским снаряжением.

Работа по всестороннему анализу археозоологических данных в рамках погребального обряда будет продолжена. На данном этапе нами представлены предварительные результаты этого исследования. В дальнейшем они будут дополняться. Проведенное в работе сопоставление результатов археозоологического и антропологического исследования с археологическими данными дает возможность по-новому рассматривать культурно-исторические процессы, протекавшие в регионе в римское время.

Литература

- Антипина Е. Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М.: ИА РАН, 2016. С. 96–118.
- Вокен Г. Г., Глаголев П. А., Боголюбский С. Н. Анатомия домашних животных: учеб. пособие. Ч. 1. Система органов движения. М.: Высш. шк., 1961. 391 с.
- Гавритухин И. О. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтное 3 // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 22–43.
- Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. 2020. № 2. С. 91–110.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 255. С. 182–202.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник Фронтное 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 22–43.
- Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 7–109. (МИА. № 53).
- Boessneck J., Muller H.-H., Teichert M. Osteologische Unterscheidungsmerkmale zwischen Schaf (*Ovis aries* Linné) und Ziege (*Capra hircus* Linné) // Kühn-Archiv: Arbeiten aus der Landwirtschaftlichen Fakultät der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. 1964. Vol. 78. P. 1–129.
- Prummel W., Frisch H.-J. A guide for the distinction of species, sex, and body side in bones of sheep and goat // Journal of Archaeological Science. 1986. Vol. 13. P. 567–577.

МАРКЕРЫ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ОПУШКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Храпунов И. Н.^{1*}, Стоянова А. А.^{2**}

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Таврическая академия, г. Симферополь

² Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

* E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

** E-mail: ancient2008@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить признаки, характерные для женских погребений римского времени из могильника Опушки, расположенного в центральной части крымских предгорий. Всего проанализировано 59 захоронений, датирующихся в целом I–IV вв. н.э. и относящихся к позднескифской и нейзацкой археологическим культурам. Выяснилось, что ни конструкции могил, ни погребальный обряд не являются гендерными маркерами, в отличие от погребального инвентаря. Наиболее ярко демонстрируют гендерную идентичность наборы бус, целые зеркала и пряслица. Остальные предметы – фибулы, украшения, керамические и стеклянные сосуды, ножи – не являются атрибутом сугубо женской субкультуры, встречаясь и в мужских, и в детских захоронениях.

Ключевые слова: предгорный Крым, римское время, могильник Опушки, женские погребения, погребальный инвентарь, бусы, гендер.

Гендерные исследования позволяют углубить и дифференцировать знания о любом обществе, а возможность использования для этих целей археологических данных, особенно материалов погребений, не вызывает сомнений [Социальная структура..., 2005. С. 67, 68; Берсенева, 2011. С. 80–98; Балабанова и др., 2015. С. 230, 231]. Половозрастная структура населения крымских предгорий римского времени пока изучена очень слабо, специальных исследований по этой теме нет, выделялись лишь отдельные гендерные маркеры в рамках анализа некоторых категорий инвентаря [Труфанов, 2019; 2020; Стоянова, 2011а; 2021а; Храпунов, 2010] или публикаций отдельных погребений [Храпунов, 2006а; 2006б; 2007а; 2007б; Trufanov, Mordvintseva, 2019].

Состояние источников и методические особенности. Могильник Опушки расположен в центре крымских предгорий, в 15–20 км к востоку от Симферополя. Раскопки памятника ведутся с перерывами с 2003 г. За это время раскопано 399 погребальных сооружений, в том числе 54 склепа, 144 подбойных могилы, 198 грунтовых могил, 1 каменный склеп, 1 каменный ящик, 1 плитовая могила. Могильник использовался непрерывно с I в. до н.э. до IV в. н.э. включительно. Он поликультурен. Раннюю группу погребальных сооружений представляют склепы I в. до н.э. – первой половины II в.

н.э., относящиеся к позднескифской культуре. Склепы и другие погребальные сооружения III–IV вв. н.э. относятся к нейзацкой археологической культуре. Многочисленные подбойные и грунтовые могилы второй половины I – III в. н.э. можно отнести и к той, и к другой традиции (некоторые итоги раскопок могильника см. [Храпунов, 2021а]).

До сих пор была предпринята единственная попытка выделить группу опушкинских погребений по гендерному признаку [Стоянова, 2012]. В этой статье мы попробуем определить признаки погребений женщин, а также проследить динамику их изменений во времени. Предварительно стоит остановиться на некоторых методических аспектах исследования. Во-первых, большинство погребальных сооружений Опушкинского могильника разграблено в недавнее время. Кости и погребальный инвентарь перемещены, выброшены из могил или унесены грабителями. Это обстоятельство существенно сокращает выборку подходящих для анализа погребений, что, конечно, сказывается на достоверности наших выводов.

Во-вторых, за рамками нашего исследования остались позднескифские склепы I в. до н.э. – середины II в. н.э. Погребальные традиции, в соответствии с которыми в каждый склеп помещали множество погребенных, хоронили их непосредственно друг на друге, без просло-

ек земли, кости ранее погребенных и инвентарь сдвигали, привели к тому, что, как правило, становится невозможным соотнести предметы погребального инвентаря с конкретным костяком. Всего раскопано 18 таких склепов. Определить количество погребенных в них не представляется возможным (все они в той или иной мере ограблены). Но учитывая, что некоторые склепы содержали около 130 костяков [Храпунов, Стоянова, Мульд, 2009; Храпунов, Стоянова, 2020], можно предположить, какой огромный массив информации оставлен за скобками, а все наши выводы, касающиеся погребений раннеримского времени, справедливы лишь для небольшой части коллектива, хоронившего умерших в индивидуальных могилах.

В-третьих, любые палеосоциальные реконструкции опираются на антропологические данные. Для Опушкинского могильника эти данные отрывочны: часть погребений осталась неизученной антропологами, а состояние многих костных останков таково, что сделать какие-либо половозрастные определения невозможно¹.

Эти обстоятельства привели к тому, что пригодными для нашего анализа оказались всего 59 женских погребений (табл. 1). По хронологии они делятся на три группы: 1-я группа – погребения, датированные I – первой половиной II в. (19 погр.); 2-я группа – погребения второй половины II – первой половины III в. (27 погр.); 3-я группа – погребения второй половины III – IV в. (13 погр.)². Лишь в 22 случаях антропологам удалось установить возраст погребенных: 15 женщин относятся к возрастной группе *Adultus* (21–44 года), 4 – *Juvenis* (18–20 лет), 3 – *Maturus* (45–60 лет).

Особенности погребального обряда. Женщин хоронили в подбойных и грунтовых могилах, а также в склепах. Предпочтения в использовании того или иного вида погребального сооружения менялись со временем. В грунтовых могилах похоронено 11 женщин, причем все случаи относятся к 1-ой хронологической группе. Подбой использовались с I по IV в., всего в них похоронена 21 представительница женского пола, но после середины III века в подбой осуществили только 1 женское захо-

ронение. Больше всего погребений из нашей выборки связано со склепами позднеимского времени – 27 случаев, причем они почти равномерно разделены между 2-й и 3-й хронологическими группами (15 и 12 соответственно). Вряд ли стоит искать причины такого распределения погребений в гендерных особенностях: каких-либо отличий в конструкциях женских могил, по сравнению с мужскими, не замечено. Более того, и в подбойных, и в грунтовых могилах нередко встречаются парные захоронения умерших обоего пола, а для склепов гендерная смешанность погребенных – типичная черта.

Не выявлено каких-либо устойчивых гендерных признаков и в погребальном обряде. Женские захоронения, как и мужские, иногда совершались в гробах. В одном из подбоев 1-й хронологической группы и в склепе 3-й группы зафиксирована угольная подсыпка. В качестве заупокойной пищи употреблялось мясо животных на кости, в погребениях IV в. – еще и куриные яйца. Мясо иногда клали на пол могилы, иногда – в краснолаковую миску, в обоих случаях часто вместе с ножом. Таким образом, вариативность элементов погребальной практики людей, хоронивших в Опушкинском могильнике, не коррелируется с половой дифференциацией и обусловлена иными – культурными и хронологическими – причинами.

Состав погребального инвентаря. Состав инвентаря традиционно считается гендерным признаком, позволяющим археологам трактовать пол погребенных без антропологической экспертизы. Особенно показательны в этом отношении предметы, характеризующие костюм погребенных и род их занятий.

Костюм. Наиболее ярким и почти неотъемлемым элементом женского костюма являются бусы. Это единственная категория находок, сопровождавшая почти все женские захоронения. Отсутствовали они лишь в шести погребениях, относящихся ко всем трем хронологическим группам. Бусы являлись главным декором костюма в течение всего периода функционирования Опушкинского могильника, но способы их использования и состав наборов неоднократно менялся. В I – первой половине II в. н.э. женщины предпочитали небольшие, в несколько десятков бус, однорядные ожерелья, основу которых составляли гагатовые или сердоликовые пронизи, дополненные одноцветными стеклянными бусами, причем стекло предпочитали белое или с внутренней позолотой (рис. 1, 1). Для ожерелий обычно использовали бусы среднего размера, до 1–1,5 см в диаметре. В пяти погребениях ранней группы зафиксированы небольшие нити с одинаковым числом бус (от 11 до 17), обвивающие оба запя-

¹ Тем не менее, значительное число погребений в разное время были изучены В. Ю. Радочиным, В. И. Безбородых и Н. Г. Сvirкиной. Мы используем предоставленные ими половозрастные определения костяков и благодарим за проведенные исследования.

² Это деление в некоторой степени условно, поскольку в выборке есть погребения с «пограничной датой», например, совершенные около середины III в. н.э., сочетающие в себе инвентарь и первой, и второй половины столетия. Такие погребения отнесены нами к 3-й хронологической группе.

стью умершей (рис. 1, 3). Интерпретировать их однозначно как браслеты или обшивку рукавов платья проблематично: в пользу первого способа свидетельствуют размеры бус (5–12 мм в диаметре), не совсем подходящие для нашивки, особенно на тонкую ткань; в пользу второго – обязательная парность и одинаковый состав наборов, хотя и то и другое вполне допустимы и для браслетов. В трех погребениях (мог. №№ 60, 84 и 362) браслеты найдены вместе с ожерельями, при этом состав типов бус у них одинаков, очевидно, украшения составляли парюру. Украшение бусами нижней части поясной одежды и обуви отмечено лишь в четырех могилах раннеримского времени, все они – подбойные. Декор устойчив и представляет собой одну низку мелкого фаянсового бисера бирюзового цвета (рис. 1, 4) в сочетании с таким же мелким бисером из одноцветного стекла, преимущественно синего и белого. В одной могиле (№ 84) композицию дополняли не крупные бусы с внутренней позолотой. Очевидно бисером обшивался подол платья, а в случаях, когда бусы лежат кольцом вокруг берцовых костей, – штанины или высокую обувь типа сапог.

В четырех грунтовых могилах I в. н.э. зафиксированы нестандартные наборы, состоящие из крупных полихромных (глазчатых или мозаичных) бус, ребристых пронизей из египетского фаянса и нескольких фаянсовых амулетов (рис. 1, 2). Они располагались в верхней части костяков, их назначение не ясно – бусы могли составлять небольшие ожерелья, использоваться в качестве пуговиц или вообще не иметь отношения к костюму. Состав наборов, нетипичный для женских погребений, напротив, весьма характерен для детей [Стоянова, 2012. С. 85]. Явной корреляции наборов с возрастом их обладательниц не прослеживается: они сопровождали как молодых женщин 18–20 лет (2 случая), так и вполне зрелых, старше 35 и 45 лет (по 1 случаю). В подбойных могилах таких наборов не выявлено, зато в одном из позднескифских склепов рассматриваемая композиция бус зафиксирована у женщины 18–20 лет [Храпунов, Стоянова, Мульд, 2009. С. 29. Рис. 12].

С середины II в. в бусинном декоре происходят изменения, в частности значительно увеличивается количество бус в погребениях, иногда до 1000 и более экземпляров. В это время складываются устойчивые комбинации составляющих наборов типов бус, бытующие до середины III в. и придающие своеобразие костюму женского населения крымских предгорий. Особенно яркой для этого периода была традиция украшать нижнюю часть поясной одежды сотнями стеклянных бус, расположенных горизонтальными рядами и образующими

достаточно широкий и тяжелый «орнаментальный пояс» (рис. 2, 1) [Стоянова, 2021]. Трудно представить, как можно было передвигаться в платьях, расшитых таким образом. Возможно, мы имеем дело со специальными погребальными одеждами. В погребениях 2-й хронологической группы такая обшивка зафиксирована в 17 случаях, причем присутствовали они и в уже традиционных для этого периода подбойных могилах, и в склепах совершенно новой для предгорного Крыма конструкции, принесенных, очевидно, новой волной мигрантов. По всей видимости, этот феномен отражает сложные процессы взаимодействия пришельцев и аборигенных жителей, возможно, маркируют формирование смешанных брачных союзов. Примечательно также, что рассматриваемые наборы являются частью костюма женщин старше 20 лет и, по всей видимости, отражают их социальный статус в коллективе. Лишь один раз набор зафиксирован в захоронении девочки 10–11 лет в подбойной могиле № 73 [Стоянова, 2012. С. 59, 68]. От других детских погребений эта могила отличается еще и размером погребальной конструкции, вполне подходящей для захоронения взрослого человека. Возможно, два этих факта указывают на то, что социальный статус подростков уже отличался от положения детей, и они рассматривались как члены взрослого коллектива.

После середины III в. обычай обильно украшать одежду бусами исчезает. В 3-й хронологической группе отмечены только 3 погребения с относительно большими бусинными наборами: в склепах №№ 164 и 346 на груди погребенных располагались ожерелья из более чем 200 бусин, преимущественно мелких из синего стекла и разнообразных янтарных пронизей [Храпунов, Стоянова, 2022. С. 304. Рис. 24,3,4], а в склепе № 348 в ногах умершей располагался набор, аналогичный описанным выше наборам из комплексов 2-й хронологической группы. Инвентарь этих погребений позволяет отнести их к середине III столетия или чуть позже. Это свидетельствует о том, что двухсотлетняя, очень устойчивая традиция уходила постепенно, некоторое время сосуществуя с инновациями, и вытесненная ими окончательно к IV в. Новая модель костюма отличалась минимализмом декора: как правило, он ограничивался коротким ожерельем, состоящим из мелких стеклянных пронизей синего или зеленого цвета, часто – в сочетании с украшениями из янтаря (рис. 2, 2).

Крайне редко женский костюм украшался золотыми бляшками и другими мелкими золотыми предметами. В Опушкинском могильнике пока известны только два случая исполь-

Рис. 1. Бусы из женских погребений Опушкинского могильника I – первой половины II в.:
1 – мог. № 362, 2 – мог. № 167, 3 – мог. № 179; 4 – бисер из египетского фаянса

Рис. 2. 1 – набор бус второй половины II – первой половины III в., мог. № 283;
 2 – ожерелье IV в. (мог. № 341);
 3 – реконструкция женского костюма середины III в. (мог. № 346)

зования нашивных бляшек – в могилах № 179 [Стоянова, 2018] и № 362, датирующихся в пределах второй половины I – II в. В обоих захоронениях нашивные бляшки сочетались с бусами. Оба погребения содержали похожий инвентарь: среди прочих вещей в его состав входили по паре курительниц и довольно редкие для Крыма прямоугольные зеркала. В других женских могилах такие вещи отсутствуют. Эти особенности выделяют указанные комплексы из остальной массы опушкинских могил, в некоторой степени сближая их с элитными женскими погребениями среднесарматской культуры. Нельзя исключать, что обладательницы не совсем стандартного набора вещей отличались особым социальным статусом. Следует еще отметить находки множества золотых бляшек в позднескифских склепах, где их нельзя соотносить с конкретными погребениями. Так что в среднесарматское время такие украшения использовались значительно чаще, чем представляется на основании результатов раскопок подбойных и грунтовых могил.

Фибулы обнаружены в 19 могилах, т.е. в каждом третьем женском захоронении. В хронологическом разрезе ситуация выглядит следующим образом: в 1-й группе фибулы сопровождали 47% погребений этого времени, во 2-й группе – 29%, в 3-й группе – лишь 16%. Согласно этим данным, в I – первой половине II в. н.э. фибулы использовала почти каждая вторая женщина, однако это утверждение верно только для части коллектива, практиковавшего обряд погребения умерших в индивидуальных могилах. В склепах с коллективными погребениями, функционировавшими в это же время, фибулы встречаются гораздо реже, и, учитывая этот факт, следует признать, что в раннеримское время преобладающим был все-таки бесфибульный костюм [Стоянова, 2021. С. 29]. Данные по 2-й и 3-й хронологическим группам вполне репрезентативны, поскольку исключают фактор позднескифских склепов. Примечательно, что процент использования застежек «опушкинскими» женщинами во второй половине II – первой половине III в. гораздо ниже, чем, например, у женщин, похороненных в это же время в Нейзацком могильнике [Стоянова, 2011. С. 116]. После середины III в. фибулы исчезают: в 3-й хронологической группе они сопровождали только два самых ранних погребения в склепах №№ 164 и 346. Любопытно, что во второй половине I – первой половине II в. использовались как одна, так и две фибулы, а в более позднее время преобладал костюм с одной застежкой.

Традиционными женскими украшениями считаются браслеты, перстни, кольца и серьги³.

Статистика находок этих вещей в Опушкинском могильнике не позволяет назвать их неотъемлемой частью костюма, тем не менее они являются важным его элементом. Перечисленные изделия сопровождали 43% погребений, т.е. почти каждая вторая женщина использовала дополнительные (помимо бус) украшения. Носили их по-разному. В большинстве случаев (15 погребений) выбирался какой-то один аксессуар, чаще всего это было кольцо или перстень, реже – серьги. Нередки случаи совмещения украшений: в семи могилах на погребенных были надеты или положены рядом серьги, браслет и кольцо (или перстень), в четырех серьги дополнялись перстнем или кольцом, и только в одном захоронении присутствовали браслет с кольцом. Наиболее значительна доля погребений с кольцами и серьгами (22% всей выборки), меньше всего учтено погребенных с перстнями (17%).

Как правило, руку погребенной украшал один браслет, один перстень или одно кольцо. Исключения редки. Наиболее яркое зафиксировано в южном подбое могилы № 9. Там похоронили двух женщин 20–25 и 35–40 лет. На руку одной из них надели два браслета и четыре кольца, а на другую руку – два браслета и кольцо [Храпунов, Стоянова, 2013. С. 185]. Серьги во второй половине I – первой половине II в. надевали по одной, позже – преимущественно попарно. Браслеты со второй половины III в. опускать в женские могилы стали крайне редко – всего зафиксировано три таких случая, в двух из них браслеты были парными [Храпунов, Стоянова, 2022. С. 269, 273], к IV в. эта традиция полностью исчезает.

Только в одном женском погребении обнаружена гривна [Храпунов, Стоянова, 2022. С. 269]. Эти предметы вообще не очень характерны для населения крымских предгорий, но имеющиеся находки позволяют отнести их к вещам детской субкультуры. Женщины и мужчины использовали гривны одинаково редко [Стоянова, 2011б. С. 124].

Предметы туалета и быта. Типично женским инвентарем считаются зеркала, хотя некоторые исследования показывают, что это утверждение верно лишь отчасти [Берсенева, 2022]. В Опушкинском могильнике с конкретными женскими погребениями можно соотносить 12 зеркал, у мужчин они не обнаружены. В могилу всегда клали по одному целому зеркалу. Поч-

³ По наблюдениям Б. Полит, основанным на анализе инвентаря из разных могильников предгорного Крыма с учетом антропологических определений, с женскими погребениями связаны 63% учтенных исследовательницей серег, 59% колец и перстней, 46% браслетов [Polit, 2022. P. 160, 162, 167].

ти все зеркала сосредоточены в погребениях, совершенных в I – первой половине III в., лишь три экземпляра сопровождали захоронения середины – второй половины III столетия. Нет ни одного женского погребения IV в., с которым можно было бы уверенно соотнести зеркало.

Орудия труда из женских погребений представлены керамическими пряслицами, иглой и оселком. Пряслица можно отнести к сугубо женской категории инвентаря, в детских погребениях они встречаются очень редко, а в мужских – отсутствуют. В раннеримское время обычая помещать пряслица в погребения не было, только в одной могиле эти вещи были обнаружены, причем парой. В позднеримское время, напротив, пряслица сопровождали 40% погребений, во всех случаях их клали в могилу по одному. Лишь единожды встречены игла и оселок, оба предмета – в склепах III в.

Еще одним исключительно женским атрибутом являются шкатулки. Помещение их в женские могилы становится «едва ли не нормой» в погребальной практике крымских предгорий с конца I в. н.э. [Труфанов, 2020. С. 178]. На этом фоне почти полное отсутствие деталей ларцов, обнаруженных в женских погребениях Опушкинского могильника лишь дважды, кажется удивительным и пока необъяснимым. Возможно, их заменяли небольшими сумочками или мешочками, сделанными из кожи или ткани. В такие мешочки, как и в шкатулки, складывали разнообразные «ценности» – крупные бусины, зеркала, колокольчики, подвески, т.н. кольца «с шишечками», пряслица, небольшие ножи. О наличии таких мешочков в могилах свидетельствуют небольшие скопления предметов, расположенные, часто на пятне органического тлена, рядом с костяком. В некрополе Опушки такие скопления зафиксированы в 10 погребениях, причем все случаи достаточно равномерно распределены по хронологическим группам. Обычно мешочек с вещами клали у локтя или предплечья умершей или недалеко от стоп.

Краснолаковые сосуды, обычно по одному, иногда – два, сопровождали третью часть женских погребений. До IV в. довольно редко ставили лепные сосуды, однако в начале IV столетия ситуация резко меняется. Наряду с другими существенными инновациями в культуре населения крымских предгорий [Храпунов, 2021б], появилась традиция ставить в склепы десятки сосудов. Ясно, что в них находилась заупокойная пища и питье, предназначенные для похороненных, но соотнести их с конкретными погребениями, как правило, невозможно, т.к. сосуды расставлялись вдоль стен погребальных камер, а не рядом с погребенными.

Выводы. Таковы основные особенности женских погребений, которые нам удалось подметить во время раскопок могильника Опушки. Погребальные обряды, точнее их следы, зафиксированные при раскопках женских и мужских погребений, идентичны. Состав погребального инвентаря, который опускали в могилы с женщинами, с гендерной точки зрения более выразителен. Безусловным гендерным маркером являются бусы, однако сам факт их присутствия в погребении малоинформативен (бусы встречаются и в мужских, и, тем более, в детских захоронениях). Важно, какие бусинные наборы сопровождают погребение и какова их функция. Вариативность этих наборов высока, однако выделяются устойчивые комбинации, типичные не только для определенного хронологического периода, но четко маркирующие пол и даже возраст их обладательниц. Более того, на фоне этих устойчивых наборов выделяются девиации, например присутствие у взрослых женщин наборов, обычных для детского костюма. Кроме того, значимость бус как способа выражения своей гендерной идентификации меняется со временем. Наиболее ярко это отражено в погребениях второй половины II – первой половины III в., когда женщины, украшая костюм сотнями бус, демонстрировали свой гендерный статус. В IV в., напротив, необходимость подчеркивать свою женственность с помощью бусинного декора исчезает, для этого достаточно было, и то не всегда, неброских коротких ожерелий. Единственным предметом, уверенно связываемым с женской идентичностью в IV в., являются пряслица.

К числу значимых элементов женской субкультуры населения, оставившего Опушкинский могильник, следует отнести зеркала. Эти предметы есть и в детских могилах, но там они обычно представлены фрагментами, что тоже является показателем гендера. Помимо полового идентификатора, зеркала в сочетании с курильницами в раннеримское время, возможно, маркировали принадлежность своих обладательниц к сфере культа.

В целом, женские погребения по составу инвентаря существенно отличаются от мужских, но очень схожи с детскими, хотя есть и ряд отличий. Однако в общественном сознании, по-видимому, дети социально находились рядом с женщинами, но не с мужчинами. Косвенно это может подтверждать неоднократно зафиксированный факт погребения детей в одной могиле с женщинами или в непосредственной близости от женщин, если речь идет о склепах.

Литература

- Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
- Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.
- Берсенева Н. А. Зеркало в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала: маркер гендера или статуса, предмет культа или быта? // *Stratum plus*. 2022. № 3. С. 159–170.
- Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / Под ред. Н. Н. Крадина, А. А. Тишкина, А. В. Харинского. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2005. 230 с.
- Стоянова А. А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011а. С. 115–151.
- Стоянова А. А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2011б. Вып. XVII. С. 116–140.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
- Стоянова А. А. Об одном типе наборов бус из женских погребений римского времени предгорного Крыма // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2021а. № 4. С. 92–120.
- Стоянова А. А. Фибулы Опушкинского могильника (по материалам раскопок 2003–2020 гг.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2021б. Вып. XXVI. С. 22–39.
- Труфанов А. А. Пряслица с изображениями животных из варварских могильников предгорного Крыма // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. V / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД», 2019. С. 282–299.
- Труфанов А. А. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I–IV вв. н.э. // *История и археология Крыма*. 2020. Вып. XII. С. 163–200.
- Храпунов И. Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2006а. Вып. XII. С. 161–250.
- Храпунов И. Н. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац // *Готы и Рим* / Ред. Р. В. Терпиловский. Киев: Стило, 2006б. С. 42–51.
- Храпунов И. Н. Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки // *Древняя Таврика* / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007а. С. 115–124.
- Храпунов И. Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2007б. Вып. XIII. С. 31–55.
- Храпунов И. Н. Изделия сплетенные из железных колец // *Боспорские исследования*. 2010. Вып. XXIII. С. 459–462.
- Храпунов И. Н. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД», 2021а. С. 235–259.
- Храпунов И. Н. Инновации IV в. н. э. в культуре населения крымских предгорий // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2021б. № 3. С. 80–91.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Доля, 2009. 96 с.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // *Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху* / Отв. ред. Е. В. Смынтина. Киев: Видавель Олег Філюк, 2013. С. 184–207.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Каменный склеп Опушкинского могильника // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. VI / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД», 2020. С. 66–112.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Склеп III в. н. э. с украшениями в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. VIII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Севастополь: Альбатрос, 2022. С. 268–324.
- Polit V. Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2022. 425 s.
- Trufanov A. A., Mordvintseva V. I. A Female Burial with Gold Jewellery from the Ust'-Al'ma Necropolis (Crimea) Dating from the 1ST Century AD // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 162–179.

Таблица 1. Распределение погребального инвентаря в женских захоронениях Опушкинского могильника¹

№ мог/ погр.	Тип могилы	Возраст	Особенности обряда	Погребальный инвентарь																											
				6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31		
1		2	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
1-я хронологическая группа (I – первая половина II в. н.э.)																															
21/IX	Г	20-21																													
21/XIV	Г	18-20			+																										
34	П	-	КЖ		+											+															
45/ЮП	ДП	35-40	УП		+											+															
45/СП	ДП	30			+									2						+ ²											
60	П	-			+					2			+																		
84/СП/1	ДП	ок. 30			+	+				+																		+			
84/СП/II	ДП	ок. 30			+	2				2																					
84/ЮП	ДП	ок. 20	УП		+					+																		+			
149/II	Г	18-20			+								+												4						
154/1	Г	50+														+															

¹ Используемые в таблице сокращения:

Типы могил: Г – грунтовая, П – подбойная, ДП – двойной подбой (ЮП – южный подбой, СП – северный подбой), С – склеп.
Особенности обряда: КЖ – кость животного, УП – угольная подсыпка, Гр – гроб, СЯ – скорлупа яиц.

Обозначения в таблице: + – предмет найден в одном экз.; цифра – количество предметов в погребении.
² Обломок.

СЛЕДЫ ОГНЯ НА ВАРВАРСКИХ МОГИЛЬНИКАХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ

Чарусов Т. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Таврическая академия, г. Симферополь
E-mail: tima.charusov@mail.ru

Аннотация. В предгорном Крыму известны десятки могильников, существовавших в римское время и принадлежавших варварам. Данным некрополям свойственны погребальные обряды, связанные с огнем, но не относящиеся к кремации. На территории могильников разводили костры, в погребальные сооружения помещали сосуды с углями или посыпали углями пол. Для позднекифских погребений характерно использование курильниц, сосудов и их фрагментов с углями внутри. Позднее в могилах появляются локальные скопления углей, в III–IV вв. н.э. распространяются угольные подсыпки. Применение огня и древесного угля в погребальном обряде разнообразно, но встречается спорадически.

Ключевые слова: Предгорный Крым, римское время, древесный уголь, погребальный обряд, огонь.

На ряде могильников предгорного Крыма отмечены следы погребальных обрядов, связанных с огнем. Подобные черты появляются в I в. до н.э. и продолжают фиксироваться до конца позднекифского времени. Ни на одном могильнике они не встречаются массово. Для позднекифских погребений характерно использование курильниц или других сосудов с углями внутри. Случаи разведения огня в могилах редки. В позднекифское время распространяется практика помещения древесного угля в погребения и разведение костров над могилами или возле них. Погребения, совершенные по обряду кремации, в данной выборке не рассматриваются.

Погребальные обряды с применением огня или углей можно разделить на четыре группы.

Группа I. Следы разведения огня.

В могильнике Опушки известны более десяти небольших ям, заполненных углями, фрагментами керамики или костей животных, обломками каменных плиток (рис. 1, 2) [Храпунов, 2020. С. 202, 205. Рис. 1]. Они располагались рядом или над могилами III–IV вв. н.э. (рис. 1, 1). Наиболее близкими опушкинским являются кострища могильника Бельбек I у плитовой могилы № 1 конца III в. н.э. и над плитовой могилой № 10 около середины III в. н.э. [Печёнкин, 2021. С. 22, 54]. На могильнике Бельбек II над могилой № 2 III в. н.э. зафиксировано аналогичное кострище [Мосберг, 1946. С. 114, 116]. В могильнике Заветное

раскопана площадка для разведения огня, а в заполнении нескольких могил чередовались слои прокаленных камней и грунта с древесными углями. Над плитовой могилой № 266 после совершения захоронения был разведен костер и в остывшие угли положены фрагменты трех конских туш [Богданова 1990. С. 54].

В могильнике Усть-Альма в склепе № 799 второй половины I – II в. н.э. зафиксировано пятно, насыщенное сажей, углями и фрагментами обугленных бревен [Пуздровский, Труфанов, 2017. С. 61–62]. В могильнике Опушки подбой № 13¹, вероятно, имел деревянный заклад, который подожгли после совершения погребения (рис. 1, 3). Датировка не установлена. Следы обгоревшей древесины зафиксированы в могильнике Бельбек IV в четырех могилах, две из которых датируются второй – третьей четвертью II в. н.э. и второй половиной II в. н.э. [Гущина, Журавлев, 2016. С. 167, 195].

Обряд разведения костров у могил отмечен у осетин – угли для розжига приносили в сосуде из домашнего очага, в дождливую погоду на могильниках жгли костры три дня, чтобы в потустороннем мире покойник мог просушить одежду [Гаглоева, 1974. С. 74; Цуциев, 2016. С. 25–26]. В склепе IV в. н.э. у с. Заречное под одним из погребенным были угли, а во входной яме вместе в различными

¹ Благодарю И. Н. Храпунова за возможность работать с неопубликованными материалами могильников Нейзац и Опушки.

вещами обнаружен краснолаковый сосуд с нагаром на внутренней поверхности [Масякин, 2010. С. 278]. Возможно, в нем принесли угли для погребального обряда.

Группа II. Емкости с углями, представленные курильницами (рис. 2, 4), различными сосудами и их фрагментами.

В склепе № 124 конца II – начала I в. до н.э. Битакского могильника у головы погребенного IV стояло дно лепного горшка с углями (рис. 2, 3) [Пуздровский, 1996. С. 90]. В камнях заклада подбойной могилы № 727 конца I – первой половины II в. н.э. могильника Усть-Альма найдены два гончарных кувшина, один из которых был наполнен золой (рис. 2, 1). В склепе № 640 около середины I в. н.э. у одного из погребенных в районе кисти руки поставили фрагмент лепного сосуда с углями (рис. 2, 2). Самый поздний комплекс с углями в сосуде – подбойная могила № 19 второй половины II – первой половины III в. н.э. могильника Красная Заря [Неневоля, 1996. С. 2, 25. Рис. 3,4].

В склепе № 3(25) Инкерманского могильника в нише в северной стене камеры стояла нижняя часть лепного сероглиняного сосуда с остатками углей от лучины [Веймарн, 1963. С. 22, 35. Рис. 14,10]. В могильнике Перевальное в разграбленном склепе № 13 с аналогичной датировкой конца III – первой половины IV в. н.э. в ногах единственного сохранившегося костяка стоял фрагмент лепного сосуда с углями [Пуздровский, 1989. С. 75. Рис. 170]. Скорее всего, эти фрагменты сосудов не имеют отношения к погребальному обряду и являются светильниками грабителей. Подобные случаи прослежены и за пределами Крыма [Ильюков, Власкин, 1992. С. 185].

Группа III. Локальные скопления угля в могилах.

В могильнике Бельбек IV угли помещались на груди погребенного, в миске с остатками заупокойной пищи, справа от черепа [Гущина, Журавлев, 2016. С. 148, 157, 160]. В могильнике Опушки локальные скопления встречаются в подбоях и склепах (рис. 3, 3, 5, 6) [Храпунов, 2020а. С. 261. Рис. 4], в могильнике Дружное – только в склепах [Айбабин, 1995. С. 89; Храпунов, 2002. С. 118, 142, 163. Рис. 18,с; 42,с; 63,б]. В могильнике Нейзац в склепе № 480 IV в. н.э. скопление углей зафиксировано в камере вблизи от дромоса (рис. 3, 4), в подбойной могиле № 551 II – первой половины III в. н.э. – в головах погребенного (рис. 3, 1). Подобный обряд распространяется во II в. н.э. и продолжает существовать до IV в. н.э. включительно.

Группа IV. Угольные подсыпки, которые прослеживаются по всей площади погребаль-

ной камеры, а также под некоторыми погребенными, например, при коллективных захоронениях в склепах, или под частью костяка (рис. 4, 2, 3, 4).

Самая ранняя подсыпка из древесного угля описана в склепе № 98 I в. до н.э. Битакского могильника, тут же был крупный фрагмент лепного сосуда с углями [Пуздровский, 1996. С. 68]. Еще одним исключением является южный подбой могилы № 45 из могильника Опушки второй половины I – начала II в. н.э. – пол камеры посыпан углем. В подавляющем большинстве подобный аспект погребального обряда характерен для III–IV вв. н.э. В склепе № 3 могильника Перевальное на угольной подсыпке совершено погребение лошади (рис. 4, 1) [Пуздровский, 1988. С. 10]. В склепе № 22 IV в. н.э. могильника Красная Заря слой древесного угля на полу камеры был перекрыт слоем глины [Неневоля, Волошинов, 2001. С. 142. Рис. 1]. В могильнике Бельбек IV в конце II – первой половине III в. н.э. во входной яме подбойной могилы № 242 совершили погребение на угольной подсыпке [Гущина, Журавлев, 2016. С. 174]. В склепе конца IV в. н.э. Инкерманского могильника под двумя костяками из четырех прослеживался слой угольков [Стржелецкий, 1947. С. 289–290]. В склепе первой половины III в. н.э. у с. Мичуринское пол камеры перекрывал толстый слой угля [Мульд, 2001. С. 51].

В склепе № 158 могильника Опушки угольная подсыпка прослеживалась в подбое, выкопанном в продольной стене входной ямы, и в камере [Храпунов, Стоянова, 2021. С. 218–219]. В головах одного из погребенных находился обгоревший деревянный брусочек. По всей видимости, он заменял собой скопление углей. В склепе № 480 могильника Нейзац схожая ситуация, но соотнести обгоревшую древесину с определенным погребенным не представляется возможным.

Традиция посыпать углем пол погребальной камеры известна на Северном Кавказе в позднеримское время и раннем средневековье [Воронин, Малашев, 2006. С. 64, 66, 68. Рис. 3; 5; 7; Габуев, Малашев, 2009. С. 74; Гаджиев, Малашев, 2014. С. 12–13. Рис. 2–3].

Следы огня и углей фиксируются в различных погребальных сооружениях, таких как простые грунтовые ямы, могилы с пазами, с заплечиками, с подбоями, плитовые могилы и склепы. Угли встречены в мужских, женских и детских погребениях, как с богатым, так и не примечательным инвентарем. Часто угли помещали в могилы остывшими, о чем свидетельствуют не прокаленный грунт под

ними и сохранившиеся остатки органических материалов без следов воздействия высоких температур [Гущина, Журавлев, 2016. С. 180]. В склепе № 634 конца I – II в. н.э. могильника Усть-Альма колоду и угли на полу разделял слой истлевшего камыша, в подбойной могиле № 700 второй – третьей четверти II в. н.э. ситуация аналогична [Пуздровский и др., 2021. С. 16, 207]. В могильнике Нейзац локальные скопления углей встречены вместе с органическим тленом (рис. 4, 1, 2).

Таким образом, следы огня или углей в погребальном обряде разнообразны, но малочисленны. Данная ситуация не зависит от степени изученности памятника – судя по публикациям, древесный уголь не использовался в погребальном обряде в могильниках Фронтное 3 и Киль-Дере, которые раскопаны полностью. Ни в одном подбое (более 80% всех погребальных сооружений) Битакского могильника нет следов огня или углей, они встречены только в трех позднекифских склепах. В могильнике Совхоз-10 всего три могилы III–IV вв. н.э. содержали угли, в могильнике Дружное они фиксируются только в четырех случаях, учитывая, что сохранившаяся поздняя часть памятника раскопана полностью. Нет следов огня или углей в могильнике Левадки². В могильнике Усть-Альма могил со

следами разведения огня или углями больше, чем в других некрополях, но в процентном соотношении их число также невелико. Подобная ситуация характерна и для могильников Опушки и Нейзац. Вероятно, проведение погребальных обрядов с использованием огня или углей требовалось не для всех членов тогдашнего общества или при определенных стечениях обстоятельств.

Для раннеримского времени характерно наличие различных сосудов и их фрагментов с углями внутри в могилах и редкие случаи разведения огня. Со II в. н.э. распространяется практика помещать с погребенными угли. С конца II в. н.э. пол погребальных камер посыпали углями, а с III в. н.э. у могил жгли костры. Подобные архаичные традиции фиксируются у осетин, потомков алан Северного Кавказа. Учитывая распространение в позднеимское время в Крыму склепов с короткими дромосами и некоторые параллели в лепной керамике, можно предположить, что появление этого обряда обусловлено контактами с северокавказским населением. В то же время неизвестно, от чего зависела площадь угольной подсыпки в могилах и почему одни однотипные по хронологии и обрядам погребальные сооружения содержат угли, а другие нет. Больше всего могил с углями относятся к некрополям нейзацкой археологической культуры.

² Благодарю за консультацию С. А. Мульда.

Литература

- Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1995. Вып. IV. С. 89–131.
- Археологические труды Н. М. Печёнкина / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, Т. Н. Смекалова. СПб.: Алетей, 2020. 216 с. (Гераклейский сборник. Вып. IV).
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 94–141.
- Богданова Н. А. Роль огня в погребальном ритуале могильника первых веков нашей эры у с. Заветное // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. С. В. Студзинская. М.: ГИМ, 1990. С. 53–58. (Труды ГИМ. Вып. 74).
- Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 15–42.
- Воронин К. В., Малашев В. Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия: Материалы охранных археологических исследований. Том 6. М.: ИА РАН, 2006. 152 с.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / Отв. ред. Д. В. Деопик. М.: ИА РАН, ТАУС, 2009. 468 с.
- Гаглоева З. Д. Культ мертвых у осетин // Известия Юго-Осетинского НИИ. Тбилиси: Мецниереба, 1974. Вып. XVIII. С. 52–78.
- Гаджиев М. С., Малашев Ю. В. «Княжеские» и элитные погребения воинские погребения позднесарматского и гуннского времени в Дагестане // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 234. С. 9–24.
- Гущина, И. И. Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго- Западном Крыму. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.
- Ильюков Л. С., Власкин М. С. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Вып. I / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1992. 288 с.
- Масякин В. В. Склеп позднеимского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс, 2010. С. 278–283. (Археологический альманах. № 22).
- Мосберг Г. М. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма // Советская археология. 1946. VIII. С. 113–120.
- Мульд С. А. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 51–66.

- Неневоля И. И.* Отчет об охранных археологических раскопках могильника первых веков нашей эры у с. Красная Заря Бахчисарайского р-на в 1995 г. Бахчисарай, 1996 // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. 0-1. Оп. 1. Д. 849.
- Неневоля И. И., Волошинов А. А.* Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 141–146. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Пуздровский А. Е.* Отчет о раскопках Битакского могильника в 1989–1992 гг. Симферополь, 1996 // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. 0-1. Оп. 1. Д. 646.
- Пуздровский А. Е.* Отчет об охранных раскопках в Симферопольском районе в 1988 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. 0-1. Оп. 1. Д. 2038.
- Пуздровский А. Е.* Охранные работы на Позднеантичном могильнике у с. Перевальное в 1989 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. 0-1. Оп. 1. Д. 2038.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017а. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997–1999 годах. Симферополь: Мандарин, 2021. 408 с.
- Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 г. // Советская археология. 1947. IX. С. 283–302.
- Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2015–2017 гг. Симферополь: Ариал, 2022. 248 с.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 314 с.
- Храпунов И. Н.* Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2020а. Т. 19. № 2. С. 247–278.
- Храпунов И. Н.* Следы огня на могильнике Опушки // История и археология Крыма. 2020б. Вып. XII. С. 201–208.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Склеп с многократными погребениями III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 1. С. 217–250.
- Цуциев А. А.* Некоторые параллели в погребально-поминальной обрядности североиранских народов (от скифов до осетин) // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. 2016. Вып. 21 (60). С. 24–31.

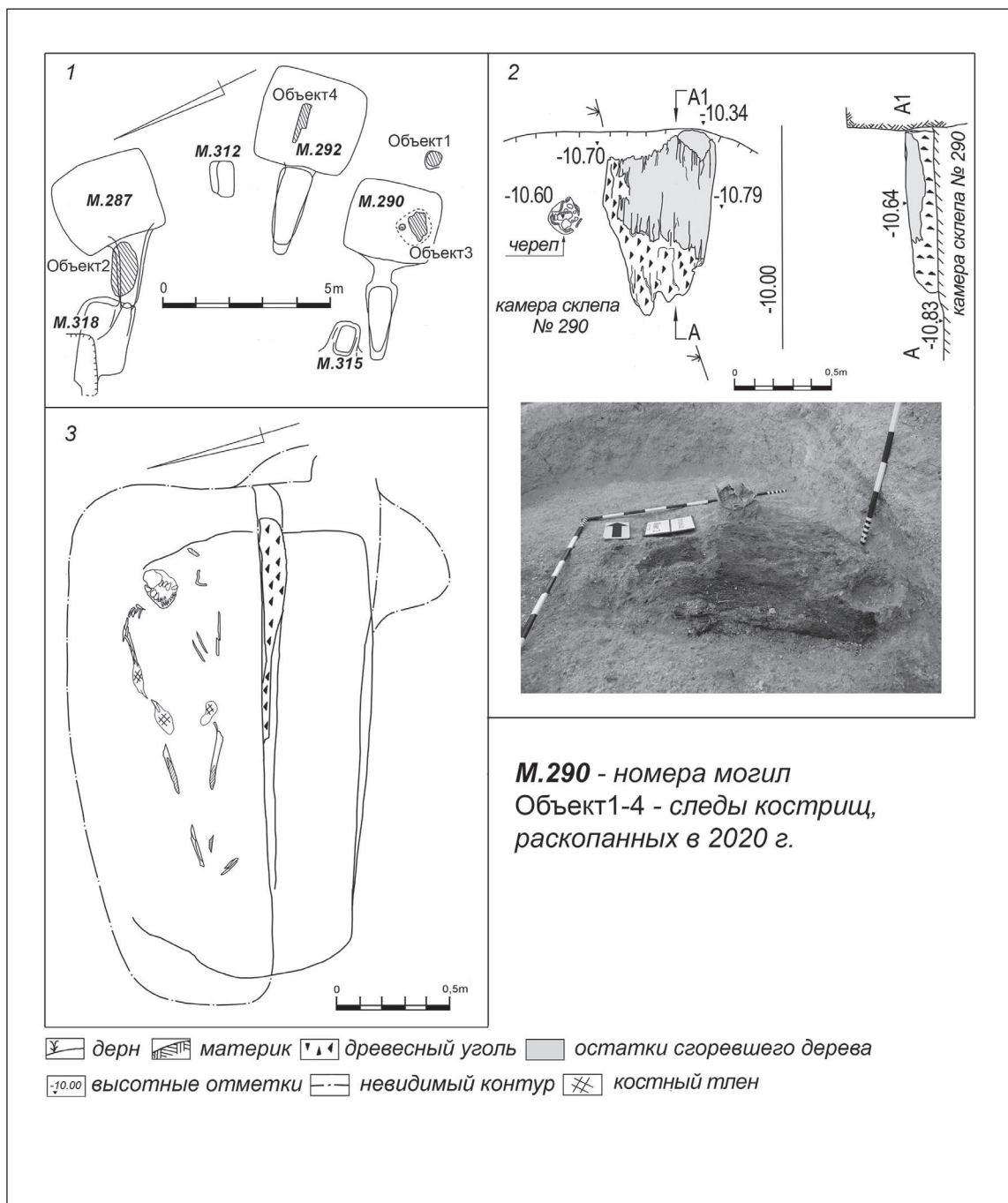

Рис. 1. Могильник Опушки
(1 – участок с кострищами, 2 – кострище «объект 3» 2020 г.,
3 – подбойная могила № 13)

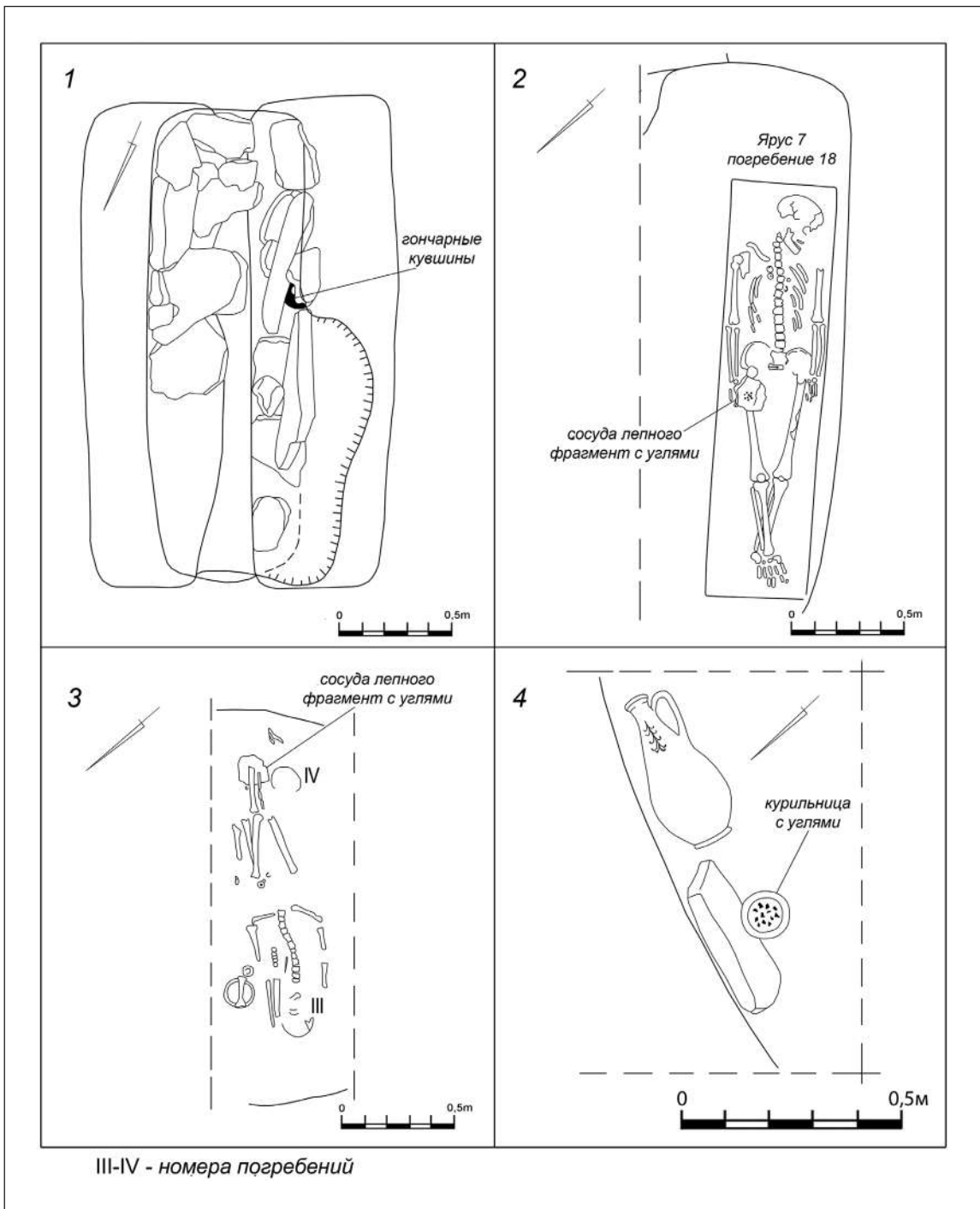

Рис. 2. Могильник Усть-Альма (1 – подбойная могила № 727 [по: Пуздровский и др., 2021. С. 348. Рис. 230,3,4], 2 – склеп № 640 [по: Пуздровский и др., 2021. С. 110. Рис. 49,4], 4 – склеп № 720 [по: Пуздровский и др., 2021. С. 336. Рис. 218,5]). Могильник Битак (3 – склеп № 124 [по: Пуздровский, 1996. С. 90. Рис. 498])

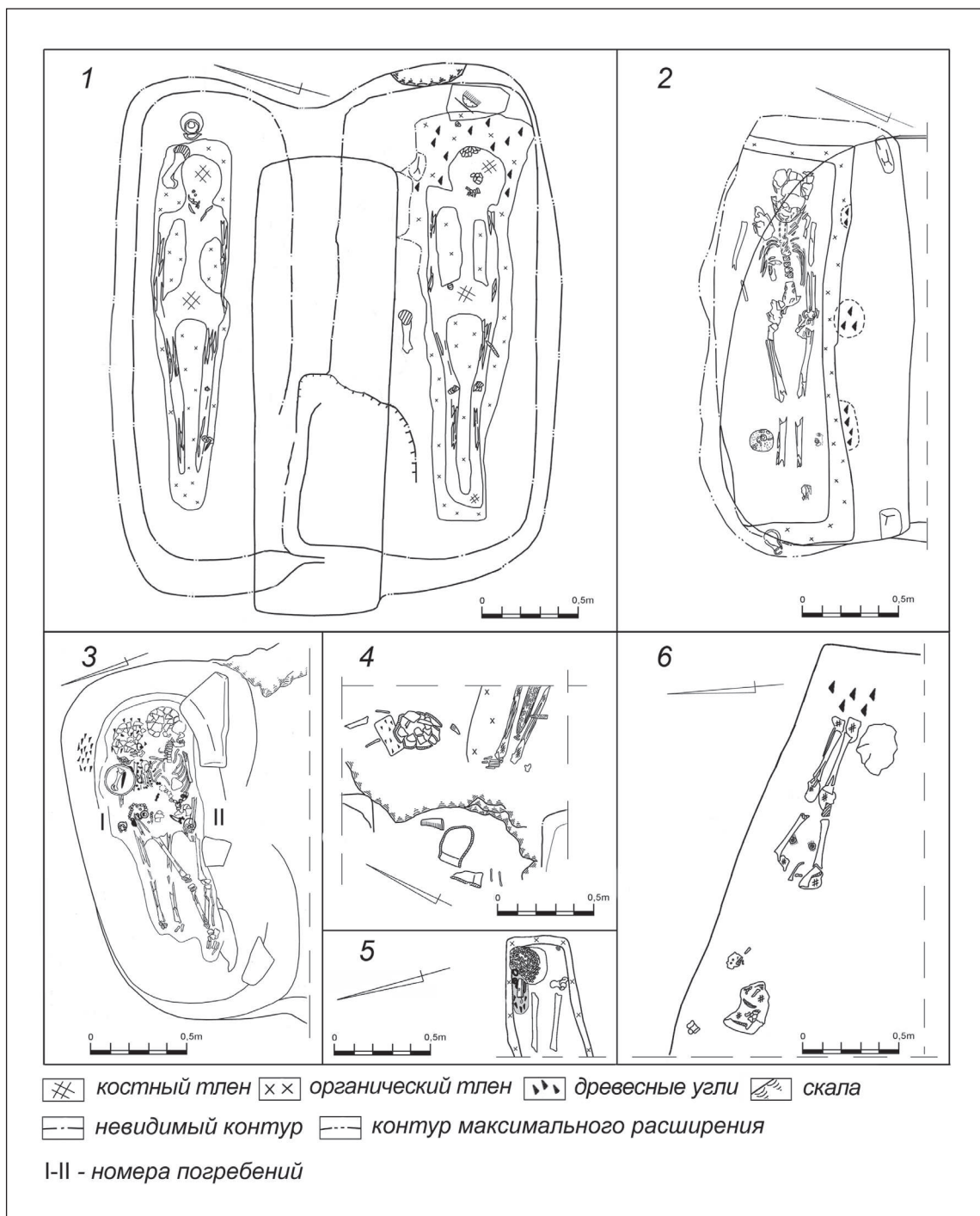

Рис. 3. Могильник Нейзац (1 – подбойная могила № 551, 2 – подбойная могила № 552, 4 – склеп № 480). Могильник Опушки (3 – подбойная могила № 142, 5 – склеп № 133 [по: Храпунов, 2020а. С. 261. Рис. 4], 6 – склеп № 290)

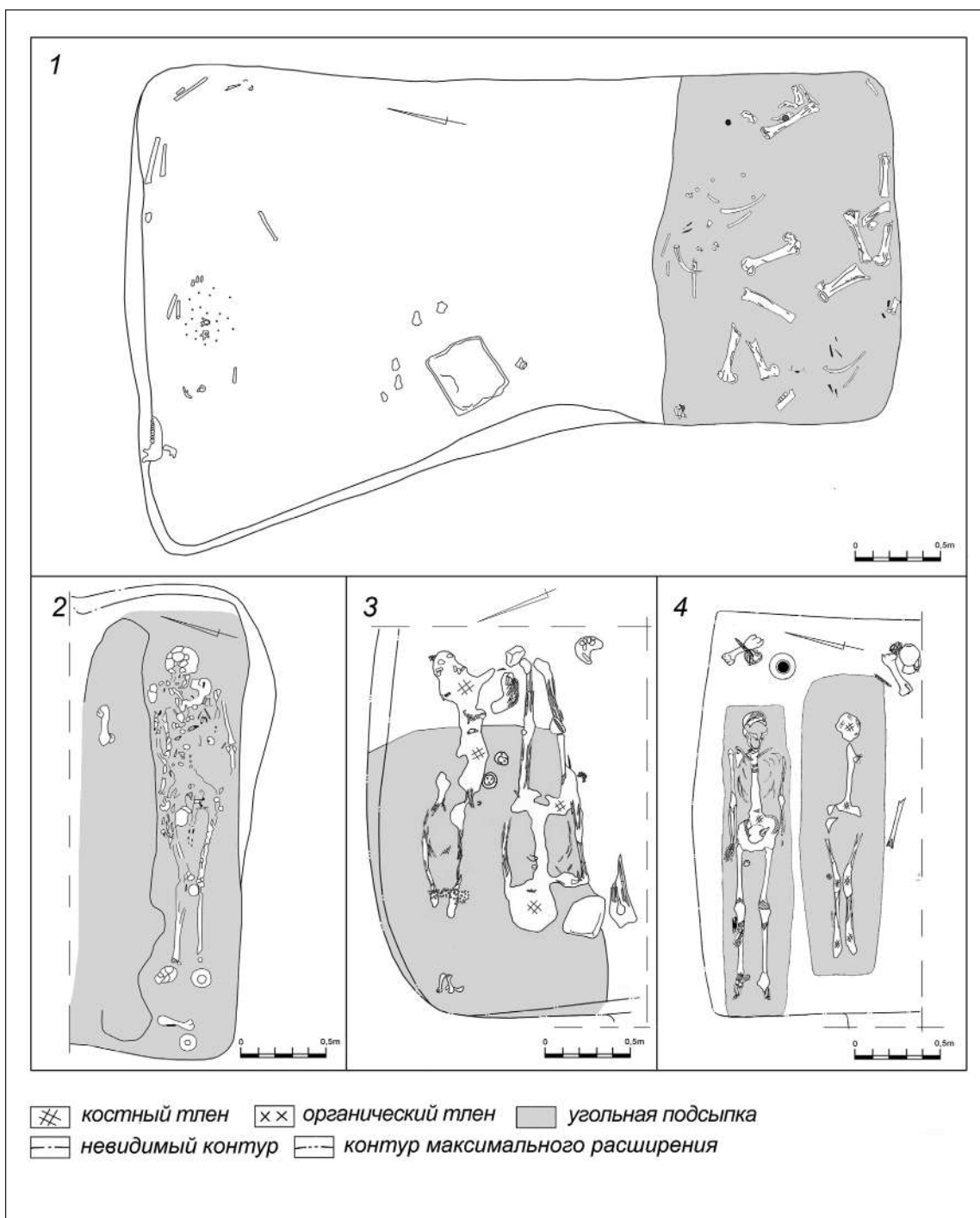

Рис. 4. Могильник Перевальное (1 – склеп № 3 [по: Пуздровский, 1988. С. 10, 52. Рис. 41]).
 Могильник Нейзац (2 – подбойная могила № 55, 4 – склеп № 220).
 Могильник Опушки (3 – склеп № 77)

ПАМЯТНИКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ¹

Строков А. А.^{1*}, Камелина Г. А.²

¹ Институт археологии РАН, г. Москва

² Государственный исторический музей, г. Москва

* E-mail: anton-strokov@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены итоги радиоуглеродного датирования памятников эпохи раннего средневековья из собрания Государственного исторического музея. Образцы были отобраны из погребений раннесредневекового времени Борисовского могильника, крымских могильников Чуфут-Кале и Суук-Су, позднеримского некрополя Ай-Тодор (Харакс), а также из коллекции С. В. Караковского. В двух случаях (образцы из Чуфут-Кале и коллекции С. В. Караковского) результаты радиоуглеродного анализа не соответствовали археологическим датировкам. Это связано с тем, что предметы до поступления в ГИМ были подвергнуты реставрации. В остальных случаях метод радиоуглеродного датирования, с одной стороны, позволил подтвердить археологическую хронологию, а, с другой, сузить и уточнить интервал дат для представленных погребений.

Ключевые слова: AMS-датирование, хронология, Великое переселение народов, погребение, древесина, текстиль.

Изучение вопросов хронологии является одним из ключевых факторов в археологии, который позволяет отнести отдельные предметы, памятники, археологические культуры к той или иной эпохе и предложить их историко-культурную интерпретацию. Не обошел стороной эту тематику исследования и наш юбиляр. М. М. Казанскому принадлежит значительное число работ по относительной и абсолютной хронологии отдельных находок, групп памятников и культур эпохи Великого

переселения народов и раннего средневековья Восточной Европы [Казанский, 2001; 2019; Казанский, Мастыкова, 2013; Kazanski, 1999 и многие другие].

Метод радиоуглеродного датирования был открыт более 70 лет назад американским физиком У. Либби [Libby, 1952] и успешно применяется археологами, геологами, географами, биологами и многими другими учеными для решения различных задач, связанных с вопросами хронологии. Суть, специфика и ограничения метода хорошо изложены в современной русскоязычной литературе [Зазовская, 2016; Кузьмин, 2017. С. 147–187; ван дер Плихт, Шишлина, Зазовская, 2016]. В первобытной археологии многие исследователи называют

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 21-18-00026 «Ресурсы и человек в эпоху бронзы – средневековья: динамика использования аридных регионов юга России». Выражаем благодарность Д. А. Куприянову (ИА РАН) за определение породы древесины.

изменения, которые принес с собой новый метод, «радиоуглеродной революцией» [Бочкарев, 2013; Hansen, 2015]. Однако стоит заметить, что многие археологи на постсоветском пространстве, занимающиеся более поздними эпохами (ранний железный век и Средневековье), обеспеченными письменными источниками, монетными находками и хорошо датированными античными импортами, зачастую испытывают недоверие к радиоуглеродному датированию, а его результаты [Комар, 2011. С. 557; Кузьмин, 2020], иногда сам метод и возможность его применения ставят под сомнение [Бидзиля, Полин, 2012. С. 511–512]. Отметим, что нередко это связано с незнанием основ метода, методики отбора образцов и калибровки полученных результатов. Кроме того, многие исследователи впервые столкнулись с радиоуглеродным датированием десятилетия назад, когда для сцинтилляционного метода требовалась большая масса образца, а полученные даты имели очень широкий калиброванный доверительный интервал (достигавший нескольких сотен лет). Это стало основанием для вывода, что метод не заслуживает доверия для рассматриваемых поздних эпох. С тех пор прошло много времени и в распоряжении исследователей появился метод ускорительной масс-спектрометрии (УМС/AMS), который позволяет датировать микрообразцы и получать достаточно узкие интервалы, а современное программное обеспечение делает возможным статистическую обработку полученных результатов. Стоит отметить, что в последние годы радиоуглеродное датирование все же прочно входит в обиход исследователей, в том числе занимающихся эпохой раннего средневековья [Добровольская, Мастыкова, 2020. Табл. 1; Красноперов и др., 2022. С. 188; Обломский, 2022. С. 58; Faragó et al., 2022; Siklósi, Lőrinczy, 2015].

Данная работа посвящена публикации и интерпретации радиоуглеродных дат, полученных нами для памятников эпохи раннего средневековья Северного Причерноморья по материалам собрания Государственного исторического музея, а также вопросам перспективности применения радиоуглеродного датирования применительно к этому пласту памятников. На данный момент нами получено 10 дат (табл. 1; рис. 1) методом AMS. Большая часть анализов (8) проведена в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН, еще 2 – в Познанской радиоуглеродной лаборатории (Польша). Калибровка выполнялась в приложении OxCal 4.4, калибровочная кривая IntCal20 [Reimer et al., 2020].

Кратко остановимся на характеристике полученных результатов. Образцы были отобраны из могильников Чуфут-Кале, раскопки В. В. Кропоткина [Кропоткин, 1965], Ай-Тодор (Харакс) и Фанагория, раскопки В. Д. Блаватского [Блаватский, 1941; 1951], а также из до-революционных раскопок Н. И. Репникова в Суук-Су [Репников, 1906; 1907] и В. В. Саханева в Борисово [Саханев, 1914]. Один образец происходит из коллекции С. В. Караковского, поступившей на хранение в ГИМ от частного коллекционера в 2006 году, происхождение которой обозначено как «Черноморское побережье Кавказа». Судя по тому, что в коллекции присутствует большое количество крестовидных подвязных фибул, некоторых специфических типов боевых топоров, имеющих аналогии в материалах цебельдинской культуры, а также пряжек, схожих с найденными в районе Сочи [Барышев, Радюш, 2018. Рис. 4], можно предполагать, что значительная часть этой коллекции может происходить из района Сочи и Абхазии. Часть результатов датирования уже была опубликована [Строков, 2020; Строков, Камелина, Мамонова, 2022; Строков, Куприянов, Камелина, 2022], остальные публикуются впервые.

В двух случаях результаты анализов получились не соответствующие археологическим датировкам (табл. 1, 1–2). Это древесина, сохранившаяся на клинке меча из коллекции С. В. Караковского (рис. 2, 1), а также текстиль с обратной стороны пряжки из погребения 117 могильника Чуфут-Кале (рис. 2, 2). Калиброванные доверительные интервалы этих дат относятся ко II тысячелетию до н.э., хотя сами предметы характерны для эпохи раннего средневековья: меч принадлежит к группе длинных спат эпохи Великого переселения народов [Радюш, 2018. Илл. 6; Menghin, 1994–1995], а пряжка с христианской символикой на щитке относится к древностям второй половины VI – первой половины VII в. Крыма [Хайредина, 1999. С. 335]. Причина кроется в нашей ошибке – образцы явно были пропитаны каким-то клеем, содержащим древний углерод. Эти предметы не подвергались реставрации в ГИМ. Однако меч до поступления в музей, вероятно, был подвергнут укреплению частным реставратором, а пряжка из Чуфут-Кале, судя по всему, была реставрирована в полевых условиях в экспедиции В. В. Кропоткина, поэтому радиоуглеродный возраст образцов оказался искажен.

В остальных 8 случаях полученные радиоуглеродные датировки оказались совпадающими с археологическими и могут быть признаны удачными.

В погребении 4 могильника Ай-Тодор (Харакс) были погребены взрослый индивид и два ребенка. В фондах ГИМ сохранились некоторые антропологические материалы из раскопок В. Д. Блаватского, в частности, кости ребенка в возрасте около 2 лет из этого погребения, которые и были отобраны для датировки. Если судить по находкам бус и пряжке с подвижным язычком, найденным в этом захоронении (рис. 2, 4–10), погребение 4 может быть отнесено к IV в. [Строков, Камелина, 2021. С. 389]. Могильник Ай-Тодор (Харакс) может быть датирован IV – первой половиной V в. На основании этого можно отбросить ранние доверительные интервалы, полученные в ходе калибровки (табл. 1, 3), и считать наиболее вероятным временем совершения погребения 311–404 гг. (2 σ), а скорее всего – 326–374 гг. (1 σ). Таким образом, AMS-датирование полностью подтверждает археологическую дату и позволяет несколько ее сузить до середины IV в.

Интересные результаты получены для двух захоронений фанагорийского некрополя. Из погребений 11 и 21 (большой двухкамерный склеп) были отобраны образцы от деревянных (можжевеловых) досок гробов, а также из погребения 21 – от фрагмента «камки» (морских водорослей), использованных для совершения погребального обряда. Согласно анализу хроноиндикаторов из склепа 21 – пряжка с шпилькой, рубчатые пронизи, индикация монеты Валента (364–378), серебряное зеркало с центральной петлей типа Березовка – Анке-2, пружина от серебряной двупластинчатой фибулы (рис. 3) – захоронение может быть отнесено к концу IV – первой половине V в. [Строков, 2020. С. 50]. Результат AMS-датирования водорослей (табл. 1, 4) противоречит этому выводу, однако в данном случае явно наличие морского резервуарного эффекта, который удревил возраст образца на 160 радиоуглеродных лет, мы можем не учитывать этот результат. Доверительный интервал, полученный по древесине (табл. 1, 5) (347–434 гг., 2 σ), соответствует археологической хронологии. Также, судя по всему, здесь мы можем исключить «эффект старого дерева». Если учесть находку индикации монеты Валента, которая может дать нам *terminus post quem*, мы можем сузить датировку погребения до 50 лет (382–423 гг., 1 σ).

Погребение 11 представляет собой ингумацию в грунтовой яме. Инвентарь достаточно бедный – несколько бус, бронзовые провололочные височные кольца и пряжка с полым многогранником, заполненным белой пастой. Основным хроноиндикатором можно считать серьгу с многогранником. Датировку данной серьги И. О. Гавритухин относил к концу V –

первой половине VI в. [Крым..., 2003. Табл. 64, 25]. Похожие серьги в Керченском некрополе относят также к эпохе не ранее середины V в. [Крым..., 2003. Табл. 17, 17]. Полученная радиоуглеродная дата (табл. 1, б) с доверительным интервалом 384–432 гг., 1 σ позволяет отнести появление этих находок к несколько более раннему времени. Стоит, правда, отметить, что 10% интервал 2 σ укладывается в более позднее время на калибровочной кривой – 497–534 гг. В фондах ГИМ из этого погребения сохранились также другие органические остатки (зубы и кости человека), возможно, в дальнейшем нам удастся получить новые результаты и уточнить датировку этого захоронения.

Погребение 71 некрополя Суук-Су, учитываемая наличие большой пряжки с прямоугольным щитком с изображением льва, малой бронзовой пряжкой с подвижным язычком, исходя из археологической типологии, может быть датировано достаточно широким интервалом – вторая половина VI – первая половина VII в. [Строков, Камелина, Мамонова, 2022. С. 350]. Доверительный интервал, полученный по AMS-дате текстильных остатков, сохранившихся под большой пряжкой (табл. 1, 7) (534–640 гг., 2 σ), также полностью соответствует предложенной археологической хронологии. С определенной долей уверенности, учитывая достаточно раннюю датировку бронзовых пряжек (до середины VI в.), мы можем считать возможным время совершения погребения 71 в рамках 536–574 гг. (1 σ).

Интересные результаты получены при датировании угля из склепа 57 могильника Чуфут-Кале. Основные археологические хроноиндикаторы – это железные пряжки с овальной и прямоугольной рамками, имеющие аналоги в крымских древностях VI в. [Строков, Куприянов, Камелина, 2022. С. 210], найденные в захоронении. AMS-дата (табл. 1, 8) полностью укладывается в предложенную археологическую датировку. Мы можем отбросить более ранние (относящиеся к V в.) доверительные интервалы и считать временем совершения захоронения достаточно узкий, приблизительно 60 лет, промежуток времени 529–594 гг. (2 σ).

Такие же узкие интервалы (около 50–60 лет) были получены по результатам датирования двух погребений (№№ 62 и 145) могильника Борисово (табл. 1, 9–10). В качестве образца из погребения 62 был отобран фрагмент древесины (фисташка туполистная), сохранившейся в Р-образной скобе для подвешивания меча или кинжала, а также древесина (дуб) из погребения 145, происхождение которой не ясно. Погребение 62 относят к VII в. [Крым..., 2003. Табл. 78, 64], находки из погребения 145 (бронзовый

браслет и сердоликовые бусы) вряд ли могут дать узкую датировку, однако схожие находки браслетов из могильника Борисово [Крым..., 2003. Табл. 78, 93] также относят к VII в. Полученные для погребения 62 радиоуглеродные даты являются более ранними – 529–594 гг., 2 σ (мы исключаем наиболее ранние интервалы как маловероятные и противоречащие археологической датировке), их можно считать временем совершения этого захоронения. Доверительный интервал погребения 145 (604–657 гг., 2 σ) подтверждает археологическую датировку.

Таким образом, наши результаты показывают, что радиоуглеродное датирование является хорошим средством в инструментарии археолога, изучающего раннее средневековье. Современный AMS-метод позволяет получить достаточно узкие интервалы (до 50 лет), а не 100 и более лет (главный страх большинства

сомневающих в радиоуглеродном датировании). Комбинирование археологической датировки с радиоуглеродной, датирование нескольких образцов из одного контекста с применением моделирования (процедура R_Combine) также может позволить сузить дату. В нашем случае, к сожалению, нам не удалось получить несколько дат из одного комплекса, однако эта работа планируется в будущем. Также хотелось бы отметить, что многие сотрудники музеев не придают значения органическим останкам в своих коллекциях, а многие считают, так как они пролежали десятки или сотни лет в музее. Как показало наше исследование, а также работы других коллег [Шишлина и др., 2017; Tarasov et al., 2022], при правильном выборе образцов датирование не только возможно, но приносит репрезентативные результаты.

Литература

- Барышев А. В., Радюш О. А. Раннесредневековая латная рукавица из Сочинского района Краснодарского края (предварительное сообщение) // *Historia i Świát*. 2018. № 7. Р. 129–139.
- Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.
- Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг. // *Труды ГИМ. Работы археологических экспедиций* / под ред. проф. Д. Н. Эдинга. Вып. XVI. М.: ГИМ, 1941. С. 5–62.
- Блаватский В. Д. Харакс // *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. Вып. I / ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 250–291. (МИА. № 19).
- Бочкарев В. С. «Радиоуглеродная революция» и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // *Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского colloquium*. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2013. С. 59–77.
- Добровольская М. В., Мастыкова А. В. Изотопные исследования скелетных останков людей из гробницы храма в Горзувитах: хронология, особенности питания, мобильность // *Краткие сообщения Института археологии*. 2020. Вып. 260. С. 429–440.
- Зазовская Э. П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использования в археологии // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2016. № 1(32). С. 151–164.
- Казанский М. М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // *Историко-археологический альманах*. Вып. 7. 2001. С. 41–58.
- Казанский М. М. Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе // *Нижеволжский археологический вестник*. 2019. Т. 18. № 2. С. 105–124.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. Хронология цебельдинской культуры (II–VII вв.) // *Третья Абхазская международная археологическая конференция* / отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум, 2012. С. 55–62.
- Красноперов А. А., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Синика В. С. Погребение постгуннского времени на левобережье Нижнего Днестра // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья*. 2022. № 14. С. 182–205.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья / отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 533 с. (Археология, Т. 18).
- Комар А. В. Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI–VIII вв.) // *Петербургский апокриф. Послание от Марка* / ред. О. В. Шаров. СПб., Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2011. С. 555–566.
- Кропоткин В. В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // *Краткие сообщения Института археологии*. 1965. Вып. 100. С. 108–115.
- Кузьмин Н. Ю. О достоверности радиоуглеродного датирования погребальных памятников тагарской культуры // *Camera praehistorica*. 2020. № 2(5). С. 100–121.
- Кузьмин Я. В. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: ТГУ, 2017. 396 с.
- Обломский А. М. Поселение Стаево-5. Описание, материалы // *Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево и верховьях р. Воронеж (конец V–VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего средневековья* / отв. ред. А. М. Обломский. М., СПб.: Нестор-История, 2022. С. 21–60.
- ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Зазовская Э. П. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. М.: Палеограф, 2016. 100 с.

- Радюш О. А. Мечи эпохи Великого переселения народов в музейных собраниях Центральной России // Историческое оружие в музеях и частных собраниях. М.: Буксмарт, 2018. С. 10–29.
- Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готв // Известия Императорской археологической комиссии. 1906. Вып. 19. С. 1–80.
- Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готв // Записки Одесского общества истории и древностей. 1907. Т. XXVII. С. 101–148.
- Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. 1914. Вып. 56. С. 75–219.
- Строков А. А. Фанагория в эпоху Великого переселения народов: радиоуглеродные даты, верификация и обсуждение // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 43–65.
- Строков А. А., Камелина Г. А. Материалы Ай-Тодорского могильника в собрании Государственного исторического музея из раскопок В. Д. Блаватской: новое обращение к забытой коллекции // *Stratum Plus*. 2021. № 4. С. 383–400.
- Строков А. А., Камелина Г. А., Мамонова А. А. Текстиль раннесредневековых могильников Крыма // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 339–356.
- Строков А. А., Куприянов Д. А., Камелина Г. А. Исследование древесины раннесредневековых артефактов из Крыма (по материалам могильника Чуфут-Кале) // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья. 2022. № 14. С. 206–226.
- Хайрединова Э. А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из юго-западного Крыма // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 334–348.
- Шишлина Н. И., ван дер Плихт Й., Севастьянов В. С., Кузнецова О. В., Мурашева В. В., Панин А. В., Каунов С. Ю., Зозуля С. С., Шевцов А. О. Радиоуглеродное датирование экспонатов Исторического музея: результаты и обсуждение // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3(2). С. 398–405.
- Faragó N., Gáll E., Gulyás B., Marcsik A., Molnár E., Bárány A., Szenthe G. Dietary and cultural differences between neighbouring communities: A case study on the early medieval Carpathian Basin (Avar and post-Avar period, 7th–9th/10th centuries AD) // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2022. Vol. 43. 103361.
- Hansen S. Die Zukunft der Theorie in der Archäologie nach der Radiokarbonrevolution // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. 2015. Jg. 56 (1/2). S. 22–26.
- Higham T., Warren R., Belinskij A., Härke H., Wood R. E. Radiocarbon Dating, Stable Isotope Analysis, and Diet-Derived Offsets in 14C Ages from the Klin-Yar Site, Russian North Caucasus // *Radiocarbon*. 2010. Vol. 34. P. 906–915.
- Kazanski M. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // *Germanen beiderseits des spätantiken Limes* / Hrsg. von T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Brno: Archeologický ústav AV ČR, 1999. P. 293–316.
- Libby W. F. Radiocarbon dating. Chicago: University of Chicago Press, 1952. 128 p.
- Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 1994–1995. Band 26/27. S. 140–191.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62. P. 725–757.
- Tarasov P. E., Pankova S. V., Long T., Leipe C., Kalinina K. B., Panteleev A. V., Brandt L., Kyzlasov I. L., Wagner M. New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE // *Quaternary International*. 2022. Vol. 623. P. 169–183.
- Siklósi Zs., Lőrinczy G. A Pitvaros-víztározói késő avar kori temető radiokarbon keltezése, Bayes analízise és régészeti értékelése // *Hadak Útján XXIV.: a népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája*. 1. kötet. / Ed. A. Türk. Budapest, Ezstergom: Archaeolingua, 2015. P. 707–736.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования памятников эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья

№	Лаб. №	Памятник	Образец	14C BP	cal BC/AD
1	IGANAMS-9181	«Коллекция Караковского»	Древесина (лещина), целлюлоза	2990±25	68.3% probability 1266BC (56.8%) 1197BC 1172BC (4.8%) 1163BC 1142BC (6.7%) 1131BC 95.4% probability 1371BC (2.7%) 1356BC 1294BC (92.7%) 1123BC
2	Poz-131112	Чуфут-Кале, погр. 117	Текстиль (лубяной)	2945±30	68.3% probability 1218BC (68.3%) 1112BC 95.4% probability 1260BC (95.4%) 1048BC
3	IGANAMS-10098	Ай-Тодор (Харакс), погр. 4	Кость человека, коллаген	1730±20	68.3% probability 256AD (25.6%) 284AD 326AD (42.7%) 375AD 95.4% probability 250AD (33.3%) 295AD 311AD (62.1%) 404AD
4	IGANAMS-6777	Фанагория, погр. 21	Морские водоросли	1660±20	68.3% probability 210AD (68.3%) 247AD 95.4% probability 133AD (0.8%) 140AD 160AD (4.8%) 190AD 200AD (74.9%) 254AD 286AD (14.9%) 324AD
5	IGANAMS-6523	Фанагория, погр. 21	Древесина (можжевельник), целлюлоза	1820±20	68.3% probability 382AD (68.3%) 423AD 95.4% probability 262AD (3.5%) 275AD 347AD (90.3%) 434AD 468AD (0.5%) 472AD 518AD (1.2%) 528AD
6	IGANAMS-9183	Фанагория, погр. 11	Древесина (можжевельник), целлюлоза	1650±20	68.3% probability 384AD (68.3%) 432AD 95.4% probability 266AD (0.9%) 272AD 362AD (80.4%) 438AD 462AD (4.2%) 477AD 497AD (10.0%) 534AD
7	Poz-131110	Суук-Су, погр. 71	Текстиль (лубяной)	1510±30	68.3% probability 549AD (68.3%) 596AD 95.4% probability 440AD (2.4%) 456AD 478AD (3.6%) 496AD 534AD (89.5%) 640AD
8	IGANAMS-10101	Чуфут-Кале, погр. 57	Уголь (клен), целлюлоза	1540±20	68.3% probability 481AD (7.9%) 492AD 536AD (60.4%) 574AD 95.4% probability 436AD (10.8%) 464AD 475AD (13.4%) 501AD 508AD (1.5%) 516AD 529AD (69.8%) 594AD
9	IGANAMS-9182	Борисово, погр. 62	Древесина (фисташка туполистная), целлюлоза	1540±20	68.3% probability 481AD (7.9%) 492AD 536AD (60.4%) 574AD 95.4% probability 436AD (10.8%) 464AD 475AD (13.4%) 501AD 508AD (1.5%) 516AD 529AD (69.8%) 594AD
10	IGANAMS-10100	Борисово, погр. 145	Древесина (дуб), целлюлоза	1410±20	68.3% probability 608AD (24.9%) 621AD 638AD (43.3%) 654AD 95.4% probability 604AD (95.4%) 657AD

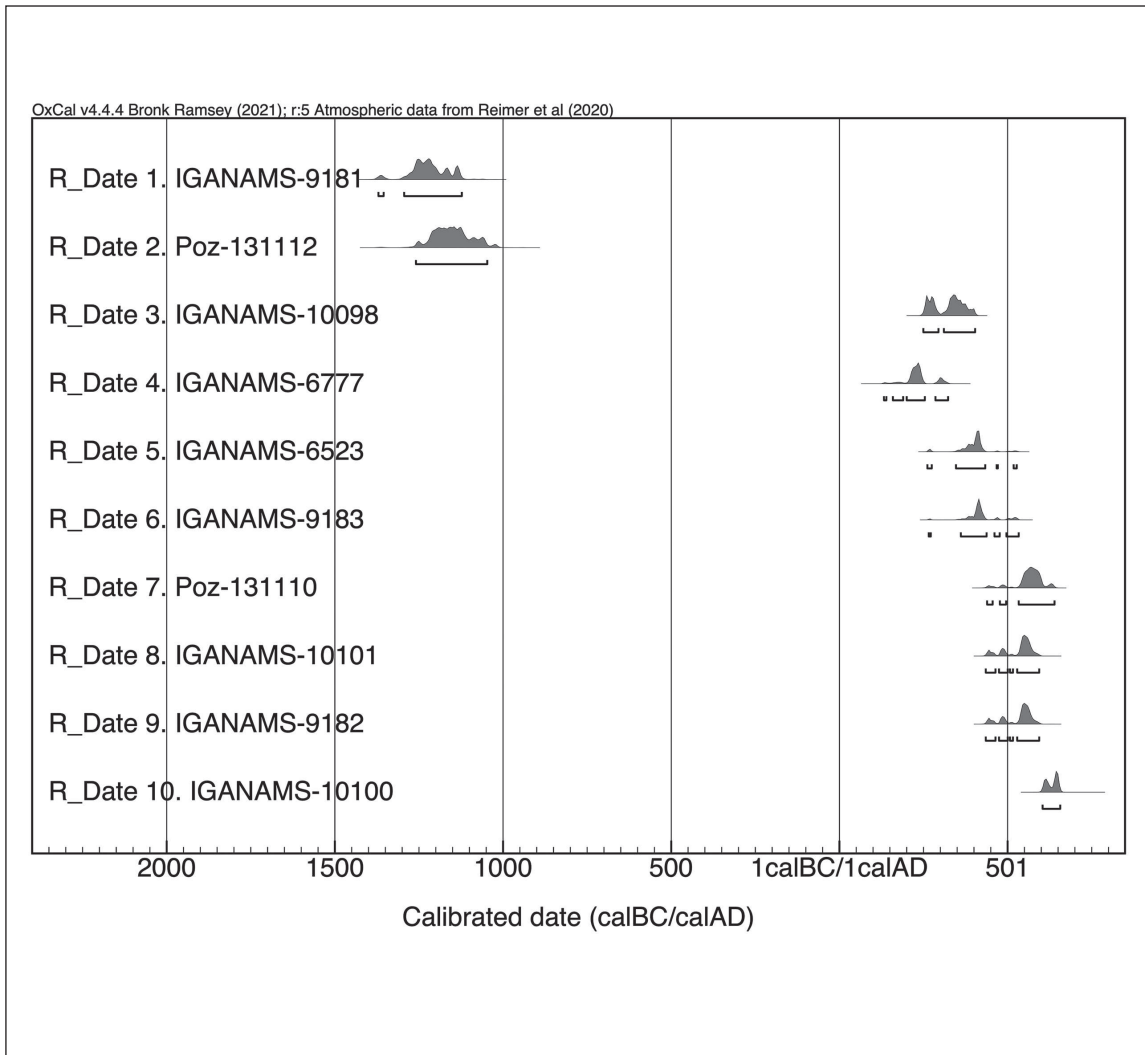

Рис. 1. Сводный график калиброванных радиоуглеродных дат.
Номер соответствует номеру образца в таблице 1

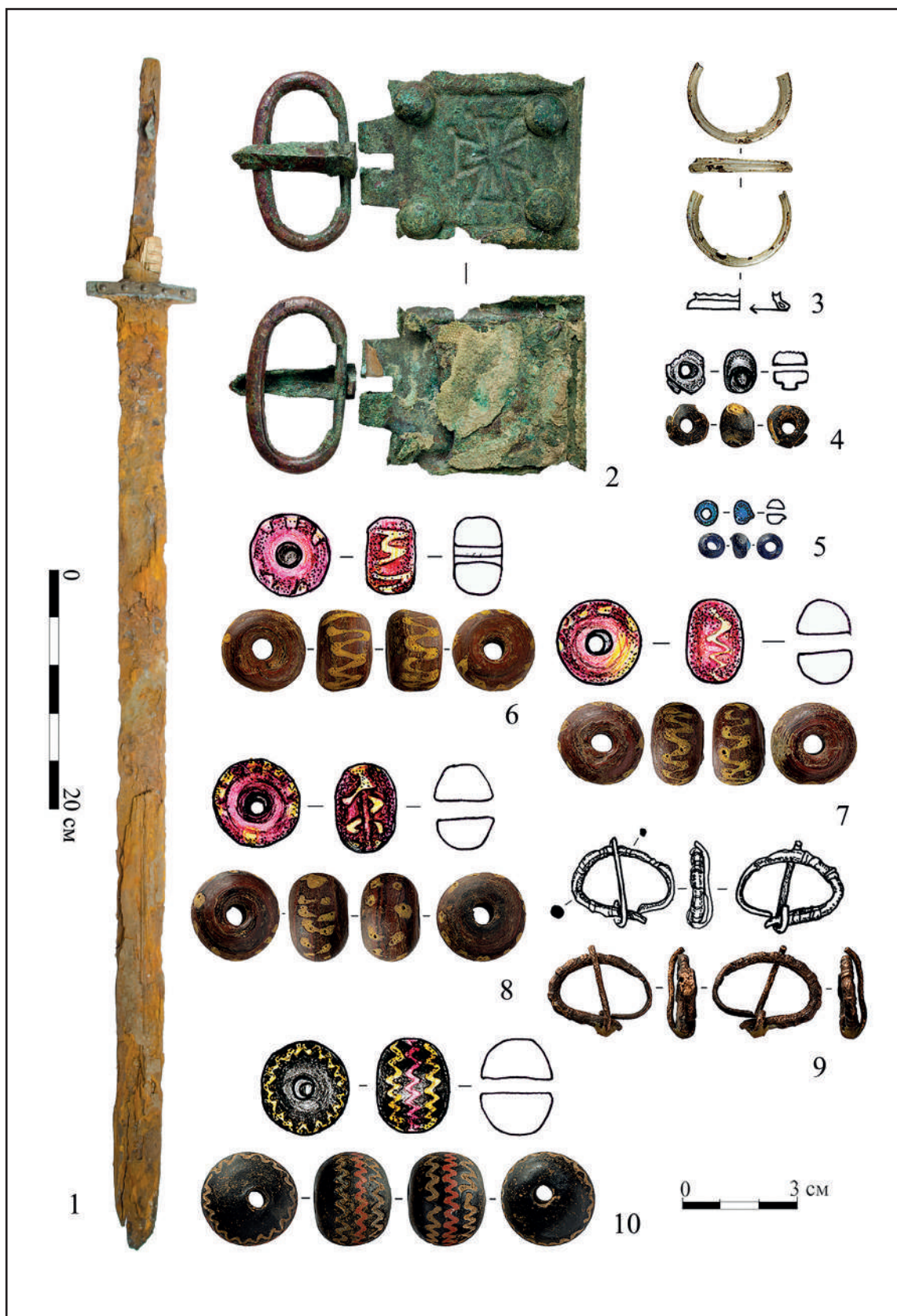

Рис. 2. Предметы и инвентарь комплексов, датированных радиоуглеродным методом:
 1 – меч, коллекция С. В. Караковского;
 2 – пряжка, погребение 117, могильник Чуфут-Кале;
 3–10 – погребение 4, могильник Ай-Тодор (Харакс)

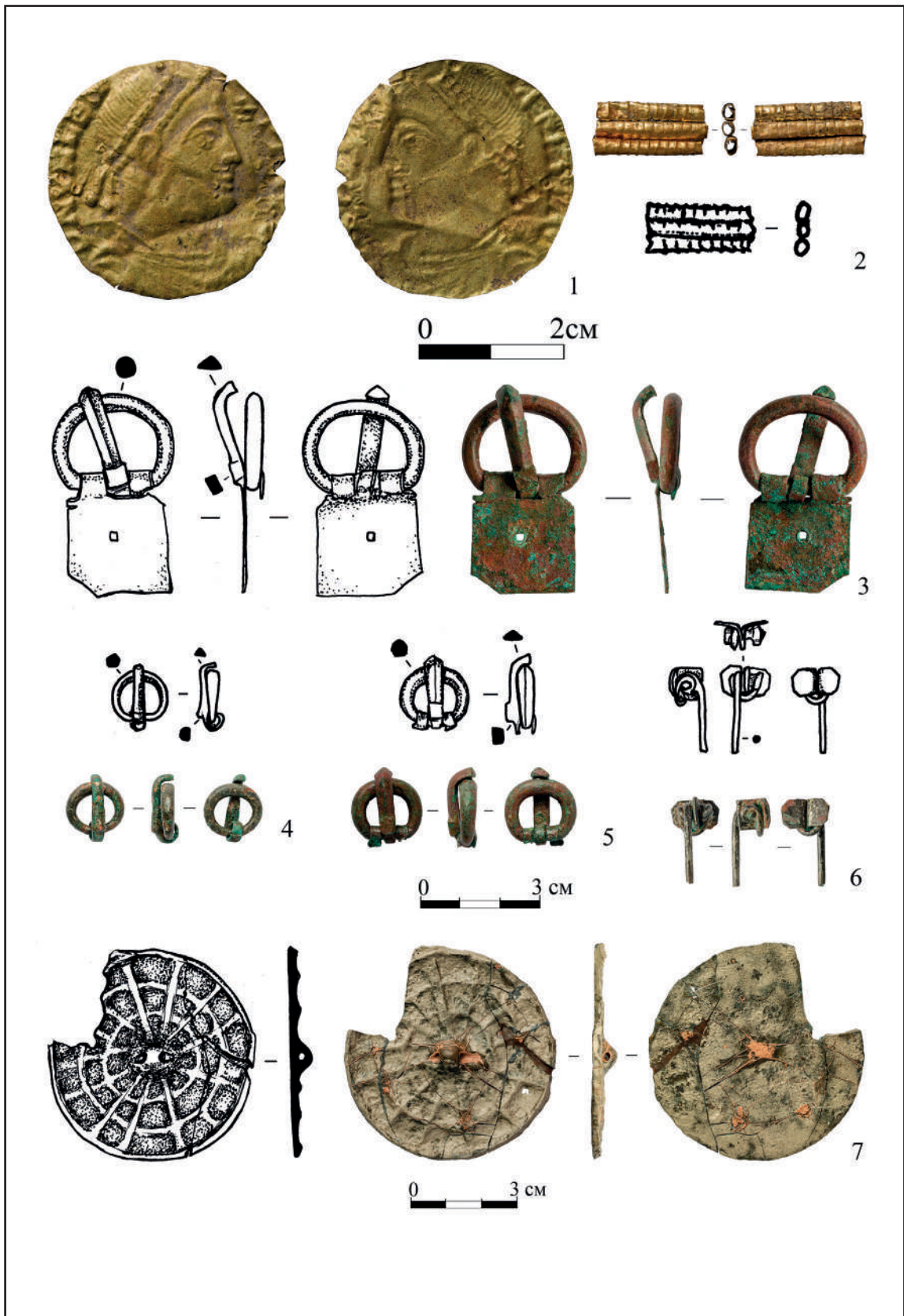

Рис. 3. Инвентарь погребения 21 фанагорийского некрополя

Рис. 4. Инвентарь комплексов, датированных радиоуглеродным методом:
 1–4 – погребение 11, некрополь Фанагории; 5–7 – погребение 71, могильник Суук-Су;
 8, 9 – погребение 62, могильник Борисово, без масштаба [по: Саханев, 1914];
 10–12 – погребение 145, могильник Борисово

РАНЕСЛАВЯНСКИЕ КЛАДЫ ВЕРХНЕГО ПСЛА¹

Родинкова В. Е.

Институт археологии РАН, г. Москва

E-mail: vlasta2004@mail.ru

Аннотация. В статье представлена информация о 13 раннесредневековых кладах, известных в литературе как комплексы «древностей антов» I группы по О. А. Щегловой или сокровища типа Мартыновского, с территории в верхнем течении р. Псел (левый приток Днепра). Охарактеризован состав кладов, описана их ландшафтно-топографическая приуроченность. На основании территориального распределения находок социальная структура населения Верхнего Попселья реконструирована как объединение нескольких общин во главе со своими представителями знати. Рассмотрены характер и организация ювелирного производства в Поднепровье в VII в., сделан вывод о том, что возникновение и выход из употребления нового вещевого комплекса тесно связаны с поставками в регион цветного металла. Предложена новая интерпретация «мартыновского» убора как исторического явления. В соответствии с ней, создавшие своеобразный набор украшений носители инокультурных традиций были ассимилированы местным днепровским населением, изготовление вещей «мартыновских» типов постепенно прекратилось, а клады выпали не одновременно, маркируя какое-то катастрофическое событие, а в течение более или менее длительного промежутка времени, либо являя собой пример демонстративного потребления, либо в результате множества локальных конфликтов.

Ключевые слова: раннее Средневековье, Поднепровье, бассейн Верхнего Псла, клады типа Мартыновского, ювелирное производство, художественные стили.

Регион Верхнего Псла, левого притока Днепра, имеет для раннеславянской археологии особое значение. Экспедициями ведущих научных центров во второй половине XX в. здесь были открыты и исследованы эталонные памятники, отражающие начальные этапы славянского этногенеза и послужившие основой для выделения целой серии культурных групп и общностей I тыс. н.э. На рубеже XX–XXI вв. интенсивность полевых исследований снизилась, но регион по сей день остается одним из ключевых в изучении прото- и раннеславянских древностей. В немалой степени этому способствует особенность, выделяющая его на фоне окружающих территорий, которая особенно

ярко проявилась как раз в последние десятилетия. Бассейн Верхнего Псла – зона экстраординарной концентрации раннесредневековых кладов, значительная часть которых связана с течением реки Суджа.

Вообще словосочетание «Суджанские клады» впервые прозвучало почти 100 лет назад, когда у д. Большой Каменец в верховьях Суджи крестьяне в 1918 и 1927 гг. нашли золотые и серебряные украшения, драгоценные сосуды и другие вещи, представляющие собой инвентарь одного или двух погребений по обряду ингумации. Находки сразу были оценены по достоинству. Л. А. Мацулевич в первой и, по сути, единственной развернутой публикации отнес их к рубежу IV–V вв. и поставил в один ряд с княжеским погребением в Концештах и захоронением визиготского короля Алариха, описанным у Иордана [Мацулевич, 1934. С. 56–59]. М. М. Казанский, основываясь на этих и других материалах, реконструировал на Днепровском Левобережье остроготское королевство Винитария и его наследников с центром между верхними течениями Ворсклы и Псла [Казанский, 1997. С. 183, 184].

12 мая 1947 г. на останце в пойме р. Суджа, рядом с г. Суджа во время пахоты трактори-

¹ Статья написана в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0). Выражаю глубокую признательность Анастасии Николаевне Федориной, Василию Сергеевичу Нефедову, Ольге Анатольевне Лопатиной, Ольге Сергеевне Румянцевой, Марине Викторовне Вдовиченко, Александру Николаевичу Полякову, Наталье Александровне Биркиной, Вере Павловне Кузнецовой, поделившимися со мной своими наблюдениями и мыслями, которые нашли отражение в этой работе.

стом В. А. Сластеновым вновь была найдена серия мужских и женских украшений из серебра и сплавов на основе меди, относящихся уже к другой эпохе. Опубликовавший часть вещей Б. А. Рыбаков вслед за А. А. Спицыным соотнес их с «многочисленными племенами антов», датировал VI в. и, чтобы отличить от «старых» комплексов из Большого Каменца, назвал Новым Суджанским кладом [Рыбаков, 1949]. Позже эта находка вошла в состав выделенной О. А. Щегловой I, более ранней группы «древностей антов» [Щеглова, 1990], эталоном для которой стало сокровище из Мартыновки. И. О. Гавритухин, проведя масштабную работу по синхронизации локальных хронологических шкал ряда регионов Восточной и Центральной Европы, определил время сокрытия кладов типа Мартыновского в рамках второй половины – третьей четверти VII в. [Гавритухин, 1996. С. 89–95]. Формироваться же набор вещей, понимаемый сегодня под условным названием «древности антов I группы», начал в более ранний период, вероятно, в конце VI – начале VII в. [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 146]. Согласно другой точке зрения, днепровские клады I группы выпали в пределах второй четверти VII в. [Казанский, 2014. С. 53–55].

История Новосуджанского клада продолжилась несколько десятилетий спустя. В 2011 г. в Курский музей археологии поступили 14 предметов², найденных в 2007 или 2008 г. якобы на том же месте, что и украшения 1947 г. Наличие в обеих коллекциях деталей поясного набора, выполненных в единой стилистике, убеждает, что это действительно части одного и того же комплекса, извлеченные из земли с интервалом в 60 лет. В настоящее время вещи из клада разделены на четыре группы и хранятся в Курском государственном областном музее археологии (далее – КГОМА), Курском областном краеведческом музее и Суджанском краеведческом музее.

Современные представления об уникальной насыщенности Суджанского региона раннесредневековыми кладами начали формироваться в 2000-х годах, с развитием в России детекторного металлопоиска. Первым в чередѣ находок стал комплекс, выявленный в октябре 2007 г. у д. Куриловка недалеко от места впадения р. Суджа в р. Псел и поступивший на хранение в Курчатовский краеведческий музей. Входящие в него принадлежности

женского костюма относятся минимум к двум комплектам и имеют следы длительного использования. Элементы ременной гарнитуры представляют один набор и не только не были в употреблении, но даже не прошли послелитейную обработку. Все изделия выполнены из латуни, бронзы и свинцово-оловянных сплавов [Родинкова, 2010].

Следующий клад обнаружил ученик 9В класса Суджанской средней школы № 1 Р. В. Горскис 19 сентября 2009 г. в низкой пойме р. Суджа на территории граничащей с г. Суджа слободы Замостье³. Изделия из серебра (рис. 1), сплавов на основе меди, железа, стекла, природных материалов залежали несколькими скоплениями и поодиночке на глубине от 30 до 70 см на площади около 6 м². В основном это украшения, разрозненные или представленные небольшими сериями, но не образующие комплектов. Большая их часть находит аналогии среди «древностей антов» I группы, но есть вещи, датирующиеся второй половиной II – III в., второй половиной V – началом VI в. и, возможно, IX – началом X в. Многие предметы несут на себе следы длительного использования, ремонта, сломаны или деформированы до неузнаваемости [Родинкова и др., 2018. С. 131–137].

Большое значение имеет находка в Судже-Замостье фрагментов византийского серебряного блюда с клеймом, которое В. Н. Залеская определяет как клеймо императора Константа II (641–668) или Константина IV (668–685) [Родинкова, 2012]. Это первое «внутреннее» основание для абсолютной датировки кладов «мартыновского» круга, которое подтверждает относительно-хронологические разработки И. О. Гавритухина [Гавритухин, 1996].

Новый комплекс «древностей антов» I группы выявлен Н. Н. Шитиковым в октябре – ноябре 2012 г. в низкой, затапливаемой в половодье пойме р. Конопелька, сливающейся с поймой р. Псел, у д. Черкасская Конопелька [Родинкова, Сапрыкина, 2015. С. 44–47. Рис. 2; 3]. Он был помещен в лепной горшок, который, судя по характеру глиняного теста и профилировке, принадлежит колочинской (или пеньковской) культуре. Клад включает более 400 предметов (рис. 2), часть которых обнаружена при обследовании места находки в мае 2013 г. Составляющие его вещи являются элементами женского убора и выполнены преимущественно

² Благодарю директора и главного хранителя КГОМА, Г. Ю. Стародубцева и А. В. Зорина, за помощь в работе и разрешение опубликовать информацию об этой серии вещей и о комплексе из Уланка (см. ниже).

³ Клады из Суджи-Замостья, Черкасской Конопельки, Бондаревки, хутора Княжьего 1-го, Фанасеевки, Гуево хранятся в Суджанском краеведческом музее. Благодарю директора музея Л. М. Придубкову за всестороннюю помощь и возможность работать с материалами.

но из сплавов на основе меди. Это односпиральные и круглопроволочные височные кольца, фибулы пальчатые и с каймой из птичьих голов, длинные цепи из округлых дровяных звеньев, спиральные и свернутые из пластины трубчатые пронизи (наиболее многочисленная категория изделий), трапециевидные, квадратные и умбоновидные подвески, четыре обломка браслетов с окончаниями в виде змеиных голов, согнутые и соединенные в подобие цепочки, куски проволоки с петлями на концах и нанизанными на них обрезками пластин (по мнению О. А. Щегловой, детали накольников [Щеглова, 1999. С. 300, 301. Рис. 10]). Единственный артефакт из серебра – скрепленные вместе половинки четырех разных браслетов с расширенными неправильно-округлыми в сечении неорнаментированными концами. Обломанные части браслетов загнуты в петли, три фрагмента надеты на четвертый. Кроме того, в комплексе представлены ворворки и уплощенные пронизи из свинцово-оловянного сплава и бусы из янтаря и стекла. В некоторых пронизках сохранились нити, скрученные из растительных волокон, вероятно, камыша⁴. Отдельного упоминания заслуживает крупная фибула с каймой из птичьих голов, у которой не загнут иглоприемник и не просверлены отверстия в трех стойках для крепления оси пружины, расположенных на обороте полукруглого щитка. Это не готовое украшение, а «полуфабрикат», использование которого по прямому назначению невозможно.

В 2014 г. в КГОМА поступил еще один клад, найденный в окрестностях с. Уланок. Точное место и время его обнаружения неизвестны. Основную часть комплекса составляют мелкие стеклянные бусы (более 3000 экз.) и изделия из свинцово-оловянных сплавов (более 550 экз.): ворворки разных размеров, в том числе орнаментированные, уплощенные и пятичастные пронизи, бантиковидные и шайбовидные бляшки-нашивки, своеобразные трехрогие лунницы с массивным средним «рогом», маленькие слитки и др. Из сплавов на основе меди изготовлены 1 фрагмент и 2 целых односпиральных височных кольца, 5 фрагментов шейных гривен, в том числе 3 – с концами в форме длинных петель, 4 трапециевидные подвески, более 40 бронзовых трубочек-пронизок, 20 целых и 1 фрагментированный браслет с концами в виде стилизованных змеиных голов, 22 целые и фрагментированные прямоугольные нашивные бляшки, украшенные линейным орнаментом, и др. По

⁴ Благодарю за консультацию и определение органических остатков А. А. Гольеву.

имеющейся информации, в состав комплекса входит также набор ременных украшений, но в коллекции музея в настоящий момент представлен только один наконечник с боковыми вырезами.

В 2013 или 2014 г. на останце в пойме левого берега р. Суджа, в непосредственной близости от воды, напротив хут. Княжий 1-й Г. Д. Прилепко и П. Н. Савчуков нашли следующий клад типа Мартыновского. По их словам, вещи не образовывали единого скопления, а были собраны на площади в несколько десятков квадратных метров. Очевидно, это следствие распашки, осуществлявшейся на останцах в пойме Суджи в советское время. При проведении полевых исследований в октябре – ноябре 2019 г. зафиксированы еще несколько изделий круга «древностей антов» I группы, по-видимому, также входившие в состав комплекса. На сегодняшний день он включает три сломанные и деформированные фибулы (одна пальчатая, одна с каймой из птичьих голов, одна не поддается определению из-за отсутствия головного щитка); пять фрагментов шейных гривен, в том числе два концевых с петлями, у одного из которых на дроте имеется обмотка; фрагментированную умбоновидную подвеску; два обломка пластинчатых изделий с заклепками; вероятно, две трубочки-пронизки. Кроме того, в кладе представлена серия ременных украшений: разломанная надвое двухчастная фигурная накладка с «веревочным» орнаментом по центру, три двухчастные прямоугольные (одна фрагментирована), три 3-образные, четыре – с так называемым килевидным выступом у нижнего края, один фрагмент накладки с раздвоенным («рогатым») верхним краем; девять наконечников в форме геральдического щита (с «килевидным» выступом по нижнему краю), из которых четыре имеют более вытянутую форму (один фрагментирован) и пять – более широкие (один фрагментирован); обломок щитка пряжки (рис. 3). Детали поясной гарнитуры изготовлены из серебра, остальные предметы – из сплавов на основе меди.

В 2015 или 2016 г. на высоком правом берегу р. Смердица, левого притока р. Суджа, в верховьях оврага, недалеко от д. Бондаревка Г. Д. Прилепко и А. Скибиным обнаружен новый клад того же круга (рис. 4). Как и предыдущий, он был поврежден плугом и растащен по участку размерами около 100x60 м. Первоначально комплекс включал семь деформированных фрагментов не менее четырех пальчатых фибул, разломанную на три части уникальную зооморфную застежку, аналоги

которой пока неизвестны, зеркало и фрагментированный колокольчик полушаровидной формы без язычка. При обследовании места находки в сентябре 2020 г. выявлена еще серия вещей, по-видимому, также входивших в состав клада: два браслета с расширенными округлыми в сечении орнаментированными концами, один фрагментированный браслет с прямоугольным в сечении концом, несущий следы ударов рубящим предметом, обломки не менее двух умбоновидных подвесок, обрывок цепочки из восьмерковидных звеньев, фрагмент коробчатого поясного наконечника или тыльная часть щитка пряжки. Последний предмет изготовлен из белого металла, остальные – из сплавов на основе меди.

На расстоянии около 400 м от участка обнаружения Бондаревского клада местными жителями собрана коллекция украшений «мартыновских» типов: фибул, браслетов, умбоновидных подвесок, деталей ремennых гарнитур и др. Все фибулы представлены фрагментами, в том числе мелкими, браслеты разломаны, умбоновидные подвески деформированы – у них вмяты или пробиты насквозь выпуклые части. В результате полевых работ, проведенных в 2019–2020 гг., на этой территории открыто и частично исследовано поселение Бондаревка 2, существовавшее, однако, в более раннее, нежели «древности антов», время. Можно предположить, что происходящие с поверхности памятника предметы представляют собой либо части клада, либо инвентарь кремационного могильника колочинской культуры, разрушенного многолетними сельскохозяйственными работами.

Следующий комплекс круга днепровских раннесредневековых кладов I группы выявлен Н. Н. Шитиковым в июне – июле 2019 г. в заливаемой пойме правого берега р. Псел, рядом с заболоченной старичной протокой, у д. Фанасеевка. По сообщению находчика, вещи залежали единым скоплением на небольшой глубине от поверхности. Часть предметов, прежде всего бус, собрана при обследовании участка в сентябре 2020 г. В настоящее время клад включает более 200 изделий из металла (сплавов на основе меди и свинцово-оловянных, иногда серебра), преимущественно принадлежащих женскому убору (рис. 5). Это целые и фрагментированные височные кольца – не менее трех круглопроволочных и пяти односпиральных; состоящая из двух частей шейная гривна с обмоткой дрота и петлями на концах; четыре пальчатые фибулы (две фрагментированы), образующие две пары, и одна застежка с каймой из птичьих голов (сломана); фрагменты трапециевидных подвесок с орна-

ментом из крупных и мелких полусферических выпуклостей; фрагменты трубочек-пронизок. К группе поясных украшений относятся три ремennых наконечника и маленькая круглая накладка. Значительную часть комплекса составляют свинцово-оловянные изделия: ворворки (в основном мелкие), двухчастные нашивки и др., а также стеклянные, янтарные, коралловые бусы, которых найдено около 250. Обращают на себя внимание металлические слитки из медного сплава: один – напоминающий по форме новгородскую гривну более позднего времени, второй – свернутый в незамкнутое кольцо четырехгранный стержень, разломанный в древности на куски. Вероятно, к этой же категории предметов следует причислять и несколько фрагментов толстого округлого в сечении изогнутого прута из свинцово-оловянного сплава.

Последний из известных на сегодняшний день в Суджанском районе Курской области кладов типа Мартыновского найден А. Суменковым 1 мая 2020 г. в низкой затопляемой пойме левого берега р. Псел напротив с. Гuevo, примерно на равном расстоянии от сел Гuevo и Горналь. Его составляют более 60 предметов, связанных в основном с женским убором (рис. 6): целые и фрагментированные височные кольца, в том числе односпиральные; парные пальчатые и антропоморфные фибулы (три из четырех фрагментированы); части шейных гривен, в том числе с обмоткой дрота и петлевидными окончаниями; обломки пластинчатых изделий; фрагменты не менее восьми умбоновидных подвесок; пять фрагментированных трапециевидных подвесок, в том числе с орнаментом из выпуклых точек; круглая подвеска с утраченным ушком (?); трубочки-пронизки; четыре браслета (один разломан) с расширенными концами, на которых в ряде случаев сохранился орнамент; восемь целых и фрагментированных браслетов с окончаниями в виде змеиных голов, согнутых и соединенных в два подобия цепочек (по четыре «кольца» разных размеров в каждой); два целых и два фрагментированных ремennых наконечника; и др. В состав комплекса входили еще какие-то железные предметы, по словам находчика, сильно окислившись и представлявшие собой неопределимые комки, которые он «разбил ультразвуком». Из одного такого «комка» выпали три маленькие стеклянные бусины. На них, как и на некоторых других изделиях, зафиксированы продукты коррозии железа.

Все вещи найдены компактной группой на глубине до 30 см от поверхности. Умбоновидные подвески, судя по двум склеившимся

экземплярам, в момент сокрытия были вложены друг в друга. В процессе реставрации установлено, что височные кольца сделаны из серебра, подвески и ременные наконечники – из сплава на основе меди, шейные гривны, пальчатые фибулы, браслеты с окончаниями в виде змеиных голов и, возможно, с расширенными концами – также из медного сплава, но покрыты слоем белого металла. Скорее всего, это следы серебрения (или лужения, что менее вероятно). Состояние большей части предметов, специфические следы на их поверхности, в том числе достаточно многочисленные капли и «вспенившиеся» натеки белого металла, позволяют предположить, что украшения побывали в огне⁵.

Очевидно, наряду с находками из Суджанского региона в группу раннесредневековых кладов Верхнего Понеселья входят комплексы, которые недавно стали известны на территории Сумской области (рис. 7) и поступили на хранение в Сумской областной краеведческий музей [Білінська, Володарець-Урбанович, 2020. С. 11–14; 2022. С. 122–126, 128, 129]. Хронологически первый из них – клад, найденный в 2014 г. в местности, называемой «Могрицкий Лужок», расположенной на краю первой надпойменной террасы и частично в изобилующей останцами и дюнообразными всхолмлениями пойме правого берега р. Псел, недалеко от с. Могрица (укр. Могриця). Точное место находки, однако, неизвестно. Комплекс состоит из четырех пальчатых фибул, две из которых составляли пару, соединенную цепочкой, двух шейных гривен (?), колокольчика, четырех односпиральных височных колец, звеньев цепочек. При обследовании участка на краю террасы найдены фрагменты лепной посуды раннеславянского облика [Білінська, Володарець-Урбанович, 2020. С. 14; 2022. С. 125, 126. Рис. 6].

В 2016 г. на мысу, на краю плато выходящего в правобережную пойму р. Псел коренного берега, изрезанного оврагами и обводненными балками, у с. Никольское (укр. Микільське) выявлен еще один клад. Он включал пять пальчатых фибул (четыре образуют две пары, пятая – обломанный полукруглый щиток с дужкой), две подвески-лунницы с прикрепленными к ним трапециевидными подвесками, два перстня, серию трубчатых и спиральных пронизей, фрагмент проволоочной гривны или браслета, несколько бусин (утрачены). В 2019 г. в шурфе, заложенном на предполагаемом месте наход-

ки, встречен обломок удлиненного щитка фибулы, скорее всего, также входивший в состав комплекса [Білінська, Володарець-Урбанович, 2020. С. 12. Рис. 4; 2022. С. 123. Рис. 3].

В территориальном отношении наиболее близок суджанским клад, обнаруженный в 2017 г. на останце в заболоченной пойме левого берега р. Псел и его притока р. Удавы, вблизи с. Мирополье (укр. Миропілля). В него входят большое количество деталей одного или двух поясных наборов геральдического стиля, а также принадлежности женского убора: сломанная пальчатая фибула, фрагментированные умбоновидные подвески, проволоочное кольцо, спиральная трубочка-пронизка, свинцово-оловянные ворворки и пряслице и др. [Білінська, Володарець-Урбанович, 2020. С. 13; 2022. С. 124. Рис. 4].

Наконец, в 2020 г. была получена информация о находке клада «мартыновского» типа на возвышенном останце в правобережной пойме р. Рыбица, левого притока р. Псел, у с. Малая Рыбица (укр. Мала Рибиця). Судя по имеющейся информации, в него входили бронзовые и серебряные украшения: височные кольца, шейные гривны, семь фибул, цепочки, умбоновидные и двуспиральные подвески, колокольчики, пронизки, два браслета, пряжки, другие детали ременной гарнитуры, а также свинцово-оловянные ворворки, янтарное ожерелье и проч. Уникальны представленная в комплексе пряжка византийского производства и кусочек ткани. Судьба находки и место ее хранения неизвестны. Весной 2021 г. в ходе археологической разведки на предполагаемом участке локализации клада на поверхности собраны мелкие нашивные бляшки и ворворки из свинцово-оловянного сплава, а также десять маленьких стеклянных бусин [Білінська, Володарець-Урбанович, 2022. С. 128, 129].

Важной особенностью изучения кладов Суджанского региона является обследование мест их находок. Еще в 1964 г. курский археолог и краевед Ю. А. Липкинг провел полевые работы на месте обнаружения Новосуджанского комплекса, указанном ему участниками событий 1947 г. В двух шурфах им выявлен культурный слой, содержащий фрагменты керамики эпохи бронзы и грубой лепной посуды, аналогичной сосудам Князьинского могильника колочинской культуры, который Ю. А. Липкинг раскапывал в то же время [Липкинг, 1964. С. 14–16]. Таким образом впервые была установлена связь «древностей антов» I группы с раннеславянской культурной средой. В 2008 г. сотрудниками Среднесейминской экспедицией ИА РАН под руководством

⁵ Благодарю за консультацию, а также за реставрацию Гувеского и других кладов Суджанского региона В. П. Кузнецову.

О. А. Радюша заложен шурф на месте находки Куриловского клада. Из него происходят материалы XVII–XIX вв. и лепная керамика V–VII и, возможно, III–IV вв. [Радюш, 2010. С. 9–12. Рис. 3–12]. В 2012 г. В. Е. Родинковой и И. А. Сапрыкиной в 150 м от этого участка открыто многослойное поселение Куриловка 2, содержащее в том числе напластования колочинской культуры. Места обнаружения комплексов из Суджи-Замостья, Черкасской Конопельки, хут. Княжьего 1-го, Бондаревки, Фанасеевки, Гуево обследованы Суджанским отрядом ИА РАН под руководством В. Е. Родинковой в 2012, 2013, 2019, 2020 гг.

В результате проведенных работ установлено, что клады были сокрыты в разных ландшафтно-географических условиях. Новосуджанский, Куриловский, Княжынский выявлены либо в культурном слое колочинских поселений, либо в непосредственной близости от них. В Судже-Замостье, Черкасской Конопельке, Фанасеевке, Гуево находки сделаны в низких поймах рек, на заливаемых в половодья участках. Не исключено, что и в момент упокоения кладов эти участки, по крайней мере, некоторые из них, находились в режиме подтопления [Родинкова и др., 2018. С. 139–142]. Синхронные памятники поблизости неизвестны. Особенности топографической приуроченности подобных комплексов наряду со спецификой их состава позволили взглянуть на весь массив материала под другим углом зрения и предположить, что часть сокровищ типа Мартыновского носила вотивный характер [Родинкова, Сапрыкина, 2015. С. 47, 48; Родинкова и др., 2018. С. 142, 143].

Вторым важным результатом полевых исследований, в частности, промывки грунта из шурфов и отвалов кладоискательских ям, стало выявление множества предметов, не замеченных находчиками: пронизок, обломков разнообразных пластинчатых украшений, подвесок и нашивок из свинцово-оловянных сплавов, бус и др. Возрос не только численный состав комплексов, была расширена и их номенклатура. Особенно показательна ситуация с бусами. До недавнего времени считалось, что небольшое их количество или даже отсутствие – характерный признак «древностей антов» I группы. Полученные нами данные однозначно свидетельствуют, что это мнение отражает не объективную особенность, присущую материалу, а лишь степень его изученности. Сейчас стеклянные, янтарные, коралловые бусы представляют массовую категорию изделий в кладах типа Мартыновского и перспективный источник их дальнейшего изучения.

Накопление материала делает актуальным новое обращение к неоднократно обсуждавшейся проблеме характера днепровских раннесредневековых кладов I группы. Сегодня их чаще всего рассматривают в рамках дуальной схемы, предложенной О. А. Щегловой [Щеглова, 1999. С. 291], и делят на клады-«ларчики», включавшие «содержимое семейной “укладочки”», и клады мастеров⁶. Между тем ни в одном из них нет ювелирных инструментов, которые, как логично предположить, составляли главное богатство мастера и подлежали сохранению в первую очередь. Исключением является комплекс из Козиевки – Новой Одессы, содержащий шаблоны для изготовления пальчатой и орлиноголовой фибул. Признаком ремесленного характера находок считается в том числе наличие в их составе сломанных и деформированных изделий, а также металлических слитков. Можно думать, однако, что в регионе, где отсутствуют источники сырья и весь цветной металл – импорт, он представлял ценность сам по себе, в любом виде. Сбирать и хранить лом могли не только ювелиры, переплавлявшие его при изготовлении новых украшений, но и остальное население, например, для использования в различных обменных операциях или в качестве некоего общего эквивалента богатства. Кроме того, как уже отмечалось, сломанные, бракованные, недоделанные вещи часто присутствуют в вотивных комплексах [Свирин, 2006. С. 190].

Мнения о том, что из себя представляют «древности антов», что значит их появление и кем были их хозяева, разнообразны. Согласно одной из точек зрения, это элементы обрядового (праздничного) убора, который сложился в результате деятельности нескольких мастеров или мастерских, предлагавших свой ассортимент изделий и формировавших моду и вкусы местного населения [Щеглова, 1999. С. 292, 309, 310; Щеглова, Гавритухин, 2013. С. 151–153]. Согласно другой, новый набор украшений принадлежал элите возникшего в Поднепровье политического объединения, которая таким образом выделяла себя на фоне соседних племен [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 145; Обломский, 2012. С. 11–15, 26]. Согласно третьей, по крайней мере, часть днепровских раннесредневековых кладов I группы, как и входящих в них вещей, имеет символическое значение [Курта, 2008. С. 144–147; Родинкова, 2014]. Автору этих строк уже

⁶ Сама О. А. Щеглова все клады I группы отнесла к категории «ларчиков», содержащих «“плоды индивидуального накопления” рядовых носителей культуры, среди которых были и мастера-ювелиры» [Щеглова, 1999. С. 292].

приходилось обращать внимание на то, что подавляющее большинство изделий «мартыновских» типов происходит из кладов. На поселениях и могильниках они крайне немногочисленны. Такая диспропорция представляется аргументом в поддержку интерпретации «древностей антов» как элементов культуры престижа, а не «предметов массового потребления», доступных рядовому населению. Это, однако, не отрицает участия мастеров-ювелиров в создании нового вещевого комплекса, который мог быть сконструирован ими «по заказу» и под покровительством представителей знати, нуждавшихся в демонстрации своего статуса.

На сегодняшний день в бассейне Верхнего Псла известны не менее 13 сокровищ «мартыновского» круга (рис. 7). Скопление их в нижнем течении Суджи, а также широта и разнообразие связей населения, проживавшего здесь в эпоху Великого переселения народов, позволили поставить вопрос о статусе этого населения и его месте в глобальной европейской системе взаимодействий [Родинкова, 2020]. Внутри рассматриваемого региона, однако, клады распределяются по площади достаточно равномерно, тяготение их к каким-то конкретным участкам или памятникам не наблюдается. Подобная картина, как и сравнительная однородность состава комплексов (за исключением происходящего из Суджи-Замостья) могут указывать на отсутствие в местном славянском обществе заметной стратификации и централизации, во всяком случае, такой, которая отразилась бы на территориальной структуре находок. Археологическая карта Верхнего Пселля, кажется, позволяет сделать следующий логический шаг и предположить, что клады типа Мартыновского могли иметь статусный характер и принадлежать не просто представителям знати, но лидерам коллективов, бигменам. Не исключено, что они формировались в результате не индивидуального, а группового накопления и служили неким материальным запасом, находившимся в распоряжении руководителей этих групп. В таком случае социальная структура, существовавшая в верхнем течении Псла, реконструируется как объединение нескольких общин во главе со своими «вождями» или «старейшинами», каждой из которых, возможно, соответствовало отдельное большое поселение. Не противоречит предложенной модели и гипотеза о вотивности кладов. Они могли быть коллективными приношениями, направленными на укрепление связей со сверхъестественными силами, или представлять «пример демонстративного потребления, известный антропологам как потлач», по мысли Ф. Курты [Курта, 2008. С 146, 147].

Еще одна область материальной культуры, разговор о которой инициирует все увеличивающееся число находок «древностей антов», – характер и организация ювелирного производства, результатом работы которого они являются. Как уже отмечалось, ввиду отсутствия в бассейне Днепра рудных месторождений весь цветной металл поступал в регион извне. Появление здесь в VII в. значительного числа изделий из серебра и сплавов на основе меди (и отсутствие их в предшествующий период) однозначно свидетельствует о налаживании весьма объемных поставок импортного сырья. Такой поток, однако, не мог быть безадресным, его возникновению должно было предшествовать формирование соответствующего уровня спроса и рынков сбыта. Исходя из имеющихся данных, можно полагать, что востребованность большого количества цветного металла обеспечивали не столько широкие слои местного населения, сколько ремесленники-ювелиры, занимавшиеся отливкой украшений. Представляется, что важной частью их профессиональной подготовки и необходимым условием выпуска качественной продукции было знание «своего» материала, его физических и химических свойств, «поведения» в процессе обработки. И в случае переноса производства на другую территорию более простым и эффективным решением зачастую оказывалась организация ввоза привычного сырья, а не поиск и освоение нового. Иными словами, масса вещей из цветного металла, которую мы обнаруживаем в Поднепровье в конце эпохи Великого переселения народов, указывает на появление здесь (скорее всего, со стороны, поскольку в предшествующий период широкое использование серебра и сплавов меди для местного населения нехарактерно) ремесленников, знакомых с этим материалом и умеющих работать с ним. И наоборот, перемещение на Днепр мастеров, создающих серебряные, латунные, бронзовые украшения, обусловило масштабный импорт, вероятно, из «домашнего» региона, привычного для них сырья.

В литературе неоднократно высказывалась идея о том, что своеобразный убор «мартыновского» типа складывался не без влияния полиэтничной культурной среды Подунавья. Именно в ней могло произойти сращение восточногерманских и византийских образов и форм, фиксируемое в наборе украшений раннесредневекового населения Поднепровья. Важный аргумент в поддержку этой гипотезы получен в результате анализа состава металла поясных украшений из клада в Судже-Замостье. Установлено, что серебро, из которого

они изготовлены, происходит из рудных провинций Карпатского региона, возможно, из одного из месторождений Западных Румынских гор [Сапрыкина и др., 2017. С. 49–52].

Было ли перемещение ремесленников «самостоятельным» процессом, вызванным исключительно экономическими причинами, такими, как необходимость расширения производства и поиск новых рынков сбыта? Или переселялся имевший сложную структуру коллектив, в рамках которого ювелиры были призваны обслуживать представителей более привилегированных сословий? Для ответа на этот вопрос данных пока недостаточно. Более уверенно можно говорить о том, что передвижение мастеров было однократным и осуществлялось, так сказать, в один конец. Если бы между «метрополией» и «новыми территориями» существовало регулярное двустороннее сообщение, в Подунавье было бы известно гораздо больше «мартыновских» изделий, чем сейчас. С другой стороны, в днепровском вещевом комплексе наблюдался бы приток художественных идей, технологических приемов, собственно импортных предметов из дунайского региона. Но этого не происходит, набор украшений круга «древностей антов» I группы, сформировавшись, развивается, исходя из внутренних предпосылок, без заметных влияний извне, становясь ярким феноменом материальной культуры раннесредневекового славянского населения Поднепровья. Время его существования – 70–100 лет – соответствует периоду жизни трех – четырех поколений ремесленников, создавших и поддерживавших традицию, передавая друг другу знания и опыт. Выход вещей из употребления и выпадение их в кладах часто рассматривается как следствие военного разгрома и гибели элиты сложившейся в Среднем Поднепровье и междуречье Днепра и Дона социальной структуры, а вместе с ней и работавших для ее обеспечения мастеров-ювелиров.

Имеющимся данным, однако, не противоречит и другая концепция, сходная с предлагаемой И. Р. Ахмедовым моделью развития в Восточной Европе во второй половине V – начале VI в. стиля поясных наборов с так называемым птицевидным декором [Ахмедов, 2014. С. 142–151]. Инкорпорированные в днепровскую среду мигранты, как мастера, так и, возможно, появившиеся вместе с ними заказчики и потребители их продукции, воспринимавшие семантику созданного убора, со временем ассимилировались местным населением. Идеи и образы, заложенные в наборе «мартыновских» украшений, перестали быть востребованными, традиция их изго-

товления угасла, а вместе с ней, за ненадобностью, прекратились и массовые поставки в Поднепровье цветных металлов⁷. Такая концепция подразумевает, что клады выпали не одновременно, отражая какое-то катастрофическое событие, а постепенно, возможно, в течение всего времени существования рассматриваемого вещевого комплекса. Ранее уже высказывалась мысль о том, что сокровища типа Мартыновского могут быть проявлением «иррационального металлопользования», по выражению Е. Н. Черных [Черных, 2005. С. 54], появившегося на Днепре вместе с переселенцами и созданным ими убором и составляющего, таким образом, неотъемлемую часть феномена «древностей антов» [Курта, 2008. С. 146, 147; Родинкова, 2014]. Другая версия состоит в том, что коллективы, элите которых принадлежали украшения, находились в состоянии постоянной вражды друг с другом, и сокрытие кладов могло стать следствием не одного крупного военного конфликта, а множества локальных столкновений.

Завершая разговор о раннесредневековых славянских кладах Поднепровья и отразившемся в них комплексе вещей, остановимся еще на одном аспекте этого явления. Как показывают многочисленные искусствоведческие исследования, такие массовые, устойчивые, «агрессивные» проявления художественной культуры, как набор украшений «мартыновского» типа, не исчезают бесследно. Элементы стиля, наиболее полно воплотившегося в одной области материальной культуры, распространяются и в смежных областях, на соседних территориях, зачастую развиваясь «на периферии» долгое время после того, как первоначальный импульс в центре формирования традиции сойдет на нет. Почему же не имеет продолжения пластичный «мерцающий» стиль пальчатых фибул и сопутствующего им убора? В последующий период в искусстве Поднепровья существуют совсем другие формы, образы и декоративные приемы, лишь антропоморфные застёжки,

⁷ Возможно, фиксируемые исследователями в разных регионах Восточной Европы, в том числе в Поднепровье, во второй половине V – начале VI, конце VI – второй половине VII, конце VII – середине VIII в. сходные явления [Ахмедов, 2014. С. 149–151; Щеглова, 1999. С. 298, 302 и сл.; Приходнюк, 1994. С. 64–75; и др.] представляют собой повторяющиеся этапы одного и того же процесса. Его суть заключалась в периодических «выплесках» из Подунавья в лесную и лесостепную зоны Восточной Европы групп населения, несших новые для восточных и северо-восточных территорий художественные и технологические, но также социально-политические, идеологические и иные традиции. Не исключено, что общие хронологические рамки этого процесса гораздо шире.

видоизменяясь, переживают финал «древностей антов» I группы. Вряд ли речь идет о тотальной смене населения. Против этого свидетельствует присутствие керамических форм, характерных для колочинской и пеньковской культур, в ранних комплексах волынцевской культуры, сменяющей на Днепровском Левобережье колочинские и пеньковские древности [Щеглова, 1986; и др.].

Можно предположить, что яркие и эффектные фибулы, подвески, головные украшения, поясные наборы, как и их сочетания, были созданы для воплощения в определенном материале, а именно в латуни, в меньшей степени в бронзе и серебре. И прекращение массовых

поставок этого материала обусловило исчезновение выработанных под него форм. Представляющие следующий хронологический этап «древности антов» II группы в абсолютном большинстве выполнены из серебра. То есть, в конце VII в. в Поднепровье появилась новая группа ремесленников-ювелиров, принесшая новые художественные и технологические традиции работы с металлом и наладившая ввоз привычного для себя сырья. Элементы «мартиновского» стиля могли продолжать жить на вещах, изготовленных из органических материалов – в качестве орнамента на одежде из ткани и кожи, резного декора на дереве и т.п. Но археологически мы это уловить не можем.

Литература

- Ахмедов И. Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях разано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 138–177. (Раннеславянский мир. Вып. 15).
- Білінська Л., Володарець-Урбанович Я. Ранньосередньовічні скарби Сумщини: нові надходження та програма дослідження // Краєзнавчий збірник: статті та повідомлення. Вип. 4 / ред. В. С. Терентьев. Суми: Університетська книга, 2020. С. 8–17.
- Білінська Л. І., Володарець-Урбанович Я. В. Ранньосередньовічні скарби Сумщини: нові надходження та перспективи дослідження // Археологія і давня історія України. 2022. Вип. 2 (43). С. 121–133.
- Гавритухин И. О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 58–95. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 140–148. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
- Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник / Ред. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. СПб.; Кишинев, 1997. С. 181–193.
- Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137. (Раннеславянский мир. Вып. 15).
- Курта Ф. Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 133–154.
- Липкин Ю. А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Курской обл. в 1964 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 2937.
- Мацулевич Л. А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 143 с. (Известия ГАИМК. Вып. 112).
- Обломский А. М. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 10–33.
- Приходнюк О. М. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. 1994. № 3. С. 61–77.
- Радюш О. А. Отчет об археологических раскопках селища Пены в Курчатовском районе и обследовании места находки раннесредневекового клада у д. Куриловка в Суджанском районе Курской области, проведенных Средне-Сейминской экспедицией в 2008 г. М., 2010 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1042.
- Родинкова В. Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // Российская археология. 2010. № 4. С. 78–87.
- Родинкова В. Е. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // Российская археология. 2012. № 4. С. 151–158.
- Родинкова В. Е. Клады в раннесредневековой истории и культуре Поднепровья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Отв. ред. А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 391–395.

- Родинкова В. Е.* Культурные связи населения Суджанского региона в эпоху Великого переселения народов // *Stratum plus*. 2020. № 5. С. 99–114.
- Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А.* Раннесредневековые клады Суджанщины: новые находки и исследования // *Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре* / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Курск: КГУ, 2015. С. 39–49.
- Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А.* Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы // *Российская археология*. 2018. № 2. С. 130–147.
- Рыбаков Б. А.* Новый Суджанский клад антского времени // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1949. XXVII. С. 75–90.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Пельзунова Л. А., Родинкова В. Е., Столярова Д. А.* К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи-Замостья) // *Stratum plus*. 2017. № 5. С. 41–55.
- Свирин К. М.* Археологические признаки языческих святилищ Восточной Европы VI–XIII вв. // *Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II* / Ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 188–190.
- Черных Е. Н.* Пути и модели развития археометаллургии (Старый и Новый Свет) // *Российская археология*. 2005. № 4. С. 49–60.
- Щеглова О. А.* Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // *Краткие сообщения Института археологии*. 1986. Вып. 187. С. 15–23.
- Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья* / Ред. Р. В. Терпиловский. Курск, 1990. С. 162–204.
- Щеглова О. А.* Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 287–312.
- Щеглова О. А., Гавритухин И. О.* Раннеславянские культуры Среднего Поднепровья и локальные шкалы соседних регионов: в поисках хронологического репера // *Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья. Материалы российско-германского colloquium*. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2013. С. 147–157.

Рис. 1. Клад из Суджи-Замостья. Предметы мужской субкультуры. Серебро. Фото Д. И. Киселева

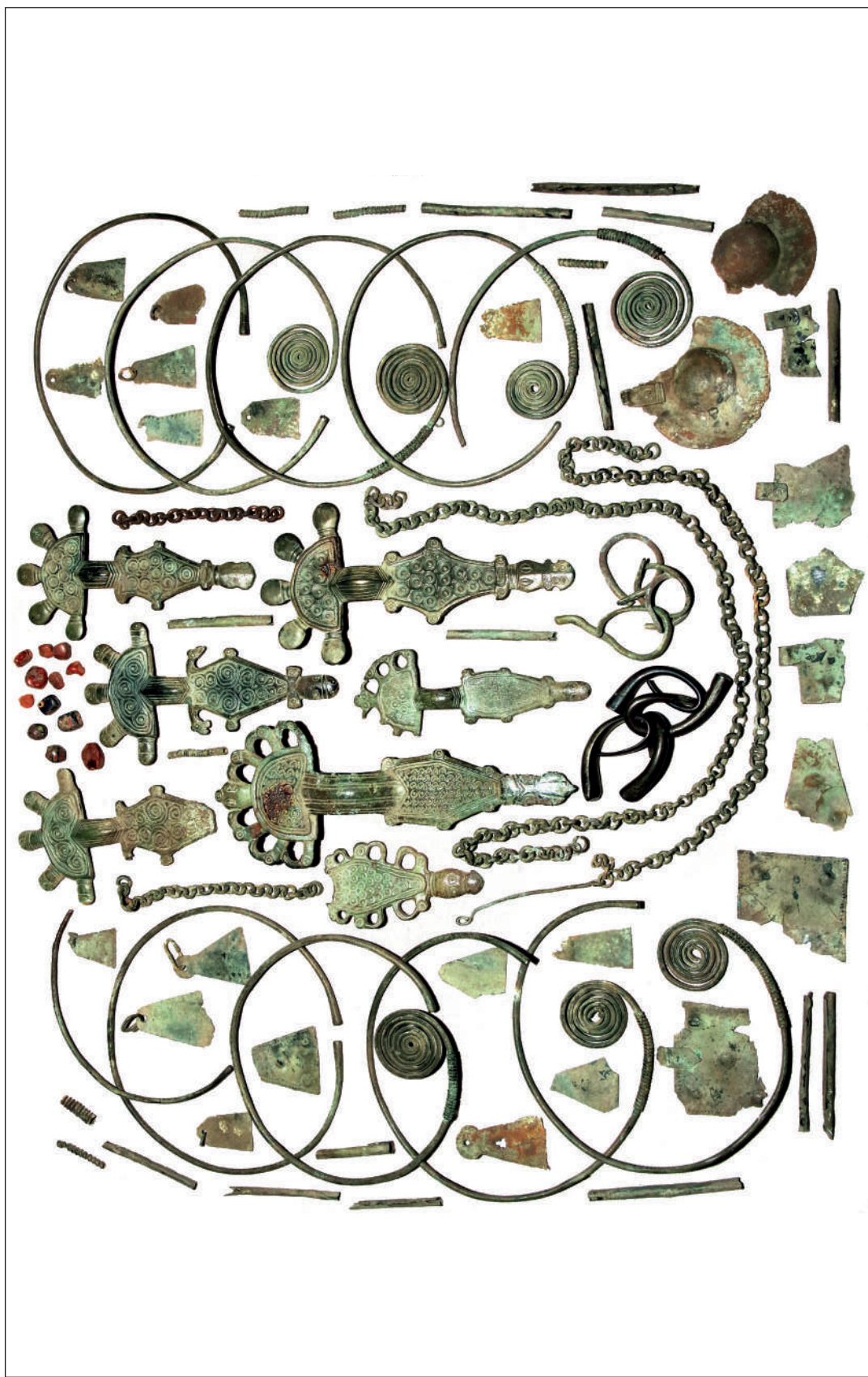

Рис. 2. Клад из Черкасской Конопельки. Сплав на основе меди, серебро. Фото Д. И. Киселева

Рис. 3. Клад из хут. Князьего 1-го. Сплав на основе меди, серебро.
Фото Д. И. Киселева

Рис. 4. Клад из Бондаревки. Сплав на основе меди, серебро.
Фото Д. И. Киселева

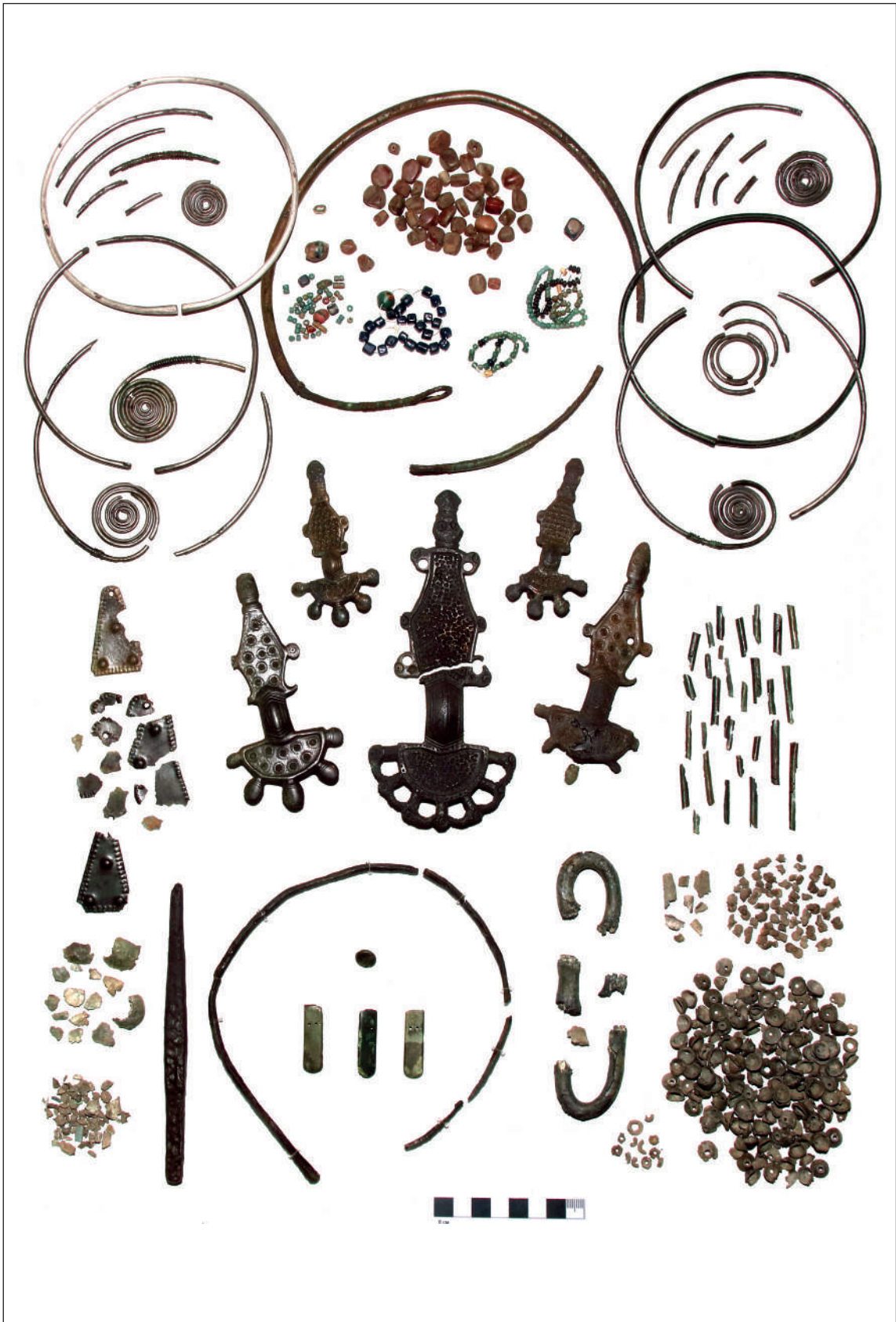

Рис. 5. Клад из Фанасеевки. Сплав на основе меди, свинцово-оловянный сплав, серебро.
Фото Д. И. Киселева

Рис. 6. Клад из Гuevo. Сплав на основе меди.
Фото Д. И. Киселева

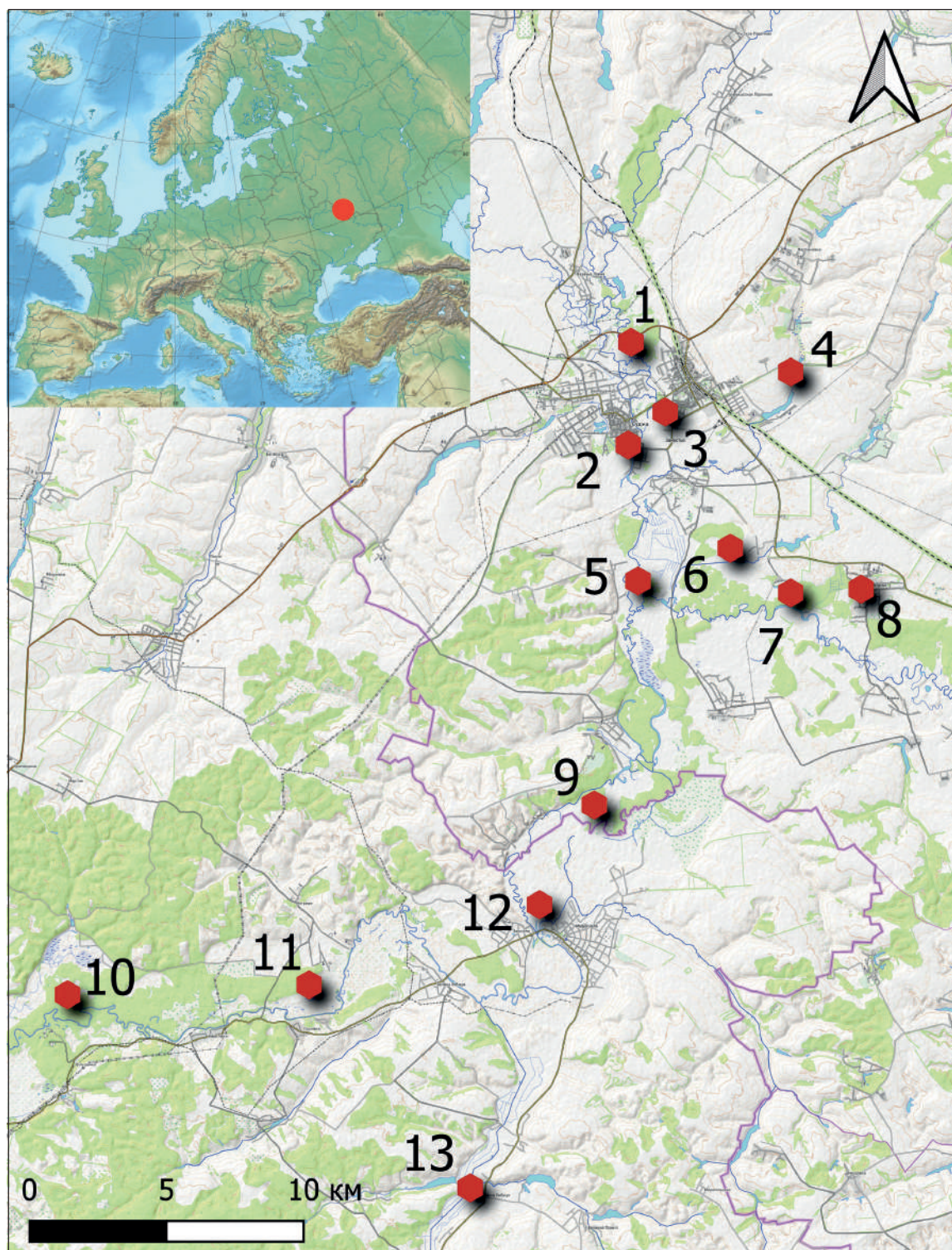

Рис. 7. Днепровские раннесредневековые клады I группы в бассейне Верхнего Псла.
 1 – хут. Княжий 1-й; 2 – Суджа-Замостье; 3 – Суджа (1947 г.); 4 – Бондаревка; 5 – Куриловка;
 6 – Черкасская Конопелька; 7 – Фанасеевка; 8 – Уланок; 9 – Гуево; 10 – Никольское (укр. Микільське);
 11 – Могрица (укр. Могриця); 12 – Мирополье (укр. Миропілля);
 13 – Малая Рыбица (укр. Мала Рибиця)

СЕРЬГИ-КАЛАЧИКИ ИЗ КРЫМА¹

Хайрединова Э. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Лаборатория «Византийский Крым», г. Симферополь
E-mail: khairidinovaz@rambler.ru

Аннотация. В V – первой половине VII в. в Крыму бытовали серьги-калачики, отлитые из золота, серебра или бронзы в виде небольшого кольца из круглого в сечении стержня с утолщенной центральной частью и сомкнутыми заостренными концами. Украшения этого типа появились в I в. в Центральной Азии, на территории Кушанского царства, где они пользовались популярностью вплоть до конца V в. В эпоху Великого переселения народов серьги-калачики распространились на широкой территории – от Центральной Азии до Пиренейского полуострова и в Северной Европе – в Дании и Норвегии. Происходящие из Крыма калачиковидные серьги представлены тремя вариантами, различающимися формой и декором. Серьги варианта 1 – самая многочисленная вариация описываемых украшений, распространившаяся в Крыму в эпоху Великого переселения народов и бытовавшая в регионе до середины VII в. Серьги варианта 2 выявлены только в погребениях VI в., при этом большинство находок связаны с комплексами первой половины века. Серьги варианта 3 немногочисленны и происходят из погребений второй половины VI – первой половины VII в. Пик популярности калачиковидных серег в Крыму приходится на VI в. – именно в это время на полуострове были в ходу украшения всех трех вариантов.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Боспор, гото-аланы, серьги-калачики, мужской костюм.

Среди серег, бытовавших в Крыму в раннесредневековое время, выделяются небольшие изделия, отлитые из золота, серебра или бронзы в форме кольца диаметром 1,1–1,8 см с утолщенной центральной частью и сомкнутыми, зачастую заостренными концами (рис. 1; 2). В специальной русскоязычной литературе украшения такой формы принято называть серьгами-калачиками [Засецкая, 1994. С. 76], серьгами «калачиком» [Ковалевская, 1995. С. 150], калачиковидными [Левина, 1996. С. 223; Богачев, 1996. С. 99] или калачевидными серьгами [Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016. С. 22].

Украшение этого типа появилось в I в. в Центральной Азии, на территории Кушанского царства, где оно пользовалось популярностью вплоть до конца V в. [Pilet, Buchet, Kazanski, 1994. P. 106, 109]. Об этом свидетельствуют находки серег из Таксилы (Пакистан) (рис. 3, В) [Marshall, 1951. Pl. 172, no. 19, 20; 179, no. 78; 181, no. 180–183] и их изображения на стенных росписях II–IV вв. из Кара-Тепе (Термез, Узбекистан) (рис. 3, А,Б) [Ставиский, 1974. С. 103. Ил. 80]. Судя по находкам, во II–

III вв. серьги-калачики бытовали и на территории Парфии и Сирии [Kazanski, 1994. P. 525. No. 61–65], а с III в. появились на Северном Кавказе и в Танаисе [Арсеньева, 1977. С. 101. Табл. XXXI,6,7; Pilet, Buchet, Kazanski, 1994. P. 108. Fig. 49,10–17].

В эпоху Великого переселения народов серьги-калачики распространились на широкой территории – от Центральной Азии (Пакистан и Восточное Приаралье) до Пиренейского полуострова [Werner, 1951. S. 24–26. Karte 10; Damm, 1988. S. 111. Abb. 52. Kat. Nr. 21; Kazanski, 1994. P. 523. Fig. 136; Засецкая, 1994. С. 76; Ковалевская, 1995. С. 150, 155. Рис. 6,1; Левина, 1996. С. 73, 80, 339. Рис. 144,1–39,42–46; Tejral, 2011. S. 220–224] и в Северной Европе – в Дании и Норвегии [Hedeager, 2007. P. 49, 50. Fig. 4; 5]. Их появление в Европе исследователи связывают с продвижением гуннов и аланов на запад [Pilet, Buchet, Kazanski, 1994. P. 110]. Почти во всем названном ареале мода на калачиковидные серьги сохраняется и в VI в., а на Северном Кавказе, в Крыму и в Волго-Камском регионе их продолжали носить еще и в VII в. [Ковалевская, 1995. С. 150; Богачев, 1996. С. 101–102; Мастыкова, 2009. С. 72; Хайрединова, 2010. С. 164; Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016. С. 22].

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

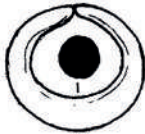

	400-450	450-500	500-550	550-600	600-650
1		—————			
2					
3			-----		 —————

Рис. 1. Типология и хронология серег-калачиков из Крыма

Типология и хронология серег-калачиков из Крыма

Происходящие из Крыма серьги-калачики представлены тремя вариантами, различающимися формой и декором.

Серьги варианта 1 сделаны со слегка утолщенной, гладкой центральной частью (рис. 1, 1; 3, 1–18). Размеры: 1,2х1,5 – 1,7х1,8 см. Три серьги, происходящие из Беяуса, Херсонеса и Керчи (Глинище), отлиты из золота, остальные – серебряные или бронзовые. У большинства изделий концы заострены и плотно сомкнуты. Отличается серьга, происходящая из склепа на Глинище: она отлита с небольшими дисковидными выступами на завершении (рис. 2, 15). Подобная форма характерна для серег-калачиков, найденных на Севере Европы – в Дании, где их появление в эпоху Великого переселения народов связывают с продвижением на Запад гуннов и их союзников, а также с распространением принесенной этими варварами модой [Hedeager, 2007. P. 50. Fig. 5, C3426].

В Крыму обнаружено более 20 серег-калачиков варианта 1 на городских некрополях Боспора и Херсонеса, а также в погребениях гото-аланского населения юго-западного региона полуострова и в одном впускном захоронении гуннского ребенка. Последнее зачищено в Беяусе и по сопровождавшему его инвентарю датировано концом IV – первой половиной V в. (рис. 2, 5) [Дашевская, 1995. С. 56. Рис. 3,1; Айбабин, 1999. С. 75. Рис. 28,11].

В Керчи названные серьги выявлены среди находок из двух склепов, открытых кладоиска-

телями 24 июня 1904 г.² [Засецкая, 1993. С. 60. Табл. 27. Кат. № 123а,б] и в одном из склепов на Глинище (рис. 2, 14, 15) [Штерн, 1897. С. 5. Лист 1,6,7] – вместе с вещами конца IV – первой половины V в., а также в Босфорском переулке, в могиле 98 (рис. 2, 12), выкопанной в слое, образовавшемся после разрушения построек в результате вторжения тюрков в 576 г. и относящейся к началу VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2018. С. 34–35. Рис. 1,98]. Калачиковидные серьги варианта 1 бытовали и у жителей Тиритакки, о чем свидетельствует находка из склепа, законченного в первой половине VI в. в помещении V [Гайдукевич, 1952. С. 124. Рис. 157]. Украшение аналогичной формы и размеров обнаружено в Крымском Приазовье, в могильнике поселения «Сиренева бухта», в одном из конских захоронений, сопутствовавших склепу 23/11 первой половины VI в. (рис. 2, 18) [Масленников, 1997. С. 106. Рис. 54,13].

В некрополе Херсонеса найдены две серьги варианта 1 (рис. 2, 1, 16), одна из них золотая – в заполнении склепа 622, расположенном на участке с погребальными сооружениями VI в. [Отчет..., 1898. С. 176–177. Рис. 553; Залесская, 2006. С. 95. Кат. № 126].

Особой популярностью калачиковидные серьги варианта 1 пользовались у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма: их наход-

² В опубликованном в 1993 г. И. П. Засецкой каталоге находок из названных склепов под номером 123 приведено 12 предметов, интерпретированных как рамки пряжек [Засецкая, 1993. С. 60. Кат. № 123а,б]. Однако по форме, конструкции и размерам пять из них идентичны серьгам-калачикам.

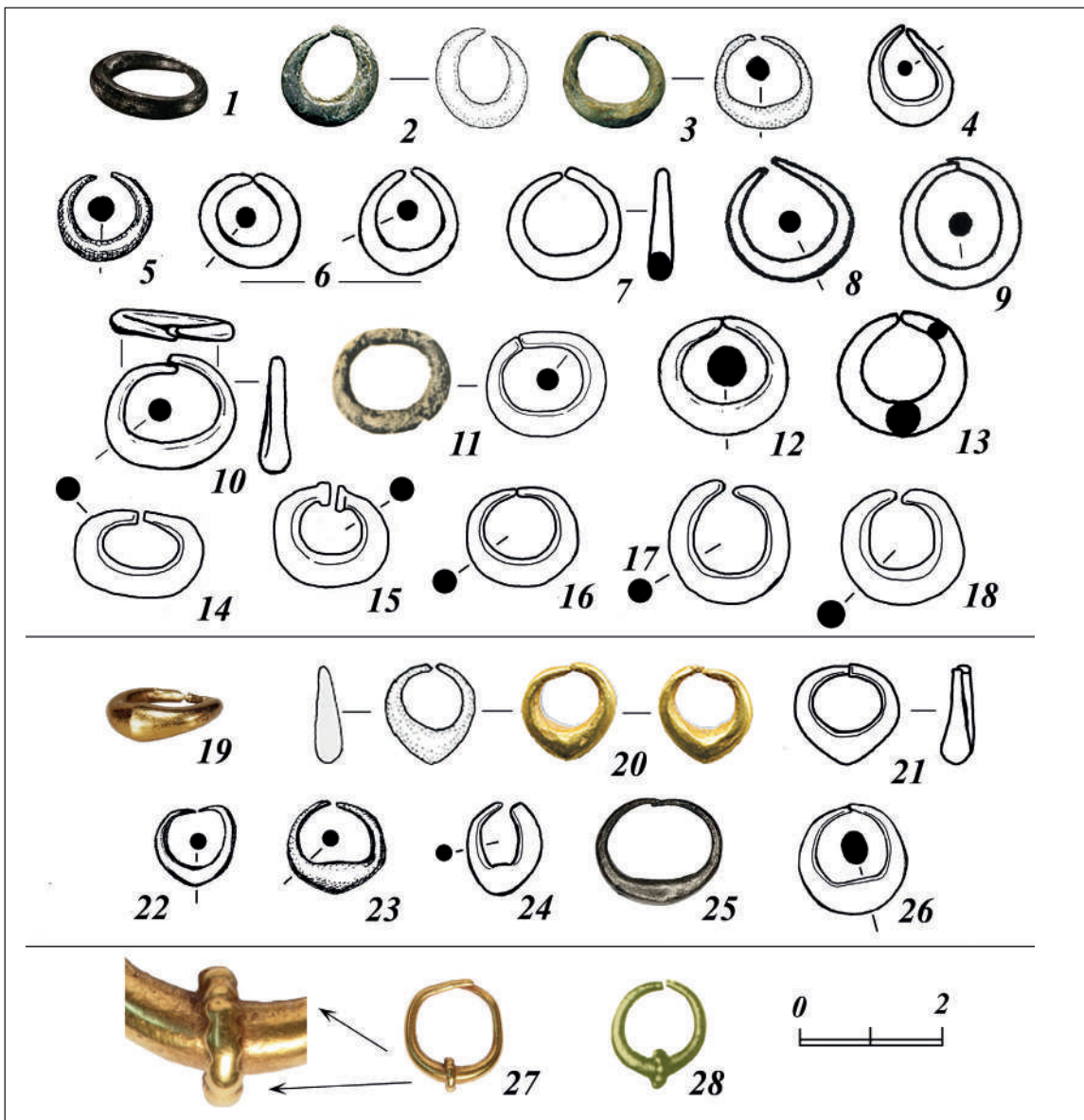

Рис. 2. Серьги-калачики из Крыма

Вариант 1: 1,16 – Херсонес (1 – могильник у южной городской стены; 2 – склеп 622); 2,3 – Аламалык-Дере (2 – случайная находка; 3 – склеп 57/1997); 4,6,7,17 – Лучистое (4 – склеп 189; 6 – склеп 174; 7 – склеп 283; 17 – могила 112); 5 – Беляус; 8,9 – Алония (8 – склеп 6; 9 – подбойная могила 1); 10 – Эски-Кермен, склеп 378; 11 – Суук-Су, могила 28; 12,14,15 – Керчь (12 – Босфорский переулоч, могила 98; 14,15 – Глинище); 13 – Карши-Баир, склеп 5; 18 – Сиреневая бухта, конское захоронение около склепа 23/11.

Вариант 2: 19,25 – Херсонес (19 – склеп 2126; 25 – городище); 20 – Алмалык-Дере, склеп 122/2000; 21 – Черная речка, склеп 18/1989; 22-24,26 – Лучистое (22 – склеп 131; 23 – подбойная могила 99; 24 – склеп 215; 26 – склеп 170).

Вариант 3: 27 – Гераклейский полуостров, мыс Виноградный, склеп пещерного скита; 28 – Суук-Су, склеп 72.

1, 19 – [Залесская, 2006. С. 95. Кат. № 126, 127]; 2, 3, 20 – [Maćzyńska et al., 2016. Taf. 23,4; 81,6; 215,2]; 5 – [Дашевская, 1995. С. 56. Рис. 3,1]; 8, 9 – [Турова, Черныш, 2015. Рис. 18,82; 33,176]; 10 – [Хайрединова, 2010. Рис. 27,7]; 11, 28 – [Репников, 1906. Табл. I,2,16]; 13 – [Ушаков, 2010. Рис. 76,15]; 14,15 – [Штерн, 1897. С. 5. Лист 1,6,7]; 18 – [Масленников, 1997. Рис. 54,13]; 27 – [Наследие, 2011. С. 173, 453. Кат. № 56]

ки зафиксированы в могильниках Карши-Баир, на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, Алмалык-Дере, Алония, Суук-Су и Лучистое. В Карши-Баире по одной серьге обнаружено в подбойной могиле 6 и в склепе 5 (рис. 2, 13) [Ушаков, 2010. С. 115, 118, 124. Рис. 73,1–4; 76,1,15; 82,2]. К сожалению, в публикациях о могильнике не указаны материал украшений и точное место их находок. Судя по сопровождавшему погребения инвентарю – трехчастным пряжкам с овальным кольцом и прямоугольным щитком варианта 1 первой половины VI в. [Айбабин, 1990. С. 36. Рис. 2,68], пряжкам с В-образной рамкой типа II-6 [Айбабин, 1990. С. 40. Рис. 2,96] и трапециевидной рамкой типа II-2 второй половины VI – первой четверти VII в. [Айбабин, 1990. С. 49. Рис. 46,2,3; Айбабин, Хайрединова, 2014. Рис. 9,11; 10,14], блюдам форм 1А/В и 7 группы «Понтийской краснолаковой керамики», многочисленные аналогии которым известны в комплексах второй четверти VI в. на Тиритаке [Домжальский, Смокотина, 2020. Рис. 2,6; 6,6], в склепе 5 могильника Карши-Баир хоронили на протяжении VI – первой четверти VII в.

На юго-восточном склоне плато Эски-Кермена серьга (рис. 2, 10) найдена среди переворошенных грабителями костей в склепе 378, на раннем участке некрополя, использовавшемся в последние десятилетия VI в. или на рубеже VI–VII вв. [Хайрединова, 2010. Рис. 27,7]; в Алмалык-Дере – в склепе 57/1997 с трехчастной пряжкой с овальным кольцом и прямоугольным щитком варианта 1 первой половины VI в. и среди случайных находок на территории могильника (рис. 2, 2, 3) [Maćczyńska et al., 2016. Taf. 23,1,4; 215,2]; в Алонии – в подбойной могиле 1 первой половины V в. (рис. 2, 9; 4, 5) и в заполнении склепа 6 с вещами второй половины VI в. (рис. 2, 8) [Турова, Черныш, 2015. С. 165, 180. Рис. 18,82; 33,176]; в Суук-Су – в могиле 28 с орлиноголовой пряжкой 3 варианта второй четверти VII в. (рис. 2, 11) [Репников, 1906. С. 8–9. Табл. 1,2; Айбабин, 1990. Рис. 2,107]; в Лучистом – в могиле 112 и склепе 174, в погребениях первой половины V в. (рис. 2, 6, 17) [Айбабин, Хайрединова, 2001. С. 90. Рис. 10,1; Хайрединова, 2002. С. 98. Рис. 4,15], а также в склепах 189 и 283 (рис. 2, 4, 7). В склепе 189 погребение с серьгой варианта 1 находилось рядом с захоронением женщины с орлиноголовой пряжкой 1 варианта второй половины VI в., а в склепе 283 на костяке с серьгой зачищен поясной набор второй половины VI в. и рядом – скелет женщины с большой пряжкой с прямоугольным щитком с вытисненным по центру крестом варианта 5 и парой фибул типа «Удине-Планис» второй половины VI в. [Айбабин, Хайрединова, 2008. Рис. 14,8; 15,10; 16,8].

Учитывая перечень находок, можно говорить о том, что серьги варианта 1 использовались в Крыму с конца IV и до середины VII в. Самые ранние из них связаны с комплексами эпохи Великого переселения народов (рис. 2, 5, 6, 9, 14, 15, 17), поздние – происходят из комплексов первой половины VII в. из Боспорского некрополя (рис. 2, 12) и второй четверти VII в. из Суук-Су (рис. 2, 11).

У серег варианта 2 центральная часть сильно утолщена и заострена снизу (рис. 1, 2; 2, 19–26). Диаметр – 1,1–1,8 см. Три серьги – из Херсонеса, Черной Речки и Алмалык-Дере – золотые (рис. 2, 19–21), остальные выполнены из серебра.

Серьги этого варианта найдены только в Юго-Западном Крыму: в Херсонесе – в склепе 2126 (рис. 2, 19) [Залесская, 2006. С. 95. Кат. № 127] и в ходе раскопок 1960 г. Л. Г. Колесниковой³ на городище (рис. 2, 25), в Черной Речке – в склепе 18/1989 (рис. 2, 21; неопубликованные раскопки 1989 г. А. И. Айбабина), в Алмалык-Дере – в склепе 122/2000 (рис. 2, 20) [Maćczyńska et al., 2016. Taf. 81,6] и в Лучистом – в подбойной могиле 99 и в склепах 131, 170, 215 (рис. 2, 22–24, 26).

В Херсонесе (склеп 2126), Черной Речке, Алмалык-Дере и Лучистом (подбойная могила 99) серьги сопровождалась трехчастными литыми пряжками вариантов 2 и 3-1 первой половины VI в. [Айбабин, 1990. С. 36–37. Рис. 37,10,18]. В Лучистом в склепах 131 и 170 серьги зачищены в погребениях второй половины VI в. Видимо, серьги варианта 2 бытовали только в VI в.

Серьги варианта 3 выполнены из золота и в расширяющейся центральной части украшены поперечно напаянной гладкой или сканой проволокой, имитирующей зернь (рис. 1, 3; 2, 27, 28). Диаметр – 1,2 см. Они найдены в Боспорском некрополе, в склепе 152, в одном из захоронений второй четверти – второй половины VI в. [Засецкая, 1998. С. 473. Табл. XVII,1; Айбабин, 1999. С. 104], в Суук-Су – в склепе 72 (рис. 2, 28), в погребении 1 с В-образной пряжкой с узкой прорезью для ремня варианта II-1, характерной для второй половины VI – первой половины VII в. [Репников, 1906. С. 22. Табл. I,16; Айбабин, 1990. С. 38–39. Рис. 2,84], и на Гераклеиском полуострове, на мысе Виноградный – в склепе пещерного скита (рис. 2, 27) [Наследие..., 2011. С. 173, 453. Кат. № 56]. Судя по находкам из окрестностей Эфеса в Малой Азии, подобные украшения бытовали в VII в. и на территории Византии [Pülz, 2020. S. 42. Farbtaf. 11,S12].

³ Выражаем искреннюю благодарность Татьяне Юсуфовне Яшаевой, сообщившей о неопубликованной серьге из раскопок Л. Г. Колесниковой и предоставившей ее фотографию.

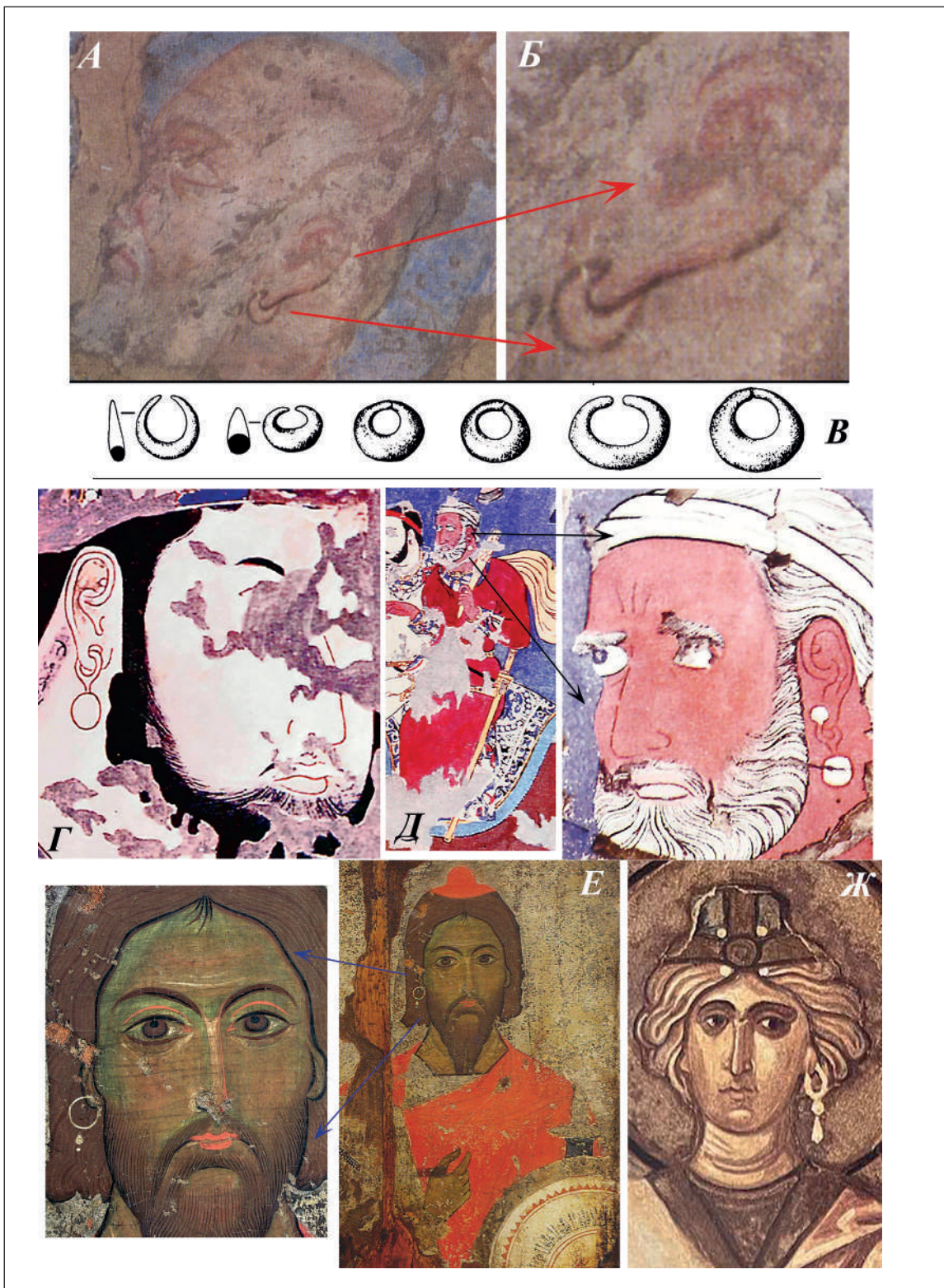

Рис. 3. Изображения мужчин с серьгой

А, Б – голова мужчины на росписях II-IV вв. из Кара-Тепе, общий вид (А) и деталь (Б) [Ставиский, 1974. С. 103. Ил. 80]; В – серьги-калачики I-V вв. из Таксилы [Marshall, 1951]; Г, Д – изображения голов мужчин на фрагментах росписей VI-VIII вв. из Афрасиаба [Альбаум, 1975. Табл. XIII; XXIV]; Е – святой великомученик Иаков Персянин, общий вид и деталь кипрской иконы конца XII-XIII в.; Ж – пророк Даниил, реплика мозаики XII в. [The Word..., 2004. P. 452. Fig. 455].

Особенности использования серег-калачиков

В эпоху Великого переселения народов в Крыму серьги-калачики известны у кочевавших в степи гуннов, на Боспоре и в Юго-Западном Крыму. В это время бытовали только изделия варианта 1. Судя по находке в погребении ребенка 8–9 лет из Беяуса [Дашевская, 1995. С. 56], гуннские дети носили по одной золотой серьге в левом ухе. Одновременно на Боспоре и в Юго-Западном Крыму серьги использовались, в основном, в качестве женского украшения. Погребенная в склепе на Глинище женщина носила по одной серьге – золотой и серебряной, в каждом ухе (рис. 2, 14, 15) [Штерн, 1897. С. 5. Лист 1,6,7]. В Лучистом, в склепе 174 женщину 20–25 лет с искусственно деформированным черепом похоронили с парными бронзовыми серьгами, также носившимися по одной в каждом ухе (рис. 4, А) [Хайрединова, 2002. С. 98. Рис. 4,15]. Женщина, захороненная в Алонии, в подбойной могиле 1 использовала калачиковидную серьгу в наборе с серьгой с многогранником, при этом первая украшала правое ухо, а вторая – левое (рис. 4, Б) [Турова, Черныш, 2015. С. 139, 165. Рис. 18,81,82]. Отметим также калачиковидную серьгу из Лучистого, из могилы 112 (рис. 2, 17), лежавшую *in situ* под костями черепа костяка взрослого человека, пол которого не определен [Айбабин, Хайрединова, 2001. С. 90. Рис. 10,1]. Находка показывает, что в первой половине V в. в Юго-Западном Крыму существовала практика ношения серег-калачиков по одной.

В VI – первой половине VII в. увеличивается разнообразие калачиковидных серег, в моду входят их новые вариации – с сильно утолщенной выделенной центральной частью (вариант 2), либо украшенные напаянной поперек сканой или гладкой проволокой (вариант 3). В этот период серьги-калачики носили только по одной и, в основном, мужчины. Серьги варианта 2 выявлены только в мужских погребениях. Золотая серьга варианта 3 (рис. 2, 27), найденная в склепе пещерного скита на мысе Виноградный, скорее всего, принадлежала монаху. В настоящее время известно девять погребений VI – первой половины VII в. с зафиксированным *in situ* расположением серег. Шесть из них – мужские, два – женские, одно – детское. И у мужчин, и у женщин преобладало ношение серьги в левом ухе – такое положение украшения *in situ* зафиксировано в четырех мужских погребениях из Лучистого (подбойная могила 99, склепы 131, 189, 283), а также в двух женских захоронениях из Суук-Су (могила 28) и Керчи (некрополь в Босфорском переулке, могила 98). Лишь в двух погребениях серьга лежала около правой височной кости: в Суук-Су, в мужском погребении из

склепа 72 и в Лучистом, в детском захоронении из склепа 215.

В Лучистом, в трех из пяти мужских погребений серьга-калачик была принадлежностью воинского костюма второй половины VI в. Так, юношу 15–16 лет в склепе 189 и двух мужчин 25–35 и 30 лет⁴ в склепах 170 и 283 похоронили с типичными для воинов поясами со свисающими ремешками, скрепленными геральдическими бляшками, выполненными в едином стиле (рис. 4, В). Погребение мужчины из склепа 170 сопровождалось еще и длинным мечом. Обычай ношения воинами серьги-калачика отмечается в VI в. и в других регионах распространения этого вида украшения. Так, в Западном Предкавказье в могильнике поселения Варнавинское-3 (Абинский район Краснодарского края), в погребении 110 воина второй четверти VI – начала VII в. с железным шлемом и однолезвийным палашом слева от черепа зачищена калачиковидная серьга [Суханов, Свиридов, 2018. С. 118–120. Рис. 6,4]. На юго-западе Германии, в одной из могил VI в. меровингского некрополя Менген похороненный на некрополе воин с искусственно деформированным черепом носил серьгу-калачик в левом ухе [Brather-Walter, 2008. S. 245. Taf. 4,10]. Следует упомянуть и найденное на юге Австрии, в Хаммаберге погребение остготского воина первой трети VI в. с искусственно деформированным черепом, сопровождавшееся серьгой-калачиком [Glaser, 2006. P. 96–97. Fig. 9; 10]. Примечательно, что, судя по зафиксированному *in situ* положению инвентаря в захоронениях, воины из Варнавинского-3 и Менгена, как и погребенные в Лучистом, носили серьгу в левом ухе. Воинов из Центральной Европы и Юго-Западного Крыма сближал и специфический общий облик, который им придавала искусственная деформация черепа.

Ношение мужчинами-воинами серег в эпоху раннего средневековья известно у многих народов [Амброз, 1994. С. 43]. Эта традиция распространилась из Центральной Азии и Среднего Востока. Согласно иконографическим данным, серьги носили сасанидские воины и знатные мужчины [Луконин, 1977. С. 209, 219]. В связи с этим интересно свидетельство Агафия Миринейского (536–582 гг.) о том, что после победы над персами византийцы «обрабили» трупы врагов, захватив большое количество оружия и других вещей: **«Некоторые из убитых носили не только щиты, панцири, луки и колчаны, но и золотые цепи, ожерелья, серьги и другие того же рода женские украшения, которыми имеют привычку украшаться видней-**

⁴ Возраст и пол погребенных определены В. Ю. Радочным [Радочин, 2008. С. 209].

шие и знатнейшие мидяне, этим отличаясь от толпы» [Агафий, 1953. С. 100–101. Книга 3,28]. Эта традиция ношения серег персидскими воинами отражена и в более позднее время – так, Иаков Персянин, святой великомученик, погибший в 421 г., на одной из кипрских икон конца XII-XIII в. представлен с серьгой в правом

ухе (рис. 3, Е). С одной серьгой в правом или левом ухе изображали на средневековых иконах и пророка Даниила (рис. 3, Ж), жившего, согласно легендам, в вавилонском плену, а после падения Вавилона – при дворе персидских царей Кира и Дария [The Word..., 2004. P. 452. Fig. 455]. Иконографические данные и находки из погреб-

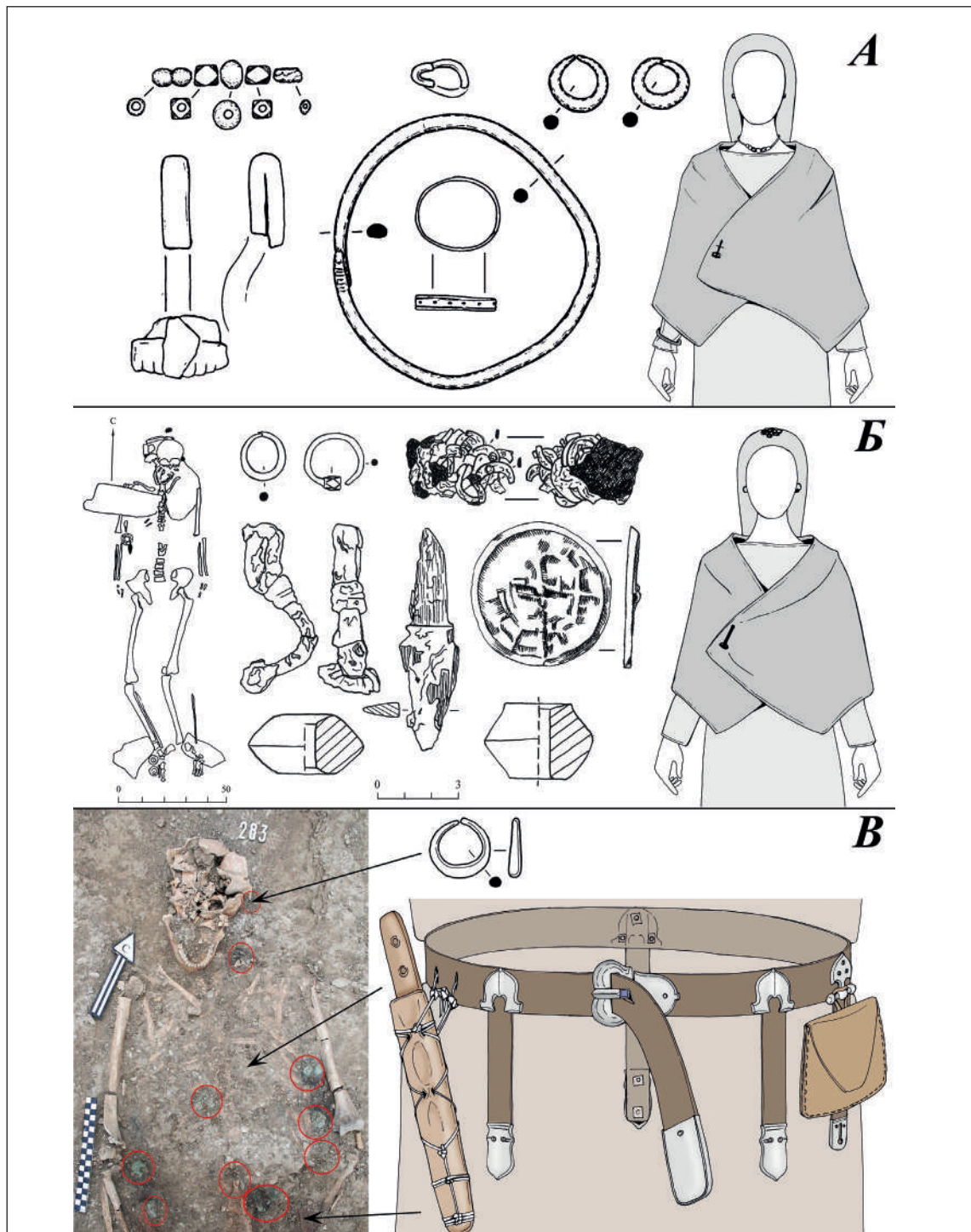

Рис. 4. Серьги-калачики из Юго-Западного Крыма в женском костюме первой половины V в. (А, Б) и в костюме воина второй половины VI в. (В)
 А, В – Лучистое (А – склеп 174, косяк 1; Б – склеп 283, косяк 3);
 Б – Алония, подбойная могила 1. Реконструкции автора

бений свидетельствуют о том, что в VI–VIII вв. у тюркских и согдийских знатных мужчин, гражданских или воинов, серьги были привычным украшением (рис. 3, Г, Д) [Альбаум, 1975. С. 16, 20–22, 31–32. Рис. 4–7. Табл. XIII; XIV; XXIV].

Отметим особенность ношения серег-калачиков, связанную с их конструкцией. Небольшие размеры (внутренний диаметр равен 0,7–1,2 см), расположение застежки сверху, а не сбоку, как у большинства серег, позволяет говорить о том, что это украшение не свисало, а плотно прилегало к мочке уха. Наглядно это демонстрирует изображение мужчины II–IV вв. из Кара-Тепе (рис. 3, А, Б). При таком способе ношения серьги прокол уха был не обязательным. Украшение могло фиксироваться на мочке наподобие клипсы-зажима. Именно так крепились серьга, происходящая из склепа на Глиннице, сделанная с небольшими дисковидными выступами на завершении (рис. 2, 15).

Подводя итоги, можно отметить следующее. Серьги-калачики варианта 1 со слегка утолщенной, гладкой центральной частью – самая многочисленная вариация описываемых украшений, распространившаяся в Крыму в эпоху Великого переселения народов и бытовавшая в регионе до середины VII в. (рис. 1, 1). Судя по количеству находок, особенной популярностью

они пользовались в VI – первой половине VII в. Серьги варианта 2 с сильно утолщенной, заостренной снизу центральной частью выявлены только в погребениях VI в. (рис. 1, 2), при этом большинство украшений связано с комплексами первой половины века. Серьги варианта 3, украшенные в центральной части поперечно напаянной гладкой или сканой провололочкой, имитирующей зернь, немногочисленны и происходят из погребений второй половины VI – первой половины VII в. (рис. 1, 3). Пик популярности калачиковидных серег в Крыму приходится на VI в. – именно в это время на полуострове были в ходу украшения всех трех вариантов.

Серьги варианта 1 характерны как для мужского, так и для женского и детского костюма. В первой половине V в. кочевавшие на полуострове гунны носили по одной серьге, тогда как жительницы Боспора и Юго-Западного Крыма дополняли свой наряд парными серьгами этого варианта (рис. 4, А) или объединенными в пару с украшением другого типа (рис. 4, Б). Позже, в VI – первой половине VII в. серьги варианта 1, независимо от половой принадлежности, носились только по одной в левом ухе (рис. 4, В). Серьги вариантов 2 и 3, за исключением одной, найденной в погребении ребенка, зафиксированы в мужских погребениях, большинство из которых – воинские. Мужчины-воины носили такие украшения в левом ухе.

Литература

- Агафий. О царствовании Юстиниана / Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 219 с.
- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеперимского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Новые ранние комплексы из могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 274–311.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДФУ-Украина, 2008. 336 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранневизантийский некрополь Боспора // Античная древность и средние века. 2018. Вып. 46. С. 33–53.
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 160 с.
- Амброс А. К. Юго-западный Крым. Могильники IV–VII вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 31–88.
- Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 152 с.
- Богачев А. В. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Самарский областной краеведческий музей, 1996. С. 99–114.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–134. (МИА. № 25).
- Дашевская О. Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: Институт археологии РАН, 1995. С. 56–61.
- Домжалский К., Смокотина А. В. Позднеперимская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритаки // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 188–223.
- Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 271 с.

- Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994. 222 с.
- Засецкая И. П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. VI. С. 394–478.
- Ковалевская В. Б.* Хронология древностей Северокавказских алан // Аланы: история и культура. Alapica III: сб. научн. трудов / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 123–183.
- Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 231 с.
- Масленников А. А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: Институт археологии РАН, 1997. 108 с.
- Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: Институт археологии РАН, 2009. 502 с.
- Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А.* Пашковский могильник № 1: В 2-х т. Т. 2. Исследование материалов Пашковского могильника № 1 / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М., СПб.: Институт археологии РАН; Нестор-История, 2016. 372 с.
- Наследие Византийского Херсона / Ред. В. Залеская, Т. Яшаева, А. Рабинович. Севастополь, Остин: Телескоп; Институт классической археологии Техасского университета, 2011. 708 с.
- Отчет К. К. Косцюшко-Валюжинича о его раскопках в Херсонесе // Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 165–198.
- Радочин В. Ю.* Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003–2007 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV. С. 184–235.
- Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // Известия Императорской археологической комиссии. 1906. Вып. 19. С. 1–80.
- Ставиский Б. Я.* Искусство Средней Азии. Древний период VI в. до н.э. – VIII в. н.э. М.: Искусство, 1974. 256 с.
- Суханов Е. В., Свиридов А. Н.* Новые раннесредневековые погребения с территории западного Предкавказья // Российская археология. 2018. № 4. С. 114–129.
- Турова Н. П., Черныш С. А.* Раннесредневековый могильник Алония на Южном берегу Крыма (по материалам раскопок 1998, 2001, 2002 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. XX. С. 133–184.
- Ушаков С. В.* Варвары Горной Таврики на рубеже эпох. Донецк: Донбасс, 2010. 180 с. (Сер.: Археологический альманах. № 23).
- Хайрединова Э. А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2002. Вып. IX. С. 53–118.
- Хайрединова Э. А.* Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006–2008 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. Вып. XVI. С. 140–213.
- Штерн Э. Р.* К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства (Археологические заметки по поводу золотых вещей, найденных в Керчи летом 1896 года) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. XX. С. 1–15.
- Brather-Walter S.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Mengen (Kr. Breisgau-Hochschwarzwald). Stuttgart: Theiss, 2008. 475 p. (Materialhefte zur Archäologie in Baden-Württemberg. Bd. 82)
- Damm I. G.* Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1988. Bd. 21. S. 65–210.
- Glaser F.* L'epoca ostrogota nel Norico (493–536). Le chiese sull'Hemmaberg e la necropoli nella valle // Goti nell'arco alpino orientale / Eds. M. Buora, L. Villa. Trieste: Societa Friulana di Archeologia, 2006. P. 83–105. (Archeologia di Frontiera. 5).
- Hedeager L.* Scandinavia and the Huns: An Interdisciplinary Approach to the Migration Era // Norwegian Archaeological Review. 2007. 40(1). P. 42–58.
- Kazanski M.* Document 24. Inventaire des boucles d'oreilles en forme de croissant // La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay / Ed. Ch. Pilet. Paris: CNRS Edition, 1994. P. 522–525. (Gallia. Supplément 54).
- Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., u.a.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim. Mainz, 2016. 214 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 115).
- Marshall J.* Taxila. Vol. III. London: Syndics of the Cambridge University Press, 1951. 276 p.
- Pilet Ch., Buchet L., Kazanski M.* La mode "danubienne" // La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay / Ed. Ch. Pilet. Paris: CNRS Edition, 1994. P. 96–110. (Gallia. Supplément 54).
- Pülz A. M.* Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 367 S.
- Tejral J.* Einheimische und Fremde: Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 466 S. (Spisy AÚ AV ČR Brno. Vol. 33).
- The Word of the Byzantine Museum. Athens: Byzantine & Christian Museum, 2004. 509 p.
- Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. A. Textteil: 146 S., 2 Abb.; B. Tafelteil: 6 S., 75 Taf.

ЕЩЁ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ «ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ» СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

Герцен А. Г.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Таврическая академия, г. Симферополь
E-mail: gertsenag@yandex.ru*

Аннотация. *Статья посвящена проблеме типологии «пещерных городов» средневековой Юго-Западной Таврики с точки зрения динамики процесса градообразования. Выделены четыре периода, которые синхронно прошли в своей эволюции основные объекты этой группы поселений: крепостной, предгородской, городской и позднегородской.*

Ключевые слова: *Юго-Западная Таврика, средневековье, Византия, урбанизация, Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале.*

Широко развернувшиеся в последние десятилетия археологические исследования так называемых «пещерных городов» в Юго-Западном Крыму позволяют вновь обратиться к проблеме определения их типологии и периодизации. В особенности это касается наиболее значительных объектов, таких как городища Мангуп, Эски-Кермен и Чуфут-Кале. Последний раз мы обращались к этой теме в 1995 г., предложив классификационную схему, не вызвавшую серьезных критических замечаний [Герцен, 1996]. Считаем возможным, опираясь на нее, привлечь материалы новейших исследований для уточнения некоторых положений данной классификации. Напомним, что в историографии сложилось несколько точек зрения на данный вопрос. А. Л. Якобсон [1949; 1954] и М. А. Тиханова [1953], вслед за А. А. Васильевым [Vasiliev, 1936], трактовали эти памятники как звенья оборонительной системы, созданной в правление Юстиниана I для защиты владений Империи в Таврике. Е. В. Веймарн, критикуя суммарное отнесение их к византийскому зодчеству, свою типологию построил на основе господствовавших в советской исторической науке представлений о процессе развития феодальных отношений у восточных славян [Веймарн, 1958; 1973]. Д. Л. Талис исходил из соответствия планировки городищ естественной конфигурации мест их расположения (останцы, мысы, участки плато), при этом практически не учитывая исторические обстоятельства возникновения и эволюции городищ [Талис, 1969]. А. И. Айбабин рассматривает этапы эволюции поселений в Юго-Западной Таврике, выделяя особый период, датируемый временем хазарского присутствия в регионе

[Айбабин, 2021]. Стало очевидным, что в жизни рассматриваемых объектов происходили изменения типа поселений, которые могут быть разделены на ряд этапов, отражающих общий ход исторического процесса в данном регионе, что наиболее выразительно прослеживается на примере самых крупных из них: Мангупа, Эски-Кермена и Чуфут-Кале. Новые материалы заставили внести изменения в предложенную ранее схему.

Период А (крепостной). Это начальный этап существования крупных укрепленных поселений, возникших на территории обитания федератов Византии, готов и аланов [Kazanski, 1991; Казанский, 2018]. Судя по данным топонимики и письменных источников, область расселения первых включала крепости на Мангупском и Эски-Керменском плато. Центром аланского района, по крайней мере, до XIV в. являлась крепость Кырк-ер на плато Чуфут-Кале.

Перечислим характерные признаки данного этапа. Создание в соответствии с канонами поздне-римской и ранневизантийской фортификации мощных оборонительных систем, обеспечивавших защиту максимально возможной площади труднодоступных плато. Такое масштабное строительство могло осуществляться только при непосредственном участии квалифицированных инженеров и соответствующей материальной поддержке имперского центра, заинтересованного в установлении военно-политического контроля над прилегающей к Херсону областью, известной как «страна Дори». Роль центра здесь выполнял Дорос, крепость на плато Мангупа, основанная в конце правления Юстиниана I. В ней возводится базилика, символизирующая акти-

визацию процесса обращения в христианство местного населения. Вероятно, несколько позже появляется базилика на Эски-Кермене. На плато Чуфут-Кале такой храм, несомненно, существовал, но был разрушен после захвата крепости татарами, известны отдельные его мраморные детали. Находки на Мангупе многочисленных бронзовых византийских монет юстиниановского времени указывают на включение федератов в зону не только политического, но и экономического контроля Византии. Важное административное значение Дороса подчеркивается находками моливдовулов ранневизантийского и фемного периодов. В то же время, отмечается относительно слабая заселенность укрепленных территорий, постоянно здесь обитали лишь относительно немногочисленные гарнизоны, населены были в основном окрестные долины, для жителей которых крепости служили убежищами на случай военной угрозы. Особо следует подчеркнуть, в противовес распространенному мнению, наличие на данном этапе лишь немногочисленных искусственных пещерных сооружений: зерновых ям (Эски-Кермен) и укрытий для караульных при участках обороны. На склонах плато и в ближайших окрестностях размещаются могильники катакомбного типа. Начало этого этапа можно отнести ко второй половине VI в. Для Мангупа и Эски-Кермена он завершается к VIII в. хазарским преобладанием в регионе, а к концу столетия захватом ими крепостей. В крепости на плато Чуфут-Кале культурный слой ранних материалов содержит крайне мало, что объясняется, во-первых, использованием ее на раннем этапе преимущественно как убежища, во-вторых, в позднем средневековье и в новое время интенсивным обживанием территории, сопровождавшимся ее очисткой от накопившихся напластований. Однако материалы, обнаруженные в расселинах за оборонительными стенами и под обрывами, а также в могильнике на южном склоне Марьям-дере, позволяют период А датировать здесь концом VI – IX в. Эпиграфические исследования иудейского (караимского) некрополя в Иосафатовой долине, проводившиеся в 1990-х гг., подтвердили археологические наблюдения о появлении на плато поселения городского типа не ранее середины XIV в. Ведущим занятием населения региона в это время, вероятно, было преимущественно отгонно-пастбищное скотоводство в сочетании с земледелием.

Крупные городища периода А можно рассматривать как военно-опорные пункты, характерные для византийского пограничья в условиях горных районов, населенных союзниками-варварами.

Период Б (предгордской). Его начало предлагалось определять временем хазар-

ской экспансии (VIII – первая половина IX в.) и ослабления византийской власти. Мангупская, Эски-керменская и, вероятно, Чуфут-кальская крепости попали под контроль хазар и определяли византийско-хазарское пограничье до второй половины IX в. или даже до начала X в. Последовавший затем возврат Юго-Западной Таврики под контроль Византии и учреждение здесь фемной структуры способствовали изменениям в хозяйственной жизни и соответственно статуса поселений, наметившихся в начале периода. Некоторые начали приобретать черты «малых городов» – Бакла и Тепе-Кермен [Рудаков, 1981]. В отношении крупных поселений можно констатировать изменения в хозяйственной жизни, выразившиеся в развитии виноградарства и виноделия. На Мангупе в последние годы выделены жилые комплексы IX–X вв., на территории княжеского дворца выявлен слой данного периода. Однако находки археологического материала в количественном отношении несопоставимы как с предшествующим, так и с последующим периодами. Очевидна аграрная направленность хозяйственной жизни поселения, ее преимущественно сезонный характер. В первой половине XI в. жизнь здесь угасает и до первой половины XIV в. функционируют немногочисленные церкви и монастырские обители. В конце предыдущего или в начале данного этапа осуществлялись масштабные ремонтные работы на участках оборонительных звеньев, вероятно, пострадавших во время хазарской экспансии. Вероятно, аналогичная ситуация характерна и для Эски-Кермена, где также развиваются винодельческие комплексы, позднее поглощенные городскими усадьбами.

Период В (городской). Начало данного периода может быть отнесено ко времени завершения хазарской экспансии в Юго-Западной Таврике, пик которой приходится на конец VIII – начало IX в., и включением крепостей-климатов в состав фемы Херсона. На поселениях формируется регулярная застройка компактными усадьбами городского типа. Развивается местное ремесленное производство, усиливается роль плужного земледелия в сочетании со стойловым содержанием скота в зимнее время. Завершается процесс христианизации, что выразилось в сооружении относительно небольших наземных и пещерных церквей, более ранние храмы-базилики продолжали существовать. Население крепостей сохраняет торговые связи и культурную ориентацию на византийский Херсон. Первым расцвет в этот период демонстрирует Эски-Кермен, который в XII–XIII вв. формируется в городское поселение с регулярной квартальной застройкой, многочисленными церковно-погребальными комплексами и внутрискальными сооружениями (около

800), в основном хозяйственного назначения. Особенно интенсивно поселение развивалось в XII–XIII вв. и с урбанистической точки зрения являлось по существу единственным городом на территории, которая отождествляется с Крымской Готией. Соответственно для крымской Алании военно-административным центром была крепость Кырк-ер (Чуфут-Кале), а Бакла представляла собой поселение городского типа. В конце XIII в. процесс развития данных городов оказался прерванным, вероятно, в результате набега орд Ногая. После этого жизнь здесь или не возродилась (Бакла), или же статус поселения понизился до уровня деревни или монастыря (Эски-Кермен). По данным письменных источников, Кырк-ер значится как главная крепость в области алан-асов, но наряду с Мангупом пока нет данных о существовании там какой-либо значительной жилой застройки с XI по XIII вв.

Мангуп в начале этого периода подвергся разрушению, причиной которого, вероятнее всего, было сильное землетрясение, поразившее и другие поселения Южной и Юго-Западной Таврики, на которых его следы выявлены достаточно убедительно. И если жизнь в регионе в дальнейшем восстановилась, то для высоко расположенного и обширного крепостного ансамбля Мангупа для возрождения не было достаточных ресурсов, сопоставимых с теми, которые были затрачены Империей на его формирование. При относительно равном статусе в фемной структуре две соседние крепости (но не города), имели благоприятные условия для формирования городской жизни с развитым самодостаточным хозяйством для обеспечения многочисленных обитателей. Но более доступный по отношению к окружающим долинам Эски-Кермен в XII–XIII вв. превращается в процветающее поселение городского типа, густо застроенное жилыми усадьбами, развитым ремеслом и сельским хозяйством. Не исключено, что поселение приобретало и какие-то административные функции, претендуя на роль центра Готии. Об этом пока трудно судить из-за отсутствия письменных источников, и пока в городской структуре не выделен участок, имеющий нарек на его административную функцию. Но больше всего удивляет крайняя скудность на поселении нумизматических находок, чем разительно на всех этапах своей жизни отличается Мангуп. Следует признать, что возродившееся поселение на Мангупе не демонстрирует такого же уровня развития городской структуры, как Эски-Кермен. Возможно, городская застройка XIV–XV вв. сильно пострадала в трехсотлетний период турецкого владычества. Зато здесь хорошо выражены комплексы административного назначения: цитадель с донжоном-дворцом на мысе Тешкли-бурун, октагональная княже-

ская церковь, княжеский дворец в центральной части плато.

По сравнению с другими памятниками глубинной Таврики, по отношению к здешней жизни имеется относительно немало письменных источников. На Мангупе завершается пауза, продолжавшаяся около трех столетий. Расцвет поселения может быть объяснен насильственным прерыванием жизни Эски-Кермена, разгромленного в результате внутриаордынского конфликта между Тохтамышем и Тамерланом. Очевидно, нестабильная обстановка в государстве Джучидов, чреватая повторением кровавых коллизий, вынудила правящих здесь провинциально-византийских местных династов и христианское население Готии обрести лучше защищенный центр управления и защиты, каковым являлась древняя крепость на Мангупском плато, хорошо сохранившая оборонительные рубежи, хотя и тысячелетней давности. Здесь возводится вторая линия обороны, сооружаются и реконструируются церкви, дворцовые комплексы в центре города и в цитадели. В конце XIV в., как и большинство крымских городов, город подвергается разгрому войсками Едигея, но еще раз возрождается, чтобы в 1475 г. стать жертвой османской экспансии.

Параллельно с Мангупом-Феодоро с середины XIV в. в Кырк-ере расцветает монументальное зодчество, возводится восточная оборонительная стена, превратившая византийскую напольную систему во внутреннюю (Средняя стена), строится мечеть и мавзолей Джанике-ханым. На обоих поселениях появляется большое количество пещерных сооружений, в интерьере которых проявляются подражания наземным постройкам.

Данный период в жизни крупных поселений во многом определяется политическими обстоятельствами: Феодоро и Кырк-ер превратились в столичные центры. Первый – это столица одноименного христианского княжества, возникновение которого относится к первой половине XIV в. Практически одновременно Кырк-ер, захваченный татарами, стал центром бейлика в составе крымского улуса Золотой Орды, а с 30-х гг. XV в., по сути, столицей Крымского ханства. Таким образом, из двух раннегородских поселений в Алании и Готии возникли два новых административных центра политических образований, сыгравших важную роль в жизни Причерноморского региона.

Период Г (позднегородской). В результате турецкого завоевания 1475 г. на полуострове было ликвидировано княжество Феодоро. Мангуп превратился в центр провинциального кадылыка, город пришел в упадок, однако, по крайней мере, до начала XVII в., здесь еще сохранялось

христианское население. В планировке поселения этого периода выделяются три района: Цитадель с прилегающим к ней мусульманским кварталом, христианские кварталы, вероятно, совпадающие с приходами трех церквей, функционирующих в XVI–XVII вв., существовал также караимский квартал кожевников в верховьях Табана-дере и вокруг руин большой базилики. Планировка поздних усадеб, вероятно, в большинстве случаев не совпадала с феодоритскими. Они стали больше по размерам, приобретая деревенский характер. Окончательно поселение угасает к концу XVIII в., в связи с утратой им военных и административных функций. Кырк-ер, после переноса ханской ставки в Бахчисарай в начале XVI в., сохранил только торгово-ремесленные функции. Здесь усиливается значение караимской общины, строительная деятельность которой поддерживала городской облик поселения. Активное участие в экономической жизни расположенной рядом столицы ханства позволило оттянуть угасание поселения до второй половины XIX в.

Таким образом, период с конца XV до XIX в. характеризуется постепенной деградацией средневековых городов в горных районах Юго-Западной Таврики. Причиной этого стало изменение геополитической ситуации в Северном Причерноморье. В условиях усиливающейся этнополитической гомогенности Крыма уменьшилось значение внутренних крепостей. На заключительном этапе своего существования они превратились в места обитания этноконфессиональных анклавов (Мангуп и Кырк-ер).

Итак, на примере эволюции «пещерных городов» Юго-Западной Таврики можно проследить, что очаг градообразования просуществовал здесь на протяжении всей средневековой эпохи. В пределах этого очага можно выделить две зоны. Первая охватывала междуречье среднего и верхнего течения Альмы, Бодрака, Качи и Бельбека, что совпадало с исторической областью Алании. Вторая включала междуречье среднего и верхнего течения Бельбека, р. Черной – историческая Готия. Одновременно в каждой из них существовало, вероятно, не более одного-двух поселений городского типа. Выделенные четыре этапа в эволюции городских поселений, скорее всего, отражают исторические эпохи в жизни Северо-причерноморского региона.

Как и на большей части территории Византии и Западной Европы, города в средневековой Таврике начинали свое развитие как укрепления «догородского» типа. Однако отсутствие античного субстрата, отдаленность от экономически и культурно развитых районов, постоянная военная угроза со стороны кочевой степи делали путь их становления весьма сложным и противоречивым, а в ряде случаев он оказался прерванным насильственно. Скудость письменных источников для изучения городской жизни выводит на передний план археологические материалы. Однако они также не всегда достаточно информативны для составления полной картины урбанистических процессов в регионе. Разработка их типологии в диахронном аспекте может рассматриваться как один из путей в направлении к решению этой сложной проблемы.

Литература

- Айбабин А. И. Ранневизантийский и хазарский периоды во Внутренней горной гряде Крыма // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2021. Вып. XXVI. С. 475–497.
- Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // *Советская археология*. 1958. № 1. С. 71–79.
- Веймарн Е. В. Еще раз о Таврическом лимесе // *Античная древность и средние века*. 1973. Вып. 10. С. 255–258.
- Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // *Византия и средневековый Крым*. Симферополь: Таврия, 1996. С. 85–90.
- Казанский М. М. Юстиниан I и древности италийских остроготов в Крыму // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2018. № 10. С. 211–220.
- Рудаков В. Е. Бакла малый городской центр Юго-Западного Крыма: к постановке вопроса // *Античная древность и средние века*. 1981. Вып. 18. Античный и средневековый город. С. 73–83.
- Талис Д. Л. О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // *Экспедиции Государственного исторического музея: доклады на сессии Ученого Совета ГИМ, 5–7 февраля 1969 г.* / под. ред. В. П. Левашовой. М., 1969. С. 130–142.
- Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // *Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп)*. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 319–332. (МИА. № 34).
- Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1949. Вып. 29. С. 55–63.
- Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // *Советская археология*. 1954. XXI. С. 148–163.
- Kazanski M. *Les Goths (Ier–VIIe siècles ap. J.-C)*. Paris: Editions Errance, 1991. 149 p.
- Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

ЗАСТРОЙКА РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ МАНГУПА-ДОРОСА. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Науменко В. Е.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Лаборатория «Византийский Крым», г. Симферополь
E-mail: byzance@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена всестороннему анализу жилой застройки середины VI – VIII в., открытой в ходе раскопок 2006–2010, 2014–2021 гг. Мангупского княжеского дворца 1425–1475 гг. на площади около 3 тысяч м². Строительный ярус, включающий несколько планиграфических структур, является примером регулярной жилой застройки, основным планировочным элементом которой выступала улица, ориентированная в направлении Большой трехнефной базилики, административно-топографического центра городища в эпоху раннего средневековья. Квартал возник одновременно со строительством около 550–565 гг. на Мангупском плато большой византийской крепости и функционировал в таком виде до середины IX в., когда крепость вошла в состав учрежденной на Крымском полуострове византийской фемы. Насыщенность культурного слоя разнообразным археологическим материалом свидетельствует о важной роли данного района Мангупского городища в его политической и торгово-экономической жизни. Жителями квартала, вероятнее всего, являлись солдаты и офицеры военного гарнизона Мангупа-Дороса, члены их семей, а также представители местной имперской администрации.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, Византия, Дорос, ранневизантийская археология, дворец, жилая застройка, улица, экагий, скрибон.

В последние годы одним из главных объектов исследований Мангупского городища являлся дворец правителей княжества Феодоро, расположенный в центральной части Мангупского плато. Систематические раскопки в течение 13 полевых сезонов (2006–2010, 2014–2021 гг.) позволили установить точную дату его функционирования, в пределах 1425–1475 гг., и получить необходимые данные для объективной реконструкции размеров, планировки и композиционно-художественного облика архитектурного комплекса. Однако, принципиально новым результатом изучения памятника все же следует считать выявление в его стратиграфии нескольких строительных горизон-

тов додворцового и постдворцового времени, что свидетельствует об активном использовании данного района крепости на протяжении почти всех основных этапов ее истории, в том числе в ранневизантийский (середины VI – VIII в.), фемный (середины IX – середины XI в.), золотоордынский (конца XIII – XIV в.), феодоритский (около 1400–1475 гг.) и османский (около 1475–1792 гг.) периоды [общие итоги раскопок см.: Науменко, Герцен, 2022а].

Систематизация полученных археологических данных и реконструкция размеров и планировки застройки для каждого из строительных периодов на месте дворца является важнейшей исследовательской задачей в процессе дальнейшего изучения памятника. Лучше всего она сейчас решается для строительных горизонтов фемного и феодоритского времени, которые представлены на площади раскопа многочисленными руинированными каменными постройками различного назначения и хорошо выраженными уличными структурами (рис. 1) [об особенностях застройки IX–XI вв. см.: Науменко, 2022. С. 174–177. Рис. 9]. Более фрагментарной выглядит застройка

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075-15-2022-1119. Выражаю признательность А. Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В. И. Вернадского, за возможность самостоятельной публикации результатов раскопок памятника, а также Н. А. Алексеенко, А. А. Душенко, А. В. Якушечкину за помощь при подготовке материалов к статье.

золотоордынского и османского периодов, от которой сохранились лишь отдельные жилые и хозяйственные комплексы. Наиболее проблематичной является реконструкция самого раннего поселения в этой части городища, функционировавшего в широких пределах второй половины VI – VIII в. и, в значительной степени, разрушенного в ходе позднейшего строительства.

В силу высказанных замечаний, изучение ранневизантийского яруса застройки на месте дворцового ансамбля, предпринятое в настоящей работе, методически необходимо вести не только с учетом сохранившихся *in situ* археологических объектов, позволяющих при их картографировании выявить общие размеры и даже некоторые особенности планировки поселения, но и с широким привлечением к анализу многочисленного синхронного «перетолженного» археологического материала. Объем последнего свидетельствует о значительном уровне торгово-экономической активности жителей одного из центральных кварталов Мангупа-Дороса в это время, а отдельные неординарные находки – об их высоком социальном статусе. В целом же, исследование данного участка ранневизантийской застройки представляется чрезвычайно актуальным ввиду уже высказанного предположения о ее появлении одновременно со строительством на плато сильной византийской крепости [Науменко, Набоков, 2021. С. 202], скорее всего, в конце правления императора Юстиниана I (527–565) [Науменко, Герцен, 2022].

Несмотря на общую плохую сохранность строительного горизонта, в ходе систематизации результатов исследований на площади около 3 тысяч м² выявлены не менее пяти ранневизантийских планиграфических структур, в пределах которых сохранились участки дневной поверхности и отдельные археологические объекты этого времени (рис. 2). При картографировании обращает внимание их распространение на большей части раскопа. Они отсутствуют лишь на востоке участка исследований, а также на месте почти всех крупных архитектурных комплексов дворца XV в. – помещений А, С, D, E, F, G, H, I, K, L, M и N, при сооружении которых были уничтожены до уровня скального материка все предшествующие культурные напластования и связанные с ними постройки. Это позволяет сделать вывод о значительных размерах ранневизантийского поселения в этой части Мангупского городища, очевидно, продолжавшегося в направлении Большой трехнефной базилики, традиционного топографического, религиозного и, по всей видимости, административного центра крепости в эпоху раннего средневековья.

Лучше всего характер ранневизантийской застройки прослеживается на *Западном участке исследований* дворца, где в 2020–2021 гг. в пределах квадратов №№ 34–35, 46–49 на площади около 200 м² была зафиксирована дневная поверхность поселения этого времени – плотный серо-коричневый грунт мощностью до 0,20 м (слой № 9 в стратиграфии участка исследований), накопившийся в местах неровностей скального материка (рис. 2, 1; 3, 1). Из слоя извлечены характерные керамические находки, главным образом, фрагменты амфор класса 1 по ХК-95 или варианта Kx ID2 [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995. С. 16–19; Внуков, 2012], типа V по ХК-71 [Антонова и др., 1971. С. 85], типов LRA 1B [Pieri, 2005. P. 70–77], LRA 2 [Riley, 1979. P. 217–219], LRA 4B [Pieri, 2005. P. 101–114] и C Snp II-III [Kassab Tezgör, 2009. P. 129–134], ранневизантийские монеты, среди которых наиболее поздней и поэтому имеющей датирующий характер является декануммий Юстиниана I, выпущенный на одном из монетных дворов Византийской империи после 547 г., а также две поясные цельнолитые бронзовые византийские пряжки – с овальной рамкой и двумя стилизованными птичьими головками на концах, типа «Папа», первой половины – середины VII в. и с прямоугольным щитком, украшенным перекрещивающимися линиями, второй половины VII – первой половины VIII в. (рис. 4, 1, 9) [о таких пряжках см.: Айбабин, 1990. С. 45]. Все это позволяет надежно датировать культурный горизонт в пределах середины VI – первой половины VIII в. и рассматривать начальный этап его формирования в связи со строительством на Мангупе в период 550–565 гг. крупной византийской крепости.

Для понимания планировки выявленной застройки важное значение имеют открытые здесь многочисленные хозяйственные ямы (всего 11; №№ 70–76, 84–87), вырубленные в скале или выкопанные в накопившемся культурном слое, и особенно фрагмент улицы шириной 3,0–3,5 м, прослеженной на протяжении 13,4 м вдоль северного борта раскопа (рис. 3, 2). В стратиграфии улицы зафиксированы, без особых перерывов и изменения трассы, три последовательно сменявших друг друга горизонта мощения из мелкого камня, щебня, фрагментов керамики, датированных, соответственно, серединой VI – VIII в., первой половиной – серединой IX в. и концом IX – первой половиной XI в. Из нижнего (раннего) слоя мощения происходит херсоно-византийский пентануммий с монограммой «Полис Херсон» на реверсе времени Юстиниана I [тип таких монет см.: Анохин, 1977. С. 157, № 314], что подтверждает строительство улицы вме-

сте с жилым кварталом на месте Мангупского дворца около середины VI в. Особо обратим внимание на ориентацию объекта, строго по оси запад–восток, очевидно, по направлению к главному храму крепости – Большой базилике, и к ущелью Гамам-дере, в верховьях которого в это время функционировал еще один жилой квартал. Планировка улицы была также обусловлена особенностями топографии данного района Мангупского плато, рельеф которого определяется серией структурных скальных ступеней, плавно понижающихся по оси юг–север. Вдоль этих ступеней традиционно, на протяжении всей истории крепости, располагались жилые постройки и были проложены основные дорожные коммуникации.

На остальных участках исследований дворцового комплекса строительный ярус ранневизантийского периода сохранился значительно хуже.

На Южном участке исследований, за пределами дворцовой застройки, дневная поверхность этого времени (слой № 3 в общей стратиграфии, мощностью до 0,3 м) зафиксирована *in situ* лишь на площади около 80 м² в квадратах №№ 1 и 2 (раскопки 2006 г.) (рис. 2, 2). Помимо фрагментов амфор типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1, LRA 2, LRA 3, LRA 4, C Snr II-III, лепной керамики с подлощенной поверхностью и редких обломков краснолаковой посуды, из слоя извлечены два херсоно-византийских пентануммия времени Юстиниана I (тип Анохин 314) и пентануммий Юстина I (518–527), выпущенный на одном из монетных дворов Константинополя (тип Sear 74). С ранним этапом его образования связаны скальные ямы №№ 1 и 2, вырубленные на глубину до 0,4 м. По всей видимости, данный строительный горизонт продолжался и в западном направлении, но его руины здесь были полностью уничтожены при сооружении южной дворцовой улицы и прилегающих к ней построек периода 1425–1475 гг. Тем не менее, необходимо отметить большое количество находок VI–VII вв. (от 50 до 70% в керамических комплексах) из нижних (надскальных) культурных напластований (раскопки 2008 г., «верхняя» и «нижняя» террасы, 4-й слой; квадрат № 4-6, 3-й слой), а также принадлежность всех обнаруженных в подстилающем мостовую улицы культурном горизонте (слой № 3 в ее стратиграфии) монет времени Анастасия I (518–527), Юстина I и Юстиниана I. Единственным закрытым археологическим комплексом интересующего нас периода на трассе южной дворцовой улицы является засыпь скальной лакуны под кладкой № 24 (южной стены помещения I) в квадрате № 8 (раскопки 2009 г.), из которой происходят

фрагменты амфор типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1 и C Snr II-III, лепных сосудов и краснолаковой керамики группы «Pontic Red Slip Ware».

На Юго-Западном участке исследований дворца, к западу от помещения H и к югу от помещения J (раскопки 2015 г., квадраты №№ 16–19, 22–25), от ранневизантийской застройки сохранились лишь отдельные хозяйственные ямы (№№ 47–51) и археологические комплексы (рис. 2, 3). Среди них особо отметим заполнение ямы № 51, керамический комплекс которого представлен фрагментами амфор типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1, LRA 2, LRA 4, C Snr II-III и мелкими обломками лепной посуды с подлощенной поверхностью, и развал амфор типа V по ХК-71 и класса 1 по ХК-95 в юго-восточном углу квадрата № 18. Они надежно датируются в пределах VI в.

На Центральном участке исследований дворца ранневизантийский ярус застройки был разрушен, вероятно, еще при возведении строительного горизонта фемного периода в истории крепости (рис. 2, 4). От него здесь сохранились лишь нижние части многочисленных хозяйственных ям и сооружений, вырубленных в скале либо выкопанных в материковом суглинке и предназначенных, по большей части, для установки пифосов. Наиболее показательными археологическими комплексами среди них являются заполнения ям №№ 3–6 и 54 (раскопки 2007 и 2018 гг.) с обычным для VI–VII вв. набором амфор и бытовой керамики. Особо отметим яму № 4, из засыпи которой извлечены две монеты – херсоно-византийский пентануммий Юстина I (серия VIC-TOR, тип Анохин 312) и неопределенная периода 498–565 гг. с большой буквой E на реверсе.

Наконец, на Северном участке исследований, где ранневизантийская застройка была уничтожена при возведении оборонительной башни-донжона дворца около 1425 г., единственным археологическим объектом этого времени является скальная яма № 83 (2021 г.), из заполнения которой происходят мелкие фрагменты лепной керамики и амфор типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1 и LRA 2 (рис. 2, 5).

Приведенный анализ археологических комплексов ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца позволяет, даже с учетом их общей плохой сохранности, сделать вывод о регулярном характере открытой застройки. Ключевым аргументом для такого заключения является участок раннесредневековой улицы, выступавшей в качестве определяющего планировочного элемента данного жилого квартала, начиная с момента его стро-

ительства в середине VI в. и вплоть до первой половины XI в. Трудно себе представить, чтобы такой важный объект внутрикрепостной инфраструктуры, благоустройству которого неизменно уделялось большое внимание, существовал изолированно. Скорее всего, его окружали постройки с каменными стенами, черепичной кровлей и хозяйственными зонами, на что указывают результаты изучения структуры керамических комплексов находок из горизонтов их функционирования и разрушения. В таком случае, выявленные на площади раскопа локальные скопления хозяйственных ям могут предположительно свидетельствовать о местоположении и количестве таких строений.

Открытый жилой квартал, безусловно, занимал важное место в системе ранневизантийской застройки Мангупа-Дороса. Его благоустройство и близость к Большой базилике закономерно предполагает особый статус жителей, что подтверждается анализом находок группы «*small finds*» из раскопок памятника.

Прежде всего, отмечаем обилие монет конца V – начала VIII в. (242 единицы; около 24% от общего числа разновременных нумизматических находок на территории дворца) [Науменко, Якушечкин, 2022. С. 169–172], что не имеет аналогов при сравнении с результатами раскопок на других памятниках Мангупского городища. Подавляющее большинство из них (210 из 242, 86,5%) относится к периоду 498–565 гг., то есть были выпущены при Анастасии I (после реформы 498 г.), Юстине I и Юстиниане I. Особо примечателен анализ монет Юстиниана I. Их большое количество (87 из 210 монет, 41,4%), принадлежность выпусков не только Херсону, но и многим другим монетным дворам в крупных городах Византии (Константинополь, Кизик, Никомедия, Карфаген, Антиохия), и особенно хронология всех точно датированных номиналов в пределах 547–564 гг. (20 единиц, все выпущены за пределами Крыма) служит дополнительным свидетельством о строительстве Мангупской крепости ближе к концу правления этого императора.

Значительная часть монет периода 498–565 гг. продолжала использоваться на городище на протяжении всего ранневизантийского периода, о чем неоднократно говорилось в специальных исследованиях [Алексеев, 2007. С. 353]. Показательным выглядит редкость монет, начиная с Юстина II (565–578) и до второго правления Юстиниана II (705–711) (всего 9) [Науменко, Якушечкин, 2022. С. 171–172]. Таким образом, ситуация с монетным обращением Мангупа выглядит типичной, при сравнении с другими крупными ранневизантийскими центрами на территории Крыма. Отметим также,

что одновременно с этими монетами здесь, по всей видимости, обращались и более ранние медные номиналы конца III – первой половины V в., принадлежащие правителям Боспорского царства (всего 16) и Поздне-Римской империи (всего 27). Отсутствие археологических объектов этого времени и крайняя редкость фрагментов керамики III–IV вв. в культурном слое на месте дворца предполагает именно такую их интерпретацию.

Для социальной характеристики жителей ранневизантийского квартала на месте дворца определенную информацию содержит анализ коллекции обнаруженных деталей повседневного костюма второй половины VI – первой половины VIII в. (рис. 4) [Науменко, Набоков, 2021. С. 203–206]. При всей типичности и рядовом характере таких находок, важно отметить, что все они принадлежат изделиям «византийского круга» и имеют множество аналогий на памятниках Византии и сопредельных территорий. Таким образом, их однозначно следует рассматривать в качестве свидетельства проживания в данном квартале Мангупской крепости входивших в состав ее гарнизона византийских солдат и их семей.

Эта гипотеза выглядит вполне вероятной еще и потому, что в ходе раскопок дворца были найдены ряд неординарных находок, указывающих на высокий социальный статус владельцев или их принадлежность к администрации крепости. Речь, прежде всего, идет о серии ранневизантийских экзагиев в виде квадратной пластины или плоского диска с изображением букв-весовых номиналов N, H и O (рис. 5, 1–6) [подробнее см.: Душенко, 2018. С. 255–265. Рис. 1,2–3,5–6], предназначенных для контроля византийскими чиновниками полновесности золотой монеты и, соответственно, законности проводимых в той или иной части империи торгово-финансовых операций [Гурулева, 2018. С. 9]. Отметим также необычный военный трофей – сасанидский ложный перстень-печатку с изображением символов правящей династии второй половины VI – первой трети VII в., принадлежащий, по всей видимости, византийскому офицеру, принимавшему участие в одной из византийско-сасанидских военных кампаний этого периода и затем продолжившему свою службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса (рис. 1, 7) [подробнее см.: Науменко, Герцен, 2021].

Наконец, еще одной статусной находкой является печать с изображением орла с высоко поднятыми крыльями и звездой в круге на аверсе и крестообразной монограммой на обороте, обнаруженной в 2021 г. в ходе выборки верхнего горизонта мощения опи-

санной выше раннесредневековой улицы (рис. 1, 8) [подробнее см.: Науменко, Алексеенко, 2023]. Такие печати хорошо известны в византийской сфрагистике и соотнесены практически со всеми крупными регионами империи, хотя в Крыму они встречаются редко. Типологически находка принадлежит группе аналогичных моливдовулов, обычно датировемых периодом 550–650 гг. [Zacos, Vegler, 1972. P. 490, 533. Nr. 585, 697; Соколова, 1998. С. 301]. Ключевым для ее интерпретации является расшифровка монограммы, которая состоит из лигатур из 10 греческих букв (Β, Ε, Θ, Ι, Κ, Λ, Ο, Ρ, Σ и Τ) и подразумевает имя и должность (или титул) владельца. Наиболее вероятное чтение – «Элевтерий сcribe» (Ἐλευθέριος, σκρίβωνος). Под сcribe в данном случае можно понимать только лишь представителя элитного отряда телохранителей византийских императоров, учрежденного при Юстиниане I и существовавшего до середины VII в. [о сcribe см.: Jones, 1986. P. 658–659; Haldon, 1984. P. 137, 161–163; Мохов, 2013. С. 60, 64, 69, 70]. Помимо функций дворцовой стражи, на практике они также выполняли множество разнообразных по содержанию личных поручений правителей империи, как правило, в отдаленных и сложных в политическом отношении регионах Византийского государства. Точное содержание мис-

сии сcribe Элевтерия на Мангупе-Доросе нам вряд ли когда-нибудь станет известным. Однако, находка такой печати еще раз свидетельствует о важности этой крепости в византийской политике в регионе и пристальном внимании императоров за происходящими здесь событиями.

Подведем общие итоги нашего исследования. Открытый на месте Мангупского дворца строительный ярус ранневизантийского времени является примером регулярной жилой застройки, основным планировочным элементом которой являлась улица, сориентированная в направлении Большой базилики, административно-топографического центра городища в эпоху раннего средневековья. Этот квартал возник одновременно со строительством около 550–565 гг. на Мангупском плато большой византийской крепости и функционировал в таком виде до середины IX в., когда крепость вошла в состав учрежденной в Крыму византийской фемы. Насыщенность культурного слоя разнообразным археологическим материалом свидетельствует о важной роли данного района Мангупа-Дороса в его политической и торгово-экономической жизни. Жителями квартала, вероятнее всего, являлись солдаты и офицеры военного гарнизона крепости, члены их семей, а также представители местной имперской администрации.

Литература

- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86.
- Алексеенко Н. А. Новый клад монет V–VI вв. из округа византийского Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2007. Вып. XIII. С. 350–363.
- Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. 1971. Т. 7. С. 81–107.
- Внуков С. Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // Российская археология. 2012. № 4. С. 5–15.
- Гурулева В. В. Византийские весовые знаки: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. 136 с.
- Душенко А. А. Византийские разновесы из раскопок Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С. 255–268.
- Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. 278 с.
- Науменко В. Е. Мангуп-Дорос в фемный период истории // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2022. Вып. XXVII. С. 166–208.
- Науменко В. Е., Алексеенко Н. А. Новая ранневизантийская печать из раскопок Мангупа-Дороса // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный Византийский семинар / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2023. С. 215–226.
- Науменко В. Е., Герцен А. Г. Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца. Проблемы атрибуции и интерпретации // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 97–114.
- Науменко В. Е., Герцен А. Г. Основные итоги археологического изучения Мангупского княжеского дворца в 2006–2021 гг. // I Солхатские чтения «Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма»: сборник научных трудов конференции / Ред.-сост. Э. И. Сейлалиев, Р. Р. Кадыров. Симферополь: Ариал, 2022а. С. 45–53.
- Науменко В. Е., Герцен А. Г. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus...

- Тезисы докладов XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ / Отв. ред. С. П. Карпов. Симферополь: Ариал, 2022б. С. 126–130.
- Науменко В. Е., Набоков А. И.* Детали костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский семинар / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 201–210.
- Науменко В. Е., Якушечкин А. В.* Византийские монеты из раскопок Мангупского дворца. Общий обзор коллекции // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. IX Международный Нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 167–182.
- Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 169 с.
- Соколова И. В.* О некоторых критериях датировки орлов на византийских печатях VI – первой половины VIII вв. // Нумизматический сборник: к 80-летию В. М. Потина. СПб., 1998. С. 301–310.
- Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. An administrative, institutional and social survey of the Opsikion and Tagmata, с. 580–900. Bonn, 1984. 669 p.
- Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. 284–602. Baltimore, 1986. Vol. I. 766 p.
- Kassab Tezgör D.* Typologie des amphores Sinopeennes entre le II–III et le VI s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope / Ed. D. Kassab Tezgör. Paris, 2009. P. 121–140.
- Pieri D.* Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (V–VII siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005. 329 p.
- Riley J. A.* The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic Life at Berenice. Tripoli, 1979. Vol. II. P. 91–465.
- Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. I. Part 1–3. 1965 p.

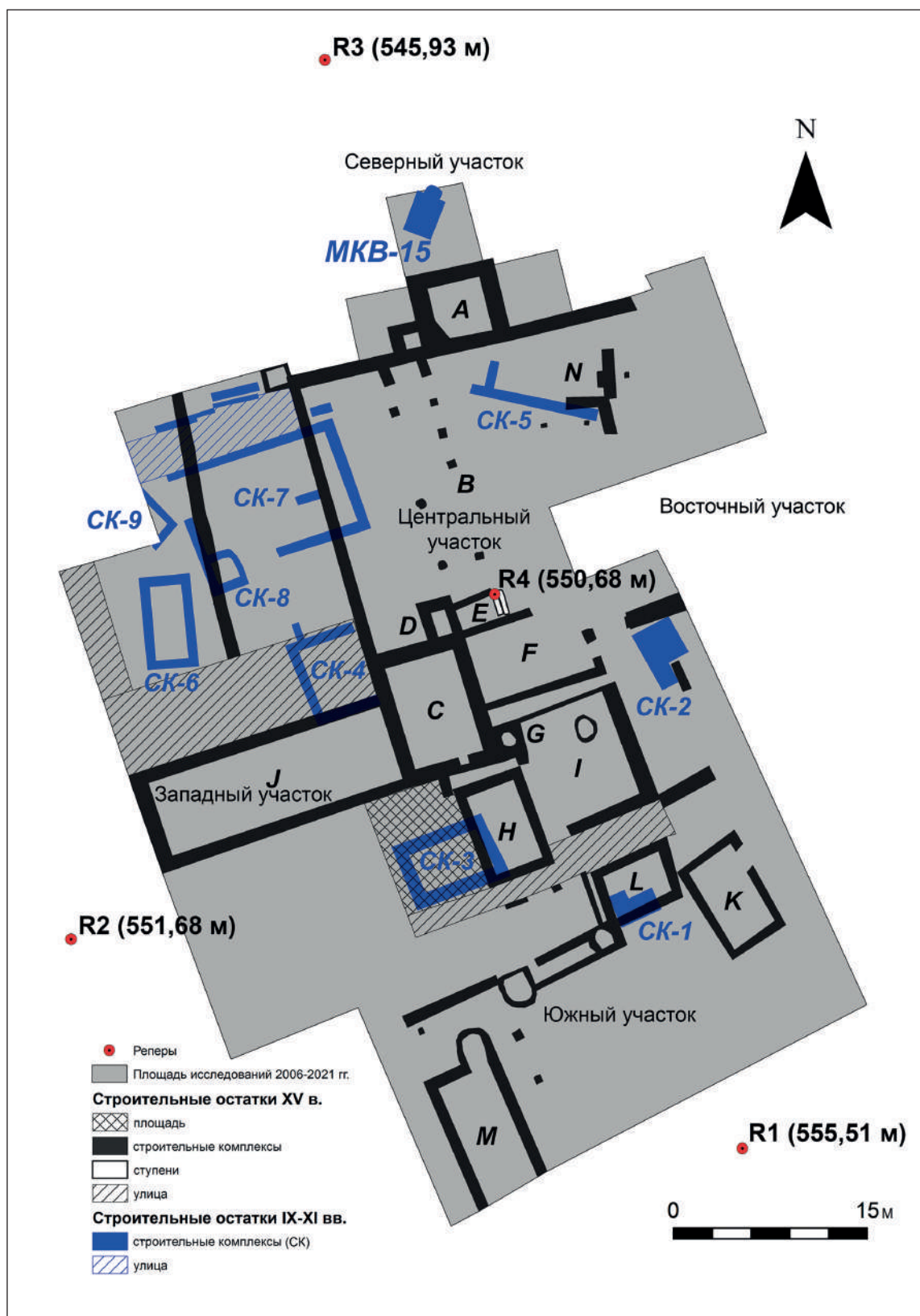

Рис. 1. Мангупское городище. Дворец. Общий план строительных горизонтов середины IX – середины XI в. и периода 1425–1475 гг. [по: Наumenko, 2022. С. 193. Рис. 9]

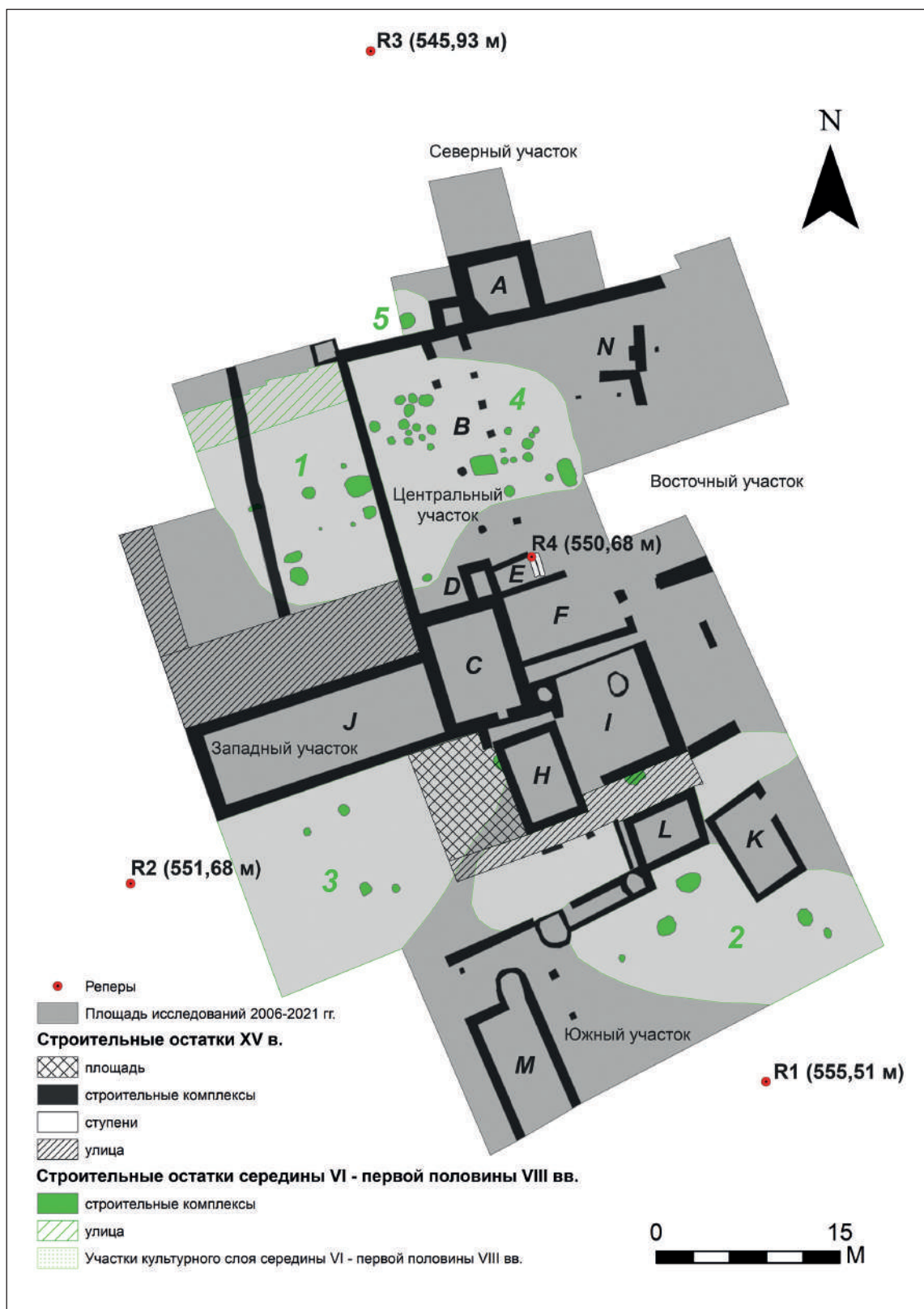

Рис. 2. Мангупское городище. Общий план дворца 1425–1475 гг. с указанием основных планиграфических структур ранневизантийского времени: 1 – Западный участок исследований; 2 – Южный участок исследований; 3 – Юго-Западный участок исследований; 4 – Центральный участок исследований; 5 – Северный участок исследований

Рис. 3. Мангупское городище. Дворец. Западный участок исследований. 1 – Общий вид с востока, сверху по уровню дневной поверхности ранневизантийского времени (слоя № 9) и нижнего (раннего) горизонта мощения улицы. 2021 г. Аэрофото. 2 – Раннесредневековая улица в квадратах №№ 48 и 49 по уровню нижнего (раннего) горизонта мощения. 2021 г. Фото. Вид с востока

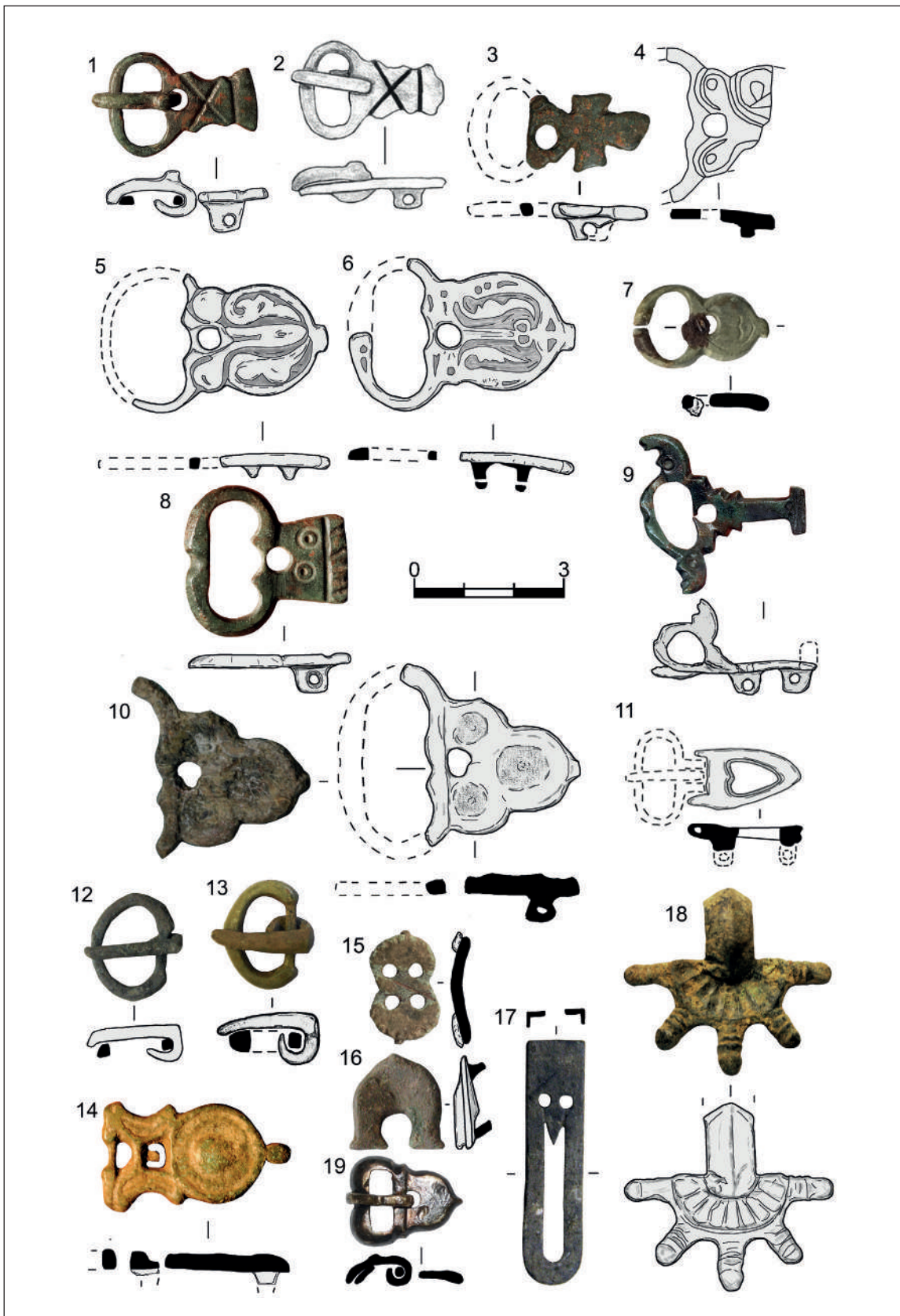

Рис. 4. Мангупское городище. Дворец. Детали повседневного костюма ранневизантийского времени с указанием археологического контекста находок [по: Науменко, Набоков, 2021. С. 208–209. Рис. 1], с дополнениями автора: в таблицу под № 19 включена медная обувная пряжка с V-образной рамкой, плоским загнутым язычком и геральдическим щитком второй половины VI – VII в., обнаруженная в 2021 г. при выборке 8-го слоя в квадрате № 34–35 на Западном участке исследований

Рис. 5. Мангупское городище. Дворец. Ранневизантийские находки статусного круга: экзагии (1–6), сасанидский ложный перстень-печатка (7), византийский моливдовул (8)

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

Майко В. В.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь
E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована современная археологическая источниковая база, которую можно использовать для решения дискуссионного вопроса о времени возникновения средневековой Сугдеи. Рассмотрены только те изделия, которые в первой половине VIII века уже вышли из употребления. За исключением двух закрытых комплексов, все эти предметы зафиксированы в первоначальных стратиграфических горизонтах Сугдеи первой половины VIII века в качестве «примеси снизу». Между тем, стратиграфического горизонта, связанного с ними, пока не обнаружено. Вся совокупность обнаруженных находок позволяет считать материальную культуру Сугдеи времени ее основания одним из вариантов Боспорской ранневизантийской археологической культуры.

Ключевые слова: Сугдея, дата основания, вторая половина VII в., керамический комплекс, элементы костюма.

Вопросы хронологии европейских древностей не только эпохи Великого переселения народов, но и постгунского и ранневизантийского времени, уже долгие годы остаются в сфере интересов М. М. Казанского [Казанский, 2021. С. 131–145]. Постепенное продвижение вперед в решении этих важнейших для медиэвистики вопросов позволит аргументированнее рассматривать и вопрос о дате основания средневековой Сугдеи. Он до сего дня остается дискуссионным, что неоднократно отмечалось в литературе [Джанов, 2004. С. 45–74]. Итоги этой дискуссии были проанализированы [Айбабин, 2017. С. 306–310], что избавляет от повторений. Рассмотрены единичные туманные сведения письменных источников и датирующий сфрагистический материал [Айбабин, 2017. С. 306–310]. Коротко напомним, что в Сугдее известны единичные находки античного и позднеантичного времени от рубежа эр до середины VI в., зафиксированные при проведении наземных и подводных археологических разведок и раскопок [Майко, 2020а. С. 330–334]. Однако все они найдены в контекстах, датирующихся не ранее первой половины VIII в. Никакого связанного с ними стратиграфического горизонта пока не обнаружено.

В данном случае нас будут интересовать находки, образующие, в отличие от вышеназванных, конкретную и большую по количеству совокупность предметов материальной культуры. Все они датируются временем основания города, отмеченным в письменных

источниках, и совпадают с наиболее ранними находками моливдовулов. Главным критерием для их вычленения послужил факт выхода из обращения в первой четверти VIII в.

В основном эти предметы найдены в стратиграфических горизонтах раскопок и заполнения некоторых жилых и хозяйственных построек (рис. 1), что уже отмечалось в литературе и избавляет от повторений [Майко, 2012. С. 54–62; 2020. С. 34–42; Майко, Джанов, 2015. С. 184–327]. Исходя из минимального количества датирующих вещей, по соотношению составляющих керамических комплексов эти контексты могут датироваться в рамках первой половины VIII в. Некоторые из анализируемых находок можно рассматривать в качестве естественной «примеси снизу», часть носит несомненные следы вторичного использования. Особое внимание следует уделить условно закрытым комплексам, где анализируемые предметы составляют большинство. Рассмотрим все эти археологические ситуации и, конечно же, сами предметы подробнее.

Начнем анализ с керамических изделий. Практически во всех ранних стратиграфических горизонтах Сугдеи и в заполнении жилых комплексов среди подавляющего большинства, в том числе целых форм, амфор с МЗР присутствуют мелкие фрагменты красно- и бордовоглиняных амфор с вытянутым туловом, имеющим перехват на середине высоты, острое дно и невысокое узкое горло. Ручки небольшие уплощенные расположены под

округлым венчиком. На тулове часто видны следы заглаживания (рис. 2, 2–4). Наиболее близкими прототипами данных сосудов традиционно считаются амфоры типа 103 по классификации И. Б. Зеест [Зеест, 1960. Табл. XL,103; Смокотина, 2020. С. 563–570. Рис. 24–31]. Совершенно очевидно, что рассматриваемые амфоры Сугдеи завершают линию развития колхидских амфор и относятся к одной из наиболее поздних их разновидностей. Исследователями признается широкая датировка амфор Зеест 103 [Зеест, 1960. С. 121]. Начало их производства датируется в рамках второй половины IV в. Для нас важно то, что допускается их существование до конца VII в. [Смокотина, 2020. С. 522]. Вместе с тем, о находках этих амфор в комплексах Херсонеса и Боспора даже первой четверти VIII в. не упоминается. Известны и находки подобных амфор, предназначенных для транспортировки нефти [Зинько В., Зинько А., 2019. С. 174]. Специальный анализ фрагментов из Сугдеи не производился, но налет черного цвета, аналогичный налету на внутренней поверхности высокогорлых кувшинов, здесь присутствует. Присутствие фрагментов подобных амфор в ранних салтово-маяцких комплексах Таврики, а так же Фанагории и Таматархи является хорошим хронологическим индикатором для уточнения времени появления салтовских памятников в Северном Причерноморье. Поступление этих наиболее поздних колхидских амфор на полуостров осуществлялось, вероятно, морским путем. Так, при подводных исследованиях 2014–2015 и 2017 гг. в Коктебельской бухте регулярно попадались как фрагменты, так и крупные части тулова подобных амфор [Зеленко и др., 2016. С. 116. Рис. 21; 2016а. С. 160. Рис. 7, К.15.2, К.15.12] (рис. 2, 6). Найдены они были и при проведении наземных раскопок (рис. 2, 1). Производились ли они на полуострове, сказать сложно, печи по их изготовлению пока не найдены. Единственная пока археологически целая амфора типа Зеест 103 из Сугдеи со следами брака (рис. 2, 5) происходит из культурного слоя, зафиксированного в шурфе 1993 г. к югу от раскопа III в портовой части города. Это один из двух археологических контекстов, который является условно закрытым, в нем в качестве примеси сверху присутствуют и немногочисленные находки первой половины VIII – первой половины X в. К сожалению, этот слой зафиксирован, пока, только в указанном шурфе¹.

¹ Существует и аналогичный комплекс из раскопок М. А. Фронджуло на участке раскопа I в портовой части. К сожалению, он до сих пор не опубликован.

Кухонная керамика, бытовавшая до первой четверти VIII в. так же известна в Сугдее. Она, как и амфоры типа Зеест 103, встречена в виде единичных мелких фрагментов в контекстах первой половины VIII в. К наиболее показательным формам относится фрагмент венчика оранжевоглиняного гончарного горшка с четко выраженным массивным пазом для крышки и почти круглой в разрезе ручкой, отходящей непосредственно от края венчика (рис. 2, 9). Подобные кухонные горшки с ярко выраженным пазом для крышки известны в закрытых комплексах Херсонеса середины – третьей четверти VII в. [Голофаст, Рыжов, 2013. С. 153, 155. Рис. 48,13,20,25; 50,1]. Встречены и фрагменты гончарных горшков с плавно отогнутым уплощенным или округлым профилированным венчиком, коническим туловом, одной или двумя ручками, отходящими от края венчика с каннелюрами и пальцевыми прилепами на месте крепления к краю венчика (рис. 2, 8, 10). Среди кухонной посуды Херсонеса VII в. точных аналогий нам найти не удалось. Тем не менее, кухонные кувшины Херсонеса имеют совершенно аналогично оформленное рифлёное горло. Известны и формы кухонных горшков с отогнутым уплощенным венчиком [Голофаст, Рыжов, 2013. С. 154. Рис. 49,7]. Отличает их полное отсутствие паза для крышки. Заметим, что последний, уже с середины VII в. постепенно уменьшался. Подобный горшок встречен и в материалах салтово-маяцкого поселения на территории античного некрополя Кыз-Аул на Керченском полуострове [Федосеев, Пономарёв, Гецко, 2018. С. 271. Рис. 10,1]. Напомним, что салтовские горизонты поселения Кыз-Аул как раз и подстилают ранневизантийские горизонты VII в. Единственный целый подобный горшок с несомненными следами брака (рис. 2, 7) найден в уже упоминавшемся стратиграфическом горизонте в шурфе 1993 г. в портовой части Сугдеи в комплексе с целой так же бракованной амфорой типа Зеест 103.

Отдельно следует упомянуть два керамических светильника, происходящих из склепа 1 биритуального некрополя между башнями Лукини ди Фиески ди Лавани и Безымянной № 13 (рис. 3, 6, 7). Безусловно, данные изделия имеют довольно обширные аналогии, в том числе и в древностях эпохи великого переселения народов. Вместе с тем, один из открытых светильников с рожком округлой формы и глубокой емкостью, изготовленный более тщательно с несохранившейся ручкой типологически близок ранневизантийским светильникам с более широким горлом из засыпи цистерны 4 в квартале X-Б Херсонеса,

которые датируются в рамках середины VII в. [Голофаст, Рыжов, 2013. С. 150. Рис. 45,2]. Второй светильник открытой формы является, по сути дела, лепным изделием с очень длинным рожком и без ручки. Не исключено, что это лепное подражание гончарным светильникам.

Остальные находки представлены элементами костюма. Они неоднократно опубликованы [Майко, Хайрединова, 2020. С. 177–182], что избавляет от повторений. Напомним, что из пяти изделий, о которых пойдет речь, археологического контекста не имеет только щиток пряжки типа Сиракузы (рис. 3, 1). Он найден в подъемном материале Судакской крепости в 2018 г. и относится к варианту Айбабин II-4-1. Напомним, что в Крыму однотипные пряжки найдены в Херсоне, в гото-аланских могильниках Юго-Западного Крыма и на Боспоре [Хайрединова, 2016. С. 242–265]. В подавляющем большинстве комплексов они датируются, все таки, не позднее конца VII в. В Юго-Западном Крыму выделены поздние, возможно, местные экземпляры, подражавшие классическим византийским образцам. Не исключена их датировка и в рамках начала VIII в. [Хайрединова, 2020. С. 121–124].

Четыре предмета археологический контекст имеют, но это не разъясняет, а только усложняет ситуацию. Единственный полностью документированный экземпляр (рис. 3, 4) связан с погребальным инвентарем могилы 5 первоначального некрополя Судак-II. Это пряжка с лировидной овальной рамкой и подтреугольным щитком с двумя отверстиями. К сожалению, узкие хронологические рамки их существования установить сложно, известные аналогии датируются второй половиной VII – первой половиной VIII в.

Два щитка пряжек происходят из заполнения склепов 2 и 3 уже упоминавшегося некрополя между башнями Лукини ди Фиески ди Лавани и Безымянной № 13 (рис. 3, 2, 3). Один из них из склепа 2 (рис. 3, 2) принадлежит группе изделий типа Болонья. По размерам пряжка относится к варианту Айбабин II-1-1, бытовавшему в Крыму во второй половине VII в. Практически все однотипные пряжки, известные на широкой территории византийского мира, датируются первой половиной – третьей четвертью VII в. и к началу VIII в., вероятно, выходят из употребления. Второй щиток пряжки из склепа 3 (рис. 3, 3), отлитый с тремя выступами на завершении, является довольно редкой находкой. Крымские пряжки относятся к группе застежек с щитком в форме «насекомого», бытовавшей

во второй половине VII в. В начале VIII в. они, вероятно, так же выходят из употребления.

Особо следует остановиться на находки в склепе 3 бронзовой серьги, один из концов которой заканчивается гладким многогранником со скошенными гранями небольших размеров в форме параллелепипеда без следов орнаментации (рис. 3, 5). Согласно типологии Э. А. Хайрединовой, его логично отнести в варианту 2 [Хайрединова, 2015. С. 100–101]. Исследовательница справедливо отмечает, что наиболее поздние варианты подобных серёг, обнаруженных в Лучистом и Суук-Су, встречены с инвентарем, характерным для комплексов восьмой хронологической группы первой половины, максимум, середины VII в.

Таким образом, можно констатировать, что наиболее ранние артефакты Сугдеи датируются второй половиной VII в. и полностью подтверждают дату основания города, зафиксированную письменными источниками и сфрагистическим материалом. К сожалению, на сегодняшний день мы обладаем всего несколькими единичными находками. Последние, тем не менее, позволяют представить материальную культуру этого времени, как один из вариантов провинциально-византийской культуры Боспора и Херсонеса второй половины VII в. За исключением фрагмента культурного слоя в портовой части Сугдеи, все остальные керамические находки являются «примесью снизу» в стратиграфических горизонтах первой половины VIII в. Трудно однозначно объяснить находки элементов костюма и украшений второй половины VII в. в заполнении склепов некрополя между башнями Лукини ди Фиески ди Лавани и Безымянной № 13. Сразу надо подчеркнуть, что все предметы найдены в перемешанном слое, образовавшемся в склепах после их грабежа в третьей четверти XIII в. С конкретными костяками они, как все остальные предметы, не связаны. Раскопки 2012 г. показали, что под грунтовыми могилами этого же некрополя есть более ранний стратиграфический горизонт. Датировать его на основании обнаруженных мелких фрагментов керамики и развала лепного горшка тяжело. Нельзя исключить и того, что сами склепы возникают сразу после основания Сугдеи еще в конце VII в. Наконец, теоретически можно предположить, что все указанные вещи бытуют довольно долго. Во всяком случае, использование щитков от пряжек в качестве подвесок не кажется невозможным.

Расширение археологической источниковой базы позволит либо подтвердить, либо опровергнуть высказанные предположения.

Литература

- Айбабин А. И. Хазарская Сугдея // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 306–310.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
- Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2004. Вып. 1. С. 45–74.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 180 с. (МИА. № 83).
- Зеленко С. М., Лебединский В. В., Кузьминов В. В., Новицкая Р. С., Царенко С. А., Морозова Я. И., Пронина Ю. А. Подводно-археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2014 г. / Судакские археологические экспедиции. Феодосия, 2016. 172 с.
- Зеленко С. М., Лебединский В. В., Кузьминов В. В., Новицкая Р. С., Царенко С. А., Морозова Я. И., Пронина Ю. А. Подводно-археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2015 г. / Судакские археологические экспедиции. Феодосия, 2016а. 248 с.
- Зинько В. Н., Зинько А. В. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритакы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Вып. XXIV. С. 173–185.
- Казанский М. М. Византийские «воинские» пояса в Среднем Поднепровье (VI–VII вв.) // Археологическое наследие. 2021. № 1(4). С. 131–145.
- Майко В. В. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Вип. 2. С. 54–62, 120–123.
- Майко В. В. Сугдея в конце VII – первой половине X века. Симферополь: Колорит, 2020. 312 с.
- Майко В. В. Использование предметов античного времени в материалах средневековой Сугдеи VIII в. // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2020а. С. 330–334.
- Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.
- Майко В. В., Хайрединова Э. А. Византийские пряжки из Сугдеи // Херсонес Θεματα: империя и полис. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 177–182.
- Смокотина А. В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. С. 509–618.
- Федосеев Н. Ф., Пономарёв Л. Ю., Гецко П. П. Раннесредневековый жилой и хозяйственный комплекс в склепе № 9 на Кыз-Аульском античном некрополе (по результатам исследований 2016 г.) // История и археология Крыма. 2018. Вып. VII. С. 240–293.
- Хайрединова Э. А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. XX. С. 95–132.
- Хайрединова Э. А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 242–265.
- Хайрединова Э. А. Необычная пряжка типа «Сиракузы» из могильника Узень-Баш в Юго-Западном Крыму // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И. О. Гавритухина. М.: ИА РАН, 2020. С. 121–124. (Раннеславянский мир. Вып. 20).

- культурный слой первой половины VIII в. с отдельными находками последней четверти VII в.
- фрагмент культурного слоя последней четверти VII в.

Рис. 1. Объекты первой половины VIII в. и фрагмент культурного слоя последней четверти VII в. средневековой Сугдеи
 1 – раскоп V 1993/94 гг.; 2 – раскоп VIII 2010/2016 гг.; 3 – шурф 1993 г.; 4 – раскоп III 1964/66 гг.;
 5 – раскоп IX 2017/2019 гг.; 6 – Угловая башня, раскоп 1969 г.;
 7 – квартал I, раскоп 1994 г. переотложенный слой; 8 – барбакан, раскоп 1972 г. переотложенный слой;
 9 – куртина между башней Полукруглой и Безымянной № 13;
 10 – некрополь между башнями Лукини ди Фиески ди Лавани и Безымянной № 13

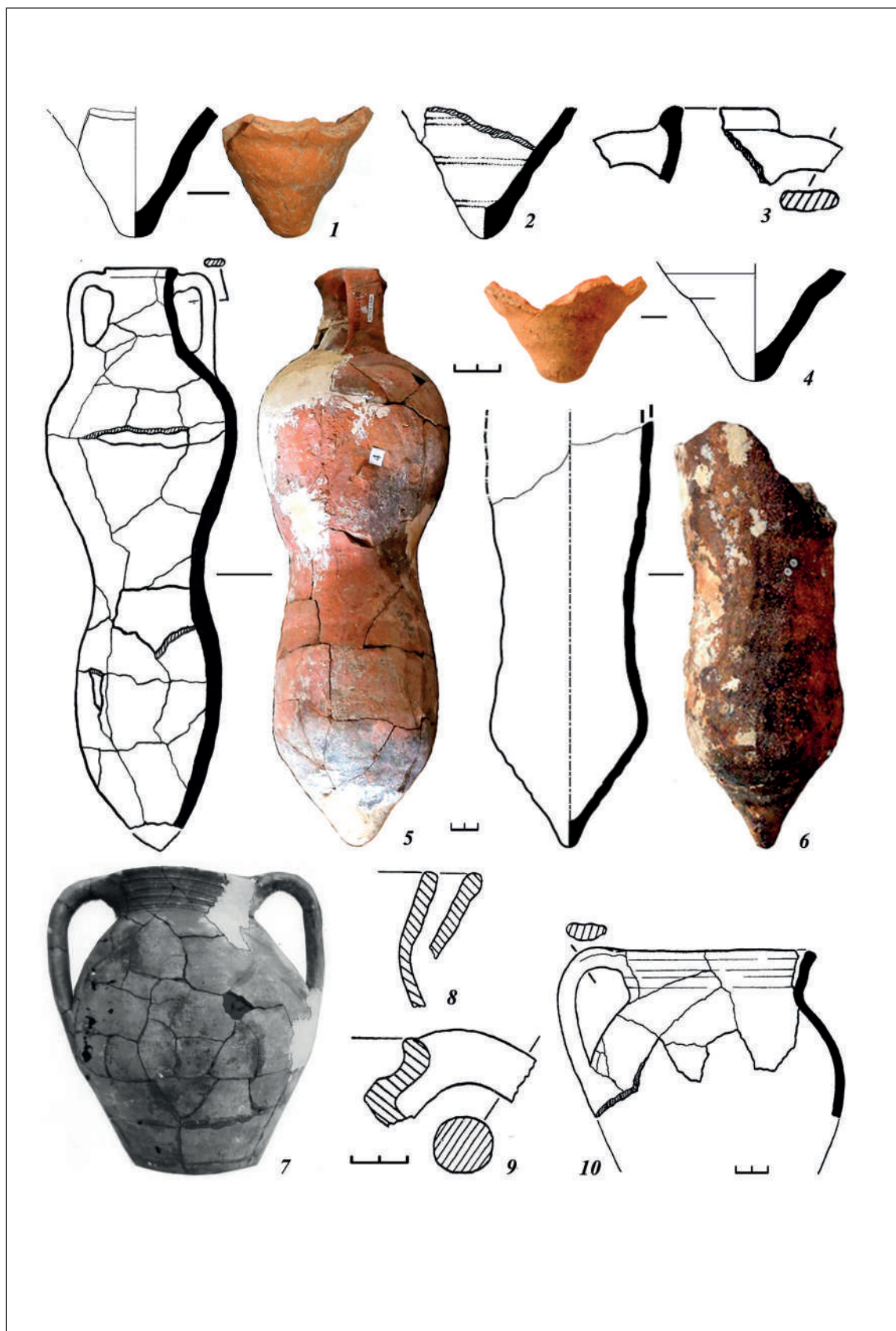

Рис. 2. Керамика последней четверти VII в.
из археологических исследований Сугдеи и городища на плато Тепсень
1 – Тепсень, 2011 г.; 2, 3, 8–10 – Сугдея, порт, усадьба, помещение Б 1994 г.;
4 – Сугдея, порт, 2015 г.; 5, 7 – Сугдея, порт, шурф 1993 г.; 6 – Коктебель 2014 г.

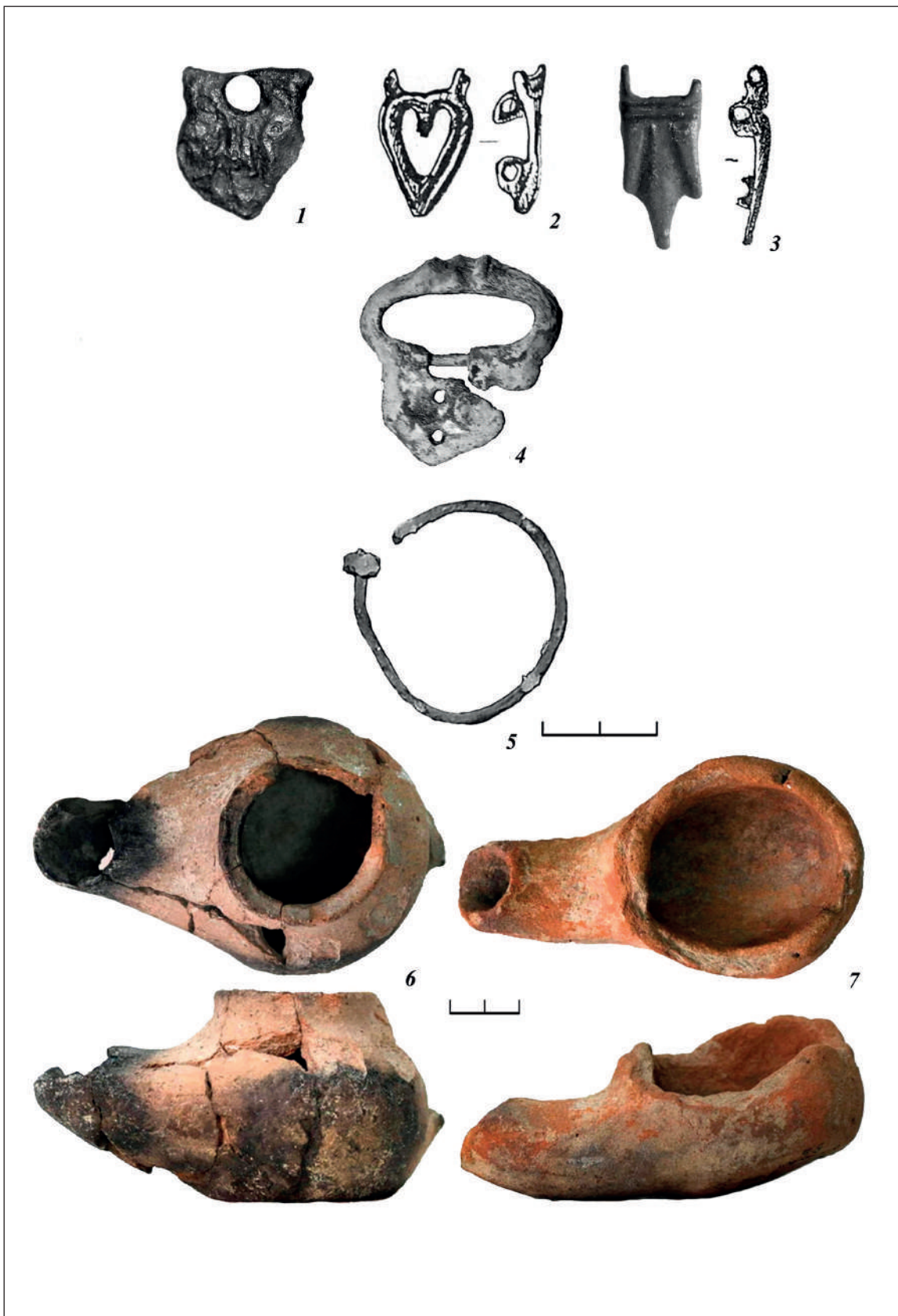

Рис. 3. Археологические материалы последней четверти VII в. из археологических комплексов Сугдеи
 1 – п.м. 2018 г.; 2 – куртина XIV склеп 2; 3, 5 – куртина XIV склеп 3;
 4 – некрополь Судак II 1953 г.; 6, 7 – куртина XIV склеп 1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

ХЕРСОНЕС – ХЕРСОН XIII В. ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Седикова Л. В.

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь
E-mail: sedikova7@yahoo.com

Аннотация. На вещевом археологическом материале из раскопок Херсонеса рассматривается вопрос о месте Херсона (средневекового Херсонеса) в геополитических реалиях XIII столетия. После падения византийской столицы Херсон вошел в состав Трапезундской империи. Анализ групп археологических находок дает представление о городе, как неотъемлемой части византийской цивилизации. Однако, новые политические и экономические силы в средиземноморско-причерноморском регионе – итальянцы, сельджуки, влияют на характер международных связей Херсона. Северные связи иллюстрируются находками, характерными для культуры Древней Руси. Южные связи Херсона в XIII в. были, в основном, экономическими, в то время как северные носили, в том числе, духовный характер.

Ключевые слова: Херсон, XIII в., Трапезунд, мусульманский Восток, Латинская Романия, Древняя Русь.

Значение Херсонеса (средневекового Херсона) как центра взаимодействия культур и цивилизаций трудно переоценить. Для Византии город был не только центром транзитной торговли, духовным и военным форпостом, но и местом взаимодействия и взаимопроникновения культур. После захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. и распада Византийской империи Херсон вошел в сферу влияния Трапезундской империи [Якобсон, 1959. С. 28]. Сохранилось очень мало письменных свидетельств, отражающих этот период истории города. Охарактеризовать состояние материальной и духовной культуры города и его контактов в XIII в. удастся, в основном, по находкам из слоя разрушения города, связанного, по всей вероятности, с татарским нашествием.

Анализ материальной культуры Херсона дает основание полагать, что в XIII в. город представлял собой осколок византийского мира. Византийские традиции проявлялись во всем – в градостроительстве и архитектуре, ремесле и торговле, а также в духовной сфере [Голофаст, 2009. С. 275–377; Голофаст, 2008. С. 345–384].

Новые геополитические реалии были связаны с появлением на юге новой мощной политической и экономической силы. Главными соседями и конкурентами державы Великих Комнинов в Малой Азии становятся мусульмане-сельджуки – Конийский султанат [Шакуров, 2001, С. 57], во взаимоотношения с которыми не мог не быть вовлечен Херсон. Характер этих отношений хорошо иллюстрирует сюжет, изложенный в «Синописе чудес св. Ев-

гения». Речь идет о захвате судна с собранным в Херсоне и Климатах Готии ежегодным государственным налогом, направлявшимся в Трапезунд и жесткой реакции на это событие императора Андроника I Гида [Айбабин, 2020. С. 504].

О широком использовании в черноморском регионе сельджукских монет свидетельствует, в частности, приведение городского выпуска монет с монограммой «ро» к номиналу сельджукских медных дирхемов [Алексеев, 1996. С. 189]. Тем не менее, это обстоятельство не отражает реальные масштабы контактов Херсона с султанатом.

К материальным свидетельствам контактов Херсона в XIII в. с мусульманским миром относятся находки восточной художественной бронзы, в частности бронзовых ступок, пенала [Даркевич, 1976. С. 132. Табл. 47], светильников, чаш [Византийский Херсон, 1991. С. 212–214] и фигурных замков [Седикова, 2017. С. 82]. Мотивы, использованные для их декора, имеют аналогии в сельджукском искусстве Анатолии и Армении [Залеская, 2011. С. 100–101]. Херсонесский художественный металл наиболее близок иранским образцам.

Из мусульманского мира пришли в Херсон и керамические изделия. К таковым относятся фрагменты иранской поливной посуды [Залеская, 2011. С. 100. Кат. 474; Гинькут, 2017. С. 28], сирийские кашинные поливные и неполивные сосуды [Sedikova, 2015. P. 177. Fig. 7.1-2; Гинькут, 2017. С. 28], а также стеклянные изделия с росписью золотом и цветными эмалями [Голофаст, 2021. С. 112–122].

Восточные ремесленные традиции были широко распространены в Малой Азии. Их влияние, в том числе в архитектурном декоре, просматривается и в Херсоне [Искусство Византии, 1977, С. 904. Кат. № 907]. Остается открытым вопрос, имел ли Херсон прямые торговые контакты с мусульманскими странами в XIII в., или эти контакты осуществлялись при посредничестве итальянцев.

Начиная с XIII в. в Таврике все большую роль играют итальянские торговцы. Совокупность западноевропейских владений, в том числе республик Генуи и Венеции, на территории Византии в историографии получила название Латинской Романии [Карпов, 2000. С. 9]. Сеть опорных пунктов венецианцев и генуэзцев протянулась от Средиземного до Азовского морей. Большое количество поселений, крепостей и факторий генуэзцев появилось на побережье Черного моря, а с 60-х годов XIII в. – в Крыму. Вместе с тем, после

падения Константинополя Херсон не потерял связь с бывшей имперской столицей.

Не вызывает сомнения факт поступления в Херсон в XIII в. ряда товаров, считавшихся исключительно византийскими, производившихся и при латинском владычестве. Так, константинопольская белоглиняная поливная посуда, Glazed White Ware IV по Дж. Хейсу, поступает в Херсон и после латинского завоевания византийской столицы [Sazanov, 2006. P. 91–92]. Однако путь поступления этих товаров в город не ясен.

Собственно западноевропейских предметов в Херсоне найдено не много. Самой яркой находкой является бронзовая чеканная чаша с аллегорическим изображением человеческих грехов, местом производства которой называют Нижний Рейн [Яшаева и др., 2011. С. 549. Кат. 248]. Из бытовых предметов можно отметить пряжки поясных наборов западноевропейского происхождения. Такие находки могут свидетельствовать о присутствии в городе латинского контингента, в имущество которого входили подобные вещи. Можно предположить, что они попали в Херсон на латинских судах, детальное изображение одного из которых воспроизведено в технике граффити на стенке пифоса, найденного в кладовой одной из усадеб [Седикова, Рабинович, 2013. С. 40–42]. Однако, следует отметить, что документов, свидетельствующих о присутствии в городе в XIII в. официальных латинских представителей, не известно.

Роль Херсона в товарообмене между Византией и Русью к XIII столетию, видимо, значительно снизилась. В XII в. роль торговых посредников между греками и русичами принадлежала сначала половцам, затем венецианцам, и в конечном итоге, была полностью взята под контроль генуэзцами [Якобсон, 1950. С. 26]. Осталась ли у Херсона XIII в. функция торгового посредника между Русью и средиземноморскими регионами, пока сказать сложно. Археологических свидетельств наличия древнерусских товаров (меха, воск и прочее), по понятным причинам, обнаружено не было.

Археологические находки, однозначно имеющие древнерусское происхождение, по функциональному назначению делятся на две неравные группы. К первой группе можно отнести предметы, связанные с ремеслом и торговлей. Почти в каждой усадьбе, погибшей в пожаре XIII в. встречаются шиферные пряслица из овручского сланца [Якобсон, 1985. С. 118–119; Голофаст, Рыжов, 2003.

С. 223; Рабинович, Седикова, Хеннеберг, 2009. С. 221]; в западном районе города найдены двенадцать серебряных гривен новгородского типа [Якобсон, 1958. С. 119–120].

Ко второй группе относятся многочисленные культовые предметы – киотный крест с изображением распятия и предстоящими [Белов, Якобсон, 1953, С. 147. Рис. 30], серия крестов-энколпионов с изображениями Распятия, Богоматери и святых [Zalesskaya, 2005. P. 112. No. 82; Рыжов, Яшаева, 2003. С. 107. Кат. № 42. Табл. 57; Пятышева, 1969. С. 157; Якобсон, 1950. С. 35. Рис. 2,1; Яшаева, 2005. С. 123. Рис. 4,1 и др.], а также бронзовые нагельные кресты [Яшаева и др., 2011. С. 529. Кат. 204]. Количество культовых предметов древнерусского происхождения, найденных в Херсонесе, достаточно велико.

Отдельно следует упомянуть известняковый блок с прочерченным изображением процветшего креста и паломническими текстами на кириллице, датируемые XII – началом XIII в. [Гиппиус, Романчук, 2018. С. 48]. Во время написания А. Л. Якобсоном статьи о русско-корсунских отношениях [Якобсон, 1958. С. 116–128] раскопанная территория, имеющая надежные стратиграфические привязки, была достаточно ограниченной. Тогда находки древнерусских культовых предметов в пределах одного квартала в Северном районе города позволили высказать предположение о принадлежности построек русскому

кварталу. Сегодня, когда раскопанная площадь городища значительно увеличилась, можно констатировать, что находки древнерусских крестов встречаются практически во всех районах города. При этом, среди вещевого материала усадеб с находками древнерусских артефактов встречаются яркие восточные предметы с арабскими надписями [Рабинович, Седикова, Хеннеберг, 2009. С. 221]. Из этого следует, что подобные находки не могут однозначно указывать на этническую принадлежность обитателей усадеб. По всей вероятности, какую-то небольшую часть населения города составляли выходцы из Древней Руси, которые приезжали с коммерческими целями, а также с паломническими миссиями. Были ли это краткосрочные визиты, когда приезжие могли брать жилье в аренду у горожан, или имели возможность приобрести постоянное жилье – вопрос открытый. То, что духовно близкий русичам город также мог стать прибежищем для отдельных обитателей Поднепровья с началом татарских набегов, выглядит весьма вероятным.

Таким образом, Херсон в XIII столетии, будучи неотъемлемой частью византийской цивилизации, находился в экономической и политической зависимости от Латинской Романии; при наличии торгового обмена, имел сложные политические отношения с мусульманским Востоком, а также являлся важным центром притяжения для духовно близкого населения Древней Руси.

Литература

- Айбабин А. И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 493–512.
- Алексеевко Н. А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII в. // Херсонесский сборник. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
- Антонова И. А., Голофаст Л. А., Романчук А. И., Рыжов С. Г. Византийский Херсон. Каталог выставки. М.: Наука, 1991. 256 с.
- Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 109–159. (МИА. № 34).
- Гинькут Н. В. Некоторые виды сирийской и иранской керамики XII–XIV вв. из раскопок Херсонеса // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Международная научная конференция. Тезисы докладов. М., 2017. С. 27–29.
- Голофаст Л. А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV. С. 345–384.
- Голофаст Л. А. Градостроительный облик Херсона в XIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV. С. 345–384.
- Голофаст Л. А. Несколько групп стеклянных сосудов из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. XXVI. С. 107–142.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. Вып. X. С. 182–260.
- Даркевич В. П. Художественный металл Востока. VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Залеская В. Н. Артефакты византийского Херсона в историко-культурном контексте // Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь, Остин, 2011. С. 88–130.
- Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. 3. М.: Советский художник, 1977. 180 с.
- Карпов С. П. Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.

- Пятышева Н. В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. М., 1969. С. 141–158.
- Рабиновиц А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV. С. 196–274.
- Рыжов С. Г., Яшаева Т. Ю. Каталогные описания. № 42 // Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 107.
- Седикова Л. В., Рабиновиц А. Новые граффити с изображением кораблей из Херсонеса // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Сборник научных трудов. Севастополь, 2013. С. 37–46.
- Седикова Л. В. Восточные связи Херсонеса по данным раскопок квартала 50 // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Международная научная конференция. Тезисы докладов. М., 2017. С. 81–82.
- Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 260 с. (МИА. № 17).
- Якобсон А. Л. К истории русско-корсунских связей (XI–XIV вв.) // Византийский временник. 1958. Т. XIV. С. 116–128.
- Яшаева Т. Ю. Сакральная сущность энколпионов: реликварий – крест – икона // Символ в религии и философии. Сборник научных трудов. Севастополь, 2005. С. 121–130.
- Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь, Остин, 2011. 707 с.
- Sedikova L. Glazed Ware from the Mid Thirteenth Century destruction Layer of Chersonesos // Fact and fiction in Medieval and Post-medieval ceramics in the Eastern Mediterranean. Are we on the right track? First Amsterdam Meeting on Byzantine and Ottoman Archaeology. Amsterdam, 2011. P. 273–286.
- Sazanov A. Byzantine pottery “Glazed White Ware IV” by J. Hayes in the Northern Black Sea Coast region: deposits, typology, chronology and technology // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. Vol. III. London, 2006. P. 91–92.

ОДИН ИЗ ТИПОВ РАННЕКРУГОВОЙ ПОСУДЫ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА: ПРОДУКЦИЯ ГОНЧАРА ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВОВИЧА?¹

Плохов А. В.

*Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
E-mail: a_plokhov@mail.ru*

Аннотация: *Статья посвящена находкам на памятниках Верхнего Поволжья ранне-круговой посуды, имеющей аналогии на территории степного междуречья Дуная и Днепра. Предлагается гипотеза, объясняющая появление отмеченной схожести в керамическом материале.*

Ключевые слова: *Рюриково городище, Великий Новгород, Деревяницкий могильник, балкано-дунайская культура, Святослав Игоревич, Владимир Святославович, средневековая керамика.*

В керамическом комплексе Новгородского (Рюрикова) городища – древнейшего и самого значительного торгово-ремесленного и военно-административного центра Приильменя кануна образования Древнерусского государства – можно выделить один из типов раннекруговой посуды, который, на мой взгляд, важен для изучения истории, хронологии и планиграфии памятника.

Этот тип объединяет горшки с S-овидной профилировкой. Все они изготовлены методом скульптурной лепки из обычной для Рюрикова городища формовочной массы – глины с добавлением дресвы. Величина последней в основном до 2,5 мм. С помощью гончарного круга у сосудов обработана внешняя и частично внутренняя поверхности, а также профилированы верхние части горшков. В отличие от других S-овидных сосудов, у изделий рассматриваемого типа край венчика оформлен не прямым или косым срезом, а огранен (рис. 1; 2). На некоторых венчиках можно отметить слегка намеченные оттяжки. Такие очертания края венчиков получили в результате обтачивания гончарным ножом, и в зависимости от наклона лезвия инструмента, а также распределения его усилий они несколько отличаются.

Чаще всего горшки украшает зональный орнамент, состоящий из горизонтальных линий, нанесенных концом палочки или гончарного ножа. Между двумя орнаментальными зонами, расположенными на плечике и тулове, имеется пространство, которое у многих сосудов остава-

лось недекорированным. У части горшков оно украшено многорядной волной, выполненной зубчатым орудием. На нескольких фрагментах отмечен ряд параллельных наклонных оттисков зубчатого штампа.

Рассматриваемые сосуды В. М. Горюнова включила в вариант I-B второй группы, самый многочисленный среди раннегончарной керамики X в. Рюрикова городища [Носов и др., 2005. С. 85. Табл. 60]. Следует отметить, что горшки с ограниченным венчиком составляют значительную часть этого варианта. Фрагменты таких сосудов представлены в материалах всех раскопок, заложенных в разных частях городища, хотя не во всех местах их количество одинаково. По форме, профилировке венчика и декору рассматриваемый тип не показывает большого разнообразия. Складывается впечатление, что эта посуда была изготовлена в течение не очень продолжительного времени, причем, возможно, одним мастером. Хотя, нельзя исключать, что часть горшков была сделана его учениками или подражателями.

Кроме Рюрикова городища горшки с ограниченным венчиком представлены на Северо-Западе России только в материалах Великого Новгорода и Деревяницкого могильника.

На территории Новгорода древнейшие культурные отложения, относящиеся к X в., выявлены в четырех местах: на Неревском, Троицком раскопах и в северной части новгородского Детинца, расположенных на Софийской стороне на левом берегу Волхова, а также на Михайловском раскопе, находившемся на Торговой стороне на противоположном берегу реки. От керамических материалов из этих раскопок к на-

¹ Работа выполнена в рамках программы НИР по теме государственного задания № FMZF-2022-0015.

стоящему времени либо мало что сохранилось, либо они труднодоступны. Несмотря на это, в фондах Новгородского музея-заповедника в немногочисленной коллекции Неревского раскопа удалось обнаружить фрагмент горшка со слабо выраженной огианенностью края венчика. Он происходит из 30 пласта Неревского III раскопа, исследовавшегося в 1953 г. В материалах Троицкого X раскопа сосуда с краем огианенной формы зафиксировала В. М. Горюнова. Она отнесла такие горшки к третьей подгруппе I группы раннегончарной керамики Новгорода [Носов и др., 2005. С. 98. Табл. 111].

Часть горшка рассматриваемого типа найдена при исследованиях Деревяницкого могильника, расположенного на северной окраине современного Новгорода (рис. 3). Он происходит из раскопок В. Я. Конечского 1977–1979 гг. [Конечский, 1984]. К сожалению, не понятно, где конкретно он обнаружен. Возможно, сосуд связан с сопкой, снивелированной при устройстве древнерусского могильника с погребениями по обряду труположения.

Что можно сказать о датировке рассматриваемого типа керамики?

В раскопах 1977–1979, 1997–2000 гг. на северном берегу Сиверсова канала, где был отмечен наиболее мощный, к тому же стратифицированный раннесредневековый слой, включающий органические остатки, горшки варианта I-B зафиксированы в 1–3-м пластах. Согласно наблюдением В. М. Горюновой, основная масса такой керамики изготовлена на третьем этапе развития раннегончарной посуды Рюрикова городища, но начало ее производства исследовательница отнесла ко второму этапу [Носов и др., 2005. С. 90–95. Табл. 76].

В раскопе 1977–1979 гг., расположенном на северном берегу Сиверсова канала, все находки керамики с огианенным венчиком происходят из слоя черного гумуса. Этот слой сформировался выше отложений, в которых открыты остатки наружных хлебных печей, возводившихся в этом месте на протяжении нескольких десятилетий начиная с конца IX в. Предпоследняя печь имеет дедродату 944 г. Выше её была сооружена еще одна печь, которая, по мнению Е. Н. Носова, «использовалась в первые десятилетия после середины X в.» [Носов, 1990. С. 58; Плохов, 2021а. С. 47–50]. Очевидно, что слой черного гумуса начал формироваться не ранее 960-х гг. В нем были расчищены остатки срубного жилого дома. Углистое заполнение этой постройки и находки фрагментов ошлакованной керамики свидетельствуют о пожаре, в котором она погибла [Плохов, 2021б. С. 122–123. Рис. 3]. Пространственное распределение по площади раскопа 1977–1979 гг. фрагментов керамики ин-

тересующего нас типа схоже с данными по обломкам ошлакованных горшков и показывает явную связь этих находок со сгоревшим домом. Пожар, в огне которого сгорели жилые и хозяйственные постройки в разных частях поселения, произошел, по нашим представлениям, около 980 г. [Плохов, 2021б. С. 124–127]. Сверху слой черного гумуса перекрыт песчаной засыпью, образовавшейся в XI в. при перепланировке поселения после возвращения на него княжеской резиденции.

В центральной части Рюрикова городища на площади раскопов 1980-х гг. фрагменты горшков с огианенным краем венчика в основном сосредоточены вокруг большой постройки (рис. 4). Её остатки в виде песчаных и углистых прослоек зафиксированы в культурном слое в стенках раскопов 1982–1983 гг. [Плохов, 2022. С. 85. Рис. 4,А,Б]. Это сооружение также сгорело в пожаре около 980 г., о чем кроме углистых прослоек свидетельствуют найденные вокруг неё ошлакованные фрагменты раннекруговой керамики. В западной части исследованного участка, на площади раскопа 1981 г. немногочисленные обломки интересующих нас сосудов по большей части происходят из заполнений более ранних комплексов, превращенных ко второй половине X в. в помойные ямы.

Сосуды с огианенным краем венчика присутствуют среди ошлакованной керамики, но их немного. Возможно, что ко времени пожара 980 г. такие горшки уже перестали изготавливать. Так ли это, покажут дальнейшие исследования. Во всяком случае, в комплексе № 9, наиболее позднем сооружении «докняжеского периода» на раскопанной в 1980-х гг. центральной части памятника, которое датируется не ранее конца X – начала XI в., сосудов с подобным оформлением края венчика не отмечено [Носов и др., 2005. С. 96–97. Табл. 95].

Фрагмент горшка из Неревского III раскопа в Новгороде можно датировать последней четвертью X в. В материалах Троицкого X раскопа, по наблюдениям В. М. Горюновой, фрагменты сосудов с огианенным краем венчика представлены в 18–16-м пластах [Носов и др., 2005. С. 104. Табл. Б]. Культурный слой, отложившийся в этих пластах, по современному определению дендродат ярусов застройки относится к 960–1010 гг.

За пределами Северо-Запада России аналогии горшкам с огианенным краем венчика мне не известны ни среди средневековой западнославянской посуды южного побережья Балтики, ни среди продукции гончаров других регионов Древней Руси: на памятниках Верхнего Поволжья, Верхнего и Среднего Поднепровья. Единственным местом на территории Восточ-

ной Европы, где отмечены сосуды с похожим оформлением венчика, является Северо-Западное Причерноморье. Здесь они представлены на памятниках конца VIII – начала XI в. степного междуречья Дуная и Днестра, которые относятся к северо-восточной периферии так называемой балкано-дунайской культуры. Многие ученые считают эту культуру материальной культурой населения Первого Болгарского царства [Федоров, Негруша, 1979; Козлов, 2015].

А. Т. Смиленко и А. А. Козловским у средневековых кухонных сосудов средневековых поселений приморской части Днестро-Дунайского междуречья были выделены девять разновидностей венчиков с простой и сложной профилировкой. К последним отнесены экземпляры с манжетовидным и фигурным венчиком. Среди фигурных в основном представлены разнообразные венчики с остроконечным краем, в том числе имеющие аналогии на Рюриковом городище и в Новгороде [Смиленко, Козловский, 1987. С. 71. Рис. 3,2; 8,2,3].

В. И. Козлов у горшков с памятников балкано-дунайской культуры степной части Днестро-Дунайского междуречья отметил простую, усложненную и сложную разновидности профилировки венчика. Манжетовидные венчики он отнес к усложненным, а к сложным причислил экземпляры, оформленные «в виде нескольких угловатых граней, нервюр и бороздок» [Козлов, 2015. С. 144–145]. Среди опубликованных исследователем сосудов можно найти и экземпляры, похожие по профилировке венчика на горшки, найденные в Верхнем Поволховье. При этом очевидно, что на памятниках Северо-Западного Причерноморья остроконечные венчики более разнообразны [Козлов, 2015. Рис. 50; 58,3; 60,7; 61,1,4–6; 62,8–10; 63,14; 64,18–21; 65; 66,27–29; 67,31,33; 68,35,36,39; 69; 70,48–50 и т.д.], что не удивительно, ведь на поселениях этого региона представлены сосуды, изготовленные многими гончарами в течение длительного периода.

Кроме способа оформления края венчика сосудов, отмеченные удаленные регионы сближает также один из элементов украшения поверхности керамики. В декоре кухонных горшков балкано-дунайской культуры довольно часто встречаются длинные вертикальные или наклонные многорядные полосы, прочерченные по тулову поверх горизонтального линейного орнамента [Козлов, 2015. С. 142, рис. 51; 53,6,7,9–11; 54,1,4,5 и т.д.]. Некоторые исследователи считают подобную орнаментацию сосудов характерным отличием южнославянской посуды от западно- и восточнославянской [Федоров, Негруша, 1979. С. 50; Козлов, 1984. С. 133; Смиленко, Козловский, 1987. С. 77]. Однако на памятниках Верхнего Поволховья она хоть и редко, но встречается.

В 2011 г. на Рюриковом городище в раскопе на месте установки памятного знака «Княжий камень» был найден фрагмент стенки сосуда, у которого поверх орнамента из горизонтальных линий, выполненных зубчатым инструментом, имеются наклонные полосы, нанесенные тем же орудием (рис. 5, 1). Фрагмент происходит из комплекса № 2, в заполнении которого кроме лепной керамики отмечено некоторое количество обломков гончарных сосудов, в том числе и верхняя часть горшка с остроконечным краем венчика [Носов и др., 2017. С. 159. Рис. 71,3].

В Великом Новгороде фрагмент стенки сосуда, украшенного кроме горизонтальных линий также и вертикальными полосами, нанесенными трехзубым орудием, был найден в 1959 г. в 20-м пласте Неревского XXVI раскопа (рис. 5, 2). Его можно датировать последней четвертью X в. Обломки сосудов, украшенные «перекрещивающимся орнаментом» отмечены также в материалах Троицких XI и XV раскопов (рис. 5, 3, 4). Эти находки немногочисленны и представлены в древнейших горизонтах культурного слоя [Рудь, 2002. С. 32. Рис. 1,б. Табл. 1,5]².

Независимое появление на памятниках Верхнего Поволховья и Северо-Западного Причерноморья отмеченных особенностей в профилировке венчиков сосудов, а также в их декоре, на наш взгляд, маловероятно. Чем же тогда можно объяснить это сходство?

В Повести временных лет мы располагаем тремя связанными друг с другом известиями, которые могут послужить основанием для построения гипотезы, объясняющей появление отмеченных нами аналогий в керамическом материале. Под 6475 (867) г. в летописи записано: «Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемъ обоимъ, одолъ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеву, и съде княжа ту въ Переяславци, и емля дань на грецѣхъ». В следующем 6476 (968) г. после получения послания о приходе на «Руску землю» печенегов, находящийся в Переяславце «Святославъ вборзъ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, и цѣлова мать свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собра вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ». Далее, после смерти княгини Ольги, под 6478 (970) г. говорится, что к Святославу «придоша людье ноугородьстии, просяще князя собѣ ... И пояша ноуго-

² К сожалению, в публикации О. А. Рудь, изучившей орнаментацию керамики Троицкого XI раскопа, нет данных о точном количестве фрагментов сосудов с «перекрещивающимся орнаментом», а также об их датировке. В работе П. Д. Малыгина с коллегами горшок с подобным декором отнесен к подтипу 1 типа III, который датирован 970–1020 гг. [Malygin et al., 2006. P. 65, 70. Fig. 4.3,17].

родьци Володимера к собѣ, и иде Володимирь съ Добрынею уемъ своимъ, Ноугороду, а Святославъ къ Переяславью» [ПВЛ, 1996. С. 31–33].

Эти события частично находят подтверждение в византийских письменных источниках. Так, у Иоанна Скилицы в «Обзрении историй» говорится, что «Росы ... напали на Болгарию, разорили многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе» [Лев Диакон, 1988. С. 121].

Точное местонахождение Переяславца не установлено. Имеются разные претенденты [Barnea, Ștefănescu, 1971. P. 14, 163; Коновалова, Перхавко, 2000. С. 53–69; Франклин, Шепард, 2009. С. 237]. Есть предположение, что наиболее приемлемое его месторасположение – это позднеантичная крепость Новиодунум, расположенная на территории современного румынского города Исакча. Этот памятник, находящийся на пересечении сухопутных и водных путей, является местом наибольшей концентрации монет и печатей IX–XI вв. в дельте Дуная [Костова, 2015. С. 343–345. Обр. 6].

Можно предположить, что из первого похода в Болгарию с Подунавья в Киев был приведен

гончар, который затем в обозе Владимира Святославовича отправился в Новгородскую землю. Нельзя также исключать и другой вариант. Вполне возможно, что в многотысячном русском войске Святослава Игоревича, участвовавшем в первом болгарском походе, кроме профессиональных воинов, был ремесленник, позаимствовавший в Подунавье некоторые приемы профилировки венчиков и декорирования горшков.

В любом случае, появление на памятниках Верхнего Поволжья горшков с оградным венчиком следует, на мой взгляд, связывать с вокняжением в Новгороде Владимира Святославовича. Это позволяет ограничить дату появления таких сосудов в Северной Руси 970 г.³, а также дает возможность по находкам данной керамики установить планиграфию Рюрикова городища времени пребывания на поселении князя Владимира, то есть 70-х гг. X в.

³ Если второй поход Святослава на Болгарию начался, как полагают многие ученые, в 969 г. [Карышковский, 1952; Barnea, Ștefănescu, 1971. P. 13–14, 71; Сахаров, 1982. С. 134, 146; Франклин, Шепард, 2009. С. 237], видимо, и отъезд Владимира Святославовича в Новгород следует датировать этим годом.

Литература

- Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // Византийский Временник. 1952. Т. V. С. 127–138.
- Козлов В. И. Керамика поселения X в. у с. Сафьяны // Новые археологические исследования на Одешине / Отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 126–135.
- Козлов В. И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI веков: балкано-дунайская культура. Казань; СПб.; Кишинев: Stratum plus, 2015. 323 с.
- Конечный В. Я. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник. 1984. Вып. 2(12). С. 39–61.
- Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 272 с.
- Костова Р. Северната част на Западночерноморското крайбрежие от края на X до края на XII в.: селищният модел на една византийска периферия // Плиска-Преслав. 2015. Т. 11. С. 333–350.
- Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Носов Е. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.
- Плохов А. В. Новое в изучении «хлебных» печей Рюрикова городища // Археологические вести. 2021а. Вып. 31. С. 41–52.
- Плохов А. В. Пожар последней четверти X в. на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2021б. Вып. 34. С. 119–128.
- Плохов А. В. Планиграфия и хронология раннесредневекового Рюрикова городища по материалам раскопок 1980-х гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2022. Вып. 35. С. 181–196.
- Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; ред. В. П. Адрианова-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 669 с.
- Рудь О. А. Попытка классификации орнамента Новгородской средневековой керамики на материалах Троицкого XI раскопа // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2000. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2002. С. 28–33.
- Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1991. 240 с.
- Смиленко А. Т., Козловский А. А. Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. / Отв. ред. А. Т. Смиленко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 67–83.

Федоров Г. Б., Негруша В. М. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований / Отв. ред. Д. Ф. Марков. М.: Наука, 1979. С. 48–56.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 672 с.

Barnea I., Ștefănescu Șt. Din istoria Dobrogei. Vol. III. Bizantini, români și bulgari la Dunărea de Jos. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1971. 440 p. (Biblioteca historica Românie. IX).

Malygin P. D., Gaidukov P. G., Stepanov A. M. Typology and chronology of Novgorod pottery of the 10th to 15th centuries (based on material from the Troitsky XI excavation) // The Pottery from Medieval Novgorod and Its Region / Ed. C. Orton. London: UCL Press, 2006. P. 53–77. (Archaeology of Medieval Novgorod. Vol. 1).

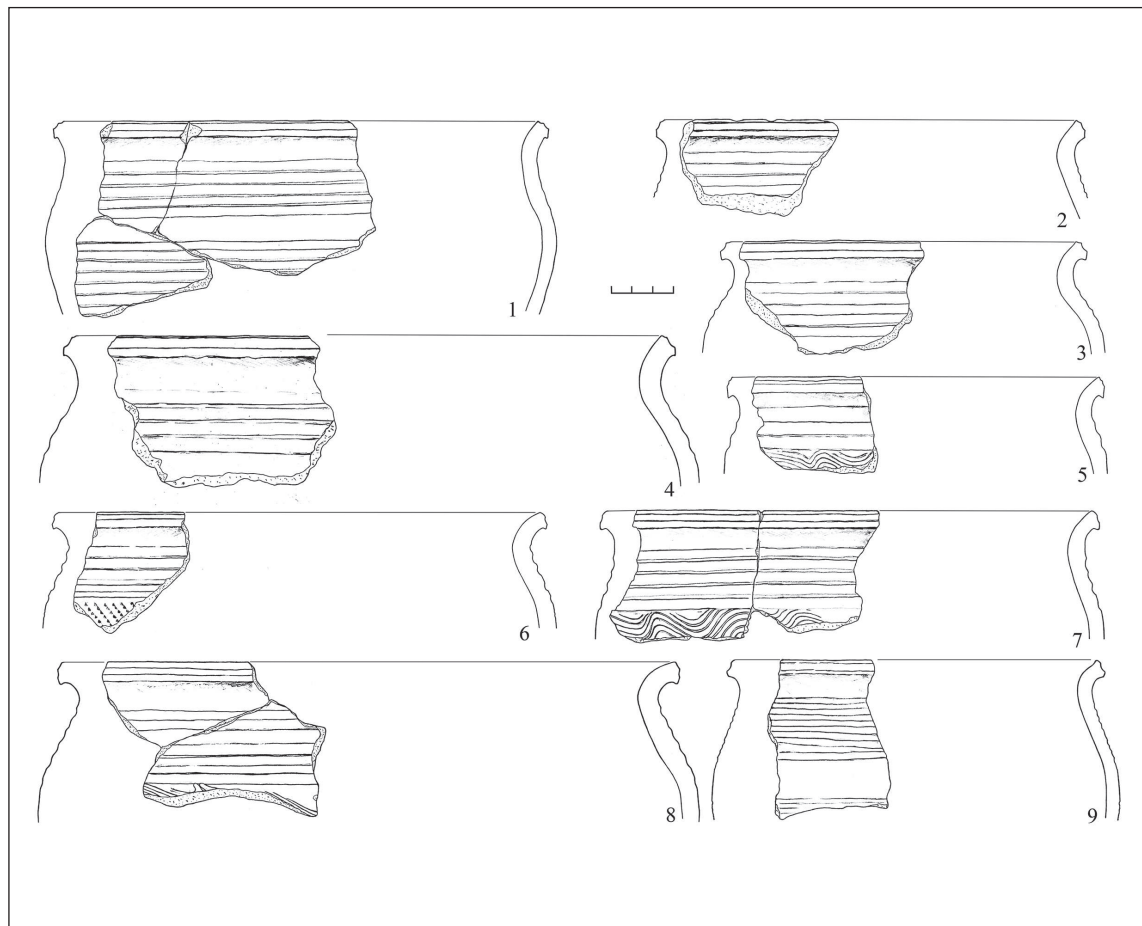

Рис. 1. Фрагменты раннекруговых горшков с ограниченным краем венчика с Рюрикова городища

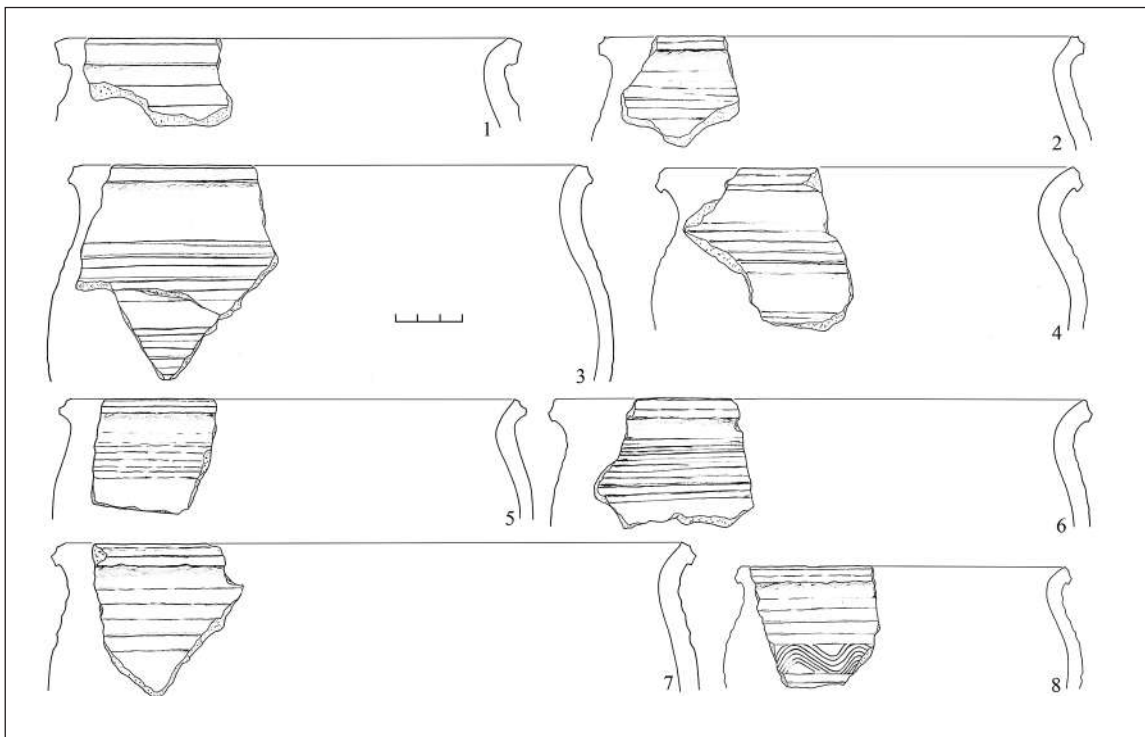

Рис. 2. Фрагменты раннекруговых горшков с оgranенным краем венчика с Рюрикова городища

Рис. 3. Раннекруговой горшок из Деревяницкого могильника

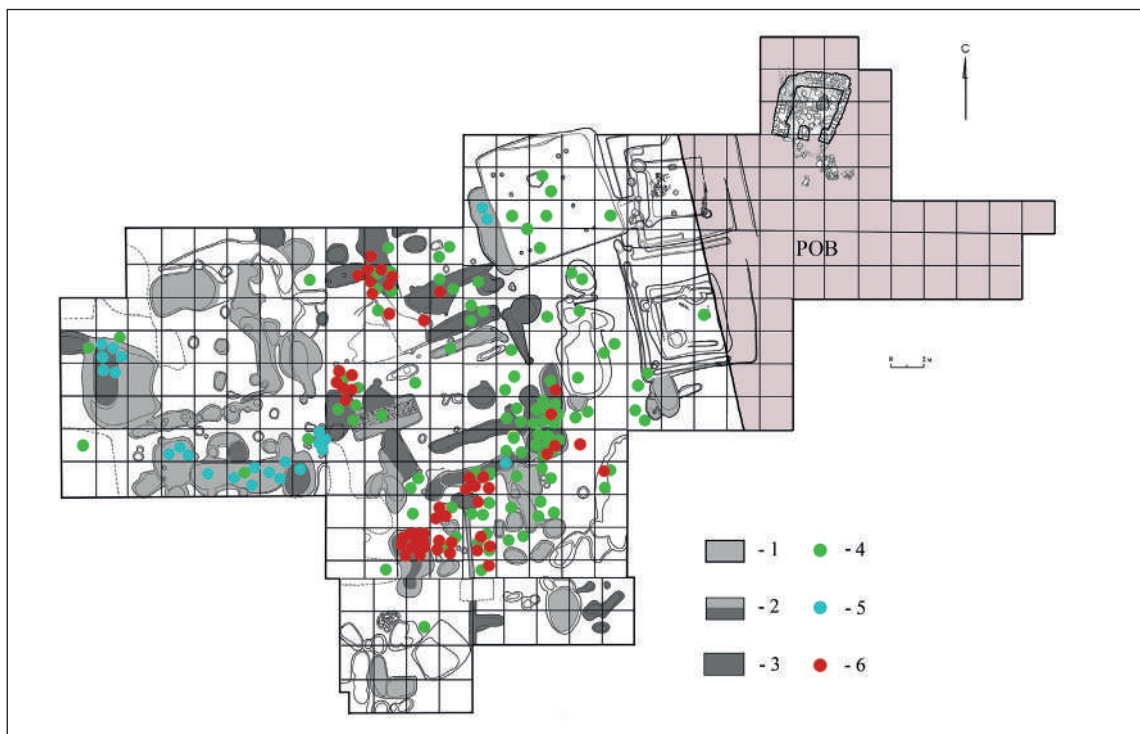

Рис. 4. Рюриково городище. План раскопов 1980-х гг. Условные обозначения:
 1 – комплексы раннего средневековья с лепной и раннекруговой керамикой;
 2 – с лепной керамикой в нижней части заполнения; 3 – с лепной керамикой;
 4 – фрагмент верхней части горшка с ограненным краем венчика,
 найденный в культурном слое; 5 – найденный в заполнении комплекса;
 6 – фрагмент ошлакованной раннекруговой керамики

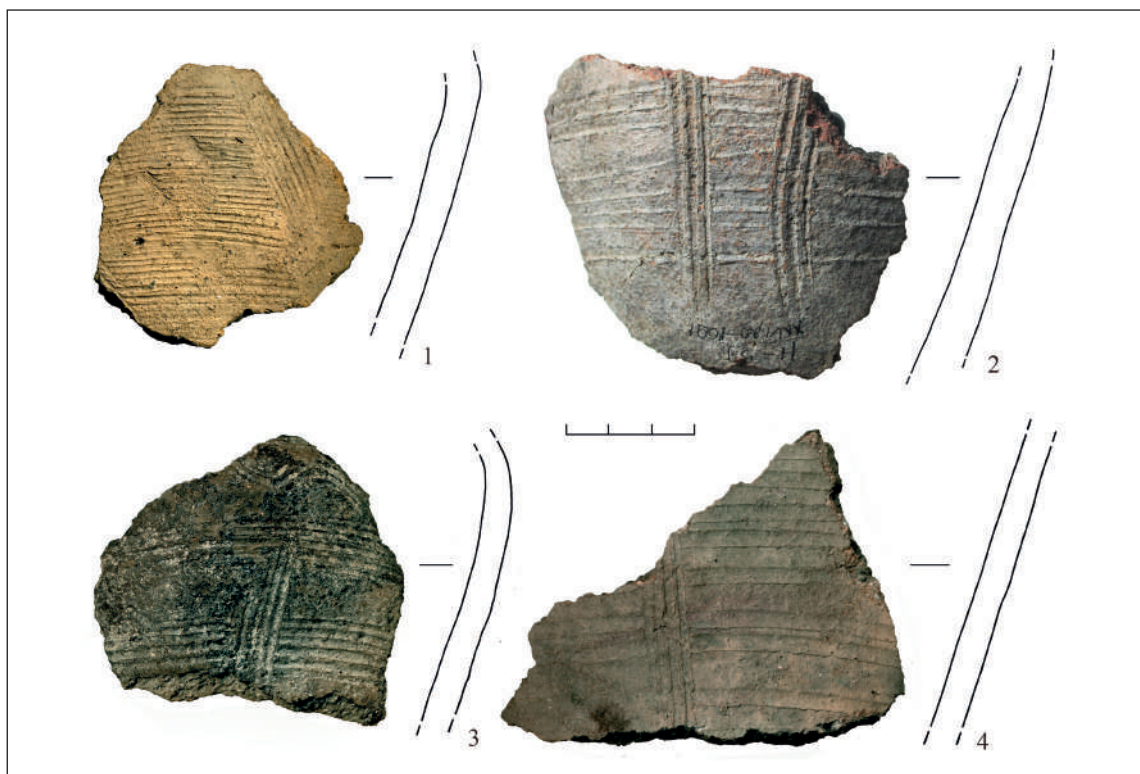

Рис. 5. Фрагменты раннекруговых горшков: 1 – Рюриково городище;
 2 – Новгород, Неревский XXVI раскоп; 3, 4 – Новгород, Троицкий XV раскоп

САМОСДЕЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ

Зиливинская Э. Д.

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
E-mail: eziliv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена некоторым итогам исследований Самосдельского городища, расположенного в дельте Волги. Памятник стал известен в 90-е гг. XX в., так как на тот момент являлся единственным известным городищем домонгольского периода в Нижнем Поволжье. Раскопки здесь ведутся уже более двадцати лет. Его расположение в Низовьях Волги на острове, а также обилие кирпичных построек и наличие керамики X–XII вв. позволило выдвинуть предположение, что здесь находилась столица Хазарского каганата – Итиль. В настоящее время периодизация памятника выглядит следующим образом. Верхние слои, насыщенные постройками из обломков обожженного кирпича, относятся к золотоордынскому времени. Их отделяет от нижележащих слоев пожара, который можно связать с монгольским завоеванием. Наиболее мощные слои XI–XII вв. исследователи связывают с городом Саксином, известным до сих пор только по письменным источникам. В них также много построек, в том числе и многокомнатных, из кирпича вторичного использования. Изначальные кирпичные сооружения находились, скорее всего, в нижних слоях, которые можно отнести к хазарскому периоду. Однако гипотеза о соотношении Самосдельского городища с Итилем имеет в научном сообществе много противников.

Ключевые слова: средние века, Нижнее Поволжье, золотоордынский период, монгольское нашествие, Хазарский каганат, болгары, огузы, хазары, крепость, лепная керамика, салтовская керамика.

Самосдельское городище, расположенное в дельте Волги, получило известность в 90-е годы прошлого века в связи с тем, что это был на тот момент единственный поселенческий памятник домонгольского периода в Нижнем Поволжье. В начале 1990-х гг. астраханскими археологами были проведены разведки, небольшие раскопки и составлен топографический план памятника. Эти работы показали, что основная часть городища находится на древнем острове, со всех сторон, окруженном пересохшими протоками. Были обнаружены ещё две части поселения – на правом и левом берегах Волги. Расположение памятника и его структура, а также находка нескольких салтовских сосудов в культурном слое, позволили выдвинуть предположение, что здесь находилась столица Хазарского каганата Итиль. Восточные авторы (например, ал-Масуди) пишут о том, что Итиль состоял из трех частей, причем центральная, на которой находился укрепленный дворец правителя, располагается на острове и соединяется с одним из берегов реки понтоном мостом. Похожее описание трех частей или трех городов есть в письме царя Иосифа [Заходер, 1962. С. 167–202].

В 2000 г. по инициативе Российского Еврей-

ского конгресса была создана Самосдельская экспедиция, которая работает уже более двадцати лет. В настоящее время она организуется Астраханским государственным университетом, Институтом этнологии и антропологии РАН и Государственным историческим музеем. За это время проведены масштабные комплексные исследования с привлечением различных специалистов – почвоведов, археозоологов, археоботаников, антропологов, керамистов, материаловедов (специалистов по стеклу, тканям, кости). Но основное внимание уделяется все же непосредственно раскопкам. На основе анализа материалов Самосдельского городища к настоящему времени написаны и защищены две кандидатских диссертации по изучению поливной и неполивной керамики [Болдырева, 2016; Попов, 2018]. Анализ и интерпретации результатов исследований на Самосдельском городище посвящена обширная библиография, включающая в себя более сотни наименований.

Основные раскопы заложены на главной части городища, которая находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги и окруженном со всех сторон пересохшими руслами. Она располагается на правом берегу

Старой Волги. Значительные выходы культурного слоя имеются ниже по течению в районе паромной переправы. Таким образом, правобережная половина городища состояла как минимум из двух частей. В 2005 г. была сделана аэрофотосъемка городища, которая показала, что в центре острова предположительно находится крепость треугольной формы со стенами, сложенными из обожжённого кирпича. Размеры возвышенности – 350×350×120 м. Внутри этого треугольника сосредоточено наибольшее количество обломков кирпича и керамики. Толщина культурного слоя достигает здесь 3 м, в то время как в остальных частях городища она убывает до 40–60 см.

Наличие культурных напластований IX–XIV вв. было выявлено и на левом берегу Старой Волги, на территории села Самосделка, на бэровском бугре. С юга к бугру примыкает территория левобережного Самосдельского селища, где проводились раскопки в 2018 г. На нём были выявлены остатки юртообразных жилищ, затопленных в результате резкого подъёма воды в Волге, который произошёл ранее XI в. Здесь же располагается кладбище, синхронное селищу, где были выявлены захоронения, выполненные по мусульманскому обряду [Васильев, 2018, С. 27–29].

Таким образом, Самосдельское городище на правом берегу Волги, Правобережное и Левобережное селища, а также грунтовый могильник позволяют определить памятник как Самосдельский археологический комплекс. Общая площадь памятника, известная на данный момент, составляет около 5 кв. км, что для эпохи средневековья является весьма значительной величиной.

Культурные отложения городища перекрыты мощными (доходящими местами до 2 м) отложениями окатанной керамики и обломков кирпичей, речной ракушки и песка. Это слои затопления, образовавшиеся в ходе двух трансгрессий Каспия – первая представляла собой постепенный подъем уровня воды в море и в реке с начала X по середину XIV в., причем XIII по середину XIV в. этот процесс принял катастрофический характер. Вода отступила в XVIII в., о чем свидетельствуют отдельные находки монет этого времени в островной части городища, но снова на короткое время затопила памятник в XIX в.

Исследования на Самосдельском городище велись на трех раскопах площадью более 1000 кв. м. Раскоп 1 расположен в центральной части предполагаемой крепости, раскоп 2 был разбит в южной ее части с целью поиска стены крепости, раскоп 3 находится в восточной части возвышенности в прибрежной зоне. В настоящее время раскопы 1 и 2 полностью доведены до материка. Это позволяет нам достаточно уве-

ренно говорить о хронологии и периодизации существования памятника.

В верхних слоях, которые можно уверенно датировать золотоордынским временем (ранее мы относили их к домонгольскому периоду), находится большое количество построек из обломков обожжённого кирпича [Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2003, С. 83–122]. Это однокомнатные жилые дома, землянки, мастерские. Стены некоторых из них могли быть сложены целиком из обломков кирпичей, но в основном стены имели кирпичные цоколи, на которые были поставлены глинобитные стены с каркасом из дерева (так называемые фахверковые). Планировка не была беспорядочной: на 1 раскопе четыре дома и землянка окружали небольшую площадь; на 2 раскопе дома примыкали к улице; на 3 раскопе постройки, в которых находились мастерские, были расположены рядами. Внутри жилых домов вдоль стен были сделаны узкие глинобитные лежанки – суфы, отапливались они при помощи печей-тандыров и коротких горизонтальных дымоходов – канов. Также в полах могли находиться очаги-сандали, сделанные из донца большого сосуда или поставленных на ребро кирпичей [Зиливинская, 2020]. Полы в домах были глинобитными, крыши сделаны из камыша. В культурном слое этого времени встречается большое количество монет и преобладает гончарная золотоордынская керамика.

В расположенном ниже слое XIII в. прослеживаются следы мощного пожара, который мы связываем с завоеванием города монголами. В результате многие сооружения были заброшены, некоторые обжигались повторно, но были полностью перепланированы [Васильев, 2010, С. 338–339]. В слое встречаются санитарные захоронения погибших людей и животных. Эти слои ранее интерпретировались нами как остатки города Суммеркента, о котором Г. Рубрук пишет, что «раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нём Аланы и Саррацины» [Путешествия..., 1957. С. 181]. Однако, сравнение описания маршрута Рубрука через дельту Волги с природными и географическими условиями расположения Самосдельского городища не позволяет однозначно идентифицировать его как Суммеркент. Возможно, остатками Суммеркента является городище Мошаик, расположенное на окраине современной Астрахани, а на Самосдельском городище в золотоордынское время продолжал существовать город Саксин, который под таким же именем упоминается в сочинениях восточных авторов XIV в. [Васильев, 2011. С. 64–72].

С Саксином мы связываем слои XI – начала XIII в. Именно в это время город достигает максимального расцвета. Наряду с турлучными

постройками здесь возникают многоквартирные дома со стенами из обожженного кирпича вторичного использования. В этих постройках почти нет целых кирпичей, но обломки более крупные, нежели в золотоордынский период. На некоторых кирпичах встречаются остатки известкового раствора, при том, что кладка ведется на глине. Также в кладке стен были обнаружены лекальные кирпичи, предназначенные для возведения куполов и сводов. Планировка города носила черты регулярности. На 2 раскопе была обнаружена узкая улица длиной около 60 м, которую пересекали две перпендикулярные улицы. К ней примыкали жилые дома и общественное здание.

Население Саксина занималось придомным скотоводством, рыболовством, отчасти земледелием. В городе были развиты ремесла, прежде всего, гончарное, а также обработка цветных и черных металлов, обработка кости, кожевенное и ткацкое производство. Наличие алхимической посуды (аламбиков, сферокопусов, сосудов для деконтации) свидетельствует о высоком уровне технологий. Процветание города было связано, прежде всего, с его местоположением на Волго-Каспийском торговом пути. Саксин являлся перевалочным пунктом, куда поступали товары из Ирана, Средней Азии, Сирии, Египта, Кавказа и Закавказья, Волжской Болгарии, Руси.

О том, что на Самосдельском городище мог находиться город Саксин, свидетельствуют данные письменных источников. Прежде всего, сведения об этом городе находятся в сочинениях Абу Хамида ал-Гарнати, который прожил в Саксине 20 лет. Ал-Гарнати помещает Саксин в стране, где имеется «тысяча рек», богатых рыбой, описывает бэровские бугры, характерные для дельты Волги, соляные озёра выше по течению, а также точную ширину реки в районе Саксина. Ал-Гарнати описывает народы, живущие в Саксине – «сорок племён» огузов, хазар, болгар, сувар, а также множество («тысячи») мусульманских купцов из арабских стран [Ал-Гарнати, 2010. С. 31–33]. Среди керамического комплекса Самосдельского городища отчетливо выделяется лепная керамика с «пышным» орнаментом, которая характерна для огузов, особенно оседлых, населявших низовья Сырдарьи, и гончарная посуда общеполгарского облика, которую можно связать с савирами.

Также ал-Гарнати упоминает о том, что в Саксине в качестве денежного эквивалента использовалось «черное олово», то есть свинец. На Самосдельском городище в слоях XI–XII вв. находится огромное количество свинцовых слитков [Васильев, Сьянова, 2012. С. 36–42]. Так же были найдены клады свинцовых слитков, причем в одной из полуземлянок вес такого клада составлял около 400 кг [Зиливинская, 2021. С. 243].

Таким образом, совпадение элементов материальной культуры со сведениями письменных источников позволили с большой долей достоверности утверждать, что Самосдельское городище является остатками города Саксина XI–XIII вв. [Васильев, 2015].

Нижние слои городища, которые мы датировем IX–X вв., не очень мощные (20–40 см) и сильно нарушены ямами более поздних периодов. Поэтому бывает довольно сложно выделить комплексы этого времени. К постройкам раннего периода относятся юртообразные жилища, турлучные наземные дома и полуземлянки с турлучными стенами. Какая-либо регулярная планировка не прослеживается. В этих слоях абсолютно отсутствуют постройки из обломков обожженных кирпичей. Это позволяет предположить, что здания из кирпича были возведены именно в ранний период. Впоследствии их разобрали и использовали кирпич вторично. На 1 раскопе на материке были найдены остатки разобранных комбинированных кладок, которые состояли из блоков известняка, кирпичей и крупной речной гальки.

Керамический комплекс Самосдельского городища можно разделить на несколько групп. Значительная по объему группа керамики представлена лепной кухонной посудой (горшки, котлы) из теста с обильной примесью навоза и шамота. Обжиг посуды этого типа – неровный костровой. Горшки слабо профилированы, декор отсутствует иногда на стенках встречаются тамги и граффити. Также для нижних слоев характерны котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными сплошными ручками-ушками. Они часто орнаментированы пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, прочерченными дуговидными полосами, встречается процарапанная тамга в виде «птичьей лапки». Подобные котлы широко распространены в VI–VIII вв. на огромной территории от Ферганской долины и Семиречья по всему бассейну Сырдарьи вплоть до ее низовий. Исследователи связывают их с огузо-печенежскими племенами. Лепные котлы с витыми и треугольными ручками известны в Семиречье и на Средней Сырдарье, где они датируются VIII–IX веками [подробно о котлах: Попов, 2009]. Эту керамику мы связываем с хазарским периодом существования поселения.

Интересно отметить почти полное отсутствие классических «салтовских» сосудов, которые обнаружены в количестве всего 4 экземпляров. То есть присутствие носителей аланской керамической традиции на Самосдельском городище не фиксируется. Без сомнения, эти сосуды являются привозными, но тоже подтверждают датировку.

Из нижних слоев на 1 раскопе были взяты образцы для радиоуглеродного датирования. Три

из них датируются периодом от середины VIII в. до второй половины IX в. (лаборатория Института географии РАН, даты калиброванные).

Таким образом, анализ археологического материала и данные радиоуглеродных анализов свидетельствуют о том, что Самосдельское городище возникает в хазарское время. В связи с этим возникает вопрос о возможности соотношения этого памятника с остатками какого-либо хазарского города, а именно со столицей Хазарского каганата Итилем.

Впервые идея о возможном нахождении Итиля, а впоследствии Саксина на Самосдельском городище была высказана С. А. Плетневой [Плетнева, 2000. С. 193–194]. Эта же мысль прозвучала из уст В. Я. Петрухина в телевизионной передаче А. Гордона в 2002 г. В статье 2006 г. этот же исследователь пишет, что Самосдельское городище датируется хазарским временем, VIII–X вв., и вероятнее всего является остатками Итиля, а впоследствии Саксина [Петрухин, 2006. С. 22–23]. Тем не менее, непосредственные исследователи памятника долгое время обходили этот вопрос стороной, так как считали, что имеющихся фактов недостаточно для столь категоричных заявлений. В 2008 г. РИА «Новости», а вслед за ним еще ряд изданий написали о «сенсационном открытии Итиля в дельте Волги». При этом некоторые корреспонденты сетовали на то, что ученые (в данном случае Э. Д. Зиливинская и Д. В. Васильев) слишком осторожны в своих выводах, в то время как наличие здесь Итиля очевидно. После этого замалчивать проблему стало невозможно, и мы выступили на II Археологическом съезде с докладом, в котором впервые выдвинули гипотезу о возможности рассматривать Самосдельское городище в качестве древней столицы Хазарского каганата [Зиливинская, Васильев, 2008. С. 224–226]. Соотнесение нижних слоев Самосдельского городища с Итилем, на наш взгляд, имеет следующие основания:

1. Планиграфия: расположение городища в дельте Волги на острове, окруженном со всех сторон протоками и разделенном ериками на несколько частей, что соответствует описаниям античных авторов.

2. Крепость: вероятность наличия на городище крепости, построенной из обожженного кирпича, поднимает статус города и связывает его с царской властью, поскольку кирпичное строительство в каганате являлось царской монополией [Ал Истахри, 2006. С. 747].

3. Жилища: в нижних слоях городища обнаружены юртообразные жилища, которые являются неотъемлемым атрибутом любого известного на данный момент укрепленного поселения хазарского времени.

4. Керамика: керамический комплекс хазарского времени из нижних слоёв Самосдельского городища.

5. Радиоуглеродные даты.

После этого заявления наше предположение было подвергнуто ожесточенной критике, причем в стане оппонентов оказались прежде всего те, кто с самого начала хотел видеть в этом памятнике Итиль. В связи с этим хотелось бы остановиться на работе В. С. Флерова «Что может ждать археологов на месте столицы хазарского каганата», основные положения которой были включены в его монографию [Флеров, 2009; 2011]. В этих работах автор с присущей ему тщательностью и скрупулезностью разбирает все существующие версии местоположения Итиля, исследует и препарирует сведения средневековых авторов, сравнивает их с археологическими данными. В результате В. С. Флеров приходит к следующим выводам:

1. Город находился в дельте Волги, и все его части были островными.

2. В нем находились кирпичные постройки; крепостные стены, возможно, были сырцовыми с кирпичной обкладкой.

3. В нижних слоях памятника могут быть остатки наземных камышовых и глинобитных построек, а также юртообразных жилищ.

4. Размеры городища около 1 кв. км.

5. Культурный слой Итиля может быть очень тонким, перекрытым более поздними напластованиями.

6. Если кирпичные постройки не сохранились, можно надеяться на находку кирпичей и кирпичного лома.

7. Абсолютно исключена уличная планировка.

8. Археологическая культура не обязательно должна быть салтово-маяцкой.

Всем этим признакам соответствует Самосдельское городище. Далее целый раздел посвящен разбору наших работ и делается вывод о том, что Самосдельское городище никак не может быть Итилем [Флеров, 2009. С. 138–141; 2011. С. 107–114]. Автор отмечает, что в статье 2003 г. об Итиле ничего не говорится, а средние слои мы сопоставляем с городом Саксином [Гречкина, Васильев, Зиливинская, 2003]. Далее он рассматривает работу 2007 г., посвященную ряду поселенческих памятников Нижнего Поволжья, в которой уникальность Самосделки определяется тем, что это поселенческий памятник домонгольского времени, в то время, как считалось, что таких памятников в Нижнем Поволжье нет [Зиливинская, 2007]. Но В. С. Флеров уже в этом видит «явный намек на предполагаемое автором открытие Итиля» [Флеров, 2009. С. 139].

Валерий Сергеевич отмечает отсутствие на городище собственно хазарской керамики (т.е.

салтово-маяцкой). Он не согласен с тем, что керамику IX в. мы называем «керамикой хазарского времени», а предлагает называть ее «керамикой болгарского и огузского времени». На Самосдельском городище действительно выделяются болгарская и огузская керамические традиции, однако в IX–X вв. Нижнее Поволжье входило в состав Хазарского каганата, а не в государство огузов или Великую Болгарию, поэтому логично говорить о хазарском времени. Кроме того, здесь автор противоречит сам себе, так как на предыдущей странице сам же приходит к выводу, что археологическая культура в Итиле не обязательно должна быть салтово-маяцкой. Непонятно также, что не устраивает оппонента в том, что единичные салтово-маяцкие сосуды, найденные на городище, мы называем «импортами из других частей Хазарии». Впоследствии в устном выступлении на конференции В. С. Флеров вообще отказался считать эти сосуды относящимися к культурному слою Самосдельского городища на том основании, что они найдены не в раскопе, а при рытье силосных ям. По его мнению, здесь мог находиться могильник VIII–IX вв., на котором в X в. было построено городище. Если следовать этой логике, никакие находки, найденные вне раскопа (в качестве подъемного материала или случайных находок при земляных работах) не могут служить для датировки ни одного памятника, из чего неминуемо следует, что результаты большинства разведочных работ не стоит принимать во внимание.

Далее следует пассаж о кирпичах, которых на Самосдельском городище великое множество самых разнообразных форматов. Не могу не согласиться с уважаемым Валерием Сергеевичем в том, что необходимо вести статистику размеров кирпичей, и в том, что лекальные кирпичи могли быть использованы для декорирования, а не возведения куполов и сводов. Но обычно все же трапцевидные кирпичи используются для кладки сводов, а не для украшения ровной плоскости стены. На Самосделке ввиду полной разобранности конструкций мы, скорее всего, этого так и не узнаем. Автор упрекает нас в том, что мы считаем наличие комбинированной кладки из кирпича, известняка и гальки аргументом в пользу Итиля. Он пишет, что такой тип кладки неизвестен в Хазарском каганате, и не может ни о чем свидетельствовать [Флеров, 2009. С. 139]. Здесь снова смещены акценты. Мы никогда не приписывали комбинированные кладки памятникам Хазарского каганата. В описании этих кладок важно не то, что они комбинированные, а то, что в самых ранних слоях и на уровне материка вообще присутствуют остатки кладок из обожженных кирпичей на известковом растворе. Большинство наших оппонентов, в том числе и В. С. Флеров, относят

эти кирпичи к более позднему периоду, то есть периоду Саксина (XI–XII вв.).

В. С. Флеров рассматривает также наше предположение о наличии на городище крепости. Четко видимый на аэрофотоснимке треугольник, внутри которого сконцентрирована основная масса кирпича, он отказывается даже предположительно считать цитаделью и называет «объектом». Не могу не согласиться с тем, что до того времени, пока части этого «объекта» не будут раскопаны, никакие окончательные выводы сделать нельзя. Но нельзя не отметить и тот факт, что в настоящее время в литературе фигурируют десятки хазарских (и других) крепостей, в то время, как подвергались раскопкам только единицы из них. Тогда уж остальные тоже следовало именовать «объектами». Что касается Самосдельского городища, то в 2017 г. здесь был найден участок массивной (около 1,5 м шириной) стены, сложенной панцирной кладкой. Массив стены был глинобитным, а боковые грани обложены кладкой из целых (не битых) обожженных кирпичей. Однако пока участок небольшой, предполагаемую стену нужно исследовать дальше.

Категорически не согласна с предположением В. С. Флерова о том, что крепость относится ко времени Саксина. Слои XI–XII вв. хорошо вычлениаются и датируются, и большинство построек из обожженного кирпича вторичного использования (обломков) находится именно в них. Если крепость строилась в это же время, то вероятно ее строили из целых кирпичей и одновременно разбирали, чтобы из битого кирпича строить жилища. Или же все эти вторичные кирпичи привезли откуда-то извне (из настоящего Итиля). Кроме того, Валерий Сергеевич неоднократно отмечал, в том числе и в этой работе [Флеров, 2009. С. 126], что производство обожженных кирпичей сложное и дорогостоящее. В Хазарии его могли организовать только представители центральной власти. Возникает вопрос, откуда могло взяться такое грандиозное количество кирпича в XI–XII вв. при отсутствии государственной власти на этой территории?

Говоря о находке юртообразных жилищ на Самосдельском городище, В. С. Флеров протестует против сравнения их с салтово-маяцкими, на основании отсутствия на городище салтово-маяцкой керамики. На самом деле мы сравнивали самосдельские постройки не только с салтово-маяцкими, но и другими синхронными по времени, в частности с болгарскими из Волжской и Дунайской Болгарии. Салтово-маяцкие жилища ближе всего к самосдельским территориально и по местоположению внутри крепостей. Валерий Сергеевич снова повторяет, что нужно копать и дальше, чтобы найти дворцы и несколько десятков юртообразных жилищ, а пока все это не найдено, никаких гипотез выдвигать

гать не нужно [Флеров, 2009. С. 141]. Нам тоже хотелось бы найти какие-нибудь дворцовые здания, но надежды на это мало, так как (в том случае, если они вообще были), скорее всего, они окажутся полностью разобранными. Что касается юртообразных жилищ, то в настоящее время мы нашли уже около десятка, но это ничего принципиально не изменило в восприятии периодизации городища.

И последнее. В. С. Флеров пишет о «чрезвычайно слабой изученности дельты» и о том, что там может быть найдено еще одно такое городище [Флеров, 2009. С. 141]. И, если оно будет найдено, то будет претендовать на то, чтобы считаться Итилем. Именно эту же мысль мы почти теми же словами неоднократно высказывали в различных докладах. В настоящее время в

дельте копаются новый памятник «Семибугры», исследователи которого в прессе уже объявили его Итилем. Отличает его от Самосделки наличие большого количества фрагментов салтовской керамики. Однако исследованы там пока небольшие площади, а полное отсутствие обожженных кирпичей не позволяет предполагать наличие дворца или крепости.

Таким образом, за прошедшие двадцать лет исследований на Самосдельском городище мы многое узнали об этом памятнике и нашли известный до сих пор только по письменным источникам город Саксин. Доказать достоверно, что Самосдельское городище в ранний период является остатками Итиля мы по-прежнему не можем. Тем не менее, данных полностью опровергающих эту гипотезу, также не существует.

Литература

- Абу Хамид ал-Гарнати. Сочинения. М.: Директ-Медиа, 2010. 184 с.
- Ал-Истахри – Ибн-Хаукаль. Китаб ал-масалик ва-мамалик (Книга путей и государств) // История Татар с древнейших времён в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Изд-во РухИЛ, 2006. С. 745–752
- Болдырева Е. М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2016. 250 с.
- Васильев Д. В. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населённых пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие: материалы Второй междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящённой памяти М. А. Усманова (Казань, 29–30 марта 2011 г.) / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2. С. 64–72.
- Васильев Д. В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 189–267.
- Васильев Д. В. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XIV Всерос. науч. конф. (Астрахань, 17 мая 2018 г.) / Отв. ред. Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин, И. В. Торопицын. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2018. С. 27–29.
- Васильев Д. В., Сьянова О. А. Свинцовые изделия из материалов Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / Под ред. А. А. Курапова. Астрахань, 2012. Вып. 4. С. 36–42.
- Гречкина Т. Ю., Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3. С. 83–123.
- Захедер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: в 2-х т. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. 1. 281 с.
- Зиливинская Э. Д. Проблемы хронологии поселенческих памятников Нижнего Поволжья // Средневековая археология евразийских степей. Т. 1. Казань, 2007. С. 157–164.
- Зиливинская Э. Д. Об одном типе отопительных сооружений на средневековых памятниках Нижнего Поволжья // Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской международной археологической конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 159–165.
- Зиливинская Э. Д. Землянки и полуземлянки Самосдельского городища (по материалам I раскопа) // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 240–254.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М., 2008. С. 224–226.
- Петрухин В. «Отмстить неразумным хазарам...». Хазарский каганат и евразийский аспект начала российской истории // Восточная коллекция. Лето 2006. С. 18–28.
- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. 247 с.
- Попов П. В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. С. 159–187.
- Попов П. В. Керамический комплекс Самосдельского городища IX–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 330 с.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
- Флеров В. С. Что может ждать археологов на месте столицы хазарского каганата // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 123–142.
- Флёргов В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата: археологическая реальность. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2011. 260 с.

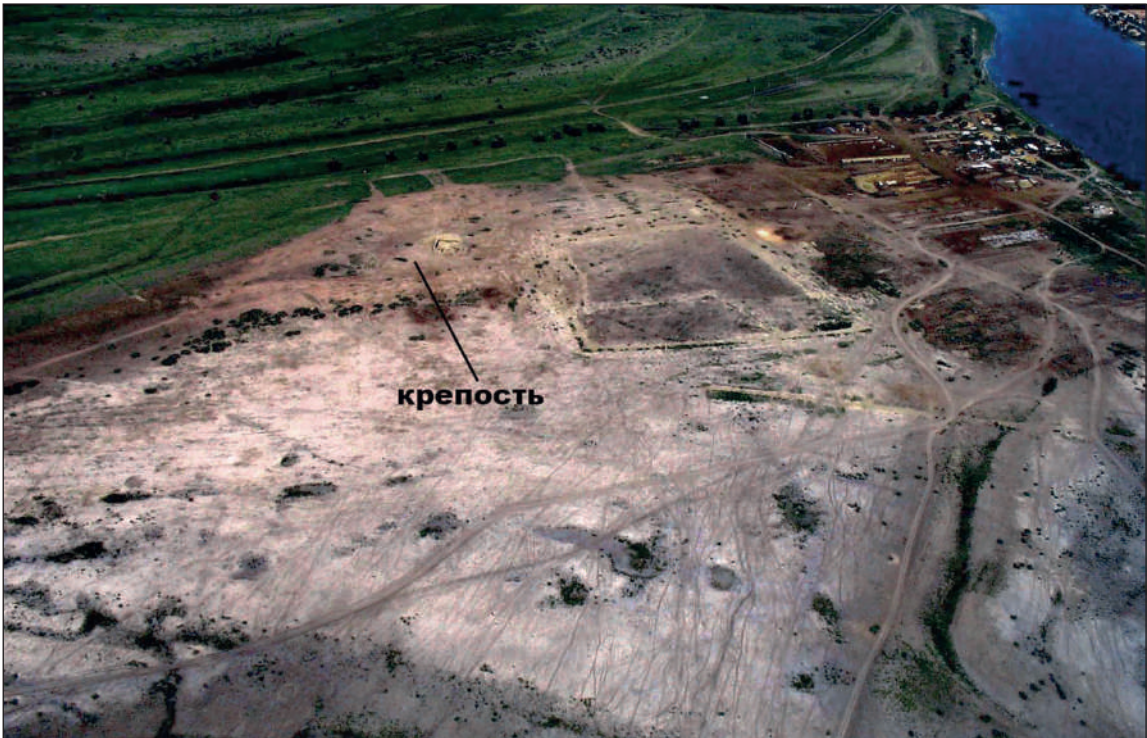

Рис. 1. Аэрофотография центральной части Самосдельского городища с предполагаемой крепостью

Рис. 2. Постройки золотоордынского периода на 3 раскопе

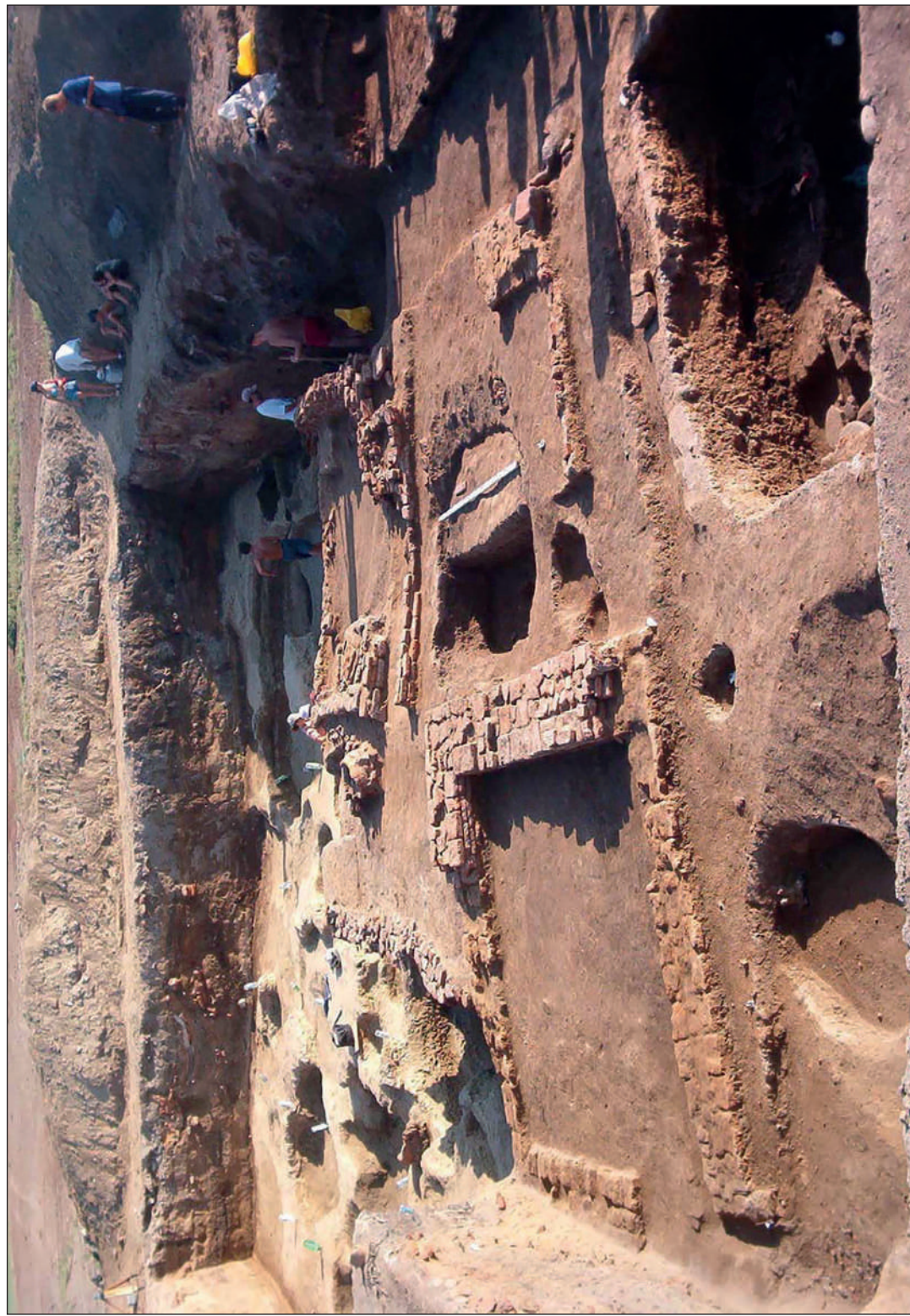

Рис. 3. Постройки «саксинского» периода на 1 раскопе

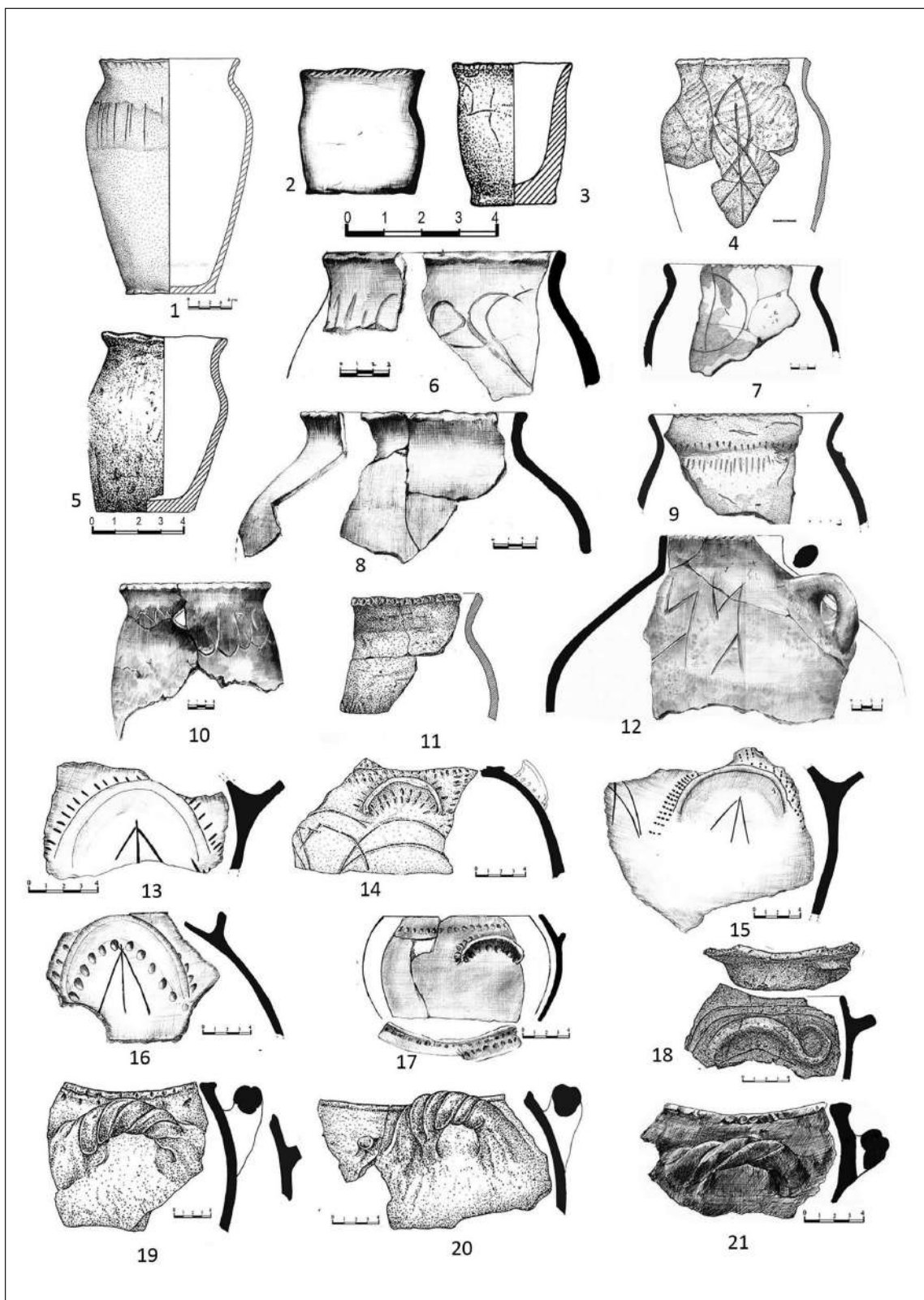

Рис. 4. Лепная керамика из нижних слоев: 1–15 – горшки; 16–21 – котлы

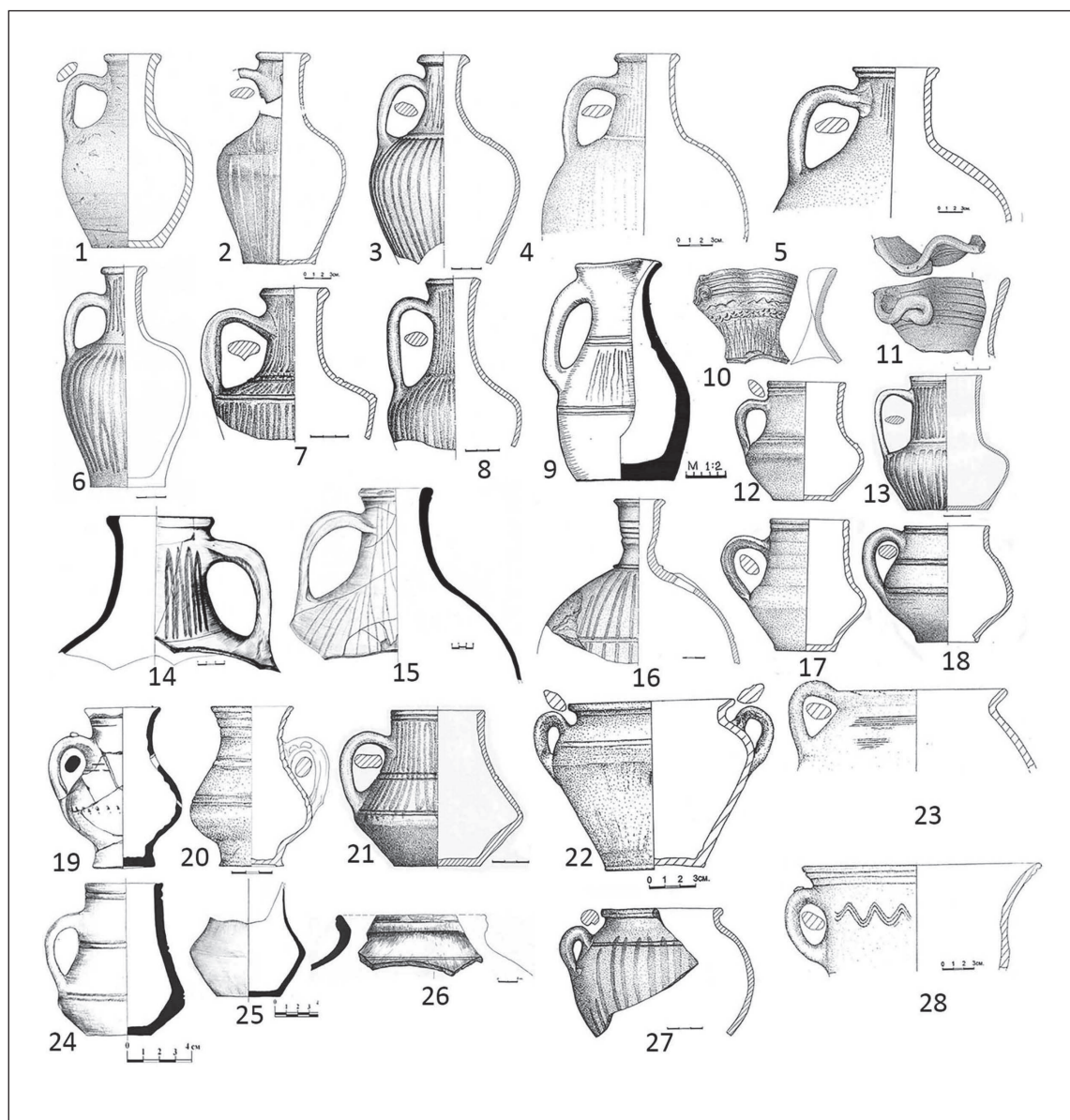

Рис. 5. Гончарная керамика: 1–11, 14–16, 19, 20 – кувшины;
12, 13, 17, 18, 21, 24, 25 – кружки; 22, 23, 27, 28 – горшки

МАМАЙ И «СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ» КЛАД¹

Сидоренко В. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
НИЦ истории и археологии Крыма, г. Симферополь
E-mail: crimeastor@rambler.ru*

Аннотация. *Акваманил (бронзовый антропоморфный сосуд-водолей) с проломом на боку и следами неаккуратного использования был найден в Крыму и передан в Крымский областной краеведческий музей в Симферополе его находчиком Г. Г. Бадьяном. В январе 1965 г. в Государственный исторический музей в Москве из Государственного хранилища Министерства финансов СССР поступил клад, состоявший из 328 предметов из золота и серебра общим весом 2 кг 584 г, в котором находилась согнутая пайза с именем хана Кильдибека. Клад получил название «Симферопольский», не связанное с оставшимся неизвестным местом находки. Выяснить ее регион и принадлежность обоих поступлений одному кладу позволили сведения их находчика, главного инженера строительства засекреченного объекта Г. Г. Бадьяна, сообщенные им в 1954 г. О. И. Домбровскому, ученому секретарю Крымского отдела античной и средневековой археологии Института археологии Академии наук Украины. Найденная в кладе согнутая пополам золотоордынская пайза с именем хана Кильдибека и характер вещей клада позволяют определить его как «общак» банды разбойников, грабивших выезжающих из Солхата купцов и посольства, одно из которых состояло из послов провозгласившего себя ханом Мамаем, возвращавшихся от египетского мамлюкского султана с подарками для него. Предполагается, что последовавший погром, учиненный над мужским населением Солхата Мамаем, являлся его мстостью за убийство выехавших из города послов. Акваманил, в котором находился разбойничий клад, представляет собой погрудную фигуру юноши в диадеме. Ручкой сосуда является лежащая на спине коса его прически, разветвленная на конце. По этому признаку в нем узнается изображение монгольского правителя.*

Ключевые слова: *акваманил, «Симферопольский» клад, монеты Азака, Кильдибек, Мамай, Карасу, Солхат.*

В 1954 г. в Крымский областной краеведческий музей поступил бронзовый антропоморфный акваманил, сосуд-водолей (рис. 1) со следами потертости и проломом в боку. Информация о времени и месте его находки не сообщалась по причине секретности связанного с ним строительного объекта. Уверенно можно сказать, что найден он был до 1953 г. в Крымской области, о чем можно заключить из сведений об условиях обнаружения сосуда, сообщенных О. И. Домбровскому находчиком, старшим инженером строительства Г. Г. Бадьяном. О. И. Домбровский с сомнением отнесся к деталям рассказанного им, не имевшим ни прямых, ни косвенных подтверждений. На просьбу, хотя бы намекнуть на местоположение стройки, было сказано, что это горная местность в Восточном Крыму, а на

вопрос, – это Кизил-Таш? – последовало молчание, расцененное собеседником как намек на положительный ответ. В подробности, действительно, поверить было трудно. Г. Г. Бадьян рассказал, что бронзовый фигурный сосуд был оставлен ему как не представляющий ценности при передаче государственным органам заполнявшего его клада из золотых монет, ювелирных изделий со вставками из камней и серебряной посуды. Найден он был при строительных работах в закрытой воздушной полости (пещере с тщательно заложеным камнями входом).

Понять, что Г. Г. Бадьян сообщал правду о кладе, удалось не сразу. Когда появились сообщение В. А. Мальм о согнутой пополам пайзе из «Симферопольского» клада, по ее данным – без имени хана [Мальм, 1976], и брошюрная публикация самого клада, поступившего в Государственный исторический музей в 1967 г. из таможни (рис. 2) [Мальм, 1980], уловить связь этой информации с кладом из аквама-

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзадачу Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

Рис. 1. Акваманил, поступивший в Крымский областной краеведческий музей в Симферополе в 1954 г., 30×17 см [по: Лапковская, 1958. Рис. 1]

нила было невозможно. Ее сведения о месте находки сокровищ в Симферополе (в районе Красной горки, возле не существовавшей там мечети) сами по себе вызывали сомнения. Ближе к описанным Г. Г. Бадьяном обстоятельствам находки акваманила и клада было сообщение трех сайтов интернета о карстовых пещерах и шахтах горного массива Агармыш, проясняющих происхождение названия «Симферопольский»: «Пещера «Погреб» находится на горе Шпиль (напротив Грушевки около Симферопольского карьера). В 1861 году здесь был найден клад с драгоценностями². Но эта пещера не обозначена на картах, в списке карстовых полостей Агармыш нет указаний на ее размеры, а 1861 г. находки клада в ней не связывается со строительством времен СССР.

Стало очевидным, что рассказ главного инженера Г. Г. Бадьяна правдив и акваманил имеет отношение к «Симферопольскому» кладу только когда М. Г. Крамаровский обнаружил, что он поступил в ГИМ не из таможи, а из Государственного хранилища при Министерстве финансов СССР без указаний на происхождение, и уточнил дату поступления

² <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%BC%D1%8B%D1%88>; <https://ai-petri.com/crimea-nature/crimea-mountains/262-gora-agarmysh-ii-ee-peschery.html>; <http://www.krym.ru/page/gory-kryma-agarmysh>.

по записи в Главной инвентарной книге музея – не 1967 г., как указывала В. А. Мальм, а январь 1965 г. [Крамаровский, 2000. С. 288]. Клад из 328 предметов из золота и серебра, общим весом 2 кг 584 г [Крамаровский, 2000; 2001; 2002] свободно умещается в акваманил, в боку которого пробито отверстие, достаточное для помещения через него наиболее крупного предмета – согнутой пополам пайзы с написанным по-монгольски именем хана Кильдибуги.

Н. Мункуев считает, что этим ханом был Кильдибек [Munkuev, 1977. Р. 206], правивший с октября 1361 по сентябрь 1362 г. Его серебряные монеты чеканились в Сарае и Азаке в 762 (11.11.1360–30.10.1361) и 763 (31.10.1361–20.10.1362) гг.х., а 763 г.х. помечены азакские монеты хана Мамай [Soret, 1825. Р. 16; Френ, 1832. С. 20; Пачкалов, 2012]. Если принимать во внимание, что для их чеканки использовался штемпель монет Кильдибека, считавшегося погибшим [Насонов, 1940. С. 120. Прим. 3], но только смещенного осенью 1362 г. [Григорьев, 1983. С. 32], то чеканка хана Мамай могла состояться в конце 763 г.х. (1–20 октября 1362 г.). Штемпельную связь ее с азакскими монетами Кильдибека позволяет выявить корпусное исследование монетной чеканки, отличающееся от «штемпельного» привлечением к нему всех известных экземпляров монет, находя-

щих свое место в непрерывном ряду штемпельной последовательности выпусков. В отличие от «штемпельного» метода, корпусное исследование не допускает иллюстрацию штемпельных связей прорисовками монет. Использование штемпелей с отстающими от правлений ханов, или опережающими их на год и более датами относятся к подражаниям, «выпадающими» из непрерывного ряда официальной чеканки монетного двора, объясняет несовпадение построенных на сведениях письменных источников датировок правлений ханов с «псевдо данными» нумизматики. С подобных подражаний различного качества воспроизведения произвольно совмещаемых монетных типов сторон золотоордынских монет начинается чеканка русских княжеств, представлявшая собой частную предпринимательскую деятельность в условиях вассального запрета – государственной.

А. П. Григорьев пытался на заимствуемых из статистики монетных находок сведениях корректировать хронологию правлений ханов 1357–1365 гг. [Григорьев, 1983]. Смерть Кильдибека он относил к промежутку между сентябрем 1365 и сентябрем 1366 г., поскольку ему были известны азакские монеты Абдуллаха «только от 766 (28.09.1364–17.09.1365 – В.С.) и 768 (7.09.1366–27.08.1367 – В.С.) гг.х.» [Григорьев, 1983. С. 32]. Монеты Абдуллаха чеканились в Азаке в 764 (21.10.1362–9.10.1363), 765 (10.10.1363–27.09.1364) гг.х. и до 671 г.х., в Сарае – только эпизодически, что позволяет предполагать для Кильдибека ту же роль ставленника Мамаю, которую играли Абдуллах и следующие за ним ханы Мухаммед и Тулак. Как замечалось [Сидоренко, 2000. С. 39–42], в вопросе хронологии правлений ханов смутного времени остается еще много посеянных А. П. Григорьевым неясностей, которые невозможно прояснить без привлечения нумизматики с использованием ее объективных методов.

Генеалогия и родственные связи Мамаю кратко и достаточно подробно освещены Р. Ю. Почекаевым, разоблачающим версию Л. Н. Гумилева, пытавшегося на избранных из широкого круга отдельных источниках представить его «узурпатором и врагом Чингизидов» [Почекаев, 2004. С. 29–34; 2008. С. 54; 2010. С. 207]. Его обстоятельное исследование и работа Ю. Е. Варваровского [Варваровский, 1999] избавляют нас от необходимости обращаться к весьма обширной историографии истории Мамаю. Некоторым сентенциям, вытекающим из доверия раскладкам А. П. Григорьева, мы вынуждены возразить. О монетах Мамаю Р. Ю. Почекаев пишет: «Описанная

Х. М. Френом монета, чеканенная в 763 г.х. (1361/1362 г.), якобы от имени Мамаю, да еще и с ханским титулом (Френ, 1832, с. 20), вызывает весьма скептическое отношение других нумизматов» [Почекаев, 2008. С. 58. Прим. 5; 2010. С. 212. Прим. 5]. Но никто из нумизматов, а не арабистов-тюркологов, считающих знание языков достаточным для нумизмата, не усомнится в подлинности монеты Мамаю (рис. 3), как и в прочтении надписи на ней «Султан аль-‘адиль Мамаю хан». «‘Адиль» – ‘правосудие’, ‘закон’, созвучное названию реки ‘Адиль (Итиль, Волга), независимо от своего перевода показывает, что Мамаю претендовал на власть над всей Золотой Ордой, а не ее части («ал-‘азам» – ‘верховный’).

Нумизматическое подтверждение объявления Мамаю себя ханом документально и более объективно, чем любые письменные источники. Сикка (регалия монетной чеканки) и хутба (провозглашение имени правителя в пятничной молитве) являлись не простыми атрибутами его власти, а мусульманскими юридическими подтверждениями ее легитимности.

Канцелярией египетских султанов не зарегистрировано никаких сношений с Кильдибеком. Переписка же с Мамаем, подразумеваемая регулярный обмен письмами и посольствами, была выделена в особый раздел в формуляре султанской канцелярии [Тизенгаузен, 1884. С. 350]. Как можно предполагать, посольство, возвращавшееся от египетского султана и ограбленное солхатскими разбойниками, принадлежало всевластному темнику Мамаю. Кильдибек, пайзой которого пользовались послы Мамаю, возможно, еще не был смещен к моменту отправки посольства, а целью посольства могло быть сообщение Мамаю об объявлении себя ханом и получение благословения от главы мусульманского рыцарского ордена, в виде атрибутов (рыцарского пояса, султанского халата и др.), символизирующих заочное прохождение обряда хаджа. Эти-то подарки, наряду с имуществом послов, и составили «Симферопольский» клад, в котором были сокрыты главные улики совершенного преступления.

Обнаруживая в кладе недостающие в комплекции отдельных комплексов элементы, М. Г. Крамаровский предполагал возможность расхищения их рабочими располагавшегося возле Симферополя строительства. Возможно, так бы и было, если бы не находка клада не под Симферополем, а на секретном закрытом объекте. Расхитителями «общака», вероятно, являлись сами члены банды. В Старом Крыму был найден золотой динар Делийского

Рис. 2. «Симферопольский» клад [по: Мальм, 1980]

султаната (Мухаммад бнун Тоглук, 733 г.х., 10,98 г, 18 мм) [Крамаровский, 1992; Гончаров, 2008. С. 112], подобный находящемуся среди индийских динаров в «Симферопольском» кладе [Крамаровский, 2000. С. 333–335. №№ 612–621]. Происходящие из имущества послов предметы, возможно, пытались продать члены грабительского сообщества на рынках Каффы или Солхата, где их могли распознать купцы, оповестившие об этом Мамаю.

Убийство владельца путевой пайзы, хотя и каралось смертью, но оказалось не самым тяжким проступком. Мамай не собирался и не имел права правителя прощать виновных. Ими являлись наместник Солхата, не снабдивший посольство надежным сопровождением, и мужское население города. М. Г. Крамаровский видит возможность связи «Симферопольского» клада с личностью солхатского наместника [Крамаровский, 2019], а если таковая прослеживается не только по наитию, то его можно подозревать в организации ограбления и убийства послов. Как пишет армянский писец Степанос, сын Натера, в 1363 г. солхатский наместник спешно организовал обнесение города рвом [Саргсян, 2010. С. 152. № 71]. Судя по всему, этот ров даже не успели замкнуть в кольцо до подхода войска Мамаю. С такими рвом и насыпью город оставался до нашего времени, не имея оборонительных стен, существующих только в графической реконструкции неизвестного художника. Воспроизвести этот рисунок в оригинале не позволили в 1978 г. полиграфические требования издательства, и он был перенесен в газетную (0,3–0,5 мм) графику [Домбровский, Сидоренко, 1978. С. 21; Ломакин, 2015. С. 181]. Для базирования бесчисленного войска Мамаю был выбран город Карасу (Ордубазар, Карасубазар), о чем сообщает армянский писец Аветис, сын Натера под 1365 г., а «начальник-князь» города Солхата-Крыма, «будучи побежденный, сбежал» [Саргсян, 2010. С. 158–159. № 77]. Поскольку «Симферопольский» клад остался невостребованным вплоть до его находки в 1950-е годы, в учиненной мамаяевым войском резне, очевидно, погибли и грабители.

Эль-Мухибби и ссылающийся на его «Исправления» эль-Калькашанди, оба заведовавшие канцелярским письмоводством при дворе мамлюкских султанов, пишут о требованиях канцелярских форм обращений к адресатам и вносимых в них изменениях. Поскольку компиляции второго не добавляют нового к сведениям об адресатах, достаточно воспользоваться сообщениями эль-Мухибби. В «Своде втором», «первом разряде», пункте «а. Правители государства» о Золотой орде он

пишет: «Улусных эмиров четыре; старший из них называется беклярибек, что значит эмир над эмирами». Далее следует сообщавшееся, пересказанное В. Г. Тизенгаузенем, что в 752 г.х. «старшим эмиром был Кутлубуга Инак, которому было писано 10-го джумадиэлахира того года <...>, что в 773 году отправлено было письмо к Мамаю <...>, и что будто бы этот Мамай при хане Мухаммеде играл такую же роль, как эмир Иелбога Эломари <...> в Египте» [Тизенгаузен, 1884. С. 348, 412. Прим. 2]. В. Г. Тизенгаузен обращает внимание, что, несмотря на это, Мамаю «писали с меньшим почетом, чем улусным эмирам» [Тизенгаузен, 1884. С. 412. Прим. 2]. Здесь ему можно возразить: за двадцать лет (с 752 по 773 гг.х.) внесены поправки в статусы правителей, и эль-Калькашанди отмечает изменения в сторону повышения категорий похвал старшему эмиру «царства Иранского» и трем другим эмирам, «(стоявшим) ниже его». По отношению к золотоордынским – он продолжает: «Это обозначает то же, что сказано было выше относительно того, что у улусных эмиров и визирия в этом (Дештском) государстве нет той исполнительной власти, какая была у улусных эмиров и визирия того (Иранского) государства» [Тизенгаузен, 1884. С. 412–413]. В том же первом разряде отдельным пунктом «с» отмечен Коджа Алибек: «...это тот, с которым переписка была начата в 765 году» [Тизенгаузен, 1884. С. 413].

Новый, поставленный Мамаем солхатский наместник Алибек, сын Исы, продолжал в 1365 г. наводить ужас на все население Крыма, о чем пишет проживавший в Каффе писец Карапет: «...горькое и трудное время, когда показался в сем году Нэр из рода Исмаелского, и разрушитель, мечом изрубивший род христианский, который и называется именем Чалибэг, и который всю страну, что была поблизости, денно и ночью держал в ужасе и содрогании» [Саргсян, 2010. С. 157. № 76].

Акваманил, высотой 30 см и шириной в основании 17 см, опубликован Э. А. Лапковской, которая пишет: «В 1954 г. в горной местности Юго-Восточного Крыма (на территории бывш. Кизил-Ташского монастыря, в 17 км от Судак) при строительных работах был обнаружен интереснейший памятник – бронзовый фигурный сосуд-водолей в виде бюста юноши» [Лапковская, 1958. С. 176]. Она определила акваманил как изделие европейского происхождения, а датировку его концом XII–XIII вв. мотивировала так: «Кроме прически, за это (Sic – B.C.) говорят и своеобразная величавость образа, и характер отвлеченных орнаментальных деталей» [Лапковская, 1958. С. 181].

Рис. 3. «Переходные» штемпельные связи азакских монет Кильдибека и Мамай

К «ближайшей аналогии» крымской находке Э. А. Лапковская относит четыре водолея, изданных О. Фальке, Э. Мейером, также Г. Райффершайдом [Reifferscheid, 1913], принимая за критерий стиля «характер лица» и считая наиболее близким крымскому «по овалу лица и мягкому профилю» – водолей из Прибалтики, фотографией которого в фас она не располагала [Лапковская, 1958. С. 181–182. Рис. 3,1]. Приводя обширный круг литературы, она рассматривает и отдаленные аналогии: византийские антропоморфные гири, античные металлические сосуды, реликварии. Но по какой-то причине остается не замеченной ею диадема с имитацией овальных кастов со вставками на голове фигуры крымского акваманила. Подобная золотая диадема с замковым крючком найдена в «Симферопольском» кладе [Крамаровский, 2000. С. 297–304. №№ 333–356]. Также не замеченными остались диадемы двух акваманилов: датируемого XII–XIII вв. из музея Брукенталля, найденного возле города Сибиу в Трансильвании [Лапковская, 1958. С. 183. Рис. 4,1], и того же времени – из Дворцового музея

Берлина, хранившийся в церкви Ритнерхаузена [Лапковская, 1958. С. 183. Рис. 4,2]. Однако отличием крымского акваманила от остальных является форма его ручки, изображающая косу прически с ложащимся на спину фигуры разветвлением, переходящим на концах в тройные тонкие косички. Этот монгольский признак (как расценивает его М. Г. Крамаровский применительно к изображению всадника на ажурной двусторонней обоймице пояса XV в., найденной с другими предметами поясной гарнитуры при раскопках Мангупской базилики Н. И. Барминой и А. Г. Герценом) заставляет по-новому взглянуть на принадлежность изображаемого лица, а, возможно, и на акваманилы из Трансильвании и Ритнерхаузена, чьи ручки разглядеть на фотографиях в одном случае трудно, в другом – невозможно. Кажется допустимым предположить, что крымский акваманил принадлежал одному из послов, находясь при нем в поездках, где получил различные помятости и потертости, предшествовавшие пролому в боку, сделанному специально для помещения в него сокровищ.

Литература

- Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Часть I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 1024 с.
- Варваровский Ю. Е.* «Мамаева орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // *Stratum plus*. 1999. № 6. С. 276–287.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.
- Гончаров Е. Ю.* Индийские золотые монеты на территории Золотой Орды: новый взгляд // В Индию духа... Сборник статей, посвященных 70-летию Ростислава Борисовича Рыбакова. М.: «Восточная литература» РАН, 2008. С. 108–120.
- Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // *Историография и источниковедение стран Азии и Африки*. Вып. VII. Л., 1983. С. 9–54.
- Домбровский О. И., Сидоренко В. А.* Солхат и Сурб-Хач. Симферополь: Таврия, 1978. 128 с.
- Крамаровский М. Г.* Индийский динар из Солхата К характеристике связей Золотой Орды с Индией // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г.» (Государственный Эрмитаж, 25–28 февраля 1992 г.). СПб., 1992. С. 37–39.
- Крамаровский М. Г.* Симферопольский клад // *Алтын Урда хэзинэлэре. Сокровища Золотой Орды*. СПб.: Славия, 2000. С. 288–335.
- Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- Крамаровский М. Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // *Тюркологический сборник – 2001. Золотая Орда и её наследие*. М., 2002. С. 212–224.
- Крамаровский М. Г.* «Симферопольский клад»: первые владельцы и гипотеза стоимости сокровищницы в XIV в. // *Античная древность и средние века*. 2019. Т. 47. С. 195–209.
- Лапковская Э. А.* Водолей, найденный в Крыму, и круг родственных ему произведений // *История и археология средневекового Крыма*. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 176–189.
- Ломакин Д. А.* Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.
- Мальм В. А.* Пайцза из Симферопольского клада // *Средневековая Русь*. М.: Наука, 1976. С. 71–74.
- Мальм В. А.* Симферопольский клад / Буклет из серии «Сокровища Государственного ордена Ленина Исторического музея». М., 1980. 24 с.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М., Л., 1940. 178 с.
- Пачкалов А. В.* К вопросу об именных монетах Мамаю // *Нумизматика Золотой Орды*. 2012. Вып. 2. С. 117–119.
- Почакаев Р. Ю.* Образ Мамаю в русском летописании как средство делегитимизации власти ордынского хана // Герои античности и антигерои в исторической судьбе России: Материалы 35-й всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004. С. 29–34.
- Почакаев Р. Ю.* Мамаю летописный и Мамаю исторический (попытка развенчания стереотипов) // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2008. № 2. С. 53–77.

- Почкаев Р. Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань: ФЭН, 2010. С. 206–238.
- Сидоренко В. А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2000. Вып. VII. С. 267–288.
- Сидоренко В. А. Бронзовый акваманил и «Симферопольский» монетно-вещевого клад: к истории их находок // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Миров Византии. Вып. 3. Сборник научных трудов / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2023. (в печати)
- Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типогр. Импер. Академии наук, 1884. 566 с.
- Френ Х. М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в приложении, из прежнего собрания Г-на Профессора, Статского Советника и Кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями. Перевел с немецкого Михаил Волков. СПб., 1832. 80 с., XVII табл.
- Münküev N. Ts. A New Mongolian P'aitzu from Simferopol // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1977. Vol. 31 (2). P. 185–215.
- Soret F. Catalogue de la collection de médailles orientales du Dr. de Sprewitz. Geneva, 1825. 568 p.
- Reifferscheid H. Über figürliche Giessgefäße des Mittelalters. Nürnberg, 1913. 93 S.

К ВОПРОСУ ОБ ИСЛАМСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В АРХИТЕКТУРНОМ НАСЛЕДИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Крамаровский М. Г.¹, Сейдалиев Э. И.^{2*}

¹ Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

² Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

* E-mail: codexcumtanicus@gmail.com

Аннотация. *Благодетельность в Улусе Джучи была достаточно распространенным явлением, в то же время нечасто упоминавшимся в письменных источниках. По данным письменных источников и материалам археологических раскопок, в столице золотоордынского Крыма Солхате известно два сохранившихся объекта, построенных на средства семьи наместника города Кутлуг-Тимура. Это медресе Инджибек-хатун, образующее комплекс с мечетью Узбека, и текие, вероятно, построенное на средства Бай Буглы-хатун, перестроенное в конце XIV в. в мечеть, получившую название Куршум-Джами (Свинцовая мечеть). Публикуются новейшие данные об археологическом изучении последнего объекта, приводится обоснование одной из версий происхождения названия. В ходе археологических исследований было обнаружено дюрбе (мавзолей), вероятно, связанное с семьей строителей текие или мечети. В мавзолее содержались три погребения, огражденные в древности, что во многом затрудняет датировку памятника. Перекрытие купола мечети листами свинца, вероятно, и дало ей название («куршун» в переводе с крымскотатарского «свинец»), впоследствии из-за ошибки трансформировавшееся в «Куршум-Джами».*

Ключевые слова: *Улус Джучи, Золотая Орда, Солхат, Куршум-Джами, Свинцовая мечеть, ислам, благодетельность.*

Для золотоордынского Солхата и Улуса Джучи в целом вопрос благодетельности был достаточно распространенным явлением и неоднократно анализировался в литературе. В контексте наших исследований следует отметить, что в Солхате он в известной степени связан с функционированием исламской общины города. Об объектах, построенных на средства или под патронатом тех или иных благодетелей Солхата, сообщает Эвлия Челеби [Челеби, 2008. С. 167–168]. Исламская община, основу которой составляло тюркское население, утвердилась с вхождением северной части полуострова в Золотую Орду. С момента утверждения ислама в Золотой Орде община окрепла и заняла доминирующее положение в городе [Крамаровский, 2022. С. 11]. Принципы благочестия ее населения основывались на религиозном сознании, которое, как и по всей мусульманской ойкумене, опиралось на коранический завет сурь 2. *Корова, аят 43* (Коран 2:43). В другой суре – «*Аль-Имран*», содержащей 200 стихов (аятов), посвященной жизни Марьям, матери Пророка Исы, в одном из аятов так говорится об условиях приобретения истин-

ной нравственности: «*Вы не обретете благочестия, пока не будете расходовать из того, что вы любите, что бы вы не израсходовали, Аллах ведает об этом*» (Коран 3:92).

Археологические исследования в последнее десятилетие архитектуры тюркского Солхата внесли новые наблюдения в его застройку. Прежде всего, это связано с нашими работами на медресе и текие, позже перестроенного в мечеть. Если замысел о создании исламской школы и текие можно объяснить проявлением духовной зрелости инициаторов – правителя Солхата Кутлуг-Тимура (1370–1400) и членов его семьи, то для небольшого города оба объекта стали заметным шагом в развитии его культурной инфраструктуры. Вопрос строительства медресе и роли в нем женской благодетельности неоднократно рассматривался в литературе и не подлежит сомнению [Крамаровский, 2012. С. 206–218; Крамаровский, 2012а].

Вторым комплексом, возведенным в городе на филантропические средства, явилась мечеть «Куршум-Джами». Как уже было отмечено, ее строительство протекало в два этапа. На первом

было возведено *текие*, перестроенное в мечеть в 1398 г. Для этого на стыке порталной (северной) и внешней стены западного тамбура комплекса был встроены минарет.

Площадь мечети до 221,25 м² (12,5x17,7 м). Совмещение двух планировочных структур – дома для нищенствующих странников, перекрытого полусферой купола, и прямоугольника основной части мечети с тремя *айванами* тамбура, указывает на позднесельджукидский или раннеосманский архитектурный прототип, что отмечено и Э. Д. Зиливинской [Зиливинская, 2014. С. 32].

Нашими работами последних сезонов (2021–2022 гг.) к северо-востоку от основного объема мечети открыто *дюрбе*, содержащее захоронение ребенка и две мужские могилы; вне мавзолея исследовано еще одно женское захоронение. *Дюрбе* представляет собой прямоугольное в плане сооружение, встроено в угол, образованный выступом восточного пилона портала и восточной же частью северной стены мечети. Плитовая вымостка пола внутри *дюрбе* не сохранилась, что, вероятно, связано с грабительскими действиями, произошедшими в эпоху Средневековья или в Новое время, об этом говорят и перемещенные кости в захоронениях, и рыхлая консистенция слоя, соответствующего уровню пола, перекрытого к тому же каменным завалом. Под этим уровнем были выявлены пятна могильных ям [Крамаровский, Сейдалиев, 2022. С. 242–249].

Рассмотрим захоронения в *дюрбе*. Первое из них – детское. Границы могильной ямы едва различимы. Останки ребенка сохранились плохо. По положению скелета можно утверждать, что захоронение произведено с ориентацией на запад. Визуальный анализ черепа и остатков посткраниального скелета позволил определить возраст погребенного в диапазоне 9–10 лет¹.

Захоронение 2. Размеры могильной ямы 1,95x0,62 м. Костяк ориентирован по оси запад–восток. Погребение совершено на спине в вытянутом положении, головой на запад, лицевой частью усопшего кверху. Руки покойника вытянуты вдоль тела, с кистями под тазом. Правая нога усопшего ампутирована в области верхней четверти бедра с последующим заживлением. Возраст погребенного около 60 лет.

Необходимо отметить, что могила 2, судя по дромосу с восточной стороны, была сооружена раньше других захоронений *дюрбе*. Заполнение могилы – переотложенный серый суглинок с фрагментами керамики и гвоздей от истлевшей гробовины.

¹ Антропологический анализ выполнен А. В. Ивановым, за что выражаем ему свою искреннюю благодарность.

Захоронение 3. Могильная яма размером 1,93x0,87 м. Покойник ориентирован головой на запад. Мужчина уложен на спину в вытянутом положении на три горизонтальные плиты песчаника таким образом, чтобы на них помещалась голова, таз и стопы покойного. Костяк сохранился в антропологическом порядке; стопы ног скрещены. Возраст погребенного около 30 лет. Заполнение могилы – переотложенный суглинок с фрагментами столовой керамики и гвоздями от истлевшей гробовины.

Захоронение вне *дюрбе* – женское. Размеры могильной ямы у дна 2,18x0,59 м. Могила ограблена в древности; антропологический порядок останков нарушен. Судя по расположению костных останков, погребение совершено головой на запад. Возраст погребенной около 40–50 лет. Заполнение – переотложенный серый суглинок с фрагментами столовой и тарной керамики, гвоздями и нечитаемой ордынской монетой.

Комплекс *дюрбе* и разница в возрасте усопших дают основание предположить принадлежность погребенных к одной семье, а женское погребение в индивидуальной могиле логично отождествить с захоронением Бай Буглы хатун, основательницы Куршун-Джами.

Итак, можно отметить, что археологические наблюдения все же дополняют скудные сведения нарративных источников по истории сооружений, учрежденных женщинами из семьи правителя Солхата. Основой для решений о строительстве объектов явилась общепринятая для ислама модель о благодеянии во имя Всевышнего.

Касательно наименования мечети существуют ряд предположений. Одно из них связано с использованием свинца для крепления каменной кладки или плит облицовки стен мечети. Вторая точка зрения, объясняющая название объекта, связана с использованием листового свинца в покрытии купола здания. Крымскотатарское название мечети «Куршун-Джами» («куршун» – крымскотатарское «свинец»), вероятно, из-за описки в документах или неправильно воспринятое на слух превратилось в «Куршум-Джами». Свинец уже в Древнем Риме широко использовался как материал при строительных работах, например, изготовления водопроводных труб. Предполагается, что годовая потребность свинца в эту эпоху составляла около 80 000 тонн. Его добыча осуществлялась методом флотации (чаще прямой селективной) из полиметаллов на рудниках Центральной Европы, Балкан, Греции, Испании и Малой Азии. В V веке после падения Римской империи добыча свинца в Европе упала и оставалась низкой до XII века, когда добычу этого металла начали на территориях восточнее Эльбы.

В качестве кровли свинец в эпоху перехода от раннего к развитому средневековью нередко использовался для покрытий древнерусских храмов и колоколен. Как известно, свинцовым листом толщиной 0,5 см покрыта и крыша собора Парижской Богоматери (Notre-Dame de Paris). Вес крыши 210 тонн.

Представление о средневековых размерах кровельного листа дают находки из Галича и Владимира. Лист неполного формата из раскопок церкви Спаса в Галиче (первая половина XII в.) имел размеры 31x47 см; свинцовые листы кровли Владимирского кафедрального собора (1158–1160 гг.), построенного князем Андреем Боголюбским – 53x53 см. Однако преимущественно этот материал как в Византии, так и на Руси использовался для изготовления подвесных печатей, удостоверяющих правовые документы, товарных пломб, а иногда и женских украшений.

Определенный интерес для характеристики купола солхатского *текие* представляет площадь свинцовой кровли. Если предположить, что уплощение свода утраченного купола не превышало 3,5–4-х метров в наиболее высокой точке, то площадь кровли (S) может быть вычислена по формуле: $S = 6,3$ (величина 2-х Pi) $\times 4,0$ (величина радиуса овала в квадрате) = 100,8 м². Это означает, учитывая площадь одного листа в 2,8 м², что только на кровлю *текие* было израсходовано около 36 свинцовых листов толщиной в 0,5 см (разумеется, без учета потерь при их подгонке) общим весом до 51 кг; к этому следует добавить 79 листов на покрытие кровли основного объема мечети, что в сумме составляет 115 единиц листового свинца².

² Благодарим Дмитрия и Ярослава Козловых за консультации и помощь в работе над статьей.

Свинцовыми пластинами выложена и кровля Palazzo Ducale на площади Святого Марка в Венеции. Под крышей Дворца Дожей, возведенного между 1309 и 1424 гг., вероятно, архитектором Филиппо Канендарио, помещалась тюрьма Пьембо, прозванная так по материалу кровли дворца. Из Пьембо, как известно, бежал знаменитый Джакомо Казанова (1725–1796), оставивший яркие воспоминания о лютой стуже в камерах тюрьмы зимой (в эту пору температура в Венеции обычно колеблется от 0 до –4°C, что, впрочем, бывает редко) и сильной жаре летом (до +28°C на улицах и площадях приморского города). Причиной усиления нездорового температурного режима камер Пьембо явилась особенность теплопроводности свинцовой кровли. Обычно низкая, теплопроводность свинца растет с повышением уличной жары (при температуре 0°C его теплопроводность равна 35,1 Вт/мК).

Заметим, что кровля солхатского *текие*, в сравнении со свинцовым покрытием Palazzo Ducale, оказалась технологически более рациональной, поскольку листы солхатской кровли крепились к каменной кладке купола, нивелирующей температурные перепады крымской непогоды.

Нет сомнения, что покрытие солхатского *текие* 1396 г. не только косвенно свидетельствует о возросшем в XIV в. уровне глобализации евразийской торговли, но дает основание внести в перечень ордынских коммерческих сделок относительно редкий товар – листовый кровельный свинец, вероятно, 0,5 см толщины (как и свинцовая кровля собора в Париже).

В заключение, еще раз отметим нечасто встречающееся в исторических источниках сообщение о благотворительности – в нашем случае, двух поколений одной из семей, на чьи средства построено *текие* и мечеть и одно из самых примечательных медресе Солхата.

Литература

- Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культурное зодчество. М., Казань: Отечество, 2014. 353 с.
- Крамаровский М. Г. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
- Крамаровский М. Г. Солхат в эпоху глобализации (XIII–XV вв.). К истории города и его культуры // Сборник научных трудов конференции I Солхатские чтения «Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма» / Ред.-сост. Э. И. Сейдалиев, Р. Р. Кадыров. Симферополь: Ариал, 2022.
- Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.
- Крамаровский М. Г. О благотворительности в Золотой Орде: семья Кутлуг-Тимура и архитектурные доминанты Солхата // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2012а. Вып. LXX. С. 35–45.
- Крамаровский М. Г., Сейдалиев Э. И. Мечеть Куршун-джами (Крым, XIV в.) и сельджукская традиция Анатолии // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 242–249.
- Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: Доля, 2008. 272 с.

ТУРКИ КАК ВАРВАРЫ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ¹

Куш Т. В.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва
E-mail: tkushch@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена использованию в поздневизантийской литературе концепта «варвар» применительно к османам. Отмечается, что противопоставление «ромеев–варваров» лежало в основе политической доктрины Византийской империи и играло важную роль в самоидентификации ее подданных. Определение «варвар» применялось к разным этносам, с которыми в тот момент приходилось сталкиваться империи. Появившихся на исторической арене османов византийцы также органично вписали в классическую концепцию «варварства». Им определили место в общей этнической номенклатуре и распространили на них прежние клише и характеристики. С точки зрения византийцев, османам, как и их историческим предшественникам, была присуща не человеческая, а звериная природа. Дегуманизация образа варвара была характерной чертой восприятия византийцами кочевых народов, дикость которых противопоставлялась цивилизованности ромеев. Но враждебность по отношению к туркам покоилась в первую очередь на признании их религиозной инаковости. Византийская историко-литературная традиция противопоставляла ромеев и турок, исповедовавших ислам, в рамках дихотомии «христиане–мусульмане». С религиозных позиций оценивался и их морально-нравственный облик. Подобная оценка турок византийской образованной элитой оказывала значительное влияние на политический курс империи.

Ключевые слова: Поздняя Византия, византийская концепция варварства, восприятие турок, дихотомия «ромеев–варваров», христиане–мусульмане.

Главной темой научных изысканий Михаила Михайловича Казанского, за плечами которого десятилетия активной полевой и кабинетной работы, всегда оставалась история и материальная культура варваров эпохи Великого переселения народов. Присоединяясь к поздравительному хору коллег и памятуя о научных предпочтениях юбиляра, в своей статье я обращусь к сюжету, связанному с использованием в поздневизантийском интеллектуальном дискурсе концепта «варвар» применительно к туркам, ставшим с начала XIV в. новым восточным соседом Ромейской империи и главной угрозой ее существованию.

Дихотомия «ромеев–варваров», лежавшая в основе политической доктрины Византии и имперского мышления ее подданных, играла ключевую роль в самоидентификации тех, кто населял византийскую ойкумену. Ромеев, называя другие народы варварами, тем самым

противопоставляли себя им и подчеркивали свое цивилизационное превосходство. На протяжении всей византийской истории определение «варвар» прилагалось к разным этносам, с которыми в тот момент приходилось сталкиваться империи. Концепт «варварства» стал одним из самых устойчивых и универсальных понятий в этнополитическом и этнокультурном лексиконе византийцев.

К варварам в Византии причисляли все те народы, которые жили ее за пределами и не входили в ее культурно-политическое пространство [Ostrogorsky, 1936. S. 49]. В отнесении того или иного народа к варварам ключевую роль играли три характеристики, определявшие его инаковость: религиозная (приверженность языческим культам или ереси), политическая (проживание за пределами Ромейской империи) и культурная (незнание греческого языка и культуры) [Ditten, 1964. S. 282–283]. Образы варваров, сложившиеся еще в древности, не менялись на протяжении столетий, демонстрируя традиционализм сознания византийцев.

Однако это не означало, что византийцы воспринимали варваров как однородную мас-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-18-00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

су – познания ромеев в области этнографии и этногеографии были достаточно обширными, хотя и опирались скорее на книжную традицию, нежели на реальный опыт контактов с инородцами. Ромеи знали, что варвары представлены различными этническими группами, для обозначения которых использовались как древние именованья народов (например, скифы, персы, галлы, мизийцы, трибаллы), так и современные им этнонимы (болгары, сербы, норманны, италийцы). Разным народам давались определенные, достаточно шаблонные характеристики, с помощью которых и формировался их «этнический портрет» [Бибииков, 1982. С. 155]. К примеру, все жители Запада, с точки зрения ромеев, отличались вероломством, высокомерием, жадностью, вспыльчивостью, несдержанностью [Hunger, 1987. P. 39–41; Kazhdan, 2001. P. 88]. Этнографические экскурсы в византийском нарративе представляли собой в основном заимствования из трудов древних авторов, что повышало доверие читателей, ориентированных на старую, восходившую еще к Геродоту, традицию. Современные же этнографические наблюдения сводились к минимуму и скорее дополняли уже сложившиеся представления об чужеземцах, воспринимаемых как варвары. В результате, на окружавшие ромеев народы переносились не только архаизированные названия, но и освященные временем стереотипы. Как заметила А. Лайу, отнесение новых народов, появившихся на их горизонте, к категории уже известных стало для византийцев способом «укрощения» варваров [Laiou, 2012. P. 73].

Подобное «укрощение» произошло и с тюркским племенем османов, с которыми Византии пришлось плотно взаимодействовать с начала XIV в. О том, что турки органично вписались в классическую концепцию «варварства», говорит и тот факт, что синонимом к их этнониму (οἱ Τοῦρκοί) стало слово «варвары» (οἱ βάρβαροι), о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники. Туркам определили и место в общей этнической номенклатуре, чтобы запустить традиционный механизм «укрощения» и распространить на «новых варваров» прежние клише и характеристики, демонстрировавшие их социокультурную и религиозную инаковость.

В основе византийской классификации народов, игнорировавшей, в отличие от современной науки, языковой критерий, лежал прежде всего критерий географического локуса – место обитания народа, а также его социокультурный профиль, которые и определяли его этническую принадлежность

[Шукуров, 2017. С. 59]. Поэтому османы, расселившиеся на анатолийских землях, были отнесены византийцами к этносам, ранее здесь обитавшим, что позволяло перенести на них архаичную этнонимию. Это объясняет, почему в поздневизантийских текстах турки часто фигурируют под именами древних восточных народов: скифов, персов, ахеменидов. Замена этнонима «турки» на названия исчезнувших варварских народов было не только и, видимо, не столько данью литературной традиции, тяготевшей к архаизации и подражанию классике [Hunger, 1969–1970. P. 15–38], сколько отражением особенностей этнографического и исторического мышления византийцев.

Ромеи воспринимали турок враждебно, видя в них новых врагов империи. Подобное отношение они испытывали и к их историческим предшественникам, угрожавшим Византии в прежние времена. Описывая турок, византийские авторы довольно механически переносили на них те черты, которыми обычно характеризовали восточных соседей – дикость, агрессивность, жестокость и вероломство. С точки зрения византийцев, османы, как и те, кого они сменили, не обладали человеческой природой, а являлись частью животного мира. В поздневизантийских текстах (и в исторических, и в риторических) настойчиво проводилась мысль о звериной их сущности. «Турки подобны разверстой пасти, жаждущей заглотить византийские земли» – так о них писал император Мануил II Палеолог (1391–1425) [Manuel II Palaeologus, 1985. P. 153.21–22]. Ему вторил Симеон, архиепископ Фессалоникийский: «наши внешние враги, чьи пасти подобны пастьям диких животных» [Balfour, 1979. P. 57.13–14]. С дикими животными сравнивал турок и Иоанн Анагност [Ἰωάννου Ἀναγνώστου διήγησις, 1958. Σ. 40.6]. Уподобление варваров животным – характерная черта восприятия византийцами кочевых народов, дикость которых противопоставлялась цивилизованности ромеев.

В подобных категориях описывались и все турки, и отдельные представители этого народа. Ярко выраженными зооморфными чертами, с точки зрения византийцев, обладали турецкие правители, которым приписывали такие «звериные» качества, как необузданная жестокость, кровожадность, дикий нрав. Мануил II называл султана Баязида I «свирепым чудовищем», Циклопом, которому «хамство заменяло слепоту, а бесстыдство – пещеру», «пастухом» людей, которые «ничем не лучше зверей» [Manuel II Palaeologus, 1985. P. 144], «бичом, уничтожавшим города и народы» [The Letters of Manuel II Palaeologus, 1977.

Ер. 7.18]. Симеон Фессалоникийский считал Баязида I нечестивейшим из животных, Мехмеда I – диким волком, а Мустафу – детенышем льва [Balfour, 1979. P. 46.7; 49.20–21; 44.23]. Так, в византийском интеллектуальном дискурсе происходила дегуманизация образа турок и их предводителей. Новый враг, лишенный человеческого облика, оказывался дикой стихией, чуждой ценностям цивилизованных ромеев.

Но враждебность к туркам покоилась не только на неприятии их как варваров, лишенных человеческих черт, но и на признании их религиозной инаковости. Византийская историко-литературная традиция противопоставляла ромеев и турок, исповедовавших ислам, в рамках дихотомии «христиане–мусульмане». Османы в глазах византийских авторов являлись нечестивым народом (ἄσεβεῖς), главными антагонистами, от которых исходила угроза всем христианам [Ditten, 1964. S. 287]. Лексика, которой описывали мусульман (неверные, нечестивцы, безбожники, подлые), подчеркивала непреодолимую оппозицию Χριστιανοί–ἄσεβεῖς. Реакцией на агрессию османов, грозивших разрушить *Imperium Christianum*, стала широкая антиисламская полемика [Meyendorff, 1964. P. 113–132; Vryonis, 1971. P. 263–286], в рамках которой критике подвергались и мусульманское вероучение, и нравственный облик его приверженцев.

В представлении византийцев ислам – это лжерелигия, Мухаммед – лжепророк и безнравственный человек, а Коран – ложная книга. В поздневизантийских текстах (не только полемической направленности) Мухаммед постоянно называется Антихристом, самозванцем, лжепророком [The Letters of Manuel II Palaeologus, 1977. Ep. 31.95–96]. Начиная со св. Иоанна Дамаскина, который считал приверженцев ислама пособниками Антихриста, византийцы относились к мусульманским вторжениям как наказанию за грехи [Meyendorff, 1964. P. 115–120]. В противостоянии с османами, принимавшем религиозный характер, вера в небесное заступничество помогала сохранять уверенность в лучшем для ромеев исходе. Император Мануил II Палеолог писал: «Бог, я уверен, раздробит зубы тем, чьи рты, источая богохульства, бросают вызов небесам, – тем, по сравнению с речами которых слова фарисеев кажутся умеренными» [The Letters of Manuel II Palaeologus, 1977. Ep. 31.55–61].

В оценке византийских авторов преданность турок исламу еще в большей степени выявляла их варварство, нежели их звериная природа. Неслучайно в качестве синонимов к их этнониму использовались обозначения, имевшие религиозное содержание – в источниках турки часто фигурируют как «мусульмане», «агаряне», «исмаилиты». Византийцы использовали наименование «исмаилиты» и «агаряне» в уничижительном значении, поскольку Исмаил был сыном Агари, рабыни Авраама. Так, заменяя семантически нейтральный этноним «турки» названием, отягощенным негативными коннотациями, византийские интеллектуалы проявляли высокомерие по отношению к иноверцам.

С религиозных позиций оценивался и морально-нравственный облик османов. Описывая нравы и обычаи турок, поздневизантийские авторы нередко воспроизводили устоявшиеся штампы, которыми традиционно характеризовался варварский образ жизни: им чуждо милосердие и сострадание, они невоздержанны, склонны к распутству и излишествам. Мануил II Палеолог так описывал их обычное поведение: они «беспредельно распутничали, богохульствовали, насмехались над святынями и жили в роскоши среди потоков крови и убийств» [The Letters of Manuel II Palaeologus, 1977. Ep. 31.91–93]. Впрочем, подобным же образом характеризовались и другие мусульманские народы. В этом смысле образ турок-мусульман не отличался новизной и большой оригинальностью.

В целом, в византийском интеллектуальном дискурсе представление о турках как варварах формировалось при помощи традиционных описательных моделей и расхожих клише, придававших ему весьма «канонический» характер. Однако в условиях военно-политического противостояния, когда для греков речь шла о выживании и сохранении собственной идентичности, в конструировании «варварского» образа турок на первый план выходила их религиозная и социокультурная инаковость. Проводимое в византийской высокой литературе резкое противопоставление христиан и иноверцев подогревало ненависть к восточному соседу, чье варварство выражалось в том числе и в приверженности исламу. Подобная оценка турок византийской образованной элитой оказывала значительное влияние на политический курс империи, исключив по сути возможность равноправного диалога с «новыми варварами».

Литература

- Бибиков М. В.* К изучению византийской этнонимии // Византийские очерки. М.: Наука, 1982. С. 148–159.
- Шукуров Р. М.* Тюрки в византийском мире (1204–1461). М.: Изд-во Московского университета, 2017. 631 с.
- Ditten H.* Βάρβαροι, Ἕλληνες und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern // Actes du XIIe Congrès International des Études byzantines (Ohridе 10–16 septembre 1961). Belgrade, 1964. T. 2. S. 273–299.
- Hunger H.* On the Imitation (μίμησις) of Antiquity in Byzantine Literature // *Dumbarton Oaks Papers*. 1969–1970. Vol. 23/24. P. 15–38.
- Hunger H.* Graeculus perfidus / Ἰταλὸς ἱταμός: Il senso dell'alterita'nei rapporti greco-romani ed italo-bizantini. Rome: Unione Internazionale degli Istituti di Archeologia, Storia e Storia dell'Arte, 1987. 52 p.
- Ἰωαννου Ἀναγνώστου διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης / Εισ. Γ. Τσαρὰς. Θεσσαλονίκη: Βιβλιοθήκη τῆς Βυζαντινῆς Θεσσαλονίκης, 1958. 104 σ.
- Kazhdan A.* Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* / Ed. A. Laiou, P. Mottahedeh. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. P. 83–100.
- Laiou A.* Byzantium and the Other: Relations and Exchanges / Ed. C. Morrisson, R. Dorin. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2012. 341 p.
- Balfour D.* Politico-historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. P. 39–69.
- Manuel II Palaeologus. Funeral Oration on His Brother Theodore / Introd., text, transl. and notes by J. Chrysostomides. Thessalonike: Association for Byzantine Research, 1985. 310 p.
- Meyendorff J.* Byzantine Views of Islam // *Dumbarton Oaks Papers*. 1964. T. 18. P. 113–132.
- Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staatenhierarchie // *Seminarium Kondakovianum*. 1936. T. 8. S. 41–61.
- The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. T. Dennis. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1977. 252 p.
- Vryonis S.* Byzantine Attitudes toward Islam during the Late Middle Ages // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1971. Vol. 12. P. 263–286.

ДРУГАЯ ИМПЕРИЯ И РАЗНООБРАЗНЫЕ ВАРВАРЫ: ОБ ИСТОКАХ НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ КРЫМСКИХ МИФОВ¹

Храпунов Н. И.^{1*}, Храпунова С. Н.²

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Лаборатория «Византийский Крым», г. Симферополь

² Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Управления дополнительного образования и профессиональной ориентации,
г. Симферополь

* E-mail: khrapunov@mail.ru

Аннотация. В докладе анализируются легенды, возникшие после присоединения Крыма к России в 1783 г. вокруг ряда исторических сюжетов и археологических памятников. Материалом для анализа стали представления о «храме таврической Дианы», «могиле царя Митридата» и «крымском амазонском войске». Важную роль в процессе мифологизации культурного наследия сыграли записки путешественников, связавших увлекательные исторические сцены с конкретными природными и археологическими объектами и привлечшие к ним внимание читателей. Образованным путешественникам были известны сюжеты из античной истории, якобы разворачивавшиеся на полуострове, что заставляло их «находить» соответствующие следы в крымских пейзажах и памятниках. Неверные интерпретации утвердились в общественной мысли благодаря романтической и увлекательной подаче. Это способствовало превращению соответствующих объектов в достопримечательности и тем самым внесло свой вклад в развитие Крыма как центра туризма. Проанализированные тексты характеризуют особенности восприятия прошлого, письменных и археологических памятников интеллектуалами конца XVIII – начала XIX вв., а также некоторые аспекты русско-французских культурных связей той эпохи.

Ключевые слова: историческая имагология, Крым, русско-французские культурные связи, записки путешественников, памятники культурного наследия, развитие туризма.

Как известно, жизнь юбиляра проходит между двумя странами – Россией и Францией. Поэтому в докладе пойдет речь о Российской империи и французах (а не о Восточной Римской империи и окружавших её варварах, взаимоотношения между которыми являются предметом особого интереса Михаила Михайловича). Оказавшиеся в Крыму после 1783 г. французские (и не только французские) путешественники впоследствии издали книги путевых записок, которые познакомили читателей с древностями полуострова. В ту эпоху представления о нормах и правилах исторических и археологических исследований только формировались. Путешественники в большинстве своём имели амбиции не исследователей, но литераторов, желавших поразить читателей рассказами об экзотической стране и её удивительном прошлом. Они не сдерживали фан-

тазию, а потому их отношение к источникам современному исследователю вполне может показаться «варварским». Но именно благодаря путешественникам возникли многие долгоживущие легенды, связанные с реальными и даже виртуальными археологическими памятниками Крыма, существующие до наших дней [см.: Храпунов Н., 2022а]. О трёх подобных эпизодах будет сказано ниже.

Принц де Линь и «храм таврической Дианы»

В апреле 1787 г., находясь в Киеве по дороге в Крым, Екатерина II писала своему многолетнему корреспонденту и confidentу барону Фридриху-Мельхиору Гримму: «Храм Дианы принадлежит принцу де Линю, который находится здесь и отправится с нами на [Крымский] полуостров...» [Екатерина II, 1878. С. 396]. Она имела в виду подарок, который преподнесла одному из самых знаменитых своих спутников. Принц Шарль-Жозеф де Линь был ярчайшим представителем эпохи Просвещения. Придворный остролов, военачальник

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075-15-2022-1119.

и литератор, переписывавшийся с философами и монархами, он достиг всеевропейской славы. Де Линь родился в австрийских Нидерландах (ныне Бельгия), и потому был подданным Священной Римской империи, но провёл несколько лет в России, оставаясь французом в языковом и культурном отношении. Его рассказ о путешествии в Крым пользовался огромной популярностью и не раз переиздавался [см.: Храпунов Н., 2022б, с библиографией].

Античный миф о храме Артемиды (Дианы) в стране тавров (Крыму) не раз обсуждался при подготовке южного путешествия Екатерины II и во время этой поездки, став одним из её символов. Согласно классической традиции, которую, впрочем, знали главным образом из переложений в драмах и операх Нового времени, Ифигения, дочь царя Агамемнона, возглавлявшего греков в Троянской войне, была перенесена богиней Артемидой (Дианой) в страну тавров царя Фоанта. Там она стала жрицей в храме богини, где приносили в жертву пленных чужестранцев [Формозов, 1988. С. 93–94]. По современным представлениям, античный миф не следует понимать буквально, и нет смысла искать остатки древнего храма на крымских берегах [Иванчик, 2005. С. 85–98]. Тем не менее, на Южном берегу Крыма почти не осталось мест, где бы не велись поиски святилища Дианы. Особой популярностью пользовались окрестности Георгиевского монастыря на юго-западной оконечности полуострова [Тункина, 2002. С. 534–535].

Локализация виртуального храма и популяризация легенды о нём оказались тесно связаны с поместьем де Линя. В щедром подарке можно было увидеть намёк на всем известное любопытство принца. По его собственным словам, «в угоду склонности моей к Ифигениям, она [Екатерина II] даровала мне местность, где находился храм, где та [совершала] жертвоприношения» [Prince de Ligne, 1914. P. 59]. Кто бы ни был автором шутки, императрица или сам принц, он не знал или предпочёл забыть, что жрицы Артемиды давали обет безбрачия.

Принц не сомневался, что древний храм находился на территории его владений: «На серебристом побережье Чёрного моря, на берегу самого большого из ручьёв, куда сливаются все потоки с Чатырдага, под сенью двух огромнейших орехов, старых, как сам мир, у подножья скалы, где ещё видна колонна – печальный остаток храма Дианы, знаменитого жертвоприношением Ифигении, слева от скалы, с которой Фоант сбрасывал чужестранцев, наконец, в самом прекрасном и самом интересном во всём мире месте я пишу

эти [строки]» [Prince de Ligne, 1914. P. 45; cf. P. 55–56]. Традиционно поместье де Линя локализируют в селении Партенит у подножья горы Аюдаг, в 17 км к северо-востоку от современной Ялты [Краснолуцкий, 2020. С. 823–824]. Главный (и, кажется, единственный) аргумент – созвучие названий, ведь принц называл своё имение Партеницей – *Parthenizza* [Prince de Ligne, 1914. P. 45, 55, 58, 68; Принц де Линь, 2022. С. 306, 347]. Юридические же документы, фиксирующие местоположение поместья, пока не обнаружены.

Зато, если верить французскому послу графу Луи-Филиппу де Сегюру, с которым де Линь сдружился в этой поездке, имение последнего находилось совсем в другом месте, близ Балаклавы и Георгиевского монастыря. Дипломат утверждал, что поместье его приятеля лежало недалеко от того места, где в древности возвышался храм таврической Дианы и произошла история Ифигении. Греки якобы называли это место «Партением» (*Parthénion*), поскольку храм был посвящён девственной богине. «Сегодня здесь находится монастырь в честь святого Георгия <...>. В окрестностях этого места, столь богатого воспоминаниями и иллюзиями, императрица подарила землю принцу де Линю...» [Séguir, 1827. P. 210–211]. Если де Сегюра не подвела память, то поместье его друга располагалось километрах в 90 западнее селения Партенит, если двигаться вдоль извилистого крымского берега.

А вот что сам де Линь писал о своём имении: «Затем я строю планы. <...> Я обращаю этих татар, приучив их к соку виноградной лозы, и, придав [своему дому] вид дворца, который издали будет виден мореплавателям, построю над их жилищами восемь домов для виноградарей с соединяющими их колоннами и балюстрадой, скрывающей крышу» [Prince de Ligne, 1914. P. 60]. В письме Гримму от 1787 г. он сообщал, что «велел соорудить храм, посвящённый императрице, о чём говорит надпись на нём, близ той скалы, что неподалёку от скалы Ифигении, и алтарь дружбы, посвящённый князю Потёмкину...» [Принц де Линь, 2022. С. 106]. Эти слова – всего лишь фантазии принца, ведь ничего подобного построено не было. Но есть рисунок художника Уильяма Хадфилда, который также находился в свите Екатерины II и, видимо, имел задание зафиксировать наиболее интересные пейзажи. Это акварель по карандашному наброску, начатая в поездке и завершённая после возвращения в российскую столицу, которая называется «Приморский вид в Крыму». Пейзаж легко идентифицировать – это местность, расположенная примерно в

километре к северо-западу от Георгиевского монастыря, так называемый «мыс Лермонтова» с пробитым морем «гротом Дианы» (рис. 1). Изображённые на берегу необычные постройки заставляют задуматься – не «пришли» ли они сюда со страниц сочинения де Линя? А возлежащая на переднем плане фигура в европейских одеждах – не сам ли это принц? [Храпунов Н., 2022в. С. 85–86, 255, 285. Рис. 14]. Время изготовления акварели этому предположению не противоречит: в её правом нижнем углу стоит монограмма Павла I, а первое издание «крымских писем» де Линя вышло в 1801 г. Поэтому вполне возможно, что Екатерина II, как это с ней и прежде бывало (достаточно вспомнить Херсон и Севастополь, Одессу и Евпаторию), передвинула на карте название Парthenита-Парthenицы, подарив де Линю поместье близ Балаклавы и Георгиевского монастыря. Литературный же талант бельгийца способствовал тому, что эти места стали прочно ассоциироваться с «храмом таврической Дианы».

Общепризнанно, что созданный де Линем романтический и пленительный образ Крыма оказал немалое влияние на тех, кто отправился по его следам. Считается, что сочинением бельгийца мог вдохновляться Пушкин – во всяком случае, в библиотеке русского классика были труды де Линя. Именно благодаря Пушкину в русском общественном мнении утвердилась мысль о том, что храм Дианы располагался на месте или вблизи Георгиевского монастыря: «*К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм, / Где крови жаждущим богам / Дымились жертвоприношенья...*» [Пушкин, 1962а. С. 281; ср.: Пушкин, 1959б. С. 56].

В поисках могилы Митридата

Хорошо известно, что Пушкин трижды упомянул «могилу», «гроб» или «гробницу Митридата», которую ему показали в окрестностях Керчи в 1820 г. [Пушкин, 1959а. С. 151; 1962а. С. 280; 1962б. С. 20; Казарин, Яковенко, 1991]. Кажется, впервые известие об этой легенде появилось в дневнике француза Жильбера Ромма, прибывшего в Крым в 1786 г.: «*Я узнал, что какие-то люди предприняли безрезультатные раскопки на острове Тамань в надежде найти гробницу Митридата. Не знаю, у какого историка вычитали, будто этот князь там погребён, но какая-то гробница там была...*» [Romme, 2016. Р. 105]. Как видим, могилу древнего царя искали на обеих берегах Керченского пролива.

Скептик Ромм был совершенно прав. Знаменитый правитель государства Понт,

распространившего свою власть на значительную часть Ближнего Востока, Греции, Кавказа и Крыма, Митридат VI Евпатор (132–63 гг. до н.э.) бросил вызов Римской империи, но потерпел поражение и покончил с собой на акрополе Пантикапея (будущей Керчи). Однако тело его отвезли на южный берег Чёрного моря – в Синопу, и похоронили там в фамильном склепе [Аппиан, 1998. С. 301–302; Плутарх, 1994. С. 87]. Кажется, Ромм не понял, что его современники руководствовались не известиями античных историков, а популярными драматическими и оперными произведениями Нового времени.

Знаменитый французский драматург Жан Расин на основе сочинений древних авторов создал трагедию «Митридат» (1672/1673), которая, в свою очередь, была использована Моцартом для оперы «Митридат, царь понтийский» (1770). Место действия пьесы Расин определил как «*Нимфей, морской порт на Киммерийском Боспоре, в Таврическом Херсонесе*» [Racine, 1888. Р. 6]². Неясно, по каким причинам он решил, что столицей Боспорского царства был город Нимфей, как то недвусмысленно следует из текста пьесы. Как и положено, Митридат планировал «отомстить» Риму и с этой целью поднять против него разнообразных варваров – дунайских скифов, даков, паннонцев, галлов, жителей «надменной» Германии и Испании, и это не считая парфян и, очевидно, боспорцев [Racine, 1888. Р. 54–55, 58; ср.: Расин, 1984. С. 105–106]. Заметим, что драматург существенно обогатил исторический сюжет, добавив в него соперничество между Митридатом и его сыновьями, борющимися за благосклонность прекрасной девицы. В итоге старший сын изменяет Митридату, Нимфей окружают римляне, а девица, как выясняет Митридат, любит не его, а преданного отцу младшего сына. Царь наносит себе смертельную рану и перед смертью, простив влюбленных, закликает их бежать, не тратя время на похороны (*Ne perdez point le temps que vous laissez leur [des Romains] fuite // À rendre à mon tombeau des soins dont je vous quitte*) [Racine, 1888. Р. 113–122]. Вероятно, из этих слов можно было заключить, что прах великого царя погребли где-то в окрестностях Нимфея или, по

² В оригинале – *La scène est à Nymphée, port de mer sur le Bosphore Cimmérien, dans la Taurique Chersonèse*. Не вполне понятно, почему переводчик на русский язык, Ю. Стефанов, решил, что здесь упомянут «*приморский город <...> недалеко от Херсонеса Таврического*» [Расин, 1984. С. 77]. Помимо всего прочего, очевидно, что Расин, в полном соответствии с античной традицией [см.: Храпунов Н., 2006], под «Херсонесом Таврическим» подразумевал Крымский полуостров, а вовсе не город, как подумал его переводчик.

крайней мере, на Боспоре³. Важно, что образованные читатели российской эпохи черпали сведения о деяниях Митридата в Крыму главным образом из трагедии Расина [Формозов, 1986. С. 87; Казарин, Яковенко, 1991. С. 162]. Нужно думать, именно они и положили начало легенде о могиле царя на берегах Керченского пролива.

Эту «гробницу» показывали в разных местах. Англичанин Эдвард-Даньел Кларк, осматривавший Крым в 1800 г., писал со ссылкой на знакомых греков: «*Керченские предания прямо противоречат истории – они утверждают не просто что здесь умер Митридат, но что его похоронили на небольшом расстоянии от города, где до сих пор показывают его якобы могилу. <...> Среди живущих в Керчи греков она носит имя “Гробницы Митридата”. <...> Татары называют ее “Алтын-Оба”...*». Сам путешественник знал о том, что, по словам Аппиана, понтийского царя похоронили в Синопе [Clarke, 1813. Р. 428, п. 2]. Кларк зарисовал «*Вид Алтын-Обы, или Гробницы Митридата*» (в другом случае названный «*Предполагаемая “Гробница Митридата”, которую татары называют “Алтын-Оба”, близ Керчи в Крыму*»), по которому изготовили гравюру, украсившую некоторые издания его травелога (рис. 2) [Clarke, 1813. Р. 428–429].

Французский военный врач Руа, участник русского похода Наполеоновской армии в 1812 г., оказавшийся в плену и побывавший в Крыму в 1814 г. по пути на родину, специально отправился в Керчь, чтобы осмотреть античные памятники. В воспоминаниях он писал: «*В окрестностях Керчи видно значительное возвышение, известное под именем Алтын-Або, которое народная молва называет могилой царя Митридата*» [Французы..., 1912. С. 201]. По современным представлениям, величественный Золотой курган (по-крымско-татарски «Алтын-Оба») насыпан над каменной гробницей, которая гораздо древнее царя Митридата. Она датируется IV – началом III в. до н.э. и, вероятно, принадлежала членам правившей на Боспоре династии [Виноградов, 2007. С. 5–17].

Легенда эволюционировала. Итальянский художник Карло Боссоли, много лет проведший на Юге России, впоследствии издал альбом цветных литографий с видами Крыма (1856, по рисункам 1840–1842 гг.). Одна из них называ-

³ Современный русский перевод утверждает, что царь приказал сыну: «*Не трать же попусту бесценные мгновенья, / Предай немедленно мой прах сожженью*» [Расин, 1984. С. 130–135], что делает для читателя, незнакомого с античной традицией, ситуацию вполне однозначной.

ется «*Могилы Митридата, близ керченского лазарета*». Здесь изображена группа людей, при свете факела осматривающих внутренности огромной каменной гробницы, в полу которой имеется отверстие – очевидно, тайник (рис. 3) [Пейзажи..., 2004. № 43]. Все это, а также указание на то, что в могиле нашли «*множество драгоценностей, которые отправили в Санкт-Петербург*», позволяет заключить, что художник изобразил курган Куль-Оба, находившийся на окраине Керчи и раскопанный в 1830 г. Здесь открыли захоронения знатного скифа (царя?) и его супруги-гречанки, датированные IV в. до н.э. Был здесь и тайник под полом, который достался грабителям [Храпунов И., 2004. С. 18, 78–80].

Легенда о «балаклавских амазонках»

В одном из «крымских писем» де Линя имеется следующий фрагмент: «*Я видел [женские] лица лишь у батальона албанок из маленькой македонской колонии, устроенной в Балаклаве. Две сотни красивых женщин или девушек с фузеями, багинетами и пиками, с амазонскими грудями для кокетства и длинными изящно заплетёнными волосами вышли к нам навстречу, но не из любопытства, а чтобы оказать нам честь*» [Prince de Ligne, 1914. Р. 77–78]. Слова об «амазонских грудях» (*gorges d’amazone*) не вполне понятны, ведь, как писали древние авторы, легендарные женщины-воительницы отрезали или прижигали правую грудь, чтобы она не мешала стрелять из лука или метать копье [Скифы..., 1992. С. 88, 252; Страбон, 1964. С. 477–478]. Есть предположение, что речь шла о доспехе – металлическом нагруднике [Sebag Montefiore, 2000. Р. 376]. Быть может, де Линь имел в виду специфическую одежду, отсутствие корсета, ведь в античном скульптуре и вазописи амазонок зачастую изображали в легкой тунике и с обнаженной грудью. Подобную статую или статуи де Линь мог увидеть и запомнить во время странствий по Европе (рис. 4). Его слова, очевидно, породили миф о «крымском амазонском войске», якобы собранном из жительниц Балаклавы для увеселения Екатерины II, который пересказывают до сих пор [например: Sebag Montefiore, 2000. Р. 376; Селиванова, 2010; История Севастополя..., 2021. С. 56–57].

Показательно, что в официальном камер-фурьерском журнале, где фиксировались все события, связанные с пребыванием императрицы в Крыму, «амазонки» не упомянуты: в Балаклаву вообще не заезжали, но к императрице и её свите вышли оттуда «*греческий священник с крестом и жители греки обоего пола с хлебом и солью...*» [Камер-фурьерский...,

1886. С. 482]. Нет «амазонок» и в утверждённом Г. А. Потёмкиным распорядке торжественных встреч императорского поезда [Маркевич, 1891. С. 118]. Показательно отсутствие каких бы то ни было известий о вооружённых дамах в сочинениях спутников Екатерины II – австрийского императора Иосифа II, французского посла Луи-Филиппа де Сегюра, врача императрицы Мельхиора Вайкарда, полковнца Шарля-Анри Нассау-Зигена, секретаря императрицы Александра Васильевича Храповицкого [Joseph II und Katharina..., 1869. S. 351–376; Ségur, 1827, p. 183–232; Weikard, 1799; Aragon, 1893. P. 141–175; Дневник..., 1901. С. 21–22].

Греческий писатель Афанасий Псалидас записал рассказ о своих соотечественниках, встречавших Екатерину II в Крыму, со слов ещё одного грека – майора русской службы Костаса Янницоса. Последний наговорил всяческих небылиц, и в том числе рассказал о том, что командовал отрядом греков, в который, помимо мужчин, входили вооружённые женщины. Этот отряд якобы встречал императрицу при въезде в неназванный город, в котором угадывается Бахчисарай, а не Балаклава. Екатерина II удостоила гречанок похвалы и щедро одарила многих из них [Иванов, 2021. С. 136–137]. Среди тех, кто был выстроен для встречи у входа в бывший ханский дворец в Бахчисарае 20 мая 1787 г., где должны были разместиться путешественники, находились греки – но не военные, а «благородных греков и албанцев малолетние их дети». На следующий же день Екатерина II отправилась на богослужение в походную полковую церковь, после чего «изволила жаловать к руке священника, потом гречанок...» – надо думать, местных (крымских) жительниц. Впоследствии, посетив Севастополь, императрица вновь прибыла в Бахчисарай, и 25 мая Потёмкиным были «представлены малолетние греки и албанцы и жалованы оные к руке» [Камер-фурьерский..., 1886. С. 463, 464, 466, 483, 484]. Более ничего в официальных документах не сказано. Кажется, Янницос дал волю фантазии.

Миф о «крымских амазонках» сформировался, когда большинства участников событий уже не было в живых. В 1844 г. в журнале «Москвитянин» был опубликован рассказ дамы по имени Елена Сарданова или Сарандова, которая, по её собственным словам, в 19-летнем возрасте была командиршей «Амазонской роты», собранной в Балаклаве из вооружённых жён тамошних греков на потеху императрице. Удивлённые увиденным, Иосиф II и Екатерина

II якобы удостоили её поцелуев, а последняя ещё и щедро наградила [Записка..., 1844; Лашков, 1889]. Рассказчица перепутала последовательность событий – свой визит к Екатерине II в Бахчисарай, последовавший за удачным выступлением «амазонок», она отнесла к празднику свв. Константина и Елены, который на самом деле приходился на первый приезд в город императрицы, до посещения ею Балаклавы [Камер-фурьерский..., 1886. С. 465].

В 1844 г. Сарданова (получившая по второму мужу фамилию Шидянская), уже совсем пожилая дама, вероятно, рассчитывала, что этот рассказ может принести ей какие-то средства. Создавая его, она могла что-то слышать о записках де Линя, которые были очень популярны, не раз переиздавались, в том числе дважды переводились на русский язык, а потому наверняка были на слуху и в Крыму. Публикация «амазонской истории» вызвала интерес у Николая I. У местных властей затребовали объяснения, и в конечном итоге Сарданова-Шидянская в 1848 г. получила единовременное пособие в 300 рублей от императорского Кабинета. В дальнейшем надпись «капитан Амазонской роты» была высечена на её надгробии [Лашков, 1889. С. 83–84]. Тем не менее, до появления достоверных источников рассказ о «балаклавском амазонском войске» следует относить скорее к легендарным, чем к подлинным эпизодам крымской истории.

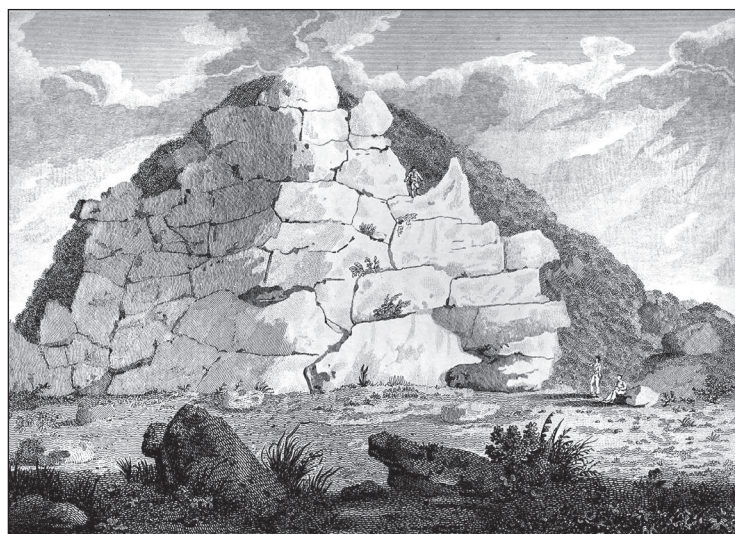
Проанализированные истории показывают, как в Новое время исторические сюжеты и археологические памятники Крыма переосмысливались и получали «новую жизнь». Записки путешественников не просто способствовали возникновению и популяризации соответствующих легенд, но и превращали археологические и природные объекты в достопримечательности, тем самым помогая трансформации Крыма в центр отечественного и международного туризма. Возникновение легенд вокруг объектов культурного наследия и виртуальных памятников истории Крыма, вероятно, следует рассматривать в рамках широкого процесса поэтизации, романтизации и «обогащения» истории, который в то время разворачивался по всей Европе. Истории о «храме таврической Дианы», «могиле Митридата» и «крымском амазонском войске» до сих пор функционируют в общественном сознании и исторической памяти людей, мало знакомых с достижениями науки, но интересующихся прошлым Крымского полуострова.

Литература

- Аппиан Александрийский. Римская история / ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1998. 726 с.
- Виноградов Ю. А. Золотой курган (Алтын-Оба) // Боспорские исследования. 2007. Вып. XVII. С. 5–20.
- Дневник А. В. Храповицкого. М.: В Университетской типографии, 1901. 402 с.
- [Екатерина II]. Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1878. Т. 23. С. 1–734.
- Записка об амазонской роте // Москвитянин. 1844. № 1. С. 266–268.
- Иванов С. А. «Балаклавские амазонки»: новое свидетельство // Chersonos themata: империя и полис. XIII Международный византийский семинар: Материалы конференции. Симферополь: Ариал, 2021. С. 135–138.
- Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005. 311 с.
- История Севастополя в трех томах. Т. 2: Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII века – 1917 г. / ред. Ю. А. Петров, Е. Б. Алтабаева. 2-е изд. М.; Севастополь: Альбатрос, 2021. 868 с.
- Казарин В. П., Яковенко Э. В. Пушкин и легенда о «Митридатом гробе» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1991. Вып. II. С. 161–164.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. 1012 с.
- Краснолуцкий А. Ю. Южный берег Крыма. История имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб.: Крига, 2020. 1112 с.
- Лашков Ф. Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской (Сарандовой) в Симферополе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 7. С. 83–86.
- Маркевич А. И. Материалы архива канцелярии таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1891. № 11. С. 76–143.
- Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли / сост. Е. Б. Вишневская. Киев: Мистецтво, 2004. 76 с.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания / подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. 2-е изд. М.: Наука, 1994. Т. 2. 672 с.
- Принц Шарль-Жозеф де Линь. Переписка с русскими корреспондентами / подгот. Ж. Веркрюйс, А. Строев. М.: НЛО, 2022. 576 с.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1, 2, 7, 9. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1959а, 1959б, 1962а, 1962б. 643, 799, 462, 494 с.
- Расин Ж. Сочинения. Т. 2 / пер. с фр. М.: Искусство, 1984. 464 с.
- Селиванова Л. Л. Российские амазонки на службе ее величества // Диалог со временем. 2010. Вып. 31. С. 74–88.
- Скифы: Хрестоматия / сост. Т. М. Кузнецова. М.: Высшая школа, 1992. 304 с.
- Страбон. География в 17 книгах / пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 940 с.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 237 с.
- Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России / пер. с фр. А. Ельницкого. СПб., 1912. 209 с.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. 2004. Вып. VI. С. 3–239.
- Храпунов Н. И. О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике? // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2006. Вып. XII. С. 571–584.
- Храпунов Н. И. Сотворение мифа: переосмысление памятников культурного наследия Крыма в конце XVIII – XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022а. Т. 24. № 2. С. 178–194.
- Храпунов Н. И. Крым принца де Линя // Французский ежегодник. 2022б. Т. 55. С. 5–24.
- Храпунов Н. И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022в. 324 с.
- Aragon [A. d']. Un paladin au XVIIIe siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1893. 396 p.
- Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tartary, and Turkey. 3rd ed. London: T. Cadell and W. Davies, 1813. 800 p.
- Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. A. von Arneth. Wien: Wilhelm Braumüller, 1869. 393 S.
- Prinze de Ligne. Lettres a la marquise de Coigny / éd. H. Lebasteur. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1914. 96 p.
- Racine J. Mithridate: tragédie / éd. J. Labbé. Paris: Librairie classique Eugène Belin, 1888. 122 p.
- Romme Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet et G. Bekirova. Paris: L'Harmattan, 2016. 145 p.
- Sebag Montefiore S. Prince of Princes: The Life of Potemkin. London: Phoenix Press, 2000. 634 p.
- Séjour [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs anecdotés. 3me éd. Bruxelles: X. Renaudière, 1827. Т. 3. 686 p.
- [Weikard M. A.] Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II. [Frankfurt: Andreä], 1799. 211 S.

**Рис. 1. Уильям Хадфилд. Приморский вид в Крыму
[по: Храпунов Н., 2022в. С. 255. Рис. 14]**

**Рис. 2. Эдвард-Даньел Кларк. Вид Алтын-Обы,
или Гробницы Митридата [по: Clarke, 1813. Р. 428–429]**

**Рис. 3. Карло Боссоли. Могила Митридата,
близ керченского лазарета [по: Пейзажи..., 2004. № 43]**

Рис. 4. Раненая амазонка. Копия Сосикла с оригинала Поликлета (V в. до н.э.).
Найдена в 1733 г. Капитолийские музеи, Рим [по: <https://www.museicapitolini.org/en/opera/statua-di-amazzone-ferita-firmata-da-sosikles>]

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ: К ИСТОРИИ ВЫВОДА ХРИСТИАН ИЗ КРЫМА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.¹

Катюшин А. Е.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
НИЦ истории и археологии Крыма, г. Симферополь
E-mail: katiushinaleksander@gmail.com*

Аннотация. Доклад посвящен обстоятельствам выхода старожильского христианского населения из Крыма в 1778 г. Кратко рассмотрен исторический аспект вопроса о расселении крымских народов как средства обеспечения безопасности России на южных рубежах, процесс подготовки к переселению христиан Тавриды и возможные причины этого переселения.

Ключевые слова: *Оттоманская Порта, Крымское ханство, Российская империя, Северное Приазовье, мусульманское население, крымские христиане, переселение народов.*

11 июля 1737 г. начался Немировский дипломатический конгресс, приостановивший русско-турецкую войну 1735–1739 гг., но так и не приведший к её окончанию. Русские послы, прибывшие в городок Немиров, были вооружены инструкциями, разработанными А. И. Остерманом. Требования, которые должны были выдвинуть русские дипломаты, касались установления сухопутных границ между Российской империей и Оттоманской Портой по рекам Днестр и Кубань. Кроме этого, инструкции утверждали, что прочный мир невозможен, пока между Россией и Турцией находятся «непокойные» крымские и кубанские народы. Предлагалось три *отдельных* варианта решения этой проблемы:

1. Кубань и Крым отходят к России навсегда. При этом татары остаются при своих правах и обычаях.

2. Татары выселяются в Порту, подальше от русско-турецких границ, возможно, с некоторой денежной компенсацией со стороны России. Крым, при этом, может быть заселен турецкими подданными, не исповедующими ислам. Россия обещает не держать в Крыму флот и не посягать на турецкую торговлю на полуострове.

3. Керчь и Еникале становятся русскими крепостями, контролирующими местное население [Орешкова, 2015. С. 170–172].

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзадачу Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

Немировский конгресс провалился. Война закончилась лишь в 1789 г. Белградским мирным договором, при заключении которого вопрос Крыма уже не рассматривался. Однако важно отметить, что российское представительство в Немирове попыталось донести дипломатам европейских государств идею выселения мусульман из Таврики как одну из возможных мер для обеспечения безопасности южных границ Российской империи и восстановления мира в Причерноморье.

Идея об изгнании татар с территории Крыма и возрождения там христианства была не нова и высказывалась различными общественно-политическими деятелями как задолго до Немировского конгресса, так и после него [Храпунов, 2021. С. 32 сл.].

Русско-Турецкая война 1768–1774 гг. закончилась Кючук-Кайнарджийским мирным договором, утверждавшим, кроме всего прочего, независимость Крымского ханства. Фактически, эта «независимость» татар и ногаев под «самодержавной» властью хана появилась в результате давления выигравшей в войне Российской империи на побеждённую Оттоманскую Порту с целью максимально отдаления крымских мусульман от власти верховного калифа [Дружинина, 1955. С. 278 сл., 350–351]. В конце 1776 – начале 1777 г. российской армией была проведена военная операция по эскортированию пророссийского претендента на бахчисарайский престол Шагин-Гирея в Крым с Кубани. В апреле 1777 г. татарская знать принесла присягу новому хану [Катюшин, 2020. С. 127–129].

Среди документов о присоединении Крыма к России, собранных военным историком Н. Ф. Дубровиным, сохранился рапорт командующего российской армией в Крыму князя А. А. Прозоровского от 20 января 1778 г., в котором он просит у князя Г. А. Потемкина конкретного наставления, как поступить с подерживаемым Россией ханом Шагин-Гиреем и его подданными в случае, если действительно «есть монаршие виды на завладение Крымом». Прозоровский высказывает мысль, что татар, «в наказание всех их продерзостей», можно «из милосердия» выдворить в Бессарабию или на Кубань, или ещё куда-нибудь. А христиан из Крыма выводить незачем, так как, когда полуостров войдет в империю, «они будут первые здесь жители» [Дубровин, 1885б. С. 97–98]. Это была, можно сказать, концентрация прежнего антиисламского дискурса в отношении Крыма, изложенная российским генералом, находящимся в физическом центре событий. Однако «монаршие виды» на присоединение Крыма оставались без реализации ещё пять лет. В течение этого времени, как и раньше, Россия продолжала поддерживать свой проект «независимого» Крымского ханства с Шагин-Гиреем во главе, не имея, до поры, какой-то последовательной стратегии по включению Крыма в состав своих земель [Орешкова, 2008; Мальгин, 2013; Храпунов, 2021. С. 49–50].

3 октября 1777 г. в Крымском ханстве вспыхнул антиправительственный мятеж. Волнения широко распространились по всему полуострову [Дубровин, 1885а. С. 784–790; Смирнов, 1889. С. 182]. Татары, неся потери в стычках, «теряя множество людей, скот, имение, жен и детей своих», упорно выступали против русских отрядов и Шагин-Гирея. Бунт, длившийся четыре месяца, был подавлен Прозоровским только в начале февраля 1778 г. [Дубровин, 1885б. С. 10, 216]. Во время бунта, конечно же, терпели бедствия и крымские христиане: секунд-майор Буйносов, проезжая через деревню Черкес-Кермен в конце января 1778 г., отмечал, что все местные греки покинули свои дома и разбежались «оттого, что татары большие насильства им делают» [Дубровин, 1885б. С. 145].

Издавая высочайший указ П. А. Румянцеву от 11 февраля 1778 г., Екатерина II ещё не знала о прекращении мятежа в Крыму. В указе императрица рекомендовала, в случае отсутствия решительной победы Прозоровского над повстанцами, а так же учитывая изнуренность его отрядов, прекратить всякое преследование татар, собрать войска и отступить к Перекопу на зимние квартиры. Этим

Российская империя как бы демонстрировала Османской Порте свое стремление к миру. Шагин-Гирея надлежало оберегать посредством русского оружия, используя его имя и власть где только возможно. Армии предписывалось также взять под защиту от мятежников *крымских христиан*, уведа их за собой и используя их собственные подводы для перевозки провианта и фуража [Дубровин, 1885б. С. 221–225]. Идея о переселении их в южные губернии России появилась, по-видимому, несколько позже: в ордере от 25 февраля 1778 г. Румянцев советует Прозоровскому в процессе отхода от Крымских гор к Перекопу, «христиан... приглашать на поселение в Азовскую или Новороссийскую губернию... и господу губернаторы, могли бы сходственно их повелениям, их теперь приохочивать переселять» [Дубровин, 1885б. С. 296]. А. В. Суворов, командовавший в это время войсками на Кубани, получил похожие наставления относительно некрасовцев [Дубровин, 1885б. С. 299], то есть тех самых игнат-казаков, судьба которых достойна отдельного изучения историками.

9 марта 1778 г. были изданы высочайшие рескрипт и указ графу Румянцеву и князю Потемкину, в которых Екатерина II повелевала употребить все возможные способы для добровольного переселения крымских христиан в Новороссийскую и Азовскую губернии, «где под покровом нашим найдут они спокойнейшую жизнь и возможное благоденствие», обнадежив, прежде всего, крымского греческого митрополита «разными выгодами». Русским представителям в Крыму надлежало объяснить Шагин-Гирею, что это делается для предупреждения мщения христианам от татар и, возможно, турок, если они вторгнутся в Крым. Переезжающие семьи должны были быть обеспечены всем необходимым и в пути, и по прибытии на место [Дубровин, 1885б. С. 317–319]. Рескрипты были доведены по инстанции до Прозоровского и резидента А. Д. Константинова.

Прозоровский явно был не в восторге от выпавшей ему очередной обременительной миссии: на этот раз князю приказывали убедить хана в пользу предприятия, сулившего Шагин-Гирею не только материальный ущерб, но и потерю авторитета. Прозоровский в рапорте Потемкину кратко объясняет, что сейчас к уговорам местных христиан на переселение даже приступать нельзя, так как ни хан, ни правительство на это никак не согласятся. Вместо этого уж лучше сразу следовало бы просить Шагин-Гирея оставить ханский престол и сделать Крым частью России. Как раз

вывод части крымского населения, «ясырей ханских», «которые одни теперь только и доход хану давать могут», по мнению Прозоровского, мог привести к возобновлению войны с Портой [Дубровин, 1885б. С. 322].

Впрочем, Прозоровский вскоре получил почетную отставку и уже не занимался крымскими проблемами, передав дела резиденту Константинову и генерал-поручику Суворову [Дубровин, 1885б. С. 401, 405, 430–431]. Заранее объявить Шагин-Гирею об исходе его поданных райя так никто из них и не решился.

В июле 1778 г. крымские христиане через митрополита Игнатия попросили российские власти предоставить им официальную монаршую грамоту по поводу выхода из Крыма для убеждения колеблющихся единоверцев. При этом было представлено «Постановление крымских христиан», состоявшее из четырёх разделов, касавшихся расположения новых земель, куда направляются переселенцы, строительства населенных пунктов, условий хозяйствования и торговли на новом месте, церковной власти, налоговых ставок и льгот [Дубровин, 1885б. С. 555–557]. Одновременно Суворов подал Румянцеву предварительный план мероприятия по переселению, включавший сведения о необходимости дополнительных перевозочных средств, возможных местах расселения, снабжении продовольствием и мерах защиты. Готовых выехать из Крыма христиан к середине июля 1778 г. уже насчитывалось от 20 000 человек. Были запланированы существенные денежные подарки митрополиту и другим знатым христианам, а также «подъемные» суммы переселенцам [Дубровин, 1885б. С. 558–560].

Несмотря на такие активные приготовления к исходу христиан из Крыма, Шагин-Гирею русские власти никакого официального уведомления об этом предстоящем событии не послали. Однако к хану поступает информация из третьих источников, что русский резидент и генерал убедили некоторых греков и армян продать свое имущество и готовиться в дорогу, а других христиан обманом заставляют, вопреки их желанию, сделать то же самое. Шагин-Гирей не верил: он считал это очередной провокацией, направленной на возмущение народа [Дубровин, 1885б. С. 561–562, 579–583].

В конце концов, Суворову все же пришлось объясниться с ханом: в коротком письме от 20 июля 1778 г. генерал изложил позицию российских властей относительно крымских христиан [Дубровин, 1885б. С. 583]. После этого Шагин-Гирей, «изнуряемый гневливостью», выехал из Бахчисарая и расположил-

ся лагерем по дороге на Ак-Мечеть. К нему на аудиенцию высочайшим именем пытался попасть резидент Константинов, но хан его принял не сразу, сказавшись больным. На аудиенции Шагин-Гирей, раздосадованный и разочарованный, выразил желание уехать из отечества и предать себя воле императрицы [Дубровин, 1885б. С. 587–588, 592–593].

В последней декаде июля 1778 г. из Крыма отправились около 100 человек крымских христиан. «Слава Богу, что веревка потянется» – писал о начале исхода Суворов [Дубровин, 1885б. С. 590]. А уже 18 сентября командующий крымским корпусом докладывал Румянцеву об окончании вывода с полуострова свыше 31 тысячи человек [Дубровин, 1885б. С. 710 сл.].

Переезд и освоение новых мест переселенцами сопровождалось тяготами и лишениями. Эта акция русского правительства получила неоднозначную оценку в трудах историков [Дмитриева, 2020. С. 20]. В частности, крайне негативно её характеризовал А. Л. Бертье-Делагард, считая, что «вся эта затея была одною из тех несчастных ошибок, которые основаны на невежестве дипломатических канцелярий и которыми, не сознавая того, одна рука уничтожает то, что другая тщится приготовить» [Бертье-Делагард, 2012. С. 171].

Почему же мечты о возрождении древнего христианства в Крыму были забыты, а реальностью стало выселение (пусть и условно-добровольное) тех самых христиан, которые должны были стать основой этого возрождения?

Как мне кажется, в данном случае победу над романтическими мечтами о «православной реконкисте» одержал рациональный подход русской правящей элиты к сложившейся ситуации на юге России. Екатерина II, беспокоясь о международном авторитете Российской империи, стремилась, хотя бы наружно, соблюдать заключенный в 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Третий артикул договора о «независимом» Крымском ханстве подразумевал присутствие русских войск только в крепостях Керчь и Еникале. Императрица долгое время (вероятно, вплоть до конца 1782 г.) рассматривала захват и присоединение Крыма возможным только в том случае, когда Османская Порта высадит десант на территории ханства и тем самым первой нарушит мирный договор. Тогда отрядам императорской армии, сконцентрированным на южных границах России, надлежало войти в Крым с севера и «стремительным изворотом» разбить неприятеля. «По даровании от Всевышнего такого успеха Крым и Очаков

остаются в наших руках залогом за долг, турками невыплаченный и в удовлетворение за неоднократные расхищения наших магазинов татарами и за прочие для них понесенные убытки, коих в несколько десятков годов весь Крым выплатить не в состоянии» [Дубровин, 1885б. С. 528].

Иначе говоря, Крымский полуостров во второй половине 70-х гг. XVIII в. рассматривался как театр военных действий в недалёком будущем, и вывод лояльного населения

с этой потенциально опасной территории, в таком случае, выглядит совершенно логичным. С другой стороны, Северное Приазовье стало стратегически важным для России плацдармом, откуда можно было контролировать и Крым, и Кубань. Основание Мариуполя в устье р. Кальмиус и других населенных пунктов между Таганрогом и Петровской крепостью было, несомненно, крайне необходимо для укрепления мощи и безопасности Российской империи на южных рубежах.

Литература

- Бертъе-Делагард А. Л.* Избранные труды по истории средневекового Крыма. Т. 3. Симферополь: Доля, 2012. 322 с.
- Дмитриева В. В.* Переселение христианского населения из Крыма в Приазовье в 1778–1780 гг. // Национальная ассоциация учёных. 2020. № 54 (3). С. 18–21.
- Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 368 с.
- Дубровин Н. Ф.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том первый. 1775–1777 гг. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1885а. VI, XXVI, 873 с
- Дубровин Н. Ф.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том второй. 1778 г. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1885б. [4], XX, 924 с.
- Катюшин А. Е.* Крымское ханство между двумя империями: Шагин-Гирей на пути к бахчисарайскому престолу // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции. Т. 2 / Отв. ред. А. Д. Васильев. М.: ИВ РАН, 2020. С. 125–129.
- Мальгин А. В.* Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1. С. 45–68
- Орешкова С. Ф.* Крымское Ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 121–127.
- Орешкова С. Ф.* Немировский конгресс. От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу. М.: ИВ РАН, 2015. 336 с.
- Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. 252 с.
- Храпунов Н. И.* Размышления о необходимости присоединения Крыма к России в трудах отечественных и зарубежных авторов XVI–XVIII вв. // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова): коллективная монография / Отв. ред. Т. В. Котюкова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 28–51.

РОССИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ И ХЕРСОНЕС

Тихонов И. Л.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, г. Санкт-Петербург
E-mail: iltikhonov@mail.ru*

Аннотация: *Статья посвящена визитам российских императоров в Херсонес в последней четверти XIX – начале XX в., где они знакомились с раскопками и собранными коллекциями. Впервые полностью публикуется донесение руководителя раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича о посещении музея 10 мая 1893 г. Александром III. Подобные посещения, широко освещаемые прессой, играли определенную роль в формировании в общественном мнении имиджа археологии как социально значимой и полезной науки.*

Ключевые слова: *императоры, Александр II, Александр III, Николай II, Херсонес, археология, раскопки, музей.*

Ни один археологический памятник на территории Российской империи не привлекал к себе в конце XIX – начале XX в. столько внимания представителей царствующей династии Романовых, как Херсонес Таврический. Этому есть вполне понятное объяснение, поскольку Херсонес-Херсон-Корсунь в их глазах был не только крупнейшим центром античной и византийской культуры в Крыму, но и местом, откуда на Русь, согласно летописям, пришло христианство. Здесь же, в Севастополе, находилась и главная черноморская база Военно-морского флота России, которому всегда уделялось много внимания со стороны руководителей государства. Немаловажным обстоятельством было и то, что с середины XIX столетия неподалеку на Южном берегу Крыма появились императорские и великокняжеские резиденции, которые часто посещались их владельцами.

Со времени путешествия в Крым Екатерины II все российские самодержцы, кроме Павла I, бывали в Севастополе. Однако, далеко не сразу они проявили интерес к древностям Херсонеса. Александр I и сменивший его на престоле Николай I скорее интересовались древностями, которые находили в окрестностях Керчи. В 1818 г. император познакомился там с раскопками и коллекциями П. Дюбрюкса, поручив ему продолжать исследования [Тункина, 2002. С. 147–148]. Замечательное открытие царского погребения в кургане Куль-Оба особо привлекло внимание монарха, который с этого времени стал регулярно выделять средства на археологические раскопки на территории Кер-

ченского и Таманского полуостровов. Николай I увидел здесь большие возможности для пополнения уникальными предметами древнего искусства собраний Императорского Эрмитажа. Не затрачивая значительные суммы на экспедиции в Средиземноморье, можно было пополнять придворные коллекции яркими предметами скифского искусства, подобных которым не имел ни один европейский музей.

В сентябре 1837 г. Николай Павлович вместе с наследником престола Александром Николаевичем посетили Керчь, где их встретили хлебом-солью на серебряном блюде «из гробницы царицы Рископурис», найденном в кургане с золотой маской незадолго до приезда императора. Несмотря на то, что визит был очень коротким, высокие гости нашли время для посещения музея древностей, а наследник еще побывал на раскопках кургана в окрестностях городища Мирмекий [Санжаровец, 2015. С. 67]. Боспорские древности становились «визитной карточкой» Керчи. Впоследствии, в сентябре 1861 г. Александр II опять посещал Керченский музей древностей, а его наследник цесаревич Николай Александрович в 1863 г., несмотря на кратковременность пребывания в Керчи, также побывал в музее и посмотрел Царский курган.

В окрестностях Херсонеса российских монархов первоначально больше привлекали другие памятники и, особенно, христианские святыни. Так, во время поездки царской семьи по Крыму в сентябре 1837 г., начавшейся в Севастополе, путешественники посетили Ге-

оргиевский и Успенский монастыри, городище Чуфут-кале, ханский дворец в Бахчисарае [Сафонов, 1840. С. 5–29]. Интерес к Херсонесу – Корсуню древнерусских летописей, как месту, где принял крещение киевский князь Владимир, стала проявлять Русская православная церковь. В 1850 г. император Николай I одобрил «восстановление древних святых мест в Крыму» и вскоре разрешил передачу церкви под создаваемый монастырь во имя святого равноапостольного князя Владимира почти 40 гектаров территории, большую часть которой занимали остатки Херсонесского городища [Тункина, 2002. С. 525].

В 1852 г. Николай I опять приехал в Севастополь, но флот и крепостные укрепления интересовали его куда больше, чем местные древности. Они первоначально не привлекали к себе внимания и Александра II, вступившего на престол в конце Крымской войны. В 1858 г. он дал разрешение на строительство храма во имя святого князя Владимира в Херсонесе и пожертвовал на эти цели большую сумму. Летом 1861 г. в его присутствии состоялась торжественная закладка храма. Настоятель монастыря архимандрит Евгений сообщал о своей беседе с императором, который одобрил создание собрания древностей при монастыре. При этом можно предполагать, что речь шла о христианских древностях, поскольку еще в 1853 г. перед началом раскопок графа А. С. Уварова в Херсонесе было принято решение о том, что христианские древности будут переданы церкви, а античные – в Эрмитаж.

Однако, к самому городищу никакого высочайшего интереса не наблюдалось – «здесь царил полный покой» [Храпунов, 2013. С. 359]. Несмотря на то, что раскопки в Херсонесе, начавшиеся в 1827 г., с некоторыми перерывами продолжались и в последующие десятилетия, «августейшего» внимания они почти не привлекали до 1880-х гг. С середины столетия их вели Одесское общество истории и древностей (ООИД) и монахи местного монастыря. Вероятной причиной отсутствия интереса к этим раскопкам было то обстоятельство, что они не приносили столь заметных шедевров как боспорские склепы. «Херсонесские древности, пожалуй, не заслуживают оставления в Эрмитаже...» – утверждал в 1879 г. будущий вице-президент ООИД А. Л. Бертье-Делагард [цит. по: Шаманаев, 2015. С. 35]. Действительно, до конца 1880-х гг. древности из Херсонеса, за исключением отдельных памятников, как барельеф Фиогена или находки Д. В. Карейши в 1846–1847 гг. и графа А. С. Уварова в 1853–1854 гг., почти не были представлены в собрании императорского музея, поскольку попада-

ли или в Одесский археологический музей, или оставались в монастырском древлехранилище. Многие находки попадали в частные руки.

В конце лета 1875 г. Херсонес посетили младшие сыновья Александра II великие князья Сергей и Павел Александровичи, а также их двоюродные братья великие князья Александр, Николай и Георгий Михайловичи. Этот визит был частью путешествия по Крыму с целью знакомства с его историческими памятниками. Великих князей сопровождал граф А. С. Уваров, руководивший научной частью поездки. В своем дневнике он отметил, что территория городища не сильно пострадала от траншей неприятеля времен Крымской войны, но, тем не менее, раскопки они провели в другом районе – в окрестностях Гаспры [Стрижова, 1996. С. 203; 1998, С. 95]. В следующем году граф Уваров специально ездил в Петербург для чтения лекций по археологии великим князьям, а в 1878 г. составил для них маршрут путешествия, на этот раз по Северо-Западу России, в ходе которого они провели и самостоятельные раскопки курганов. Стремление Уварова привить высокопоставленным ученикам любовь к истории и археологии не пропало даром, и впоследствии они в некоторой степени проявили себя на этом поприще [Тихонов, 2008а. С. 155–156].

Новый этап в изучении древнего Херсонеса начался во второй половине 1880-х гг., когда за его раскопки взялась Императорская археологическая комиссия. И вот здесь императору Александру III довелось сыграть непосредственную роль, санкционировав с высоты своего положения новые исследования уникального памятника.

Впервые он посетил Севастополь в 1869 г., еще являясь наследником престола. Тогда его интересовали в первую очередь памятные места, связанные с еще сравнительно недавно отгремевшей Крымской войной, центральным событием которой была героическая оборона Севастополя. Следующее посещение города русской морской славы состоялось уже в статусе императора в 1886 г., и его программа была более разнообразной.

4 мая Александр III посетил Братское кладбище защитников Севастополя на Северной стороне. 5 мая он провел смотр 13-й пехотной дивизии на Куликовом поле, после чего вместе с семьей поехал в Херсонесский монастырь. Там высоких гостей встретил епископ Таврический и Симферопольский Мартиниан, который показал раскопки и археологические находки. Осмотрев монастырский «музей», император был удивлен тому, как мало там находилось предметов, несмотря на многие годы раско-

пок. Часть находок вообще находилась в квартире настоятеля, а крупные архитектурные детали и эпиграфические памятники – даже в монастырской оранжерее. В итоге он был вынужден грустно констатировать: «Я думаю, что все расхищено» [Первые раскопки..., 2023]. На следующий день состоялось открытие Алексеевского сухого дока и спуск на воду броненосца «Чесма». В последний день пребывания в Севастополе императорская семья посетила Константиновское реальное училище, музей Севастопольской обороны, адмиралтейский собор св. Николая, собор св. Владимира – усыпальницу адмиралов и храм архистратига Михаила.

В начале осени этого же года по возвращению в Москву после путешествия по Кавказу¹ в Херсонес приехала руководитель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова, которая также была возмущена отсутствием надлежащих мер по изучению и сохранению столь важного памятника. 5 июня 1887 г. она направила письмо императору Александру III, в котором писала: «Вашему Императорскому Величеству угодно было прошлым летом посетить древний Херсонес и нам нет надобности распространяться ныне на счёт того запустения, в котором Херсонес предстал перед Августейшими глазами Вашими». На полях этого письма император заметил: «Действительно, я был поражён этим безобразием». Графиня сообщала, что монахи ведут очень не качественные раскопки и продают найденные древности. Далее она предлагала немедленно запретить бесконтрольные раскопки и поручить их ведение одному из ученых обществ, имея ввиду в первую очередь возглавляемое ею Московское археологическое общество. В итоге Александр III наложил общую резолюцию, адресованную министру народного просвещения: «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров. Поговорите об этом деле с кем следует и представьте мне заключение и как можно скорей, чтобы спасти все, что можно спасти» [Романчук, 1991. С. 6–24; Кац, 2014. С. 354–355; Стоянов, 2019. С. 748–749]. В конце июня обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев уже сообщал епископу Таврическому Мартиниану о том, что «государь император высочайше повелеть изволил: “Теперь же строго запретить монашествующим производить раскопки и продавать найденные вещи”» [Шаманаев, 2009. С. 324].

В свою очередь, Императорская археоло-

гическая комиссия сама вынашивала планы раскопок в Херсонесе, что было связано с появлением в феврале 1886 г. на посту ее председателя энергичного графа А. А. Бобринского. Отношения Московского археологического общества с Археологической комиссией, недружественные изначально [об этом см.: Тихонов, 2006], перешли в новую фазу противостояния по вопросу о праве выдачи разрешений на раскопки [Тихонов, 2008б. С. 41–44; Мусин и др., 2019. С. 185–202]. Херсонес стал еще одной точкой этой конкурентной борьбы. Обращение П. С. Уваровой к императору сыграло роль катализатора в процессе организации новых исследований Херсонеса, но результат оказался совсем не таков, как она ожидала – раскопки были поручены Археологической комиссии. С 1888 г. их стал вести К. К. Косцюшко-Валюжинич.

В последующие годы Александр III еще несколько раз посещал Севастополь, но времени для Херсонеса не находилось. В октябре 1888 г. он был в городе только один день, проездом в Петербург. В 1891 г. визит также был кратким и посвящен, в основном, флоту. Более длительным и разнообразным по программе оказался приезд царя в 1893 г. Журнал «Нива» сообщал, что 9 мая император на пароходе «Эриклик» обошел порядка 30 кораблей, выстроенных на севастопольском рейде, и посетил броненосцы «Синопа» и «Двенадцать Апостолов», минный крейсер «Казарский» и транспорт «Буг» [Высочайший смотр, 1893. С. 526]. Вечером состоялся бал и ужин в Морском собрании. На следующий день императорская семья на катере прибыла на Графскую пристань, откуда конными экипажами направились в сторону Херсонеса, по пути проведя смотр войск в Карантинной балке. В монастыре отслужили молебен в соборе Святого Владимира. «Кроме монастыря в тот приезд в Херсонесе императорской семьей были осмотрены хранящиеся там древности, добытые в ходе раскопок. Пояснения давал заведующий раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинич. Из Херсонеса по дороге вокруг бухты император со свитой отправились на батарею № 10, построенную в 1892 году» [Ивицкая, 2019].

Сохранившаяся в архиве ИИМК РАН машинописная копия рапорта К. К. Косцюшко-Валюжинича об этом визите императора (НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. 1900 г. Д. 174. Л. 62–64; см. Приложение) позволяет более детально охарактеризовать его обстоятельства. Этот отчет о посещении музея, устроенного на месте раскопок всего за год до приезда императора, был написан на следующий день – 11 мая 1893 г. Эта копия хранится в делах комиссии за 1900 г. и

¹ А. И. Романчук писала, что П. С. Уварова посетила Херсонес в 1886 г., возвращаясь из Константинополя. В действительности она возвращалась из Сухума после путешествия по Кавказу, о чем сама написала в своих воспоминаниях [Уварова, 2005. С. 138].

вероятно была снята с рукописного оригинала в связи с подготовкой записки председателя комиссии графа А. А. Бобринского «Очерк деятельности Императорской археологической комиссии в царствование Александра III» (Там же. Л. 2–23об.). Записка должна была подчеркнуть роль самого Бобринского в активизации деятельности комиссии, поскольку он был назначен ее председателем 1 февраля 1886 г. по распоряжению Александра III. Но основной ее целью было, апеллируя к сыновним и патриотическим чувствам Николая II, добиться увеличения штатов комиссии и выделения новых средств на раскопки. В резюмирующей части записки граф призывал нового царя сделать то же для Ольвии, что его отец сделал для Херсонеса. Надо заметить, что этот замысел Бобринского вполне удался, и в ежегодной смете Археологической комиссии появилась новая строка расходов – 4000 рублей на раскопки Ольвии, которые начались в 1901 г. Всего же, по его подсчетам, за время царствования Александра III на деятельность Археологической комиссии было потрачено более полу-миллиона – 518200 рублей (Там же. Л. 14).

Некоторые материалы записки Бобринского были опубликованы в книге, посвященной Министерству императорского двора в период царствования Александра III. Там он особо подчеркивал роль императора в издании Высочайшего постановления 11 марта 1889 г., с которого началось превращение Археологической комиссии в общегосударственный центр российской археологии [Императорская..., 1901. С. 117]. Не вызывает сомнений, что само появление этого важнейшего документа в процессе создания системы государственного контроля над археологическими раскопками стало возможно благодаря личным связям графа А. А. Бобринского с императором, с которым он был хорошо знаком с детства, а во взрослом возрасте занимал высокие придворные должности [Тихонов, 2003. С. 103–112].

Этими же связями объяснялись и регулярные визиты императора на ежегодные выставки вновь открытых древностей, которые комиссия стала устраивать в 1880-е гг. Первые такие выставки устраивались прямо в залах Картинной галереи Эрмитажа, потом они стали проходить в собственных помещениях Археологической комиссии на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки. Еще в 1883 г. Александр III посетил выставку археологических открытий за два года. Было отмечено, что там особо выделяется «собрание превосходных произведений классического искусства», собранных на Керченском и Таманском полуостровах. Выставка императору понравилась, о чем могли свиде-

тельствовать награды сотрудникам комиссии (НА ИИМК РО. Ф. 1. 1883 г. Д. 8. Л. 1–10).

На выставке находок 1888–1890 гг. среди прочих уже были представлены древности из раскопок Херсонеса. 15 марта 1893 г. Александр III опять посещал ежегодную выставку Археологической комиссии и обратил внимание на рисунки готовящегося издания Н. П. Кондакова «Русские клады». Выяснив, что работы были приостановлены за недостатком денежных средств, император пообещал решить этот вопрос. Книга вышла в 1896 г. уже после смерти Александра III и была посвящена его памяти как «державного покровителя русского искусства и науки родной старины». На обороте ее титула было указано, что она издана «на высочайше дарованные средства». Видел император и херсонесские древности, также демонстрировавшиеся на этой выставке [Выставка..., 1894]. Комиссия даже стала издавать каталоги таких выставок под названием «Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора». Важно отметить, что на этих выставках показывались не только высокохудожественные вещи, но и рядовой археологический материал, т.е. тем самым давалось адекватное представление о деятельности археологов как ученых, исследующих древнейшее прошлое, а не «копателей», добывающих ценные экспонаты для императорских музеев.

Судя по всему, визит Александра III в «Склад местных древностей» Археологической комиссии в Херсонесе, о котором сообщал К. К. Косцюшко-Валюжинич, мог быть связан с желанием императора проверить, как выполняется его распоряжение 1887 г. Отчасти он уже был подготовлен к этому общением с А. А. Бобринским и выставками в Петербурге. Само посещение Херсонесского музея императорской семьей заняло 35 минут, на осмотр самих раскопок времени не хватило. Императрица Мария Федоровна выразила сожаление по этому поводу, а сам император заметил, что для присутствия на раскопках потребовался бы целый день. Тем не менее, высокие гости осмотрели всю имеющуюся коллекцию, собранную за пять лет раскопок. Примечательно, что их заинтересовали даже такие сугубо научные вопросы как амфорные клейма и способы снятия копий с эпиграфических памятников. Узнав, что само помещение музея принадлежит Археологической комиссии, а не монастырю, император выразил полное удовлетворение увиденным, заявив, что «теперь виден порядок». Это был последний визит Александра III в Херсонес, на следующий год его не стало.

Новый царь Николай II посещал Херсонес вместе с отцом еще будучи наследником. В статусе императора он вновь побывал там 22 августа 1898 г. и, впечатленный увиденным, увеличил ежегодное финансирование раскопок до 6000 рублей. Николая сопровождали его мать – вдовствующая императрица Мария Федоровна, брат Михаил и сестра Ксения, а также великий князь Александр Михайлович. К. К. Косцюшко-Валюжинич сообщал об этом визите: «Государь вынес хорошее впечатление из нашего древнехранилища, иначе император не оставался бы в нем 40 минут!.. У ворот Его Величество изволил осчастливить меня пожеланием дальнейшего успеха и сообщением, что в память своего посещения Херсонеса, Его Величеству угодно увеличить кредит для раскопок на 2000 рублей ежегодно...» [Прохорова, 2021]. Император хорошо помнил руководителя раскопок и в следующем году в разговоре с председателем ИАК графом А. А. Бобринским именовал его «добрейший Валюжинич», вспоминая что он, проводя экскурсию по городищу, предсказывал открытие крепостной стены античной эпохи [Романчук, 2008].

Вновь Николай II приехал в Херсонес 18 сентября 1902 г. вместе с супругой – Александрой Федоровной и большой свитой, состоящей из царедворцев и местного начальства (рис. 1). Этот осмотр музея и раскопок длился уже два часа, более того, в конце Николай поинтересовался всё ли, достойное внимания, они рассмотрели. Об этом событии К. К. Косцюшко-Валюжинич составил довольно подробный отчет, который был опубликован сначала в газете «Крымский вестник», потом в 34-м томе «Известий Таврической ученой архивной комиссии», а в 1904 г. вышел и отдельной брошюрой [Косцюшко-Валюжинич, 1902а; 1902б; 1904]. Существенно заметить, что император подготовился к этому визиту, прочитав записку руководителя раскопок об открытиях последних лет на городище и некрополе. Поэтому не ограничившись осмотром музея, высокие гости посетили и открытые раскопками башни и стены, постройки, храмы и даже залезли в катакомбы и римский склеп II в. н.э., пристроенный к крепостной стене. От этого визита сохранилось несколько фотографий, и на одной из них видно, как императрица отряхивает запачканное платье, а император вылезает из склепа в полусогнутом состоянии (рис. 2). Рукой цензора на этой фотографии было написано «Не может быть допущено к печати и продаже».

Этот царский визит в Херсонес в контексте взаимоотношений руководителя раскопок и духовного начальства уже становился предметом специального рассмотрения [Калинов-

ский, 2017]. Можно добавить, что обещания царя оказались выполненными частично. К. К. Косцюшко-Валюжинич сообщал, что было обещано увеличить бюджет раскопок до 10 тысяч рублей в год и «подумать» о строительстве нового здания для музея. Первое было выполнено и надо заметить, что подобной суммы не тратилось на исследование ни одного другого памятника археологии в Российской империи в ту эпоху. Увеличение финансирования было прямым следствием внимания и визитов монарха в Херсонес. Однако вопрос о строительстве более подходящего и соответствующего музейного здания так и остался не решенным.

Вероятно, Николай II рассказал дочерям об увиденном в Херсонесе, во всяком случае, через несколько дней они тоже побывали в музее и на раскопках. В книге посетителей музея есть автографы великих княжон и в последующие годы – 1907, 1909, когда они посещали его без отца.

К. К. Косцюшко-Валюжинич, хорошо понимая значение «высочайших» визитов в Херсонес, всегда расценивал их как одни из наиболее значимых событий в жизни возглавляемого им музея. Так, в 1904 г. он отказался от предлагаемой за счет Археологической комиссии поездки по Греции, которую ежегодно устраивал Германский археологический институт в Афинах для знакомства на местах с важнейшими памятниками. Главной причиной отказа было указано ожидание планировавшегося «Высочайшего приезда в Херсонес» (НА ИИМК РО. Ф. 1 Оп. 1903 г. Д. 74. Л. 5). Этот визит, насколько известно, не состоялся, но, в отличие от директора Керченского музея В. В. Шкорпила, Косцюшко-Валюжинич никуда не поехал.

Посещением императора Херсонеса в 1902 г. опять попыталась воспользоваться графиня П. С. Уварова в своем противостоянии с Археологической комиссией. В октябре она обратилась с письмом к императору, в котором выдвинула целый ряд обвинений и замечаний и в адрес комиссии, и заведующего раскопками, а также предложила комплекс радикальных мер, вплоть до закрытия монастыря, мешающего исследованию памятника [Гриневиц, 1927. С. 33–35]. Большого впечатления это письмо на царя не произвело, поскольку он был вполне удовлетворен увиденным летом в Херсонесе и вполне доверял председателю Археологической комиссии. Письмо было спущено в Министерство двора, в состав которого входила комиссия. А. А. Бобринской подготовил доклад монарху, в котором с некоторыми предложениями графини согласился, но решительно отверг все претензии.

В 1911 г. Николай II вместе со всеми четырьмя дочерьми опять приехал в Херсонес. Последний раз император побывал там 11 августа 1913 г. опять в сопровождении дочерей и приближенных царедворцев (рис. 3–4). Об этом граф А. А. Бобринской сообщал в письме к Б. В. Фармаковскому от 16 августа 1913 г.: «В Херсонесе посещение Государя состоялось, благодаря моей настойчивости. Телеграммами и письмами я неустанно напоминал о лично высказанном нам – помните? – в Царском Селе желании посетить раскопки и до того я всем надоел, что пробил брешь в свитском равнодушии (чтобы не сказать более) к археологии, и посещение состоялось».

ОТОМСТИТЬ свитским генералам взял на себя Феб² и палил таким небывалым зноем, что вода текла и текла с голов из под форменной фуражки, а лица обратились в нечто багрово-красное и апоклептическое. Представьте себе князей Орлова и Трубецкого, генералов Дедюлина и Гринвальта³ три часа подряд⁴ бегающих по камням Херсонеса, при вертикальном луче Реомюра в 45^о Реомюра⁵!

Показали мы Государю: могилу мучеников, башню, музей, город с башнями, мозаичные полы храмов и т.д.

Для первого номера (могила мучеников) выписал я из Кореиза (по его желанию) М. И. Ростовцева. Конституционист-либерал-профессор приехал в соломенной шляпе и пиджаке⁶, для чего сделал (с 5-ти часов утра) 80 верст в автомобиле. Усерднейше показывал, доказывал, объяснял, предлагал таблицы будущего издания и стоял под зноем без шляпы до того, что Государь двукратно просил его покрыться... Далее первую скрипку играл Лепер⁷, который в роли известителя хорош,

² Прозвище Апполона – древнегреческого бога Солнца и света, покровителя искусств.

³ Князь В. Н. Орлов (1868–1927) – генерал-майор, флигель-адъютант, начальник Военно-походной канцелярии Николая II. Князь В. В. Трубецкой (1868–1931) – с 1899 г. вахтенный офицер на императорской яхте «Штандарт», капитан I ранга (позднее контр-адмирал), начальник 3-го дивизиона миноносцев Черноморской минной дивизии. В. А. Дедюлин (1858–1913) – генерал от кавалерии, дворцовый комендант. А. А. Гринвальд (1847–1922) – генерал-адъютант, обер-штальмейстер

⁴ А. А. Бобринской несколько преувеличил продолжительность визита. Судя по дневнику Николая II, он продолжался не более полутора-двух часов.

⁵ 56,25 градусов Цельсия.

⁶ М. И. Ростовцев имел в 1913 г. чин статского советника и по придворному этикету должен был появляться перед императором в форменном мундире.

⁷ Р. Х. Лепер (1865–1918) – историк, археолог, руководитель раскопок Херсонеса в 1908–1914 гг. О нем см.: [Мусин и др., 2019. С. 274].

проявляя большую ученость и разнообразные знания. Я понукал (по привычке) сзади и моею лентой и звездой спасал официальность картины. За пиджак Ростовцева я извинился перед Государем, предполагая, «что Вашему Величеству важнее были знания М[ихаила] И[вановича], чем его мундир» – «Конечно, конечно!» (Хотя комендант крепости смотрел кисло). Этот визит удался вполне...» [Зуев, 1997. С. 67].

Сам Николай II впечатления от этого посещения Херсонеса в своем дневнике изложил более лаконично: «В 10 ½ отправился с Ольгой и дочками к обеду на Братское кладбище. Вернулся к 12 ч. на яхту. Завтракали командиры судов. Жара была превеликая с горячим ветром. В 3 ½ отправился с ними же на Графскую пристань и на автомобиле к Херсонесскому монастырю, где осмотрел интереснейшие раскопки Археологической Комиссии. Граф Бобринской показывал. Посетил собор и к 5.45 был обратно на яхте» [Дневник Николая II, 2007. С. 61]. Одним из результатов этой встречи царя с археологами стало распоряжение о выделении специальных средств на публикацию фундаментального труда М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России», который к концу года и вышел в свет.

Еще одна «встреча» руководителя раскопок Херсонеса с 1908 г. Р. Х. Лепера с Николаем II, вернее, с его портретом, состоялась в августе 1914 г. и закончилась высылкой археолога из Севастополя и увольнением из Археологической комиссии [см.: Мусин и др., 2019. С. 338]. Впрочем, сам император к этой истории никакого отношения не имел.

Подобные визиты императоров на выставки Археологической комиссии и на раскопки Херсонеса, которые широко освещались прессой, способствовали росту авторитета Археологической комиссии, и археологической науки в целом, в обществе, придворных кругах и, что особенно важно, в глазах административно-чиновничьего аппарата. О том, что это было необходимо, свидетельствует, например, зафиксированный мемуаристами некий скепсис среди определенных влиятельных кругов по отношению к археологическим коллекциям Исторического музея в Москве: «Для чего музей, говорили иные, собирать какие-то черепки? На что?» [Шереметев, 2001. С. 332]. Соответственно, формирование подобного имиджа археологии в качестве социально значимой и полезной науки могло облегчать деятельность археологов, в частности, неизбежные контакты с местным начальством, и требовать от такового содействия их деятельности.

Заведывающий раскопками ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии.
В Херсонисе
производившимися
ИМПЕРАТОРСКОЮ
Археологическою Комиссиею
11 мая 1893 г.
г. Севастополь

«Вчера, 10 мая, в 10 ч. 25 м. утра, ИХ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и ИХ ВЫСОЧЕСТВА НАСЛЕДНИК ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ГЕОРГИЙ и МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧИ, КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА и Генерал-Адмирал АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, из храма Св. Владимира в Херсонисе, в экипажах изволили проследовать к новому помещению древностей на берегу Бухты, собранным во время раскопок, производящихся с 1888 г. ИМПЕРАТОРСКОЮ Археологическою Комиссиею.

Выйдя из экипажа, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО тотчас узнал те мраморы, сложенные впереди музея, которые до 1889 года находились в аллее около жилого дома настоятеля монастыря; обратил внимание на красивый орнамент иконостасных плит /из храма № 7, раскопка 1891 г./, выразил сожаление, что часть северного берега обрушилась в море и унесла с собой и часть /левый придел/ находящихся там храмов и спросил, много-ли уже раскопано в Херсонисе, на что я имел счастье отвечать ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, что расследована, приблизительно, одна сотая часть Херсонисского городища и обширных некрополей /принимая в соображение, что почти все разведки, произведенные Одесским Обществом Истории и Древностей, требуют доследования/.

Войдя в музей, ИХ ВЕЛИЧЕСТВА весьма подробно осмотрели все древности, начав с классических, а именно с гражданской присяги Херсонисцев конца IV в.⁸, русский перевод которой перепечатанный из вып. 9 «матер[иалов] по археологии России»⁹ помещен сверху.

Мною были объяснены наиболее интересные древности, причем ИХ ВЕЛИЧЕСТВА неоднократно удостаивали меня вопросами. Осматривая три мраморные подножия от статуй, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил заметить, что самих статуй, конечно, не найдено, на что я имел счастье ответить, что найден пока лишь один большой кусок от мраморной статуи, по-видимому, римского сановника.

При объяснении эпитафических памятников, мною был показан, весьма удачно выполненный на трех листах, эстампаж с греко-латинской надписи, как способ сохранения для научных исследований точных копий с памятников, не увозя последних из Херсониса.

Особенное внимание ИХ ВЕЛИЧЕСТВА обратили на деформированные черепа¹⁰, на интересные и многочисленные находки из некрополя, хранящиеся в большом шкафу, причем ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил заметить, что все это напоминает Помпею, – а на отливные из воску и гипса по древним формам художественно исполненные, головки Афродиты и Афины–Паллады и медальон с Ираклом и Омфалой; при этом ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил припомнить, что видел эти терракоты на выставке в ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии; то же замечание ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил сделать относительно золотых листиков, которыми закрывались глаза и рот покойников и которые обратили на себя внимание ЕГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР не оставил Своим высоким вниманием ни одной интересной находки, удивился большому количеству глиняных лампочек, рассматривал железный якорь, каменные ядра, огромные пифосы и даже о собрании амфорных ручек с именами астимонов¹¹, – милостиво выслушав мое объяснение о значении их для истории Херсониса, – изволил заметить, обращаясь к ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ Генерал-Адмиралу, что это очень интересный вопрос.

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА изволила выразить сожаление, что недостаток времени не позволяет присутствовать при раскопках, а ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО добавил, что на это потребовался-бы целый день.

⁸ Современными исследователями этот памятник датируется в широком диапазоне конца IV – начала III в. до н.э. и вызывает много дискуссий о более узкой дате.

⁹ Имеется в виду издание [Древности Южной России, 1892].

¹⁰ Об этих черепах более подробно К. К. Косцюшко-Валюжинич писал в записке 1902 г. [Косцюшко-Валюжинич, 1902б. С. 118]

¹¹ Так написано в машинописном тексте, правильно – астиномов, но это могло быть опечаткой.

Древности Христианской эпохи были также подробно осмотрены ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМИ, после чего ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, снисходя к моей просьбе оставить в музее память о столь дорогом событии, – изволил расписаться в книге для посетителей.

На вопрос ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, кому принадлежит здание, занимаемое музеем, я имел счастье пояснить, что оно выстроено ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссией, причем счел долгом обратить внимание ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, что всеми археологическими сокровищами, собранными в течение пяти лет, наука всецело обязана ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, вследствие последовавшего ВЫСОЧАЙШЕГО повеления о передаче Херсониских раскопок в ведение ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии, на что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было осчастливить меня словами: «теперь виден порядок».

В 11 часов, пробыв в музее 35 минут, ИХ ВЕЛИЧЕСТВА с АВГУСТЕЙШЕЙ Семейей и Великим Князем Генерал-Адмиралом, при восторженных криках «ура» провожавшего от самого города народа, отбыли в экипажах для осмотра береговых батарей.

Подписал: Заведывающий раскопками в Херсонисе Косцюшко-Валюжинич.

Верно: Делопроизводитель Ил. Суслов (подпись)

(НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. 1900 г. Д. 174. Л. 62–64. Машинопись).

Литература

- Высочайший смотр Черноморскому флоту // Нива. 1893. № 22. С. 526.
- Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора: [1893 г.] / предисл. А. А. Спицына. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1894. 32 с.
- Гриневиц К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927) (Исторический очерк с экскурсионным планом). Севастополь: Издание Херсонесского музея, 1927. 54 с.
- Дневники императора Николая II. Т. II. 1905–1917. М.: Захаров, 2007. 512 с.
- Древности Южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 годах. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1892. 64 с.
- Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 50–83.
- Ивицкая О. Е. Александр III и Севастополь // ВООПИК Севастополь. 2019. <https://sevcultpro.com/articles/> (дата обращения: 29.12.2022).
- Императорская археологическая комиссия // Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894 гг.) Ч. I. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1901. С. 109–130.
- Калиновский В. В. Посещение императором Николаем II «Склада местных древностей» в Херсонесе в 1902 г. в контексте взаимоотношений археологов и православного духовенства // Вопросы музеологии. 2017. № 2 (16). С. 67–77.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Посещение Их Императорскими Величествами музея и раскопок в Херсонесе 18 сентября 1902 г. // Крымский вестник. 1902а. № 301. 26 ноября.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Посещение Их Императорскими Величествами государем Императором Николаем Александровичем и Государыней Императрицей Александрой Федоровной и Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Николаевичем музея и раскопок в Херсонесе 18 сентября 1902 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1902б. Т. 34. С. 114–125.
- Косцюшко-Валюжинич К. Посещение ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЕЛИЧЕСТВАМИ музея и раскопок в Херсонесе 18 сентября 1902 года. Севастополь: Типография Д. О. Харченко, 1904.
- Мусин А. Е., Медведева М. В., Платонова Н. И., Всевиов Л. М., Тихонов И. Л. Глава I. Очерки истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: в 2-х тт. / Ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. С. 62–353.
- Первые раскопки. http://www.chersonesos.org/?l=rus&p=museum_hist#a4 (дата обращения: 01.02.2023).
- Прохорова Т. А. 18 мая 1868 года – День рождения российского императора Николая II. 18.05.2021 г. <https://old.chersonesos-sev.ru/?p=25138> (дата обращения: 01.02.2023).
- Романчук А. И. Возрождение античного города: Научно-популярный очерк истории изучения Херсонеса. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 164 с.
- Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2-х тт. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, Компания Мир, 2008. 807 с.
- Санжаровец В. Ф. Романовы и Керчь // Керченская старина: научно-популярные статьи по истории города и его окрестностей. Вып. 1. Керчь, 2015. С. 58–84.
- Сафонов С. В. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года. Одесса, 1840. 82 с.
- Стоянов Р. В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской

- ской археологии от основания до реформы: в 2-х тт. / Ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. С. 743–782.
- Стрижова Н. Б. Граф А. С. Уваров и великий князь Сергей Александрович (по материалам ОПИ ГИМ) // Программа «Храм»: Сб. матер. СПб., 1996. Вып. 9. Ч. 1.
- Стрижова Н. Б. Архив А. С. и П. С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. А. А. Формозов, И. С. Каменецкий. М., 1988. С. 85–103.
- Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / Отв. ред. А. Д. Столяр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 95–117.
- Тихонов И. Л. «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским Археологическим обществом) // IN SITU: К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 358–371.
- Тихонов И. Л. «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров»: российские монархи и археология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008а. Вып. 4. Ч. 1. С. 151–161.
- Тихонов И. Л. Императорская Археологическая комиссия (1859–1918 гг.) К 150-летию создания // Из истории отечественной археологии: сб. науч. тр. Вып. 1 / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2008б. С. 13–65.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 296 с.
- Храпунов Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: сб. науч. тр. / Ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь: СПД Арефьев, 2013. С. 351–366.
- Шаманаев А. В. Проект «христианского музея» в Херсонесе второй половины 1870-х годов // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2(10). С. 29–39.
- Шаманаев А. В. Отстранение монастыря Св. Владимира от участия в раскопках Херсонесского городища (документы ГАГС 1887 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Вып. 10. С. 316–336.
- Шереметев С. Д. Мемуары // Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма / Отв. ред. С. Г. Черных. СПб.: Изд-во Пушк. Фонда, 2001. С. 310–341.

Рис. 1. Николай II с Александрой Федоровной и свитой у Херсонесского музея. 1902 г.

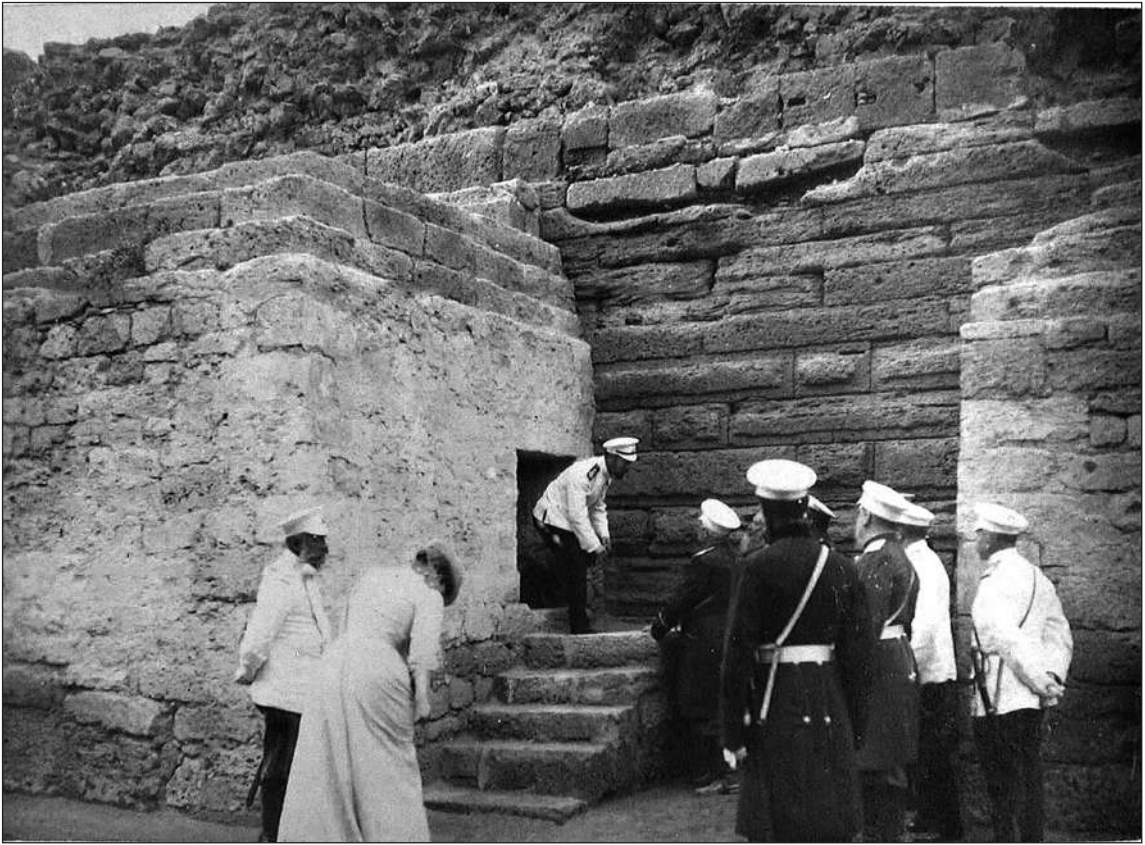

Рис. 2. Во время осмотра раскопок. 1902 г.

Рис. 3. Николай II с дочерьми посещает Херсонес. 1913 г.

Рис. 4. Заведующий раскопками Р. Х. Лепер показывает результаты раскопок Николаю II и великой княжне Анастасии. 1913 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.</i> Михаилу Казанскому – 70 лет _____	3
БОСПОР И ВАРВАРЫ	
<i>Подосинов А. В.</i> Место боспорских царей в антитезе «эллины – варвары» по данным античной литературной традиции _____	10
<i>Ярцев С. В., Шушунова Е. В., Внуков А. А.</i> Узунларская оборонительная линия как этноконтактная зона Восточного Крыма в III в. до н.э. – III в. н.э. _____	15
<i>Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.</i> Стеклянные бальзамарии первых веков н.э. из меотских погребений Прикубанья _____	20
<i>Алексеенко Н. А., Пьянков А. В.</i> «Кубанское» подражание римскому денарию типа «идуший Марс» с дальней хоры Херсонеса _____	28
<i>Бабиец А. И., Пьянков А. В., Иванова О. Н.</i> К вопросу о находках римских медных монет в Прикубанье _____	33
<i>Айбабин А. И.</i> Иудейская община в рыбацком квартале Пантикапея – Боспора в I–VI вв. _____	41
<i>Смокотина А. В.</i> Позднеримские амфоры из гавани Пантикапея _____	49
<i>Голофаст Л. А., Клемешова М. Е.</i> Новые находки сероглиняных изделий группы «Позднеримская понтийская лощеная» из Фанагории и Херсонеса и некоторые сведения о её происхождении _____	52
<i>Зинько В. Н., Зинько А. В.</i> Город-порт Тиритака в ранневизантийское время _____	64
<i>Земцов Г. Л.</i> Южные компоненты I тыс. н.э. на верхнедонском поселении Мухино-2 _____	68
ВАРВАРЫ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В РИМСКОЕ ВРЕМЯ	
<i>Антипенко А. В., Корнеев Д. С.</i> Римский светильник из Центрального музея Тавриды: междисциплинарное исследование _____	72
<i>Нессель В. А.</i> Керамический импорт в могильниках варварского населения Юго-Западного Крыма на рубеже эр _____	81
<i>Суханов Е. В.</i> Технология изготовления лепной керамики из могильников римского времени в Юго-Западном Крыму _____	90
<i>Масякин В. В., Турова Н. П.</i> Фибулы из Харакса (из раскопок Великого князя Александра Михайловича) _____	94
<i>Волошинов А. А., Масякин В. В.</i> Воинское погребение со шпорами круга восточноевропейских эмалей из могильника Скалистое III _____	103
<i>Мастыкова А. В.</i> Римские золотые серьги <i>crotalia</i> из могильника Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) _____	129

<i>Сапрыкина И. А.</i>	Серебряные изделия могильника Фронтное 3: вариации состава по данным РФА _____	142
<i>Добровольская М. В., Свиркина Н. Г.</i>	О питании и мобильности населения, оставившего могильник Фронтное 3 (первые результаты) _____	150
<i>Свиридов А. Н., Язиков С. В., Полянская Е. Ю., Антипина Е. Е.</i>	Остеологические материалы в реконструкции погребального обряда могильника Фронтное 3 (предварительные результаты) _____	155
<i>Храпунов И. Н., Стоянова А. А.</i>	Маркеры гендерной идентичности в женских погребениях Опушкинского могильника _____	164
<i>Чарусов Т. А.</i>	Следы огня на варварских могильниках римского времени в предгорном Крыму _____	175

ПАМЯТНИКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Строков А. А., Камелина Г. А.</i>	Радиоуглеродное датирование раннесредневековых памятников Северного Причерноморья: результаты и обсуждение _____	183
<i>Родинкова В. Е.</i>	Раннеславянские клады Верхнего Псла _____	193
<i>Хайрединова Э. А.</i>	Серьги-калачики из Крыма _____	210
<i>Герцен А. Г.</i>	Ещё раз к проблеме типологии «пещерных городов» средневековой Таврики _____	219
<i>Науменко В. Е.</i>	Застройка ранневизантийского времени в центральной части Мангупа-Дороса. Новые материалы исследований _____	223
<i>Майко В. В.</i>	К вопросу о дате основания средневековой Сугдеи. Современная источниковая база _____	234

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Седикова Л. В.</i>	Херсонес – Херсон XIII в. во взаимодействии цивилизаций _____	241
<i>Плохов А. В.</i>	Один из типов раннекруговой посуды Рюрикова городища: продукция гончара Владимира Святославовича? _____	245
<i>Зиливинская Э. Д.</i>	Самосдельское городище: 20 лет исследований _____	252
<i>Сидоренко В. А.</i>	Мамай и «Симферопольский» клад _____	262
<i>Крамаровский М. Г., Сейдалиев Э. И.</i>	К вопросу об исламской благотворительности в архитектурном наследии золотоордынского Солхата по материалам новейших археологических исследований _____	270
<i>Куц Т. В.</i>	Турки как варвары в поздневизантийском интеллектуальном дискурсе _____	273
<i>Храпунов И. И., Храпунова С. Н.</i>	Другая империя и разнообразные варвары: об истоках некоторых современных крымских мифов _____	277
<i>Катюшин А. Е.</i>	Переселение народов в новое время: к истории вывода христиан из Крыма в последней четверти XVIII в. _____	285
<i>Тихонов И. Л.</i>	Российские императоры и Херсонес _____	289

CONTENTS

<i>Aibabin A. I., Khairedinova E. A.</i> Michel Kazanski Celebrates His 70 th Birthday _____	3
THE BOSPOROS AND THE BARBARIANS	
<i>Podosinov A. V.</i> The Place of the Bosporan Kings in the Antithesis “Hellenes – Barbarians” according to the Classic Literary Tradition _____	10
<i>Iartsev S. V., Shushunova E. V., Vnukov A. A.</i> The Uzunlar Defensive Line as a Zone of Interethnic Contacts in the Eastern Crimea from the Third Century BC to the Third Century AD _____	15
<i>Limberis N. Iu., Marchenko I. I.</i> The First-centuries AD Glass Balsamaria from the Maeotian Graves in the Kuban Area _____	20
<i>Alekseienko N. A., P’iankov A. V.</i> The “Kuban” Imitation of the Roman <i>Denarius</i> of the Type “Mars Walking” from the Remote <i>Chora</i> of Chersonese _____	28
<i>Babiets A. I., P’iankov A. V., Ivanova O. N.</i> On the Question of the Finds of Roman Copper Coins in the Kuban Area _____	33
<i>Aibabin A. I.</i> Judaic Community in the Fishermen’s Quarter of Pantikapaion-Bosporos from the First to Sixth Centuries _____	41
<i>Smokotina A. V.</i> The Late Roman Amphorae from the Harbour of Pantikapaion _____	49
<i>Golofast L. A., Klemeshova M. E.</i> The New Finds of Grey Clay Ware of the Late Roman Pontic Polished Group from Phanagoreia and Chersonese with Some Accounts of Its Origin _____	52
<i>Zin’ko V. N., Zin’ko A. V.</i> The Port Town of Tyritake in the Early Byzantine Period _____	64
<i>Zemtsov G. L.</i> The First-millennium AD Southern Components at the Settlement of Mukhino-2 in the Upper Don Area _____	68
THE BARBARIANS IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA IN THE ROMAN PERIOD	
<i>Antipenko A. V., Korneev D. S.</i> A Roman Oil-lamp from the Central Museum of Taurida: An Interdisciplinary Research _____	72
<i>Nessel’ V. A.</i> Imported Ceramic Ware in the Cemeteries of Barbarian Populations of the South-Western Crimea at the Turn of the Era _____	81
<i>Sukhanov E. V.</i> The Technique of Hand-made Ware-making in the Roman-period Cemeteries in the South-Western Crimea _____	90
<i>Masiakin V. V., Turova N. P.</i> The Brooches from Charax (Excavated by Grand Prince Aleksandr Mikhailovich) _____	94
<i>Voloshinov A. A., Masiakin V. V.</i> A Warrior’s Grave Containing Spurs from the Circle of Eastern European Enamels in the Cemetery of Skalistoe III _____	103
<i>Mastykova A. V.</i> The Roman Gold <i>Crotalia</i> Earrings from the Cemetery of Frontovoe 3 (South-Western Crimea) _____	129

<i>Saprykina I. A.</i>	Silver Ware in the Cemetery of Frontovoe 3: Composition Variations according to XRF _____	142
<i>Dobrovol'skaia M. V., Svirkina N. G.</i>	On the Food and Mobility of the Population that Created the Cemetery of Frontovoe 3 (Primary Results) _____	150
<i>Sviridov A. N., Yazikov S. V., Polianskaia E. Iu., Antipina E. E.</i>	The Osteological Materials in the Reconstruction of the Funeral Rite of the Cemetery of Frontovoe 3 (Preliminary Results) _____	155
<i>Khrapunov I. N., Stoianova A. A.</i>	The Gender Identity Markers in the Female Graves of the Cemetery of Opushki _____	164
<i>Charusov T. A.</i>	The Traces of Fire on the Roman-period Barbarian Cemeteries in the Sub-mountainous Crimea _____	175

THE MONUMENTS AND SITES FROM THE MEDIAEVAL PERIOD

<i>Strokov A. A., Kamelina G. A.</i>	Radiocarbon Dating of Early Mediaeval Monuments and Sites in the Northern Black Sea Area: The Results and Discussion _____	183
<i>Rodinkova V. E.</i>	The Early Slavic Hoards in the Upper Psel Area _____	193
<i>Khairedinova E. A.</i>	The Crescent-shaped Earrings from the Crimea _____	210
<i>Gertsen A. G.</i>	The Question of the Typology of the "Cave Towns" of the Mediaeval Taurica Reconsidered _____	219
<i>Naumenko V. E.</i>	The Mediaeval-period Development in the Central Area of Mangup-Doros: New Research Materials _____	223
<i>Maiko V. V.</i>	On the Question of the Foundation Date of the Mediaeval Sougdaia: Current Source Base _____	234

THE INTERACTIONS OF CIVILIZATIONS IN THE MIDDLE AGES AND THE MODERN PERIOD

<i>Sedikova L. V.</i>	The Thirteenth-century Chersonese-Cherson in the Interaction of Civilizations _____	241
<i>Plokhov A. V.</i>	A Type of Early Wheel-made Ware from Riurikovo Ancient Town: The Products of a Potter at Vladimir Sviatoslavich? _____	245
<i>Zilivinskaia E. D.</i>	Samosdelka Ancient Town: 20 Years of Research _____	252
<i>Sidorenko V. A.</i>	Mamai and the "Simferopol" Hoard _____	262
<i>Kramarovskii M. G., Seidaliev E. I.</i>	On the Question of Muslim Charity in the Architectural Heritage of Solkhat from the Golden Horde Period according to the Most Recent Archaeological Researches _____	270
<i>Kushch T. V.</i>	The Ottomans as the Barbarians in the Late Byzantine Intellectual Discourse _____	273
<i>Khrapunov N. I., Khrapunova S. N.</i>	Another Empire and Various Barbarians: On the Sources of Some Modern Crimean Myths _____	277
<i>Katiushin A. E.</i>	The Great Migration in the Modern Period: On the History of the Resettlement of Christians from the Crimea in the Last Quarter of the Eighteenth Century _____	285
<i>Tikhonov I. L.</i>	Russian Emperors and Chersonese _____	289

Научное издание

IMPERIUM ET BARBARICUM:

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сборник статей

в честь 70-летия Михаила Казанского

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. Н. Гладкая*

Подписано в печать 28.04.2023
Формат 60x84^{1/8}. Усл. печ. л. 22.32
Тираж 200 экз.

ISBN 978-5-6049647-3-6

9 785604 964736

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел. : +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт. Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908